

51
112

НА СУШЕ
И НА МОРЕ

**НА СУШЕ
И НА МОРЕ
•1984•**

НА СУШЕ И

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ПОИСК**

ФАНТАСТИКА

**ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ**

НА МОРЕ • 1984

**ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТАТЬИ**

**МОСКВА
МЫСЛЬ
1984**

ПУТЕШЕСТВИЯ ПОИСК

Редакционная коллегия:

С. А. АБРАМОВ

М. Э. АДЖИЕВ

В. И. БАРДИН

М. Б. ГОРНУНГ

В. И. ГУЛЯЕВ

А. П. КАЗАНЦЕВ

Б. С. ЕВГЕНЬЕВ

С. И. ЛАРИН (составитель)

В. Л. ЛЕБЕДЕВ

В. И. ПАЛЬМАН

Н. Н. ПРОНИН (ответственный секретарь)

С. М. УСПЕНСКИЙ

Оформление художника

Е. РОДИОНОВОЙ

Издательство «Мысль». 1984

1905020000-103

Н—————173-84

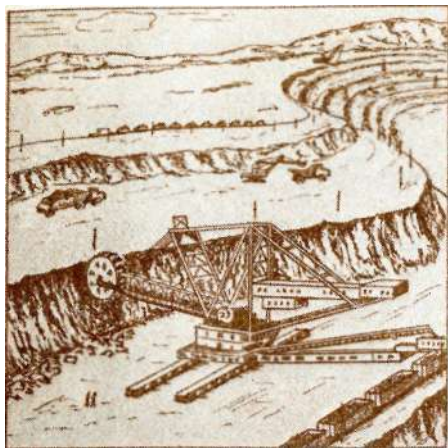
004(00-84

ПУТЕШЕСТВИЯ ПОИСК

Владимир Марков	БОГАТСТВО ДЛЯ ВСЕХ
Олег Дайне	ЛЕНКОРАНЬ —
	ЖЕМЧУЖИНА АЗЕРБАЙДЖАНА
Арнольд Пушкарь	ПЛАТФОРМА
Юрий Чернов	ТРОПА В ГАРАГАСИ
Альгимаятас Чекуолис	СКОРО ВЕСНА...
Юрий Аракчеев	В ЗАРОСЛЯХ ТРАВ
	У КРАСНОЙ РЕКИ
Анатолий Мельников	МОСТЫ ДЛЯ ЖИВУЩИХ
Борис Наконечный	ТАЛАЯ ВОДА
Юрий Скворцов	ПОД САМЫМ ЖАРКИМ СОЛНЦЕМ
Олег Дзюба	НА МАЯКАХ КАМЧАТКИ
	ЧАН-ЧАН—ДРЕВНИЙ ГОРОД
Майкл Моузли,	ПЕРУАНСКИХ КОРОЛЕЙ
Кэрол Маккей	НАША МАЛЕНЬКАЯ
Ия Месхи	НЕОБЪЯТНАЯ ГРУЗИЯ
	ИХ ЗОВУТ ЛАСКОВО— С АЛИ
Михаил Заплатив	ОГОНЬ НА СТЕРНЕ
Валерия Шубина	СТРАНА ЗОДЧИХ
Людмила Данилова	СРЕДИ ГЛЕТЧЕРОВ АЛЯСКИ
Беригард Гржимек	СВОЕ МЕСТО В ЛЕСУ
Маргарита Ковалева	СОТЫЙ АРХАР
Валентин Рыбин	ЗАГАДКА ОСТРОВА ОУК
Александр Еременко	БЕРКУТ МЕРГЕНА-БОБО
Николай Красильников	ПЯТЬ ДРАХМ
Владимир Лебедев	ХОЗЯЕВА ПЕСКОВ
Олег Басов	КУСТО: РЕКИ ПРОСЯТ ЗАЩИТЫ
Юрий Савицкий	ДРАКОВАНОВА КУЛИГА
Евгений Кондратьев	ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК РОССИИ
Вадим Назаров	ПЕСТРЫЙ ЗВЕРЕК ХОРЬ-
Александр Чегодаев	ПЕРЕВЯЗКА
Владимир Сурмило	ПЕРВЫЙ МОРСКОЙ ПОРТ РОССИИ

ПО МЕСТАМ
ВЕЛИКИХ
СВЕРШЕНИЙ

ВЛАДИМИР МАРКОВ,
председатель секции
охраны недр Всероссийского
общества охраны природы

БОГАТСТВО ДЛЯ ВСЕХ

Очерк

Современное горнопромышленное производство, несомненно, одно из самых грандиозных и впечатляющих созданий человечества. Именно в отраслях, связанных с добычей и переработкой полезных ископаемых, в первую очередь произошло превращение производственной деятельности человека в новую геологическую силу. По широте распространения своего влияния на различные отрасли народного хозяйства, глубине воздействия на развитие научно-технического прогресса и социально-экономические процессы, происходящие в мире, горнопромышленное производство не имеет равных. Сегодня оно дает человечеству более 70 процентов потребляемых природных ресурсов. Из полезных ископаемых производится свыше 90 процентов энергоносителей и продукции тяжелой индустрии, более половины непищевых товаров народного потребления, подавляющая часть конструкционных и строительных материалов.

Научно-технической революции, которая началась во второй половине XX столетия, потребовалось надежное материальное обеспечение, что и вызвало столь быстрый рост добычи полезных ископаемых во всем мире. Судите сами: в период с 1950 по 1980 год из недр Земли было добыто в 2—4 раза больше минерального сырья, чем суммарно за всю предыдущую историю человеческой цивилизации. При этом не только увеличились масштабы добычи, но и резко расширился ассортимент извлекаемых из минерального сырья полезных элементов. Если на рубеже XIX и XX веков в мировом хозяйстве практически использовалось не более 25 элементов, то в середине нынешнего столетия их число увеличилось до 40, в настоящее время используется около 80 элементов таблицы Менделеева. Такого стремительного развития мировое хозяйство еще никогда не переживало.

В результате такого стремительного роста горнопромышленного

производства перед человечеством во весь рост встали две проблемы — сырьевого (энергетического) обеспечения и экологическая. В самом деле, многократное увеличение добычи полезных ископаемых привело к истощению не только крупных месторождений, но и целых горнопромышленных районов. В современном мире вопросы обеспечения потребностей производства минеральным сырьем и топливом, вопросы охраны окружающей природной среды волнуют не только специалистов, они оказываются в центре важных политических событий, диктуют развитие международного разделения труда, торговли, в конечном счете затрагивая интересы каждого.

Горнопромышленное производство, к сожалению, оказывает и вредное воздействие на окружающую природную среду, стимулирует серьезные кризисные явления в экологии. При добыче и переработке полезных ископаемых истощаются и основные источники пресной воды — запасы подземных вод. В целом ряде горнопромышленных районов планеты это привело к острой нехватке водных ресурсов. Горная промышленность наносит также значительный ущерб земельным, в том числе пахотным, угодьям, лесным и другим природным компонентам.

Ресурсы недр, полезные ископаемые — это богатство для всех. В нашей стране эффективное и рациональное использование их — важное звено государственной политики, дело всех трудящихся. Самая существенная особенность развития горнопромышленного производства в Советском Союзе за 1950—1980 годы — это исключительно высокие темпы его роста. Даже на фоне быстрого развития мирового горнопромышленного хозяйства рост добычи и переработки полезных ископаемых в нашей стране не имеет аналогов ни по объему, ни по ассортименту производимой промышленной продукции. Уровни довоенных пятилеток, а тем более уровень отсталой царской России не могут служить точкой отсчета в сравнении с развитием добычи полезных ископаемых после 1950 года.

Здесь уместны оценки только в мировом масштабе. Действительно, если в 1950 году суммарное производство продукции горной промышленности в СССР в мировом объеме оценивалось в 8 процентов, а крупнейшей промышленной страны — США — в 50 процентов, то уже к 1980 году доля Советского Союза в мировом балансе составила 28 процентов, тогда как доля США за этот период сократилась до 23—24 процентов.

Ведущая роль нашей страны в производстве минерального сырья обеспечена высоким научно-техническим потенциалом, хорошей организацией отраслевого хозяйства, наличием высокоэффективной отечественной техники и технологии.

Об огромных научно-технических возможностях народного хозяйства можно судить по следующим показателям. За период с 1950 по 1980 год население нашей страны увеличилось на 48 процентов, а объем добычи природного (естественного) газа возрос в 74 раза, добыча калийных солей — в 22, выработка электрической энергии — в 14, добыча фосфатного сырья — в 10,5, железной руды — в 6,1, добыча угля — в 2,5 раза. Производство минеральных строительных материалов за тот же период выросло не менее чем в 30 раз.

Другая важная особенность развития горнопромышленного производства СССР — наличие универсальной минерально-сырьевой базы. Некоторые ученые заявляют примерно следующее: при огром-

Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс (КАТЭК). Вскрышные работы на Березовском угольном разрезе (Красноярский край)

ной территории страны подготовка универсальной промышленной минерально-сырьевой базы, мол, не такое уж трудное дело; сама природа в таких условиях позволяет открывать любые запасы полезных ископаемых. Но это мнение ошибочно. Наличие в нашей стране универсальной минерально-сырьевой базы—результат высокого развития геологической службы, огромных творческих усилий советских геологов. Для сравнения можно привести такой пример: суммарная площадь всей суши западного полушария (включающего Северную и Южную Америку) более чем в 1,5 раза больше территории Советского Союза. Однако в западном полушарии разведанные промышленные запасы полезных ископаемых составляют меньше половины наименований тех минеральных ресурсов, которые эксплуатируются в Советском Союзе. Поэтому наша страна единственная из промышленно развитых стран мира способна полностью удовлетворять свои потребности в минеральном сырье за счет собственных запасов. Между тем такие крупные капиталистические страны, как США, вынуждены импортировать полезные ископаемые 40 наименований, в том числе нефть, марганец, хром, никель, бокситы, асбест, олово и т. д. К сказанному необходимо добавить еще и то, что у минерально-сырьевой базы нашей страны есть значительные резервы роста: ежегодное наращивание запасов полез-

ных ископаемых почти в 1,5 раза опережает их промышленную обработку.

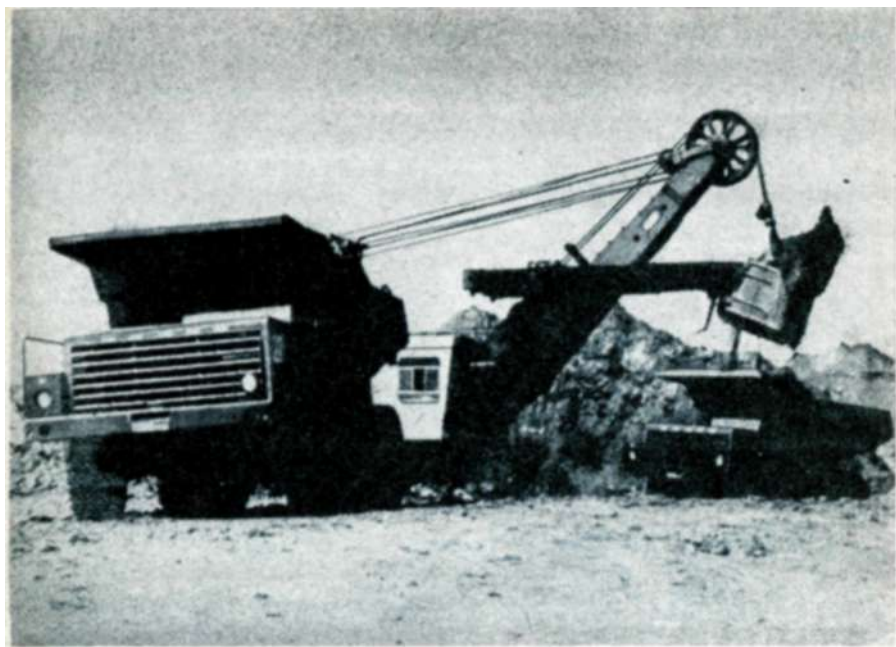
Основные усилия горнопромышленного производства сосредоточены в последние годы на концентрации мощностей добычи. Крупнейшие отечественные месторождения ныне обеспечивают получение от 50 до 70 и более процентов производства основных видов полезных ископаемых. Целесообразность таких усилий очевидна: концентрация мощностей позволяет экономить от 20 до 40 процентов капитальных вложений в производство, повышать качество выпускаемой горной продукции, а главное — значительно сокращать сроки освоения проектных мощностей горнодобывающих предприятий. Например, только в 1961—1975 годах за счет концентрации мощностей добычи топлива народное хозяйство сэкономило 30 миллиардов рублей на одних только эксплуатационных затратах. В целом на крупнейших месторождениях Западной Сибири за период 1961—1980 годов за счет разумной концентрации средств было получено чистой продукции на 116 миллиардов рублей.

Концентрация угледобычи на сверхмощных разрезах позволяет в несколько раз снизить себестоимость добываемого угля и в 4 раза сократить эксплуатационные потери угля в недрах. В Кузнецком бассейне годовая производительность разрезов составит 30 миллионов тонн, в Экибастузском—50 миллионов, а в крупнейшем по запасам Канско-Ачинском бассейне начато строительство Березовского и Назаровского разрезов производительностью 60 миллионов тонн угля в год.

Горнопромышленное производство Советского Союза за последние годы фактически получило совершенно новую отрасль — по подготовке добываемого сырья к переработке и его обогащению. В ведущих отраслях — черной, цветной металлургии, в угольной промышленности — за короткий срок созданы крупные мощности по предварительной переработке рудного сырья и угля путем обогащения, окомкования, агломерации, производству окатышей. Создание и развитие этого нового звена производства позволило повысить эффективность переработки минерального сырья.

Значительные усилия прилагаются по совершенствованию переработки добытых полезных ископаемых. Из углеводородного сырья — нефти, газа, конденсата — в настоящее время налажено производство не только энергоносителей (топлива), но и широкого ассортимента химической продукции — полиэтилена, метанола, дисперсного углерода. Только на предприятиях цветной металлургии за последние годы освоено промышленное производство более 800 разновидностей продукции.

Стремительный рост добычи полезных ископаемых в нашей стране потребовал в сравнительно короткий срок оснастить горнопромышленные предприятия большим количеством сложных и дорогих машин, машинных технологических комплексов. Экономисты называют это основными производственными фондами. В самых различных районах страны (в том числе и весьма удаленных) потребовалось создать значительное количество рудников, промыслов, шахт, разрезов, зданий и сооружений. По оценке академика Н. В. Мельникова, в горнорудном производстве сосредоточивается в настоящее время до 40 процентов капитальных вложений, а в его отраслях занято почти 20 процентов трудоспособного населения.

Селективная выемка почвенного слоя в карьере при Добыче известняка в Тульской области

Другими словами, каждый пятый трудящийся непосредственно связан с отраслями горнопромышленного производства.

Каковы же проблемы и перспективы дальнейшего развития этого важного сектора народного хозяйства?

Проблемы, разумеется, есть, и проблемы серьезные. Их главная общая особенность—необходимость принятия быстрых и энергичных мер по предотвращению или ликвидации негативных явлений: горнопромышленное производство при его современных гигантских масштабах весьма инерционно. Хотя негативные процессы здесь развиваются сравнительно медленно, не оказывая прямого воздействия на производство, однако их последующее влияние обычно бывает весьма длительным, а масштабы этого влияния распространяются на многие отрасли народного хозяйства. Для предотвращения и ликвидации отрицательных тенденций в развитии отраслей горной промышленности требуются не только крупные капитальные вложения, но и сложные технические средства, освоение которых требует часто не годы, а десятки лет.

Раньше всех—уже в восьмой пятилетке—обозначилась такая серьезная проблема, как ухудшение качества разведанных запасов полезных ископаемых, быстрое истощение богатых и высококачественных рудных залежей.

Стремление геологической службы устранить негативное влияние истощения подобных рудных запасов привело к перемещению

разведочных работ в новые, в том числе и труднодоступные, районы, которые удалены от основных потребителей минерального сырья. Серьезное изменение географического размещения сырьевой базы обострило проблемы транспортировки добываемых полезных ископаемых и энергоносителей из северных и восточных регионов Советского Союза на тысячи километров к основным потребителям в европейской части страны. Ежегодно из Сибири на Урал и далее—в центральные районы приходится транспортировать свыше 700 миллионов тонн условного топлива. Самые протяженные в мире трансконтинентальные трубопроводы, которые соединяют месторождения нефти и газа в Сибири с потребителями в европейской части страны, в странах—членах СЭВ и даже в капиталистических странах,—это по существу рукотворные реки газообразного и жидкого топлива, ценнейшего технологического сырья.

В последние годы все более острой становится еще одна проблема. Она связана с усложнением горно-геологических условий обработки месторождений, так как это требует бурения более глубоких и поэтому более дорогих скважин, строительства открытых карьеров глубиной до 300—400 метров, шахт глубиной до 1200—1300 метров.

Чем больше масштабы развития горной промышленности, тем больше требуется средств на мероприятия по охране окружающей природной среды. В проектах современных предприятий на природоохранные сооружения предусматривается от 20 до 50 процентов общих капитальных затрат. На действующих предприятиях горной промышленности в последние годы значительно увеличились затраты на строительство очистных сооружений, на содержание отвального и хвостового хозяйства. Ежегодно на эти цели только некоторые министерства горной промышленности затрачивают более 300 миллионов рублей.

Решение перечисленных проблем развития горнопромышленного производства требует дополнительных расходов, что удорожает горную продукцию. В конечном счете государственные средства, которые идут на развитие отраслей горнопромышленного производства, дают все меньше и меньше прибыли. Экономисты с тревогой отмечают снижение рентабельности добычи таких важных полезных ископаемых, как нефть, газ, уголь.

Чтобы преодолеть такого рода негативные тенденции в развитии горной промышленности, следует знать их причины. Необходимо качественное изменение этого производства. Не будет преувеличением сказать, что в период 1950—1980 годов рост горнопромышленного производства осуществлялся преимущественно в экстенсивном направлении, за счет наращивания новых и новых мощностей добычи в новых районах. А это привело к чрезмерному росту фондовооруженности геологоразведочных и горнодобывающих производств, сделалось причиной устойчивого снижения фондоотдачи в горной промышленности. Чтобы противостоять этим негативным явлениям, необходимо пересмотреть стратегию перспективного развития всего производства с учетом возможностей его постепенного перевода на интенсивный путь развития. Интенсификация—это более эффективная эксплуатация машин и оборудования, технологических комплексов, осуществление режима экономии и рационального использования ресурсов недр.

Итак, интенсификация — магистральное направление. Но каковы пути ее практической реализации? Ведь пользование недрами включает три взаимосвязанные стадии их хозяйственного освоения: геологическое изучение недр, разработку месторождений и переработку добытых полезных ископаемых. Главная особенность интенсификации — перевод на интенсивный путь развития всех стадий, всех этажей хозяйственного использования ресурсов недр. Необходима также пропаганда и популяризация процессов интенсификации производства, ибо ее осуществление в нашей стране связано с широким общественным движением за экономию и рациональное использование энергии, топлива, минерального сырья.

Интенсификация на стадии геологического изучения недр базируется на фундаментальных теоретических разработках, определяющих закономерности формирования и размещения месторождений полезных ископаемых. Очевидна особая важность таких фундаментальных разработок в нашей стране. На ее огромной территории расположены самые различные структурно-тектонические элементы — это крупнейшие щиты и платформы, глубинные разломы планетарного значения, сложные складчатые системы. Такой широкий спектр условий формирования экзогенных и эндогенных месторождений требует постоянного совершенствования теории и практики геологической разведки. Перспективы выявления принципиально новых путей развития геологического изучения недр (особенно в хорошо изученных регионах страны) связываются с анализом накопленного фактического материала на основе теоретических обобщений плитной тектоники.

Применение сверхглубокого бурения, изучение шельфа и океанического дна, широкое использование аэрогеологических и аэрокосмических, геофизических и геохимических методов, применение при геологоразведочных работах самой совершенной аппаратуры, электронно-вычислительных машин — вот основа эффективной реализации теоретических разработок для дальнейшего наращивания запасов полезных ископаемых.

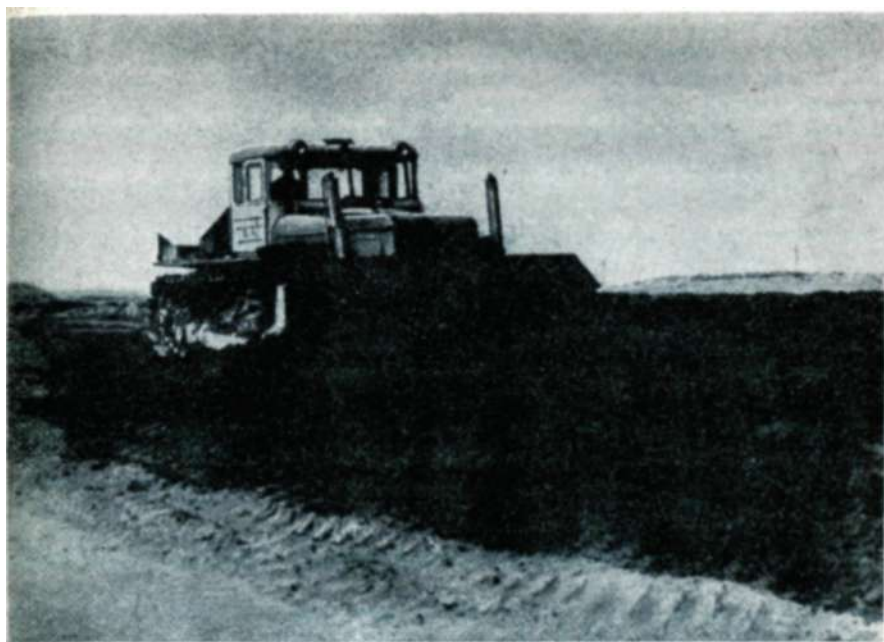
Интенсификация требует от геологической службы создания достаточных резервов высококачественных запасов минерального сырья, обеспечивающих потребности действующих горнодобывающих предприятий. Другая сложная задача — это планомерное освоение нашей промышленностью запасов более низкого качества (забалансовые запасы). Решение ее требует реализации перспективных достижений научно-технического прогресса, которые позволили бы эффективно осваивать подобные залежи. Наконец, третья задача — выявление новых (нетрадиционных) разновидностей полезных ископаемых в качестве резерва и источника минерального сырья. Например, разновидностью такого нового вида сырья для производства глинозема, содопродуктов, цемента может стать нефелин. На Пикалевском заводе этот минерал уже перерабатывается. Огромные запасы нефелина сосредоточены в Хибинских месторождениях апатито-нефелиновых руд. В перспективе — освоение запасов давсонита в Кемеровской области, сыннырита — в зоне Байкало-Амурской магистрали. Большие возможности освоения новых видов сырья открываются с применением так называемых природных сплавов, способных заменять цветные металлы и дефицитные флюсы при выплавке высококачественных сталей. Эффективная технология

применения природных сплавов испытана на Ермаковском заводе и дала прибыль в 3 миллиона рублей.

Поскольку открытие новых запасов руды и особенно запасов нефти, газа вблизи поверхности земли случается все реже, возрастает роль буровых скважин. Возникнув почти две тысячи лет назад, бурение как разновидность горных работ смогло продвинуться к километровому рубежу только в начале XX века. Такие черепашии темпы прогресса в развитии этой техники не должны удивлять. Путь в глубину земных недр труден и тернист. Не только сопротивление земной тверди, но и общий уровень развития экономики определяет темпы развития буровой техники. Лишь в 30-х годах нашего столетия удалось преодолеть глубину в 3000 метров. В настоящее время этот уровень земных глубин считается в общем легкодоступным для современного бурения. Труднее бурить на глубину в 4000 и 5000 метров. Сегодня, однако, и такое бурение принципиальных трудностей не вызывает. В нашей стране подобных сверхглубоких скважин, перешагнувших пятикилометровый рубеж, уже несколько сот. Но глубже этого уровня как у нас, так и в других странах такие сверхглубокие скважины исчисляются буквально единицами. И самая глубокая пробурена в нашей стране на Кольском полуострове. Сегодня ее глубина уже превысила 12 тысяч метров. Это мировой рекорд и высочайшее техническое достижение в штурме глубин нашей планеты, называемых антикосмосом. Чтобы их достигнуть, необходимы не только уникальные мощные буровые установки, оборудование и инженерное обеспечение, но также усилия практически всех отраслей тяжелой индустрии, их высокий научно-технический потенциал. Трудности технического порядка остроумные буровики характеризуют таким шутивным сравнением: пробурить сверхглубокую скважину—это все равно что с крыши десятиэтажного дома пытаться достать кусочек асфальта с тротуара при помощи вареной макаронины. Если учесть, что колонна бурильных труб длиной 3000 метров под собственной тяжестью вытягивается почти на 75 метров, то становится понятной правомочность такого шутивного сравнения.

Вслед за глубокими скважинами идут сверхглубокие шахты, которые в Донбассе уже давно шагнули за отметку 1200 метров. Сегодня мы твердо знаем, что с глубиной недр не скудеют. А ведь сравнительно недавно, в 50-х годах, высказывались соображения, что, к примеру, запасы нефти не могут существовать глубже 3000—4000 метров. Не очень еще привычно геологу вести разведку глубоких горизонтов. Хотя нижние этажи Урала, Кривого Рога, Донбасса и Кузбасса, Рудного Алтая и Таймыра пока труднодоступны для разведочных работ, но тайны, которые здесь предстоит разгадать геологам в ближайшие годы, увлекательны и интересны, они сулят новые крупные открытия. Хорошее знание закономерностей рудообразования в верхних этажах, где пока сосредоточивается добыча, в данном случае надежная основа для дальнейшего вторжения в царство Плутона.

Труд геолога, географа, экономиста выявляет в недрах земли запасы полезных ископаемых, горняки превращают эти запасы в минеральное сырье. Природа редко создает полезные ископаемые, состоящие только из одного минерала. Обычно это сложный комплекс химических элементов и минералов. Бывает так: найдут

Рекультивация отработанных карьеров в Тульской области. Укладка плодородного слоя земли

геологи новое месторождение, сделают анализы и обнаружат — всегда приходится удивляться — целое семейство ценнейших химических элементов таблицы Менделеева. Казалось бы, надо радоваться — такое богатство! А для горняка и обогатителя такая руда — это целый комплекс сложных проблем: как обеспечить максимальную выемку этой руды из недр, как организовать извлечение основных и попутных компонентов, где хранить отходы такой руды в случае, если из них не удастся извлечь все ценные элементы. Случается и по-иному — пласт угля или руды сверху перекрыт пластами каолина, песка, гравия, глины. Вскрывая основной пласт — угля или руды, все вышележащие породы пускают в отвал, а зачастую это ценное минеральное сырье. Здесь возникает проблема комбинирования добычи, последовательной выемки каждого полезного ископаемого, а потребность в организации селективной добычи в таких случаях бывает велика. Там, где ведутся горные работы, всегда требуются минеральные строительные материалы, сырье для смежных отраслей хозяйства.

Интенсификация разработки месторождений прежде всего требует инженерного обеспечения и организации единого технологического цикла добычи на основе комплексной механизации горных работ, автоматизированных систем управления процессами добычи. Словом, то миллионы кубических метров горной массы, которую перемещает могучая техника, распадаются по воле человека на

разные потоки, складываются в аккуратные отвалы, сепарируются на обогатительной фабрике и отправляются по назначению. В Карагандинском угольном бассейне высокий уровень механизации горных работ позволяет не только успешно добывать уголь, но и рационально использовать (почти на 90 процентов) породы вскрыши на производство строительных материалов, отсыпку дорог.

Одновременно в разработке месторождений начинают все шире внедряться новые технологии выемки полезных ископаемых с помощью растворения, выщелачивания, расплавления, подземной газификации, применения биогеотехнологических процессов. В перспективе на смену глубоким шахтам и рудникам, разрезам и карьерам придут преимущественно скважинные методы добычи. С их помощью можно будет осваивать запасы на глубине 6000 и даже 9000 метров. Специальный раствор будет закачиваться в продуктивный пласт, там химические реагенты или бактерии будут переводить в раствор необходимые элементы, а потом их извлекут на поверхность, отделят от первоначального раствора и остаток снова закачают в пласт. Таким образом уже налажена добыча серы, некоторых цветных металлов.

Конечные результаты горнопромышленного производства получаются на стадии переработки добытых полезных ископаемых. Именно на этой стадии минеральное топливо превращается в энергоносители и технологическое сырье, руда—в металл, химические продукты, а минеральные строительные материалы—в различные изделия и детали. Здесь как бы суммируется труд географов, геологов, горняков, обогатителей, экономистов. При этом в несколько раз увеличивается не только промышленная ценность получаемой продукции, но также и цена каждой единицы потерь.

Интенсификация на стадии переработки добытых полезных ископаемых в конечном счете сводится к внедрению комплексных технологий малоотходного и безотходного производства. В настоящее время в таких крупных промышленных регионах нашей страны, как Урал, Казахстан, Украина, Кольский полуостров, созданы предпосылки для повсеместного перевода предприятий горной промышленности на безотходные и малоотходные технологии: здесь сосредоточиваются огромные производственные мощности самого различного профиля специализации, образуются крупные и стабильные потоки материальных ресурсов в виде полупродуктов и различных технологических отходов. В таких условиях промышленному предприятию экономически выгоднее использовать в качестве сырья отходы смежных предприятий либо внедрять малоотходные и безотходные технологии, получая в результате дополнительную промышленную продукцию, чем затрачивать средства на строительство и содержание очистных сооружений и отвалов. В этом случае требования государства по охране окружающей природной среды становятся все более мощным стимулом для практического внедрения прогрессивных малоотходных и безотходных технологий.

Все больше внимания уделяется вопросам рекультивации нарушенных горными работами земель, возвращения их в хозяйственный оборот, восстановления плодородия. За 1976—1980 годы в стране было рекультивировано 545 тысяч гектаров нарушенных земель. Важно отметить, что горнодобывающие предприятия, располагающие мощной техникой, опираясь на помощь местных органов

Советской власти и общественных организаций, способны не только восстанавливать, но и значительно повышать плодородие земель. В нашей стране и за рубежом широкое признание получил опыт рекультивации земель на Орджоникидзевском горно-обогатительном комбинате, где рекультивация является составной частью общей технологии добычи марганцевой руды. Большое внимание вопросам рекультивации уделяется Министерством строительных материалов РСФСР. На предприятиях этой отрасли налажена централизованная разработка проектов рекультивации, что позволяет в несколько раз снизить затраты на этот вид работ. Особое значение восстановление плодородия земель приобретает в связи с выполнением Продовольственной программы. Большие работы в этом направлении ведутся в Черноземной и Нечерноземной зонах РСФСР—в Липецкой, Орловской, Тульской и других областях. Интенсивный характер сельскохозяйственного производства здесь резко повысил плодородие каждого гектара пахотных угодий, поэтому техника и технология рекультивации получают ускоренное развитие.

Отходы горнопромышленного производства—это крупный резерв интенсификации. В настоящее время в нашей стране накопилось не менее 50 миллиардов тонн различных отходов, отвальных и вскрышных пород, угольной и сланцевой золы, металлургических шлаков, шламов и хвостов обогащения. Текущие отходы горнопромышленного производства занимают более 2 миллионов гектаров земли, на их содержание ежегодно затрачиваются сотни миллионов рублей. Не малый ущерб природе наносят также горящие угольные отвалы и терриконки, пылевые переносы из отвалов, выделения сходящими дымами серного ангидрида, углекислого газа и других вредных компонентов. А между тем современная техника позволяет производить из таких отходов промышленную продукцию примерно 40 наименований. При этом не только экономится минеральное сырье, но и в 2—6 раз сокращаются трудовые затраты на выпуск продукции. В этом смысле показательна организация промышленной переработки в нашей стране доменных шлаков на предприятиях черной металлургии, осуществляемая в последние годы. Так, на заводе «Азовсталь» налажена их переработка в продукцию почти десяти наименований (гранулированные шлаки, минеральная вата, каменное литье, удобрения для сельского хозяйства и т. п.). Дополнительно извлекается значительное количество металла. Этот ценный опыт распространен почти на все предприятия данной отрасли. Ныне ежегодно перерабатывается более 80 процентов всех доменных шлаков, что позволяет получать дополнительно до 2 миллионов тонн чугуна и реализовывать промышленную продукцию из доменных шлаков почти на 100 миллионов рублей.

На Ангарском цементно-горном комбинате половину сырья для производства цемента составляют зола и шлаки от сжигания угля соседней теплоцентрали. В течение ряда лет на этом передовом предприятии отрасли убедительно доказана высокая экономическая эффективность производства цемента марки «500» из отходов — золы и шлаков.

Зольные уносы и шлаки от сжигания горючих сланцев на тепловых станциях Эстонии и Ленинградской области широко используются как строительный материал, сырье для производства Цемента (пуццолана), а также как эффективный раскислитель почвы

Сосновые посадки на рекультивированных землях

в сельском хозяйстве. В настоящее время из таких отходов в Эстонии построено более 2000 зданий и сооружений, в том числе всемирно известный олимпийский комплекс и телевизионная башня в Таллине. Высокая экономическая эффективность промышленной переработки золы и шлаков от сжигания твердого топлива доказана. В целом ряде районов страны организация переработки отходов диктуется не только возможностью получения дешевых строительных материалов и сырья, но также острой необходимостью сокращения объемов поступающих в отвалы золы и шлака, занимающих ценные для заселения территории.

В Ангарске, Нижнем Тагиле, Жданове и других промышленных центрах из ландшафта исчезли пылящие и дымящие отвалы, отравлявшие воздух. Это удалось сделать, наладив переработку отходов. Распространение этого ценного опыта зависит от инициативы и хозяйственной предприимчивости местных органов Советской власти, которые, получая поддержку и помощь общественных организаций, в том числе республиканских обществ охраны природы, организаций Всесоюзного научно-технического общества, располагают всеми возможностями, чтобы практически реализовать переработку отходов на предприятиях автономных республик, краев и областей.

Кроме прямых технологических отходов горнопромышленное производство нашей страны располагает крупным резервом вторичного сырья. В материалах XXVI съезда КПСС было записано:

«Продолжить работу по более широкому вовлечению в хозяйственный оборот вторичных материальных и топливно-энергетических ресурсов, бытовых отходов, а также попутных продуктов. Развивать материально-техническую базу организаций, занятых заготовкой и переработкой вторичного сырья». Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что перерабатывать вторичное сырье в несколько раз выгоднее, чем природное, первичное, которое к тому же практически и не возобновляется. В десятой пятилетке вторичного сырья в нашей стране использовалось на 3,5 миллиона тонн больше, что позволило сэкономить 2 миллиарда 300 миллионов рублей в капитальном строительстве и 800 тысяч тонн условного топлива.

В сравнении с производством стали из ископаемого рудного сырья выплавка ее из товарного железного лома экономит 60 процентов электроэнергии, уменьшает расход воды в 4 раза, а вредные выбросы в атмосферу—в 6,5 раза, при этом количество твердых отходов, шлаков и пылей уменьшается в 16 раз. В десятой пятилетке было переработано 236 миллионов тонн товарного железного лома и других отходов, что позволило получить экономический эффект почти в 5 миллиардов рублей и сэкономить не менее 1,5 миллиарда тонн сырой железной руды.

За 1976—1980 годы в нашей стране было собрано и использовано вторично около 6 миллионов тонн отработанных машинных масел и других нефтепродуктов, что дало прибыль 250 миллионов рублей. Для производства такого количества нефтепродуктов потребовалось бы переработать (а прежде добыть из недр) не менее 60 миллионов тонн нефти.

Большую работу по вторичному использованию цветных металлов ведут организации Союзвторцветмета. Только в 1981 году выпуск алюминиевых сплавов из лома и отходов позволил сэкономить более 1 миллиона тонн природного сырья—бокситов, 12,5 миллиарда киловатт-часов электрической энергии, 300 тысяч тонн условного топлива, высвободить условно почти 10 тысяч рабочих. Получение цветных металлов из вторичного сырья требует в 5—10 раз меньше удельных капитальных вложений, почти в 10 раз повышает уровень рентабельности основных производственных фондов отрасли в сравнении с переработкой первичного сырья. Широкое и квалифицированное использование вторичного сырья—верный путь повышения эффективности отраслей горнопромышленного производства.

Организация промышленной переработки отходов и вторичных ресурсов требует больших усилий специализированных организаций Госснаба, Госкомнефтепродукта и соответствующих отраслей. Важную роль в решении этой задачи призваны сыграть многомиллионные общественные организации, такие, как Всесоюзный совет научно-технических обществ, Всероссийское общество охраны природы и другие республиканские общественные организации, а также трудовые коллективы. Реализация инициативы и предложений общественности по рациональному использованию сырьевых ресурсов в значительной степени связывается с работой местных органов Советской власти, Советов народных депутатов, постоянно действующих комиссий по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

Используя опыт Венгерской Народной Республики, в нашей стране при местных исполкомах Советов народных депутатов создаются общественные комиссии по учету и организации хозяйственного использования отходов и вторичных ресурсов, своеобразные биржи отходов. Работа общественности в этом направлении позволяет не только увеличить поступление вторичных ресурсов, организовать их централизованный сбор, утилизацию, но и стимулировать соответствующие отрасли хозяйства к их переработке.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС была высказана весьма важная для анализируемой здесь проблемы мысль: «Главный путь к качественному сдвигу в производительных силах — это, конечно, переход к интенсивному развитию, соединение на деле преимуществ нашего социалистического строя с достижениями научно-технической революции... Решающее значение приобретает ныне единая научно-техническая политика. Нас ждет огромная работа по созданию машин, механизмов и технологий как сегодняшнего, так и завтрашнего дня... На повестке дня и такие задачи, как получение материалов с заранее заданными свойствами, развитие биотехнологии, широкое применение в промышленности безотходных и энергосберегающих технологий. Все это приведет к подлинной революции в нашем народном хозяйстве».

Важное место в развитии таких революционных процессов в экономическом развитии нашей страны принадлежит горнопромышленному производству, призванному эффективно и качественно решать задачи обеспечения народного хозяйства сырьем, топливом, всевозможными материалами.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
ПРОГРАММА —
ОБЩЕНАРОДНОЕ
ДЕЛО

ОЛЕГ ЛАЙНЕ

ЛЕНКОРАНЬ —
ЖЕМЧУЖИНА
АЗЕРБАЙДЖАНА

Советская Россия с первых своих дней провозгласила: мир и хлеб. Хлеб всем! Но прошел еще не один год, прежде чем хлеб появился всюду и у всех.

Вот уже несколько десятилетий калорийность питания населения в СССР находится на рекомендуемом наукой уровне — около трех тысяч двухсот калорий в день на человека. Однако структура питания нуждается в улучшении. Скажем, картофеля и хлеба мы потребляем больше, чем советуют медики, а вот мяса, фруктов, овощей — меньше.

Задача преобразований в структуре питания встала не вчера, и сдвиги в ее решении есть. На еще более полное удовлетворение Потребностей населения в высококачественных и разнообразных продуктах питания направлена принятая в мае 1982 года Продовольственная программа СССР на период до 1990 года.

Пропорциональное и сбалансированное развитие агропромышленного комплекса, совершенствование управления и планирования; обеспечение высоких темпов сельскохозяйственного производства на основе интенсификации, всемерного укрепления материально-технической базы и внедрения достижений науки и передового опыта; дальнейшее улучшение социально-бытовых условий жизни на селе — таковы основные направления этой программы. Ее осуществление идет сейчас в каждой республике, области, районе.

61 район в Азербайджане. Но Ленкоранский, пожалуй, самый известный и в республике, и в стране. Здесь, как и положено в субтропиках, на склонах гор и в долинах рек растут железные, гранатовые, тутовые деревья, каштанolistный дуб, ленкоранская экация, кипарисы... А еще айва, виноград, мандарины, лимоны, чай.

Конечно, есть тут и пальмы, и голубое море, и синее-синее небо. И люди здесь живут долго, иные больше ста лет.

На привокзальной площади города вас встречает дозорная башня, служившая некогда маяком. Море отошло, а древняя постройка сохранилась, напоминая о тех временах, когда здесь плескались волны и мечами приходилось пробивать дорогу сквозь переплетенную лианами лесную чащобу.

Но, как и сотни лет назад, прилетают на зимовку в Кызылагачский заповедник, где берега Каспийского моря покрыты густыми зарослями, зеленеющими почти круглый год, утки, лысухи, чирки, нырки. Здесь же находят пристанище и виды редкие, занесенные в «Красную книгу СССР»: лебедь, стрепет, турчак, серо-серебристая султанская курица... В холодные месяцы красивые розовые фламинго зимуют в этих местах. И когда они опускаются стаями, кажется, будто опадают лепестки роз.

Однако в последнее время новая слава идет о Ленкорани. Свообразие местного климата позволяет почти круглый год выращивать здесь овощи. Уже в марте собирают капусту, в конце мая — огурцы, затем наступает очередь помидоров. Выражение «овощной конвейер Ленкорани» стало крылатым, и с его продукцией знакомы строители БАМа и нефтяники Тюмени, шахтеры Донбасса и металлурги Урала.

Психологи считают, что уже вид зрелых, сочных плодов доставляет человеку радость, поднимает его настроение. А ленкоранский урожай — 200 тысяч тонн. Эта цифра все время сопровождает вас в поездке по городу и району. На огромном щите при въезде в город, на центральных улицах, во многих хозяйствах вывешены красочные транспаранты со словами: «Ленкоранцы, дадим стране 200 тысяч тонн овощей!»

Нелегко даются овощи земледельцу. Они капризны в выборе почв, чувствительны к температурным перепадам, слабы в борьбе с сорняками, прихотливы в отношении влаги и солнца. К тому же плоды созревают в разное время, и, чтобы убрать такой урожай, нужны сотни, тысячи заботливых рук, внимательных глаз. Нужны специально оборудованные хранилища и разнообразные перерабатывающие предприятия.

Ленкорань, поистине, жемчужина Азербайджана, но драгоценные камни не рождаются вдруг, они формируются годами, прежде чем засиять во всем великолепии. Старожилы помнят, как в конце 60-х годов крестьяне покидали эти места: район самый отстающий (в иные годы собирал всего 60 тысяч тонн овощей), зарплата крайне низкая.

В один из не очень урожайных годов Тофик Алиев был назначен директором совхоза имени здешнего жителя героя Великой Отечественной войны Балаоглы Аббасова. Собрали бригадиров и, как положено на Востоке, самых уважаемых стариков:

— Что будем делать? Нельзя больше давать по четыре тысячи тонн овощей с пятисот гектаров.

Бригадиры стали жаловаться на трудности, старики же предложили написать лозунг.

— Какой лозунг?—удивился новый директор.

— Давайте напишем: «Дадим семь тысяч тонн овощей!»

И написали. А начал директор с того, что в совхозе приступили к строительству детского сада, больницы, клуба, бани. Где и как доставали материалы, технику, проекты, сейчас и не вспомнить.

— Молодой был, энергичный,— улыбается Тофик.

Постепенно люди поверили, что слова директора не расходятся с делом. А когда осенью подвели итоги, выяснилось, что совхоз дал десять тысяч тонн овощей.

С помощью райкома организовали покупку овощей и фруктов у частных лиц на местах. Это было не просто—убедить человека, что ему выгоднее продать свой урожай государству. Пусть дешевле, но не надо тратиться на дорогу и мыкаться по аэровокалам и поездам.

— Сколько было собраний, сколько уговоров!— вспоминает Тофик Алиев.— И главное не то, что государству досталось чуть больше сельскохозяйственной продукции, а то, что люди научились дорожить своей трудовой честью.

Сейчас уже никто не уезжает из совхоза. Наоборот, от желающих приехать отбоя нет.

Несколько лет спустя после прихода Алиева, когда стали зимой обсуждать плановые задания, всех удивил бригадир Гаджи Алиев.

— Разве это задание!— горячился он.— Я считаю, поставки овощей можно увеличить раза в полтора и качество их одновременно улучшить.

— Шутить?— возразили специалисты.— За счет чего?

— Какие шутки! Мне же выполнять!— И на пальцах перечислил, за счет чего думает добиться своего: посев более скороспелых сортов, выращивание рассады под пленкой, применение орошения...

Весь район следил за Гаджи. Весь район ликовал, когда он добился небывалых урожаев: 650 центнеров овощей с каждого гектара своих плантаций.

И все же одного умения растить столь завидные урожаи мало. Урожай надо еще в сохранности и свежим доставить потребителю или на месте превратить в соки, пасты, джемы, приправы... А с этим долгое время дело не ладилось. Овоши производили хозяйства одного ведомства, а перерабатывали—другого.

Коренные перемены начались в районе с организации аграрно-промышленного объединения по овощеводству. Сейчас в нем 15 совхозов, четыре заготовительные базы, свой консервный комбинат, способный изготовить за год 50 миллионов банок, консервный завод на 15 миллионов банок соков, паст, маринovaných и консервированных овощей и фруктов. Есть тарное предприятие, автохозяйство, располагающее рефрижераторами. Занято в объединении 16 тысяч рабочих, инженеров, техников, агрономов.

Ленкорань—родина азербайджанского чая. На ее долю приходится более половины этой культуры, производимой в республике. Чайный лист, выращенный здесь, накапливает много танина и ароматических веществ, он быстро заваривается и дает густой настой.

В Ленкорани этот напиток пьют все. О нем напоминает своеобразный памятник—пузатый многометровый самовар, стоящий на обочине одной из дорог, ведущих в город. С мая до осени собирают

Виноград — одна из древнейших культур на ленкоранской земле

на плантациях пахучий зеленый лист. Сортов чая производят здесь много. Лучший из лучших — «Букет Азербайджана». Для него идут лишь самые нежные листья, сорванные женскими руками, и только с 15 июля по 15 августа, в идеальную погоду — солнечную и жаркую.

Уже несколько лет район дает ежегодно более 10 тысяч тонн чайного листа. Некоторые совхозы целиком стали чаеводческими, и эта специализация резко подняла эффективность их работы.

Нежно-зеленые, отсвечивающие на солнце, округлые ряды чайных кустов тянутся к самым подножиям синеющих в туманной дали Талышских гор. Построенное недавно в горах Ханбулакчайское водохранилище позволит дополнительно оросить несколько тысяч гектаров. А это значительно увеличит производство чая, ведь на поливных землях лучшие бригады получают более 100 центнеров листа с гектара.

Созданное недавно чайное аграрно-промышленное объединение открывает возможности дальнейшего развития чаеводства в районе. Горком партии разработал перспективный план развития чаеводства на 80-е годы. Чайные плантации к 1990 году планируется увеличить на 3 тысячи гектаров.

— Откуда дополнительные земли? — спросили мы директора совхоза имени 50-летия комсомола Саадата Тагиева. — Ведь в иных местах шагни с полевой дороги в сторону и сразу же наступишь на градку.

— Вы правы. С землей у нас в районе, зажато между морем и Талышскими горами, трудно. Под новые плантации будем использовать террасы предгорий.

Один из резервов повышения эффективности хозяйствования — Совершенствование агротехники. В совхозе Тагиева решены сложные задачи защиты чайных плантаций от избытка влаги в осенне-зимний период и создания оптимальных условий в засушливое лето. Для этого по совету ученых построены разветвленная дренажная сеть и комплекс для освежающих поливов кроны чайных кустов.

Мы сидим в кабинете директора Ленкоранского филиала Азербайджанского научно-производственного объединения по садоводству и субтропическим культурам. К традиционному чаю, без которого здесь не начинается ни одна встреча, поставили розетки, содержимое которых мы долго не могли определить. «Земляника? Ананас?» — гадали мы, наслаждаясь замечательным, кисло-сладким вкусом и гонким ароматом.

— Это фейхоа, — пояснил хозяин, кандидат сельскохозяйственных наук Фарман Кулиев. — По содержанию витаминов, Сахаров, кислот и некоторых других полезных веществ ее сочные ягоды, по форме и размерам напоминающие сливу, приближаются к цитрусовым. В них в большом количестве содержится также противогипертензивный витамин Р и другие биологически активные вещества, весьма ценные для лечения и предупреждения сердечно-сосудистых заболеваний.

Плоды используют в свежем виде, из них готовят мармелад, варенье, джем, желе, наливки, компоты, а из лепестков — очень вкусный ликер своеобразного букета. Фейхоа успешно применяется и как декоративная порода в ландшафтных посадках и в массовом озеленении. Особенно красивы ее кусты во время цветения, когда на серовато-зеленом фоне листьев появляются крупные, снаружи белые, внутри розовато-пурпурные цветы.

— Слово, теперь вы, надеюсь, понимаете, почему из субтропических плодовых растений, выращиваемых в СССР, наибольшее внимание в последнее время привлекает фейхоа, — говорит директор. — К различным определениям XX века я бы добавил, что это и век витаминов, — так велик спрос на них в наши дни. Это и заставило меня, специалиста по цитрусовым, обратиться к новой культуре.

Родина фейхоа — субтропическая зона Южной Америки. Она и сейчас в диком виде встречается в кустарниковых и смешанных лесах южной части Бразилии, в Уругвае, Парагвае, на севере Аргентины. Местные жители с незапамятных времен собирают ее плоды.

Еще в 30-х годах первые посадки фейхоа в Ленкоранском районе показали, что это весьма морозоустойчивое растение: оно переносит температуру до минуса десяти градусов. Тогда же приступили к закладке небольших промышленных плантаций, но, когда началась война, эта работа приостановилась.

Сейчас в прикаспийских субтропиках около 600 гектаров занято этой культурой, и площади под ней с каждым годом все увеличиваются. А сначала местные жители весьма скептически относились к пришельцу из Южной Америки. В каждую поездку по району

Фарман брал с собой саженцы фейхоа и бесплатно раздавал всем желающим...

Было и такое. Как-то к Фарману пришел один посетитель, отрекомендовался селекционером: мол, давно выращивает лимоны и мандарины и вот теперь заболел новинкой. Долго обсуждали проблемы, связанные с разведением нежного растения, а потом гость разоткровенничался, и Фарман с ужасом услышал, что тот хочет вырубить на своем участке цитрусовые. Фейхоа идет нарасхват, многие считают ее необычайно целебной и готовы платить большие деньги, лишь бы засахарить плоды на зиму.

Несколько лет прошло с той поры, а Фарман до сих пор волнуется, вспоминая этого «садовода».

Ленкоранцы гордятся, что их чай заваривают по всей территории Советского Союза—от Бреста до Владивостока. Фарман Кулиев и его коллеги рассчитывают, что такой же популярностью будет пользоваться и фейхоа.

У отдыхающих на морских пляжах Каспийского моря все чаще видишь рыболовные удочки: к берегам вернулась кефаль, вобла, песчанка.

— Каспийское море, где не только ловят рыбу, но и добывают нефть и газ, за последнее время стало значительно чище,— свидетельствует Владимир Хаджиханов, директор Ленкоранского рыбокомбината имени Нариманова.

Мы встретились с ним на пирсе, куда после ночного лова возвращались сейнеры.

— Пока мы в основном ловим кильку,—директор показывает ящики, наполненные сверкающей на солнце серебряной массой.— Но увеличение кефали, завезенной сюда, кстати, из Черного моря, заставляет нас серьезно подумать и о ее промышленном лове.

За десятую пятилетку комбинат дал стране свыше полумиллиона центнеров рыбы, в 5 раз увеличил выпуск консервов. В одиннадцатой значительно возрастет производство копченой продукции: сейчас полным ходом идет реконструкция копильного цеха.

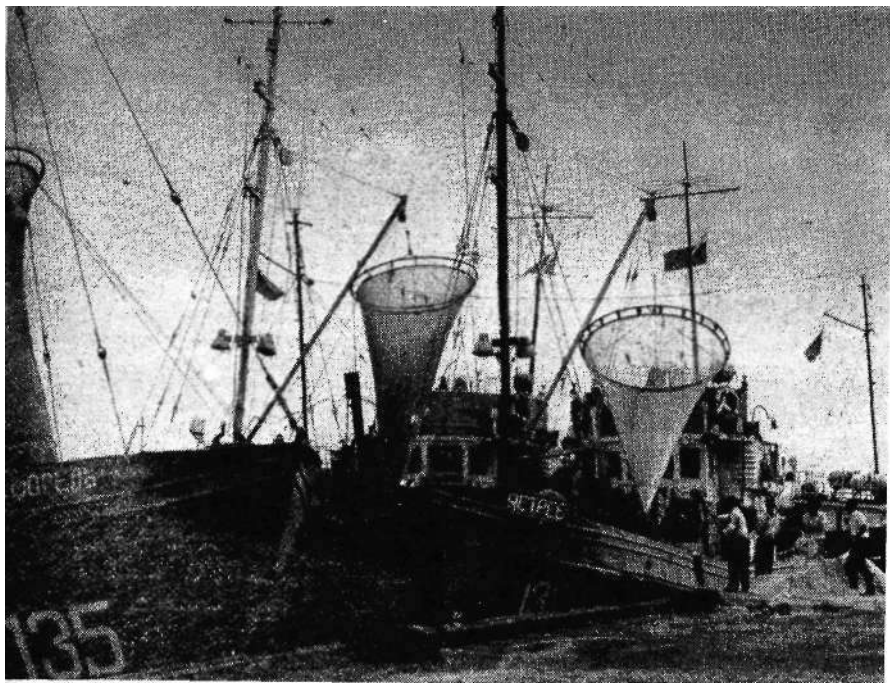
Рыбная продукция уже сейчас играет заметную роль в рационе питания советских людей. В расчете на душу населения в СССР потребляется около 18 килограммов рыбы в год. Согласно Продовольственной программе, этот показатель к 1990 году возрастет до 19 килограммов.

— Основные наши усилия,— продолжает директор,— мы сосредоточиваем на создании прямого конвейера «причал—цех—вагон», чтобы дары моря без задержки поступали к потребителю.

Каждый вечер (волнение 4—5 баллов им не помеха) сейнеры уходят в море, чтобы к утру с трюмами, полными рыбы, вернуться к родному причалу. Однако, как бы ни развивалась техника рыболовства, на мелководье, где сейнеру не пройти, добрая старая сеть еще долго будет основным орудием лова.

В бригаде прибрежного лова, которой руководит Ганифа Наджафов, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, вместе с ним работают еще четыре его брата. В окрестностях Ленкорани ему знаком каждый отрезок береговой линии.

Темной летней ночью, когда в небе еще висели крупные южные

У причала рыболовецкие сейнеры

звезды, мы вместе с Ганифой Наджафовым подошли к берегу, где уже собралась вся его бригада. В высоких рыбацких сапогах, в оранжевых прорезиненных куртках, накинутых на свитеры (рассветы на Каспии холодны)...

Лодки медленно отрываются от берега. На носу первой из них стоит бригадир и ритмично опускает в воду длинный шест—по удару рыбы об него он определяет величину косяка. Затем длинная, почти двухкилометровая сеть окружает рыбу.

Пока рыбаки вытаскивают сеть на берег, беседуем с бригадиром.

— Солнце дает жизнь всему живому: и человеку, и растениям, и рыбе. Как огурец, выращенный в открытом грунте, вкуснее парникового, так и рыба, выловленная на мелководе, намного вкуснее глубоководной.

За один зачет берут обычно около десяти центнеров рыбы. Когда повезет, бывает и по двадцать. Тогда бригаде одной не справиться с тяжелым неводом (вытягивает его трактор, но подправлять его приходится руками), и на помощь приходят жители соседнего села Нижний Нувачи. Работают ли они на чайных плантациях или в овощеводческих бригадах, они, как и их предки, в ДУШе остаются рыбаками. Да и можно ли остаться равнодушным, глядя, как медленно сужается пространство воды, окруженное сетью, как бурлит там рыба, пытаюсь выпрыгнуть в открытое море.

На специальном баркасе пойманную рыбу — кутум, сазан — везут на рыбокомбинат.

На берегу остаются рыбаки (надо аккуратно сложить сеть — завтра снова в море) и ребяташки с удочками: на Каспии клюет.

Ленкорань в переводе с местного диалекта означает «дома из камыша». В болотистой долине реки Ленкорань жители издавна рубили камыш, плели из него циновки, обмазывали их глиной и из такого подручного материала строили дома. Всем они были хороши: летом прохладно, зимой тепло, только камышовые стены — прекрасный горючий материал, и пожаров за двухсотлетнюю историю города насчитывалось великое множество.

Для сегодняшней Ленкорани, особенно для ее центральной части, название это явно устарело. Ярко-красные гряды роз, великолепие фонтанов и светильников, четкие квадраты плит, устлавших бетонным ковром главную площадь, придают городу тружеников праздничный вид.

Из окна кабинета первого секретаря Ленкоранского горкома Компартии Азербайджана Дильрубы Джамаловой мы любуемся панорамой города, пока хозяйка заканчивает срочный телефонный разговор. Звонкая восточная речь то и дело перебивается знакомым русским словом «вагоны», и мы сразу же понимаем: сейчас решается судьба урожая.

— На плантациях района выращивают капусту и огурцы, помидоры и баклажаны, репчатый лук и чеснок, патиссоны и кабачки, — возвращается к прерванному разговору секретарь. — Даже в трудных погодных условиях (не редкость весной снег и морозы) мы в среднем по району собираем по 330 центнеров овощей с гектара, а в отдельных бригадах — по 700 и более.

Главный путь повышения урожайности — интенсификация. Во многих хозяйствах применяются уплотненные посевы: в междурядьях капусты высаживают помидоры. Активно используются и повторные посевы. Собрали, например, скороспелые сорта капусты и тут же, без промедления высаживают в грунт помидорную рассаду. Это позволяет нам снимать два-три урожая в год.

— Мало вырастить хороший урожай, надо его и убрать без потерь, и доставить в хорошем состоянии потребителю. Что делается, чтобы овощной конвейер работал бесперебойно?

— В Ленкорани за последние годы значительно укреплена материально-техническая база приемных пунктов, расширился парк авто-рефрижераторов, построены новые погрузочные площадки на железнодорожных линиях. Многие крупные совхозы перешли на самостоятельную отгрузку овощей потребителям, минуя заготовителей. В Баку и другие города республики мы отправляем продукцию по схеме «поле — магазин». Этот прогрессивный метод уменьшает потери, продукция не теряет товарного вида.

Конечно, не все идет гладко. Вот, видите, иногда и райкому приходится заниматься вагонами. Бывает, что и тары не хватает. Да и существующие железнодорожные линии уже не удовлетворяют требованиям дня. Один из путей повышения эффективности хозяйствования мы видим в значительном расширении объема перевозок

овощей авторефрижераторами и самолетами. Специалисты подсчитали, что сохранность овощей при перевозке самолетами достигает 100 процентов, автотранспортом—90, по железной дороге—в лучшем случае 80 процентов. Несколько лет назад в Ленкорани вступил в строй консервный комбинат, но мощности его на сегодня уже малы. Словом, резервы и возможности для улучшения работы овощного конвейера есть.

— Ленкорань—это один из субтропических районов страны. Какова проблема развития субтропических культур?

— Плантации цитрусовых в районе год от года расширяются. Сейчас под ними более 300 гектаров. С каждым годом растет и число специализированных чайных и цитрусоводческих хозяйств. По инициативе горкома партии разработан план дальнейшего развития Чаеводства и субтропических культур в Ленкоранском районе на 80-е годы. Так, в нынешней пятилетке чайные плантации района увеличатся на 900 гектаров, а к 1990 году сбор чайного листа утроится.

Разговор переходит на житейские темы. Семьи в районе, как Правило, многодетные. Четверо-пятеро—обычное дело. Десять—пятнадцать—не редкость. Со строительством жилья для молодых семей, а дома здесь строят только каменные, двухэтажные, нет проблем. Появилась даже должность сельского архитектора, который следит за планировкой, помогает в разработке проектов.

Многие хорошие традиции сохраняются на ленкоранской земле. Слово старшего—закон в семье. В строительстве нового дома участвуют все родственники и соседи. Гуляют свадьбу всем селом. В районе хотят создать фольклорный театр, организовать заповедник народного творчества. А главное—хранят уважительное отношение к труду. Не только в городском музее, но и в отдельных хозяйствах бережно собирают предметы старинного обихода и труда. И всюду на видном месте портреты ветеранов труда, передовиков производства.

Сорок тысяч гостей приезжают из совхозов района на ставший традиционным праздник урожая. Трудно перечислить, сколько грамот, премий, медалей и орденов получили за последнее время труженики прикаспийских субтропиков.

Немало прекрасных песен звучит в этот день на городском стадионе—эпицентре праздника. Их исполняют пятитысячный ленкоранский хор, детские ансамбли, хор старейшин. Лейтмотив этих песен один—слава труду.

Важная народнохозяйственная задача, связанная с выполнением Продовольственной программы, была еще раз подчеркнута на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС. Особенно была отмечена необходимость наладить бесперебойное снабжение населения высококачественными продуктами.

Сейчас на западном побережье Каспийского моря, где купальный сезон длится с мая до октября (не случайно еще Гомер называл Каспий «прудом солнца»), создается новая курортная зона общесоюзного значения. Со временем здравницы Каспия, где йода больше, чем в любом другом водоеме, станут серьезными конкурентами черноморским.

Но прежде предстоит проделать большую работу: разработать программу застройки побережья, создать производственную базу, возвести новые санатории и пансионаты и расширить уже действующие... И конечно, позаботиться о том, чтобы к столу отдыхающих всегда были свежие овощи и фрукты.

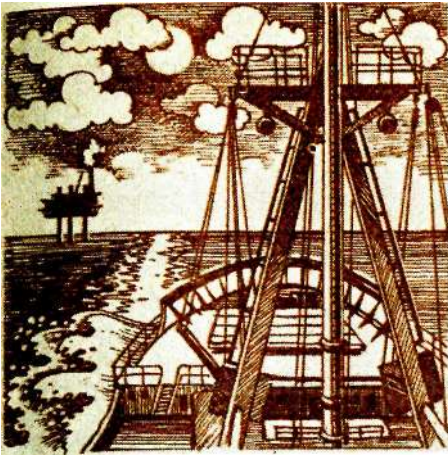
Об этом сейчас думают и в Ленкорани, тем более что край этот также превращается в новый курортный центр.

/

ПЛАТФОРМА

Очерк

*«Москва, Мингазпром.
Владивосток, Дальневосточное пароходство.
Владивосток, «Дальрыба».
Холмск, Сахалинское пароходство.
Всем судам в Охотском море...*

В 6 часов 30 минут местного времени на плавучей буровой установке «Охал, штормовавшей с буксировщиком курсом 65 градусов, оборвало буксирный трос. Завести буксир не удалось. Установку несет к берегам Сахалина в координатах 49 градусов 48 минут северной широты, 144 градуса восточной долготы. Прошу оказать помощь. Начальник «Дальморнефтеразведки» Сидоренко».

Словно детектив, листаю вахтенные журналы, документы спасательной операции, слушаю рассказы Ивана Михайловича Сидоренко и тех, кто был на установке. Вот что произошло в Охотском море, у восточного берега Сахалина.

Тот на редкость ясный день остался в памяти буровиков. После бесконечных дождей и хмари, словно по заказу, засияло солнце, море стало бирюзовым, а небо безмятежно голубым. Все под стать «Охе», только что сошедшей со стапелей, сияющей свежестью своих бортов «шарового», как говорят моряки, цвета, белизной лееров и надстройки. Радовали глаз желтые руки-краны, мощные рабочие органы-комплексы, агрегаты, аппараты с пультами автоматического управления. И когда капитан, от днища наблюдавший за рождением «Охи» на верфи, сам волнуясь, отрывочно ронял слова: «Поднять Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик...», когда зазвучал гимн и алое полотнище заплескалось над головой, дрогнули сердца, заблестели глаза.

- Наша...
- Собственная...
- Своя...

Так возбужденно переговаривались участники церемонии поднятия флага.

Они уже не первый год жили и работали на таких вот буровых

платформах. Но те были арендованные. Установки-космополиты, они бродили по Мировому океану под чужим флагом, и имена у них были ненашенские. «Оха» — первая буровая платформа, специально построенная для работ на дальневосточном шельфе. Вобрав в себя последние достижения бурения скважин в море, она строилась с учетом требований Морского регистра СССР. Все это обеспечивало безопасность и хорошие условия труда на стальной платформе в море.

Сверху установка была похожа на утюг. Длина ее — шестьдесят, ширина — пятьдесят метров. Сзади вырез, на который при работе надвигается буровая вышка, впереди — восьмигранник вертолетной площадки, которая нависает над морем, словно поднос. Стоит стальной остров на трех стометровых ногах-опорах, которые кончаются «башмаками» — огромными цистернами, заполняющимися в качестве балласта водой. Есть еще зубья, впивающиеся в грунт.

Сама платформа с буровой вышкой и надстройками может опускаться и подниматься по «ногам». При работе на сахалинском шельфе ее приподнимали на тринадцать метров над уровнем моря, чтобы ни в какой шторм волны не могли захлестнуть платформу, ведь наивысшая их высота здесь восемь-девять метров и лишь раз в сто лет бывают штормы, когда волны достигают десяти метров.

Как ни бесновались косматые валы, как ни ревели море, люди, наблюдая за ним с высоты шестизэтажного дома, чувствовали себя здесь как в неприступной крепости. Собственно, они и не обращали внимания на шторм. Работали в любую погоду. Бурение прерывалось, лишь когда скорость ветра превышала двадцать пять метров в секунду. Но это случалось редко.

На буровом фонаре узкое высокое окно, из которого вьется трос, уходя к далекой, маслянисто поблескивающей поверхности воды. Окно всегда открыто на случай взрыва или пожара. Люди, работавшие на «Охе», конечно же знали о трагедиях, случившихся на плавучих морских платформах, и это накладывало особый отпечаток на весь уклад их жизни. Да, нужно быть особо пунктуальным во всем, от чего зависит не только работа, но и жизнь на стальной острове. Время от времени водолазы (они входят в штат «Охи») натягивают гидрокостюмы, садятся в подбрасываемую волнами шлюпку, а потом ныряют на морское дно, чтобы убедиться, надежно ли стоят на грунте «ноги» платформы, не подмывают ли их придонные потоки.

На «Охе» не думали об опасности, хотя со всеми, кто приходил с «сухопутья», проводились инструктажи о правилах поведения на платформе, устройстве спасательных и противопожарных средств. От новичков не скрывали, что, несмотря на всю грандиозность сооружения, на плаву оно уязвимо: может перевернуться и затонуть. Порой казались слишком строгими правила техники безопасности на платформе. Вся она была начинена датчиками, и, стоило закурить там, где не положено, платформа «сама поднимала шум», а каждый вертолет, опускавшийся на платформу, встречал человек в противопожарном костюме со шлангом в руках, хотя ни разу и намека не было на загорание. Заботы капитана Милютина казались ребячьей забавой.

Тут как бы осуществлялся симбиоз чисто земного дела с морским: в экипаж платформы входили буровики и моряки. И если

во время перехода по морю всем командовал капитан, то, после того как платформа прибывала на точку, власть переходила к начальнику установки—буровику. Капитан нес ответственность лишь за безопасность платформы, швартовку и разгрузку подходящих к ней судов...

Григорий Иванович Милютин, бывалый моряк, много лет капитанствовал на рыбацких траулерах. Мог ли он мириться с таким положением дел? Всю свою морскую душу он отводил на учебных тревогах. Два раза в неделю, в дневные и ночные часы, гремели колокола громкого боя, по трансляции раздавалось: «Пожарная тревога!», «Выброс газового фонтана». Или: «Человек за бортом! Шлюпки на воду!» И наконец: «Покинуть установку! Всем покинуть установку!»

Покинуть платформу? Может ли возникнуть в этом надобность? И все же все бросались в свои каюты, хватали оранжевые жилеты, на ходу напяливая их и завязывая тесемки, бежали к спасательным ботам, садились в них и спускались на воду. Особенно досадны были эти «игры» Милютина, когда показывали интересный фильм. Буровики, пришедшие с «сухопутья», иногда ворчали, посмеиваясь, но подчинялись морскому распорядку.

Семьи морских буровиков живут в основном в Южно-Сахалинске, а они сами работают у северо-восточного побережья острова, почти за тысячу километров. Оттуда самолетом два часа до Охи, а потом пересадка в вертолет и еще полчаса над морем. И вот он, дом родной — платформа...

Чайвинское морское месторождение расположено в двадцати километрах от берега. Его синие горы видны в хорошую погоду. Но чаще туман, словно серая вата, наваливается на море. Он ползет над буровой; на стенках, на оборудовании, на одежде поблескивают капли. Но и в ветер, и в дождь буровая работает. Ревет дизельная установка, время от времени слышится резкий звук, издаваемый краном, вибрируют палуба и стены, а выглянешь в иллюминатор днем ли, ночью ли, в сыром маслянистом свете увидишь, как кружится штанга, пульсируют шланги насосов или с лязгом идет наращивание и спуск инструмента.

Пятнадцать дней грохота, скрежета, вибрации. Нужна предельная внимательность, чтобы не заporоть скважину, не испортить инструмента, не допустить простоя, не выпустить огненного джина из недр, не подвести своих товарищей и не ударить в грязь лицом перед иностранцами-консультантами.

Пятнадцать суток. Потом ожидание вертолета, а Оха с ее туманами не лучшее место для полетов. Но если вертолет из-за плохой погоды не придет, не доставит вахты, ночью уже все равно не заснуть—от усталости, от желания поскорее попасть к семье. Кому не терпится повозиться с машиной, съездить с ребятишками в лес, а кое-кто за время двухнедельного отдыха намерен слетать в Москву или Ленинград.

Такая у них работа. И они любят ее, гордятся, что первыми осваивают шельф северных морей.

С «Охой» были связаны особые надежды коллектива на одиннадцатую и двенадцатую пятилетки. Ведь пока что из-за сложных гидрометеоусловий бурили всего три месяца в году. «Оха» позволяла Раздвинуть эти рамки.

«Став на точку», как выражаются буровики, «Оха» очень быстро пробурила скважину. Был получен хороший приток нефти, и, как это бывает во время испытаний, запылал факел. Надвигалось время штормов, ледовых охватов. Установка должна была сниматься и уходить на зимний отстой.

По данным фирмы «Нобл Дентон», консультирующей страховые компании, с 1950 года при буксировке потерпели аварии 56 буровых платформ. Наиболее свежа была в памяти катастрофа платформы «А. Келланд» в Северном море. В сильный шторм рухнула одна из колонн, платформа опрокинулась, 42 человека погибли, а 81 пропали без вести... Были случаи, когда буровые установки выбрасывало штормом на камни, возникали катастрофические пожары.

Когда платформа, подняв свои стометровые ноги, из стального острова превращается в буксируемое судно, она подвержена всем перипетиям судьбы, которые уготовит море. Вот почему к перегону «Охи» начали готовиться за месяц. Составили специальный план перегона, изучив карты и лоции районов, где пролегал курс, и наметив пункты отстоя на случай шторма. Данные о погоде проштудировали за десятилетний период, выбрав момент, когда менее всего можно было опасаться экстремальных условий. Исходя из доброй морской практики, конвертовали, крепили все оборудование по-штормовому с расчетом на худшее. Были взяты на оттяжки опорные колонны, которые поднялись теперь над платформой во весь свой стометровый рост, закреплена буровая площадка. Привели в исходное положение и пригнули к палубе краны. С вертолетной площадки сняли, уложили в штабеля и закрепили плиты.

Было известно, что совсем недавно одна из иностранных платформ затонула из-за пустяка: во время шторма сорвало заглушки вентиляторов и залило водой внутренние помещения. Поэтому тщательно задраили все крышки люков, вентиляционные отверстия, оставив незакрытой лишь вентиляцию дизельного отделения.

«Оха», стоимость которой составляет десятки миллионов долларов, была застрахована в «Ингосстрахе», который перестраховал ее в английской и японской компаниях: слишком велик был риск, чтобы на это пошла лишь одна из них. Представитель «Нобл Дентон» (это, как обычно, был опытный моряк) ознакомился с долгосрочным прогнозом, проверил надежность крепления оборудования. После этого был получен страховой полис. Таким образом, в случае гибели платформы судовладелец—объединение «Сахалинморнефтегазпром»—получил бы страховую сумму.

И вот ушел последний вертолет. Платформу спустили на воду. Зашло солнце, и сразу появилась огромная багрово-красная луна.

«Я первый раз видел такую луну в этих местах, и стало как-то не по себе»,—вспоминает Сергей Корыткин, парень с педагогическим образованием, увлекшийся морем, кочевой жизнью морского буровика. И кто знает, что это было—предчувствие беды или просто реакция от напряжения при подготовке «Охи» к походу. Ведь на него, такелажника, легли основные заботы по креплению оборудования.

«Начали буксировку. Следуем по назначению. Ветер западный, 6 метров в секунду, высота волн—метр»,—радирировал в Южно-Сахалинск капитан Милютин. И наутро: «Ветер западный, 2 балла, море—1 балл. На буровой и судах все в порядке».

Да, вначале погода была великолепной. Шли, «как по доске». Но

берег уже радировал идущему к югу каравану: *«Штормовое предупреждение. В проливе Лаперуза, заливе Терпения, юго-западной части Охотского моря, у центральных Курильских островов ожидается восточный-юго-восточный сильный штормовой ветер, 25—30 метров в секунду, высота волн—4—5 метров».*

Через несколько часов снова: *«Ветер 29—30 метров в секунду, жестокий шторм».*

Все свободные от вахты вышли на палубу, дополнительно крепили колонны, оборудование, опутывали тросами водолазный колокол.

С «Охи» через каждые четыре часа в экспедицию поступали радиограммы: *«Курс прежний, ветер 20—25 метров в секунду, высота волн—4—5 метров. За сутки прошли 45 миль. Штормуем. Установка дрейфует в сторону берега. На платформе и судах все в порядке».*

Так сообщал капитан. Спокойно, не теряя морского достоинства. А в это время...

Через платформу, которая возвышалась над водой лишь на три метра, перекатывались гривастые валы, и вода не успевала сходить. Неистово ревел ветер, где-то бухало металлом о металл, натужно скрипела раскачиваемая волнами установка и время от времени словно кричала от боли. Это срабатывали автоматические датчики тревоги. Было уже за полночь, но никто не спал. Да и как уснуть при этой качке и душераздирающем скрипе? Как только получили штормовое предупреждение, капитан, начальник каравана Милютин, который находился на буксирном судне, принял решение уходить в море, чтобы в разгар циклона быть подальше от берегов Сахалина.

На «Охе» обязанности капитана исполнял старпом Эдуард Самченко. Моряк он молодой. Плавал матросом, потом окончил мореходное училище, стал штурманом. Увлекается парусным спортом, ездит в яхт-клуб, учит мальчишек не бояться моря. За капитана был впервые в жизни. Но рядом, в ходовой рубке, находились два бывалых капитана, прикомандированные на время перегона. Был еще один моряк, прошедший, как говорится, огонь, и воду, и медные трубы. Это боцман Дихтяр. Но о нем речь впереди.

Ветер усиливался час от часу. По синоптическим картам, которые принимали на установке, стало ясно, что два циклона, которые двигались навстречу друг другу и, казалось бы, должны были поэтому ослабнуть, наоборот, объединились и с удвоенной силой ударили по каравану. Стрелка на шкале, показывающая скорость ветра, временами прыгала за цифру «40».

Самченко позже рассказывал, что подумал: «Не может этого быть, врет прибор!» Выждав момент, приоткрыл дверь рубки, выглянул в ревушую ночь, и его тотчас отбросило назад, протащило по леерам. Задышавшись, он с трудом пробирался назад, в рубку. Здесь светились экраны телекамер; глазки их были нацелены на те объекты, которые невозможно обзреть с мостика. И было видно, как растут водяные валы, усиливается шторм, как бочки, прикрепленные к металлическим стойкам канатами, вдруг срываются с места и, словно сумасшедшие, начинают носиться по платформе. Потом рушится приваренная к палубе кассета кислородных баллонов весом около тонны. Она крушила все, что попадалось на пути, сбивала барашки на крышках люков.

Хотя на платформе все было закреплено по-штормовому, от ударов волн, качки, бешеных порывов ветра крепления постепенно расходились, развинчивались, ломались. Трубы, бочки, металлические детали гремели, бряцали, тархтели. На нижней палубе от напора неуспевающей схлынуть воды тяжелые рифленые двери вгребались внутрь помещений, вибрировали, и сквозь щели уже потекли струйки.

На мостик то и дело поступали тревожные сигналы.

Нужно было посылать людей туда, где грозит наибольшая опасность. Чтобы избежать трагических случаев, Самченко запретил выход на палубу с первого этажа. Морякам аварийных команд разрешалось выходить лишь со второго этажа, да и то с помощью страховых тросов.

Первую вылазку сделали на вертолетную площадку, она хоть и возвышалась на десять метров над морем, все же иногда касалась воды. Там начали «ездить» плиты, их закрепили заново. Потом наступила очередь буровой площадки, где стали разваливаться штабеля труб.

За полночь началось самое страшное. Сила шторма достигла 12 баллов. Восьмиметровые волны обрушились на палубу. Вода начала поступать во внутренние помещения.

С мостика заметили, что вертолетная площадка уже не только касается воды, но и время от времени погружается в волны. «Вертолетка» представляла собой металлическую раму из мощных тавр и швеллеров. Плиты же из ячеек, как уже говорилось, были вынуты. И все же каждое погружение площадки отзывалось дрожью всего корпуса. Посоветовавшись, Милютин и Самченко решили заполнить водой кормовые танки, чтобы приподнять носовую часть платформы. Они отдавали себе отчет в том, что волны обрушатся на корму с еще большей яростью, срывая оборудование и сбивая крепления трюмов.

Борис Масленников, главный энергетик, в те штормовые часы был связным между мостиком, палубой и машинным отделением, он видел, что где происходит, как ведут себя люди.

Сначала соблюдался судовой распорядок, но вскоре вахты и подвахты перемешались. Каждый был на «товсь», не сидел без дела.

С палубы прибежали ребята, промокшие до нитки, им давали немного отдохнуть, обсушиться. Но приходилось снова посылать их туда, где перекачивались громадные волны.

В комнате мастеров то и дело загорались сигнализаторы тревоги—срабатывали пожарная сигнализация и газовые датчики. Звучали короткие и длинные звонки, колокола громкого боя, душераздирающе выл «ревун». Волны разбивали электрооборудование. Возникло короткое замыкание, искрились контакты. Чтобы не возник пожар, нужно было сразу отключать неисправные линии. Приходилось выскакивать на главную палубу, рискуя жизнью.

Масленников и электрик Тропин хотели проверить электрощит. Но стоило открыть дверь, как вода хлынула в помещение. Первый порыв—бежать! Но если не закрыть дверь, залет машинное отделение. Закрыли. По пояс в воде, устранили неисправность на щите. Улучив момент, открыли дверь и заскочили внутрь.

Корыткин и Смоляков крепили кислородные баллоны, их накры-

вало с головой. Смоляков, единственный сварщик, поспевал всюду, и каждый раз требовалось предельное напряжение сил.

Они с тревогой вглядывались в ревущую мглу ночи. И вдруг сорокаторная «вертолетка» на глазах потрясенных штурманов окунулась в воду и, согнувшись, словно лист жести, повисла над морем. В таком положении, вибрируя, она продержалась несколько минут и с ужасающим грохотом и треском рухнула. И тут с мостика увидели: огни буксира быстро удаляются! Значит, стальной трос толщиной в руку перебит рухнувшей площадкой.

Положение стало угрожающим.

Еще до этого установка вместе с буксиром, у которого в провалах между волнами обнажались винты, дрейфовала в сторону берега. А теперь ее поднятые вверх «ноги» стали служить гигантскими парусами. «Оху» помчало к побережью Сахалина.

Кинулись к карте. Она не сулила ничего утешительного: везде установку ждали скалы! Каменный барьер бесконечно тянулся с севера на юг, а до него оставались считанные мили.

Милютин во время перехода неотлучно находился в ходовой рубке буксировщика и не спускал глаз с платформы, раскачиваемой волнами. То натягивался, то уходил в воду толстый, почти километровой трос. И вот—обрыв! Платформа стала разворачиваться и удаляться к берегу.

Милютин заскрипел зубами, заметался по рубке. Ему казалось, что капитан буксировщика слишком медлит. «Зачем выбирать оборвавшийся трос? Обрубить его к чертовой матери, чтобы быстрее подойти к платформе».

На буксировщике «Кайо-мару» находились опытные спасатели, недаром на видном месте была вывешена грамота, выданная за спасение многих судов и людей. Капитан, невысокий человек за пятьдесят, медлительный, молчаливый, лишь изредка ронял слова. Дважды их повторять не приходилось. Чувствовалось, что среди членов экипажа капитан пользуется непререкаемым авторитетом.

— Что будем делать?—спросил Милютин по радио у инженера-спасателя Комацу, находившегося на платформе.

— Готовиться к посадке на мель,—неопределенно ответил тот и повернулся к стоявшему рядом Самченко:—Буксировка на этом заканчивается. Предлагаю снять с платформы женщин и иностранных консультантов.

— Переведите ему,—сухо бросил переводчику Самченко,—будем заниматься буксировкой до последней возможности.

Он собрался с мыслями и приказал:

— Питание на буровую лебедку!

У всех, кто столпился за его спиной, отлегло от сердца. Значит, еще не все потеряно, надо снова заводить буксир.

— Так как у нас с лебедкой?—крикнул Самченко.

— Сейчас проверим,—отозвался Масленников и вместе со Смоляковым и Корыткиным стал пробираться на нос платформы.

Электропитание оказалось в порядке, но нужен был еще и воздух. Давления нет! Воздушные трубопроводы маленького сечения, и их, наверно, порвало. Нет воздуха—нет сцепления муфты. Что делать?.. Приварим муфту наглухо!

Теперь надо было протянуть кабель. А волны накатываются вал за валом. Только протянули кабель—его смыло за борт. Приходится

все начинать сызнова. Отжимать ломами муфту, прикрывая своими телами пригнувшегося со щитком Смолякова, чтобы его не захлестнуло волной. Когда она накатывает, нужно выждать—и снова к лебедке. Однажды Смоляков не успел отскочить, и его ударило о лебедку. К счастью, отделался ушибами.

Но вот, кажется, все: муфта приварена. Рука Масленникова тянется к кнопке пуска, а муфта отскакивает! Да, конечно, ведь она чугунная! А приваривали обычными электродами. Нужны электроды для чугуна. Но как найти их в этом хаосе? Вся надежда на Смолякова. И он действительно находит нужный электрод. Ребята снова отступают его, прикрывая от волн. И наконец муфта приварена.

С падением вертолетной площадки усилился дифферент на корму. Вода хлынула в помещения, крышки люков которых расшатались. Началась борьба за спасение «Охи». В некоторые места могли пробраться только водолазы. Богодист и Ватажок в гидрокостюмах, окатываемые волнами, крепили трубы на палубе, готовили оборудование для буксировки. На баке работали Смоляков и другие ребята из аварийной команды. Надо было срезать мешающие завести буксир детали «вертолетки».

Как рассказывал потом Смоляков, то, что он увидел, казалось невероятным: какая-то чудовищная сила вырвала тавры с корнем, закрутила металл, как макароны. Уродливые остатки конструкции торчали вкось и вкривь. Чтобы срезать их, надо было повиснуть над бушующей бездной. Смолякова обвязали тросом, он сел на оставшу-

юся тавру «вертолетки», надвинул маску... Нельзя было думать о вырастающих рядом волнах, он полностью положился на страхующих его товарищей.

Смоляков—дальневосточник, служил на подводной лодке. Потом техникум, работал на стройке. Стал мастером на все руки—электриком, слесарем, сварщиком. «Мы и не думали об опасности,— скажет он потом,— некогда было, боролись за живучесть платформы, не могли допустить, чтобы новая установка, которую нам доверили, погибла».

... Лишь только подготовили буксирное устройство, как пришло новое тревожное сообщение: вода поступает в трюм химреагентов через крышку большого люка в несколько квадратных метров. Если ее не закрепить, платформа пойдет ко дну!

Аварийная команда спустилась в трюм. Здесь царил суший ад: скакали облитые мазутом бочки, метался из края в край трехтонный тельфер—передвижная лебедка.

; — Что же здесь можно сделать?—невольно вырвалось у кого-то.

— А вот что, хлопчики,—спокойно сказал боцман.—Перво-наперво надо изловить тельфер, подвести его под люк, затем взобраться на тельфер и приварить к крышке крюки, чтобы взять ее на оттяжки.

С этими словами боцман с цирковой ловкостью оседлал тельфер и, закрепив цепью, подвел к люку. Теперь дело было за сварщиком. Ребята помогли Смолякову взобраться на тельфер, пристроиться в тесном подволоке полусидя-полулежа. Ему подали маску, держатель и электроды. Попробуй-ка в жестокую качку, скрючившись, попасть в определенную точку сварки,, а сверху хлещет вода, и надо еще беречь маску.

— Витя, током бьет!—кричат поддерживающие его парни.

— Ну что вы, меня же не бьет, ребята,—роняет Смоляков, а сам тыкает электродом, пока не возникает ослепительная дуга.

— Бесчувственный, черт! Девяносто вольт!

Но криков он не слышит. Оранжевые круги перед глазами, а он продвигается ползком по тельферу и делает прорезы в крышке люка. В прорезы провели тросы, взяли крышку люка на оттяжки.

И тут снова грянула беда: через лоток стала поступать вода в помещение растворов. Она просто хлестала через трубу диаметром в полметра. И снова по горло дел у аварийной группы. Вшестером держали металлический лист, а Смоляков, оберегая маску от потоков воды, приваривал его.

Штурман и гидронавт Виктор Чапаев возглавлял аварийную команду и в первый же выход на палубу промок до нитки. Виктор облачился в гидрокостюм, в нем и отправился налаживать буксирное устройство.

Люди, которые несли вахту в машинном отделении, вроде бы находились дальше всех от разъяренных волн и бешеного ветра. Но именно от механиков, их умения и расторопности зависела живучесть установки. Дизели, компрессоры, насосы должны были работать надежно. Командовал там старший механик по силовому оборудованию Геннадий Гольц, коренной дальневосточник, служивший на торпедных катерах, потом плававший на рыболовных судах. Вместе с Самченко подсчитал, сколько воды находится в балластных танках и сколько еще можно принять. Балластная вода была и

другом и врагом. Друг до тех пор, пока утяжеляла установку, замедляя ее стремительный бег к скалам. Но стоило немного не рассчитать—балласт увлечет платформу на дно.

В распоряжении механиков были десять дизелей-генераторов, насосы и другие агрегаты жизнеобеспечения платформы. Владиславу Ванчугову в шуме и грохоте дизелей и не слышен был рев шторма, но накал борьбы с ним Ванчугов ощущал по командам, поступавшим с мостика. Да и вообще плох тот механик, который не чувствует, что творится наверху. Ванчугов насторожился: реже и слабее стали удары волн о платформу.

— Ну-ка, поди посмотри, кажется, нас потеряли,—крикнул он в ухо мотористу.

Прошло уже двенадцать часов, как он спустился в машинное отделение. Один на три отсека, механик метался между огромными лязгающими и пышущими жаром дизель-генераторами и главным распределительным щитом. Здесь было сердце платформы, и оно билось ровно.

Бесперебойно работали насосы, откачивавшие воду из помещений.

Время от времени прекращалась подача воды для охлаждения двигателей. Приходилось переключаться на балластные насосы, забирающие воду из кингстонов. Но и они иногда, когда установку приподнимало на волне, засасывали воздух. Тогда механик включал глубинные насосы, расположенные в семи метрах от поверхности.

Стало заливать опреснительную установку. Ванчугов выскочил на палубу. Его тут же окатило с ног до головы. На палубе катались кассеты кислородных баллонов, сбивая вентиляционные фукштоки. Через систему вентиляции вода попадала в котельное отделение.

На флоте Ванчугов лет пятнадцать. Бывали разные передрыги. Запустив все двигатели, выжав из машины все, на что она способна, уходил от шторма, укрывался за берегом. Но сейчас, приведя в действие все 20 тысяч лошадиных сил установок, он ничего не мог поделать с разбушевавшейся не на шутку стихией. И это злило.

В машинное отделение прибежал консультант-электрик Кимура. Дернул за рукав своего коллегу Виктора Тропина, который говорил по-английски.

— Наши говорят: пора покидать установку. Сколько я тут страхов натерпелся! Ох-хо! Пора перебираться на буксир! Что вы теряете? Установка новая. Получите сто процентов страховки. Зачем рисковать?

У Кимуры тряслись руки, он никак не мог завязать шнурок спасательного жилета.

— Что вы смотрите, Тропин?—крикнул подошедший Гольц.— Помогите господину Кимура-сан закрепить жилет.

На установке было несколько иностранных специалистов. Баржевый инженер, высокий, тощий, второй раз оказавшийся в подобной ситуации, считал, что все делается не так, как надо. Инженер-спасатель Комацу, находившийся на платформе со своими людьми, оставался совершенно спокойным, как и полагалось человеку его профессии.

Электрик Кимура просчитал на портативной вычислительной машинке все варианты спасения. Машина бесстрастно выдала мрачные прогнозы.

А что же экипаж «Охи»? Те, что пришли с «сухопутья» и вообще не подозревали нависшей над ними смертельной опасности? Бывалые моряки твердо знали, что спасение платформы и всего экипажа зависит от них самих. И те и другие делали свое дело.

— Куда ветер?

— На Сахалин.

— Сколько миль до берега?

— Миль сорок.

— Скорость дрейфа?

— Четыре с половиной, так что скоро будем там.

— Парусность большая!

— А крен?

— Чепуха. У нас на СРТ похуже положение было, уже и в живых себя не числили. А нам держаться можно.

Это сказал Гольц, терпевший бедствие на рыболовецком судне. Он верил в остойчивость платформы. До критического крена, по его расчетам, было еще далеко. Если же бросить установку, значит, обречь ее на верную гибель. Нет, надо бороться за ее живучесть!

А в это время на буксировщике Милютин настаивал на том, чтобы немедленно подойти к платформе и завести буксир.

— Да-а, опасно, трудно, но попытаемся,—наконец сказал капитан «Кайо-мару».

Принесли линемет. Буксировщик приблизился к «Охе». Там все выстроились вдоль борта в спасательных жилетах, впервые их надели не по учебной тревоге.

Выстрел из линемета. С буксировщика по крутой траектории полетел линь с грушей на конце... Мимо!

Снова заход, опасное сближение с платформой. Буксировщик подбрасывает на гребне волны. Выстрел, груша летит на буровую вышку, скользнула по стреле крана, падает, на корме кто-то бросился ловить—не успел. Но тут же сразу несколько человек хватают тонкий линь. Выбирают следующий трос потолще. Завели лебедку.

Но лебедкой тянуть слишком долго. Уже смутно проступают очертания берега. Долго тянуть лебедкой—можно не успеть. Попробовали вручную. Ухватились, стали вытягивать «проводник». Вот и сам буксирный трос. Никто уже не обращал внимания на хлещущие отовсюду потоки воды. Тянули изо всех сил тяжеленную толстую плетть стального троса.

Рассветало... И вдруг все увидели черный скалистый барьер, заснеженные цепи гор. Кричат чайки. Берег рядом! До него всего полмили. Эхолоты показывают, что глубина быстро уменьшается. Буксировщик уже не пройдет между платформой и берегом. И надо принимать решение. В считанные минуты, секунды... В памяти всплывает катастрофа, которая произошла с платформой «Боргстен Долфин». Вот в такой же шторм она перевернулась в Карибском море на глубине двадцать два метра...

В тесной комнатке длинного приземистого деревянного дома на окраине Южно-Сахалинска, в котором находилась радиостанция «Дальморнефтеразведки», Сидоренко и другие специалисты, вошедшие в штаб по спасению «Охи», обсуждали ситуацию, но окончательное решение нужно было принять там, где громадные валы

разбивались о скалы. В эти драматические минуты моряки не потеряли головы...

Милютин приказал закачать в балластные танки полторы тысячи тонн воды, чтобы еще утяжелить платформу, увеличить осадку, замедлить ее стремительное движение к берегу и таким образом спасти «Оху».

Двое суток не прекращалась отчаянная борьба за спасение платформы. Двое суток никто не спал, не приходилось и думать об отдыхе. И вот по трансляции прозвучал голос Самченко:

— Прекратить работы. Всем собраться, надеть спасательные жилеты и приготовиться к посадке на мотобот.

Ни паники, ни криков, ни беготни.

На платформе находились три женщины. В пять утра повар Нина Логунова пыталась приготовить горячую пищу. Но в камбузе так все качалось и прыгало, что с этим пришлось повременить. Логунова выросла на Сахалине, у моря. Оно с детства влекло ее. Но в такой шторм душа могла уйти в пятки. Стены воды, вырастающие над головой; платформу, казавшуюся такой надёжной, бросает, как щепку. Невозможно удержаться на койке. А каково было тем, кто в мокрой одежде выскакивал на палубу, чтобы ликвидировать повреждения. «Быстрее! Быстрее!»—кричали они друг другу. Все были заняты, делали то, что необходимо, и это вселяло уверенность. И Нина тоже занималась своим делом. Старпом загодя приказал женщинам подготовить и сложить в мотобот мешки с продуктами и одеяла на 33 человека, ведь неизвестно, где мог оказаться спасательный бот.

Ванчугов только собирался перекусить, как с мостика поступила команда заглушить дизель-генераторы, загерметизировать машинное отделение. Теперь, когда люди покидали платформу, ее судьба зависела от механиков и электриков, которым предстояло выполнить эту работу, а также задрать все люки, двери, вентиляционные отверстия.

Посадка в мотобот уже шла полным ходом, и Самченко дал механикам и электрикам десять минут на то, чтобы они могли управиться со всеми необходимыми делами. Гольц, Ванчугов, моторист Огиенко, Тропин лучше других знали порядок расстановки двигателей, и им поручили остановить сердце платформы. Они бросились в машинное отделение. Тропин запустил аварийный двигатель. Гольц и Ванчугов заглушали дизель-генераторы. Огиенко отключал насосы, откачивающие воду, перекрывал задвижки на трубопроводах. Несмотря на спешку, их руки тщательно и накрепко закрывали двери к люки, закручивали барашки.

— Дизель-генератор номер один отключен.

— Номер два— есть.

— Номер три — есть.

— Номер четыре отключен.

— Большой смешивающий насос остановлен.

— Погружной остановлен.

— Задвижки... одна, вторая, третья.

Теперь при свете редких ламп аварийного освещения быстрее наверх, к боту! Выбежали на главную палубу к аварийному двигателю и тут хватились, что впопыхах забыли вахтенный журнал машинного отделения.

— Огиенко, быстрее вниз за журналом!.. Нет, стой... одному нельзя... освещение плохое...

Тропин вновь запускает аварийный двигатель, и Гольц с Огненко бегут за журналом. Истекают последние секунды, отпущенные механикам на герметизацию машинного отделения. Все уже в боте. Натягивая на ходу жилеты, подбегают Гольц, Ванчугов, Огненко, Тропин.

Навсегда запомнились Масленникову мгновения между твердью и кипящей бездной, а может быть, между жизнью и смертью. Никто раньше времени не кинулся в бот. Первыми перебрались женщины, потом иностранные специалисты. Ни одного лишнего слова. Ни малейшего признака паники, а ведь опасность нависла смертельная. И для платформы. И для людей. Дисциплина дисциплиной, а жизнь-то одна... И когда заглушили аварийный двигатель и обесточили все электроцепи, пронзительное чувство жалости вдруг охватило Масленникова. Комком в горле поднялась жалость к установке, словно к живому родному существу.

И вдруг обожгло и другое чувство, когда взглянул на жалкую скорлупку, в которую забирались люди среди бушующих волн. Увидит ли он сына Юрку, как тот мчится навстречу, виснет на шее? Масленникову было два года, когда его отец погиб в Сталинграде. Неужели и двухлетний Юрка останется без отца?

Последние мгновения. Кто знает, может, они разделяют жизнь и смерть... Радист Валерий Кательников держится подчеркнуто морячки, выделяясь «морской косточкой». Окончил мореходку, работал на буксире-спасателе, а такие суда, известно, в хорошую погоду в море не выходят. Но и Кательников не видывал таких волн, которые гуляли по платформе. Он был один на радиостанции, принимал через каждые шесть часов карту прогноза, ее тут же штурманы и консультанты исчерчивали своими пометками. Кательников обеспечивал бесперебойную связь с Милютиным на буксировщике, с Южно-Сахалинском. Заранее проверил и подготовил шлюпочную рацию, положил на видное место журналы прогнозов и вахтенный журнал радиостанции. У него не было ни минуты свободного времени, и все-таки, когда раздалась команда покинуть борт платформы, успел побриться, надеть чистую рубашку и галстук. Он крепко усвоил одно: при любых обстоятельствах моряк не должен теряться и обязан достойно встречать опасность.

Вот последние записи Кательникова в вахтенном журнале радиостанции: «... *Охотское море. Понедельник. 00 часов 25 минут. Установил связь с Южно-Сахалинском.*

00 часов 30 минут. Установил связь с аварийно-спасательным судном.

02 часа. От капитана Милютина поступило распоряжение покинуть установку.

02.25. Передал об этом в Южно-Сахалинск.

... В мотобот сели женщины...

... Иностранные специалисты в мотоботе...

02.30. В мотоботе тридцать один человек, все, кроме меня и старпома, связь прекращаю».

Последним в бот прыгнул Самченко.

Герметически закрывающийся стеклопластиковый бот, похожий на батискаф, во время учебных тревог спускался на воду, стоило

дернуть трос изнутри. На этот раз автоматика не сработала.

— Боцману наверх, отдать бот вручную!—распорядился старпом.

Федор Дихтяр, усатый острослов из Винницы, был душой команды, коренастый, ловкий, он отважно бросился исполнять приказание. Выскочив, пристегнулся страховочным поясом и отдал тормоз. Бот опустился до второй палубы, но найтовы автоматически не отделились. Опять беда! Мотобот начало бить о борт. Ситуация создалась хуже некуда...

— Боцман!—крикнул Самченко.

Обязавшись страховочным концом и держась за поручень, Дихтяр ногой сбил кормовой крюк. Носовой же сбить никак не удавалось. Старпом протянул боцману свой тяжелый нож, и Дихтяр рукояткой сбил наконец проклятый крюк. Бот плюхнулся на воду.

И вот бот на плаву. Куда теперь? Ну и волны! К буксировщику? Его кидает так, что жутко и подходить. Вмиг разобьет бот, как яйцо. К берегу? Может, это и лучше—с полного хода врезаться в песок. Но в боте, как в темнице, ничего не видно.

Как только бот отбежал от платформы, управляемый опытным катерником Лебедевичем, старпом по радиации связался с Милютиним: «Куда идти?»

«К буксировщику»,—был ответ.

Волны безжалостно швыряют бот, подбрасывают буксировщик. Нужно сделать круг, зайти с подветренного борта.

На «Кайо-мару» уже спустили стропы и концы. Люди выстроились у борта. Большое судно и маленький ботик, как на качелях, летают то вверх, то вниз. С ботика нужно перескочить на буксировщик, да не одному-двум, а тридцати трем, среди которых три женщины и пожилой переводчик, которому как раз в тот день исполнилось шестьдесят.

Наступил самый опасный момент. Тут уж не до приказов. Самченко объяснил «технологию»: бот вниз—вылезти, лечь и ждать, волна вверх—прыгать на буксировщик.

Первым прыгнул инженер-спасатель Комацу, показав, как это делается. Удачно! Затем наступила очередь женщин. Нину Логунову на борту буксировщика подхватили десятки рук. Один за другим выбирались люди на поверхность бота, ждали, пока подбросит, и прыгали на «Кайо-мару»...

И вдруг драматизм момента разрядился общим смехом.

Смолякова швырнуло вверх, словно из миномета, и он, раскинув руки, как бы планировал на палубу буксира. И почему-то не в берете, как он обычно ходил, а... в шляпе, которую, как потом выяснилось, второпях прихватил на сиденье мотобота.

Стихия тем временем не дремала. Накатил особенно грозный вал, и на боте вырвало кнехт, за который он крепился к судну... Бот стремительно понесло в море.

Но люди с «Охи» были уже на борту буксировщика.

В помещении «Дальморнефтеразведки» хлопали двери, не умолкали телефоны. Родственники тех, кто был на «Охе», слышали р трагедии. Поднял своих людей, находившихся на базе, начальник установки Новиков.

Утром, когда Алла Масленникова пришла на работу, в длинном коридоре «Дальморнефтеразведки» толпились люди. Разговоры вполголоса. Встревоженные лица. И обрывки фраз: «Обрушилась вертолетка...», «... обрезало буксир», «Понесло к берегу...» И тут она услышала: «Оха!» А ведь там Борис, муж! Бросилась к Новикову: «Как? Что?»

— Платформа у берега...

И это всё.

Пришла в свой отдел, машинально села за стол. А мысли все там—в бушующем море...

Вбегает главный инженер:

— Ты что такая бледная, аж посинела! Всех выловили, все живы! Все до единого.

— ... Мы жили в те дни сообщениями с «Охи»,—рассказывает Масленникова.—Ведь там были наши. Мы восторгались тем, что они оживляли узел за узлом плавучей платформы. И горячо обсуждали все события, ждали своих мужей.

В квартире Масленниковых с часу на час ждали отца. Прислушивались к каждому хлопку двери в подъезде, к шагам на лестнице. Нет, не он... не он...

— Мама, папа приехал?—прибежала из школы дочь.

— Нет еще...

Звонок. Все бросаются к двери.

Увы, это соседка. И снова руки повисают, как плети. Может быть, к ночи приедет?.. Уже двенадцать, а его нет. Утром?.. В восьмом часу дочь уходит в школу, а его нет и нет.

... По экспедиции объявлено аварийное положение. Отменены выходные дни. Каждый должен быть готов отправиться в район аварии. Да никто и не думал отказываться: от «Охи» зависело выполнение программы разведки шельфа.

Еще затемно Новиков обехал буровиков, живших в Южно-Сахалинске и окрестных поселках. Сборы были недолгими. Тут же выехали в порты Корсаков и Холмск, где готовились суда к выходу в район бедствия. К утру аварийные команды буровиков, водолазов были готовы к отправке. На ликвидацию аварии вызывались добровольцы. Штурм продолжался.

Первым к месту аварии вылетел из Охи экипаж вертолета Борисенко. Не один год он обслуживал платформы, перевозил туда и обратно вахты, доставлял грузы. Увидев захлестываемую волнами «Оху», Борисенко облетел ее и сообщил, что платформа стоит в пятистах метрах от берега, против устья речки Ягодной. До ближайшего населенного пункта—двести километров. Берег скалистый. С суши можно перебраться на «Оху» только вертолетом.

На следующий день к платформе вылетели на Ми-2 инженеры экспедиции. Несмотря на сильную болтанку, вертолет сделал над платформой несколько кругов. Видно было, как через нее перекачивались волны. Предстояло выбрать место для лагеря, наметить план действий. Неподалеку, примерно на двухметровой отметке, отыскивали ровную травянистую площадку, пригодную для посадки большого вертолета и устройства лагеря.

Теперь следовало подумать, как высадиться на установку. Родился дерзкий план: вертолет зависает над опорой, люди спускаются на нее по подвеске, а потом по маршам опоры на палубу. Каждая опора—это четырехугольник из труб метрового диаметра, соединенных фермами. И все это стометровой высоты сооружение раскачивается с амплитудой в полтора метра.

Да, это был дерзкий план. И наверняка нашлись бы смельчаки, готовые к рискованному спуску. Но когда наутро аварийные команды, руководители и специалисты нефтеразведки и Министерства газовой промышленности прибыли на вертолетах на речку Ягодную, они увидели фигуры людей на платформе и выходящий над ней дымок. На установке уже хозяйничал Милютин со своей командой!

... Как только штурм начал стихать, он подошел к установке на боте. Высадившись на нее, Милютин и его люди обнаружили, что водолазный колокол—трехтонный «шарик», который висел над кормой, оказался в средней части платформы, на люке трюма. Какая сила занесла его сюда? Видимо, штормовые волны. Оказались отвинченными и огромные гайки. Это уже почти разумная работа. Тем не менее гайки открутили волны. Сильно пострадали водолазный комплекс и геофизическая аппаратура, залило некоторые помещения. Но установка жила. Она держалась на плаву, корпус не разрушило. Машинное отделение и главный щит, тщательно загерметизированные механиками, не залило.

В район бедствия прибыли ледоколы «Седов» и «Литке», спасательные суда. Одна за другой в лагере у реки Ягодной появлялись аварийные партии сварщиков, слесарей, взрывников, водолазов. Однако приступить к спасательным работам сразу не удалось: снова нагрянул циклон. Команде Милютина пришлось опять герметизировать установку и перебраться на спасательные суда, которые ушли

штормовать в открытое море. Оно ревели и бушевало два дня. За это время платформа еще ближе придвинулась к берегу.

А здесь, у речки Ягодной, горели костры. Сосредоточивались силы, чтобы снять платформу с мели. Потом подсчитали, что в этой операции принимали участие девять судов, два вертолета, сто тридцать специалистов девяти министерств и ведомств, аварийно-спасательные службы Сахалинского и Дальневосточного пароходств, «Дальрыбы». К этому времени весь состав экипажа «Охи» был уже в лагере. Команде Милютина предложили отправиться на отдых. Она отказалась: «Никто лучше нас не разберется в обстановке на платформе и в том, что следует делать в первую очередь». С этой аргументацией согласились. Как только шторм утих, Милютин со своими людьми вновь высадился на платформу.

Прежде чем стягивать установку с мели, необходимо было откачать воду из балластных танков, «оживить» платформу, то есть запустить все двигатели и системы, и тщательно исследовать вокруг морское дно. Со вспомогательного судна с помощью приборов провели промеры глубин и съемку донного рельефа, но этого оказалось недостаточно. Нужен был человек, который бы своими глазами рассмотрел как следует, что и как там, на дне.

На «Охе» находились легководолазы экспедиции. Прибыли и глубокоководники из отряда аварийно-спасательных работ. Владимир Богодист спустился по оборванному тросу во взбаламученную пучину, чтобы застропить буксирное устройство. Другой легководолаз, кувыркаясь в полосе прибой, протасил на берег линь с платформы, что позволило перебросить трос, закрепленный к лиственнице, и наладить переправу к платформе.

Глубоководник экспедиций Юрий Васильев обошел по дну платформу, обнаружив, что стоит она в песчаных наносах речной долины. Но две «ноги» платформы заскочили за скалистую гряду и оказались словно в капкане. Один «башмак» был поврежден.

Чтобы буксиры смогли снять установку с мели, нужно было выяснить, что держит ее. Под воду пошел Олег Кузнецов — водолаз аварийно-спасательной службы Сахалинского пароходства, опытный глубокоководник, принимавший участие во многих спасательных операциях.

Когда Кузнецов готовился к спуску, платформу уже пытались стронуть с места четыре буксира, впрягшиеся парами. Значит, работа требовала предельной осторожности. Спасатели тщательно изучили схему расположения «башмаков» платформы и по телефону корректировали действия водолаза!

Опустившись, Кузнецов удостоверился, что носовая опора свободна.

— Пройди вдоль борта, — скомандовали сверху.

Кузнецов двинулся дальше и сообщил, что корпус платформы на плаву и не поврежден.

— Что же держит?

Две кормовые опоры по-прежнему находились в скалистом каньоне.

— Теперь отойди от платформы и осмотри грунт поблизости, — сказал старшина водолазной станции, дублируя распоряжение штаба по спасению.

— Вижу, как платформа садилась на место.

— Что именно?
— Пропаханные в песке борозды и раздробленную каменную гряду.

— Глубина борозд?

— От тридцати до семидесяти сантиметров.

— Теперь отойди на сорок пять метров...

Четыре часа пробыл под водой Кузнецов только во время первого погружения. Поднявшись, нарисовал схему положения платформы, обозначив препятствия, которые мешают стащить ее. Решили изменить направление буксировки, чтобы, словно на шарнире, развернуть установку на кормовой опоре и вывести тем же путем, каким забросили ее туда волны.

Кузнецов с напарником идут под воду. Оттаскивают камни с пути платформы, углубляют желобы, по которым она должна двигаться. Зыбь еще не улеглась. Водолазов швыряет. И ведь платформа в любой момент может прийти в движение: ее тянут 29 тысяч лошадиных сил. Тогда не зевай! Нужно успеть взобраться на «башмак» платформы.

Рискованная работа!

Не легче она и у легководолаза Ватажка: надо открыть вентили для освобождения залитых водой помещений. Обвязавшись страховочным тросом, он с фонарем в руках обошел затопленные помещения. Вода кое-где была перемешана с соляной и химическими реагентами.

Команда отряда аварийно-спасательных работ располагала мощными компрессорами, гидромониторами, водоотливными насосами. А шторм все еще бушевал, вспомогательное судно нещадно бросало, когда перегружали на платформу эту технику. На салазках волоком тащили восьмисоткилограммовые насосы, раскатывали рукава, отвинчивали горловины люков и опускали шланги. Было холодно, но механики мгновенно запустили насосы. Пять агрегатов работали день и ночь, пока откачали три тысячи кубометров воды.

Теперь надо было продуть «башмаки», то есть удалить воду из них. Все три были пробиты, а собственные компрессоры опор не действовали. Спасатели врезали в системы опор штуцер и стали выжимать воду из «башмаков» своими компрессорами, а потом поддерживали давление.

Все эти работы были далеко не безопасными. Помещения были залиты водой, смешанной с мазутом, а электрооборудование искрило. «От этого поседеть можно было», — запомнились слова одного из участников спасательной экспедиции.

Метеосводки были тревожными, но пилоты вертолетов, приземляясь на песок прибрежной террасы, доставляли на подвеске грузы на платформу и спасательные суда.

Все еще оставалось неясным, как снять со скалы «Оху».

Горячие головы настаивали: взорвать методом шнурового взрыва подводную гряду и таким образом вызволить «ноги» платформы из плена. Другие советовали обрезать опоры. Но все это грозило серьезными повреждениями установки. Перетаскивая насосы, спасатели откачали весь балласт и воду из помещений. На «Охе» оживили электромоторы. С их помощью до предела подняли опоры. Вспомогательное судно своими винтами размыло грунт. Развели, а потом тщательно рассчитали направление буксировки, чтобы вытащить

платформу из-за гряды тем же путем, каким она туда попала. Теперь ждали усиления ветра, зыби, которая раскачала бы платформу.

И вот засвистело в антеннах.

— Смотрите-ка, а платформа-то плывет! — вдруг восторженно закричал кто-то, и в воздух полетели шапки.

— Первый случай в мировой практике, когда в таких условиях установка сохранила способность держаться на воде, — педантично резюмировал один из иностранных специалистов.

— Так чем же все-таки объяснить этот исключительный случай? — спрашиваю у Сидоренко, возглавлявшего ранее «Дальморнефтеразведку», а ныне начальника «Сахалинморнефтегазпрома».

— Вы ждете, что я скажу: мужество, самоотверженность моряков, буровиков, спасателей? Да, это, бесспорно, так, — ответил Сидоренко, удостоенный за спасение платформы, как и многие другие участники беспримерной операции, правительственной награды. — Но я бы упомянул обязательно еще — и порядок, дисциплину, обостренное чувство ответственности...

Передо мной уже немолодой, хотя и без седины человек с острым взглядом, несколько суховатый, и его можно бы отнести к разряду людей, которых в просторечии называют технарями, но это только первое и потому поверхностное впечатление. Нет, совсем не чудз ему вдохновляющий огонь романтики.

Учился Сидоренко в Свердловском горном институте. Попав в туманную летом и заснеженную зимой Оху, почти на самую северную оконечность Сахалина, он не торопился в руководители. Начав с помощника бурильщика, постиг все звенья, из которых складывается сложнейший и ответственный процесс — бурение скважины.

Ну а когда стал начальником разведки?.. Сопки и мари Северного Сахалина, двухметровые снега и редкие, наспех сколоченные домики. По сути дела кочевая жизнь. Зимой неизменные валенки, а летом — резиновые сапоги. Все дальше от Охи с ее городскими удобствами уходили разведчики нефти. И постепенно Сидоренко убеждался: все самые продуктивные пласты как на зло уходят под дно лагун, окаймляющих восточное побережье Сахалина, убегают в море. Нефть будто коварно улыбалась нефтеразведчикам, убегая в недоступные с берега подземные замки.

Шельф... Это малознакомое ранее слово теперь все чаще и чаще входит в обиход. Дальневосточная морская геологоразведочная экспедиция глубокого бурения была организована в ту пору, когда наша страна не имела ни опыта таких работ на шельфе, ни собственных плавучих платформ. Приходилось арендовать их, что стоило очень дорого.

Организовывая новое дело, Сидоренко взял за основу принцип, который он определяет очень емким для него понятием. Взяв курс на супертехнику, электронику, не гонясь за дешевизной, что, казалось бы, поначалу и не к государственной выгоде, он в то же время приложил все силы к тому, чтобы эта техника работала бесперебойно, на полную мощность и с наибольшей отдачей. «Дальморнефтеразведка» первой в стране выходила на открытый

шельф, и надо было не ударить в грязь лицом ни перед советскими специалистами, ни перед иностранцами.

Сколько раз на твердой земле, где проложены дороги и устроены склады, ему приходилось наблюдать, как простаивают! буровые из-за не доставленных вовремя труб, цемента, химреактивов. Здесь, на море, где условия работы намного сложнее, буровики не знают простоев из-за нехватки чего-либо необходимого. С самого начала бурения на море взято за правило, чтобы на установке было все нужное со страховочным запасом. Как только используется деталь из запаса, сразу же запрашивают такую же со склада. На утренних совещаниях всегда возникает вопрос о заявках, об обеспечении не только сегодняшних, но и завтрашних нужд. Четкость снабжения дает возможность работать без излишнего напряжения, поддерживать высокие темпы.

Вспомогательные суда действуют так: одно разгружается у платформы, другое—под подгрузкой у причала. Конечно, не так-то просто было достигнуть такой четкой организации дела. Но ведь хорошо известно, что все зависит от людей, их профессиональной грамотности и гражданской зрелости. Кадры Сидоренко подбирал сам, подолгу беседуя с каждым. Здесь он проявлял особое чутье и дальновидность. Эту редкую способность он приобрел в годы работы в нефтеразведке. Там попадался народ всякий, немало было и таких, кто тянулся за длинным рублем. Но конечно, как и везде, больше было людей нравственно здоровых, работающих.

А на этот раз требовалось, чтобы народ был физически крепким, мастеровым, технически грамотным. И еще одному качеству Сидоренко придавал первостепенное значение: надо, чтобы люди были уживчивыми, с открытым сердцем и добрым нравом.

Морской буровик—особая специальность. Часть людей пришла с моря, как Милютин, проработавший много лет на рыболовных траулерах. Другие—с «сухопутья», как выпускник Куйбышевского нефтяного института Валерий Новиков. А с ним—целая бригада его товарищей, уже давно сработавшийся коллектив. На них можно крепко надеяться. Словно на огонь костра, тянулись в экспедицию и романтики чистой воды, как Сергей Корыткин. Новое дело, тем более связанное с подводным миром, манило, притягивало.

Чтобы познать его суть, моряки, даже в чине капитана, учатся в Охинском нефтяном техникуме, конечно, не без совета Сидоренко. А буровики штудируют все, что связано с безопасностью работы на море. Жизнь заставляет руководителей отрасли заботиться о подготовке специалистов для работы на шельфе. Сидоренко установил связь с научно-исследовательскими учреждениями и разными вузами. Разрабатываются эффективные методы сварки подводных конструкций, антикоррозийные покрытия, аппараты для осмотра подводных сооружений.

Шельф... В переводе с английского это слово значит «полка». Но не как-то просто взять что-либо с этой «полки»—мелководья, окружающего дальневосточные и арктические побережья от черты прилива до глубины двести метров. Охотское море не Каспий. Двухметровые подвижные льды, торосы, которые достают до дна, наконец, жестокие ледяные штормы, которые играючи швыряют многотонные машины. Все это предстоит учесть и преодолеть проектировщикам и тем, кто будет работать на стальных островах,

которые, видимо, свяжут с берегом не эстакады — их сметут льды, — а подводные тоннели. Этому нет аналогов в мировой практике. Во имя будущей морской нефти предстоит построить и специальный флот, и порты, и судоремонтные заводы, создать многое из того, что ученые называют инфраструктурой, но что оборачивается семейным очагом, полезным досугом, счастливым детством, хорошим питанием и иными близкими вещами. Об этом — главные заботы моего собеседника, впередсмотрящего новой отрасли, которая, по его мнению, преобразит всю жизнь нашего Дальнего Востока.

Богатствами Сибири и Дальнего Востока, нашего Севера восторгались во все века, начиная с первых землепроходцев. И верно, несметны они и поистине сказочны, да вот иной раз так запрятаны, что ни подъехать, ни подойти. Крепко стерегут их горы и болота, вечная мерзлота и льды, штормовые ветры ураганной силы. И потому, хоть многие из богатств давно разведаны, только в последние годы мы смогли подступиться к ним. Мощный бросок на Тюменский Север, второй путь к океану через неприступные Прибайкальские хребты, через бешеные речки, мчащиеся со Станового хребта, через бесконечную тайгу.

XXVI съезд партии распахнул новые горизонты перед восточными районами страны. Это завершение БАМа и развитие Южно-Якутского индустриального комплекса с колоссальными угольными пластами и начало освоения уникальных Удоканских медных кладов, поиски нефти на шельфе и использование возобновляемых источников энергии. Наконец, как осуществление давней мечты выход на шельф Арктического побережья, к самым труднодоступным, но перспективным районам.

Уже осваивается Мутновское месторождение гидротермальных вод, которые дадут энергию Камчатке. Пробиваются скважины прямо в чрево вулкана! А ученые все настойчивее говорят и об энергии, таящейся в огромных приливах Охотского моря, о миллионах лошадиных сил, которые можно запречь в турбины. Никогда еще страна наша не предпринимала столь грандиозных дел на суше и на море. Но с какими бы компьютерами и манипуляторами, удесятеряющими человеческие силы и возможности, мы ни пришли ко всем этим богатствам, не исключены будут ситуации, когда потребуются высшее напряжение физических и духовных сил и самая обыкновенная, будничная работа, чреватая порой большой опасностью.

Вот почему столь ценным кажется мне для предстоящих дел опыт Сидоренко в постановке всего нового, подборе кадров, организации производства. И во главе угла — Порядок с большой буквы, трезвая расчетливость при широчайшем масштабе работ. Никакого шапкозакидательства, никаких временок в прямом и переносном смысле. Научный поиск и точное исполнение, железная дисциплина и внимание к мелочам. «Каждый барашек на люке должен быть закручен до предела», — запомнились мне слова, сказанные на платформе.

Все это и помогло пробурить на шельфе необходимое количество скважин, причем в рекордные сроки, не допустив ни дня простоя, ни одной аварии.

Ни разу «огненный джинн» не был выпущен на свободу, лишь Управляемые факелы зажигались на длинной стреле во время

испытаний пробуренных скважин. Они пылали над морем, и старики нивхи, присматриваясь к огненным хвостам из своих охотничьих избышек, гадали, не беда ли у людей? Нет! Это фейерверки в честь того, что не зря трудились, что есть, есть перспектива на 80-е и 90-е годы, на XXI век.

И наконец, этот жестокий экзамен. Два циклона объединились в одну невероятно разрушительную силу. Но такие человеческие качества, как привычка к порядку, дисциплина, ответственность, сложились с мужеством, стойкостью, гордостью за алый флаг Отчизны. Эта сила, противопоставленная слепой стихии, победила ее.

— Мы знаем из сообщений зарубежной печати много случаев, когда экипажи в случае опасности с легким сердцем покидали застрахованные суда. Странно, что ваши люди поступили иначе. Ведь если бы «Оха» была оставлена и погибла, страховая сумма была бы получена полностью...

Выслушав иностранного специалиста, Сидоренко рассеянно повторил:

— Да, действительно, вся сумма была бы получена...

И вдруг он пронзительно взглянул на собеседника и добавил:

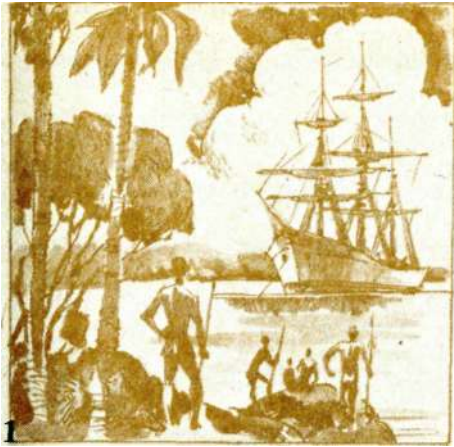
— А не приходило ли вам в голову, что можно работать не только ради денег?

ТРОПА В ГАРАГАСИ

Рассказ

...Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу,— в науке о том, как жить людям друг с другом.

Из письма Льва Толстого к
Н. Н. Миклухо-Маклаю

Ноги ныли от усталости. Хотелось сесть, разуться, пошевелить затекшими пальцами, расслабиться. Но еще больше хотелось всей грудью вдохнуть воздух, настоящий воздух, а не густой, вязкий смрад испарений. Было нестерпимо душно, как в тесной теплице, где наступает дурнота от размаривающего тепла и обильной влаги.

Миклухо-Маклай возвращался в свою хижину на Гарагаси, откуда вышел утром. Его подгоняло беспокойство: там, в хижине, скрючившись, лежит Бой, полинезиец, слуга, жизнь которого, как тонкая нить, вот-вот оборвется. Он уже не принимает пищи, смотрит жалобно, обреченно. Папуасы с непонятной настойчивостью добиваются, чтобы больного Боя выдали им. Зачем?

Тропа вилась среди тропических зарослей. То и дело приходилось рукою отстранять ветки. Огромные перистые листья пальм, достигавшие порой шести метров, задетые плечом, упруго колыхались.

Маклай спешил: надо засветло добраться до хижины. Он спотыкался о жесткие корневища, задевал лианы, которые, как удавы, обвивали деревья, выползая из-под кустов. Лианы были везде: стелились по земле, перепрыгивали с ветки на ветку, тянулись к высоким макушкам пальм, хищно нависали над головой. Что-то упругое ударило Маклая в грудь. Он отпрянул, холодея: «Змея?»

Нет, это была не змея, это был тонкий, верткий стебель ротанга. Шипы его вцепились в холщовую рубаху. Пришлось остановиться, перевести дух... На ближней ветке сидели две удивительные пичуги. Они чистили перышки, проворно наклоня головки, увенчанные золотисто-зеленым хохолком.

Маклай, задрав голову, не отрывал взгляда от вертлявых кокеток. Одна из них, покосившись на необычного гостя, неестественно резко и громко крикнула. Ее каркающий, похожий на вороний голос неприятно резанул ухо. Очарование этих нарядных пичуг разом померкло.

— Райские птицы,— догадался Маклай.— И такой голос! Господь не очень-то щедр: наделяя одним, обделяет другим...

Тропа упрямо буравила тропический лес. Высоко над головой ветви переплетались, по ним агрессивно ползли вверх лианы, Цепляясь колечками и шипами. Но сама тропа не зарастала, лес не

смыкался. Узкая—двоим не разойтись—полоска красноватой глинистой земли, утоптанная босыми ногами папуасов, оставалась во власти людей, служила людям. И он шел по ней, не поддаваясь соблазну сесть на опрокинутый ствол или даже на землю или прислониться к пальме.

Уже наступила та стадия усталости, когда угасает интерес к окружающему. Но это только казалось. Неожиданно Маклай увидел бабочку—большекрылую, ослепительно яркую. Обычная легкость вернулась к нему, он стремительно бросился за бабочкой. Она резко вспорхнула и словно растаяла среди оранжевых плодов арековой пальмы.

Его, пожалуй, огорчила бы неудача—бабочек такой величины он еще не встречал, но Маклая отвлекли следы, отпечатанные на влажной глинистой тропе. Он увидел следы человеческих ног. Широкая, растоптанная ступня прорисовывалась с безупречной четкостью. Маклай рядом оставил след своего башмака. Пытливый взгляд сразу подметил: у папуаса нажим сделан на пальцы, у него, европейца, на пятку. Но главное заключалось не в этом: большой палец на ноге туземца был отставлен в сторону. Этот признак наряду с другими мусолили горе-теоретики, относя папуасов к промежуточному звену между обезьяной и человеком.

Маклай присел на корточки и перенес на бумагу отпечаток ноги папуаса. Загадка расположения пальцев оставалась неразгаданной, однако первый шаг был сделан, и Маклай с надеждой подумал, что, может, ему, первому европейцу, поселившемуся среди папуасов, суждено будет перечеркнуть эти лжетеории...

Приближался вечер. Догорало закатное солнце, когда он наконец вышел из лесу. Его хижина, поднятая на сваи, одиноко возвышалась на открытой площадке. Хижина казалась нежилой, мертвой. Привычная струйка дыма не поднималась от костра.

Маклай настроенно остановился, надеясь услышать хоть какой-нибудь звук. Было тихо... До хижины оставалось шагов сто...

2

Русский корвет «Витязь» бросил якорь у берегов Новой Гвинеи 20 сентября 1871 года. Этот берег был мечтою Миклухо-Маклая.

«Этот берег станет его могилой»,— считали почти все, кто знал о замыслах Маклая.

Мангровые леса темно-зеленой щетиной низкорослых деревьев плотно опоясывали побережье, по которому еще не ступала нога цивилизованного человека.

— Я дам вам катер с вооруженной охраной,— предложил командир «Витязя».

— Нет, нет!—порывисто ответил Миклухо-Маклай. Он прибыл завоевывать не землю папуасов, а их доверие. Он все продумал. Он не возьмет с собой оружия.

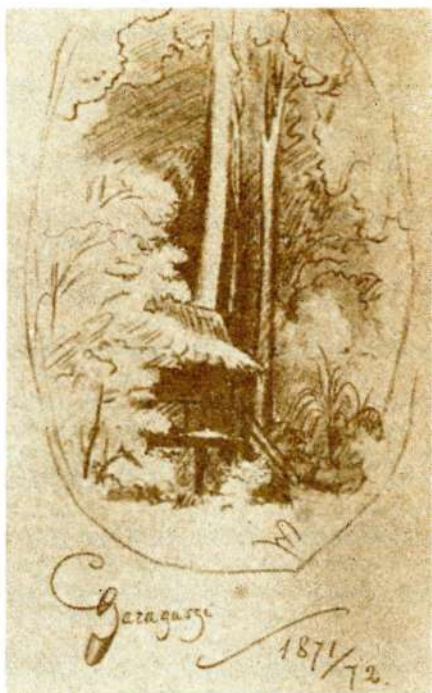
Еще в Петербурге Маклай наслышался мрачных, зловещих пророчеств. Он горько отшучивался:

— Если меня не съели наши академики, то папуасы меня не съедят.

Идея, подвигшая его поселиться среди дикарей, стоила риска.

Н. Н. Миклухо-Маклай с мальчиком Ахматом. 1874—1875 годы

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси

Даже смертельного. Он взялся доказать, что расовые и культурные признаки народов формируются под влиянием природной и социальной среды. Нет высших рас, нет низших. Все они—ветви одного древа... Здесь, вдали от современной цивилизации, живут дикари, вооруженные орудиями каменного века. Он узнает о них все, представит миру не домыслы, а факты и докажет свою правоту...

Шлюпка медленно приближалась к песчаному мысу. Маклай стоял, вглядываясь в берег. Бой и Ульсон—слуги, нанятые на острове Аполу,—гребли.

Прибрежные заросли внезапно раздвинулись, из кустарника вынырнул папуас с ярким пером в копне курчавых волос, с длинным копьём, увенчанным бамбуковым наконечником. Ступал он мягко, легко, словно тело его было невесомо. Его грудь рельефно бугрилась мускулами. Взмахивая левой рукой, он как бы призывал белого человека вернуться к корвету, а копьём, поднятым над головою, недвусмысленно угрожал.

Миклухо-Маклай дважды кивнул, пытаясь показать, что сигнал понял, и достал со дна лодки лоскуты красных лент, припасенных

для подарков. Из зарослей высыпали гурьбою островитяне, очевидно сидевшие в засаде. Они не скрывали своего интереса к лентам, но и, как тот, первый, угрожали гостям копьями.

Пришлось подарки доверить волне. Она подхватила их, понесла к берегу. Папуасы бросились за ними в воду. Красные ленты пришлось по вкусу: они показывали их друг другу, прикладывали к голове, но чужеземцам высадиться на землю не позволили. Озадаченный Миклухо-Маклай повел шлюпку вдоль берега. Мангровый лес подступал к самой воде. Белая пена прибоя лизала деревья. Непроницаемая густота зарослей защищала берег, как стена. Пришлось немало проплыть, прежде чем Маклай заметил узкие пироги, вытянутые на песчаную отмель. Значит, поблизости люди!

Шлюпка зашуршала днищем по песку. Маклай спрыгнул и не пошел, а побежал по тропе, уводившей от берега. Азарт нетерпения погасил в нем всякую осторожность. Он дважды или трижды споткнулся о корневища, но, кажется, даже не заметил этого—впереди показались хижинки с покатыми крышами. Крыши устилали полинялые, выцветленные дождями и солнцем пальмовые листья. А рядом, уходя прямо в небо, высились кокосовые пальмы, макушки которых глянцевито поблескивали длиннолистой кроной.

Деревня оказалась покинутой. Маклай шел от хижины к хижине—людей нигде не было, лишь тлеющие в кострах головни да остатки пищи в выщербленных деревянных блюдах выдавали недавнее бегство обитателей деревни.

В полумраке одной из хижин, куда заглянул Маклай, он увидел под потолком подвешенный человеческий череп с провалами глазниц и носа. Поспешно покинув хижину, он запоздало вспомнил, что совсем один в опустевшей деревне, а справа, за кустарником с узорными листьями, слышался шорох. Маклай резко повернулся. За кустом стоял папуас, смущенно попятившийся под его взглядом. Он был без оружия, если не считать костяного ножа, который торчал из-под плетеной травяной повязки, перехватившей левую руку.

Маклай выхватил из кармана лоскут красной материи и, улыбаясь, протягивая лоскут островитянину, медленно пошел к нему.

Спустя несколько минут цветная тряпица уже обрамляла густоволосую голову папуаса. Маклай и папуас с откровенным интересом рассматривали друг друга, мучимые бессильным желанием что-то сказать, но весь их словарный запас был бесполезен. И тогда Маклай, глядя в глаза папуаса, полные первобытного восторга и робости, ударил себя в грудь и громко сказал:

— Маклай!

Он трижды повторил это движение и трижды повторил свою фамилию. Глаза папуаса засветились счастливым озарением, он тоже ударил себя в грудь, и губы его, чуть вытянувшись вперед, исторгли имя: «Туй!»

3

Тропическое солнце поднялось быстро, опалив макушки отдаленных гор. Вечером, кроваво догорая, оно тонуло в океане. От восхода до заката в Гарагаси—на мысе Уединения—матросы «Витязя» расчи-

щали площадку, строили хижину, рыли погреб для продовольствия, крепили изгородь. Визжали пилы, стучали топоры, не смолкали человеческие голоса. Шлюпки и вельботы курсировали между корветом и берегом.

Командир «Витязя» явно торопился. Тропическая лихорадка уже свалила нескольких матросов, слегли слуги Маклая — Бой и Ульсон, да и сам Маклай держался с трудом. Бледное лицо, запекшиеся губы, воспаленно-красные глаза выдавали нездоровье.

Под кенгаром—богатырь-деревом—выросла хижина из двух тесных каморок, заставленных ящиками, с верандой, с кухонным шалашом во дворе. Поблизости установили на дереве флагшток, дабы подавать сигнал кораблям, если случится им проплывать в этих водах. На другом дереве вырезали стрелу, нацеленную в землю и означавшую, что дневники и научные записи будут зарыты здесь, как только крайняя нужда—тяжелая болезнь или опасность нападения—принудит к этому.

Артиллерийский офицер с «Витязя» неподалеку от площадки заложил несколько фугасов.

— Кто знает, что придет на ум дикарям?—сказал он.

Миклухо-Маклай согласно кивнул. Бессонница, духота, перенапряжение, лихорадка вымотали и его. Отдав офицерам «Витязя» письма на родину и глядя вслед отплывающему корвету, он подумал: «Не прощальные ли это письма?»

Едва корвет скрылся, растаяв у кромки горизонта, близ хижины появился Туй. По праву первого знакомого он приходил и в прежние дни, приносил кокосовые орехи, бананы, лепешки из плодов хлебного дерева. Маклай одаривал его бусами, лентами, осколками бутылочного стекла. Туй приспособил осколок для бритвы и выскоблил брови. Теперь больше прежнего выделялись его покатый лоб, широкий, расплуснутый нос.

Вольно или невольно Маклай всегда смотрел на людей глазами антрополога. Да, он заметил перемены в облике Туя. Но еще острее озаботили перемены в его поведении: придя, он не стал вызывать Маклая, как делал обычно, а медленно обошел вокруг хижины, что-то высматривая и странно шелкая языком.

Наконец, ступив на веранду, Туй быстро и горячо заговорил. Конечно, ничего из этой скороговорки Маклай не понял, и в глазах его застыл вопрос. Тогда гость, как бы спохватившись, перешел на общедоступный язык мимики. Он оттопыривал губы, тарасил глаза, шевелил ловкими пальцами, то указывая на океан, где скрылся корвет, то указывая на лес, откуда придут люди, имитировал бросок копыя, закрывал глаза и, безнадежно взмахнув руками, клонился к земле. Маклай понял горький смысл бессловесного рассказа, но живое, быстро меняющееся лицо Туя, его выразительные движения и комичные ужимки заставили Маклая рассмеяться. Туй испуганно и недоуменно смотрел на белого человека, а тот похлопал его по плечу и подарил большой острый гвоздь...

По-видимому, папуасы что-то затевали или, во всяком случае, обсуждали, как им поступить с пришельцами после ухода корабля. Следовало ждать сюрпризов. Однако минули день, два, три. Близ хижины Маклая никто не появлялся. Не терпевший неопределенности, Маклай сам решил направиться в одну из ближайших деревень. Не затем же он плыл на край света, чтобы отсиживаться в хижине.

В пору стоянки корвета он дважды побывал в Горенду. Его приближение к деревне вызвало в ней смятение и панику. Женщины и дети прятались или убегали в лес. Вслед за ними с лаем неслись собаки. Худые, полосатые поросята со стоячими ушами, словно чуя угрозу, куда-то скрывались. Не убегали лишь мужчины.

В общении с Маклаем папуасы были очень скованны, напряженно следили за каждым его движением. Если встречались с ним взглядом, отводили глаза, а когда он покидал их деревню, испытывали явное облегчение...

Что же, пока солнце не поднялось слишком высоко, надо было выступать в путь. После минутных колебаний—брать револьвер или не брать—Маклай решил не брать. Конечно, пульей можно убить одного, или двух, или трех нападающих, но еще вернее она убьет доверие папуасов, и все замыслы исследователя разобьются вдребезги, как стеклянный сосуд.

Ниточка тропы, затейливо изгибаясь, дважды пересекла ручей с красной глиной на дне. Из зарослей доносилась перекличка незнакомых птиц. Описав дугу, мелькнула в небе стайка цветастых лори—красивых, округлохвостых попугаев. Их черные и красные с синим перья Маклай видел в волосах папуасов.

Тропа неожиданно уперлась в толстый, расколотый грозой ствол дерева и вдруг разошлась: ниточка потолще побежала вправо, потоньше—влево. Не выбирая, Маклай свернул по левой, зная—тропа приведет к людям.

Кто-то оповестил деревню о приближении белого человека.

Переждав, пока стихнет суета, Маклай вошел в деревню и не спеша направился к группе мужчин, теснившихся возле ближайшей хижины. До чего живописная была группа!

Чуть впереди стоял молодой—лет двадцати двух—папуас с буйной копной черных волос, вдвое превышавшей размер головы. К ушам его были подвешены черепаховые серьги, шею обвивала связка собачьих зубов, а грудь украшали клыки диких свиней. На левом плече папуаса на шнурке висел деревянный щит, в правой он держал метательное копьё. Светло-шоколадная кожа его была гладкой, красивой, наглядно опровергая домыслы неких ученых, будто у папуасов кожа по-звериному жесткая и грубая.

Правда, рядом с молодым стоял папуас постарше, кожа у него была темнее и грубее, но, конечно, ничего в ней не было звериного, просто загрубела от ветра, солнца и цветной глины, которой туземцы «украшают» лицо и тело.

В эти минуты антрополог настолько взял верх над всеми чувствами Маклая, что он не сразу заметил враждебные взгляды папуасов, их воинственные позы. Молодой красавец, которым он так залюбовался, тоже стоял с копьём и щитом, изготоясь к поединку.

Глаз Маклая выхватил из группы юношу, натянувшего до предела тетиву лука. Лицо его было напряжено: он целился в прищельца. В ту же секунду Маклай услышал стремительно плывущий звук «вз-з-з-вик». Стрела чиркнула о соседнее дерево, обнажив на нем нежную белую кожу. Вторая стрела, пущенная кем-то другим, вонзилась в ствол над самой головой Маклая. Ее тонкое, гибкое тело дрожало и колыхалось после удара. Маклай даже не успел испугаться, не успел присесть или отпрыгнуть—так все было внезапно, а потом пришло состояние апатии перед неотвратимым.

Берег Маклая. Мужской дом (буамрамра)

Папуас, украшенный клыками диких свиней, сделал резкий выпад вперед, отвел для броска правую руку, и копье, мелькнув у самого глаза Маклая, возвратилось к хозяину.

В толпе папуасов послышалось что-то наподобие вздоха. Лица их застыли. Пришелец стоял как ни в чем не бывало, не выказывая ни страха, ни желания броситься наутек. Он лениво провел рукой по лбу, утирая выступивший пот.

Такое поведение, видимо, не укладывалось в сознании островитян. Белый человек не боится смерти. Ни стрелы, ни копья! Нет, такого они еще не видывали. А у Маклая пережитое вызвало нервную зевоту. Он дважды зевнул, размышляя, как быть ему дальше. Придумать что-либо в таком щекотливом положении бышо мудрено. Но к счастью, он увидел чуть в стороне циновку и пошел к ней. На глазах папуасов расшнуровал башмаки, лег, закрыл от солнца лицо широкополой шляпой и всем своим видом показал, что хочет спать.

Конечно, поначалу он думал не о сне, а о том, что если суждено быть убитым, то не все ли равно в какой позе? Но воинственный пыл Папуасов, кажется, иссяк. Наступила тишина. Где-то в листве противно крикнул и смолк попугай. Издали донеслось стрекотание цикады. Пахло разогретой землей. Теплый и влажный воздух как бы обволакивал. И Маклай заснул.

Когда он проснулся, увидел старых знакомых. Папуасы сидели на корточках и молчаливо глядели на белого человека. Некоторые жевали пряные листья бетеля. Ближе всех к Маклаю оказался его

бывший противник с копьем. Вид у него был мирный, он словно охранял спящего.

Маклай вынул из кармана стеклянные бусы и протянул их папуасу. Небольшая, тонкая рука Маклая казалась игрушечной рядом с рукой папуаса. Но папуас напрягся, втянул голову, ожидая чего-то зловещего, непоправимого. Лицо его побелело. Маклай впервые видел, как бледнеет, словно размывается, чернота щек папуаса.

Рука с бусами повисла в воздухе. В душе папуаса, видимо, шла борьба: решиться или уйти от соблазна? Бусы серебристыми бликами переливались на солнце. И, превозмогая себя, смиряя подрагивающие пальцы, папуас робко потянулся к бусам. Но тут же отпрянул, оглянувшись на Маклая и, убедившись, что ему ничего не грозит, стал разглядывать стекляшки, шупать их пальцами, ловить ускользающие солнечные блики. Насладившись всем этим, он наконец повесил бусы на шею рядом со связкой собачьих зубов.

«Дети,— подумал Маклай.— Большие дети».

И на душе стало светло и легко.

4

Слава о белом человеке путешествовала по тропам джунглей, карабкалась по уступам, добираясь в горные деревни, плыла на утлой долбленке к островам в океане. И отовсюду шли и плыли в Гарагаси папуасы, чтобы посмотреть на белого человека.

Никто не покидал Гарагаси без подарков. Мужчины, очень ценившие украшения—бусы и ленты, все-таки, выказывая свою практичность, предпочитали осколки стекла и гвозди. Они годились для дела. Дарили и Маклаю. Гости несли ему плоды своих плантаций—богатые крахмалом клубни ямса и таро, кокосовые орехи; несли не только пищу—несли свои говоры, орудия труда и охоты. В дневнике Маклая появились портреты Авеля из Горенду, Каина с острова Били-Били, рисунки пышнохвостых попугаев, огромных ящериц, каменных топориков, метательного копья—сервару и шелюпы—плоско отточенной кости кенгуру, заменяющей нож.

В самодельном словарики накопилось около сотни папуасских слов. Встреча гостей, Маклай говорил: «Э, аба!» (Э, брат!) Прощаясь, пожимал руку выше локтя...

Однажды Маклай рисовал островитянина Каина. Лицо его привлекало своей выразительностью: вытянутое, удлиненное, с осчрым крючковатым носом, оно напоминало профиль хищной птицы. Глаза у Каина были печальные, торчал острый кадык, выпирали ключицы.

Карандаш легко скользил, верно схватывая характерные черты островитянина. Лицо, голова, грудь... А не нарисовать ли его в полный рост? Маклай окинул Каина взглядом. Островитянин терпеливо ждал, когда белый человек его отпустит и даст ему большой гвоздь, какой дал брату Лалаю. Но белый человек не отпускал Каина, перестал рисовать и почему-то устоял на его ноги. Ступня островитянина была узкой, малорастоптанной, икры вялы, худы, развиты слабо. Пожалуй, такие же икры были у Лалая и других островитян.

Оставив Каина сидящим на пеньке и забыв вручить ему гвоздь, Маклай в задумчивости начал ходить взад-вперед по веранде. Слабая мускулатура на икрах папуасов! Именно на это ссылаются некоторые ученые. Именно это, по их мнению, роднит папуасов с обезьянами. Именно икры играют важную роль в прямой походке человека. Вот они—пережитки древесного образа жизни!

Размышляя об этом, Миклухо-Маклай даже пришелкнул языком, как шелкают папуасы, выражая озабоченность. «Но простите, господа хорошие,—продолжал рассуждать Маклай.— Почему у Туя из деревни Горенду крепкие, мускулистые икры? Почему у жителей гор литые, сильные ноги, которым позавидовали бы европейцы, давно избавленные от древесного образа жизни?!»

Кажется, истина была зарыта не так глубоко. Ларчик открывался просто: обитатели маленьких островков почти не ходят, вся их жизнь—на пирогах, в ловле рыбы, а европейские путешественники с «папуасами джунглей» и «папуасами гор» не встречались, они видели только островитян...

Ох, и коварна она, наука! Как подводит она тех, кто к желаемым выводам подгоняет факты! Маклай торжествовал. Пережитки древесного образа жизни! Как бы не так!..

И вдруг он заметил виновника своего торжества: Каин по-прежнему сидел на пеньке—остроносый, грустный, погруженный в

бесконечное ожидание. В кармане Маклая был перочинный нож. Он обнажил лезвие—стальное, тонкое, с зубринами от напильника.

— Шелюпа?—спросил Каин.

— Нож,—ответил Маклай, протягивая ему подарок.

5

Ночью он проснулся от озноба. Натянул на себя все, что можно,—одежду, два одеяла, плащ, но озноб не ослабевал, скорее усилился. Трясло так, что поскрипывала койка. Он знал, что ничем не согреться, и все-таки была neodолжимая потребность кутаться, кутаться, кутаться. Потом начались боли в суставах, их словно выворачивала чья-то невидимая рука.

Появился жар. Первые минуты казалось, что пришло облегчение—лучше жар, чем выматывающий озноб, чем эта бесконечная трясучка. Но так лишь казалось. Что-то неладное происходило с телом: оно отяжелело, стало громоздким, неуклюжим. Распух язык, заполнив рот чужой, инородной массой.

Ночь тянулась безысходно долго. Ее густая чернота словно обрела вес и давила, как тяжелая плита. И вдруг эту черноту перечеркнули цветные линии. Перед глазами заплясали красные и оранжевые дуги. Они то удалялись, то превращались в пестрый, горящий на солнце хвост попугая. Маклай даже пытался схватить рукой этот хвост и отбросить его от глаз, но хвост ускользал.

Пять или шесть часов, не давая передышки, мучили галлюцинации, терзала лихорадка. На рассвете стало немного легче. Маклай попытался принять хину. Правая рука, державшая ложку, дрожала. Чтобы попасть в рот, он поддерживал ее левой.

Утром он заставил себя встать. Ноги не подчинялись, приходилось держаться за ближайшие предметы, однако он встал и кое-как выбрался на веранду. У Миклухо-Маклая было правило: не покрывать недугу, иначе он тебя съест.

По сути болезни «съели» слуг Маклая. Бой—расторопный, отлично стряпавший полинезиец, подросток лет пятнадцати, нанятый во время плавания «Витязя»,—угасал на глазах. Руки его бессильно повисли, ноги истончились, как спички, опухли железы.

Второй слуга—швед Ульсон, списанный с какого-то шведского китобойного судна и оставленный на одном из островов Тихого океана, не случайно, видимо, оставленный,—был на редкость безволен и труслив. Лихорадка выбила его из колеи. Он почти не поднимался с постели, правда в отличие от Боя много ел, по ночам впадал в панику, ему мерещилось нападение папуасов. Достаточно было услышать непонятный звук или вскрик ночной птицы, Ульсон будил Маклая, протягивал ему двустволку, шептал:

— Скорее, скорее! Они идут...

Ульсон раскис, размяк, перестал бриться, забывал умываться, затравленно смотрел на Маклая, если тот давал ему поручения.

— Вы самоубийца, Ульсон,—сказал с досадой Маклай.

В то утро Маклай делал все то, что делал и до болезни: записал направление ветра, высоту прилива. Измерив температуру воды в ручье, долго сидел на поваленном дереве. Противно дрожали колени, выступил пот. Трудно дышалось. Не спеша побрел к берегу океана:

надо было и там измерить температуру воды. Пока он возился с градусником, делал записи, на берегу появился Туй.

— О, Маклай! — громко воскликнул Туй и, приблизившись, заговорил торопливо к сбивчиво. Он спешил что-то поведать, тревожно оглядываясь, словно его могли подслушать посторонние, хотя на берегу никого не было.

Торопливую речь Маклай понимал с трудом. Но ему передалась тревога Туя. Бой больной. Бой умирает. Пусть гаро-тамо — «человек в оболочке» (так все чаще называли Маклая, потому что он ходил в одежде) — пусть гаро-тамо отдаст Боя папуасам. Скоро умрет и Ульсон. Как бы представляя это, Туй качал головой, прищелкивал языком, закрывал глаза. Пантомима, видимо, означала, что Маклай останется один и тогда его убьют.

Гаро-тамо не выказал никакой тревоги. А когда Туй ушел, Маклай вернулся в хижину. Ульсон — помятый после плохого сна, заросший рыжей щетиной, со спутанными волосами, весь в комарных укусах — бранил как только мог проклятый остров, проклятую лихорадку, проклятых папуасов, которые изжарят его на костре. Маклай — ему опостытели причитания слуги — спросил Ульсона, не все ли ему равно, как его съедят — в сыром виде или жареном, ведь он этого уже не узнает...

Бой был совсем плох. Тонкая ниточка пульса едва прощупывалась. Пищу он не принимал. Безучастные губы неохотно разжались, пропустив два глотка воды, и снова сжались.

Было над чем задуматься.

Действительно ли папуасы готовят нападение? Поводов для воинственного недоброжелательства против себя Маклай не давал. Однако поступки дикарей не всегда предсказуемы. Они, например, презирают слабых, больных. Быть может, болезни слуг Маклая в их сознании означают, что это он привез на их остров немощь, мор, смерть? И его надо убить...

Первое, что пришло на ум Маклаю, — вложить все дневники и научные записи в металлический цилиндр, привезенный из Петербурга, зарыть этот цилиндр под деревом со стрелой-указателем. Не мешкая он собрал все бумаги. Хотел было написать прощальное письмо матери, однако передумал, опустил все записи в круглый зев цилиндра и завинтил крышку. Оставалось выйти во двор, взять в шалаше кирку и лопату и поглубже зарыть цилиндр. Маклай колебался: после приступа лихорадки слабость еще не прошла. На лбу проступала испарина, кружилась голова. Грунт крепкий, неподатливый, одному, пожалуй, не справиться. Позвать Ульсона?..

За оградой послышались шаги, треск раздвигаемых веток.

— О, Маклай! — раздался просительный голос. — О, Маклай!

Возле веранды стояли папуасы из Бонгу с маклаевскими лентами на голове. Они учащенно дышали, очевидно, запыхались после быстрой ходьбы. Увидев гаро-тамо, заговорили все одновременно. В Бонгу умирал их родственник, сбитый с ног дикой свиньей. Просили помочь.

Вечерние сумерки опускались на землю. Выйдя из лесу и увидев свою хижину, Маклай остановился. В нем шевельнулось дурное предчувствие. Над хижиной не вилял привычный дымок костра. Со двора не доносилось никаких звуков.

Днем Ульсона никакая сила не способна была оторвать от койки, но к вечеру его поднимало беспокойство. Он зажигал костер, панически страхась надвигающейся темноты и пуше смерти боясь остаться один на один с папуасами.

Маклай едва дотащился до Гарагаси. Папуас, пострадавший от дикой свиньи, ради которого пришлось идти в Бонгу, был вне опасности. Рана на темени оказалась глубокой, но не очень опасной. Маклай выстриг волосы, промыл рану, смазал ее карболкой.

Папуасы с суеверной почтительностью следили за действиями гаро-тамо. Их поразили и блестящие ножницы, после щелчка которых отделялись волосы, и бутылочка с резко пахнувшей жидкостью, и белые, как океанская пена, бинты.

А у Маклая была своя радость. Прежде из-за пышных, густых шевелюр он не мог разглядеть, как растут волосы у папуасов, а ведь многие ученые называли их «пучковолосой расой», утверждали, что волосы у них растут пучками и что, мол, это одно из свидетельств промежуточной формы между обезьяной и человеком.

У раненого никаких пучков не было и в помине! Волосы его росли так же, как у европейцев. Срезанные пряди этих волос, завернутые в тряпочку, лежали в кармане Маклая. Это так взбудоражило его нервы, что он даже представил сконфуженные физиономии своих оппонентов в Йене и Петербурге, рьяных приверженцев идеи о «пучковолосой расе». Впрочем, сейчас было не до оппонентов. Перед Маклаем темнела молчаливая, одиноко-безжизненная хижина в Гарагаси. Что бы там ни ждало его, надо было идти. И он побрел дальше, обуреваемый дурными предчувствиями.

Боя хоронили ночью. Из-за отлива шлюпка оказалась далеко от воды. Она скребла широким днищем по мокрому песку, едва поддаваясь их усилиям. Труп завернули в мешок, туда же положили камни, чтобы труп быстрее пошел ко дну. Шлюпка, и без того тяжелая, стала еще тяжелее. В конце концов Маклай и Ульсон столкнули ее на воду.

Хоронить Боя в Гарагаси не решились: коралловый грунт не позволил бы вырыть глубокую могилу. Саму смерть надо было скрыть от папуасов, а неглубокую могилу наверняка разрыли бы голодные собаки, рыскавшие близ хижины Маклая.

Погода благоприятствовала. Луна скрылась в облаках. Океан был тише и тих. Лишь плеск весел—неторопливый и негромкий—выдавал шлюпку. Мрак отступил внезапно, когда из-за ближнего мыса брызнули на воду огни. Папуасы стояли на пирогах с факелами, с острогами и луками. Пламя лизало воздух, растекалось, переливалось на воде. Плавающий отряд двигался наперерез шлюпке.

Ульсон бросил весла, умоляя Маклая повернуть к берегу. Но

Изображение лица на топориче

Невеста из деревни Бонгу

Маклай понимал: разложение трупа, ускоренное влажностью и духотой, не позволит держать его в хижине или спрятать в лесу.

— Гребите!—приказал он Ульсону.

Пирогі быстро приближались. Пламя факелов нервно качалось в руках папуасов, которые напряженно всматривались в воду. Когда встреча казалась уже неминуемой, пироги неожиданно и резко изменили направление.

— Взяли!—скомандовал Маклай. Мешок тяжело плюхнулся в воду.

Вернулись в хижину отчужденные и бессловесные, будто сами были виновны в смерти Боя. Маклай, сбросив башмаки, повалился на койку, а Ульсон, видно, лег в башмаках. Койка его сразу закрипела, и оттуда, из-за матерчатой перегородки, послышались бормотание, вздохи, проклятия судьбе и этому острову.

Уже засыпая, Маклай слышал, как Ульсон поднялся, чертыхнулся. Ударившись о какой-то ящик. И вот жаркая рука его растормошила Маклая. Горячий шепот лился прямо в ухо:

— Скорее, скорее! Они идут!

Во дворе, разрывая темень, из стороны в сторону металось язычстое пламя факелов. Темные, лоснящиеся от пота лица, торчащие в волосах перья, наклоненные копыя с бамбуковыми наконечниками — все это колыхалось в беспорядочных и тревожных всплесках огня, все это надвигалось на хижину.

После напряжения минувшего дня и минувшей ночи, не продрав толком глаз, в движущейся массе Маклай не различал лиц, не понимал выкриков, слившихся в единый гул.

Ульсон зарядил дувстволки и воткнул в карман Маклая револьвер — бедро ощутило литую тяжесть металла.

— Стреляйте! — требовал Ульсон, но Маклай остановил его жестом и шагнул на веранду навстречу ночной угрозе и неизвестности.

Ни малый рост, ни природная худоба не сделали Маклая жалким или беспомощным, когда он один стоял посреди веранды перед надвигающейся толпой. Черная борода окаймляла бледное лицо, из-под темных полукружий бровей, почти сомкнувшихся на переносице, смотрели исполненные решимости глаза.

На веранду вспрыгнул богатырского роста папуас. В его левой руке пылал факел, а правая тянулась к Маклаю с каким-то массивным и блестящим предметом. Когда рука приблизилась, Маклай увидел большую рыбину, отливающую серебристой чешуей.

Один за другим вспрыгивали на веранду папуасы и опускали к ногам Маклая частицу своего улова. Пропахшие рыбой и ночной сыростью, они улыбались широко-широко, с той первобытной, незашитенной искренностью, какая доступна только детям.

Торжественность ритуала подчеркивали и беспокойное пламя факелов, и покачивающиеся в ушах туземцев черепаховые серьги, и нарядные перья тропических птиц, украсившие черное буйство волос. Глаза папуасов были доверчиво открыты и полны доброты.

Потом, словно по команде, они покинули Гарагаси. Огни их факелов заскользили по глади океана. Маклай долго глядел им вслед, захваченный необычным ритуалом. А у ног его, на шербатам полу веранды, колыхалось и перекатывалось живое серебро ночного улова...

8

Прежде чем папуасы назвали Маклая «тамо-билен» — хороший человек, прошли месяцы. Недоверие и робость сменились уважением и привязанностью. Маклай лечил своих чернокожих друзей, извлекал из гнойников личинок. Он давал им лопаты и топоры, привез из России семена тыквы и кукурузы, желая пополнить зеленую кладовую Новой Гвинеи.

— Э, аба! — встречали Маклая в деревнях. Он ел с папуасами таро и вареные бананы, белое мясо ящериц, крутые яйца черепах, спал на барле — высоком деревянном помосте, согреваясь жаром поленьев, глеющих в каменном ложе посреди хижины.

Он срисовывал развешанные вдоль стен челюсти свиней, заколотых во время празднеств, ребристые скелеты рыб, закопченные

тулумы — фигуры с удлинненными лицами и свисающими до колен языками, вырезанные из древесины костяными ножами.

Мужчины научили Маклая стрелять из лука, сделанного из пальмового дерева, управлять парусной пирогой, состоящей из двух долбленок, есть теплую золу, содержащую соли и добытую из сожженных бревен, несколько недель проплававших в океане.

Женщины и дети перестали бояться Маклая и прятаться от него. Поначалу Маклая удивляло, что женщины носят за спиной поросят. Не менее удивляла его и необычная привязанность поросят к своим хозяйкам. Лишь увидев, как поросята, закрыв глаза и замерев от блаженства, сосут женскую грудь, Маклай понял, почему эти длинноногие полосатые хрюшки с собачьей преданностью бегают по деревне за папуасками.

Маклай научился ходить по туземным тропам джунглей. Теперь он не останавливался, если у оврага, заросшего непроходимой чащобой, внезапно обрывалась тропа. Маклай знал: надо взобраться на дерево, по ветке перебраться на соседнее, потом еще на одно, и упругие лианы, как качели, вынесут на противоположный откос оврага, где прячется в зарослях продолжение тропы...

Хижина Маклая, его тесная каморка превратилась в музей. Здесь и прежде негде было ступить—стол, корзины с бѣлѣм, приспособленные под койку, складное кресло. Теперь со всех стен смотрели черепа папуасов, собранные в деревнях; на полках—пробирки с заспиртованными моллюсками, жуками, ящерицами; по углам—копья с острыми наконечниками, остроги с бамбуковыми древками, хищно изогнутые луки и стрелы из тростника.

Больше всего дорожил Маклай коллекцией волос папуасов. Первая прядь в этой коллекции появилась, когда гаро-тамо врачевал рану неудачливого охотника из Бонгу. После этого всякая попытка Маклая выстричь у кого-либо из своих знакомых, даже за щедрое вознаграждение, хоть одну прядь заканчивалась неудачей. Папуас, видя ножницы, нацеленные на его шевелюру, отскакивал, как ужаленный.

Пришлось применить хитрость. Однажды, беседуя с Туем, Маклай выстриг у себя пучок волос и протянул их чернокожему другу. Тот благоговейно принял подарок и завернул волосы в пальмовый лист. По просьбе гаро-тамо Туй отрезал несколько прядей у себя и подарил их Маклаю.

Скоро по тропе в Гарагаси потянулись желающие поменять свои «гетесси»—локоны—на «гетесси» гаро-тамо. Наверное, эта коллекция была бы вдвое и втрое богаче, если б в один прекрасный день Маклай не обнаружил, что левая сторона головы его почти обнажилась: держа ножницы в правой руке, он выстригал только левую сторону...

9

Дождь хлестал немилосердно. Крыша, не такая покатая, как у папуасов, протекла. Капли—сперва робко, потом уверенно и часто—забарабанили по столу. Череп, висевший над койкой, потемнел от влаги, с него прямо на одеяло упала первая капля.

Полыхали молнии. Казалось, горит лес, горит океан, горит

воздух. Ульсон, ослепленный очередной вспышкой, застонал за перегородкой, предрекая конец света.

Прохудилась не только крыша. Накануне Маклай заметил, что в шлюпку просачивается вода. Осмотрев ее, обнаружил причину: древесину источили черви и белые муравьи.

В худшем состоянии оказались сваи, державшие над землей хижину: они прогнили. Палец вошел в сырую труху, как нож в масло. Хижину, конечно, можно было привести в порядок. Но были и другие заботы. Подходили к концу патроны. Кончился спирт. Как сохранять новые коллекции? Таяли запасы продуктов.

Географическое общество на экспедицию выделило 1200 рублей. Российскую науку всегда кормили впроголодь, видимо полагая, что голодный поворачивается живее. Да что теперь сетовать! Не до жиру... Вот последние башмаки прохудились. Из прорехи большой палец вылез... И спасительный хинин на исходе...

Маклай осторожно отсыпал хину из бутылочки в ложку. Воды в хижине не было. Глотнул. Лицо перекошилось от горечи. Надо бы принять эту дозу раньше—теперь, наверное, не избежать лихорадки. Рот свело, по спине словно пробежала проворная, легкая мышь. Пробежала и выскользнула. Прокатилась волна озноба по икрам, по телу, задрожали руки, зацокали зубы. Началось!

Все повторилось, как в прошлый раз: сначала озноб, потом жар. Не было на сей раз галлюцинаций. В полусне, в полузабытьи он видел знакомые тропинки, знакомый берег, знакомые лица. Вот береговой изгиб залива. Штиль. Океан спит. Но не спят акулы. Косяк мелкой рыбешки, спасаясь от них, жметя к берегу. Туй по колону в воде. И Маклай тоже. Он видит в прозрачном мелководье узкую голову, плавники, гибкий хвост. Но рыба от него ускользает. А Туй ловит... ногой. Прыжок. Рыба прижата ступней. Секунда—и она между большим и вторым пальцем ноги. И поднята из воды, и брошена в мешок. Европейец это мог бы сделать только рукой.

Так вот почему большой палец на ноге папуаса отставлен в сторону! Маклай не раз рассматривал отпечаток ноги папуаса, срисованный на тропе. Разгадать загадку помог Туй...

Дождь не унимается. Хорошо, что пол с наклоном и весь в щелях: вода не накапливается, стекает. Польшание молний реже. Их пересверк на мгновение освещает комнату: мокрая стена, плачущий череп, в углу острога. Жар еще сильный, однако галлюцинаций нет, возбуждено воображение, перед глазами возникает то, о чем думал.

Круглолицая женщина в темной одежде с длинными ракушечными бусами. Лицо изрезано складками, в глазах страдание. Кто эта женщина? На папуаску не похожа—она в одежде, лицо старое—таких старых Маклай на острове не встречал. Под глазами мешки.

Кто она? Кто она?

От духоты, от жара память словно расплавлена. За перегородкой что есть мочи храпит Ульсон. Он всегда спит на животе, уткнувшись носом в подушку.

Кто же эта женщина? Маклай никогда не видел глаз, в которых было бы столько тоски и безысходности.

Вспомнил. Ну конечно же он не встречал ее ни на острове, ни на материке. Ее фотоснимок показал Маклаю командир «Витязя». В каком-то порту купили английскую газету с портретом этой женщины и статьей о ее судьбе. Ее зовут Труганини.

Прочитали все офицеры корвета. Молчали, как на похоронах. Было стыдно смотреть в глаза друг другу, потому что то, о чем прочитали, сделали люди. Маклай в тот день заперся в каюте и не вышел ни к обеду, ни к ужину. Он не мог есть.

Труганини—последняя аборигенка Тасмании. Детей у нее нет. И не будет. Она последняя. Англичане уничтожили, затравили ее соплеменников—всех до единого. Тасмания—их родина. Тасмания—их кладбище. За что? За черный цвет кожи? Или за то, что кому-то показалось, будто волосы у тасманийцев растут пучками? Или потому, что пушки фрегатов смертоноснее тростниковых стрел и насильники оказались сильнее насилуемых?..

Маклай завозился на койке, пытаясь сесть. И сел. Рассеянный свет скупо проникал в окно. Он отыскал глазами коллекцию с волосами папуасов, накрытую гуттаперчевым одеялом. Коллекция от дождя не пострадала. И Маклай подумал: «Я покажу эту коллекцию в Петербурге и Париже, в Лондоне и Берлине. Я докажу всему миру, что все расы—ветви одного дерева...»

В хижине было нестерпимо душно. За окном белесо курилась земля, отдавая обильную ночную влагу. С ближнего кенгара кричал какаду... Наступил день.

10

Грохот барумов—сигнальных барабанов—прокатывался над Горенду, Бонгу, Гумбу. Он разносился далеко-далеко, и папуасы, где бы они ни были—в джунглях, на плантациях, в пирогах, различали голоса барумов: тревожные, нетерпеливо призывные, заставляли их, стиснув копья, спешить на защиту своих деревень; глухие, скорбные удары означали—умер мужчина; бурная дробь барумов будоражила кровь, обещая обильное праздничное пиршество.

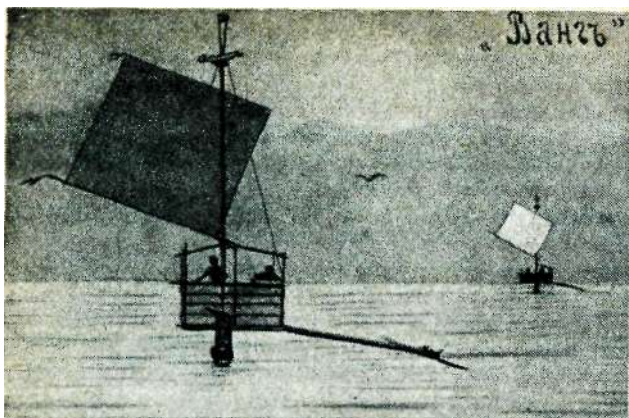
Маклая пригласили на праздник. А праздник проводили в его честь.

Несколько дней прибрежные деревни жили в смертельной тревоге. Прошел слух, что горцы из Теньгум-Мана готовят опустошительный набег. Дозорные рыскали по тропинкам. Возле хижин складывали запасы стрел и копий. Маклай направился в Теньгум-Мана предупредить братоубийственную войну. Он перешел реки, по дну которых бешеное течение катило камни и гальку, карабкался по уступам, цепляясь за мощные корневища деревьев. Не раз и не два вверял он жизнь узловатым корням, повисая над бездной.

В Теньгум-Мана все население слушало гаро-тамо—человека, умеющего лечить раны, легким движением зажигать огонь, посылать огонь из железной палки, убивая быстрюю птицу и дикую свинью.

Гаро-тамо сказал: «Войны не будет!» И люди Теньгум-Мана повторили вслед за ним: «Войны не будет!» С этой вестью спустился Маклай в прибрежные деревни. И в честь Маклая покатила над Горенду, над Бонгу, над Гумбу праздничная дробь барумов.

На просторной площадке горели костры. В горшках хлопотала кипящая вода. Вместе с паром вырывались пряные запахи незнакомого варева. На циновках сидели и лежали папуасы из окрестных деревень. Их лица были украшены красными, черными и белыми черточками. Некоторые половину лица окрасили в красный, дру-

Парусная лодка папуасов. Остров Били-Били

гую—в черный цвет. Туземцы тянули из чаш хмельной кеу. Иные, уже отведав дурманящего напитка, подняв к небу двухметровые бамбуковые трубы, терзали слух оглушающей какофонией.

Маклаю поднесли кеу. Он знал, как готовят этот напиток: листья и стебли перечного растения растирают камнем, потом разжевывают зубами. Обычно один человек устает (стебли очень жесткие), и тогда разжевывает второй, третий. Размяченную, сдобренную обильной слюной жвачку складывают в чашу и разбавляют водой.

Густо-зеленый напиток темен, как омут, запаха раздражающе щекочет ноздри. Маклай колеблется. Но имеет ли он право брезгливо отвернуться от протянутой чаши? Папуасы с чашами рядом, они ждут: по праву почтенного гостя ему пригубить первому...

Обжигающая горечь раздражает нёбо и горло. Соседи Маклая дышат, открыв рты, мотают головами, морщатся. От ставит на циновку порожнюю чашу и тянется за буаом. Надо заесть резкую горечь дурманящей жижи.

Возле Маклая сидят его давние друзья. Видимо, это предусмотрено ритуалом. Слева старик из Бонгу, которого лечил Маклай. Рана на голове затянулась. Место вокруг шрама, где волосы не растут, почти скрыла шевелюра. Тут же остролицый и крючконосый Каин с острова Били-Били. На него все поглядывают почтительно и с завистью: у Каина железный нож, подаренный Маклаем. Справа сидит Туй. Он первый папуас, познакомившийся с гаро-тамо. Глаза Туя после кеу немного затуманены, но он внимательно следит, чтобы табир—деревянное блюдо—перед Маклаем не пустовал. Особенно усердно Туй подкладывает желтовато-белую массу бума—кушанья, приготовленного из сердцевины саговой пальмы. У папуасов это редкий деликатес.

Маклай на днях по пути в Горенду слышал стук каменных топоров как раз там, где росла саговая пальма. Неужели срубили?

Он хотел спросить об этом Туя, но Туй куда-то удалился и вскоре вернулся с большим табиром, сопровождаемый гостями и стариками. Он опустил табир перед Маклаем и, гордо оглядев соплеменников, произнес:

— Тик-ва!

Гости и старики вслед за Туем повторили:

— Тик-ва!

Да, это была тыква, выращенная из семян, привезенных Маклаем из России, приготовленная по способу, показанному Маклаем. Она была еще горячей, и от длинных ломтей поднимался легкий пар. Улавливался характерный запах свежепареной тыквы.

Гости и старики, став кругом, чего-то ждали. И тогда Маклай, отрезав ломтик, проглотил его и всем своим видом показал, что получил большое удовольствие.

Первым протянул руку Туй и, получив свою порцию, отошел; за ним потянулись гости и почитаемые старики. Трудно сказать, понравилась ли тыква папуасам. Некоторые сдабривали непривычную еду мякотью кокосовых орехов. Но все приговаривали:

— О, Маклай! Билен-тамо! (О, Маклай! Хороший человек!)

Пиршество завершило зрелище, обязательное на всех праздниках: двое мужчин медленно и церемонно, как на параде, внесли на площадку большую свинью. Свинья, привязанная лианами к бамбуковой палке, концы которой упирались в плечи папуасов, ждала своей печальной участи. Ее закалывали копьем и, теплую, еще вздрагивающую, костяными ножами кромсали на порции...

Перед вечером Маклай направился в Гарагаси. Пиршество папуасов продолжалось. Ему не скоро суждено было завершиться, потому что далеко не всё было съедено и не весь кеу был выпит.

Гремели барумы, им вторили пронзительные бамбуковые трубы. На деревьях замирали желтоголовые какаду, прислушиваясь и запоминая далекие звуки, чтобы попытаться повторить их.

Маклай отыскал то место, где росла саговая пальма. Обрубок ее прямого ствола хранил отметины каменных топоров. Цветущую саговую пальму Маклай никогда не видел. Эта пальма цветет один раз в жизни и, взрастив плоды, умирает. Папуасы рубят дерево за два-три года до цветения, добывая его питательную и вкусную сердцевину.

Так и не суждено было саговой пальме полыхнуть предсмертным великолепием своего цветения, отдав ему все соки, всю красоту, всю жизнь. Лишь клочья лиан, оборванных при падении дерева, валялись вокруг...

Маклай вышел на тропу. В метре от него она, как змея, исчезла в зарослях. Но он знал, что она не исчезнет, что за поворотом она снова вынырнет и заплетает по джунглям.

Тропа вела в Гарагаси.

СКОРО ВЕСНА...

Рассказ

— Если бы замерзший человек тоже мог вот так оттаять, — сказала Насте, разглядывая веточку рододендрона в вазе.

— Ты хотела сказать: человеческое сердце... Ты любишь пышные слова.

Стяпас сидел упершись в стол подбородком. Насте продолжала улыбаться. Успела привыкнуть, что он постоянно грубит. Молча ласкала подушечками тонких пальцев пушистую ветку. Розовые лепестки напоминали скромный цветок литовских лугов. Только что распутившиеся листочки казались теплыми, как дыхание.

За обледеневшим окном буйствовала пурга. Насте знала—это, пожалуй, самая сильная из всех вьюг, неистовствующих сейчас на планете. Но она не чувствовала ее, даже не замечала, как ходит ходуном деревянный вагончик. И в ушах не звенело, хотя четверные оконные стекла вибрировали, словно мембрана. Всего полгода назад Насте сходила с ума, едва только мелко задребезжат эти стекла, ведь домик стоял высоко на скалах, первым на пути ураганов с Тихого океана. Двинет шторм в стены, в окошко, взмоет ввысь и снова беспрепятственно мчится по просторам Охотского моря. Ночью в комнату вдруг врвался ледяной ветер, по полу кружились снежные заверти. Насте знала—это не опасно, ведь одной стеной домик упирается в скалу. Не унесет его ветер. Просто сильный порыв на миг приподнял его с фундамента.

Насте старалась не поцарапать обломанными ногтями нежные листочки. Странное растение этот дальневосточный рододендрон. Куст, как и всякий другой. А срежь с него прутик хоть в разгаре зимы, поставь в теплую воду—и через три дня распусятя душистые листочки салатного цвета. Еще двое суток, и веточку облепят розоватые цветочки. Ветка-невеличка, а словно теплый очаг в комнате.

Насте протянула через стол обнаженные руки, взяла в ладони голову Стяпаса. Почувствовав, наверное, что пальцы блуждают по его лицу заученными движениями, без того трепета, с которым ласкали рододендрон, он досадливо мотнул головой и смахнул Настины руки.

— Скоро весна... Прилетят чайки, миллионы, миллионы бакла-

нов...— Насте говорила мягко, словно сказку ребенку рассказывала.

— Бакланы птенцов отрыжкой кормят.

— Бывают и люди, которые постоянно потчуют этим своих близких.

Она встала без вдоха. Подошла к печке, помешала уголь. Стяпаса бесило, почему она и дома ходит в этих меховых замасленных штанах, заправленных в валенки. А руки голые... Насте проскользнула на кухню. Стяпас ненавидел эти ее бесшумные движения. Будто кошка! Он понимал: Насте и к огню-то подошла специально, чтобы убежать не сразу. И дверью не хлопнула. А разговаривать с ним не будет до самого вечера.

Стяпас потрогал зуб. Пальцы опухли, отекли, и поэтому казалось, будто зуб шатается. И другой шатается, и третий, и четвертый. В глубине души Стяпас злорадствовал: скоро выпадут все. Что сейчас? Апрель? Наверно, днем на дворе уже бывает светло. Ел ли он сегодня хоть что-нибудь?

Как же он познакомился с Насте? Ага, это случилось в Вильнюсе. В университетском актовом зале, на вечере танцев.

Он встрепенулся от нахлынувших воспоминаний. Даже голову поднял.

... Торчал он в тот раз, как всегда, в углу зала. Рядом с ним на свободный стул опустилась Насте. Краешком глаза Стяпас мгновенно оценил—семнадцатилетняя. Распарившись, обмахивалась белым платочком. Потом резко повернулась к Стяпасу:

— А вы почему не танцуете?

В те времена Насте все делала внезапно, по наитию. Поступала так, как ей вздумается.

Стяпас уже рот раскрыл—сейчас отбреет. Нет, не похоже, чтобы девушка искала компаньона на вечер. Молоденькая, очень недурна собой. Таким нет надобности набиваться незнакомцу. Черные волосы волнами падали на плечи. Лицо белое, не покраснелось даже от танцев, огромные синие глазищи. На груди блестящая брошь. Стяпас подумал, что брошь ей ни к чему—внимание отвлекает. Эта девушка не нуждалась в украшениях—только черное платье и эти бездонные глаза.

Он сказал:

— Будь у меня девушка, которую захотелось бы обнять...

— Ого! Разве танец только объятия?

— И ни за что на свете не позволил бы ее обнимать другим.

— С вами не соскучишься!

— В таком случае брошье размахивать платочком. Пошло!

Стяпас ждал: уйдет, обидевшись, или нет? Но когда снова повернулся к ней, увидел, что, пунцовая от смущения, она запихивает платочек в рукав и никак не может попасть.

— А вы... вы-то сами... никогда не бываете пошлым?—Ее лицо все еще горело.

— Разве не вы говорили, что со мной не соскучишься?

— Хозяева вечера могли бы быть и полюбезнее...

Стяпас усмехнулся, раскусив нехитрую уловку:

— Никакой я не хозяин. Я с другого факультета.—Потом сжалился и добавил:—А я думал, что это вы медичка.

— Нет, я даже не студентка. Мы с подругой пришли,—охотно отозвалась девушка. Румянец уже исчез, но она все еще стеснялась

взглянуть на Стяпаса. Каждую фразу теперь обдумывала наперед — боялась попасть впросак. — Работаю на телеграфе. Заходите. Отправлю телеграмму вашей девушке: «Люблю, жду, целую».

Стяпас заметил, что «люблю», «целую» она старалась произнести самым непринужденным тоном. Он снова усмехнулся.

— Нет у меня такой девушки, — сказал он, ощущая легкий приступ скуки, ведь с этих слов все и начинается...

— Не верю. Наверно, вы уже давно женаты. И куча ребятишек!.. — Девушка смеялась немного искусственно. Опять заиграла музыка, и по паркету через весь зал к ним устремился высокий медик в лакированных туфлях. Поклонился ей. Насте отрицательно затрясла головой.

— Но я в самом деле не умею танцевать! — предупредил ее Стяпас.

— Опять неправда! Я вас не раз уже видела, и подружки говорили... — Она прикусила губу, поняла, что проболталась.

То, что им интересуются, Стяпасу казалось естественным. Действительно, еще год назад он не пропускал ни одного танцевального вечера, новые танцы приносил в зал. На него смотрели, выпучив глаза. А теперь что? Все выделывают выкрутасы, как кому взбрдет в голову. Вот он и завел привычку сидеть в углу.

Стяпас чувствовал себя в ударе. Хорошо, когда жадно ловят каждое твое слово. Фантазия работает, и слова от этого звучат убедительно, даже самому себе кажется, что ты и раньше об этом размышлял!

Уже добрых полчаса они бродили по тенистой улице Чюрлениса. Кругом липы в несколько рядов: с края — старые, ближе к мостовой — молодые. «Тоже семнадцатилетние», — подумалось Стяпасу.

И слова приходили сами собой. «Если девка влюбится, — подумал Стяпас, — пусть пеняет на себя. Такие речи для девиц опасны».

— Призвание мужчины — борьба. Только в борьбе возможно предельное напряжение всех сил, понимаете? И только в этом — счастье. Ведь путь наш так короток, разве можно прожить без счастья? И если вся наша жизнь — игра, то я желаю играть по-мужски.

:— Ну, допустим... Ведь вы физик?

— И что же? — Стяпас заподозрил, что девчонке известно о нем все.

— Окончите университет... устройтесь на работу в школу... будете преподавать по программе... — Она говорила робко, боялась, что Стяпас вдруг замолчит.

— Я никогда ничего не делаю по программе. Нужно создать свою программу, самому написать книгу своей жизни. Не авторучкой, конечно. Это для пустозвонов. Книгу про великую любовь. Про борьбу. Про трудности — про бешеное биение сердца! Вы читали Киплинга?

If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating.
And yet don't look too good, nor talk too wise;

...If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run

Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more — you'll be a Man, my son!

Девушка смущенно молчала, и, выдержав паузу, Стяпас перевел стихи:

— Если ты можешь ждать и не устать от ожидания или, когда вокруг лгут, не запутаться во лжи, а когда тебя ненавидят, не позволить себе ненависть и все-таки не казаться слишком хорошим, даже не говорить слишком умно; если можешь сложить вместе все свои победы и рисковать всем сразу, доверив волнам, и потерять, и снова все начать сначала, ни словом не обмолвившись о поражении ... если ты можешь заполнить незабываемую минуту шестьюдесятью минутами, из-за каждой из которых стоит бежать далеко,—тогда твоей будет Земля, все, что на ней, и—самое главное—ты будешь Мужчиной, сын мой!

— Я вас именно таким и представляла себе,—шепнула Насте, когда они подошли к ее дому.

— По лбу судите?—рассмехался Стяпас, хотя ему понравилось. Девушки не раз говорили, что у него волевые брови и что лоб мужской.

— Вот и проводили через весь город!—Она попыталась усмешкой снять свое смущение.

Узкая потная ладонь вздрогнула в его руке, каблучки застучали за темным проемом подъезда. Насте так и не обернулась.

Они стали встречаться довольно часто. Стяпас звонил на телеграф, и она приходила. Когда он впервые поцеловал ее, казалось, что Насте давно уже этого ждала. Стяпас читал ей стихи Шелли, Байрона, Киплинга. У него был звучный баритон, и старинные, неведомые ей, немного монотонные песни приобретали глубокий смысл. Пел он где угодно, даже на улице, нимало не смущаясь, что прохожие оборачиваются.

Привет тебе,
Полярная земля,
Где тайны окружают
Царство смерти.
Мы понесем туда
Свои знамена.
Все одолеем:
Жуть,
Тоску
И смерть.

— А расскажи, как ты, как ты сам собираешься жить!—Она привыкла, спрашивая, словно маленький ребенок, хватать за рукав и тереть. —Расскажи мне! На БАМ поедешь?

— Людям хочется славы... Не смейся над ними, Насте...

— Так что же тогда? Какой будет твоя книга жизни?

— Мужской.

После слов Стяпаса ей всегда требовалось некоторое время, чтобы их осмыслить. Поэтому прогулки с ним были для Насте праздником. Все он видел иначе, в другом свете, словно на высоченных каблучках идешь. Ей было жалко других людей, у которых нет такого счастья. Наедине с собой она повторяла его слова, отчетливо видела его лицо—широко раскинувшиеся, как

крылья птицы, брови, его непримиримость к будничности. Она могла сколько угодно любоваться его лицом—он не замечал пристального взгляда. Насте однажды вздрогнула от мысли: придет время, и он найдет такую, с которой сам не будет сводить глаз. Другую, которая сумеет жить его мыслями и планами, которая будет ему необходима. Насте теперь каждый месяц откладывала треть своей зарплаты. Однажды она появилась в новом платье. Стяпас криво усмехнулся и сказал, что кримплен давно вышел из моды. Насте страшно переживала, ведь он такой образованный, так начитан. Мать ее ругала, но ничего поделывать не могла. Насте продолжала экономить, даже на еде.

Раз Стяпас попросил позвать ее к телефону и услышал в трубке приглушенные слова подруги:

— Опять этот твой интеллигент...

Потом быстрый «цок-цок» каблучков и запыхавшийся, чуть-чуть вырывающий голос Насте:

— Слушаю, мой дорогой.

Она всегда опрометью бросалась к телефону, словно, не дождав-шись ее, Стяпас мог повесить трубку.

Настины приятельницы, встретив их на улице, провожали любопытными взглядами. Насте только выше поднимала голову и цеплялась за его локоть. Стяпас возмущался:

— К чему эта показуха?

Подруги часто приставали к Насте:

— Чем он тебя приворожил? Что он—черного хлеба не ест? Не по земле ступает?

Насте молчала, уставившись в пол, чтобы скрыть предательский блеск глаз. Как-то раз, в минуту откровенности, призналась:

— Другого такого вообще на свете нет... Вот говорите, а сами никогда в его глаза не заглядывали...

Раз он попался: зашел к Насте домой и застал всю семью. Мать, добродушная толстуха, встретила его, как старого знакомого, медоточивой улыбкой, долго жала руку и только что не называла зятком. Отец на минутку исчез и возвратился с бутылкой в кармане. Стяпас извивался, как угорь на сковороде. Насте, взволнованная настолько, что дрожали ее тонкие пальчики, в первый раз чуть-чуть покрасившись, все наклонялась к его уху:

— Ты им очень, очень понравился. Они очень хорошие, ты не обращай на них внимания...

Стяпас решил больше не звонить.

Через две недели она сама появилась в общезнании:

— Идем.

— Послушай, Насте...

Она ладонью зажала ему рот:

— Все, все понимаю... Идем!

Перепуганный Стяпас только поглядывал исподлобья. Шальная девчонка, будто не видит—как назло все соседи по комнате в сборе и только прикидываются, что заняты своими делами.

— Идем, идем... Никого нету. Все укатили на свадьбу к двоюродной сестре. На два дня.

Дома ждала бутылка вина, в комнате было прибрано.

Стяпас считал себя порядочным человеком и смущенно заговорил - Насте ошибается, они не могут стать мужем и женой, она

необыкновенная девушка, но все не так просто, надо найти свою дорогу...

Насте чуть не расплакалась—она и так была на волосок от истерики.

— Разве я чего-нибудь прошу от тебя? Скажи, я хоть раз требовала с тебя векселя? — Она обняла его и маленькими жесткими кулачками рабочего человека больно заколотила по спине. — Мне с тобой хорошо, и все, понимаешь, приятно знать, что ты в этом городе, и, пока ты здесь, я никому тебя не отдам, слышишь, тюфяк ты мой неповоротливый? Разве я тебя не понимаю, скажи, разве я выклянчивала когда-нибудь обещания?!

Стяпас испугался: она не то хохотала, не то всхлипывала. Потом почувствовал, как Насте шарит за его спиной. Она выключила свет.

... Они опять стали встречаться—по несколько раз в неделю. Она знала расписание его лекций, часы всех его собраний. Стяпас удивлялся—товарищи полюбили Насте. Стоило ей прийти, как они находили себе занятия в другом месте, подолгу оставляя их наедине. Даже дежурные с ней здоровались. Он все чаще пытался быть раздражительным, но она только хохотала и до тех пор держала ладонь у него на губах, пока он не переставал упрекать. Всегда была веселая. Только когда передавала приглашение мамы заходить к ним, ее голос дрожал. Но Стяпас так и не пошел.

Но раз Стяпаса неожиданно вызвали в деканат. Когда он постучался и вошел, его уже ждали. Рядом с деканом сидели комсорг и комендант общежития. Стол был застлан красным сукном, как на суде.

— Насчет Насте, да?—накинулись на него потом товарищи.

Стяпас хмуро кивнул головой.

— Что сказали? Они все знают? Что именно? Говори—предлагали жениться?

Но Стяпас не ответил. Дня два он не показывался на лекциях и, когда Насте снова пришла к нему, заявил, что должен с ней серьезно поговорить. Они вышли на улицу. Сердито, в упор глядя ей в глаза, Стяпас сообщил, что поступил на курсы метеорологов.

У нее только брови взлетели. Затянулись дымкой глаза. Она молчала долго, как никогда. Стяпас насторожился.

— Сколько... сколько это может продлиться?—спросила она наконец почти спокойно.

— Полгода.

— Так быстро...

Стяпас вздохнул, словно скинув гору с плеч.

— А... надолго?

— На всю жизнь, разумеется.

Скоро Насте успокоилась. Стала даже веселее, чем раньше. Она ничего о себе не рассказывала, не просила его бросить курсы, остаться в Вильнюсе. Стяпас даже забеспокоился: «С чего это?» Да и видется им сейчас приходилось реже, разве что она подкараулит его где-нибудь у подъезда.

Экзамены в университете совпали с окончанием метеорологических курсов. Стяпас поднатужился и не прогадал—заметка о том, как он при подобной нагрузке выдержал все экзамены на «отлично», появилась в студенческой многотиражке. Все расспрашивали Стяпаса, куда его назначат. Он уже знал, но только пожимал плечами.

Перед отъездом товарищи устроили прощальный ужин. Тогда-то Стяпас и сообщил негромко, просто, вполголоса:

— Выбор был небольшой. Я— на Дальний Восток.

Секретарь университетской комсомольской организации вручил подарок—транзистор. Стяпас скромно сказал:

— Благодарю.

Еще в самом начале вечера Стяпас великодушно усадил рядом с собой Насте. Все изумились: она выглядела очень счастливой.

— Расставаться не жалко?—спрашивали ее, а Насте только хохотала, обнимала то одного, то другого, перецеловала всех девушек. После выступления секретаря и она не выдержала. Молча, на цыпочках подошла к Стяпасу, обняла его и положила на стол книжку в синей- жесткой обложке. Ничего не сообщая, Стяпас прочел вслух: «Диплом радиста II класса». Насте расцеловала Стяпаса в обе щеки. Другие разобрались во всем быстрее, закричали: «Ура! Горько! И везет же этому Стяпасу!» Кто-то побежал за шампанским.

Стяпаса это ошеломило настолько, что Насте, не переставая хохотать, пояснила ему на ухо:

— Мне было куда легче, чем тебе, ведь радио и телеграф— специальности родственные! Это подарок от меня. Вечер за вечером— и вот...

Друзья поднимали тосты за то, чтобы вместе в огонь и в воду, за комсомольские дерзания.

Несколько месяцев спустя они действительно вместе мчались в скором поезде.

... Во Владивостоке в управлении их встретили запросто:

— Первый год? Оставьте документы и обождите в коридоре.

Как раз проходила пересменка на станциях. Управленческий дом, стекло и алюминий, был набит битком. В узком коридоре на плохо уложенном паркете— груды узлов с вещами и инструментом, сидели и стояли мужчины, невыспавшиеся женщины, верещали малыши.

В конце концов их вызвали.

— Значит, новенькие. Ничего, не бойтесь. Поможем,— обнадежил начальник.

Стяпас нахмурился. Ему подали список, напечатанный на машинке,— выбирайте. Стяпас прочел, попросил карту. Начальник поколебался, потом дернул тесемку, и на стене раздвинулась шторка. Стяпас долго путался в непривычном масштабе.

— Живее, живее. Народ ждет.

Стяпас ткнул пальцем в красный кружок и с вызовом поднял голову.

Начальник впервые внимательно пригляделся к нему.

— Остров Святого Ионы? Это очень маленький кусочек земли. Вся станция—два человека.

— Святого Ионы,—спокойно подтвердил Стяпас.— А что?

Небольшой буксир «Метеоролог» шел две недели: в Охотском море еще стоял лед.

— Пешком их отправить по льду!—сердито острили моряки. Буксиру предстояло еще зайти на несколько станций, и всех обуревало нетерпение — горел план.

Сначала на горизонте появились тучи, потом черная точка под ними, и вот гряда островов, беспорядочно раскинутых скал.

Даже с низкой палубы «Метеоролога» виднелись обе оконечности острова—восточная и западная. К узенькому каменистому пляжу бежало двое людей. Еще на склоне горы начали стрелять—облачко дыма, а потом долетает негромкое «пафф». Кунгас раздвинул льдины, но подойти к берегу не смог: слишком мелко. Пришлось спрыгнуть в ледяную воду, несколько раз возвращаться на кунгас за вещами, оцинкованными ящиками с продовольствием, мешками с углем. Буксир гудел, смена, уже успев расцеловаться с новоприбывшими, нервничала, торопилась, словно могла куда-то опоздать.

Вещи свалили сразу же за кромкой приюта.

Когда судно стало поворачивать к морю, Стяпас спохватился и выпалил из двустволки. Насте тоже стала пускать ракеты. С визгом, гамом взмыли сонмища кайр и бакланов. Пролетали под самым носом, без всякой боязни, пронзительно кричали, рыдали, метались в воздухе. Потом воцарилась тишина. Только шелест волн и шорох грязных льдин, трущихся друг о дружку боками.

После того как доставили вещи на место, Насте три дня отскребала ножом и отмывала грязные полы и стены вагончика. Потом привели в порядок метеорологическую площадку. Свободного времени было хоть отбавляй, и скоро они обошли остров, облазили все его вершины. Чайки высиживали птенцов. Они не боялись людей, только шипели, широко раскрывая клюв,—белые язычки дрожали, как жала,—и норовили цапнуть за палец. У подножия гор рос мох, повыше—чахлые кусты рододендрона, втиснувшие оранжевые корни между камнями, и все. Насте наломала веток. В комнате запахло рутей.

— Дорогой мой, такому медовому месяцу может позавидовать весь мир!

— А что же было там, в Вильнюсе?— усмехнулся он.

— Не смей дуться, не смей,—хлестала она веткой Стяпаса по руке.

Никогда она не теряла хорошего настроения. Не отрываясь от аппарата, быстро перезнакомилась с ближними и дальними радистами, вечно рассказывала Стяпасу новости.

— Тут просто чудесно, я тебе говорю.

— Погоди, зима придет, нахнычешься.

Лед растаял, и остров стал необычайно густонаселенным, как большой город. Стяпас постоянно пропадал с ружьем или же запирался и что-то записывал в толстую тетрадь. Двенадцать раз в сутки замеришь температуру, ветер, давление, иногда пустишь воздушный шар-зонд, а потом свободен.

Как-то появилось стадо сивучей. Тупоголовые самцы затевали междоусобные драки. Кайры и черные бакланы, длинношеие, как ласки, вывели потомство и носились круглые сутки, чтобы накормить своих птенцов. Солнце вообще уже не заходило. Светило, как сквозь простыню, вызывая зуд в глазах и тревожа сон,—все казалось, что надо куда-то идти и что-то делать. Возвращаясь с берега, Стяпас неизменно слышал пение Насте. Ей всегда хватало работы—варить, штопать, стирать да еще эта вечная мойка полов... Она встречала Стяпаса поцелуем:

— Это на закуску!

У Стяпаса лицо покрылось буйной растительностью, и он стал отращивать «викинговскую» бороду. Насте помирала со смеху.

Потом подули северные ветры. Как-то сразу остров стал белый-белый. Птицы улетели, стало тихо, как в могиле. К концу сентября замерзло море. Теперь только по сгрудившимся льдинам можно было распознать линию берега.

Стяпас мурлыкал:

— If you can wait and not be tired by waiting...

Из клыков моржей он пытался вырезать фигурки на эскимосский лад, однако кость оказалась твердой и откалывалась не там, где надо. Решил написать маслом северное сияние, но забыл краски на подоконнике, и они высохли.

Раз Насте сказала:

— Давно ты в ванне не бывал.

— Э... зачем это...

Так она впервые услышала новую нотку в его голосе.

— Хочешь, притащу твою перекладину в комнату.

(В первый месяц Стяпас из старой трубы соорудил перекладину и обмолвился, что будет подтягиваться каждый день.)

— Все равно нас заметет...

— Ну, миленький...— Она вытерла руки и села к нему на колени. Взяла голову Стяпаса в ладони, приподняла: «Как ты говоришь?.. If you can wait... and not be tired by waiting...»

Он спихнул ее с колен:

— У тебя пошло получается... Кроме того, неправильное произношение.

— В университетах я не училась, но...

— И жаль,— перебил он ее.

— ... но всему учусь у тебя! Теперь у нас есть свой собственный остров, собственные метели, миллионы послушных подданных, которым мы предоставили отпуск. Собственное море и собственный океан!

— Может, стихи начнешь писать?

— Нет, но когда передаю твою сводку, часто слышу, как радистка в Хабаровске прогоняет других с волны: «Остров Святого Ионы говорит!..»

Теперь светло бывало только в полдень, но и то солнце укрывали тучи десятками пластов. Домик замело по самые окна, и на всем белом острове осталось две коротких тропинки—на метеорологическую площадку и к роднику.

Однажды Стяпас примчался с площадки, задыхаясь. Насте даже вздрогнула от радости: так его глаза сверкали и щеки горели только в Вильнюсе, да и то изредка.

— Корабль тонет!!!— закричал он, схватил ракетницу и убежал, не закрыв двери. Занесенные рыхлым снегом валуны невозможно было распознать. Стяпас несколько раз скатывался по снежному косогорам, больно расшибся об осколыши, проваливался в щели, потерял ушанку. С вершины горы было ясно видно: за горизонтом взлетает на несколько сантиметров в воздух белая искра и гаснет. Стяпас выпустил в сторону океана три зеленые ракеты. Странно: в ответ там, вдали, поднялся целый рой разноцветных огней. Стяпас снова пальнул из ракетницы, и опять раскинулись веером огни—белые, красные, зеленые, оранжевые. Как призрачное видение, ни гула выстрелов, ни корабельного силуэта.

Скатившись вниз вместе со снежным обвалом, Стяпас ввалился в домик:

— Свяжись с ними! Давай общий SOS. Вызывай Владивосток, Москву! Всех!

Он полез в аптечку, зачем-то стал шарить под койкой. Насте не могла отказать себе в удовольствии послушать его мужественный, энергичный голос, потом подошла, осторожно смахнула снег с его волос.

— Это ледокол... Атомный ледокол в экспериментальном зимнем рейсе. Я уже вышла с ними на связь, ведь сегодня праздник— Седьмое ноября...

Через месяц стало трудно пробираться к площадке для наблюдения. Каждый день приходилось прокапывать длинейший ров. Стяпас пытался хитрить—полз на животе, чтобы не увязнуть в снегу. Все равно площадку приходилось расчищать. Несколько раз Насте уличила Стяпаса в том, что он выдумывает сводку. Вернее, в центре усомнились и попросили повторить. Они поссорились, и Насте стало не по себе.

— Зачем ты... Кого ты обманываешь? Ушел, постоял за дверь? Даже меня хочешь обмануть? Ведь призвание мужчины—борьба...

— Детский бред! Никогда я этого не говорил. У человека одно только призвание — понять реальность. А наша реальность—умереть в безвестности. И нужно мужество, чтобы смотреть в лицо фактам. Не цепляться когтями за дурацкую жизнь.

Она сдержалась. Надо сдержаться. Принялась гладить его волосы.

— Это хандра... Обязательно ли быть знаменитым? Ты мало двигаешься. Все сидишь и сидишь. Так недолго и цингой заболеть. Взгляни-ка на меня...

Он оттолкнул ее руку. Его раздражало: действительно Насте неизменно была румяной, ела с аппетитом.

— На горных ледниках тоже живут... Знаешь, кто? Амебы.

— Ах ты, мой профессор...— Она со смехом снова потянулась к волосам Стяпаса.

Но в следующий раз пошла вместе с ним на площадку. Стяпас страшно обиделся.

— Если контроль, то я здесь вообще лишний.

И лег в кровать, как всегда, не раздеваясь. Насте отправилась одна. С непривычки долго возилась. Стяпас выжидал—надоест ей! Но Насте пошла и во второй и в третий раз. А потом Стяпас уже не мог подняться. И это было самое страшное. В душевной комнате, без движения мускулы расслабились, болели, даже когда надо было перевернуться на другой бок. Пальцы отекли, щеки впали, посерели.

Как и раньше, гудели движки рации, сквозь дверную щель поблескивала неоновая лампочка.

— Перед центром выслуживаешься, да? Глядите, мол, какая я героиня!

Но однажды, проковыляв по комнате, прочел в радиожурнале — все наблюдения она подписывала его именем.

Стяпас не мог ни бодрствовать, ни спать—забытье, апатия. Силился припомнить, когда же он слег. Неделю тому назад? Накатило внезапно, как тиф. Не было даже бреда. Время он измерял по открываемым дверям, по скрипу раскапываемого за окном снега,

по появлявшимся рядом красным, мокрым Настиным руками. Он успокаивал себя — наверно, ей трудно. Взрывался, только когда Насте твердила, что эта цинга — болезнь лентяев, уговаривала его пройтись по острову, поохотиться. От бессонницы она хрипла.

— Дура, никогда ты ничего не понимала. Не понимаешь даже, что человек умирает.

Он становился иным только изредка, почувствовав рядом ее тугое, разгоряченное тело. Но вскоре она стала отталкивать его:

— Милый! У тебя изо рта несет...

Он расплакался. Взмокла борода, слиплись нечесанные космы. Он протянул руки, чтобы поймать ее. Тогда она впервые ощутила омерзение, такое страшное, что испугалась — сейчас вытошнит. И ненависть.

— Если ты... если ты сегодня же не примешь ванну!..

Но он сделал прыжок, и ей не удалось вырваться из его цепких рук.

На другой день она вынесла свою койку на кухню и на ночь стала запирает дверь. Прошла неделя. Он пытался ловить ее, когда она проходила мимо, нес какую-то чушь.

Однажды Стяпас пытался даже симулировать покушение на свою жизнь: цапнул где-то у затылка бритвой (Насте в это время была дома) — и сразу в обморок.

После этого случая койку свою она занесла обратно. Больше ничего от него не требовала. Была такой, как прежде. За эти месяцы она наговорила ему столько ласковых слов, что не стоило большого

труда механически их повторять. И улыбаться даже умудрялась.

И все-таки она заставила Стяпаса немного ходить. Еду готовила на кухне — волей-неволей придешь. Принуждала и посидеть в ожидании кормежки. Знала, ничего страшного с ним не случится. Получает витамины, пастеризованные фруктовые соки...

Скоро все кончится. Наступит весна. Придет «Метеоролог». Прибудет смена. Они вернутся во Владивосток. «Как странно!» — думала Насте. Никогда они не говорили о том, что будет весной, а все ясно. Чем меньше люди говорят о будущем, тем оно яснее. Стяпас вернется в Вильнюс. Насте знала — он не сбреет бороду, не скоро пойдет стричься. Как и прежде, на танцах будет торчать в углу зала. В кафе будет сидеть у стойки. Станет посещать вечеринки. Когда его очень и очень попросят, расскажет про остров Святого Ионы, про метели, поднимающие дом с фундамента. Рассказывать будет сдержанно, о многом умалчивая, предоставляя догадываться слушателям. Рассказывать по-мужски.

А Насте в управлении попросится на остров Врангеля. Нет, она вовсе не собирается писать свою книгу жизни. Она просто хочет прожить ее. После того как узнала Стяпаса, ей хочется встретить настоящих людей. Веточка рододендрона греет, подобно очагу, лишь когда за окном свирепствует самая яростная метель на планете. Насте хочет быть счастливой, в толпе друзей взобраться на покрытую снегом сопку и в торжественном молчании встретить появление краешка солнца — первый оранжевый клочок после долгой полярной ночи, потом, задыхаясь от радости, бежать к своему передатчику. Тысячи друзей во всем мире будут знать: «На Врангеле солнце, на Врангеле солнце!» Солнце, которое она первой встретит во всей Арктике.

В июне дождется весны. Скинет меховой малахай. Ветер принесет запах тающего снега, растреплет волосы. Станет тепло, такого тепла не знают курортники. Счастье — в простых вещах. Усеянная тысячами цветов тундра будет принадлежать ей. Вся тундра, вся Арктика — ей. Что может быть чудесней завоеванной тобою весны? Тепла в тундре?

Одного только боялась Насте. От одной мысли цепенела. Не проветренная за всю зиму перина давила, словно надгробье. Только бы не ребенок, ведь он может быть похож на Стяпаса.

*Перевод с литовского
Виргилиуса Чепайтиса*

В ЗАРОСЛЯХ ТРАВ У КРАСНОЙ РЕКИ

Очерк

Четыре дня добирались мы из Ташкента до предгорьев Гиссарского хребта Памиро-Алайской горной системы. Там на уютной поляне, поросшей высокими травами, с зарослями дикой вишни, тутовника, грецкого ореха и раскидистых ив мы расположились в котловине, у крутого подъема на перевал, за которым начиналась территория горно-арчового заповедника «Кызылсуйский», названного так по имени реки Кызылсу, что по-узбекски означает «красная река».

Четыре дня длилось неспешное путешествие под знойным солнцем на старенькой «Кубани» через «ворота Тамерлана», древний Самарканд, омоложенный город Китаб («Книга») с заездом в Карши, центр Кашкадарьинской области, в которой древние сухие Каршинские степи обводнены и дают теперь богатый урожай хлопка. Странно было увидеть вдруг посреди знойных просторств, например, вполне современную вывеску «Бар» на фронтоне невысокого белого здания, обсаженного цветущими кустами роз; любопытны были посты ГАИ, построенные в национальном стиле, с газончиками и розами, с наблюдательной вышкой, таким раскаленным солариумом, откуда инспектор смотрит за порядком на вверенной ему части автомобильной дороги. Один из ночлегов был в горах Зеравшанского хребта, другой — в предгорьях Гиссара...

И вот добрались наконец до селения Яккабаг, поговорили с директором заповедника Содыковым Салимом Содыковичем, невысоким, энергичным, черноглазым человеком. И уже затем начали серьезный подъем в верховья реки Кызылсу. Нам открылись такие «марсианские» склоны, где на красных скалах светились розовые соцветия эремуруса Ольги, и автобус наш остановившись, чихая и кашляя: закипала вода. Наконец мы оказались в зеленой котловине, выше которой «Кубань» уже была не в состоянии подняться.

Из котловины виднелись только зубцы сравнительно невысоких гор, но мы знали, что за ними вздымаются настоящие «снежники», высший из которых, Ходжапирьях, достигает почти четырех с половиной тысяч метров и находится на территории «Кызылсуйско-го».

Три дня стояли лагерем в котловине в полной неуверенности, попадем ли в заповедник. Путешествуя по окрестностям, я подни-

маля до перевала и с благоговением взирал оттуда на заповедные земли: остроконечные снежники в синей дымке, голые скалы и арчовые заросли и холодный ветер на высоте... Недоступный, таинственный заповедник навевал ощущения детства, когда вся жизнь впереди была столь же манящей и загадочной, когда так волновали овеянные романтикой странствий книги, и среди них — «Земля Санникова».

— Ну что, Жора, попадем мы или нет?—риторически спрашивал я начальника экспедиции Георгия Федоровича Колюха, заместителя директора Ташкентского музея природы, который все три дня ходил с озабоченным видом, меряя взглядом крутой подъем горной дороги, словно изобретая дьявольски хитрый план, благодаря которому мы по щучьему велению и по всеобщему хотению перенесемся вместе с экспедиционным багажом через перевал.

— Да кто ж его знает! Посмотрим. Человек предполагает, а бог располагает,— задумчиво говорил он.

А я вспоминал геологов: они уже несколько раз навещали нас на стоянке—пили чай, беседовали о превратностях судьбы, а потом небрежно преодолевали заветный подъем в грозно урчащем «Урале», нагруженном доверху материалами для геологической партии, которая располагалась рядом с перевалом. И в образе бога мне представлялся не кто иной, как начальник партии Халим Хакимович, интеллигентный человек в очках, который, кажется, обещал...

Не выходил из головы диалог с директором заповедника в Яккабаге. Хитро прищуривая черные веселые глаза, Салим Содыкович тонко расписывал достоинства и красоты руководимого им хозяйства:

— На 27 километров тянется территория по саю Кызылсу, животный мир очень богатый—26 видов млекопитающих: кабан есть, горный козел, снежный барс есть, медведь тьянь-шаньский белокоготный, дикобраз, сурок Мензбира, туркестанская выдра, рысь... Много чего есть. Птиц тоже много разных—81 вид. Только вот рыба одна—маринка, потому что вода в Кызылсу очень холодная. А красота какая—вы такой никогда не видели! И арчи много сохранилось у нас—пять тысяч га на склонах, сплошная арча!

Да, арча—это главное, потому и называется заповедник «горно-арчовый». Древовидный можжевельник, очень медленно растущее вечнозеленое дерево, скрепляет своими корнями почву на склонах, это основа и опора здешней экосистемы.

— Пещера Тамерлана у нас и другие пещеры в горах,—продолжал Салим Содыкович.—А еще окаменевшие следы динозавра, слышали, наверное? Есть, что посмотреть, это я вам обещаю, не пожалеете. Ну а как там поживает Москва?

И, улыбаясь, он смотрел на меня в ожидании ответа, но для меня Москва в этот момент была далекой, а недоступные пока земли заповедника приобретали в воображении все более яркий романтический ореол.

Что мне особенно нравилось здесь, в преддверии заповедника, так это упомянутый уже эремурус Ольги. На толстых, прочных стеблях высотой около полуметра тянулись к небу нежно-розовые, тонко благоухающие соцветия из сотен цветочков, каждый из которых ювелирно красив, изящен. Их очень любили золотисто-

зеленые бронзовки, они неспешно копались в душистом переплетении лепестков, еще больше усиливая ощущение чего-то изысканного, роскошного, драгоценного...

Наконец судьба улыбнулась нам. Утром четвертого дня Салим Содыкович забрал меня с вещами и доставил в заповедник на личном «уазике», а следом вся экспедиция была погружена на «Урал» и доброй волей Халима Хакимовича и усилиями веселого шофера Карима перенесена на плоский и тощий шебеночный берег реки Кызылсу на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Сразу за палатками вздымалась почти неприступная скальная стена, на верху которой виднелись крошечные домики заброшенного кишлака Ташкурган.

Да, вот этот Ташкурган заслуживает отдельного рассказа.

Начался долгожданный путь на «уазике», после жары низины холодный ветер перевала заставил меня накинуть штормовку, а потом быстрый спуск, и перед нами выросла сначала гигантская скала, похожая по форме на мавзолей, из-под которого вытекал целебный, по уверениям Салима Содыковича, источник «Оба-зим-зим» (точно так же называется целебный источник в окрестностях Мекки), а затем, когда мы обогнули гору, перед нами открылось и вовсе уж нечто фантастическое.

Закатное солнце освещало скопище низких глинобитных домиков, оно делало их прямо-таки золотыми, над ними высились голубоватые остроконечные снежники, но главное было даже не это, не броская красота пейзажа. Главное то, что кишлак был абсолютно пустынен—ни человека!—и это вселяло тревогу и навевало мысли о бренности человеческого существования, будило в памяти воспоминание о прочитанном—о загадочных Андах Южной Америки, где путешественники открывали (и открывают до сих пор) города инков...

Удивительно удачно с эстетической точки зрения расположен кишлак Ташкурган—среди высоких гор, на плоском зеленом плато, под скальным обрывом которого беснуется холодная Кызылсу.

— Сказочный заброшенный город,—сказал я, не в силах скрыть восхищения перед мрачноватой картиной.—Здесь, что же, не живут люди?

— Жили,—по обыкновению улыбаясь, ответил Салим Содыкович.—Выселили в 75-м году. Я сам переселением руководил. В Каршинскую степь переселили людей, в хорошие дома. Что, красиво, да?

Да, было красиво даже тогда, когда мы спустились в кишлак и остановились перед одним из домиков, на котором вывеска, казавшаяся столь неуместной, свидетельствовала, что именно здесь находится контора заповедника «Кызылсуйский».

— Триста двадцать четыре семьи было, около двух тысяч жителей,—добавил директор.—В отрыве от всех жили, понимаете. И арчу рубили нещадно—видите, склоны облысели вокруг. Тут уж ничего не поделаешь: или кишлак, или заповедник.

Но и сам кишлак был теперь как прекраснейший заповедник—здесь даже две мечети сохранились двухсот-трехсотлетней давности, с плоскими крышами, деревянными колоннами, сильно облупившейся эмалевой росписью. Когда-то по этим местам проходил знаменитый Шелковый путь—путь купцов и торговцев шелком, коврами,

всевозможными экзотическими изделиями и пряностями с Востока. Караваны двигались с юга на север и с севера на юг, здесь была остановка, отдых, потому и вырос кишлак Ташкурган. Редкие селения удостаивались чести иметь хотя бы одну мечеть, а здесь целых две. Законсервировать бы разрушающиеся дома, отреставрировать мечети, сделать Ташкурган неотъемлемой частью заповедника «Кызылсуйский» — вот был бы экзотический музей!

— Самая главная проблема заповедника—это браконьерство,— говорил между тем Салим Содыкович.— За два последних года 17 тысяч рублей на штрафах набрали. Кто приходит? Жители соседних кишлаков. Кабана стреляют, коз, а то и медведя свалят.

— Как же они проходят сюда?

— Пешком, на лошадях добираются... У нас егерей не хватает, чтобы справиться со всеми.

В первый же день организовал Салим Содыкович экспедицию на лошадях «для прессы» — кроме меня приехали режиссер и оператор Ташкентского телевидения, чтобы снять фильм,— а был с нами еще лесник Парда Рустамов. Для меня, как и для режиссера телевидения Соттара Далабаева, путешествие верхом было первым в жизни...

Признаюсь, с каким-то необычным чувством, почти мистическим, смотрел я на гнедого с густой светлой гривой жеребца, на которого мне предстояло забраться. Спросил, как его зовут.

— Лошадь Турсунбая,— был ответ. Другого имени не было— здесь не принято давать имена лошадям, как в России.

Седло оказалось широким, удобным, отчасти оно даже напоминало кресло с очень маленькой спинкой. Но таким оно казалось лишь поначалу... Мы покинули двор конторы, покачиваясь в седлах, миновали вымерший Ташкурган, спустились к реке, поднялись на противоположный берег.

— Видите, какая красота у нас,—повторял Салим Содыкович, широко поводя рукой, как гостеприимный хозяин.

А я... я изобрел для себя психологический прием, при котором мысленно берешь свое сердце рукой и мягко сжимаешь его, чтобы оно не выпрыгнуло. Перед глазами и под свисающими с седла ногами то и дело разверзались обрывы и пропасти, а тропинка была узенькой и ненадежной, а то еще и усыпанной срывающимися в бездну камнями, и даже лошадь опасно и медленно переставляла копыта, и так легко было вообразить себе, что она оступилась и висит на передних ногах, а я, разумеется не удержавшись в седле, лечу в пропасть вместе со всеми своими фотоаппаратами и объективами...

Самый героический подвиг я совершал тогда, когда, мучительно преодолевая себя, отрывал руки от уздечки и брался за фотоаппарат. Но удивительно, что именно тогда жизнь начинала потихоньку возвращаться в мои затекшие до бесчувствия части тела.

Снежные вершины постоянно виднелись впереди — один раз до снега было рукой подать,— мы пересекали то рыже-бурые, выжженные солнцем, то изумрудно-зеленые склоны, поросшие травами. Среди них высокими желтовато-белыми свечами стоял эремурус Кауфмана. Встречались и коричневато-розовые, менее эффектные соцветия эремуруса Ригеля. То чаще, то реже толпились вокруг не очень высокие, похожие на аккуратные елочки деревца арчи, этого выносливейшего из деревьев, растущего очень медленно—за год

ствол древовидного можжевельника становится едва ли на миллиметр толще. Дерево это вечнозеленое, как ни странно. Каково же ему хранить свою мужественно зеленую хвою и в сумасшедшую среднеазиатскую жару, доходящую до сорока градусов в тени (да еще и под лучами горного солнца!), и в трескучие морозы, когда температура опускается до минус сорока пяти!

Ствол арчи, морщинистый, жилистый, покрытый шершавой, потрескавшейся корой, почти не виден за густой хвоей. Но если доведется встретить высохшее, не выдержавшее превратностей жизни дерево, то здесь-то и видна его особенная, мужественная красота. Ствол перекручен, перекорежен, покрыт мозолями и наростами, однако необычайно крепок. Даже умершее, засохшее дерево, иссеченное ветрами, дождями, морозами и жарой, стоит, не шатаясь, скелет его словно бы по инерции сопротивляется жизненным невзгодам.

Но—увь!—то, чего не могут сделать жара, мороз, ветры и жестокие засухи, очень просто делает человек. Хотя и прочна древесина арчи, цепко держатся, впиваясь, кажется, в самый крепкий камень, корни ее, однако спилить это дерево пилой или срубить топором можно. Несколько сот, а то и тысячу лет растет арча, прежде чем достигнет достаточно «взрослого» состояния. А человек может срубить или спилить ее за минуты. В непосредственной близости от Ташкуртана склоны гор безнадежно облысели. Хотя и есть рядом с конторой небольшой лесопитомник в 0,15 гектара, хотя и высаживают работники заповедника до 2 гектаров арчи

ежегодно, однако для того, чтобы восстановить лесной покров на склонах, потребуются десятки, а то и сотни лет. Так что да здравствует заповедник!

...И началась жизнь экспедиции на берегу реки Кызылсу, в широком ущелье, прозванном нами «чертовой сковородкой», потому что с утра до вечера солнце палило нещадно, а тени не было, разве что привезенный, к счастью, полог хоть как-то защищал от прямых лучей, но и то ненадежно, тем более что под ним свободно гулял знойный ветер. Деваться от солнца было буквально некуда, и тот, кто оставался в лагере, изнывал до бесчувствия. Однако ночью после короткой и блаженной вечерней прохлады наступал дикий холод, и мы мерзли в палатках и спальных ватных мешках, хотя и натягивали на себя всю одежду, и я благодарил судьбу за то, что она подсказала мне взять шерстяной свитер. Вода в Красной реке ледяная, а ночью со снежников стекал и ледяной воздух, и все мы ходили простуженные, шмыгая носами и беспрепятственно натирая подошвы вьетнамским бальзамом «Золотая звезда».

Экспедиция была организована Ташкентским музеем природы, в задачи ее входил сбор зоологических, ботанических и геологических образцов здешней природы—в непосредственной близости от границ заповедника, а также знакомство с самим заповедником. Ташкентский музей природы—крупнейший в Средней Азии, особенно ценна его энтомологическая систематическая коллекция, которая уникальна по полноте и включает практически все отряды насекомых, этого крупнейшего класса беспозвоночных. Насекомые, как известно, самые разнообразные существа на Земле, численность их видов превышает количество всех остальных видов животных и растений, вместе взятых. В сущности именно они истинные «хозяева» Земли. А в последнее время интерес к этому классу беспозвоночных особенно возрос. И произошло это в какой-то мере неожиданно. Раньше считалось, что насекомые—наши враги. Теперь все чаще и чаще можно слышать совсем обратное: «Насекомые — наши друзья!» Польза, приносимая шестиногими, как подсчитали, значительно превышает вред, и в новое издание «Красной книги» нашей страны будет занесено уже почти двести видов этого класса, и среди них сто четыре вида чешуекрылых, то есть бабочек.

Сбором насекомых занимался начальник экспедиции Георгий Федорович Колюх, и именно его занятие было для меня самым близким, ибо хотя я и принял участие в экспедиции как журналист и писатель, однако основной моей целью было фотографирование шестиногих созданий, а главным образом бабочек.

В состав экспедиции входили также зоолог Тамара Григорьевна, географ Лидия Алексеевна, ботаник Лидия Леонидовна, таксидермист, то есть изготовитель чучел, Сабир, художник Рафаэль, шофер Саидазим, повариха Мамура...

С утра солнце заглядывало в нашу долину, и в первых, пока еще ласковых его лучах мы отогревались и с оптимизмом встречали наступающий день. Потом начинались наши путешествия. Новое место всегда завораживает, а такое, как это, особенно—«Земля Санникова», к которой мы так стремились!—и у каждого были свои заветные планы, и у каждого, конечно, маленькая мечта.

Не знаю, рассчитывала ли Тамара Григорьевна обнаружить в Гиссарских горах какую-то необыкновенную «синюю птицу»... Одна-

ко в первые дни, по ее словам, не оказалось для нее ничего особенно интересного, как и для Сабира, бывалого специалиста, участвовавшего в последнее время во всех экспедициях музея. Это потом они нашли гюрзу, уютно обвивавшую ствол дикой яблони недалеко от нашей стоянки, видели и крупных животных — кабанов, коз, медведей, однако чего-то действительно уникального ни Тамара Григорьевна, ни Сабир так и не нашли.

Зато для ботаника Лидии Леонидовны Булгаковой каждый день начинался в радужном сиянии предстоящих открытий. Еще на пути сюда, после ночевки на Зеравшанском хребте, обследуя ранним утром окрестности временной нашей стоянки, она открыла новый, вообще неизвестный науке вид растения из семейства крестоцветных — изящное травянистое многолетнее с сиренево-розовыми цветочками — и окрестила его скромно: Строгановия зеравшанская. Одно это уже оправдывало ее участие в экспедиции, но здесь, на Гиссаре, где была она в первый раз, для нее открылся сущий рай.

— Половина здешних астрагалов — эндемики, вы представляете? — говорила она, улыбаясь удивленно и очарованно, и так приятно было видеть по-настоящему увлеченного человека. — И копеечники очень интересные здесь, просто великолепные. Их плоды действительно на монеты похожи... А потом, знаете, что очень странно? Обычно в горах по поясам встречаются три вида арчи — зеравшанская, полушаровидная и туркестанская, которая растет наверху как стланник. А здесь что же мы видим? Везде только арча зеравшанская! На верхнем пределе она тоже в виде стланика, но не туркестанская, а именно зеравшанская. Это очень любопытно и поучительно!

— А эремурусы? — спрашивал я, влюбившийся в эремурус Ольги.

— Ну, эремурусы и моя любовь, — счастливо улыбалась Лидия Леонидовна. — Особенно Кауфмана. Вы видели эремурус Кауфмана? Белый такой, с чудесным ароматом.

— Видел, — говорил я, — но все же мне особенно нравится тот, который Ольги. Почему он так назван?

— В честь Ольги Федченко, жены известного путешественника и естествоиспытателя Алексея Павловича Федченко.

— Того, именем которого назван знаменитый ледник?

— Да, того самого.

А я думал о том, что женственно-нежное, бело-розовое, с тончайшим ненавязчивым ароматом соцветие не случайно же названо именем женщины, тогда как имя ее мужа увековечено в названии огромного массива горного льда.

Эремурусы — это типично горные красивые растения с высокими, иногда выше человеческого роста стеблями, на которых свечами подняты большие соцветия. Эремурус робустус, то есть мощный, достигает трех метров высоты, и цветы его розовато-сиреневые, а есть еще менее рослый эремурус Ригеля с цветками коричневыми и невысокий и сравнительно невзрачный Согдиана (по древнему названию страны с центром в Самарканде), белый Кауфмана и, наконец, розовый Ольги, совершенно пленительный, словно светящийся, который не случайно же привлек внимание известных любителей цветов — голландцев. Они первые начали разводить эремурусы в своих низинных садах.

Любовь Лидии Леонидовны простиралась практически на все

многообразное царство Флоры. Названия здешних трав звучали в ее устах как музыка: зизифора, акантолимон, кузиния, флёмис, ромерия... Но за каждым названием—как за именем человека—скрывалось множество интереснейших свойств, и вот что поразительно: очень многие из здешних растений для человека целебны. Вот зизифора... Невысокая кустистая травка с мелкими удлинненными листиками, которые источают сильнейший мятный аромат. Отвар зизифоры люди издавна используют от простуды и бронхитов. А я из прошлой тьянь-шаньской поездки привез несколько сухих веточек этой травы и положил в шкаф для белья—лучше всяких духов! Высокогорный адонис—известное сердечное средство. Цветущий яркими желтыми соцветиями зверобой—лекарство от множества разных болезней. Чабрец—от простуды, как и шалфей. А еще пижма, тысячелистник, полынь, девясил, рута... А свойства скольких еще неизвестны нам или забыты!

Мир географа Лидии Алексеевны почти не соприкасался с миром ботаники. Сосредоточенно делая гимнастику каждое утро, Лидия Алексеевна, очевидно, рисовала в воображении план восхождений на соседние вершины, посещение карстовых пещер, и в частности пещеры Тамерлана, в которой, по преданию, некоторое время жил завоеватель с небольшим отрядом, нахождение экзотических образцов пород и, конечно, ценных окаменелостей. Ее интересовали давние сдвиги земной коры, землетрясения, наводнения и прочие катаклизмы...

На третий, кажется, день мы отправились посмотреть следы динозавра. В самом начале глубокого и узкого ущелья реки Каласу (что означает «Река-крепость») на наклонной ровной известняковой плите действительно протянулась цепочка следов, каждый из которых был диаметром сантиметров в тридцать. В незапамятные времена шло гигантское животное по жидкой грязи, похожей, очевидно, на теперешний цементный раствор, не подозревая о том, что через миллионы лет двуногие существа, расселившиеся по всей Земле, будут с замиранием сердца рассматривать окаменевшие вмятины. Обнаружил эти следы всего лишь несколько лет назад геолог Валентин Викторович Курбатов и назвал их «след ташкурганского динозавра».

Позже Лидия Алексеевна вместе с проводником-егерем Игемберды и преподавателем географии Оскаром Хаитовым, приехавшим в заповедник в связи с работой над диссертацией, совершила долгое и трудное путешествие к пещерам—тоже верхом на лошади—и восторженно рассказывала потом, что это был для нее лучший день за время экспедиции.

— Ах, эти потрясающие сталактиты!.. Эти снежки, сияющие под солнцем! Ведь мы до самых снежников добрались на пути к пещере...

Однако ближе всех, как я уже говорил, было мне занятие Георгия Федоровича. Признаюсь: никогда не волновала меня встреча с крупным животным так, как неизменно волновал вид какого-нибудь крошечного жука, кузнечика, стрекозы или—особенно!—паука или бабочки. Этот мир многочисленных и разнообразных Мелких существ скрывает необозримое множество тайн. Конечно, млекопитающие ближе нам; интересны по-своему птицы, рыбы, Рептилии, земноводные; однако ни у какого из крупных животных не

встретим мы столь поразительных, прямо-таки фантастических свойств и способностей, как у пауков или у насекомых.

Ведь одних только жуков на нашей планете приблизительно цвести пятьдесят тысяч видов—это в шесть с лишним раз больше, чем количество видов всех позвоночных животных! И деление на виды отнюдь не формальное: в одном лишь отряде жуков кого мы только не встретим! И хищников, и травоядных, и паразитов, и их хозяев, и «честных тружеников», и «хитрецов», и «силачей», и «красавцев шеголей», и заботливых, прямо-таки самоотверженных родителей, и «беспугных гуляк», и летунов, и бегунов, и подземных жителей, и подводных, и обитателей пещер...

Поражает, что живут эти маленькие существа как бы в ином совершенно мире, в ином измерении—вот что значит другой масштаб! Знаменитый французский ученый Реми Шовен пишет по этому поводу: «...уже сейчас нужно признать существование целого ряда лишь частично соприкасающихся миров, миров, в которых уровни радиации, температуры, влажности иные, совсем не те, что известны или привычны нам. Даже среди насекомых каждая особь нередко живет в особом мире, почти не связанном с миром ее соседа. А если принять во внимание огромное разнообразие органов чувств насекомых и их несходство с нашими, станет еще понятнее, как в действительности далеко от нас насекомое, живущее бок о бок с нами: оно видит другие цвета, слышит другие звуки, по-своему ощущает температуру, воспринимая все это иными путями и в поведении своем руководствуясь какими-то более надежными стимулами, которых мы еще не различаем».

Трудоспособность, выносливость, выживаемость насекомых немалымы, природа здесь постаралась на славу, и нет практически мест на земном шаре, где не встречались бы представители этого класса, как, впрочем, и класса охотников-пауков. Основа всяческой жизни—это, конечно, растения, первичные продуценты, которые научились усваивать и трансформировать энергию солнца в питательные вещества, они в свою очередь основа для более развитой, животной жизни. Но следующее за растением и одно из главных звеньев великой жизненной цепи—насекомые. Их роль в природных процессах многообразна и необходима—ими питаются птицы, рыбы, многие млекопитающие, рептилии; многие из шестиногих—старательные и добросовестные санитары, а большинство цветковых растений просто-напросто прекратили бы свое существование, не будь опылителей-насекомых.

...С утра после завтрака я отправлялся в свои путешествия.

Уже сама дорога в горах прекрасна. За кишлаком поднималась она на бугор, и там, за бугром, взору открывалась сказочная поляна. Она была рыжеватой, потому что высокая трава почти вся выгорела, и она была сиреневой, потому что скабиоза и зизифора не выгорели и цвели. И на этих цветах во множестве кормились бабочки бризеиды—крупные, коричневатые, с золотисто-зеленым легким отливом и белым рисунком на крыльях. Подолгу оставался я на этой поляне, пытаюсь фотографировать бабочек, осторожно подкрадываясь, наблюдая за ними...

Живя в городе и воспринимаемая окружающее в привычном крупном масштабе, столь многому перестали мы удивляться, и чудеса примелькались нам. Но разве исчезли они, разве каждый—любой!—

цветок не настоящее чудо? О бабочке я уже и не говорю... Разве такая вот Сиреневая поляна, населенная многообразными маленькими жителями, не заслуживает взволнованных стихов и поэм?

Дорога постепенно поднималась и наконец огибала гору. Кызыл-су казалась отсюда извивающейся серебристой тесьмой. В естественной котловине между горами на западном склоне со множеством сочащихся родничков растительность была гораздо богаче и разнообразнее. Пиретрум, воловик, синяк, оносма, горчак, астрагалы разных видов, цикорий, коровяк с мягкими мохнатыми листьями, словно коровьи уши, за что он и получил такое название, и с высоченными, полутора-двухметровыми соцветиями, состоящими из крупных зеленовато-желтых и словно бы светящихся на солнце цветков... Чего здесь только не было! Но больше всего меня восхищал донник, белый и желтый, милый русскому сердцу донник, чей аромат не сравним ни с каким другим—аромат российских полей и лугов, аромат родины. Что может быть милее для горожанина, вынужденного изо дня в день стучать подошвами по асфальту, чем заросли цветущих, благоухающих трав!

И как тут не вспомнить знаменитого просветителя Жан-Жака Руссо, его «Прогулки одинокого мечтателя!» В «Прогулке седьмой» он пишет: «Деревья, кустарники, травы—украшение и одежда земли. Нет ничего печальней, как вид местности голой и лишенной растительности, не открывающей глазу ничего, кроме камней, ила и песков. Но оживленная природой и одетая в брачные одежды среди водных источников и пенья птиц земля являет человеку в гармоническом сочетании всех трех царств зрелище, полное жизни, занимательности и обаяния,—единственное на свете, которое никогда не утомляет ни глаз, ни сердца... Сладкие запахи, яркие краски, самые изящные формы словно наперерыв оспаривают друг у друга право приковать к себе наше внимание...»

Но у меня была своя цель. Мне нужно было найти и сфотографировать бабочку Аполлона, представителя рода парнассиусов, бабочку, которая волею судеб стала символом исчезающей красоты природы. Когда-то она водилась во множестве в Азии и Европе, ее ловили в ближайших окрестностях Москвы, даже в Сокольниках, а теперь можно найти только в горах, да и то далеко не везде. Существует около двадцати видов аполлонов (точнее, парнассиусов) в нашей стране, и практически все они под угрозой исчезновения, многие из них занесены в «Красные книги» и охраняются в разных странах...

И я нашел его. Даже два вида—дельфиус и тяньпаникус: Дельфийский Аполлон и Аполлон Тянь-Шаньский. И каждый человек, который упорно и с чистым сердцем ищет что-то—не для того, чтобы извлечь из этого сугубо материальную, а потому убогую и унылую пользу, а для того лишь, чтобы насладиться радостью открытия и приобщения к прекрасному, к великой, животворной силе матери нашей—природы, чтобы вновь и вновь осознать себя сущим в этом многообразном бескрайнем мире,—каждый такой человек поймет меня в моей радости.

Удачной стала экспедиция и для ботаника Лидии Леонидовны Булгаковой. Лидия Леонидовна набрала огромное количество гербарных листов, которые предстояло теперь не один месяц разбирать в Ташкенте...

МОСТЫ
ДЛЯ ЖИВУЩИХ

Индийские впечатления

Случилось так, что на протяжении последних десяти лет мне не раз доводилось пролетать над территорией Индии в современных авиалайнерах и даже бывать в ее аэропортах—Дели и Бомбее — на пути в Сингапур, Австралию и обратно. Всякий раз сквозь иллюминаторы я стремился разглядеть эту загадочную землю, но видел лишь немного, так что любопытство мое все более разгоралось. Под крылом самолета уходили вдаль то возделанные поля, то корпуса новостроек, то пышная тропическая растительность, то индустриальные комплексы. Короткие остановки в индийских аэропортах не могли прибавить что-либо значительное к моим знаниям об этой стране.

День встречи с Индией все же настал, и для меня он был праздником. Стояла середина декабря, когда теплым солнечным утром я вместе с писателями Владимиром Васильевичем Карповым и Валентином Митрофановичем Сидоровым вышел из здания Делийского аэропорта после завершения всех формальностей. Нас приветствовали представители Министерства просвещения и культуры Индии. Согласно программе пребывания, делегации предстояло посетить несколько индийских городов и встретиться со многими писателями и издателями Индии. Одним из них был издатель и видный общественный деятель страны Вишванатх, который согласился подготовить и выпустить антологию «Москва—Дели», посвященную сотрудничеству наших стран в области экономики, культуры и борьбы за мир.

...Из окна автомобиля я увидел движущуюся толпу, женщин в сари и европейских платьях, мужчин в джинсах и ковбойках, в темных костюмах, а также в традиционных белых одеяниях, которые на первый, неискушенный взгляд состоят из одной-единственной простыни. Какие-то бойкие черноголовые мальчишки махали мне руками, что-то кричали. Были среди них и разносчики газет, и чистильщики обуви, и продавцы разнообразного товара, разложенного на тротуаре. Рядом суетились взрослые, у которых, как известно, забот еще больше: нужно привлечь покупателя, продать товар, выручить деньги на прокорм семьи. На лотках, на стенках небольших лавочек, а то и прямо на земле ожерелья из

камней, металлические украшения для женщин, крошечные слоники из пахучего сандалового дерева соседствуют с фигурками богов, деревянными подносами для посуды. Разнообразные фрукты — бананы, начиная с тех, что величиной с мизинец, и до привычных нам размеров, великолепные оранжевые мандарины, восхитительные красные яблоки, нетранспортабельные плоды манго, красочно оформленные коробки с неповторимым по вкусу индийским чаем.

...Мы направлялись в гостиницу «Кутаб». Проезжая часть была забита большими и маленькими автомобилями, автобусами, мотороллерами, переоборудованными (надо же до такого додуматься!) под мини-такси, велорикшами и велосипедистами. В городах Индии уличное движение очень оживленное, но об этом еще пойдет речь.

Мы свернули в сторону от центра и заметили вдалеке минарет Кутаб-Минар, построенный около 1200 года, — место паломничества многих туристов. Его видно из разных районов индийской столицы. Тут же, рядом с новостройками, замелькали скромные, а то и вовсе бедные жилища.

Индрапрастха — таково было название Дели в древности. Город возник на высоком правом берегу реки Джамна, впадающей в Ганг. В XIII веке он стал столицей Делийского султаната, а в 1526 году — Могольской империи. Англичане захватили Дели в 1803 году. Однако столицей Британской Индии стал он лишь в 1911 году, когда она была перенесена сюда из Калькутты. Колонизаторы отгородились от народа в столице, построив для себя в 1912 году новый город — Нью-Дели. Когда я его увидел, в памяти моей всплыло слово «сеттлмент», почерпнутое из довоенного учебника географии, кажется, в пятом классе. Бывший английский «сеттлмент» — это гигантское образование, в центре которого сосредоточены дворцы и правительственные здания. На периферии оно переходит в систему дворцов и коттеджей, спрятанных за высокими заборами, увитыми пышной растительностью, в тени высоких, раскидистых деревьев. Едешь по современному шоссе с развязками типа раундэбаут — «круговое движение» — и города как такового не видишь. Машина движется то в тени, отбрасываемой экзотическими деревьями, то сквозь открытые пространства, занятые зелеными лужайками и цветниками.

Другое дело — Старый город. Здесь сохранились памятники XVII века — эпохи расцвета Великих Моголов — Жемчужная и Соборная мечети, дворец Шах-Джехана. Застройка здесь плотная. Узкие улочки, заполненные по-восточному пестро одетыми прохожими, на каждом шагу магазины и лавочки со множеством традиционных для Индии товаров: изделия из камня, металла, дерева, а также пряности, фрукты, одежда из хлопка и шерсти, ткани — всего не перечислить. Пряные запахи носятся в воздухе, слышится разноголосая речь. На три километра протянулась улица Чанди-Чоук со Множеством магазинов, лавчонок, мастерских. Жизнь не замирает ни Днем, ни ночью. Ремесленники и торговцы живут здесь и работают.

Любопытна динамика роста населения Дели. В 1921 году оно составляло 304 тысячи человек, в 1931-м — 440 тысяч, в 1961-м — 2 400 тысяч, в 1971-м — 3 600 тысяч, в 1981 году — более 5 миллионов человек.

По соседству со Старым городом находится Красный форт — «Лал-Кила», построенный в XVII веке из красного песчаника.

Один из дворцов Красного форта

Форт — место историческое не только потому, что здесь донныне стоят старинные дворцы и мечети, но главным образом потому, что именно в этом месте в полночь 15 августа 1947 года был поднят индийский национальный флаг — символ независимости страны. Один из лидеров национально-освободительного движения Индии — Джавахарлал Неру, который совершил этот исторический акт, сказал тогда с балкона собравшемуся народу: «Мы назначили свидание истории, и сегодня мы на него явились».

Отсюда недалеко и до другого священного для каждого гражданина Индии места — того самого, где было кремировано тело духовного учителя нации Мохандаса Карамчанда Ганди. Хвала индийским архитекторам и художникам, которые нашли неповторимое решение для увековечения памяти этого величайшего из людей! С высоты птичьего полета мемориал смотрится как огромный каменный четырехугольник размером с современный городской квартал. Окружающие склоны встречаются с вершинами стен мемориала, что позволяет подняться на них с любого направления и заглянуть вниз. Отсюда, с высоты четырех-пяти метров, каждый увидит возвышение из черного мрамора в центре мемориала, на том месте, где тело Ганди было сожжено 30 января 1948 года.

Чтобы приблизиться к этому священному месту, надо спуститься вниз по склону холма, снять обувь у входа и пройти сквозь

гранитные ворота. На черном мраморе золотыми буквами начертаны последние слова Ганди: «Есть правда».

Мемориал окружен деревьями и кустами. Здесь шумит молодой парк, посаженный политическими деятелями и другими известными людьми из многих стран, в том числе из Советского Союза, которые приезжали сюда, чтобы почтить память Ганди.

Неподалеку—через дорогу—Музей Ганди со множеством его фотографий и-высказываний. Вещей, принадлежавших Ганди, очень мало. Может быть, потому, что при жизни он довольствовался малым. Он, как известно, проповедовал ограничение потребностей, отказ от бытовых удобств, аскетический образ жизни. И сам показывал в том пример.

Определенное влияние на Ганди оказали труды Л. Н. Толстого, которого тот почитал как своего духовного наставника. Самого Ганди, как известно, на родине до сих пор называют уважительно «махатма» — учитель.

Экспозиция музея охватывает разные периоды жизни и деятельности Ганди, начиная с так называемого южноафриканского периода, когда в 1893—1914 годах Ганди служил юрисконсультom гуджаратской торговой фирмы, и заканчивая тем памятным январским днем 1948 года, когда он был застрелен членом индусской шовинистической организации. Между ними — десятилетия борьбы против английского колониализма, «ненасильственного несотрудничества» с английскими властями, как сформулировал это сам Ганди, годы, проведенные в тюрьмах, кампания общественного неповиновения, многолетняя руководящая роль в партии Индийский национальный конгресс.

...Запомнился большой бюст Ганди во дворе музея, среди пальм: высокий лоб и добрая улыбка, обращенная к людям.

...Первая часть нашего маршрута по Индии включала Бомбей, Бангалор и Мадрас. Я не ошибусь, если скажу, что, чем дальше мы продвигались, тем интереснее становилось наше путешествие. Из города в город нас быстро и с комфортом доставляли современные аэробусы. Любопытная особенность индийского сервиса на борту самолета: стюардессы неизменно интересовались, какую пищу мы предпочитаем — вегетарианскую или невегетарианскую (как известно, в стране много вегетарианцев). Мы с Карповым откровенно признавались, что, хотя понимаем все преимущества вегетарианского стола, все же предпочитаем кусочек мяса к обеду. Склонный к экспериментированию Сидоров при первом полете высказался в пользу вегетарианской диеты и... буквально обжегся, поскольку его блюдо было «огненным» от добавленных к нему восточных пряностей и специй. Кажется, это была последняя попытка Валентина Митрофановича стать вегетарианцем.

Бомбей нередко называют «первым городом Индии», и немудрено. Последняя перепись населения была проведена здесь в 1981 году; население города достигло в тот момент 8 миллионов 227 тысяч человек. Бомбей—крупнейший промышленный, финансовый, торговый и культурный центр страны. Расположенный на семи островах, цепочкой вытянувшихся от материка в Аравийское море, он имеет первоклассный порт, который расширяется теперь за счет материковой части. Да и сам город перекинулся на материк. В Новом Бомбее Живет почти 300 тысяч человек. Здесь ведется крупная промышлен-

ное и жилищное строительство. Сюда идет отток населения из центральной, сильно перенаселенной части города. А это очень важно, так как население Бомбея увеличивается на 200 тысяч человек ежегодно.

О проблемах современного Бомбея — жилищной, транспортной, а также загрязнения окружающей среды — нам рассказали в местной ассоциации писателей. Состоялся и чисто профессиональный разговор — о тиражах книг, о проблемах перевода литературных произведений на другие языки, о системе оплаты писательского труда. Наши индийские коллеги рассказали нам, что книги в Индии пока, к сожалению, довольно дороги и не всякому доступны. Мало квалифицированных профессиональных переводчиков художественной литературы, а тиражам советских книг они могут лишь позавидовать.

В Бомбее на набережной стоят «Ворота Индии» — триумфальная арка, воздвигнутая в честь посещения Индии принцем Уэльским в 1904 году. Через эти же ворота в 1947 году последний английский солдат покинул территорию Индии.

Набережная кишит зарубежными туристами, отправляющимися с экскурсиями на близлежащий остров Элефанте*. Особенно много американцев, увешанных кино- и фотокамерами, разряженных в пестрые рубашки, потертые джинсы, цветастые платья.

Хотя мы приехали в Бомбей не как туристы, наши хозяева изыскили возможность выкроить время и показать нам удивительный остров Элефанте. Там нет живых слонов, как можно было бы предположить по названию острова, зато имеются восхитительные пещерные храмы с фигурами и статуями индийских богов — Шивы, Парвати, священного быка Нанда и других, относящиеся к VI—VII векам. Особенно впечатляет бюст трехликого Шивы. Тем, кто побывал у нас в Армении в монастыре Гегард, легко себе представить храм, вырубленный древними мастерами в скальном монолите. Индийские умельцы вырубили в скалах не только просторные храмы, но и фигуры богов, которым поклонялись.

От пристани к храмам ведут бесконечные каменные ступени. По обе стороны от них лавочки и павильончики, в которых можно купить сувениры, открытки с видами Элефанте, цветные слайды, прохладительные напитки, советские сигареты.

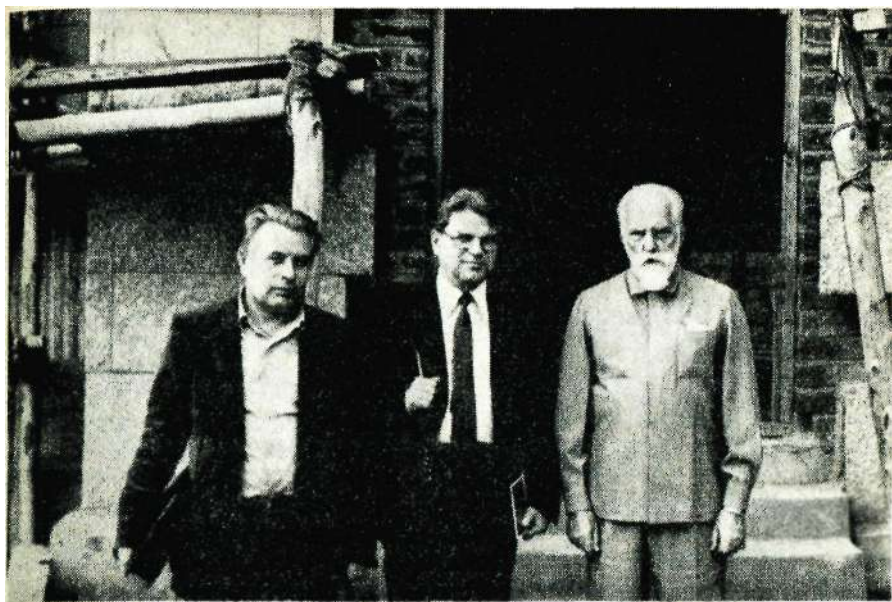
На обратном пути я оказался в одной лодке с дюжим американцем в клетчатой ковбойке. Он спросил меня о моих впечатлениях от экскурсии, и я отвечал ему, что древнеиндийское искусство меня всегда интересовало, так что я почти счастлив. Американец сказал, что он испытывает те же чувства, что и я. затем поинтересовался, откуда я прибыл. Я ответил, что из Москвы. Он пристально посмотрел на меня, протянул мне руку и сказал: «Let it be peace»**. Я повторил его слова и пожал протянутую руку.

Еще одна достопримечательность: с моря, справа по борту, видны гигантские трубы функционирующего здесь индийского центра атомных исследований Тромбея. Древность и современность здесь соседствуют.

Бомбей запомнился мне и как город невероятно больших рассто-

* От *elefante* (порт.) — слон.

** «Да будет мир!» (англ.)

Рерих, Мельников, Сидоров на строительстве Центра искусств в Бангалоре (справа налево)

аний и постоянных пробок в уличном движении. На различные мероприятия и встречи с писателями мы ездили в тесноватой машине местного производства, которая с трудом передвигалась в густом бомбейском «трэффике», как здесь называют уличное движение, причем в один конец дорога обычно занимала часа полтора-два. Следует добавить, что в нашей маленькой машине не было кондиционера, а в середине декабря в Бомбее термометры показывают тридцать градусов выше нуля и даже больше.

...Бангалор встретил нас солнцем и относительной прохладой: двадцать два градуса в тени. Объяснялось это тем, что город расположен высоко над уровнем моря, здесь не так жарко. Южно-Деканское плато, на котором стоит Бангалор, имеет высоту 900 метров над уровнем океана. В городе с пригородами полтора миллиона жителей. Он административный центр штата Майсур, со значительной промышленностью, научными и культурными учреждениями, в том числе университетом.

В аэропорту нас приветствовали местные писатели, представители министерства просвещения и культуры. На нас торжественно надели пахучие тяжелые венки из цветов магнолии. Их привезли две молоденькие девушки—секретарши Святослава Николаевича Рериха, известного общественного деятеля, художника, археолога, ботаника, историка, писателя, путешественника, знатока культуры многих стран. Он почетный член Академии художеств СССР. Святослав Николаевич сообщал в записке, что на следующий день ждет нас у себя в загородном доме.

Нет необходимости объяснять, с каким волнением мы ехали в

гости к Рериху. Из Бангалора туда ведет современное шоссе, проложенное через поля, рощицы, деревеньки. Цветущие по обочинам деревья никак не вязались с представлением о том, что сейчас декабрь. Километров через пятнадцать свернули мы налево, к дому Рериха. Святослав Николаевич ждал нас у входа в приземистый одноэтажный коттедж, сплошь увитый цветами.

Мы буквально выскочили из машины, а он приветствовал нас на прекрасном русском языке — седой как лунь патриарх, скромно одетый в легкий китель и светлые брюки. Под кителем видна была ослепительно белая рубашка. На пальце простой перстень, без камня.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, друзья! — говорит Святослав Николаевич. — Познакомьтесь, это моя жена Девика Рани.

Девика, обаятельная и даже красивая в свои семьдесят с небольшим лет, одета в сари пурпурного цвета. В молодости она; несомненно, могла быть победительницей на многих конкурсах красоты. Она — известная индийская киноактриса, искусством которой восхищались миллионы зрителей. В 1970 году ей была присуждена премия Дада Сахем Пхальке.

Рерих очень собран, внимателен, мгновенно оценивает собеседника. В глазах мудрый блеск. О пустяках не говорит, заботится о гостях.

Нам, как гостям почетным, было предложено отдохнуть с дороги. Мы сначала поднялись на террасу, и тут каждый вручил свои подарки. Я привез Рериху только что вышедший трехтомник Василия Андреевича Жуковского. Он обрадовался подарку, сказал: «Отлично. Спасибо».

Вскоре мы вышли в сад. Рерих разрешил нам с Карповым фотографировать его. Первые снимки были сделаны под гигантским баньяном (*Ficus baniani*), возле дома. Тут же висел небольшой колокол наподобие корабельной рынды. Святослав Николаевич подвел нас к колоколу. Каждому было предложено ударить в него столько раз, сколько он загадает желаний.

Я глянул вокруг себя, на деревья, выстроенные в ровные ряды, и увидел, что они начисто лишены листвы. Это резко контрастировало с буйной зеленью и цветами, которые можно было увидеть в других уголках усадьбы. Я спросил Рериха, что за деревья у него в саду и почему они голые.

Святослав Николаевич объяснил, что это эфиромасличные деревья из семейства эвкалиптов, выделяющие живицу в местах надразов, которая после несложной обработки здесь же, на месте, дает эссенцию, идущую на выработку тончайших духов. Дерево это называется линалой (*Burcera delpekniana*). В зимнее время, несмотря на теплую погоду, деревья отдыхают, сбрасывая листву.

Дерева-эфироносы внешне напомнили наши фруктовые деревья зимой. Однако в расположении их ветвей была какая-то неуловимая гармония, что отличало их от обычных яблонь или груш.

В одном месте Рерих нашел потек смолы и предложил каждому взять в руки кусочек, растереть и понюхать. Моя ладонь вдруг запахла удивительным ароматом «далекой Индии».

Рерих сказал:

— Будьте, пожалуйста, внимательны. У нас тут водятся змеи, в том числе такая неприятная, как королевская кобра. Есть еще

древесная гадюка и гадюка Русселя — караит. Маловероятно, что мы встретим их сейчас, так как зимой они спят, но осторожность не помешает.

Мы дошли до границы плантации, перед нами простиралась дали штата Майсур. Из сада Рериха видны холмы, перелески, далекие селения. В пейзажах Индии есть какое-то свое очарование, которое ни с чем не спутаешь. Поэтому я не соглашусь с человеком, который скажет: «Вот это место в Индии похоже на нашу Среднюю Азию возле Пенджикента, или на остров Сингапур, или побережье Австралии, недалеко от Гладстона». Индия похожа только на Индию, и, вероятно, в этом кроется ее неповторимость, ее притягательность.

На обратном пути мы постояли у небольшого голубого озера. На берегу простая деревянная скамья, как где-нибудь в русской деревне на Новгородчине. Святослав Николаевич любит здесь бывать. Потом мы заглянули в небольшую мастерскую, где установлены печи для перегонки эфиросодержащего сырья. От них исходит благовоние — не выветрились еще запахи минувшего сезона. Затем мы вступили в дом Рериха.

Он невелик по размерам, во всяком случае его жилая часть. Другое дело — мастерская, построенная по проекту самого художника. Мы вошли в просторный зал, вместивший много света, стены которого увешаны холстами самых неожиданных размеров. Здесь были наброски кисти Николая Рериха, полотна нашего хозяина, акварели и работы маслом. Следует сказать, что многие произведения Николая и Святослава Рерихов выставлены в музеях Дели, Бангалора, Тривандрама, Аллахабада, Варанаси.

От отца Святослав Николаевич унаследовал любовь к пейзажной живописи. В еще большей степени его захватывают фольклорные мотивы, народное творчество, которые находят отклик в его работах. Большие и малые скульптуры занимали все свободное пространство у стен, оставляя только самое необходимое место для мебели — приземистого столика, софы, удобных плетеных стульев.

У задней стены повернутые к нам тыльной стороной стояли большие полотна.

После того как мы осмотрели мастерскую Рериха, нам было предложено расположиться поудобнее, кому где нравится. Появился ароматный индийский чай.

— Если вы готовы, друзья, — сказал Святослав Николаевич, — начнем просмотр.

По его знаку помощники начали по одному переворачивать и показывать нам большие полотна, стоявшие у стены. Некоторые из них я знал по копиям и репродукциям. Кое-что довелось видеть в Москве, на выставках в Музее восточных культур в 1960 и 1974 годах. Среди них «Триптих»: в центре образ распятого человечества, являющий собой протест художника против атомной смерти. Или же монументальное полотно «Воззри, человечество»: огненный ангел с мечом реет над языками бушующего пламени, как бы предупреждая о возможности всеобщей военной катастрофы.

В этот раз меня особенно заинтересовали портретные работы Святослава Николаевича. Уже в 20-х годах он становится известным мастером портрета. Как-то он сказал, что человеческие лица для него «являют собой неугасающую магию, постоянно притягивают воображение». Рерихом создана большая серия портретов, начинай с

известных политических и общественных деятелей, мастеров культуры Индии, в том числе Джавахарлала Неру, Индиры Ганди, актрисы Рохини Вазифдар, доктора Радхакришнана, до простых людей — крестьян, народных умельцев, прохожих. Труженикам Индии посвящены картины «Дом гончара», «Мои соседи», «Глина обретает форму», «Хижина», «Молчание» и многие другие. Портреты Рериха глубоко психологичны.

В мастерской находятся работы Святослава Николаевича, относящиеся к разным периодам его творчества. По ходу просмотра художник рассказал и о самих картинах, и о том, что был воспитан отцом Николаем Константиновичем Рерихом в традициях русской культуры. Ему близки Куинджи, Серов, Врубель, Суриков, Репин, Дейнека, Сарьян. Своими любимыми писателями он называет Льва Толстого, Достоевского, Гоголя, Андреева, Горького. Читает современных советских писателей — Распутина, Белова, Бондарева, Астафьева.

Художник показал нам также некоторые свои полотна 30—40-х годов. Гармоничное сочетание образа человека с образом природы впечатляет в картине «Отшельник». На ней изображен одинокий человек в горах, как бы целиком слившийся с природой. Как и многие другие работы С. Рериха, это полотно имеет философский подтекст, ведь в наши дни взаимоотношения человека и природы стали очень актуальны.

Незабываемое впечатление оставляет картина «Долина Кулу весной», написанная в 1939 году. На ней представлен плодородный уголок Индии в предгорьях Гималаев (здесь неподалеку находится дом семьи Рерихов), дающий три урожая в год. На полотне рядом — цветущие деревья и спелые плоды, молодая зелень всходов и золото налитых колосьев, пахота и жатва, весна и осень. В картину заложен символический смысл: берегите природу, умеете пользоваться ее дарами.

Картина «Пустыня» чем-то созвучна творчеству отца художника — Николая Константиновича Рериха, который от Куинджи унаследовал тягу к световым эффектам. С полотна веет обжигающим дыханием пустыни. Необычных тонов небо раскинулось над холмами и горным озером...

Просмотр завершает картина «Победа», написанная вскоре после окончания Великой Отечественной войны: вся она пронизана ощущением любви к Родине.

Святослав Николаевич показал нам также экспериментальную школу в Бангалоре, которую он содержит фактически на личные средства (плата, взимаемая с родителей, — пятьдесят рупий в месяц — по нынешним временам чисто номинальная). Школа представляет собой двухэтажное здание, расположенное буквой «П». Внутренний дворик, засаженный деревьями и кустарником, благоухает цветами.

Директор школы Адити Васиштва приняла нас в своем кабинете, рассказала о принципах воспитательной работы. В школу принимаются дети в возрасте трех-четырех лет, причем она открыта для всех каст и сословий. Первый класс — подготовительный, в нем учеба сочетается с игрой. Программа обучения усложняется из года в год. Главное внимание уделяется индивидуальной работе с каждым ребенком. В основу воспитания положен принцип гармонического

развития подрастающего поколения, при этом много внимания отводится эстетическому воспитанию. Преподаватели стремятся выявить заложенные в ребенке возможности. Не упускается из виду и физическое развитие детей. Через десять лет—столько длится здесь обучение—подросток выходит из стен школы подготовленным к продолжению учебы в каком-нибудь колледже, если позволяют финансы родителей, либо к овладению одной из доступных специальностей.

Вместе с Адити и Святославом Николаевичем мы обошли школу, побывали во всех классах. В первом были забавные несмышлениши, еще не совсем понимающие, для чего их сюда привели, в этот шумный, беспокойный коллектив. В последнем нас приветствовали молодые юноши и девушки, Святослав Николаевич сказал им несколько ободряющих слов, попросил каждого поделиться жизненными планами. И они рассказали, каждый по-своему: один надеется стать юристом, другой—торговцем, а миниатюрная девушка с темными, сверкающими глазами мечтает стать художницей.

...В Бангалоре состоялась встреча с местными писателями, говорящими и пишущими на языке каннада. Это один из шестнадцати официальных языков страны. Поражает то, что на нем в штате Майсур говорят двенадцать миллионов человек, создается самобытная литература—каковы масштабы!—а за границей порой и не слыхали ни о языке таком, ни о народе, ни о его культуре.

Мы видели книжную выставку, где наряду с книгами национальных авторов были представлены и книги советских писателей, переведенные на каннада. Среди них—«Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Железный поток» Серафимовича, «Молодая гвардия» Фадеева, «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Последнее воспоминание о Бангалоре—Святослав Николаевич провожает нас в аэропорту. Мы договариваемся в скором времени встретиться в Москве.

Я задаю Святославу Николаевичу последний, так сказать журналистский, вопрос, ибо уже знаю, что буду писать об этой встрече:

— В чем вы видите задачу художника в эти тревожные для мира дни?

— Вижу ее в том, чтобы служить человечеству своим искусством, чтобы сблизить народы. Уверен, это укрепит сотрудничество разных стран и отдалит угрозу войны.

Мы обнимаемся и по-русски троекратно целуемся с этим необыкновенным человеком. Без него невозможно представить Индию, ибо он—неотъемлемая часть ее и в то же время частица России.

После этой встречи мне стали близки строки Анатолия Софронова, написанные в мае 1980 года в Индии и посвященные Николаю Рериху:

...Сейчас-то мы это
уже понимаем,
что там, среди белых вершин и снегов,
Построены Рерихом
мосты в Гималаях,
Мосты для живущих
на веки веков!

Сказанное об отце в данном случае в полной мере относится и к сыну,

Члены делегации Союза писателей СССР на встрече с индийскими писателями

В Мадрасе — центре штата Тамилнад — очень влажно и жарко — чувствуется близкое соседство океана. В аэропорту нас встречает — о чудо! — переводчица Налине, прекрасно говорящая по-русски. Она училась в Советском Союзе, год жила в Воронеже, и прекрасно понимает всех членов делегации.

Древний талантливый народ Индии проявляет удивительные способности к овладению чужими языками. Не раз и не два нас, что называется, «засекали» в уличной толпе, и тут же слышались хотя и с акцентом произнесенные, но правильные русские слова: «Русский, иди сюда! Купи хорошо!» Не удивляйтесь, если с вами объяснятся по-русски в аэропорту, в магазине, на улице, причем в большинстве случаев это будут люди, не изучавшие русский специально, а лишь слышавшие его время от времени. Те же, кто постоянно общаются с советскими представителями, как, например, владельцы небольших магазинов в торговом центре Яшвант-плейс в Дели — Гиви и Шагун, разговаривают так бойко, словно всю жизнь прожили в Одессе, в районе порта или городского рынка:

— Вам куртку или пальто? Какого цвета? Не волнуйтесь, мадам, все будет, как доктор прописал, как мама велела!

...И вот перед нами стоит Налине. Руки сложены в традиционном индийском приветствии «намасте». На наши потные шеи надеваются пахучие, прохладные гирлянды цветов. Это плотные белые бутоны наподобие наших водяных лилий вперемешку с желто-оранжевыми

цветочками календулы. Втискиваемся в машину. Отель, по счастью, находится сравнительно недалеко.

Под вечер, когда стало прохладнее, отправляемся на встречу с местными издателями. В просторной, по-спартански обставленной комнате издательства располагаемся за большим столом. Приносят ароматный чай с молоком. Начинается неторопливая беседа. Каждого из нас просят рассказать о себе, затем обычные вопросы о тиражах книг в Советском Союзе, о гонорахах, о домах творчества. Хозяева обычно находятся под впечатлением нашего рассказа: по их мнению, положение советских писателей в своей стране—одно из самых привилегированных в мире.

Здесь же, на краю стола, корреспондент местной газеты строчит заметку в вечерний номер о советских гостях, посетивших Мадрас.

При расставании нам крепко жмут руки, говорят, что хотели бы посетить нашу страну.

Помимо обычной официальной программы встреч и бесед с литераторами в этом городе нас ждали не совсем привычные приключения и знакомства. В первый вечер, освободившись от дел, мы решили подвезти Налине домой. Она сказала, что нам, наверное, будет интересно осмотреть храм бога Вишну, который расположен рядом с ее домом.

Соседи сбежались поглазеть на необычных гостей, то есть на нас. Мы раскланивались во все стороны, как умели, делали «намасте», встречая в ответ доброжелательные улыбки. Налине повела нас в храм. Перед входом, как водится, разуваемся, оставляя обувь рядом с чужими сандалиями и ботинками. В полутьме храма пылает огонь. Полуодетый жрец-пурохит священнодействует рядом. Налине говорит, что сейчас он будет приветствовать нас и благословит. Жрец осыпает каждого из нас лепестками роз, намазывает лоб пастой «кум-кум»*, дает выпить какую-то жидкость. Я делаю вид, что пью, а Сидоров, кажется, воспринимает все очень серьезно, поскольку велит мне съесть заодно и лепестки.

На следующий день осмотр богатейшей библиотеки древних рукописей общества «Адьяр» на окраине Мадраса. Здесь следует сделать небольшое пояснение. Полное его название— «Международное теософское общество», возникло оно в середине прошлого века. Цель общества коротко можно сформулировать как изучение религиозных воззрений разных народов. Помимо поисков рационального зерна в иррациональных учениях последователи теософии стремились также найти в человеке еще непознанные внутренние силы и обратить их на его же благо.

Нас интересует просветительская деятельность общества «Адьяр» в той же мере, в какой историков культуры Древней Руси интересует просветительская роль православных монастырей.

...Широкие ворота распахнулись перед радиатором нашей машины, и мы въехали в тенистую аллею. У входа в главное здание нас встречает хранитель библиотеки, с виду европеец, с безукоризненным английским произношением. Он обращает наше внимание на фасад здания, на котором изображены слоновьи головы анфас.

* Паста для ритуальных потребностей, составленная из пепла сандалового дерева, коровьего масла и кармина.— А. М.

Потом мы снимаем обувь и входим в здание. Я ощущаю «эффект храма». Высокие, почти готические колонны, арочные своды с изображениями Христа, Магомета, Моисея и других небожителей.

Гид показал многочисленные реликвии главным образом религиозного свойства, полученные обществом из разных стран. Потом все отправились в библиотеку, где перед нами раскрылись инкунабулы, в которых священные тексты разных народов были помещены между двумя твердыми переплетами в виде дощечек (я увидел воочию, откуда пошло выражение «прочсть книгу от доски до доски!»). Здесь тексты на санскрите, арабском, китайском, японском языках. Доски, удерживающие вместе пергамент и бумагу, разрисованы фантастическими узорами, богато инкрустированы ценными породами деревьев и полудрагоценными камнями.

Мадрас — большой современный город с развитой промышленностью (население — свыше двух с половиной миллионов человек). Машиностроение и металлообработка, хлопчатобумажная и химическая промышленность определяют его важное место на экономической карте современной Индии. Здесь большой порт, крупный транспортный узел.

По счастью, производственная деятельность человека еще не успела оказать здесь заметного влияния на окружающую среду. К югу от Мадраса лежит полоса обширных песчаных пляжей. После очередного выступления перед местными литераторами едем на встречу с Индийским океаном. По дороге осматриваем школу прикладных искусств. По нашим понятиям это профессионально-техническое училище, где подростки обучаются мастерству, с той только разницей, что учатся они не вытачивать детали на станке, а вытесывать фигурки из местного мягкого «мыльного» камня. Из-под их рук выходят статуэтки Будды, Шивы, Ганеша, Вишну, божеств женского рода. «Дипломные работы» сваливаются в общую кучу во дворе школы, хотя, на мой взгляд, могли бы вполне сгодиться для туристов в качестве сувениров. Здесь передается из поколения в поколение старинное искусство резьбы по камню. Древние образцы копируются до малейших деталей.

...Индийский океан возле деревни Махабарипурам приветствует нас пенными валами. Однако искушение окунуться оказывается сильнее страха перед волнами. Переодевшись, наша троица идет в воду! Океанская вода тепла и приятна, но, оказывается, очень солоня!.. Я предпочитаю не снимать очки... Спустя мгновение после того, как через меня перекатился соленый вал, я уже яростно шарю по песку в поисках сорванных очков. Чувство досады быстро проходит: в гостинице у меня есть запасная пара, даже две. Ну, и в конце концов должен же я что-то оставить на память океану!

Вечером того же дня мы побывали в католическом монастыре на горе, которая возвышается над городом. Сестра Селестина, настоятельница монастыря, угощает нас в холле прохладительными напитками, расспрашивает о жизни в Советском Союзе. Мы для нее пришельцы из другого мира — первые советские люди, которых она встречает. Она дарит нам открытки — изображение иконы Богородицы, которая принадлежала якобы жившему в монастыре библейскому «святому» Фоме, и изображение креста.

В монастыре содержатся и воспитываются около пятисот беспризорных детей. Плата, взимаемая с туристов за вход, за открытки, за

Старый и новый транспорт. Погонщики слонов в Джайпуре

«кока-колу», идет на покрытие расходов.

В тот же вечер мы улетаем в Дели. С приближением Нового года—а до него оставалось всего несколько дней—в городе стало еще теплее: днем температура поднималась выше двадцати градусов. Во дворе советского посольства готовились поставить новогоднюю елку. Деятельное участие в этом принимали дети наших работников в Индии. На площадке перед клубом они помогали возводить деревянный павильон для Деда Мороза и Снегурочки. Привычная школьная форма нашей детворы здесь выглядела какой-то «заморской».

Следующие три дня прошли в поездке, организованной советским посольством специально для нашей группы, в Джайпур и Агру. Я не стану утомлять читателя перечислением всех чудес, которые мы видели во дворце магараджи в Джайпуре. Нам было объявлено, что мы—его гости, правда, при этом он к нам не вышел, сославшись на занятость. Зато мы имели возможность сфотографироваться у входа во дворец с его стражей. Не буду также описывать катание на слонах и ночной базар в Джайпуре. Там мы переночевали и утром направились в Агру, где расположена жемчужина индийской архитектуры XVII века—мавзолей Тадж-Махал. Люди со всех концов Земли идут на поклон к этому памятнику любви и верности. Я был ошеломлен законченностью архитектурных линий, белизной мрамора, грандиозностью замысла зодчего. Впечатление от мавзолея Усиливается водной гладью бассейнов, в которых отражается памят-

ник и которые охлаждают воздух. Поднявшись к подножию мавзолея, я почувствовал себя маленькой пылинкой перед лицом гигантского сооружения. Отражение от белого мрамора слепило меня, а подошвами ног (обувь осталась у входа) я ощущал его прохладу. Внутри, в подземелье, лежали останки тех, кто и после смерти остался верей друг другу и неразлучен.

Самым сложным было вернуться к воротам в Тадж-Махал. Мне не хотелось поворачиваться к нему спиной...

Индия—страна многонаселенная. Был момент, когда я это очень остро почувствовал. Это было по дороге из Агры в Дели. Несколько раз мы останавливались на шоссе: то купить фрукты, то подождать вторую, оставшую машину, то полюбоваться красивым видом. И каждый раз по прошествии двух-трех минут нас окружали люди. Они возникали неожиданно, появляясь из-за деревьев, изгородей, кустарника, из близлежащих домиков.

В последний день мы прощались с Дели. Пешком обошли весь центр—Коннот-серкус. Побывали в подземном торговом центре «Палика базар». Побродили по Тибетскому рынку. Проехали по главной улице Старого города—Чанди-Чоук.

Наш самолет разогнался перед взлетом по полосе аэродрома, когда я задал себе главный вопрос: «Совпал ли образ Индии, который жил во мне до поездки в эту страну, с тем, что я здесь увидел?» И я ответил себе: «Да, совпал, но теперь он стал еще ярче и живее, засиял новыми красками от обилия впечатлений».

К образу Индии, чтобы получить о ней современное, законченное представление, нужно прибавить металлургические заводы в Бхилаи и Бакаре, машиностроительные и электротехнические предприятия, атомные реакторы Тромбея, индийские научные спутники серии «Рохини», миллионы детей и взрослых, которые овладевают знаниями, и еще многое другое.

Полгода спустя я получил письмо от Девики Рани-Рерих, которая писала: *«Лично я очень верю в Индию и знаю, что через несколько лет наша страна вырастет духовно, экономически и во всех других отношениях. Голод и нищета постепенно исчезнут, а с ними предрассудки, и мы построим новый, совершенный мир, полный достижений во всех сферах, радости и здоровья. Я надеюсь также, что дружба между Индией и Советским Союзом будет из года в год крепнуть, продолжится обмен делегациями в области культуры, науки и искусства. Да будет мир».*

ТАЛАЯ ВОДА

Рассказ

Отрываю от бревна примерзшие к нему волосы, стряхиваю с одеяла иней, наросший за ночь от дыхания; роняя из кармана малокалиберные патроны, надеваю лыжную куртку и войлочные тапочки, одним прыжком, как в сапогах-скороходах, покрываю расстояние до печки, чтобы зажечь щепки и всякий сор. Лайки вылезают из-под лежанки; потягиваясь и зевая, рассаживаются, подставляя грудь теплу. Мы греемся. Вдруг печка стреляет—рвутся патрончики, что попадают в печь с пола вместе с сором. Псы отскакивают, поджав хвосты, и лают; я кричу на них, они рычат, печка снова стреляет, выбрасывая угли и наполняя избушку едким дымом. И опять: «Ба-бах!» Кошмарное утро.

Потом надеваю штаны—низ одной штанины сожжен во время ночевки у костра. На морозе онемели пальцы; костер догорал, я, сонный, сунул туда ногу в бродне. Стало тепло, и запахло паленым. Вытащил ногу, но поздно: обувь и штаны пострадали. Жалко! Штаны хорошие для тайги. Пришлось пришить низ из другого материала. Так и хожу—кого здесь стесняться?

Ночевки у костра все же редки: к вечеру манит уют избушки.

Жар печи гонит холод, проникший за день; на стене сохнут две беличьи шкурки, внизу полпространства от стола до порога занимает голова лося с рогами. Старый пес, упиравшись лапами, с треском рвет шкуру, добираясь до мяса; на печке, сделанной из половинки бочки, печется лепешка; я полулежу поперек лежанки, свесив ноги в броднях. Вот уже пес хрустит костью, две другие лайки дремлют, положив голову на лапы и наострив уши,—притворяются, что ждут своей очереди спокойно... Жарко. Дверь избушки открыта настежь, меж верхушек кедров видна луна. Недвижны ели и кедры в лунном свете; на деревьях, крыше лабаза и валежинах снег искрится; синие тени в боковинах лыжни густы. Пахнет жженым тестом; пригорает на печке туго скатанная лепешка.

Короткий день бежит в сумятице охот быстро; вечера в избушке покойны, уютны, но тягостны, сколько ни запускай в избу лаек, тоскливы. Безмолвие: человек один. Старая лайка спит на полу,

вздыхает, временами взлаивает, и лапы ее вздрагивают. Одиноко и тихо так, что слышно, как шипит огонек керосиновой лампы. Одиноко, когда кедровые деревья дрожат под ветром и ветер свистит в вершинах; одиноко, когда тишина за порогом и тишина здесь. Безмолвие. Я один. Только седой пес визжит на полу, ему, видно, снится чья-то берлога, он бежит во сне, его окружают волки, но он не сдастся и злобно лает, и опять тихо-тихо, шипит, потрескивает огонек керосиновой лампы.

Весной решил я звать к себе соседа Семена, который жил один в такой же маленькой избушке в сорока километрах выше по Елогую, левому притоку Енисея. По пути в деревню свернул к нему, лодка причалила, я поздоровался. Он стоял в десяти шагах, маленький sereneкий человек на глубокой тропинке среди сухих трав широкой поляны. Меня, конечно, не видел. Он был слепой. Пока я подтягивал нос лодки повыше, обматывал трос вокруг куста ивы и привязывал на берегу собак, чтоб не убежали в тайгу, пауза длилась долго. Он, видно не признавая во мне по звукам кого-либо из знакомых, от неловкости поеживаясь, спросил скороговоркой, очень волнуясь:

— Ты какой-токой человек будешь?

— Борис,— ответил я,— из избушки на Елогуе.

— У-у-у...— обрадовался он.— Знаю, Борис! Слыхал, Борис!

Он засуетился, беспорядочно жестикулируя, видно, хотел сказать что-то. Я молчал, обдумывая, как приступить к тому делу, с которым приехал, а он вдруг перестал волноваться, нашел, о чем спросить еще, провел ладонью по седым коротким волосам от затылка ко лбу, сказал:

— Куда едешь?

— В Келлог. Груз везу на звероферму.

— А-а-а!— произнес он очень серьезно.

— Чай горячий найдется?

— Ись, ись!— сказал он, снова возбуждаясь от радости.

Я захватил приготовленную для него лосиную грудинку, еще мерзлую. Мы пошли в избушку, он быстро раскочегарил печку. Скоро мы пили чай, и он торопливо рассказывал все свои новости: что высматривал сеть и поймал одну пелядку, что долбленка—ветка совсем старая, после зимы очень течет, набралось много воды, и надо ее конопатить, и уже надерган мох для этого. По насту проходил Гришка и принес двух рябчиков, которых добыл по пути; а его, Семена, охота плохая: нет удачи, он ставил три капканчика—один ондатра утащила, совсем недавно еще было пять капканчиков, а теперь только два! И он, Семен, щупал весь берег и в воде, два дня искал капкан, но беда...

— Слушайте,— сказал я, перебивая его чуть ли не на полуслове,— у меня нет напарника, может быть, вы переедете на Елогуи? Вдвоем веселей. В избушке места хватит двоим, дрова заготовлены, пилить не надо, вам жить легче, а мне зимой из других избушек в тепло возвращаться лучше...

Боясь услышать поспешный ответ, я сказал, что на обратном пути заеду, и попрощался. Через день я снова был у Семена и сразу почувствовал, что он тщательно обдумывал предложение. Он был в некоторой растерянности: переезд—дело нешуточное в его возрасте,

старика грызли сомнения, и верно: когда два человека, совсем чужие, поселяются под одной крышей, жить совсем непросто. Но он знал, что надо склониться к какому-то решению, и приготовил ответ; опять-таки очень волнуясь и сомневаясь в правильности выбора, он сказал так:

— Ты ходишь в тайге. Тебя зверь поранит. Я слепой, как твой след смогу найти? Какой я напарник? Совсем плохой. Ты пропадешь, и я пропаду, что люди думать будут?

Уж мне досадно стало, что привел старика в большое волнение. Надо было плыть, весна была в самом разгаре, и я пережил за делами досаду от его отказа. А осенью в деревне мне сообщили рыбаки, что он переехал в мою избушку со всем своим добром: тазом, чайником, сковородками, ветхой лодкой — и ждет меня.

— Тут вся моя родня похоронена, мои предки, — говорил рыбакам Семен.

Он просил передать, чтобы я завез к зимовке на его долю муку, сахар, чай. «Свой пай надо!» — так он, человек самостоятельный, объяснил свою просьбу.

«Занятный, занятный человек!» — не раз думал я, наблюдая, как он колдует над выпечкой лепешки или очень смешно забрасывает на лежанку ногу, поднимая ее выше собственного носа натренированным годами движением. Я старался не пропустить момента, когда он это делал, так это было необычно. Интересно было видеть, как он ходил странной походкой — наклонясь вперед правым плечом, будто тянул тяжело груженную нарту. Действительно, до войны и после нее он доставлял охотникам и рыбакам кооперативный груз. А как он радовался добытому глухарю! Казалось, это великое достижение. Он приходил в неописуемый восторг, когда гладил соболиный мех. Меня поражало, как он строил фразу. Стоит, например, среди дерущихся насмерть лаек, спокойно возвышается над ними, опираясь о посох, и убеждает: «Ты что, ты что! Как можно убивать? Не убивай товарища! Как один на земле жить будешь? Худо одному!»

И самое интересное, что собаки рычали, но расходились. Собаки его слушались. А щенки — те лезли на голову, когда он сидел, и топтались по нему, когда спал. Щенков-то он уж слишком баловал. Они тыкались в лицо лапами, а он отбивался и в это время рассказывал, как кеты раньше испытывали способности одного «великого» шамана — завязывали шамана в невод и опускали под воду.

Однажды зимним вечером он, Семен, загнал в угол избушки с помощью медного посошка и там накрыл поллитровой банкой небольшого чертика.

— В нашей тайге, — объяснял он, — живут хорошие оборотни. Вон лесник Синева Ленька с сыном идут за грибами, глядь: беленькая собачонка, невидная такая, а беленькая-беленькая, прибилась и ласково хвостом виляет. «Возьмем, что ли, сынок, жаль кроху, мала, вишь, в брусничнике путается!» Несет ее Синева Ленька на руках, а идти ему вроде мешает что-то; он ногами-то отпихивал, отпихивал. «Да что это такое, — думает, — мешается?» Посмотрел вниз, а у собачонки маленькой лапы до земли выросли, болтаются. Бросил он ее со страху и с сыном — ходу, оглянувшись, а собачонка-то стоит

улыбается и рукой, рукой-то машет! В нашей тайге живут добрые оборотни: им бы так, попугать, а зла не делают!

Потом объяснял еще, что, если помазать столбы солидолом, россомаха не полезет в лабаз и железом обивать не надо.

Я уходил на несколько дней высматривать капканы на дальних тропах и возвращался в теплую избушку, тогда он очень радовался, и мы подолгу беседовали. Осенью он был весел и шутил, а к середине зимы заметно упал духом, особенно плохо было, когда оставался один. Морозы стояли лютые, а он очень мерз, когда выходил что-нибудь делать: долбить лед пешней в проруби или возить дрова из поленницы. Я удивлялся, как он жил один до сих пор; теперь он только и делал, что коচেгарил печку да пек лепешки, много молчал, о чем-то сосредоточенно думал, и думы, по всему видно, были тягостные. В конце концов старик обмолвился, и я узнал: он вдруг вспомнил, что все друзья и братья, его одногодки, умерли, никого нет, даже тех, кто чуть младше. Все они были здоровыми и дожили до преклонных лет, а он, слепой, еще живет, и это нехорошо, потому что года давно вышли и время уходить уже настало.

Так вот что: время «уходить» пришло!

Я знал, что намерение старика — дело нешуточное. Он всю жизнь выказывал недюжинную волю, когда тянул лямкой лодки с кооперативным грузом от деревни к деревне и когда после ухода на пенсию стал жить один среди тайги. Он и сейчас только усилием воли мог умертвить себя. Я думал, что все дело в очень сильном морозе,

который давит на сознание человека, угнетает. Выйдешь на лыжную—пар изо рта выходит с шумом, деревья стреляют то здесь, то там не только ночью, но и днем; глубокий снег мелкий, колючий: если стоять, пальцы ног в теплых броднях прихватывает и лицо стягивает. Я говорил Семену, когда выходил ночью, что полыхает северное сияние, и он просил рассказать, какое оно. Я долго описывал, как выглядят движущиеся снопы феерического света—странная, фантастическая картина. Он слушал внимательно, а потом снова задумался о своем и неожиданно сказал необычно очень серьезно:

— Слушай, Борис, у меня к тебе дело.

Я насторожился: живем вместе, тайн друг от друга нет—и вдруг какое-то дело.

— ...Брат Ганька умер, который родился поздней меня, Борис, меня теперь тоже смерть йоймала. Я скоро умру, тут моя родня, предки, это наше место. Ну, слушай. Кеты хоронят по-особому. Надо, чтобы ты понял, как меня хоронить, и сделал все, как скажу, но надо дать слово.

Было ясно, куда его уже занесло. Настраивать старика на веселый лад в эту минуту—дело бесполезное, отшутиться—не время. Я почувствовал, что это для него слишком важно, и сказал, что сделаю все, как он мне расскажет.

— Даю слово,—произнес я спокойно и торжественно.— Похороню, если вперед меня умрете, не хуже, чем родичей.

И он объяснил, как все сделать, и показал брезент, в который его надо будет завернуть. Перечислил, что он возьмет с собой, и указал, где стоит дерево, которое он уже затесал. Возле него и надо будет рвать порохом, греть костром грунт и рыть могилу. Я слушал очень внимательно и говорил с ним так, чтобы не оставалось сомнений, что сделаю все как надо. И он поверил. Он остался удовлетворенным, что нашел, кому доверить столь важное дело, и немного даже оживился. Мы потом не возвращались к этой теме, но я видел, что он ждет последнего своего часа. Он внутренне готовился уйти спокойно, но это не удавалось. Энергия другого человека заставляла и его вести деятельную жизнь, и тогда не оставалось времени для мыслей о смерти, повседневные дела отвлекали. Я понимал: если бы не морозы, в эту зиму слишком уж лютые, он мог бы ходить больше и занять себя делом. Но в том-то и беда, что дел у него осталось мало, даже долбить прорубь он уже не мог. Ах, эти морозы и длинные-предлинные вечера, когда я уходил на путики и ночевал в других избушках,—тишина давила, а вечная его темнота и вовсе становилась непосильной тяжестью. Он встречал меня, будто мы не виделись год, а не восемь дней, видно было, что он и не чаял дожидаться встречи.

Снега намело уже метра полтора. В одну дальнюю избушку пришлось прокапывать ход, как в пещеру, и там, далеко от него, коротая ночь, думал, о чем ему рассказать. Я понимал, что надо как-то внушать ему, но не прямо, в лоб, а иначе, что зима все равно кончится. Это так обычно человеку кажется, что когда дождь, то Дождь будет всегда, когда мороз—морозам не будет конца, а уж зима во всем мире на вечные времена. И я, возвратясь, намекал на приход весны, как мог. Принимался рассказывать, как прошлой весной после первой подвижки льда в полосе чистой воды заметил

плывущую корягу, она двигалась очень быстро, потом остановилась и вдруг поплыла назад, против течения—это был очень-очень старый лось с весенними короткими пеньками вместо рогов. Он хотел перебраться на мою сторону, но не мог выкарабкаться на лед. Он плывал туда-сюда вдоль кромки ледового поля. Поток воды был мощным, и старый зверь плыл навстречу ему очень долго—сила еще была. Потом он вернулся к тому же берегу, откуда начал заплыв, лед преградил ему путь, но все равно он старался перебраться и плыл, сколько мог, а потом возвратился и стал ждать, когда лед пройдет. Я рассказал, как вода давила на ледяные поля все больше и больше. Лед трещал и наконец пошел, льдины вылезали на берег и грызли камни, громоздились выше на кручу, доставали деревья. Маленькие под напором валились, а большие сосны стояли, только кора падала. Старый сохатый дождался чистой воды и переплыл реку. А потом день ото дня становилось теплее, лед таял очень быстро, ночи напролет свистели утки; в такую ночь совсем не хочется спать, светло, можно ездить на лодке и все видно, как днем. А тетерева бормочут по всей тайге, на том берегу и на этом. У тетеревов тоже все смешивается, вчерашний день и сегодняшний. В два часа ночи какой-то бормочет, не то очень ранний, не то слишком поздний... Все оживает, потому что всем тепло.

Семен возбуждался, торопясь, перебивал меня, говорил, что так и есть, все это, что я рассказал, и он знает: он слышал.

Кроме этих пространственных намеков на приход весны, нехитрая цель которых была отвлечь старика, заставить дожидаться теплой поры, я не пренебрег и явной ложью: сказал, что в заливе мне иногда попадалась озерная пелядь в две четверти длиной, из которой на сковородке течет сало. Я ведь знал об особом пристрастии Семена к рыбной ловле. И это вранье достигало благой цели. Мысли старика Семена переключились, и он сам начал разговор.

— Знаешь Мамонтове озеро у фактории Сиговой? — спросил он вдруг.

— Слышал.

Это озеро было в той местности, где он жил до переезда сюда.

— А почему Мамонтове — знаешь?

— Нет.

— Гам весной по нему мамонты ходят. Озера еще стылые стоят, а на Мамонтовом лед поломан. Я не видел: я слепой ты б увидел, как они топчутся.

Потом он неожиданно спросил какие двери у дома, где жил царь Петр, и добавил, что всю жизнь испытывал сильное желание пощупать двери, где жил царь Петр. И я рассказал, как выглядят двери этого дома. И еще о многом, о чем он спрашивал. И тут на улице раздался визг, будто режут свинью: это щенок лизнул таз для корма и язык примерз к металлу: надо было идти с чайником и поливать таз горячей водой. И пока я спасал щенка, то думал о том, что Семен еще поживет, раз не забыл о своих желаниях, еще не время ему «уходить». Длинную зиму надо помочь прожить. И с такими мыслями я в тот вечер уснул.

Ночью мы пробудились от громкого лая. Собаки сидели посреди избушки на половицах, смотрели в стену, лаяли и умолкали

вслушиваясь. Так бывало, когда треснет гулко, раскатисто лед на реке, побежит трещина по льду далеко-далеко, будто булыжник бросили и он скачет-подскакивает. Или вот недавно избушка повела верхними венцами: бревна от холода сжались и просели. Раздался звук, словно выстрелили над ухом из небольшой пушки. А собаки сбились в кучу и, поджав хвосты, злобно лаяли, ожидая, что крыша рухнет. Откроешь дверь — в проем облаком хлынет морозный воздух, и лайки, выбежав, тут же просятся назад. Ну что ж, пусть заживают в тепле их раны.

Но нет, на этот раз не стрельнул лед, не осела избушка, не подошел зверь. Собаки сидели посреди избушки, лаяли все разом; вдруг все смолкли, слушая тишину, не рвались к двери, как бывает, когда забредет на поляну нездешний лось. За стеной ночь была светлая, но голубых теней не было, не полыхало и северное сияние; тускловатый свет месяца мягко растворял темноту. Я встал и распахнул дверь — мороз был немалый. Собаки сидели и слушали все так же. Это было странно, такого еще не случалось, и было немного не по себе от неизвестности. Я посмотрел на Семена. Он сидел на лежанке не шевелясь, опутив голову — напряженно слушал. Холод наполнил избушку. Я закрыл дверь и стал быстро одеваться. За избушкой, в стороне залива, послышался звук, вроде бы знакомый, но вместе с тем неясный. Сознание еще не связывало его с каким-то конкретным образом, и надо было слушать еще. Снова раздались такие же звуки.

— А-а-а! — Семен на лежанке дернулся всем телом. Лицо его выражало, как мне показалось, ужас. — М-м-м... — он силился что-то сказать, но из-за внезапно нахлынувших ощущений позабыл русские слова.

— Птица белая — белая птица!..

Тут догадался и я. Трубили лебеди! Я привязал собак и, сунув бродни в лыжные крепления, побежал по реке. Птицы были близко, в заливе, но я увидел их не сразу и удивился, что не заметил издалека. Прямо передо мной четыре лебедя ходили по белому покрывалу залива.

— Четыре птицы, — сказал я, когда возвратился. — Ну, старик, рано что-то; наверное, ошиблись. Что есть будут? Убьют их морозы.

— Зачем ошиблись? — возразил горячо Семен. — Белая птица не ошибается: тепло будет, весна будет!

Трудно было поверить, что станет тепло.

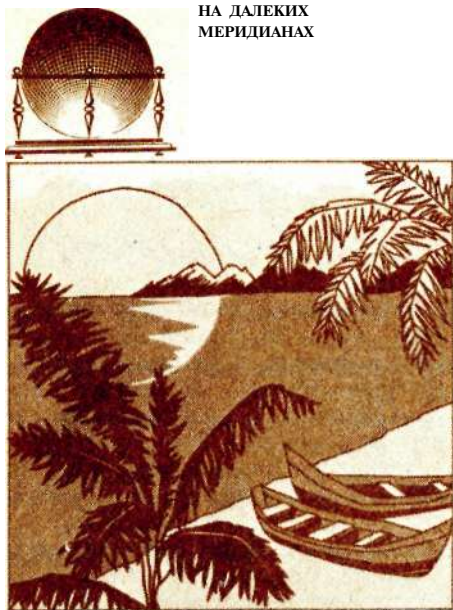
— ...Вода будет. Они ждуть будут. Им нужно попить воды — только-только начнет таять, самая первая вода. Он очень крепкий — талая вода — силу много дает. Очень важно им не пропустить: только-только растопит снег — ма-а-аленько!.. Теперь не пропадут. Сильный птица белый — не пропадет! И я теперь не умру: талый вода крепкий. Ай-ай! Совсем глупый человек, совсем трусливый. Я думал, меня смерть поймал. Меня лень поймал! Тьфу!

Долго еще Семен поносил себя, ругался и плевался, всячески над собой насмехаясь.

— Куда вы? — спросил я, когда он принялся обуваться.

— Какой ты человек, как не понимаешь? Маленько работать надо. Свой пай работы делать надо.

Он взял пешню и ведро и пошел долбить наросший в проруби за ночь лед.

ЮРИЙ СКВОРЦОВ
**ПОД САМЫМ
ЖАРКИМ СОЛНЦЕМ**

Очерк

Он очень близко, этот Ближний Восток.

До Адена—самой отдаленной его точки—всего семь часов лета от Москвы.

Ночь, начавшись над Черным морем, мглой висит и над Красным. Проектора на мачтах аденского аэропорта Хормаксар едва пробивают душный, горячий ночной туман.

В отеле «Амбасадор» портье, позевывая со сна, протягивает ключ. Лифт на четвертый этаж, скрадывающая шаги дорожка, шелчок замка. И... злые, немигающие глаза варана. Вцепившись лапами в край ковра, он бесстрашно рассматривает меня в упор. Сейчас бросится в бой? Раздумал. Молнией юркнул в открытое на балкон окно...

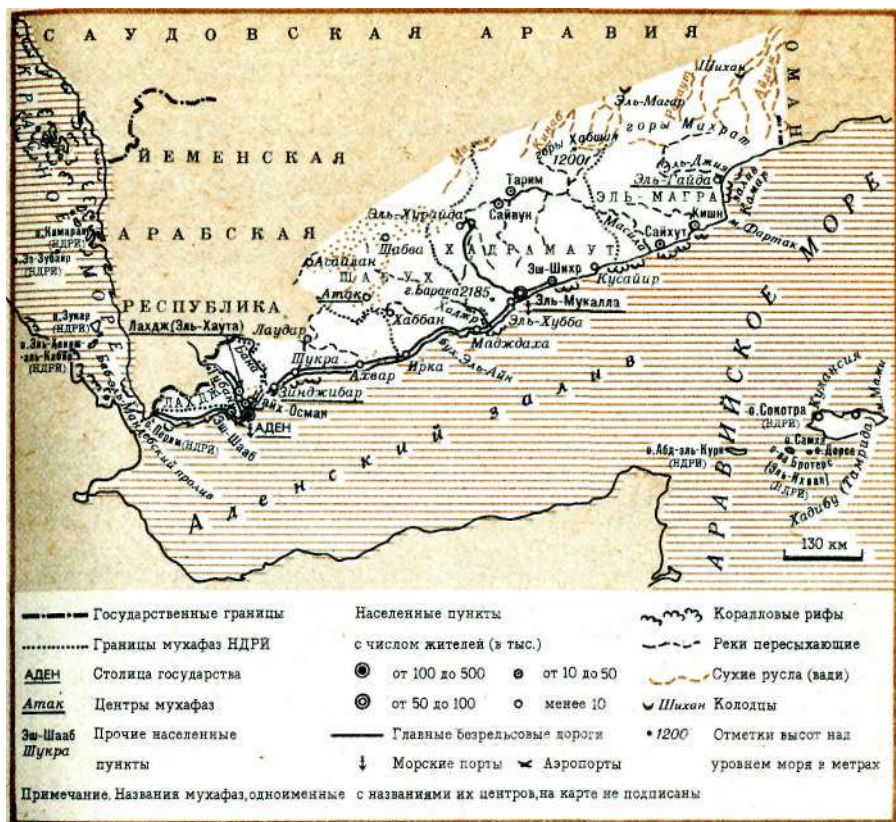
Волны залива черны и ленивы. Вода парная, вязкая, ядовитогорькая. Остро щиплет глаза. «Будьте осторожны!—кричит с берега Абдулла.—Чуть глубже вас могут поприветствовать акулы...»

Чернота наконец-то сменяется блеклой синью. На площади перед отелем прижалась к высоким ногам пальм вереница такси. Белые «мерседесы», желтые «тойоты». По пустому гулкому тротуару навстречу женщина с головы до пят в черном. Вместо лица красное пятно—густая, красного цвета сетка. Странно видеть эту средневековую фигуру на фоне последних моделей «мерседесов» и «тойот».

Он очень близко, этот Ближний Восток. Но это другой мир, в котором соединилось несоединимое. Щедрое солнце. Скудная земля. Люди, живущие одновременно и в первом, библейском веке, и в нынешнем, двадцатом.

На карте Народная Демократическая Республика Йемен—узкая полоса вдоль южной оконечности Аравийского полуострова. От самой Африки и на добрую тысячу километров на восток.

Страна. Земля.

Народная Демократическая Республика Йемен

Но на этой земле земли нет. Есть песок. Он начинается от пенистой кромки Аравийского моря и, гонимый ветрами, ползет в глубь страны. Даже гряда гор ему не помеха. За этой грядой снова песок. Пустыня. Все статистические справочники приводят эту страшную цифру — один процент. Только один процент йеменской территории пригоден для земледелия.

Мало где на земном шаре встретишь еще такое жестокое солнце, как здесь, окунешься в такую же насквозь пропитанную влагой жару. Кажутся просто нереальными параметры аденского лета: Днем — под пятьдесят градусов, ночью — под сорок. Влажность максимальная. Дожди очень редки. И почти такая же редкость — облака в небе. Искать тени вне домов бесполезно: ничего не растет на песке и на скалах такого, что могло бы дать широкую листву, а значит, тень, прохладу.

По европейским стандартам жить в таких условиях нельзя. Но здесь живет около двух миллионов человек. Народ. Республика, ставшая таковой всего семнадцать лет назад.

В библейские времена эту территорию называли «Арабия феликс» — Счастливая Аравия. Она славилась несметным золотом.

Здесь проходили караванные пути из Индии в Европу, с Востока на Запад. С огнем и мечом шли сюда на запах золота турки, итальянцы, португальцы, покоряя местные племена и эмираты. Англичан прельстило не золото—его давно не стало. Из Адена хорошо «простреливались» и арабские, и индийские, и африканские берега и воды. И, оповещая мир о военно-морской базе, над Аденом 130 лет развевался британский флаг. Лишь 30 ноября 1967 года англичане спустили его и покинули йеменские берега, как они писали, «принимая во внимание желание местного населения». Народ Южного Йемена действительно указал англичанам на дверь, но не рукой—дулами винтовок.

Более века хозяйничали в Адене англичане, а оставили после себя лишь нефтеперегонный завод — он снабжал их военные корабли топливом—да улицу Маала длиной всего в километр, застроенную пяти-шестиэтажными домами,— здесь жили британские офицеры. Ни один йеменец не имел права входить на эту улицу и не мог бы этого сделать: колючая проволока охраняла Маалу «от черных».

И еще осталась в городе, на вершине скалы, каменная башня с часами — копия знаменитого лондонского «Биг Бена» в миниатюре — английские офицеры, видимо, очень скучали по Лондону. Башню эту йеменцы не разрушили, но часы остановили в знак того, что время колонизаторов кончилось. Навсегда! В стране была провозглашена власть трудящихся, и Демократический Йемен встал на социалистический путь развития.

Рывок из феодализма—так можно кратко определить первые семнадцать лет Народной Демократической Республики Йемен. Ее первые зримые успехи. Ее будни, вновь похожие на битву, теперь уже с неграмотностью, экономической отсталостью, суевериями, скудостью природы, со всем, что досталось от минувших веков и владык.

В крупных городах заработали фабрики, а значит, начал формироваться рабочий класс. Повсюду открылись общеобразовательные школы, появились детские сады, поликлиники...

Путешествуя по стране, я видел множество примеров новой жизни: в Адене, который покрылся лесами строек, в крошечном рыбацком поселке на берегу океана, в госхозе, организованном в третьей провинции, на возведении ирригационной плотины — она даст долгожданную воду предгорным районам...

Биография спичечного коробка

«Сделано в Адене»—такая этикетка пока редкость. Ее можно увидеть на ящиках с бананами и финиками, на простеньких резиновых сандалетах, в которых ходит большинство мужского населения страны, на футках—пестрых юбках, которые также носят мужчины и даже мальчишки. Вот, собственно, и все.

Дело в том, что промышленных предприятий в Южном Йемене еще семнадцать лет назад вообще не существовало. То, что требовалось йеменцам «в заводском исполнении» — от кухонного ножа до гаечных ключей, ввозилось из-за границы или... просто отсутствовало. Колониальное господство проявляло себя в Южном Йемене в классически чистом виде: англичане бдительно ограждали местное население от всех благ цивилизации.

В одном из цехов сигаретно-спичечной фабрики

Сейчас в Южном Йемене построено несколько заводов и фабрик. Но большинство промышленных предприятий только строятся...

«Сделано в Адене»,—неожиданно прочитал я на коробке спичек, который купил в табачной лавочке на улице Маала. Коробок (на нем изображен голубой трактор, идущий по полю) был крошечный, почти вдвое меньше привычного.

— Это изделие какой-нибудь местной мастерской?—спросил я продавца.

Тот укоризненно покачал головой и вместо ответа положил передо мной на прилавок несколько пачек сигарет. Яркие глянцевые этикетки, серебристая фольга, слово «фильтр» по-английски. Я принял их за импортные, но, повертев в руках, и на них прочитал: «Сделано в Адене».

— У нас теперь работает сигаретно-спичечная фабрика,—гордо сказал продавец.— Вам достаточно свернуть в первый же переулок налево, и вы увидите ее.

Я так и сделал и оказался на первом промышленном предприятии Южного Йемена, построенном после революции.

• -Ахмад Абду—секретарь партийной организации фабрики— начал свой рассказ с истории предприятия, хотя эта история Укладывается скорее в месяцы, чем в годы.

— Знаете, что было нашей главной трудностью?—говорил Абду— Не строительство цехов и не установка машин, которые мы закупили в Европе. Мы, йеменцы, умеем строить. Еще наши предки

возводили из глины большие дома высотой в 12 этажей. Волнения были другие: а пойдут ли к нам люди трудиться на станках? Дело-то небывалое... Отважится ли кто-нибудь стать в ряды первых рабочих Демократического Йемена?

Еще шла стройка, а мы уже ходили по окрестным домам и рассказывали людям, что это за профессия—рабочий, какое это почетное звание. Мы искали смельчаков и в конце концов нашли их—33 человека согласились надеть рабочие комбинезоны. И заработали станки, двинулись с места конвейерные линии. Всего за месяц фабрика выпустила фантастически много—полтора миллиона спичечных коробков... Но вслед за одной проблемой возникла другая—как увеличивать производительность труда?—Начали составлять программу подготовки кадров, создали специальные курсы для новичков. Весть о чудо-фабрике, где спичечные коробки вылетают со скоростью пули, уже разнеслась по округе, и люди сами начали стучаться в ворота: «Вам, говорят, нужны руки?»

Мы поняли: пора думать о будущем—о расширении производства, выпуске не только спичек, но и сигарет. Короче, сегодня на фабрике трудятся не 33 смельчака, а вдесятеро больше рабочих. Наша продукция полностью удовлетворяет спрос на нее в Йемене, а часть ее идет даже на экспорт...

Идем с Ахмедом Абду по цехам. Четкие линии конвейеров. Ровный стрекот станков, рабочие в красивых фирменных комбинезонах склонились над машинами. Все это привычно глазу—современное, европейского уровня предприятие. Но ведь не в Европе—под жарким небом Йемена! Замечаю, что добрая половина работающих у машин—женщины. Как их-то удалось привлечь на фабрику? Были проблемы?

— Практически никаких,—говорит Абду.—Познав выгоды и радость рабочего труда, мужчины сами сагитировали своих жен идти к нам. Тем семьям, которые работают здесь, мы помогаем с жильем—даем ссуду на строительство дома. Профсоюз заботится об отдыхе рабочих. По воскресеньям организует поездки на берег моря, устраивает спортивные соревнования. У нас есть даже своя футбольная команда...

Я покидал фабрику с трудом: пришлось перепрыгивать через широкую траншею, которую всего за два часа вырыли неподалеку от фабричных ворот. Шла укладка коммуникаций к новому, строящемуся цеху.

Охотники за черепахами

Путешествуя по Демократическому Йемену, я просто не мог не побывать у рыбаков. Южный Йемен—страна у воды, она «граничит» с Аденским заливом и Аравийским морем на протяжении более тысячи километров. И 70 процентов йеменцев питаются исключительно дарами моря. С незапамятных времен и до сего дня профессия рыбака самая массовая в стране. И самая почетная.

...Грузовик мчится по прибрежному песку. Пенистые морские волны лезут под колеса, не успевая лизнуть их буквально на полметра, как мы оказываемся впереди. Гонка идет уже час, шофер взмок, бешено вращая баранку, отвернуть же от волн хоть чуть-чуть

Богатый улов морских черепах

к берегу нельзя. Тут начинается уже другой песок — вязкий песок пустыни. Черная гора, засыпанная наполовину песком, загородила нам путь. Крутой бок ее, что навис над морем, весь в белых крапинах. Это ракушки. Во время прилива они успели зацепиться за камни, но вода ушла, а ракушки остались...

За горой, которую мы обогнули, все-таки замочив колеса, открылся рыбацкий поселок — ряд домишек чуть выше человеческого роста, сколоченных из досок. Вместо железной крыши брезент или просто кусок выгоревшей на солнце ткани. Стены в широких Щелях для вентиляции, ведь в жару любой сквознячок — благо. Пяток узких деревянных лодок с высоко задранными носами — самбук — покачиваются метрах в ста от берега.

— Вы хотели увидеть типичную рыбацкую деревню — вот она перед вами, — говорит, соскакивая вместе со мной с грузовика, Ахмад Ришейди, председатель рыбацкого кооператива «Халиг Аден». — Этот поселок называется Рас-Умран. За ним — километров через десять — точно такой же, а потом еще и еще, и все они вошли в наш кооператив...

С Ахмадом я познакомился всего два часа назад. И он очень удивил меня, этот молодой сухощавый мужчина, потомственный Рыбак, всю свою жизнь проживший здесь, на берегу моря, в Рыбакком поселке. Ахмад говорил не просто грамотно — его речь

была по-деловому точна и лаконична. Он умело и свободно пользовался такими понятиями, как «прибыль», «бюджет», «рентабельность». В его кабинете, на столе, я увидел электронный микрокалькулятор. Рассказывая мне историю возникновения кооператива рыбаков, посвящая меня в сегодняшние его дела и проблемы, Ахмад привычно взял калькулятор в руки и начал быстро нажимать на крошечные черные клавиши. Прибор ожил и, тихо попискивая, стал выдавать на экранчик вереницы цифр...

— До революции,— говорил Ришейди,—мы всю рыбу за бесценок сдавали торговцам-перекупщикам. Они фактически были нашими хозяевами. И еще держали нас за горло владельцы лодок—мы отдавали им почти все, что получали от торговцев. У рыбаков ведь ничего своего тут не было. Кто имел обрывок сети или шамран—крючок для большой рыбы, тому, считалось, крупно повезло... 17 апреля 1971 года изменилась рыбацкая жизнь. Мы прогнали торговцев и лодочников и создали кооператив, куда вошло сто рыбаков нашего побережья. Мы стали сами себе хозяева, весь улов теперь продаем сами. Тридцать процентов прибыли тратим на покупку новых лодок, сетей, на бензин, ремонт моторов, а половина выручки идет на собственные нужды рыбаков. Кооператив построил несколько школ для своих детей, у нас теперь есть три грузовика, своя холодильная установка. Мы сами покупаем школьникам учебники, тетради, все, что надо. В некоторые поселки провели водопровод...

О детях Ахмад, правда, рассказывал мне уже здесь, в поселке Рас-Умран, стоя около грузовика и давая возможность гостю как следует, не торопясь, рассмотреть типичное рыбацкое поселение.

И, словно иллюстрируя рассказ Ахмада Ришейди, рядом с нашим грузовиком неожиданно остановился еще один, украшенный яркими лентами цветной бумаги. Из кузова посыпалась детвора в школьной форме: на девочках белые платьица, мальчишки в белых рубашках и коричневых брюках. Их привезли из соседнего поселка, где находится школа. Размахивая портфелями и сумками, детвора стала разбегаться по поселку.

— Смотрите, рыбаки возвращаются с лова!— Ахмад показал рукой на черную точку, едва проступившую в синеве океанского горизонта.—Медленно идут, перегружены...

Ему уже не стоялось спокойно на берегу. Рыбацкое сердце рвалось туда, навстречу самбуке.

— Давайте встретим их в море,—предложил Ахмад и, не дожидаясь моего ответа, шагнул к ближайшей лодке на берегу.

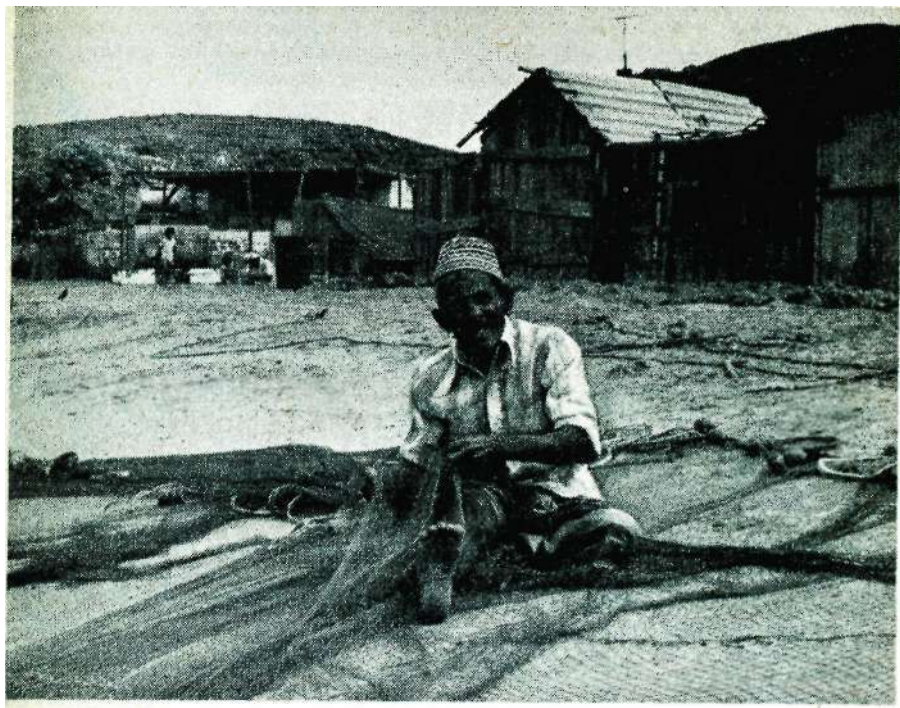
Взревев мотором, лодка помчалась, зарываясь носом в волны. И очень скоро, описав полукруг, шумно ткнулась бортом в бок самбуки. Там, у руля, стоял поистине гигантского роста и телосложения рыбак. Его лицо и торс, по-видимому, уже навсегда окрасило солнце черным загаром. Увидев председателя кооператива, да еще с гостем, он приветливо улыбнулся—на смуглом лице заблестели жемчужной белизны зубы...

— Это Салех,—крикнул мне, пытаясь перекрыть рев двух моторов, Ахмад.—Его зовут Салех, он бригадир.

И, показывая мне рукой еще на двух рыбаков, опять закричал:

— А это его сын и брат! Вы посмотрите, что они наловили!

Я встал на скамейку, заглянул в чрево самбуки и не поверил своим глазам: до самого верха, до бортов, лодку заполнили

Старый рыбак

гигантские черепахи. Почти по метру в диаметре, тяжелые, огромные, они лежали на спинах, обнажив желтые брюшки, и медленно шевелили широкими ластами. Каждая черепаха весила, наверное, с центнер. Их было штук тридцать или сорок.

— Сколько часов вы ловили их? — закричал опять Ахмад. — На обычную сеть? Представляю, как запарились!

— Мы ушли в шесть утра! — рокотал густым басом бригадир Салех. — И ловили всего два часа. Их там оказалось целое стадо, слава аллаху. Мы наткнулись на счастливое место...

Лодки подошли уже близко к берегу. Сын Салеха, худощавый паренек, но ростом с отца, сбросил якорь — и самбука встала. Вплотную к берегу она подойти не могла — было очень мелко.

— Переходите в нашу лодку, — предложил Ахмад рыбакам. — Мы доставим вас домой, не замочив ног.

— Не стоит, — ответил за всех бригадир. — Мы привыкли сами...

Скинув одежду и подняв ее над головами, трое рыбаков спрыгнули в воду — легко, не подняв брызг. И побрели к берегу...

— Они действительно так привыкли, — сказал мне Ахмад. — каждое утро, еще во тьме, идут они вот так же к своей самбуке. И так же возвращаются каждый день, когда солнце уже стоит над головой и не дает тени...

Рыбаки вышли на песок. Я видел, как около одного из домов

появилась женщина в окружении стайки детей. Она не пошла навстречу мужу, осталась у порога, а дети кинулись к отцу, брату, дяде.

— У Салеха восемь детей,— сказал Ришейди.— Но теперь это не знак бедности. Теперь рыбак может накормить восемь детей. И отдать их в школу...

Почем фунт бананов?

Есть такая детская песенка, я услышал ее от дочки: «Растут бананы высоко. Достать бананы нелегко. Хочу банан!» Песенка наивная, однако ничего неверного я в ней не находил. Считал, вероятно, так и есть на самом деле: бананы растут высоко, как кокосовые орехи на пальмах, а значит, и достать их нелегко. Оказалось, не так все это.

...Стою на краю бананового поля. Огромные зеленые лопухи— листья устало свисают почти до земли. Растения могучие, но ненамного выше человеческого роста. Я шарю глазами по верхушкам, пытаюсь увидеть знакомые желтоватые гроздья плодов. И не нахожу.

— Вы уже убрали с этого участка урожай?— спрашиваю председателя госхоза «7 Октября» Абдуллу Кадера. Это он привел меня сюда, на банановую плантацию госхоза. Кадер лукаво щурит глаза:

— Ай-я-яй! Бананы лезут вам прямо в карман, а вы не видите!

Батюшки, да они действительно лезут в карман. Большая зеленая гроздь на толстой, как канат, плодоножке склонилась чуть ли не до земли, и я касаюсь ее коленом. Так вот как растут бананы!

— Хотите, я вам сейчас расскажу немного об этих растениях, раз уж вы увидели их впервые?

Кадер великолепно говорит по-русски, без акцента. Этот смуглый, тонкий, красивый юноша всего несколько месяцев назад окончил сельскохозяйственный институт в Ташкенте. Диплом защищал, правда, «по картошке», но ведь он и сам не знал тогда, что придется ему выращивать бананы. Переучиваться пришлось уже на родине. Специалисты с высшим образованием в Йемене сейчас на вес золота. Кадеру только 29 лет, а он вот уже назначен директором большого госхоза, где выращивают и бананы, и помидоры, и баклажаны, и лук, и кукурузу, и кунжут. В стране есть и другие госхозы, но по урожаю бананов госхоз «7 Октября» соперников не имеет.

— Так вот, я расскажу, почем фунт бананов,— говорит Кадер, перефразируя известное наше выражение «почем фунт лиха».— Сорт, который вы видите, называется «сомалийский». Говорят, его привез сюда из Сомали местный землевладелец, которого, естественно, прогнала революция. Но среди наших жителей ходит легенда, что драгоценный росток тайно, пряча под одеждой и ежеминутно рискуя жизнью, доставил сюда один из крестьян. Он мечтал всех жителей деревни сделать богатыми и счастливыми. Было это или нет, проверить уже невозможно. Факт лишь то, что свои уже не надежды, а планы на богатство и счастье мы тоже связываем с этими плодами.

Растут бананы очень быстро. Едва показавшись из земли, саженец уже через восемь месяцев становится взрослым и дает

Сборщица бананок

такую вот большую тяжелую гроздь. Но все эти восемь месяцев за растением надо ухаживать, как за ребенком. В основном поить. Бананы пьют, как слоны — бочками. Значит, надо рыть колодцы, ставить насосы, по длинным арыкам пускать воду на плантацию. Едва земля просохла, снова давай ей воду. И все время надо рыхлить землю мотыгой далеко вокруг ствола, а этих стволов тут тысячи! Через каждые восемь месяцев растения приходится вырубать, потому что второго урожая ствол уже не даст...

При помещике уход за банановой плантацией был трудом рабским — от зари до зари. Теперь в госхозе много техники — насосы, грубы, грузовики. У людей нормированный рабочий день, твердая ежемесячная зарплата. Если кому-то из рабочих нужен транспорт для личных нужд, госхоз никогда не отказывает. И люди теперь трудятся по-другому: с охотой, с желанием. Отсюда и Урожай, и стремление перевыполнить план, завоевать почет и уважение...

И все же трудное это дело — выращивать бананы. Даже убирать их трудно. Попробуйте поднять полную гроздь!

Кадер ведет меня к небольшому навесу, около которого стоит несколько грузовиков. Мужчины выгружают из кузовов тяжелые гроздья, острыми ножами разрубают их на кисти поменьше. Женщины моют эти кисти в больших, наполненных водой резервуарах и,

упаковав в ящики, снова подносят к машинам. Я с трудом отрываю от земли полную банановую гроздь. В ней, вероятно, килограммов сорок, не меньше!

— Наши бананы идут во многие страны,— говорит Кадер.— В Кувейт, Джибути, Бахрейн. И география экспортных поставок будет расширяться...

Если когда-нибудь, читатель, тебе попадет в руки банан из Йемена, вспомни про молодого директора госхоза Абдуллу Кадера, который учился у нас в Ташкенте, а теперь с утра до ночи ездит по плантации, своими руками ремонтирует насосы. Вспомни про 260 женщин и мужчин, что трудятся под палящим аравийским солнцем. И хотя бы мысленно скажи им «спасибо»!

Растут бананы невысоко. Достать бананы легко. Вырастить—неимоверно трудно.

Плотина Дружбы

И вновь дорога бежит через пустыню. Песок, словно снег, переметает шоссе, белыми разводами замирает на нем—точь-в-точь русская снежная поземка. Изредка попадаются мосты через когда-то бурлившие реки. Но вода давно ушла, растворилась в песке, остались только желтоватые сухие извилистые каналы. Их зовут здесь «вади». И говорят, к примеру, не река Тубан, а вади Тубан, то есть бывшая река Тубан. Печальное, страшное, горькое это слово—вади.

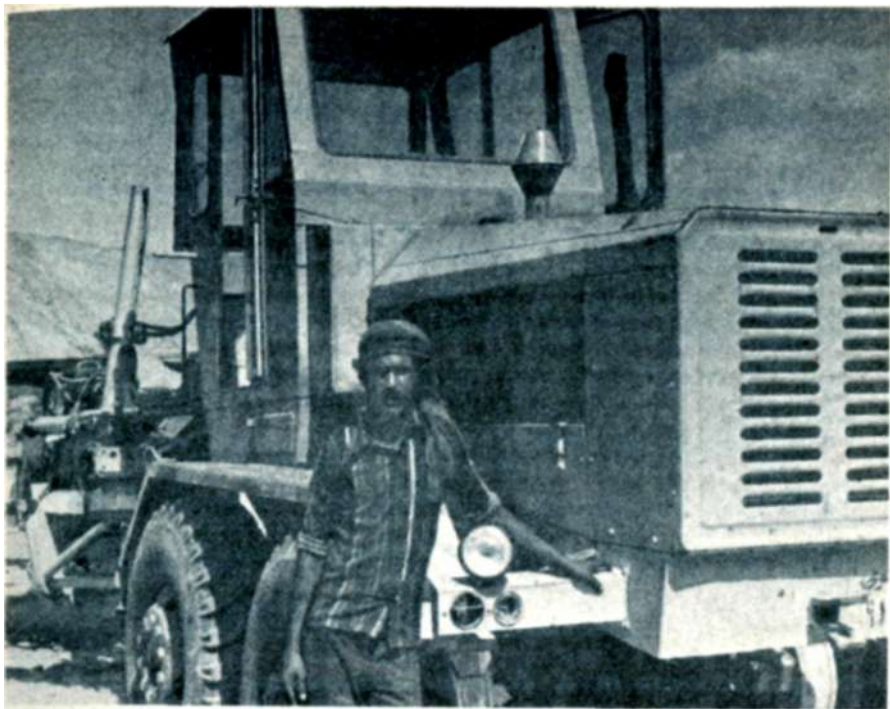
Маячившие на горизонте горы придвинулись—и многое вдруг изменилось вокруг. Исчез песок, высокая трава встала по обе стороны шоссе. Промелькнула деревня—глиняные, без окон домики, сплетенные из веток заборы. Появилась пальмовая рощица справа, за ней—густые, словно джунгли, заросли бананов. Но и пальмы, и трава, и бананы—все покрыто густым слоем пыли, все изнывает от недостатка влаги.

Год назад здесь все было по-другому: по арыкам текла вода, ее отводили из реки Бана, единственной реки в этой местности. Но осенью 1981 года плотину на реке разрушил сель, и водохранилище исчезло. Огромный район остался без влаги, которая давала жизнь и пропитание.

Йеменцам пришли на помощь советские инженеры и рабочие. Был срочно создан проект новой плотины. На берегу Баны появилась советская техника. На строительство этой плотины, которое началось всего месяц назад, мы и держали путь.

...Послышался рев моторов—он шел откуда-то из глубины земли. Потом я увидел стрелы экскаваторов, точнее, только верхушки стрел. Лишь подойдя к краю глубокого котлована, я понял: стройка развернулась на дне почти полностью высохшей реки. Там урчали, вздыбливая валы земли, бульдозеры, грызли сухую гальку ковши экскаваторов. Туда ныряли знакомые уральские самосвалы и через несколько минут вылезали, натужно гудя, унося в кузовах очередные кубометры породы...

Новенький ярко-желтый бульдозер остановился у края котлована, ожидая, когда ему дадут команду на спуск. За рычагами сидел немолодой уже йеменец в традиционном ярком платке на голове. Я

Строитель плотины на реке Бана

нацелился на него объективом фотоаппарата—он улыбнулся и, заглушив мотор, спрыгнул на землю.

— Меня зовут Салех,— сказал он, протягивая измазанную машинным маслом ладонь.— Салех, бульдозерист. Меня учил профессии русский. Фамилию его выговорить трудно. Только имя — Юра! Юра — товарищ! Почти все йеменцы, что работают здесь, учились или сейчас учатся у советских рабочих.

Сооружение плотины на Бане — совместная интернациональная стройка. Начали ее девять советских специалистов — они сами монтировали мастерские, склад, бетономешалку. Помощников тогда «Ше не было. Но через несколько дней, узнав про стройку, потянулись на нее люди из соседних городков и селений. Механизаторов оказалось среди них мало — все больше плотники, каменщики, а многие вообще без профессий. Но и этих, последних, брали на работу, формируя из них учебные бригады.

Советский инструктор по скреперам Самвел Саркисян сажал очередного новичка рядом с собой в кабину, клал его руки на Рычаги: «Ну, дорогой, трогай!» Скрепер, как норовистый конь, кидался с места вскачь.

Молодец! — кричал Самвел, ударяясь головой о крышу кабины — Честное слово, молодец! Только зачем торопишься, дорогой? Машина ласку любит...

Через два дня новичок уже сам «катал» скрепер по котловану, а Самвел, стоя в стороне, жестами показывал, где надо зачерпнуть землю, куда переместить ее, и снова кричал:

— Молодец, дорогой, ай какой молодец! Ну, отдохни немножко!

И когда новичок скрывался под навесом, Саркисян сам садился за рычаги и перемещал ковш с землей туда, куда было нужно.

— Здесь работает сейчас уже около двухсот йеменцев, и многие вполне прилично освоили строительные профессии,—рассказывает мне начальник участка Виктор Булекбаев. Он сам уже три года работает в Демократическом Йемене, возводил плотину недалеко от Адена. Эта, на реке Бана,—его вторая стройка. Услугами переводчика Виктор не пользуется—сам хорошо говорит по-арабски, справляется даже с местным диалектом. Тридцатичетырехлетнего руководителя стройки—я заметил—здесь уважают. Наверное, потому, что частенько, засучив рукава, он сам берется то за баранку машины, то за гаечные ключи.

— Мы должны уложить 18 тысяч кубометров бетона и всего за 18 месяцев,—заканчивает свое интервью Виктор.—Это более чем сжатые сроки, но темп уже набрали. Через неделю пойдет первый бетон...

Проект Дружбы, стройка Дружбы—эти слова я часто слышал в Демократическом Йемене. В те дни, что я был там, вошел в строй причал Аденского рыбного порта, который сооружался совместно советскими и аденскими рабочими. В городе Эль-Мукалла вышел на проектную мощность рыбоконсервный завод—тоже совместная стройка. Одесские моряки обучают йеменских рыбаков промысловому океаническому лову. Советские музыканты преподают в недавно открывшемся в Адене Институте изящных искусств...

Дружба советского и йеменского народов—действенная, эффективная дружба!

Вечер в кратере вулкана

Центральный район Адена называется Крейтер, то есть кратер. Кратер вулкана. Это трудно себе представить: ряды белостенных домов, забытые машинами улицы, красивейшие дворцы—и все в кратере потухшего вулкана? Да, именно так. Практически каждая улица здесь непременно упирается в черные, до неба нагромождения вулканической породы. Когда произошло тут извержение вулкана, не знает никто. Геологи предполагают, что это случилось несколько миллионов лет назад.

Ну да не в хронологии суть. А в том, что этот главный район города выглядит запертым со всех сторон неприступными стенами. На вершинах этих стен еще возвышаются старинные крепостные башни. И кажется, нет сюда никому входа и нет отсюда никому выхода.

Много веков назад так оно и было. Боясь вражеских осад, аденцы, естественно, позаботились о своей безопасности, а значит, и о воде, о ее сохранении на долгие месяцы. И они придумали оригинальное громадное сооружение, о котором мир узнал еще шесть веков назад. В вулканической породе аденцы прорубили каскад гигантских водохранилищ для сбора дождевой воды: 17

На школьной перемене

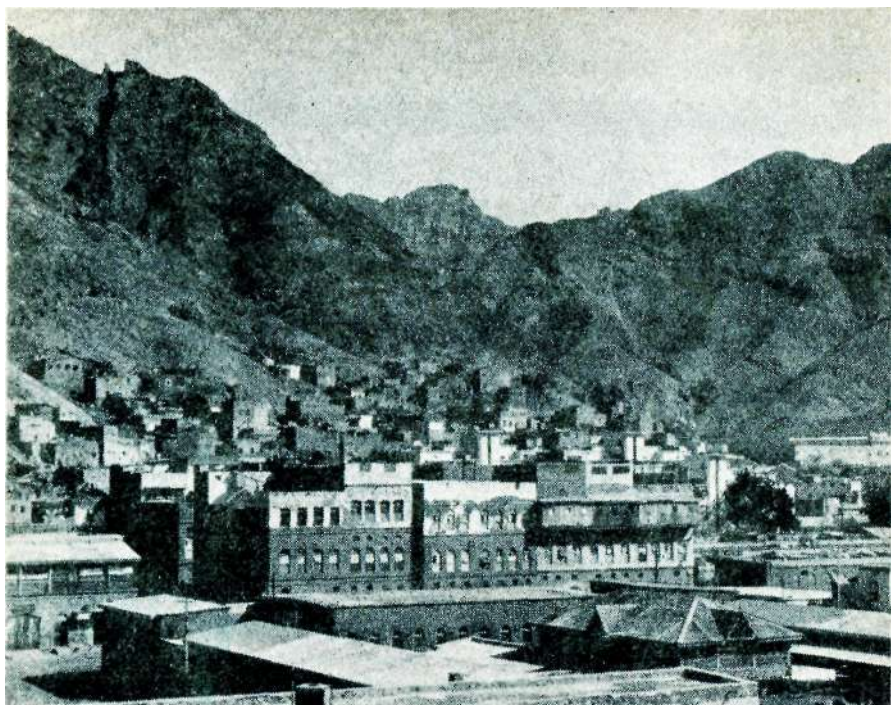
резервуаров наполнялись поочередно, один за другим и могли сохранять 45 миллионов литров чистой питьевой влаги.

Эти великолепные сооружения сохранились по сей день — каждого гостя непременно привозят посмотреть на чудо, сотворенное Предками. Резервуары и сейчас крепки — струи чистой воды тихо переливаются из бассейна в бассейн, навевая прохладу. Гигантские тропические деревья широкой листвой закрывают водную гладь от солнца и пыли. Банальная фраза — райский уголок, но именно это сравнение приходит на ум, когда поднимаешься по каменным ступеням от бассейна к бассейну.

С высоты черные скалы уже не кажутся грозными. За ними видна сияющая под солнцем, слепящая глаза морская ширь. Но едва снова оказываешься на улицах Крейтера, чернота гор опять окружает тебя со всех сторон и на душе становится неуютно. Гулять по Крейтеру мне нравилось вечером.

Темнота уже закрыла небо — горы растворились в ней, исчезли, зато безлюдные улицы, напротив, ожили. Горожане, переждав дневное пекло за опущенными решетками дверей, за наглухо закрытыми ставнями, валом валят на улицы.

У входов в бесчисленные лавки и магазинчики продавцы зажгли гирлянды разноцветных электрических лампочек, белые неоновые трубки, а то и просто керосиновые фонари. Владелец крошечного кафе примостил на тротуаре деревянный стол и пяток стульев. Они уже заняты, а он, возбужденный наплывом посетителей, все кричит:

Вид города Аден

— Заходите! Кто отведаст мой кофе, всю жизнь будет вспоминать Абдуллу, да благословит вас и меня аллах!

Рядом с кофейней седой старик, тихонько позванивая тяжелыми допотопными весами, продает бурые длинные листья табака—для кальянов. Старик никого не заывает, просто тихо позванивает весами, ожидая, что те, кому надо, услышат его. Но услышать на улицах Крейтера можно либо все, либо ничего. Бурлит людской водоворот, и все звуки жизни смешались, перепутались. Гортанный голос муллы забивает лихая джазовая мелодия, рвущаяся из лавчонки, где торгуют транзисторами и магнитофонными кассетами. Гудки автомобилей, еле ползущих по загруженным улицам, перекрывают голоса мальчишек, гоняющих в этой тесноте и сутолоке футбольный мяч.

Продавец восточных сладостей, дабы заманить покупателей, выставил прямо на улицу телевизор. Идет какой-то фильм, и на весь квартал слышится то стрельба, то визг тормозов. Нет, оказывается, тормоза визжат не с телеэкрана. Это никак не может пробиться сквозь толпу у телевизора старенький «фиат», в который—разве что чудом!—набилось не менее десятка пассажиров. Только на Востоке умеют так эффективно, «на полную катушку» загружать транспорт. На велосипеде ездят по четверо, не считая детей. На ослика навьючивают столько, что, кажется, и грузовик не потянет. А уж в

кузов грузовика залезает население целой деревни или городского квартала. Приходится, конечно, стоять, вмянаясь в соседей, ну да не беда: в тесноте — не в обиде!

А какие запахи плывут по улицам Крейтера! От терпкого лукового до нежных, тонких, ароматных. Сук (рынок) уже закрыт, но площадь перед ним все равно извергает запахи рыбы и моря.

А какое в Крейтере разнообразие лиц и одежд! Кудрявые чернокожие бедуины кажутся бледнолицыми рядом с черными до синевы выходцами из Сомали. Вот промелькнуло широкоскулое светлое лицо малайки, о чем-то переговаривающейся со смуглым индийцем...

Большинство женщин в Адене ходит по улицам в черных просторных накидках на яркое платье. Голова покрыта черным платком. Не очень «по сезону», то бишь по климату, но очень изяшно.

Подлинным разнообразием в цветах одежды отличаются мужчины. Их юбки — это соединение всех цветов радуги, как и широкие пояса, что удерживают эти юбки на бедрах. Пестрый платок небрежно и с какой-то даже лихостью повязан на голове. Мне казалось раньше, мужчина в юбке — это странно. Теперь могу свидетельствовать: это красиво и вполне естественно в условиях супержаркого климата.

Все смешалось на улицах Крейтера — звуки и запахи, цвета и одежды. И еще стили жизни, образы жизни. Вот вышагивает впереди жены respectable мужчина. Светло-коричневые брюки «с иголочки», модная куртка на «молнии», извергающие блеск мокасины. Он словно только что из Европы. Да так оно, возможно, и есть. А сзади жена — черное глухое покрывало до пят, черный платок. На лице темно-синяя мелкая сетка — тропический вариант чадры. Мужчина идет медленно, важно, печатая каждый шаг, а жена робко семенит за ним, словно крадется вдоль тротуара.

Еще одна пара — лицо женщины тоже закрыто синей сеткой. А за руку с ней дочь лет семнадцати — красивое открытое лицо, задорные косички, джинсовые брюки в обтяжку, туфельки на шпильках... Это уже смешение не стилей жизни. Это смешение эпох, а точнее, их противоборство. И уже видно, на чьей стороне победа.

К десяти вечера жизнь на улицах Адена замирает. Гаснут витрины магазинов, а затем и окна в домах. Только крупные низкие звезды продолжают перемигиваться с огнями океанских кораблей, стоящих на рейде. И еще пронзают тропическую тьму лучи прожекторов на центральной площади города.

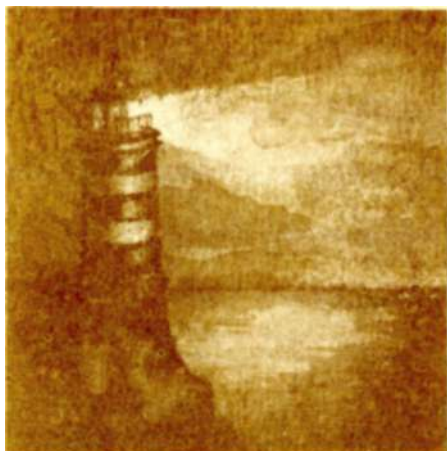
Здесь воздвигнут монумент Борцам за свободу. Высокая белая арка поднимается над площадью. Под сводами этой арки — фигура Отца, держащего на руках сраженного пулей Сына. Сына Родины!

Кровью заплатил народ Демократического Йемена за право идти своей дорогой. Она трудна, эта дорога. Но если настало время почтить память первопроходцев, значит, самые тяжелые перевалы Уже позади.

ОЛЕГ ДЗЮБА

НА МАЯКАХ КАМЧАТКИ

Очерк

Катер ушел на рейд к гидрографическому судну за новой партией грузов. Красные обводы корпуса плавно удалялись от прибойной полосы. Видно было, как матросы с баграми в руках посматривали за борт, следя за подводными скалами, которых немало понатыкала природа у этой полоски побережья. Именно поэтому и поставлена здесь полосатая колонна маяка. Восточная Камчатка. Мыс Африка. Один из самых опасных камчатских мысов.

Своим названием мыс обязан экипажу русского крейсера «Африка», окрестившему его в честь своего корабля в 1882 году. Не будь у названия столь конкретного происхождения, можно было бы счесть его за насмешку: сто метров к югу — и я мог окунуть ладони в воды Тихого океана, сто к северу — в воды Берингова моря. Здесь можно прогуливаться, так сказать, «со льда на холод» и обратно.

Капитан гидрографического судна Борис Ильич Ермак сменил на время выгрузки форменную тужурку с нашивками и фуражку с крабом на рабочую одежду и вязаную шапку с кисточкой и чем-то смахивал на своего однофамильца-атамана, собравшегося в поход. А поход у нас выдался дальний — по всем маякам Восточной Камчатки. Поездка же мне в этой экспедиции с романтикой: Африка, да еще и Ермак! Сначала мы побывали на мысе Кроноцком.

...Четверо ожидали нас на берегу. Утро не успело разгуляться, и башенка маяка продолжала посверкивать в рассветных сумерках. Начальник маяка Александр Медведев спрыгнул с катера в прибой, бросился к своим, но тут же остановился, схватившись за ногу. Хорошо, друзья поддержали — помнили, что и после выздоровления с переломами надо быть поосторожнее. А сам Медведев на радостях забыл: шутка ли, больше двух месяцев не был начальник на своем маяке.

Беда эта с ним случилась, когда красил «огонь». «Огнями» называют гидрографы приборы, работающие автоматически: с вечера вспыхивает ацетиленовое пламя, к утру гаснет. Днем же предупреждает об опасности знак, специально окрашенный так, чтобы можно было его увидеть издали.

На Кроноцком знак этот был высоко. То ли остуился Медведев, то ли камень выскользнул из-под ноги, но упал Александр неудачно,

прямо на гальку, и сломал ногу. Кое-как отыскал на берегу обломок бамбукового ствола, выброшенный океаном, и, опираясь на него, приковывал к дому. По радиограмме прибыло судно, но разыгрался нештатный шторм, пришлось спасателям уходить в бухту Каменистую, десятью километрами севернее. Несли Медведева до Каменистой на самодельных носилках те же Борис Левин и Юрий Ященко, обнимавшие теперь друга на берегу.

В радостной суматохе встречи Медведев чуть не забыл представить друзьям жену, оставшуюся на катере. Ответив на приветствия, тут же вернулся и перенес Тamarу на сушу. Женился он дней десять назад, когда, воспользовавшись нечаянно выпавшим свободным временем, прилетел к брату под Челябинск. Едва ли не все время, что шли мы до мыса Кроноцкого, они с Tamarой простояли на корме. Медведев и часа не хотел терять, приобщая жену к Камчатке, где она оказалась нежданно для себя, и, похоже, преуспел в этом.

Обошлось без вопросов — назвали друг другу имена, поздравили с прибытием и пошли все вместе к домам у маяка: Медведев с Tamarой, Борис и Юрий со своими женами — Любой и другой Tamarой. Маленькая колония, несущая долгую маячную вахту.

Я вспомнил грустные строки из рассказа Генрика Сенкевича. «Жизнь на маяке, — писал он в начале столетия, — очень трудна и вовсе не улыбается любящим свободно скитаться людям. Фонарщик становится почти узником... Нет ничего более однообразного, чем такая жизнь на маяке. Молодые люди если когда и соглашаются на эту должность, то вскоре оставляют ее. Поэтому маячник обыкновенно бывает человеком немолодым, угрюмым и замкнутым. Когда случайно он бросит свой маяк и очутится вновь среди людей, он ходит среди них, как человек, пробужденный от глубокого сна».

— Здесь крытый переход построим, — сказал Медведев. — Между домом и дизельной. Зимой реже откапываться придется, а то по трубу заносит. И оранжерею заведем.

— Для овощей?

— Само собой, но знаешь, о чем мечтаю? Вдруг и розы зацветут...

Маяк на Кроноцком сравнительно невысок. Невеликий рост его исправляла сопка, на гребне которой он стоял. По деревянной лестнице мы поднялись наверх. Посвист ветра сменился тишиной, когда мы вошли в башню, потом гулким эхом шагов. На площадке у самой макушки башни пришлось задержаться. К оптической системе, посылающей в море световой сигнал, вела приставная лесенка, по которой надо было подниматься по одному. А оказавшись наконец у приборов, мы дружно зажмурили глаза — таким сиянием была наполнена застекленная со всех сторон небольшая мансарда, венчавшая маячную башню.

На массивной подставке переливалась, разбрасывая по нашим лицам радужные блики, чуть вытянутая блестящая «луковица». Поверхность ее составлена из множества переплетающихся зеркальных полос с несколькими оконцами на боках, за которыми я увидел контуры мощной электролампы.

В основании — электродвигатель, — сказал Медведев. — А в старину паровые машины ставили. Система вращается, лампа неподвижна. Отсюда и частота сигналов. Она ведь у каждого маяка своя,

Скалы и рифы надежно сторожат побережья Камчатки

как визитная карточка. И раскраска особая: наш маяк в вертикальных полосах, на Африке башня будто в тельняшку вырядилась, а на мысе Озерном кроме черных еще и красные полосы—не спутаешь.

Люба Левина придвинула стремянку и, приоткрыв дверцы, проверила сохранность лампы. Присмотревшись, я заметил рядом второй светильник.

— Резервная,—сказала Левина.—Если первая перегорит, сразу включается запасная. А когда и она...

— Тогда бегом наверх,—продолжил Медведев.—Ладно еще в штиль, а если в непогоду... Все рекорды бьешь. Было у меня однажды так в бухте Асача. Маяк там зовется Круглым. Да я рассказывал на переходе, помнишь...

На Круглом Александр работал старшим техником. Заступив как-то к вечеру на вахту, он с первым намеком на темноту засветил огни, но маяк, мигнув раз-другой, погас. По правилам лампу надо было заменить накануне: положенные часы она уже отгорела, но сменщик Медведева или экономии ради, или просто поленился лезть на гору, но другую так и не поставил. И резервная что-то не вспыхивала.

В Асаче от дома до маяка километра три. Медведев надел лыжи и пошел вдоль речки к перевалу; потом лыжня уводила влево и

тянулась к маяку, поставленному на береговом утесе. Забравшись на перевал, Александр зачем-то оглянулся и вдруг увидел одинокий сейнер, полным ходом спешивший прямо на рифы, скрытые в сумеречной тени сопок.

В жизни Медведев так быстро не бегал. Когда осталась на пути последняя горушка метров тридцати в высоту, он сбросил лыжи, не ища тропы, чуть ли не на четвереньках вскарабкался к маяку и торопливо затопал по серпантину внутренней лестницы. Едва он успел вставить лампу и маяк наконец замигал, как суденышко, которому до встречи с камнями оставалось не больше мили, резво поворотило в открытое море. Александр обессиленно провожал его взглядом и неожиданно для себя рассмеялся, подумав почему-то, что способ передвижения на четырех конечностях не так уж и плох.

Так вот,—резюмировал Медведев,—мы для чего на маяках живем? Чтобы ничего не приключалось в море.

За металлической сеткой ограждения, защищающей стекла от очных птиц, безобидно синело штилевое море, справа над излучи-

ной берега виднелся ребристый конус Кроноцкого вулкана. Скалы грозились подмять прибойную полосу, оставив людям лишь тонкую песчаную кайму пляжа.

Медведь раскурил трубку, выпустил клубы дыма и с удивлением оглянулся на люк: кто-то пытался приподнять крышку. Из попыток ничего не выходило, и сквозь щель донеслось обиженное поскуливание.

— Неужто Ромка?—ахнула Люба.— Как же он сумел?

Я приподнял крышку, и к нам прыгнул огромный пес. Он ринулся было к Медведеву, но, странно скособочившись, замер, привалясь к стене.

— Ром, дорогой ты мой,—говорил Медведев, поглаживая овчарку.— Товарищ по несчастью. Видишь ли,— он повернулся ко мне,— сначала Ромка лапу сломал, потом я ногу дня через два. Мы и лежали с ним в лубках, пока корабль не пришел. Он на меня смотрит, я на него, будто говорим друг другу: «Держись, дружок!»

— Как же он с нами за ягодой теперь пойдет?—вздохнула Люба.

— Откуда здесь ягоды?—удивился я.— Скалы же кругом.

— Нашли мы полянку,—ответил Медведев.— Предшественники наши не смогли отыскать, а нам удалось. Правда, забираться туда нелегко. На полянку лезешь по веревке, по веревке и спускаешься. Доморощенный альпинизм.

У маячных дверей нас поджидала еще одна собака—Кэри. По каким-то своим собачьим соображениям овчарка в башню не пошла, но, увидев нас, подбежала к Рому, обнюхала большую лапу пса и потом только потерлась о ноги Медведева. Кэри явно беспокоилась за Рома, и, пока мы шли к домикам, сначала по шаткой деревянной лестнице, потом по тропинке среди тронутых морозом высоких трав, она сдерживала себя, не обгоняла, следя за травмированным псом, который осторожно прыгал по ступенькам.

— Ничего, Ромка,—сказал Медведев.— Выберем с тобой время и сходим в Каменистую, может, полегчает.

— А что в Каменистой?—спросил я.

— Горячие источники там,—сказала Люба Левина.— Да интересные такие. Находятся прямо в море. При отливе видно, как фонтанчики со дна бьют. Морские ванны можно принимать. Только далековато, не часто выберешься, на маяке хлопот много. Когда ехали сюда, на Кроноцкий, с Борисом, думали, чем время занять, но Саша скучать не дает. И к лучшему—без работы не проживешь. Даже опасаясь порой: вот переход от дома к дизельной построим, а что дальше?

— Как что?—удивился Медведев.— Гостиницу начнем. Вдруг кто и навестит.

Мы сидели в кают-компании, самой просторной и светлой комнате на маяке, пили чай с голубичным вареньем—ягоду собирали на той самой полянке, куда без страховки не подняться, и постепенно готовились к расставанию. Странное дело, вроде бы пора было отвлечься от веселья, привыкнуть к мысли, что скоро катер застучит на рейде и до самого июня жить колонистам с Кроноцкого мыса вшестером, общаясь с Большой землей только с помощью морзянки, но я не почувствовал грусти в голосах. Медведев подкладывал мне морской капусты собственного посла, спрашивал у Левина, не думал ли тот об антенне, пора бы ставить, вдруг примет что-нибудь,

а то пойдут шторма—зря, что ли, телевизор по морю везли. Он успел поспорить с коллегами о конструкции камина, одобрительно кивнул, вернувшись из дизельной, улыбнулся, проведя рукой по корешкам книг. Он вернулся домой и радостно убеждался, что затянувшееся отсутствие ничего не изменило, что порядок, который был раньше заведен здесь, не пострадал, значит, заведен верно.

— Послушай,—спросил я, проверяя мелькнувшую догадку,—а вас не тяготит порой безлюдье и то, что оторвались от домов, от городов?..

— Тяготит? — переспросил Медведев.— Всякое бывает. И в городе иной раз не знает человек, куда тоску загнать, сколько в толпе ни кружи. Понимаешь, в чем суть. Мы не робинзоны, нас не крушение сюда забросило—работать приехали. Год прожили, пока назад не тянет. Ну а как устанем друг от друга, тогда посмотрим, возвращаться ли, на другой ли маяк уходить.

— Не забудьте,—сказала Люба,— «африканцы» сиамского котеночка просили. Передадите?

— Что у вас, целый зоопарк? — изумился старпом с нашего судна, до сих пор молча отхлебывавший чай из стакана.

— Какой там зоопарк! — сказал Левин.— Кошки да собаки. Это у предшественников наших, говорят, лихой поросенок водился. На охоту с начальником увязывался. Думали и мы завести. Вот только натурами не вышли.

— Возни много?

— Что ты, возни! — Медведев встал и уверенно прошелся по комнате. Видно было, с какой приятностью он ступал на больную ногу, радуясь возможности ходить легко, чего он был долго лишен.— При чем тут заботы? — продолжил он, прислонясь к камину.— Сентиментальны мы на поверку оказались. Расти этого поросенка, привыкай к нему, а потом под нож. Хоть и по-житейски, а рука не поднимется.

Вошла Тамара Медведева, протянула старпому несколько писем. Тот вопросительно посмотрел на остальных.

— Верно, Люба,—сказал Борис.— Погоди про котов. Письма все написали?

— Спихватился,—ответила Люба.— Давно и запечатали. Сейчас Тома Ященко принесет.

— Слушай, Борис,—сказал вдруг Медведев.— Там в городе квартира пустует, пока ты здесь. Может, приютишь семью? Обещать я им ничего не обещал, сказал, что спрошу.

Левин отложил письма:

— Ты их знаешь?

— Ну...

— Значит, решено, сообщай о согласии.

Последний раз мы собрались вместе на берегу. Я смотрел на лица и не замечал ни тревоги, ни печали. Тамара Медведева держала Александра за руку. Юрий Ященко со своей Тамарой присели на перевернутую лодку. Борис Левин, отвернув голенища резиновых ботфортов, забрел по колено в воду, отбирая у Кэри розовый кухтыль, принесенный морем. Вахта продолжалась.

Все разом вскинули руки, прощаясь. Катер уходил, и скоро уже не выделить было никого взглядом из группы людей на песке. Я подумал перед самым прощанием, что, хотя Тамара Медведева

Техник маяка «Мыс Кроноцкий» Тамара Ященко

приплыла сюда с нами всего несколько часов назад, она совсем не смотрелась на Кроноцком новенькой, чужой. Наверное, здесь непозволительна эта роскошь—терять время на вживание нового человека в коллектив. Понимание с полуслова, угадывание поступков и желаний придет само собой, острые углы—а куда без них порой—тоже возникнут и сгладятся в свое время.

Меж тем мы изрядно забрались в море, корабль отодвинулся далеко влево.

— Краболовка здесь у Медведева стоит. Уговорил проверить,—сказал старпом.— Не проверишь, обидится, да и крабы нам не помешают.

Рыжие скалы мыса уходили все дальше, а желтого поплавка, метившего краболовку, разглядеть среди волн не удавалось. Хаотичное наше движение наконец смутило капитана Ермака, и, когда бесполезные поиски завели нас далеко в океан, он решительно снялся с якоря и пошел следом.

— Краболовку штормом сорвало,—крикнул он с борта, узнав причину наших прибрежных скитаний.—Давайте на корабль, а то всех сивучей распугаете.

— Разбаловала нас погода, разбаловала,—продолжил он после обеда, когда я заглянул к нему в каюту.—До чего у моих парней память коротка. Полгода назад, по весне, пришлось на Западной

Маяк на мысе Озерном-Восточном

Камчатке высаживаться. Что ни волна, то катапульта. Катер к берегу ни-ни, потом одни обломки на сувениры собирай. Высаживались с понтона. Катер, стало быть, подгоняет его к прибойке и ждет, пока хорошая волна к берегу не вынесет. Сто раз так делали, чтобы катер не разбило, ребята свои партитуры назубок уже заучили, кто отдает конец, кто заводит с берега после разгрузки. А тут случайная железка на песок попала—не понтон под ногами, а резиновый блин. Даже переборки не помогли, воздуха на всех не хватало. Хоть проволоку по берегу ищи—латать. Такой акробатикой пришлось заниматься, пока не вернулись.

— Все ворчишь, Борис Ильич? — спросил, заглянув в дверь, Григорий Черников, начальник маяка с мыса Африка.

— Заходи, Гриша,— сказал Ермак.— Не обессудь, высадим твоих, вот и перестану ворчать. А то превратили вы с Медведевым приличный пароход в свадебную яхту. Нет чтобы вам порознь плыть или жениться по очереди. Куда ни посмотри, одни молодежны.

— Значит, время подошло,— сказал Черников.— А моя тебе не докучает. Первый раз на море, из каюты не выходит. Насилу заснула.

Черников снял со стены гитару, рассеянно прошелся по струнам, взял несколько аккордов. Полное, добродушное его лицо напряг-

лось, но не натужно, как бывает со слабоголосыми, просто переживал он эту песню про корабли, как будто сложенную про него самого. Впрочем, почему бы и нет?! Были в его памяти льды, стиснувшие борта в проливе Лонга, были переходы по Северному морскому пути, были ожидания, длящиеся полгода, ведь не так уж часто подходят к его Африке корабли.

— Знаешь, Борис Ильич,— сказал вдруг Черников, прижав ладонью струны,— почему маячки клеши не носят?

Ермак, листавший лоцию, удивленно посмотрел на Григория.

— Сам посуди,— продолжал тот, оставив гитару.— На каждом маяке хоть один бывший моряк да найдется— значит, и традиции должны быть флотскими, а они брюки предпочитают узкие.

— Опять случай из моря житейского вычерпнул?— поощрительно засмеялся капитан.— Давай, Гриша, а то давненько ты не вспоминал.

— Не со мной это было,— оговорился Черников.— Даже не скажу точно, где приключилось. Только не на Кроноцком—там маяк молодой—и не на Озерном подавно. Значит, или на Петропавловском—тому скоро полтора столетия стукнет, или у нас, на Африке.

— Так вот, пароходы дизелей еще не знали, кормились углем. Порядки тоже были, как в старину...— Черников остановился.

— Линьками за провинности драли?— поинтересовался Ермак.

— Нет, линьки еще раньше сгинули. И не перебивай... Словом, обнаружилось на маяке, что продукты вдруг с каждой ночью таять стали, как сосульки на припеке. Не успели ящик печенья открыть— к утру пустой. Электричество тогда еще редко где было, свечами пробавлялись, так свечи едва ли не пачками стали пропадать. Друг на дружку смотрели, следы вокруг дома изучали, наконец, нашли в углу дыру...

— Крысы,— уверенно сказал Ермак.— Тоже мне следопыты у вас собрались.

— Да не у нас!— рассердился Черников.— И не перебивай, уже заканчиваю. На крыс подозрения были. Твари они зловредные, нахальные, но их ни с кем не спутаешь. Вечно за стенами да в подполье пищат, снуют, не стесняются. В общем гадали, рядили да смастерили ловушку. И попался в нее лемминг, полярная зверушка. Ну, думаю...

— Признался все-таки,— сказал я.— Факт твоей биографии.

Черников отмахнулся, не поддерживая, но и не отрицая, и увлеченно продолжал:

— Поселили его в ящике от печенья. Живет неделю, месяц, даже кот коситься перестал. А тут приходит к осени пароход. Значит, почту привезли, уголь и прочее.

Первым делом все в кают-компанию собрались—письма разобрать. А тут морячок в гости заходит, клешник, каких мало. Поговорили, рядили. Увидел ящик, спрашивает, кого, мол, держите. Услышал про лемминга, загорелся, покажи ему да покажи. А приоткрыли крышку—зверек возьми да и выпрыгни.

В доме гвалт, суматоха, бросились мы его ловить, один морячок стоит в центре, будто колокольня, и хохочет. Тут вижу, зверушка-то передо мной. Бросился я на нее, а лемминг, не будь дурак, к морячку и в штанину к нему нырк!.. Мы и обрадоваться не

успели — теперь уж точно словим, как гость вдруг в крик. Смотрю, а лемминг вылетает из другой матросской штанины, и только мы его и видели...

— Лемминга?

— И морячка тоже. Рванул он на пароход и до последнего гудка даже на палубе не показывался, боялся, что засмеют.

Я вышел на пустую палубу. Корабельные винты взбивали пену за кормой. Океан был непривычно тих, и в этом ночном безмолвии казалось, что один только наш корабль ощутимо смещался в пространстве. Остальное — и океан, и Луна — было недвижимым, только лунная дорожка тянулась за нами, как на буксире, дробясь вдалеке о почти неразличимый берег.

В каюте все спали. На столике лежал забытый кем-то «Фрегат «Паллада»». Я раскрыл книгу наугад, едва ли не сразу отыскав строки: «... теперь в туман он, как ни напрягал зрение, не мог видеть Нервинского маяка. У него только и было разговору, что о маяке «А что это там, как будто стрелка?..» — сказал я, указывая вдали. «Ах, в самом деле... Виден, виден», — торжественно говорил он и капитану, и старшему офицеру... радуясь, как будто увидел родного отца».

Встрече с маяком радовались и сто с лишним лет назад, во время путешествия Гончарова, и задолго до него. Свет маяка может быть и радостным, и тревожным. Если ритмично вспыхивающий огонь вовремя откроется штурману, значит, по-прежнему верен курс; если же глухая темнота и не думает расступаться перед долгожданными вспышками или пульсирующие отблески позже, чем надо, появятся на горизонте, любое спокойствие разлетится вдребезги.

В лоции, что пролистывал я в каюте капитана, перечень маяков был бесконечен. Плавающие маяки, маяки на мысах и островах, маяки упраздненные и засветившие вновь. Даже странно вспоминать, что первым строителям этих «огней надежды» совсем непросто было ставить в опасных местах свои спасительные для моряков колонны. Этому мешали даже жители приморских городков и деревень, считавшие, что свои и так найдут дорогу, а чужой парусник, пришедший издалека, может и не с добрыми намерениями приближаться к их берегам.

На площадках первых маяков разжигали костры, но они помогали не всегда: моряки путали огни, считая, что зажжены они далеко на суше. Потом появились масляные фонари. Еще позднее, когда каждый маяк получил определенную периодичность сигналов, паровые машины стали вращать оптику вокруг источника света, подводя окошечко к огню и тут же перекрывая его. Потом на службу поставили электричество. А сейчас появились уже маяки, не требующие постоянного ухода.

Так что «до заката» этой профессии еще далеко. Да и не исчезнет она, разве что станет легче и комфортабельней, когда пропадет нужда людям стоять постоянные маячные вахты...

Ермак смотрел на Африку в морской бинокль. К рассвету у катера собрались пассажиры. Начальник маяка Черников с женой, техник Галина Нечипоренко с дочерью Леночкой, возвращавшиеся из отпуска. Загрузили понтон, проскрипели блоки, опуская катер на воду. Ближе к берегу несколько сивучей по очереди лениво выглядывали из воды и так же лениво исчезали.

Я вспомнил шуточные сетования Ермака, недовольного обилием

молодоженов на его судне, и подумал, что хотя ничем особенным и не отличается мыс Африка от многих других камчатских мысов, но вряд ли где могла быть более романтическая история, чем здесь.

Туманы и ветры — вот и все прелести мыса. Шесть человек ни маяке, несколько метеорологов неподалеку и поселок Усть-Камчатск в семидесяти километрах. В Усть-Камчатске и жил приятель Черникова, явно не одобрявший вынужденного одиночества друга на близком и одновременно очень уж далеком мысу. Переписка с Африкой требует терпения: когда еще попутное судно заберет! почту. Разве что изредка сбросят мешок с корреспонденцией на адрес метеорологов с воздуха. В такие дни на мысу все соревнуются, кто быстрее отыщет в тундре эту воздушную посылку. Вертолеты садятся редко: прилетел, скажем, за Галей Нечипоренко, которой время подошло ложиться в роддом; через несколько дней вновь

вернулся на маяк, доставив счастливую мать с крохотной Леночкой.

И в этой «африканской» изоляции у Черникова вдруг завязался почтовый роман. Усть-камчатский его друг, видно, много рассказывал знакомым о начальнике маяка, с которым вместе бродили по морям. Никто не помнил толком, кто же кому написал первым, зато почта для него бродила по морю регулярно, не пропуская ни одной оказии. Но как же тут встретишься для личного знакомства, ведь начальнику отлучаться с маяка не положено? И в один в полном смысле слова прекрасный зимний день заочная избранница взяла и прибежала сама на мыс на лыжах. Два перевала, десятки километров, да еще зимой, когда мало кто рискнет сказать, что завтра не будет пурги. Здесь обошлось без свахи, правда не сразу, а еще через несколько месяцев, когда выбрался Черников в Петропавловск-Камчатский на совещание начальников маяков.

— Слушай,— спросил я, когда до берега осталось не больше сотни метров,— успею я куда-нибудь сходить в твоей вотчине?

— Еще бы,— ответил Черников.— Свозим на тракторе. И к водопаду, и к «Циклопу».

«Циклоп» оказался скалой с надменным замшелым профилем, а водопад — настоящим водопадом. Перед ним вилась мелкая форель, и вода одной из четырнадцати тысяч камчатских рек резво неслась в океан.

Все были торопливы в тот день. Ермак опасался циклона, куролесившего тремя градусами южнее,— ему еще два маяка осталось снабдить продовольствием. Я едва успел после маленькой экскурсии по Африке поговорить с парнями, отведать домашней рябиновки и быстрее, чем на Кроноцком, выйти на берег к катеру.

Через сутки мы пришли на мыс Озерной-Восточный, через двое — на остров Карагинский. Там и сбывлись опасения Ермака. Циклон все же поднялся к северу, неделю гонял нас по проливу Литке, пока не удалось наконец выгрузить привезенное снаряжение. Циклоны не оставляли нас до самого возвращения в порт. И маяки сопровождали нас до самой Авачинской бухты, передавая световую эстафету друг другу. Сигналы Карагинского сменились сигналами Озерного, потом вновь осталась за кормой Африка, вслед за ней Кроноцкий, и поздно ночью, за несколько часов до входа в ворота бухты, мелькнул огонек с мыса Шипунского.

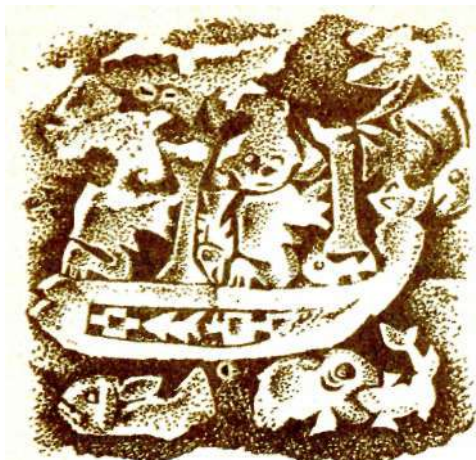
Возвращаясь после плавания по маякам, я по-другому воспринимал строки Сенкевича. Жизнь на маяках и сейчас нелегка и порой сурова, но не безнадежность приводит людей на маяки. Даже случайно попавшие в «светочи моря» быстро узнают, как нужны проходящим судам их огни. Стоит ли поэтому удивляться, что на маяках любят свою работу, свои мысы и острова. Ведь почувствовать, что ты нужен другим, так это важно и так это просто.

МАЙКЛ МОУЗЛИ,
КЭРОЛ МАККЕЙ

ЧАН-ЧАН — ДРЕВНИЙ ГОРОД ПЕРУАНСКИХ КОРОЛЕЙ

Очерк

В 1967 году на северном побережье Перу, недалеко от Лимы, я впервые увидел желто-серые руины Чан-Чана—столицы древнего могучего государства Чимор. Историки полагают, что город существовал уже в VIII веке. Это был сказочно богатый культурный центр доинкской цивилизации.

Глядя сегодня на огромные безжизненные груды развалин из глиняных кирпичей, земли, песка, трудно себе представить, что когда-то жизнь здесь была ключом. Город был огромен. Его руины занимают площадь примерно 9 квадратных миль (более 23 кв. км.— *Прим. перев.*). В период расцвета государства население Чан-Чана достигало 50 тысяч человек.

Чан-Чан, что на языке индейцев мочика означает «Солнце солнц», был самым крупным городом в Южной Америке в доколумбов период. Здесь умели плавить и обрабатывать различные металлы, знали тайны кузнечного ремесла. В XV веке столица государства Чимор пала под ударами воинственных инков,

Я бродил среди иссушенных солнцем и ветром величественных и в значительной мере уже разрушенных глиняных стен высотой примерно в 25 и длиной около 2 тысяч футов. За ИИМЕ находилось множество коридоров, дворов, комнат, площадей, засыпанных за пять веков пылью и песком.

Если во всем этом огромном лабиринте и существовал какой-то порядок, то мне, подобно ползающей по земле ящерице, трудно было его осмыслить. Ответ пришел примерно пять лет спустя в Гарвардском университете, когда Кэрол и я с волнением рассматривали серию фотоснимков города Чан-Чана, сделанных с самолета.

— Вот,— сказала Кэрол,— видишь однообразные прямоугольные фигуры? Это огромные, обнесенные довольно высокими стенами кварталы— «компаунды». В центре города их девять, причем в каждом отчетливо просматривается разрушенное платформоподобное сооружение.

— Этот город строился не хаотично,— заметил я.— Его строили по своим канонам и планам.

— Итак, нам следует его разделить и анализировать по частям,—

резюмировала Кэрол.— Если мы изучим один или два примера из каждого типа сооружений, то сможем понять и другие, подобные им. Когда мы проанализируем достаточное число объектов, то сможем приблизиться к пониманию тех, кто жил в этом древнем городе.

В 1969 году мы начали полевые работы в Чан-Чане. Вместе с нами трудились ученые и из других стран, студенты. Наш штаб разместился в арендованном двухэтажном доме в пригороде Трухильо, в нескольких милях от развалин Чан-Чана. На протяжении четырех лет наша группа составляла карты, скрупулезно изучала не только развалины Чан-Чана, но также и другие объекты среди 2 тысяч археологических памятников, разбросанных по долине реки Моче от Тихого океана до подножия Анд.

В поисках «истоков» города мы обнаружили следы предков жителей города—первобытных охотников, живших примерно 10 тысяч лет назад. Но оказалось, что здесь нас опередили, мы не были первыми: уже в течение пяти веков Чан-Чан был хорошо известен. В конце XV столетия могучее государство инков, расположенное на нагорье, покорило Чан-Чан. Завоевателей поразило величие города— крупного культурного и ремесленного центра во владениях Чимора, которые простирались на 600 миль вдоль побережья Тихого океана. Большая часть богатств и искусных ремесленников были вывезены в столицу инков—город Куско, расположенный в 600 милях к юго-востоку.

Когда 65 лет спустя в Чан-Чан вошли новые завоеватели— испанские конкистадоры Франсиско Писарро, город был уже частично разрушен и покинут жителями, но еще достаточно богат.

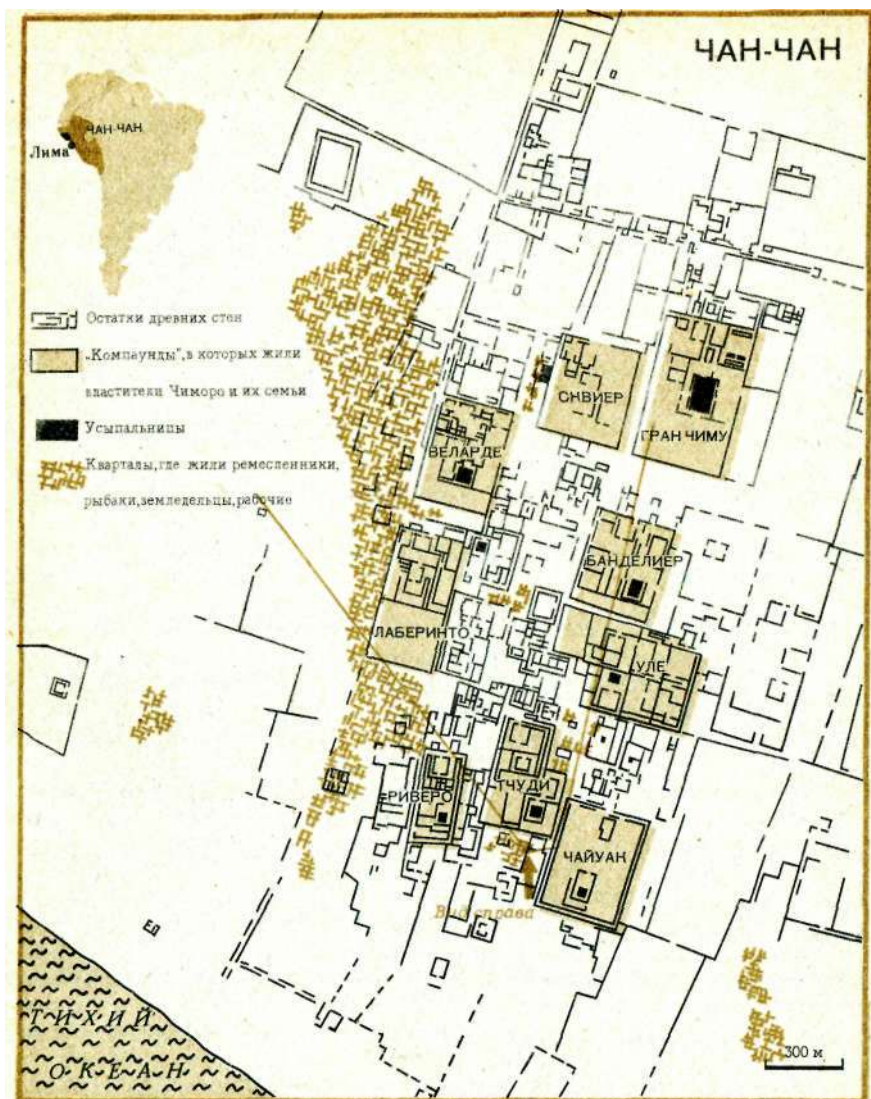
Испанцы образовали там целые компании по раскопкам и поискам золотых предметов материальной культуры. Найденные золотые и серебряные вещи они переплавляли в слитки и вывозили в метрополию. И не раз с тех пор жадные руки искателей сокровищ— хуакерос— разрывали развалины в поисках археологических ценностей.

Разграбленный и разрушенный город все же сохранился. Сегодня это уникальный археологический памятник. Построенный из адобов—высушенных на солнце глиняных кирпичей различной формы и величины, он уцелел благодаря тому, что расположен в одном из самых сухих и ветреных мест на Земле. Так, последний обильный дождь выпадал здесь более 50 лет назад.

Как мог Чан-Чан возникнуть и процветать в условиях суровой пустыни? Объяснение этому нашлось в той же пустыне: мы обнаружили отлично спланированную и построенную ирригационную систему, в которую вода поступала из реки Моче. По другому каналу, который змеился по пустыне через песчаные дюны и сухую равнину, вода поступала из соседней долины.

Испанские завоеватели и болезни Старого Света в конце концов победили жителей пустыни. Сельское хозяйство пришло в упадок, каналы высохли, а пахотные земли постепенно засыпало песчаными Дюнами.

Ведя раскопки, мы видели, что на многих современных фермах и сахарных плантациях местные жители и сегодня используют древние ирригационные сооружения. Мы постоянно находили поля с оросительными каналами—искусные чиму вели в долине экстенсивное земледелие.

Картосхема города Чан-Чан. На схеме легко различить девять «компаундов» — обширнейших сооружений, которые при жизни монархов Чиморо служили им дворцами и сокровищницами, а после смерти становились священными усыпальницами. Это сердце Чан-Чана. Шесть из этих древних сооружений уже в наши дни названы именами ученых и археологов, которые их исследовали и изучали. Это Тчуди, Риверо, Веларде, Скиер, Уле и Банделиер. Остальные три носят местные названия — Лаберинто, Гран-Чиму, Чайуак

Наша первая задача состояла в том, чтобы с помощью аэрофотоснимков нанести на карту все объекты древнего города. Эту не очень интересную, но очень важную работу выполняли шесть архитекторов и чертежников в течение почти двух лет. По карте мы

«Чудовище, сложенное из адобов» — так исследователи называют древний Чан-Чан, построенный из высушенных на солнце глиняных кирпичей различной формы и величины. Город представлял собой гигантский лабиринт из громадных сооружений — «компаундов». На снимке хорошо видно, что в «компаунде» Тчудн (он расположен на переднем плане) четко просматривается разрушенная обширная храмовая платформа — гробница монархов, внешне напоминающая крупные пчелиные соты

смогли не только искать предметы материальной культуры в развалинах города, но и зафиксировать на ней для будущих времен археологические памятники города, которые, к сожалению, уже сегодня приходят в упадок.

По мере того как работа по составлению карты города продвигалась вперед, мы находили все больше и больше однообразных сооружений. Так, назначение крупных прямоугольных ям (их было на территории города более 125) нас особенно заинтересовало. Предполагалось, что это или заглубленные амбары для хранения урожая, или резервуары, или просто ямы, откуда брали глину для изготовления сырого кирпича.

Мы выбрали одну небольшую яму и принялись за работу. После недели упорного труда мы обнаружили наклонные спуски — доказательство того, что жители города спускались и поднимались по этой своеобразной шахте. Если бы спуск находился под водой, то он бы постепенно разрушился. Таким образом, мы пришли к выводу, что сооружение не могло быть резервуаром. Затем мы обнаружили камни, которыми были облицованы стены. Это исключало мысль о глиняном карьере. Перуанский мастер, руководивший работами, Андрес Кастилло заметил, что по мере углубления почва становится все более влажной. Значит, оно не могло быть зернохранилищем или амбаром.

Наконец однажды, во второй половине дня, с тридцатифутовой

глубины шахты послышался взволнованный голос рабочего:

— Здесь битые кувшины!

Кэрол и я торопливо спустились по лестнице на дно ямы. Когда мы смели песок в сторону, то обнаружили сотни черепков разбитых кувшинов. Они пролежали здесь несколько веков.

— Кувшины для воды!—воскликнула Кэрол. Доказательство этому налицо: найденный нами спуск кончался примерно за фут до дна, стены здесь также были вышожены камнем, на которых местами выступали белые пятна соли. Вскоре мы откопали и целые кувшины.

Мы стояли на дне большого колодца, в который жители Чан-Чана спускались по боковым наклонным спускам. Это был первый такого рода колодец, найденный нами на побережье Перу.

Наш рабочий Кент Дэй обследовал и другие колодцы, оказавшиеся совершенно одинаковыми по всей территории Чан-Чана. Они давали городу воду, пока ирригационная система позволяла поддерживать запасы воды на достаточном уровне. Когда же Чан-Чан был покинут, каналы пришли в упадок и колодцы высохли.

Жители Чимора, к сожалению, не знали письменности, поэтому то немногое, что мы знаем о них, пришло к нам от их завоевателей-инков. Победители очень многое позаимствовали у побежденных—в культуре, в изготовлении предметов быта. Некоторые сведения дошли до нас из ранних испанских хроник. Так, в одной из них перечисляются правители Чимора и говорится, что основателем государства был Тейканамо, который высадился на берег с деревянного плота и провозгласил, что «Великий бог... послал его управлять этой землей... из-за моря!».

Наследники Тейканамо расширили границы государства на север вдоль побережья, до залива Гуаякиль, и на юг, почти до Лимы. Правители Чан-Чана, по-видимому, правили сурово. Воровство, например, считалось очень серьезным преступлением; тех же, кто не проявлял должного уважения к святым местам, зарывали в землю заживо, а нарушителей супружеской верности сбрасывали со скал в пропасть.

Колдуны, лечившие травами, пользовались всеобщим уважением, однако, если лечение не помогало и больной умирал, их или строго наказывали, или забивали до смерти камнями. Недостатка в средствах для приведения приговора в исполнение, конечно, не было, так как миллионы камней усеивали равнину.

На западной окраине города мы обнаружили запутанную и непонятную сеть невысоких каменных валов. Это озадачило нас. Терпеливый Джон Топик с жаром принялся за их изучение и тотчас же попал в настоящий каменный «кошмар»: где бы он ни копал, обломки кирпичей и камни в редком случае наводили нас на мысль, что они могли быть полом в жилых помещениях. Большая же часть беспорядочных каменных завалов встречалась в форме углов или овалов, а отсутствие высоких стен из камней, типичных для города, поставила нас в тупик.

Прошло несколько недель, прежде чем ключ к разгадке был найден. Однажды утром я нашел Джона сидящим на краю раскопа. Вид у него был усталый, но довольный.

— Я знаю, что это за каменные «загадки»,—сказал он, усмехаясь.—Мне пришлось поломать над этим голову.

А дело было так. Джон вместе с рабочим Захариасом, который жил в большом баррио—квартале лачуг в пригороде Трухильо, отправился на всю ночь на местную фиесту. Там ему удалось осмотреть некоторые хибарки квартала: они были построены из тростника, а стены скреплены глиной и грязью. Джон заметил, что с наветренной стороны у стен хибарок лежал невысокий вал камней. Он понял, что это делалось для укрепления тростниковых стенок от ветров, дующих здесь порой очень сильно. Значит, то же самое было и в Чан-Чане, но тростниковые стены давно уже сгнили, а ряды камней остались лежать на своих местах.

Большая часть простого люда Чан-Чана (а в этом мы теперь были твердо уверены) жила в небольших, плотно застроенных тростниковыми хижинами кварталах—барриос, расположенных в западной части города.

Предполагают, что там было до 10 тысяч таких помещений. Таким образом, население города, возможно, составляло максимум 50 тысяч человек.

Чтобы узнать, чем питались древние жители Чан-Чана и как они добывали средства к жизни, Джон отобрал кучу мусора и заставил рабочих тщательно просеять его через мелкую сетку. Сухие семена, органические остатки пищи помогли восстановить реальное меню жителей Чимора. Это были зерна, сладкий картофель, лимская фасоль, чилийский перец.

Жизнь древних жителей Чимора, так же как и их потомков, в значительной степени зависела от моря. В развалинах помещений древнего баррио мы обнаружили медные рыболовные крючки, куски сетей, поплавки из тыкв.

В одном из помещений Джон откопал пучок необработанного хлопка, обрывки ниток и несколько медных иголок. Рядом лежала куча незаконченных деталей для веретен. В другом помещении мы нашли горку медной окалины, тут же находились каменные инструменты для обработки металла и маленькая печь.

В таких баррио, пришли мы к выводу, не только размещались небольшие мастерские, но также жил простой люд—земледельцы, рыболовы, рабочие, ремесленники. Все они обслуживали население, изготавливая предметы быта, необходимые такому крупному городу, как Чан-Чан.

В приморской деревне, расположенной у северной границы долины Моче, археолог Ричард Китинге обнаружил затопленные плантации, где, вероятно, когда-то выращивали тростник для изготовления рыболовных лодок.

В поисках остатков пищи мы обследовали и просеяли горы земли и мусора в нескольких деревнях земледельцев, расположенных вдоль старинной дороги, ведущей в Чан-Чан. В глубине долины Моче был обнаружен и нанесен на карту сельский административный центр, из которого чиновники Чимора надзирали за строительством каналов, стоком воды и ее распределением.

Однажды после осмотра древних поселений у крутых склонов я присоединился к европейским коллегам-археологам Полю Оссу и Клоду Шоша, занятым раскопками под огромной скалой. Там мы обнаружили наконечники копий и несколько каменных пластин, принадлежавших первобытным охотникам, обитавшим в этих краях.

Неожиданно смутное предчувствие беды охватило меня.

Этот фрагмент частично уже разрушенного фриза выполнен мастером-чиму на стене «компаунда» Веларде. Хорошо видна небольшая лодка, которой управляют двое рыбаков. На носу ее гордо восседает пеликан. А впереди угло кораблика неизвестный художник изобразил огромную рыбу. С тех нор такие маленькие лодочки почти не изменились. И сегодня местные рыбаки из деревни, расположенной неподалеку от Чан-Чана, бесстрашно выходят в море на подобных тростниковых лодочках. Кабаллито или маленькая лошадка — так любовно они называют свое углое суденышко

/

— Давайте скорее выбираться отсюда!—крикнул я.

Дважды повторять свой призыв мне не пришлось, так как другие участники группы тоже почувствовали что-то неладное. Мы быстро побросали инструменты и побежали в сторону.

Позади нас по склону горы с грохотом и шумом покатались камни, земля под ногами заколебалась, послышался подземный гул. Даже когда мы отбежали по равнине на довольно безопасное расстояние, то чувствовали колебания почвы. Подземные толчки продолжались примерно минуты три.

Для города Чан-Чан этот канал был рекою жизни. Вода из реки Чьяяма самотеком поступала в канал, а затем шла на орошение полей земледельцев. Благодаря каналу поддерживался нормальный уровень грунтовых вод, а в колодцах Чан-Чана всегда была свежая вода. Конечно, по нынешним меркам канал невелик — всего 50 миль, но в те далекие времена это было крупное ирригационное сооружение. Сегодня канал пришел в упадок, местами сильно разрушился и сверху напоминает неглубокий юрам на «теле» пустыни

Прошло несколько дней, прежде чем мы узнали об ужасных последствиях катастрофического землетрясения, случившегося в Перу 31 мая 1970 года. Тогда погибло более 60 тысяч человек, были разрушены десятки городов, населенных пунктов и деревень.

Памятники древности в долине Моче пострадали мало. Наиболее сильному разрушению из них подверглась Хуака-де-Соль — пирамида Солнца — громадное сооружение дочиморского периода, построенное из адобов более десяти веков назад. За исключением небольшого района, который был позже восстановлен с помощью правительства Перу, город Чан-Чан почти не пострадал от мощного землетрясения. И громадные «компаунды» остались целы, над ними так же, как много веков назад, царствовала тишина.

Смысл этих сооружений нам предстояло разгадать в первую очередь. Для каких целей были возведены эти необычные, обнесенные довольно высокими стенами кварталы, внутри которых возвышались разрушенные «здания» — платформы? В конце 1700 года представитель испанского духовенства епископ Мартинез де Компаньон пришел к выводу, что они были дворцами. Некоторые ученые полагали, что это торговые районы или кварталы, где располагались Ремесленники.

Еще в начале нашей работы по составлению карты города Чан-Чан мы заметили довольно странную деталь в этих громадных сооружениях. Каждое из них имело только один или два узких

входа. Внутренние проходы также были узкими и могли пропустить одновременно одного или двух человек. Лишь немногие вестибюли или коридоры имели входы и выходы, причем проходы были устроены таким образом, чтобы человек шел по ним не прямым, а извилистым путем. Становилось ясно, что «компаунды» не предназначались для быстрого передвижения больших масс людей. Все было устроено так, чтобы в случае какого-либо чрезвычайного события как можно меньше людей проникло внутрь. Эту точку зрения подтвердило также и то, что внутри «компаундов» мы обнаружили мало колодцев, тогда как в районе барриос их было много. Ясно, что внутри «компаундов» находилось относительно небольшое количество людей.

Для чего и для кого тогда предназначались эти сотни комнат, которые, хотя и казались разными, на самом деле были одинаковыми?! (Этот факт мы обнаружили еще на фотографиях, сделанных с самолета.)

Как только установилась теплая погода и ветер утих, мы приступили к раскопкам самых маленьких помещений в «компаундах». Небольшие дворы, застроенные с трех или четырех сторон рядами низких зданий, занимали большую часть площади за высокими стенами. В каждом из них было по четыре-пять небольших комнат.

Кент Дэй вместе с бригадой рабочих принялся за расчистку нанесенной за многие века земли. Каждая комната имела только один-единственный небольшой выход во двор, но сделан он был на высоте двух-трех футов над землей.

— Жить в этих помещениях люди не могли, — заметил Хуан, один из рабочих.

Все согласилось, что эти помещения не были приспособлены для жилья. Но тогда для чего? Ряды комнат были расположены далеко внутри «компаунда», в местах, до которых трудно было добраться. Это наводило на мысль, что их не часто посещали. Может быть, это были склады?

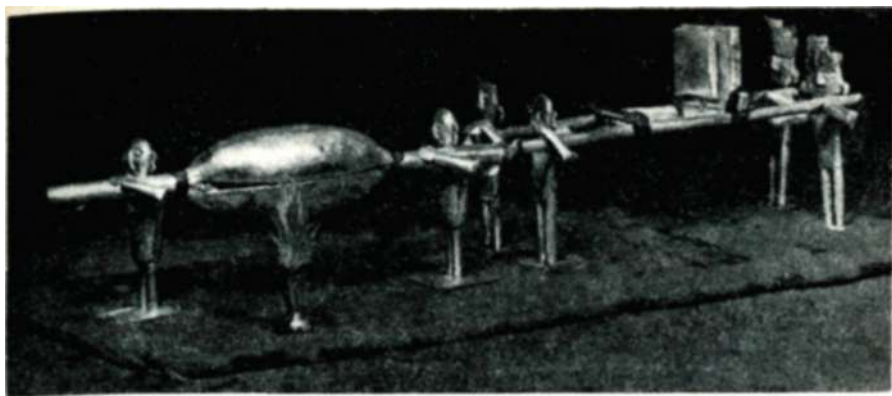
Кент и его бригада раскапывали комнату за комнатой, но, к великому их сожалению, ничего в них не находили, кроме глиняных кирпичей. Может быть, там хранилось зерно или другие продукты, но тогда должны были бы остаться какие-то следы — разбитый кувшин, несколько зернышек, помет грызунов. Увы, ничего такого там мы не обнаружили.

Однажды Кент, широко улыбаясь, подозвал меня к частично расчищенной комнате.

— Что вы думаете об этом? — заговорщицки спросил он, показывая мне кусок глиняного пола, только что вырезанного лопатой. Образец был на первый взгляд самый обыкновенный и ничем не отличался от других. Но стоило мне повернуть его к свету, как я увидел на нем тонкую, отчетливую сетку морщинок — отпечаток прекрасно изготовленной ткани.

— Здесь еще есть такие же отпечатки, — сказал Кент. — Похоже, что очень давно на глиняном влажном полу лежали тюки материи, а когда их убрали, то на глине прекрасно сохранились отпечатки ткани.

Открытие Кента было несомненной удачей. Значит, древние жители Анд были отличными ткачами. И по сравнению с лучшими

Шедевр неизвестного мастера-чиму — серебряное изображение траурной процессии, в которой маленькие человечки, высотой в пять дюймов, торжественно несут на своих плечах носилки и гроб в форме кокона мимо похоронной урны с пером попугая. Это редкое произведение искусства чиму было найдено в гробнице в долине Ченкей, к северо-западу от Лимы

тканями средневековой Европы текстильные материалы древнего Перу были несравненно лучше. Это были высокохудожественные изделия, которые занимали видное место в системе расчетов между доколумбовыми государствами. Стало также ясно, что склады в Чан-Чане предназначались для хранения не только текстильных материалов, но, вероятно, и других материальных ценностей. И не удивительно, что все эти помещения были разграблены, когда «компаунды» были покинуты его обитателями.

Настоящей архитектурной загадкой в Чан-Чане оказались небольшие U-образные комнаты-ниши, открытые с одной стороны. Каждая внутренняя стена имела две глубокие ниши, которые изнутри, как нам показалось, были украшены орнаментами в виде отдельных предметов или стилизованных фигурок. Мы назвали эти ниши «аудиенсиас», так как рисунки на их стенах напомнили нам сценки, изображенные на сосудах древних чиму, где был нарисован богато одетый мужчина, сидящий в небольшой, открытой спереди комнате. Он, видимо, вел какие-то дела или беседовал с людьми, которые стояли снаружи рядом.

«Аудиенсиас» выходили во дворы и располагались так, что исключалась возможность незаметно проникнуть в склады или пройти внутрь «компаунда», минуя эти своеобразные контрольные пункты. Удалив из «аудиенсиас» слежавшуюся и высохшую за века почву, мы обнаружили там замысловатые фризы. Стены были украшены изображениями пеликанов, чаек, бакланов, крабов, ракообразных, морских звезд. Морская тема была ведущей.

Вообще море, известное людям чиму под именем Ни, было главным божеством в пантеоне богов Чимора. Божеству Ни приносили Жертвоприношения, бросая в воду белую маисовую муку и охру, и просили у него богатых уловов. Фризы придавали «аудиенсиас» священный характер. Доказательство этому скрывалось под глиняными полами «аудиенсиас». Там мы нашли кости одной или двух

юных девушек, погребенных в сидячем положении. В древней Южной Америке такое явление было обычным: сначала, чтобы умилостивить богов, приносили в жертву человека, затем на этом месте что-либо строили.

Украшенные символами божества Ни и «освященные» человеческими жертвами «аудиенсиас» находились, безусловно, вне сферы жизни простых людей, и все, кто их занимал, принадлежали к господствующему классу и, вероятно, считались священными в обществе Чимора.

Возможно, мы никогда так и не узнаем настоящего назначения «аудиенсиас». Можно лишь предположить, что они предназначались для контроля за всеми, кто входил или выходил из богатых «компаундов», а может быть, они играли роль определенных «офисов», через которые осуществлялось руководство государством и делами торговли.

Однажды вечером поспе жаркого дня в поле Кэрол и я сидели в лаборатории и обсуждали то, что нам удалось узнать о «компаундах» Чан-Чана. Кэрол кратко подвела итоги:

— Здесь мы несомненно имеем дело с небольшим избранным кругом людей, занимавших обширные роскошные сооружения, превосходившие все другие в городе. Это были кварталы элиты. Они считались священными, и их основное назначение — сохранение богатств.

Эти две главные мысли — священный характер сооружений и право элиты на владение богатством — напомнили мне то, о чем я читал в ранних испанских хрониках. Согласно легенде, высшая знать Чимора вела свое происхождение от звезд, а правители государства считались божественными особами.

Что касается права собственности, то оно нашло яркое выражение в существовавших тогда законах, по которым воровство считалось не только тяжким преступлением, но и ужасным религиозным грехом.

Постепенно весь облик Чан-Чана начал представлять перед нами все яснее и яснее. Высокие стены «компаундов» были ярким отражением противоположностей, существовавших в государстве: чиму между религией и земной жизнью, между правящей элитой и простыми смертными. Стены защищали верховного правителя и знать от народа.

Сердце Чан-Чана — девять «компаундов» — грандиозных сооружений, которые при жизни монархов Чимора служили им дворцами и сокровищницами, а после смерти становились священными усыпальницами, так как в них навеки обретали покой умершие владыки Чимора.

Шесть из них теперь названы именами ученых и археологов, которые их исследовали и изучали: Тчуди, Риверо, Веларде, Сквиер, Уле и Банделиер. Остальные три носят местные названия — Лабиринто, Гран-Чиму, Чайуак.

Однако главное архитектурное сооружение в «компаунде» — обширнейшая храмовая платформа из адобов высотой в несколько этажей — еще требовало своей разгадки. Она господствовала в «компаунде» и была защищена лабиринтом коридоров и зал, контролируемых «аудиенсиас».

Эти сооружения подверглись значительному разрушению. Круп-

ные, словно после бомбежки, провалы и ямы зияли тут и там. Очевидно, здесь основательно «поработали» завоеватели, перевернув все вверх дном, в поисках золотых предметов и украшений.

Расхищение, к сожалению, все еще продолжается, хотя и не в таких масштабах. В поисках археологических древностей с наступлением темноты искатели сокровищ — хуакерос — проскальзывают в развалины и безжалостно разрушают их.

Специалисты считают, что в музее Перу 90 процентов древних предметов материальной культуры поступили от хуакерос. Они обогатили некоторые частные коллекции, где есть и мумии древних воинов, свернувшихся калачиком, как плод в утробе матери. Ткани, в которые они спеленаты, сотканы тысячи лет назад, но рисунок виден отчетливо. Это результат необычной сухости воздуха. Рядом с воинами разложены их медные ножи, костяные гребни, деревянные дубинки и страшные на вид ритуальные маски.

Необходимо было подтвердить предположение, что эти громадные храмовые платформы когда-то служили усыпальницами верховных правителей Чан-Чана, но для этого нужны были бесспорные доказательства.

И вот двое наших сотрудников — Том и Джеф — начали исследование. Они скрупулезно осматривали и наносили на карту все элементы этих необычных сооружений. У подножия каждой храмовой платформы в центральном помещении, расположенном со стороны фасада, они обнаружили небольшое каменное ложе. Некоторые из них были заполнены белым и красным порошком. Изучив его, мы узнали, что он приготовлен из размолотых раковин морского моллюска *Spondulus*.

Из испанских хроник мы знали, что свита владыки Чимора состояла из трубача, дувшего во время торжественных церемоний в морскую раковину, дворецкого, ведавшего гардеробом, паланкином и тронном, косметолога его величества и распорядителя пути, разбирававшего священный порошок впереди короля.

Том и Джеф начали раскопки наиболее сохранившейся и, пожалуй, самой малой платформы в Чан-Чане, состоящей всего из 25 помещений. Хотя она и была разграблена несколько веков назад, но здесь в основном искали золото и серебро, не обращая никакого внимания на другие предметы, способные согреть теперь сердце археолога.

По мере того как раскопки продвигались все дальше и дальше, на свет появлялись любопытные текстильные материалы с яркой вышивкой. Попадались и целые куски хорошо сохранившихся тканей. Мотив рисунков повторялся тот же, что мы видели на фризах в «аудиенсиас», — рыбы, птицы и стилизованные фигурки. Повсюду валялись черепки гончарных изделий. Нашли мы и несколько искусно выполненных сосудов из тыкв, небольшие деревянные предметы, каменные бусы, фрагменты украшений из меди, золота. Эти находки были для нас наградой за долгие годы упорного труда.

В переднем дворе храмовой платформы мы еще раньше обнаружили останки многих гуанако, захороненных под полом. Это было доказательством того, что в Чан-Чане существовал обычай приносить в жертву и животных. Раньше в «аудиенсиас» мы уже обнаруживали останки человеческих жертвоприношений и думали, что найдем их и здесь. И не ошиблись. Масштабы захоронений были

Лицевой сосуд индейцев мочика, обнаруженный во время раскопок. Покрытый пылью веков, он изображает лицо страдающего человека, потерявшего зрение в сражении или от болезни. Лицевые сосуды индейцев мочика говорят о высоком искусстве портрета в древней Америке

потрясающими. По предварительным подсчетам, здесь было погребено от 200 до 300 человек. И это лишь в одной из небольших платформ.

Анализ костей показал, что все принесенные в жертву были или юные девушки, или молодые женщины. Мужчин не было. И вероятно, жертвы сначала были либо отравлены, либо задушены, а потом погребены в платформе.

Зачем? Ответ на этот вопрос пришел сам собою, когда мы проникли глубже через завалы земли и мусора, оставленные грабителями. На свет появилась громадная Т-образная гробница. Она занимала центральное место в платформе. Но, увы, из нее давно исчезло и тело верховного правителя, и все содержимое склепа. Теперь стало ясно, что платформа—хранилище для гробницы. Она была окружена богатыми дарами. Рядом находились многочисленные человеческие жертвоприношения—юные девушки и женщины, необходимые правителю в загробной жизни.

Порошок из морских раковин, захороненные богатства, громадное число человеческих жертвоприношений подтверждали, что гигантские платформы в каждом «компаунде» были усыпальницами верховных владык Чимора.

Кэрол сделала заключительный вывод:

— Значит, согласно старинной хронике, существовало десять правителей Чимора, прежде чем инки завоевали Чан-Чан. Но первый из них—Тейканамо—был, видимо, мифической фигурой, точно так же как Ромул для Рима. Таким образом, остается девять древних правителей. Этот факт исторически подтвержден, так как в Чан-Чане существует всего девять платформ-усыпальниц.

Каждый из девяти божественных владык Чимора возводил себе собственный «компаунд», который служил ему при жизни дворцом и

местом хранения богатств, а после смерти—мавзолеем. И когда приходила смерть, то, очевидно, ничто—ни человеческие жертвоприношения, ни баснословные богатства—не было слишком велико для того, чтобы земной владыка чиму смог вступить в божественный пантеон. Его «компаунд» отныне становился великой и неприкосновенной святыней, о которой заботились родственники и вассалы. А тем временем наследник—новый владыка Чимора начинал строить для себя новый «компаунд», чтобы повторить все то, что было положено ему при жизни и после смерти. Вот в этом и заключалась та неуловимая ниточка—истина, к которой мы так долго стремились все эти годы. Таков был образ жизни правителей Чан-Чана.

Перевод с английского *Аркадия Акимова*

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ
ПУТЕЙ
И ЭПОХ

ИЯ МЕСХИ

НАША МАЛЕНЬКАЯ НЕОБЪЯТНАЯ ГРУЗИЯ

Очерк

Но ведь ты совсем мала,
Так мала, как сердце это.
Так мала, что твой листок
С придорожного платана
Никогда еще не смог
Долететь до океана...

Ираклий Абашидзе

Земля

Землю эту на карте невольно рассматриваешь не по горизонтали, а по вертикали. Снизу вверх расположены почти все существующие на земном шаре географические зоны, начиная с влажных субтропиков и кончая зоной вечных снегов. И все это на сравнительно небольшой площади. Высоко в горах прыгают красавцы туры, бродят в горных лесах бурые медведи, а в низинах рыщут лисицы и волки, поют степные жаворонки, плещутся в морской синеве дельфины.

Земли, пригодной для обработки, здесь совсем немного — лишь семнадцать процентов территории, поэтому люди трудятся над каждым поддающимся обработке клочком. И когда летишь над горной частью Грузии, видишь мелкую мозаику пашен. Только в долинах рек, в степях и на горных плато разместились крупные хозяйства: там возделывают хлеб, растят фруктовые сады, табак, цитрусовые, герань, казанлыкскую розу, фейхоа, трудятся на чайных плантациях и виноградниках. Защищенные мощными горными хребтами, овеваемые влажным дыханием Черного моря, все эти теплолюбивые культуры чувствуют себя здесь прекрасно.

Человеку прежде всего нужен хлеб. В Грузии его выращивают немного. Но пшеница, особенно та, что вызревает в верхних ярусах, под ярким горным солнцем, дает отменную муку. Как известно, Кавказ является мировой родиной пшеницы, и возделываемые ныне культурные ее сорта сохраняют в себе специфические свойства многовековой местной селекции.

В грузинском быту существует культ хлеба. Любопытно, что потребление хлеба на душу населения здесь даже выше, чем в «хлебной» России. Местные сорта хлеба выпекаются способом, который пришел к нам из глубокой древности. И в современной

Так пекут грузинский хлеб — лаваш

хлебной промышленности грузинский лаваш выпекается этим способом. Но кое-где еще остались старинные пекарни, где колоссальные глиняные кувшины врыты прямо в землю, раскалены; пекарю приходится нырять внутрь и с космической скоростью налеплять куски теста к стенам кувшина. Готовый же лаваш ему приходится подцеплять длинным шестом...

Чайный куст—это пышное вечнозеленое растение — «иностранец» на грузинской земле. Он появился здесь в конце прошлого столетия всего в нескольких экземплярах у ботаников-энтузиастов. До революции была лишь одна промышленная чайная плантация близ Батуми. Сейчас под чаем заняты огромные площади Причерноморья. На склонах гор пока вручную (три тысячи молодых побегов надо оборвать с чайного куста, чтобы получить килограмм чая!), а на равнинах чаеуборочными машинами, созданными в республике, снимается урожай и идет в переработку на девяносто одну чайную фабрику республики.

До сих пор считалось, что многолетнее чайное растение не поддается селекции. Но вот академик Ксения Бахтадзе, поселившись в Чакве, десятки лет скрещивала различные сорта, получала популяции, программировала нужные ей свойства: рост куста, величину листа, вкусовые качества и т. д.—и создала впервые в мире селекционные сорта чая, прекрасного «бахтадзевского» чая, который пока еще не выпускается в чистом виде. Но постепенно он должен вытеснить с плантаций давно завезенные из Китая и сильно постаревшие растения.

Самое традиционное, самое любимое растение грузина, его кормилица, его гордость — виноградная лоза. Около пятисот сортов

лозы в Грузии. Круглый год виноградарь лелеет лозу, бережет, подкармливает и, конечно, делает из винограда вино. В виноградарских районах Кахетии работает специальная государственная служба по борьбе с градом, а на сборе винограда действует современная автоматическая система управления. Осенью, когда приходит время пожинать плоды своего труда, наступает «ртвели» — уборка винограда. В громадных глиняных сосудах начинает бродить молодое вино. Можно садиться с друзьями за стол. Русский советский писатель Николай Тихонов, большой друг Грузии, сказал о таком столе: «Когда вы видите деревенского тамаду, грузинского крестьянина, который поднимает тост с таким вдохновенным, народным, мудрым словом, то вы ему завидуете. У этого человека особые отношения с небом, горами, лесами, облаками. Он разговаривает с ними, как с родными, как с братьями, как с членами одной семьи...»

Это можно отнести и к другим народным застольям, где добрый глаз всегда отыщет мудрость и простоту. Есть народы, привязанные к одному только морю, и это само по себе великолепно, красиво и просторно. Есть привязанные к лесам, степям или горам, что тоже сулит встречу с характерами своеобразными, неповторимыми. Но есть земли, где всего понемногу: моря, леса, гор и долин. И все здесь как-то близко, будто стоит букетом перед глазами, светит щедро. Не отсюда ли и ощущение единства природы и людей?

Ты, Тбилиси,— винный кубок мой,
Персики, маджами, мухамбазы,
Чаша звезд, наполненная тьмой,
Жар земли — кораллы и алмазы...

Георгий Леонидзе

Столица

Город—это личность. Как рассказать о личности? Как рассказать о городе? Его надо воспринять всеми пятью органами чувств. И еще одним безмянным, шестым чувством, загадочность которого общезвестна.

Какого цвета Тбилиси? Наверно, цвета темного сурика. Это один из немногих городов, на который можно смотреть сверху, видеть его черепицу, его крашенные железные крыши. Каков Тбилиси на «ощупь», если б можно было провести по нему рукой? Наверно, очень негладкий, шершавый, весь в морщинах оврагов, в буграх холмов. Основатели города выбрали на берегу Куры небольшую площадку, но со временем она вытянулась вдоль реки на сорок километров.

Звуковой символ Тбилиси—его речь, а в речи протяжные, певучие гласные. Согласные же или очень резкие, будто их выталкивают из гортани, или нежные, губные, как дрожь барабана. Пахнет Тбилиси теплым лавашем, терпкими винами, чесноком, молотыми грецкими орехами, уксусом, киндзой, букетом из всего этого. Но он же пахнет и жареной картошкой, и люля-кебабом, и украинским борщом...

Тбилиси—город, который с 458 года считается столицей Грузии. За прошедшие с тех пор века его неоднократно грабили и разрушали—он падал, почти умирал, снова поднимался. За последние

Сванский пейзаж

Чай Грузии

полвека увеличился в четыре с половиной раза. Сейчас в нем больше миллиона жителей.

Тбилиси похож на образованный горами котел. Если летом его накрывает «крышка» облаков, в котле нечем дышать. Стоят длинные очереди за «водами Лагидзе» или за «Боржоми». Зимой из «крышки» иной раз выпадает снег. Где-то у самого асфальта снежинка оборачивается дождевой каплей: на дне котла часто не хватает холода.

Тбилиси—город, о котором упоминали в своих трудах Маркс, Энгельс, Ленин. Город, в котором жили такие политические деятели, как Иосиф Сталин, Михаил Калинин, Сергей Киров, Серго Орджоникидзе, Степан Шаумян, Нариман Нариманов, Камо, Алеша Джапаридзе. Город, в котором завещал похоронить себя Александр Грибоедов, и просьба его исполнена. Город, в котором служащий железнодорожных мастерских Алексей Пешков написал свой первый рассказ и напечатал его под псевдонимом, ныне известным во всем мире,—Максим Горький...

Тбилиси говорит по-грузински и, разумеется, по-русски. Но он говорит еще по-армянски, по-азербайджански, по-осетински, по-абхазски, по-гречески, по-курдски, по-украински, по-цыгански, по-еврейски, по-польски... Тут следует остановиться, потому что остальные примерно семьдесят языков звучат реже.

Тбилиси—город, который лежит на каменной «подушке». А «подушка» эта набита камнем и... горячей водой. Состав и назначение ее разные: там, где эта вода целебна, ею лечатся, где просто горячая—используют в водопроводно-отопительной системе и на обогрев пригородных теплиц. Этим водам обязан город своим названием: тбили по-грузински «теплый».

Тбилиси—это шумный город. Шумят автомобили, взбираясь на подъем или скатываясь вниз с гоночной скоростью. Водители, невзирая на строжайшие запреты, жмут на клаксоны. Матери и бабушки кричат детям во дворах. (Если раньше они это делали у порогов своих маленьких домиков, сейчас приходится надрываться с десятого и выше этажей.) Шумят свадьбы, шумят строительные механизмы, компрессоры. Все время что-то строится или перестраивается. Шумят два человека, которые встретились на улице, и по их темпераментному разговору кажется, что вот-вот разорвут друг друга, а у них между тем дружеский обмен мнениями по поводу прошедшего футбольного матча...

Тбилисец поет нежные, лиричные песни, хотя в меню предпочитает острую пищу. Существует понятие «хлеб-соль», здесь оно распространено. Но к нему еще можно добавить понятие «хлеб-сыр». Без хлеба-сыра тбилисец, пожалуй, прожить не сможет. Поэтому в большое сырохранилище на окраине города каждое утро прибывают тонны сыров, выработанных в окрестных горных районах. Это в основном острые рассольные сыры «со слезой», о которых говорят: сыр плачет — покупатель доволен...

Тбилиси—город, который вызывает у людей, его посетивших, поэтическую окрыленность.

«Смертельно хочу побывать в Тифлисе!..— писал великий русский композитор Петр Ильич Чайковский.—Вспоминаю Тифлис как какой-то сладкий сон...»

Александр Дюма-отец вспоминал о Тбилиси: «...город, располо-

Древняя и молодая столица Грузии — Тбилиси

женный ярусами по склонам гор, спускался до дна пропасти с домами, похожими на стаю распуганных птиц...»

Владимир Маяковский, глядя как-то на город с горы Мтацминда, сказал:

«Вот это трибуна! Отсюда можно разговаривать с миром!»

«Поэты Грузии! — писал Сергей Есенин. — ...Я северный ваш друг и брат...»

Поэты Грузии, как и любые подлинные поэты, никогда не были только сладкозвучными соловьями. Они выражали душу народа, его стремления и боль. Поэтому, когда стала Грузия советской республикой, тбилисцы свои лучшие проспекты назвали именами поэтов Шота Руставели, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела.

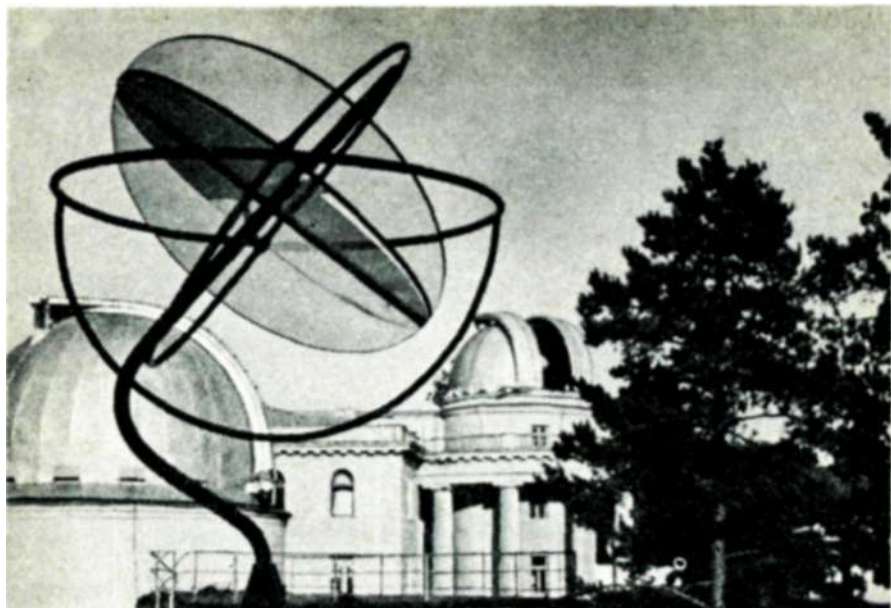
...Учение умудряет, дает свободу...
пускает в плавание по морю и знакомит
с тайнами его; позволяет взлететь и
открывает перед нами все творения
неба и земли...

Вахушти, 1745 год.

«История царства грузинского»

Труд, мысль...

Известно, что в Грузии, близ нынешнего портового города Поти, еще в IV веке был центр философского образования. В начале XI века близ Кутаиси была основана Гелатская академия, а чуть позже

Абастуманская астрофизическая обсерватория Академии наук Грузинской ССР

такая же академия открылась в Восточной Грузии, в селе Икалто. Медицинские книги, написанные грузинскими учеными в средние века, говорят о высоком уровне тогдашнего врачевания. В XVIII веке в Тбилиси была своя типография. К тому же времени относится деятельность известного историка и географа Вахушти Багратиони. Изгнанный с отчизны врагами, он писал свои труды в приютившей его Москве.

Сегодня наука и техника в Грузии получили широкое развитие: множество научно-исследовательских учреждений, в том числе и институты Академии наук Грузинской ССР. Основатель ее — известный миру математик Нико Мухелишвили. Сильная математическая школа в Грузии достигла многого, усилилась роль естественных наук: прикладной математики, физики, астрофизики, геофизики, кибернетики. Но им не уступают и традиционно развивающиеся в Грузии науки: история, философия, физиология, психология...

Ученые возвращают людям слух, создают новые машины, автоматизируют тяжелые процессы труда. Ученый — великий труженик ума. Но среди множества разнообразнейших профессий хочется особо выделить профессию металлурга — труд масштабный, звонкий, истинно мужской. К этому можно добавить древнейший труд рабочего-грузина. Об этом свидетельствуют археологические находки — следы железоплавильной деятельности на территории Грузии. Об этом сообщали и древние: Эсхил, Ксенофонт, Аполлон Родосский. Последний писал: «...несчастнейшие из людей, рабочие-халибы (халибы — одно из грузинских племен) заселяют суровую и скалистую страну, занимаясь обработкой железа». Да и как могли грузины не плавить железа и меди, если всю жизнь они защищались

от нашествий захватчиков и тяжелая конница Вахтанга Горгасали шла в атаку закованная в латы и на конях, прикрытых броней?!

Но оставим древность. Шла двенадцатая весна Советской Грузии. Промышленность еще только становилась на ноги после разрухи, но была уже построена ЗАГЭС, первая электростанция на реке Куре, и заканчивалось строительство второй—на реке Риони. Из горного месторождения Чиатура шел марганец в порт Поты, там его переваливали на пароходы и увозили на металлургические заводы страны и за границу. В те годы ученый Георгий Николадзе трудился над созданием печей, в которых можно было бы получать сплавы марганца и железа, столь необходимые для производства стали. Он создал их, и в 1933 году в городке Зестафони начал работать первый современный ферросплавный завод. Крестьяне из ближайших сел стали металлургами.

Пробежало еще одиннадцать весен. Около Тбилиси, там, где когда-то был древний город Рустави, началось строительство крупного металлургического завода с полным циклом производства: чугун, сталь, прокат, трубы. Сейчас в Рустави произошла смена поколений первых металлургов, накопился опыт, намного расширилось производство. А в городе на отходах металлургии выросли большие химические заводы.

И еще прошли годы. Геологи обнаружили в Грузии Медную гору. Горняки начали разработку карьеров. Поднялись цехи горно-обогатительного комбината. И снова грузинские ученые помогли: нашли оригинальную технологию производства порошкового металла. И возник экспериментальный цех с автоклавами. Значит, быть тут и медной металлургии!

Много лет предсказывали ученые нефтеносность грузинских недр. Много было поисков, разочарований, надежд. А прогнозы все-таки оправдались. Нефть пошла в 1974 году, и богатая—светлая!

Все было у нас сообща: и труд и мысль. Ученый Тбилиси встречался с ученым Москвы, Ленинграда, Киева, Баку. Рабочий Рустави, Кутаиси ехал в другие города страны, становился рядом с другим рабочим, учился у него. Буровой мастер из Грозного прилетал к грузинским буровикам вместе вскрывать нефтяной пласт, потому что нефть—советская, потому что автомобили «Колхида» бегают по всем дорогам, а стальные руставские трубы нужны на всех стройках страны...

Пронеслась их жизнь, как будто сновидение ночное...

Шота Руставели

Десница мастера

Если хочешь проникнуть в прошлое народа, надо узнать его культуру, искусство, то, что делалось когда-то рукой мастера, ведь этой рукой руководили чувство, идея, вкус. Когда знакомишься с работами древних мастеров, то воображение рисует тебе человека, который жил сотни, тысячи лет до тебя, а по нему представляешь и Целое поколение, образ его жизни, силу разума.

Страницы древних фолиантов со старогрузинской вязью, обрушенные стены крепостей, остатки пещерных городов, фрески,

Мцхета. Собор Светицховели, памятник архитектуры XII—XIII веков

передающие лицо, характер, одежду человека того времени. За этим видится и другое — вдохновенное лицо художника.

В Советской Грузии охраняется сейчас около пяти тысяч памятников градостроительного искусства. Мир «каменных летописей» бесконечно разнообразен и красноречив, и сила воздействия их на умы наших современников глубока, так как они вызывают уважение к Человеку, к тому, что он делал когда-то, и к тому, что он делает сейчас.

Рука мастера кладет камень на известковый раствор и воздвигает стену храма. Такой была рука зодчего Арсукидзе, строителя собора Светицховели в городе Мцхета (XII—XIII вв.). О его трагической судьбе рассказал в романе «Десница великого мастера» советский писатель Константин Гамсахурдиа. И роман этот написан тоже рукой мастера.

Рукой мастера философии Иоанна Петрици из Гелатской академии переведены на грузинский язык Аристотель и неоплатоники, написаны широко известные в Византии философские труды.

Руки мастеров чеканки по золоту Бека и Бешкена Опизари создали шедевры златоваения и оставили после себя грузинскую школу мастеров чеканного искусства.

Рука мастера поэзии Шота Руставели создала «Витязя в

Вардзиа. Пещерный монастырь XII—XIII веков

тигровой шкуре», поэму, которая на полтора-два столетия опередила великих мыслителей Возрождения и восславила любовь и дружбу, мужество и добро, свободу и гуманизм.

Рука *мастера*, никому не известного художника VI века «писала по мокрому», то есть создала фреску на стене Давитгареджийского монастыря, и эта удивительная фреска сохранялась на протяжении четырнадцати столетий...

Руки мастеров, никому не известных каменотесов вырубили в громадном туфовом массиве над Курой пещерный монастырь Вардзиа (XII—XIII вв.) с его сотнями комнат и таинственными лестницами, уходящими в глубь горы.

Около города Гори, в громадной скале, на фоне сказочных изломов и окаменелых лавовых волн темнеют проемы каких-то странных, затемненных зданий. Это Уплисцихе («крепость владыки») — древнейшая цитадель провинции Картли, сердцевины Грузии. Дата возведения этой цитадели до сих пор не уточнена. Известно лишь, что создана она в пору язычества, задолго до утверждения христианства в Грузии. Еще долго придется очищать ее от наносов времени, от переделок последующих архитекторов, чтобы добраться до первоначанных очертаний. Но и сейчас она поражает строгостью пропорций, грандиозностью форм и необыкновенной чистотой обработки камня: высеченные в камне высокие здания, которые полностью воспроизводят формы деревянного зодчества, его конструкции, балочные перекрытия, своды с кессонной отделкой. Это сочетание «пещерное» и «наземности» — редчайший в истории архитектуры случай. И как тут не поклониться таланту рук человека, создавшего это чудо из камня!

Уже полсолнца в море. Так олень,
Бросаясь вплавь, по грудь уходит в
воду.
А тополя мингрельских деревень,
Как девушки, толпою ждут захода...
Симон Чиковани

Море

Течет с гор к Черному морю маленькая речушка Псоу, такая мелкая в летнюю пору, что можно ее перейти вброд. На правом берегу часы показывают 8 утра. На левом в то же самое время—9 утра. Через Псоу проходит пояс времени, и здесь же проходит граница республики. На правом берегу—село Веселое, Россия. На левом—село Леселидзе, Грузия, точнее сказать, Абхазская автономная республика, входящая в состав Грузинской ССР. Только перейдешь мост через Псоу, из Веселого в Леселидзе, и начинаются 300 километров грузинского побережья вплоть до села Сарпи, что на границе с Турцией.

300 километров морского берега Грузии—самые теплые из тысяч километров советской земли, омываемой разными морями и океанами. Теплые они не только потому, что южнее других. От холодного Севера оберегают их высокие горы—Главный Кавказский хребет и отроги Малого Кавказа. Осенью горы спешат нахлобучить на свои крутые лбы снежные папахи, а весной медлят расстаться с ними. Поэтому, когда на морском берегу еще (или уже!) тепло, когда в море еще (или уже!) купаются, снежные вершины с помощью ветров то и дело напоминают о себе ледяным дыханием. Но не страшно оно морю—долго еще хранит вода накопленное за лето тепло.

300 километров морского берега Грузии—это множество следов древнейших цивилизаций: руины старинных крепостей и храмов, остатки оборонительных стен, могильников и башен. Великая Абхазская стена, которой уже пятнадцать столетий, имела протяженность 160 километров. Каменные гробницы (дольмены) у села Эшера построены из многотонных глыб, и им четыре тысячи лет. сторожевая башня у входа в Бзыбское ущелье возвышается 700 лет. Анакопийской крепости на Иверской горе, вокруг которой сложилось Абхазское княжество,—четыренадцать столетий. Городу Диоскурия, обнаруженному под водой в Сухумской бухте, по меньшей мере два с половиной тысячелетия... Не счастье диковинок прошлого и на территории Аджарской автономной республики. Особенно хороша крепость Гонио—огромный прямоугольник, замкнутый толстыми зубчатыми стенами, за которыми в первых веках нашей эры шумел большой город, а ныне цветут душистые мандариновые сады.

300 километров морского берега Грузии—это настоящая революция в растительном царстве, резкий поворот от сырых бесполезных джунглей к возделанным плантациям, садам и декоративным паркам с редкими экзотами субтропической флоры. В преданиях рассказывалось, что в очень далекие времена здесь тоже были сады и цвет таинственный сад богини Гекаты, что готовила снадобья из целебных растений и обучала этому дочь царя колхов—Медею. Колхида тогда была благословенным краем, и именно сюда стремился греческий герой Язон похитить у колхов золотое руно и царскую дочь Медею. Сотни гектаров заболоченной земли, топей, душных

испарений, комары, малярия — такой была Колхида до революции. Гигантский труд затрачен при Советской власти для того, чтобы отвоевать все это для полезных растений и здоровой жизни. Ученые, ботаники, крестьяне, любители природы завезли сюда иноземную флору, терпеливо акклиматизировали ее, и вот она уже украшает парки, является частью сельскохозяйственного производства республики.

300 километров морского берега Грузии — это нанизанное на пляжи ожерелье черноморских курортов. Всемирно известная Гагра — самое теплое место на этих берегах. Батумская группа живописных курортных мест, среди которых выделяется своими лечебно-климатическими достоинствами Кобулет. Красавица Пицунда на мысе в сосновой роще — один из самых комфортабельных курортов Причерноморья. И десятки туристских баз. Только абхазское побережье принимает ежегодно не менее четырех миллионов туристов. В основном это пешеходы, что идут через суровые перевалы Кавказского хребта к морю, на берегу которого можно согреться и хорошо отдохнуть. На 300 километрах берега не менее 200 здравниц и туристских баз.

300 километров морского берега Грузии — это километры традиционного грузинского гостеприимства. Издавна на этих землях возникали эстонские и армянские, русские и греческие поселения. Люди бежали сюда от бед, находили здесь приют и клочок земли. В плоть и кровь Грузии вошла готовность принять человека, на каком бы языке и наречии он ни изъяснялся. Главное, что он пришел с миром.

Человек и море. Человек потребляет, а море дает. Оно дает соленую воду, свое тепло, легкие бризы... Море тащит на своей спине громадные дизель-электроходы и маленькие «Кометы» на подводных крыльях. Море позволяет вылавливать из своих глубин живую добычу, посылает нам загадочных наших друзей — дельфинов.

Море надо любить, как любят его малые дети, которые чувствуют в нем что-то родное: наивность, широту, чистоту.

Лучше полнить душу, чем тело.

Народная поговорка

Прекрасное

Грузин исполняет свой народный танец упоительно. То парит, как орел, величаво расправивший крылья, то трепещет, как ласточка в синем небе. Чем быстрее скользят в танце ступни его ног, тем неподвижнее торс, превращенный как бы в изваяние. Между тем танцор прыгает на пальцах ног. Он бурно стремителен и в то же время почтительно уважителен к своей партнерше. У нее же за внешней сдержанностью угадывается сильный темперамент. Она быстро передвигается по кругу мелкими шажками, при этом руки ее Делают мягкие, округлые, невыразимо нежные движения. Изъявления почтительных чувств принимает она благосклонно, однако с легким вызовом.

Ярко выраженная танцевальность народа внесла свой националь-

ный дух в грузинский классический балет. Любят в Грузии пение, особенно хоровое. Песня сплывала людей в боевых походах, создавала соответствующий настрой в дни скорби и печали, а уж в пору веселья и дружеских встреч без песни совсем не обойтись. И что примечательно: сколько в Грузии этнических групп (а их много!), столько и песенных характеров. Исполнены гордого мужества песни сванов, величавы кахетинские застольные, лиричны мингрельские, искрятся задором и юмором песни гурийцев... И совсем особая сфера—песни городских трубадуров, исполнителей серенад, а также городские романсы под гитару. Недаром грузинской современной эстраде очень близок русский классический романс, исполнением которого прославились такие звезды, как Тамара Церетели, Кето Джапаридзе, Нани Брегвадзе...

Народные песни и танец. Классические опера и балет. Театру оперы и балета в Тбилиси более ста тридцати лет. Его посещал еще Петр Ильич Чайковский. «Оперы мои играют здесь больше, чем где-либо...» — писал он отсюда. В Тбилисском оперном театре началась феерическая карьера двадцатилетнего Федора Шаляпина. Здесь расцвел талант советского композитора Захария Палиашвили, чьим именем теперь назван театр. Здесь же вырос как композитор крупного плана народный артист СССР Отар Тактакишвили, много лет соединяющий свою активную творческую деятельность с постом министра культуры республики.

Жизнь грузинской драмы прекрасна своей интернациональностью: в государственных театрах (а их в республике 23) играют на грузинском, абхазском, армянском, осетинском, русском языках. Немецкий драматург Бертольт Брехт создал «Кавказский меловой круг», грузинский Театр имени Руставели сделал по пьесе яркий, живописный спектакль, показал его в Москве, во многих городах Англии, Италии, где его бурно принимали.

В 1918 году умер в Тбилиси в нищете и безвестности большой художник. И только спустя много лет, собрав его наследие—десятки, сотни картин, оказавшихся в разных руках, люди удивились его пронзительному таланту и кристальной душе. Его произведения, написанные на клеенке, картоне, жести, стали сейчас достоянием и национальной гордостью грузинского изобразительного искусства. Картины Нико Пиросмани путешествуют из страны в страну. И везде неизменно, пользуясь выражением К. Паустовского, «берут человека за сердце и чуть сжимают его...».

Близкими людям разных национальностей становятся и картины народного художника СССР Ладо Гудиашвили, и песни композитора Реваза Лагидзе, и пронизанные добрым юмором книги и пьесы Нодара Думбадзе.

Вы—корни гор, грузины молодые,
Основа и опора всей гряды...

Михаил Луконин

Корни гор

Человек в круглой шапочке с лицом мудреца имел маленький дом в местечке Мцхета и около дома маленький клочок земли. Всю свою долгую жизнь он трудился над этим клочком, выращивая цветы и

Старая женщина

Долгожители

делая из цветов, камней, сухих ветвей и мха различные сочетания. Эти сочетания как бы представляли в миниатюре горы и долины Грузии, ее ущелья, лесные балки, громады скал, присыпанные землей и поросшие травами. То не было копией, а только художественным видением. Калитка его сада всегда была открыта настежь для всех. И шли потоком гости Грузии, как они и сейчас идут, в сад, берегаемый дочерью этого человека. Идут и смотрят замороженные, а уходят просветленные. Старик в шапочке Миха Мамулашвили любил природу своего края и делал это для себя, для других, чтобы они, увидев, полюбили его красивую страну. Никто не требовал от него такой работы. Он просто сам умел радоваться жизни и приносить радость людям и так прожил без нескольких месяцев сто лет.

Мы хотим рассказать и о женщине в черном платке, перекинутом через плечо,—абхазке Хфай, что значит «посеявшая золото». Когда в Кутоле, селе, где она жила, создавали колхоз, ей было около девяноста лет. Она вошла в правление колхоза, стала первым бригадиром на чайной плантации и ездила в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. И в 130 своих лет она еще ходила на чайную плантацию, «пока солнце не припечет», и не для того, чтобы прокормить себя (в семье на нее за это сердились!), а просто не могла без «аусуры» — работы... Всему Кутолу на удивление жил человек!

В Грузии (Абхазии, Аджарии, Осетии) много людей, живущих Долго. Ученые говорят о благоприятном климате, пище, образе жизни — слагаемых много. И наверно, при всем этом жить, принося людям добро, — большое счастье, а у счастливого человека много стимулов к жизни.

Для того чтобы общество двигалось вперед, нужен труд молодых. Молодая рука тверже. Она строит высотную плотину ГЭС,

держит резец у станка, водит трактор, стрижет шерсть овцы. Молодой мозг ищет открытий, он гибче старого. Молодое сердце стойке к ударам и невзгодам жизни. Молодые берут в руки альпеншток и прокладывают себе по вечным снегам дорогу на вершины. Молодые натягивают на себя полосатую тельняшку, чтоб поспорить с морской бурей, подружиться с соленым ветром. Молодость—опора и будущее республики, сила ее мускулов, свежесть ума.

Больше миллиона новых граждан родилось в Грузии за последнее десятилетие. Больше миллиона детей учится сейчас в школах республики на родных им языках. В высших учебных заведениях девяносто тысяч студентов—юношей и девушек.

Женщина в Грузии чтима. По-грузински говорят «мать и отец», «сестра и брат», ставя женщину впереди. Столица называется матерью городов—дэдакалаки. Родной язык зовется языком матери—дэдаэна. Пахаря величают гутнисдэда—матерью плуга, хотя пахарем всегда был мужчина, но в глазах людей он выше мужчины, он—Мать плуга!..

Женщина—труженица нового общества. В просвещении, культуре, здравоохранении республики она составляет около двух третей, лишь одну треть отдавая в удел мужчине. Издавна известно, что народ, который чтит женщину, только выигрывает. Особенно это относится к матери. Молодые говорят:

— Если ради матери сын изжарит яичницу на своей ладони, он и после этого останется перед ней в долгу...

Да будет сказано:

— Мир молодым! Они еще много доброго должны сделать на Земле. Мир всем молодым на нашей планете!

ИХ ЗОВУТ
ЛАСКОВО—
САЛИ

Очерк

Этой весной нам предстояло снимать фильм о северном олене. Собрать киноматериал об интересном животном Севера мы решили у мансийских оленеводов. В апреле они перегоняют оленей сначала к восточным склонам хребта, потом на плоские вершины Урала, где у маток происходит отел—рождение оленят.

Здесь, недалеко от речки Апси, паслось оленье стадо, которое манси погонят на уральские горные пастбища. Часть оленей—тринадцать животных с пятью нартами—предназначалась для нашего кино съемочного оборудования.

Дальнейший путь в горы должен был пройти мимо жилья других мансийских оленеводов, живущих вблизи «священного» озера Турват,—Самбиндаловых. Там предполагалась длительная остановка для сбора бригады пастухов и снаряжения всего каравана.

В памяти моей навсегда осталось это тихое утро.

Сосновый бор был присыпан легкой снежной пудрой. С неба медленно падали едва заметные снежинки. Мохнатые ветви в утренних лучах заискрились золотом: из-за деревьев поднималось солнце.

Изредка лес оглашался «автоматной очередью» стукача-дятла желны. Было слышно, как где-то в стороне квохчут глухарки от влюбной тоски. В тайге зарождался апрельский день.

В лесу залаяли собаки...

— Кто-то от Мониных идет сюда,—прислушался мой спутник Юргенс.

И верно, прошло минуты три, на тропе показался охотник.

— Илья... Сын старика...— сказал я.

Вскоре к нашему стану подошел молодой манси. пышная шевелюра на голове, ружье наперевес, на ногах нярки—низкая обувь, сшитая из лосиной кожи.

Поздоровались. Предложили гостю кружку чая. Не отказался. Юргенс завел с ним разговор.

Но парень, внезапно прервав беседу, обратился ко мне:

— А я тебя знаю. Лет двенадцать назад видел. Ты на Маньпупы-нёр ходил. И отец тебя помнит...

Мне это было приятно слышать.

Припомнился первый поход на Урал и великан в мансийском наряде, с заплетенными в две косички волосами — Николай Ильич Монин. А сын его Илья тогда был мальчишкой.

Узнав, что мы собираемся к его отцу, он обрадовался и засуетился:

— Я скорее домой побегу, пока старик в лес не ушел. Котел с мясом поставлю...

Илья скрылся в лесной чаще. Немного погодя и мы пошли следом за ним. Тропа повела нас по большому бору, растущему на возвышенной гривке вдоль речки Апси. И вскоре среди сосен показалась просторная поляна с мансийскими строениями — Амсияпауль.

Залаяли собаки. Их сбежалось много. Окружили нас, обнюхивают, но не кусаются, как наши дворняги.

Из избы вышел сам хозяин Николай Ильич в цветастой рубашке, на ногах нярки. Все такой же мансийский колосс — крупный, широкоплечий. Встретил нас радушно.

— Я тебя сначала не узнал, потом вспомнил, — приговаривал он и тряс мою руку.

За двенадцать лет Монин постарел. По-видимому, и я изменился — он пытливо рассматривал мое лицо.

— Наверно, опять на Маньпупынёр собрался? — спросил он меня.

— Нет. На этот раз буду снимать ваших оленей...

— Не забываешь нас. Спасибо, — одобрительно сказал старик.

Пока вели разговор перед домом, я успел разглядеть мансийское становище. Хороший бор окружал уютный лесных отшельников. Главное жильё — это большая и широкая изба, сложенная из длинных сосновых бревен. Выстроена с соблюдением всех норм мансийской архитектуры: крыша сшита из бересты, сама изба приземиста, словно приплюснута, вход ориентирован на юг. К дому кольцом примыкает изгородь, образующая загон для оленей — пусас. За ним на высоких столбах возвышаются четыре сомы — амбары для хранения припасов.

Холм, на котором стоит изба, круто спускается к лесной долине Апси. Речка змейкой вьется в густоте высокоствольного ельника. Под косогором устроена норма — полка, высокий настил для хранения лосиных, медвежьих и оленьих костей.

У пожилых манси сохранился обычай — беречь кости лесных особо почитаемых зверей.

К жилищу почти вплотную был пристроен маленький теремок. Это манькол — женская изба. Терем, как выяснилось позже, в основном выполняет роль родильного дома.

Перед крыльцом основной избы шумел костер. Над пламенем висел большой котел. Мать Николая Ильича, очень старая женщина, деревянным черпаком мешала в нем варево. Готовилось угощение.

Хозяин пригласил в дом.

— Давай заходи... Посидим поговорим, то да сё...

Изба внутри очень просторна. Потолка нет, вверху множество жердей для просушки одежд. Вдоль двух стен сделаны отсеки с нарами — своего рода отдельные комнаты.

Старушка мать и молодая жена сына Анна загремели стаканами, кружками, мисками. Николай Ильич, как глава семьи, давал женщинам распоряжения.

На стол поставили большое деревянное блюдо с дымящейся вареной лосятиной—целая гора. Николай Ильич пригласил к столу:

— Садитесь, мужики. Мяса поедим, чаю попьем, то да сё...

Гостеприимство свойственно всем народам мира. Хлебосольство маленького северного народа манси исходит от души и сердца, искреннего желания угодить гостю хотя бы одной кружкой чаю, одной спичкой. И очень трогательно видеть, когда почти ничего не имеющий человек делится с вами последним, что у него есть.

Стол Монины не ломился от снеди, но было вдоволь жирного и вкусного мяса. Чай можно было пить бесконечно. Хозяева с увлечением «пировали» вместе с гостями.

За окном потемнело. Застолье кончилось. Женщины убрали посуду и удалились в свои «комнаты». Мы стали беседовать. Хотелось спросить старика о многом. Мысленно я подыскивал вежливую форму вопроса о лесном отшельничестве.

— Николай Ильич, в Няксимволь не думаете перебраться?

— То же самое мне начальник промхоза Баев предлагал. Зачем, говорит, живешь в лесу? Переезжай в Няксимволь!..

— Ведь вам, наверно, нелегко жить здесь?

— Знаешь, где-то, говорят, есть места богатые, там лучше. Но я это место не хочу бросать. Здесь моя мать не болела, я сам здоровый. Вырастил тут сына. У него никакой болезни никогда не

было. Его дети тоже здоровые. Поэтому я думаю, что жить здесь можно и уходить отсюда не надо...

Я старался осмыслить услышанное от старика, найти возражения его доводам и не находил их.

Родина есть родина, даже если она — это крохотная еловая роша на берегу глухого лесного ручья или сосновый бугор — островок среди бесконечных таежных болот. Верхнесосьвинские манси очень привязаны к тем местам, где они родились, где жили отцы, деды, прадеды.

Наши разговоры коснулись и легенд, которые по сей день бытуют среди лесных манси.

Разговаривать мы могли бы и всю ночь, но на дворе залаяли собаки. Николай Ильич вышел из избы и через минуту вернулся.

— Медведь, видно, бродит... Скоро светать начнет... Наверно, поспим маленько?..

В избе наступила тишина. Только едва уловимо шумели за окном сосны.

В ожидании оленьего стада мы несколько дней были гостями Монины. Каждый день незабываемые вечера с интересными беседами до полуночи, ежедневные угощения строганиной из мороженого оленьего мяса и вареной лосятиной и... бесконечный чай.

Вскоре оленье стадо прогнали мимо избы Монины в сторону озера Турвата. Приехали и за нами, чтобы отвезти нас с киноснаряжением к жилью Самбиндаловых.

Мы простились с Мониным как старые добрые друзья с надеждой увидеться вновь.

Становище Самбиндаловых на Малой Сосьве, возле устья Санклингги, было мне знакомо по предыдущему походу к Уралу. Здесь живет семья второго мансийского «отшельника» — Петра Ильича Самбиндалова, старого друга Монины.

Старику немногим больше шестидесяти лет, он среднего телосложения, на голове густая шапка волос без седины. В его старом доме чисто, уютно, царит атмосфера радушного гостеприимства. Порядок в избе наводят старушка жена и супруга одного из сыновей — Романа.

С Петром Ильичей мы не были знакомы. Вначале он показался нам замкнутым, неразговорчивым, но после двух встреч предстал таким же добрым и словоохотливым, как Монин.

В полукилометре от его избы поселились два младших брата — Олег и Дмитрий. Собственно, они вернулись к бывшему отцовскому очагу, где родились и выросли. Младший брат — Дмитрий — главный оленевод, бригадир, собирает здесь бригаду пастухов и все оленье стадо, кроме того, ждет своего сынка Савву, которого привезут из Няксимвольского интерната.

Мы с Юргенсом поставили палатку на снегу, приготовились к продолжительному пребыванию в стане турватских манси и, конечно, зачастили в дом Петра Ильича.

Как-то утром сын Петра Ильича, Роман, запрягая в нарты оленей, позвал меня и предложил:

— Поедем со мной на Турват?

Возле нарт уже стояли четыре рогача. Они казались совершенно одинаковыми, но парень называл каждого оленя по-разному: Хоманёл, Ондатр, Няньсырам и Путвата. Сразу не поймешь значения этих имен, но Роман объяснил их:

— Этот съел у нас несколько буханок хлеба, и мы прозвали его Няньсырам — «любитель хлеба» значит. А у того, смотри, морда, как У ондатры. И стал он называться Ондатр. Который дальше стоит как-то заупрямился: в упряжке не идет, привязали к нартам — упирается. Связали ему ноги, положили на нарты и повезли, как поклажу. С тех пор он Путвата — «подвода» значит. А у четвертого, видишь, какой нос? Ему дали кличку Хоманёл — «курносый»...

Роман, как и отец, был разговорчивым, общительным и добро-душным парнем. Улыбка редко сходила с его лица. Он походил на отца только ростом и сложением: маленький, худощавый, волосы и брови у него были не отцовские — жгуче-черные.

Он взял длинную палку — хорей, усадил меня на нарты позади себя, и мы помчались по красивой лесной дороге. Мелькали сосны по сторонам, снежные комья из-под копыт летели в лицо.

Озеро Турват находится в семи километрах от избы Самбиндаловых. Мы лихо пронеслись по дороге среди соснового бора и выехали на болото. За ним показалась снежная гладь Турвата. А за озером во

Караван прибыл к зимовью

всю длину—«горбатый Нёройка», как еще называют гору Ялпингнёр.

Зашумели нарты по льду озера. Олени помчались еще быстрее. Необъяснимый восторг от приволья охватил душу.

— Роман, кати прямо на Ялпингнёр, в гости к самому Нёройке!

Он повернулся ко мне. Я увидел смеющиеся глаза и морщинки возле губ.

— Ты слышал чего про Нёройку-то?

— Совсем мало...

— Ну ладно. Отец расскажет тебе про него сегодня вечером!

Потрескивал лед под полозьями нарт. И от этого шума олени бежали словно ошалелые. Вскоре мы были у дальнего конца Турвата, там, где со стороны Нёройки в озеро втекает «священная» речка Ялпынья.

По старинному поверью, на ней, как и на других речках с названием Ялпынья, манси нельзя было не только рыбачить, но и просто находиться. А Роман преспокойно устроил на ее берегу шалаш, расставил подо льдом сети на язей. И подолгу здесь жил.

Пока он собирал рыбу в мешки, успел мне рассказать, что вверх по Ялпынье й кедраче стоял когда-то идол Сёхрынгойка; что охотники, попадая на ручей Сопратсос, протекающий под «священной» горой, вырубали на дереве особый знак «сопра»—своего рода талисман, разрешающий им охотиться в этих местах; что под горой Ялпингнёр есть другое «священное» озеро—Маньялпингтур, то есть

Малое Священное. А воду из «священных» озер пить было нельзя. Сам Роман придерживается этого запрета.

— Где же ты берешь воду, когда живешь здесь?—спросил я. Он неопределенно ответил:

— А в любом ручейке в стороне от озера и речки Ялпыньи...

— Почему же из Турвата нельзя пить воду?

— Не знаю. Старики так велели. Да она и невкусная, я как-то попробовал.—рассмеялся Роман.

Роман погрузил на нарты два мешка стывших язей.

— Ну что, поедем?—сказал он, улыбаясь.—Вечером язей турватских попробуем...

Олени снова помчали нас по ледяному панцирю Турвата.

На столе горела керосиновая лампа. Пар струился от вареных язей, разложенных на деревянном блюде. Из большой миски по избе разносился аромат топленого медвежьего сала. Развалясь на шкурах, Роман тихонько брэнчал струнами мансийского музыкального инструмента — санквылтапа.

В эти вечерние часы Петр Ильич рассказывал нам о Нёройке — таинственном владыке, обитавшем на «священной» горе Ялпингнёр. Его якобы видели Устин Самбиндалов из Усть-Маньи и Василь Тасманов с Пелыма.

— Приехали они как-то зимой на Турват. Смотрят—на другом берегу большое стадо оленей пасется. Голов двести. В упряжке три белых быка. На нартах лежит шкура, тоже белая. Рядом стоит высокий мужик с хореем, в белом же совике*. А вместо собаки около него росомаха бегаёт...

— Росомаха?—переспросил я с удивлением.

— Ну, росомаха. Мужики было направились туда, в стадо. Думали, оленевод какой, незнакомый. И че-то отвернулись в сторону, посмотреть... Потом взглянули опять на озеро—ни стада, ни человека не стало, исчезли. Пришли мужики на то место—следов нет. Как же так, думают, ведь оленей было много, а куда девались следы? Потом стали догадываться: значит, это был сам Нёройка!

Хотя рассказанное стариком—плод фантазии, вызывающей у слушателя улыбку, важно другое—мансийские сказки являются произведением народного творчества, интереснейшей выдумкой людей. В них иногда отражались подлинные эпизоды прошлой жизни манси, самые сокровенные их мысли и мечты. Некоторые мансийские сказки обладают той прелестью, что рассказываются как были. И рождены они в среде древнего уральского племени, которое сохранило в своем устном фольклоре память даже о ледниковом периоде Каменного пояса.

— Рассказывать еще?—спросил Петр Ильич, усмехаясь.—Или на завтра оставим?..

— На другой вечер оставь,—сказал Роман и посмотрел в окно. Тайга уже тонула в темноте. Время было позднее.

* Совик—мансийская легкая мужская одежда из кожи, выделанной под замшу.

Из Няксимволя привезли Савву — сына бригадира оленеводов. Он был взят из интерната за месяц до окончания учебного года. Мальчик всегда проводил лето с родителями в горах Урала, для того чтобы проходить там школу жизни и постигать премудрости оленеводства и охоты.

Отец и мать не против того, чтобы зимой их единственное чадо находилось в школе, но, когда наступает весна и надо гнать оленье стадо на Урал, они забирают сына из интерната. Считают, что Савва должен освоить ремесло предков — мечтают сделать из него первоклассного оленевода и охотника.

По-моему, направление правильное. Профессия оленевода в наше время становится редкостью. Хорошо, если оленевод будет к тому же еще и грамотным человеком, образованным. Родители это понимают: с первым же снегом отправляют на оленях сына обратно в школу.

Савве двенадцать лет. Он совсем не похож на своего отца, черноволосого смуглого брюнета, которого темная шевелюра, большие черные глаза и нервная резкость в движениях делали похожим на цыгана. Мальчик же был светлым шатеном с серыми глазами. В его внешности проглядывалось больше от матери, жены Дмитрия, Евдокии.

Мальчик как мальчик, каких миллионы: немного застенчив, нежен к своей матери и без ума от собак.

Для своего любимца — мохнатого пса Пуни он сколотил конуру в виде крохотного домика: сруб из тонких бревнышек, проложенных сухим мхом, утепленный потолок, островерхая покатая крыша из досочек — все, как полагается. Собаки отвечают мальчишке беспредельной привязанностью. Он — командир среди этой мохнатой компании, состоящей из молодых песиков: Дружка и Розки, элегантного, с длинной белой шерстью Пуни и важного, неторопливого пожилого Паля.

Инстинкт оленевода и охотника у Саввы уже заложен в крови. С рогаками он справляется запросто: его самого за оленем не видно, и что стоит оленю-быку мотнуть рогатой головой — мальчонка отлетит в сторону, но животное повинуется ему. Быть ему оленеводом. И в этом, я думаю, он найдет свое счастье, лишь бы не уезжал из своей родной тайги, без которой ему будет очень трудно.

С приездом Саввы пополнилась и бригада оленеводов. Прибыли еще два пастуха — молодые парни Карп и Алексей, по прозвищу Мань Уляк. Первый — сын коми-зырянина и мансийки, и это сказалось на облике Карпа, второй — манси. Несколько дней они чинили нарты, загружали их мешками, ящиками, тюками, приводили в порядок ремни оленьих упряжек.

На грузовые нарты был поставлен большой, почерневший от времени старинный сундук, густо опоясанный железными ржавыми лентами, — такие можно обнаружить только в дедовских амбарах. Я полюбопытствовал о его содержимом у Дмитрия. Он признался, что в сундуке находится запас боеприпасов для охоты и... пупы, божки, идолы.

— Это для удачи... Старики всегда так делали и нам велели.

При этом Дмитрий хитровато улыбался. Я понимал, что божков он берет не из религиозных убеждений, а ради уважения к старине, к древним обычаям своего народа.

Избушку-манькол я увидел и здесь, в стане оленеводов. В переводе с мансийского это слово имеет самое обыкновенное значение—маленький дом. Такой манькол—принадлежность почти каждой мансийской семьи, живущей в тайге: в стороне от основного жилья находится маленькая хижинка. Такая же, как возле избы Николая Ильича Моница.

И теперь у лесных манси еще можно наблюдать: когда мужчина женится, то непременно сооружает кроме жилого помещения и хозяйственных строений хижину манькол—своеобразный родильный дом.

Это специально для жены, для женщин в семье. И в этом есть определенная разумность обычая и чуткость со стороны мужчин.

Однако, как бы ни был благоустроен манькол у современных лесных манси, он никогда не заменит настоящего родильного дома с квалифицированным медицинским персоналом. Это примитивная изба в суровых условиях тайги с полным отсутствием элементарных средств медицины. Она никогда не гарантирует ребенку безопасности рождения и здоровья роженице. Манькол является жалким осколком уходящей старины и скоро останется жить только в воспоминаниях.

Ежедневное кормление собак было обязанностью жены Дмитрия. Перед тем как раздать еду, она подходила то к одной, то к другой собаке, что-то ласково наговаривала им, гладила головы, низко наклонялась и даже целовала. Животные с удовольствием принимали ласку женщины, всегда тянулись к ней.

Я увидел, что на нарты погружено несколько ящиков со сгущенным молоком. Удивился повышенному аппетиту оленеводов к давно надоевшей мне «сгущенке», но Евдокия разуверила меня:

— Это маленький олень кормить...

Она рассказала, что однажды была «матерью» олененка, сгущенным молоком его выкормила, а потом он бегал за ней по пятам.

Оленеводы обстоятельно готовились на долгие месяцы жизни в горах. Забирали весь домашний скерб: кастрюли, ведра, тазы, чайники, кружки, миски, ложки, мясорубку и даже самовар. Бережно упаковывали радиоприемник «ВЭФ-12». Весь мир будет с ними!

Я впервые увидел кошку здесь, в лесной мансийской избе, что несвойственно, казалось мне, для быта манси. Это был красивый рыжий кот Васька, всеобщий любимец. Особым покровительством он пользовался у Евдокии. В порыве нежности она целовала его в розовый нос.

Дмитрий рассказал мне, что кота они берут в горы ежегодно. Он путешествует с ними по всему Уралу как равноправный член оленеводческой бригады наравне с собаками.

— Ты видишь, сколько мы везем муки, крупы, сухарей? На эту поживу мышей сбегается тьма! А Васька с ними очень хорошо справляется! Всегда сидит возле мешков, как сторож. И кормить его не надо!..

Кота да еще маленького щеночка Кутю к переезду на Урал готовили особо. Для них были выделены теплые шкуры, на каждом—ременный поводок. Кот ехал в горы беречь съестные припасы оленеводов от мышей, а щенок Кутя—проходить суровую Школу собаки-оленегона. Вместе с этими животными оленеводы брали с собой частицу домашнего тепла и радости.

Малыш учится ловить оленей арканом

Накануне перед выездом выпал снег, похолодало. Дмитрий ждал такого дня: это облегчало нам путь к горам.

— Завтра, наверно, поедем...

Утром, растянувшись по тайге длинным караваном, мы направились к Уралу, чтобы где-то там, в самых горных истоках неведомой речки Путурньи, провести два незабываемых месяца.

Близился май. А возле хребта еще было по-зимнему. К предгорным березнякам с вершин сбегали метровые толщи снега. Еще часто бушевали метели. Стремительная поземка поднимала в воздух снежную пыль, несла ее по склонам и наметала во впадинах глубокие сугробы.

Перед хребтом Дмитрий остановил караван.

— Надо переждать непогоду...

Своим помощникам, Карпу и Мань Уляку, приказал:

— Берегите стадо! Не пускайте в горы!

Оленей задержали в березняке под вершиной Хашьсяхль и там же устроили временный лагерь, чтобы переждать непогоду. Намеченное место для отела находилось за хребтом, на западном склоне. Перевалить Урал мы должны только в ясный день.

— В пургу всех важенок растеряем,— объяснил Дмитрий.

Весна настойчиво гналась за нами из тайги. Метель вскоре

прекратилась, выдался желанный солнечный день. Над Уралом открылась бездонная синева. Снега слепили глаза. На голых буграх хребта первыми оттаяли каменные россыпи. Среди них белыми мотыльками запорхали куропатки — они не спешили сбрасывать свой зимний наряд.

И уже на пути к самому хребту мы издали увидели в стаде несколько маленьких крошек, еле семенящих за самками, — появились первенцы-оленьята.

Перевалили хребет в той части, где он имеет самый низкий прогиб, — вблизи истока реки Северной Сосьвы. С этой седловины просматривались оба склона Урала: на северо-востоке маячил массив «священной» горы Яллингнёр, а на западе, за Печорой, возвышался вулкановидный Койп.

Караван спустился по склону до первых березок, к овражку, из которого вытекает речка Малая Путурнья. Дмитрий остановил свою головную упряжку, спрыгнул с нарта.

— Здесь и завеснуем! — весело сказал он, оглядывая горное приволье, знакомое ему с детства.

Тайга, протянувшаяся по убегающей вниз речке, с высоты казалась мелким кустарничком. Над долиной высились голые гребни гор. На одной из вершин с плоской макушкой будет проходить массовый отел оленьих маток.

Пошло стадо, окружило нас. Впервые увидели мы новорожденных оленят вблизи. Оказывается, незаметно для нас жена Дмитрия еще в пути подобрала несколько малюток, завернула их в шкуры, уложила на нарты рядом с котом Васькой и щенком Кутей. И этот «детский сад» ехал вместе с нами.

А теперь Евдокия выпустила оленят на снег, нежно гладила и приговаривала:

— Нята... Нята*...

Малютки хрипло захрюкали, как поросята. К ним моментально подбежали матери-оленихи. Всеобщее внимание привлек белый, с серыми пятнами олененок, удивительно похожий на теленка. Розовая мордочка, розовые веки с белыми ресничками и розовые копытца — этот нежный комочек преспокойно лежал на снегу под ногами матери и, казалось, совсем не мерз.

К появлению незнакомцев кот отнесся с большим интересом. Он стал подкрадываться к одному из оленят. Этим вызвал беспокойство самки. Опустив рогатую голову, она настороженно следила за происками Васьки.

Оленеводы устраивали лагерь. Этому больше всех радовался щенок Кутя. Он задиристо подпрыгивал под мордами оленей, пытался утащить кожаную оленью упряжку или пытался набедокурить в нашем продовольственном запасе. Песик всюду искал приключений, не забывая неожиданно налетать на кота.

Чаще кот и щенок дружно играли, а потом мирно засыпали Рыдышком. Но иногда назойливые приставания Кути не нравились Рыжему Василию — щенку доставалось по носу от острых кошачьих когтей. Он с жалобным визгом искал защиты у Евдокии.

Эта пара, Васька и Кутя, изрядно смешила всех нас.

* Нята (*манс.*) — ласковое название олененка.

На речных зимних дорогах

Вскоре на высоком мысу между двух ложбин появился чум с палаткой, задымил костер. Бригадир с Карпом привезли из тайги на двух нартах сухих еловых кражей — наш стан будет надолго обеспечен дровами.

Наступало великое таинство в жизни оленей. Начиналась беспокойная пора для оленеводов. Дмитрий торопил своих товарищей скорее угонять важенок на отдельную вершину. Двое парней должны были выделить из четырехсот голов сотню стельных оленей, отогнать их от быков и яловых самок на отдельную горку и зорко охранять, а значит, и жить там, в палатке.

Ребята справились с этим заданием. На конечной оттаявшей вершине гребня Ховтсоринёл, отходящего от Уральского хребта в сторону печорской тайги и круто обрывающегося к месту слияния Путурньи с Манской Волосницей, были собраны все олени роженицы.

Вовремя успели оленеводы — начался массовый отел. Сколько оленят родилось за одну только ночь! На горной безлесной поляне появилось много бурых комочков. Одни олениата неподвижно лежали, другие, неуверенно передвигая слабыми ножками, тянулись к материнскому вымени. Некоторые уже резвились, играли друг с другом.

— Ну, Карпуня, — сказал Мань Уляк своему другу. — Теперь глаз да глаз нужен...

К вечеру в наш стан ребята принесли одного олененка и отдали

на попечение Евдокии. Малютку не приняла мать-олениха, он мог бы погибнуть с голода.

— Это совсем молодая важенка так поступает,— объяснял мне Дмитрий премудрости оленеводства.— Первый отел у нее был. Ей больно, когда олененок начинает сосать. Поэтому она и гонит его от себя...

Тут-то и пригодилось сгущенное молоко в банках. Евдокия снова стала нянькой, «матерью» оленьего ребенка. Он доверчиво тянулся к ней. Не боялся ни нас, ни кота Васьки, ни щенка Кути. Щенок принимал его за своего собрата, нежно облизывал и, теребя за ухо, вызывал играть с ним.

Но олененку в первые дни жизни необходимо молоко своей матери, без него он погибнет. И Дмитрий решил применить крутые меры по отношению к недобросовестной самке. Ребята поймали арканом провинившуюся важенку, привели в стан, связали ремнями ноги, повалили на землю.

Бригадир долго массировал руками вымя самки и сердито приговаривал:

— Я тебе покажу, как бросать ребенка!..

После массажа молоко потекло обильно. Дмитрий велел поднести детеныша и заставил его сосать. Постепенно молодая мать привыкла и приняла свое дитя. Спустя несколько часов они уже не разлучались и были водворены обратно в «женское» стадо.

Трудное настало время для оленеводов—напряженные дни и бессонные ночи. За каждой стельной важенкой присмотр нужен, уход. Каждой свою ласку отдай, каждую охраняй. Волки в эту пору одолевают стадо. Не усмотришь— задавят маток, разорвут оленят. В момент их нападения олени самки становятся беспомощными животными, в панике разбегаются, оставляют на произвол своих детенышей. Только это и нужно дерзким хищникам.

Стеречь оленей стали с ружьями. И днем и ночью. Заботы эти легли на плечи Дмитрия, Карпа, Мань Уляка и в какой-то мере на Савву.

Весна настойчиво рвалась в горы. Утренние заморозки творили в природе чудеса. Полярный низкорослый березнячок за ночь покрывался ледяной глазурью и звенел под ногами, как хрусталь. Молодая зеленая поросль травы, едва пробившись, замерзала, одевалась льдом.

Но днем все оттаивало. Застывшие потоки оживали и своим шумом громко оповещали о весне. А вечером опять наступало затишье: ручьи застывали, переставали шуметь. Выходила луна из-за склона. Чистое небо покрывалось звездами.

Эти тихие часы мы коротали у костра.

Мы объезжали на нартах окрестности лагеря для съемки. Из предгорной роши кривоствольного березняка олени неожиданно вынесли нас на белые просторы Уральского хребта. Перед нами открылись два океана: голубой— в небе и снежный— на земле. Легкие готовы были захлебнуться от обилия воздуха.

Отдохнувшие в стаде быки вихрем мчались по целине. На меня из-под копыт рогачей летели комья теплого весеннего снега. В постоянном ритме движения мотались их рогатые головы.

Белые олени считались у манси священными

Я держал в руках хорей, как заправский оленевод. Но я не бил им оленей, помня поучительные слова мансийского поэта Ювана Шесталова: «Хорей не палка. Это язык оленевода. Оленевод подумает, передаст мысли хорю. Хорей коснется оленя, и тот знает, что хочет человек».

Превосходные качества оленей я оценил только за одну эту памятную поездку на нартах с Дмитрием и Саввой. Много узнал об этих без усталости бегущих животных, которых манси называют ласково — сети.

Испокон веков мансийские олени рождались на Урале. И теперь каждую весну инстинкт неудержимо тянет их в родные горы. Даже если оленеводы откажутся гнать оленей к Уралу, они и без помощи людей уйдут туда сами. Так поступают лоси и дикие олени — «вор сали» — они каждую весну мигрируют из тайги к Уралу.

Дмитрий рассказал, почему весной с незапамятных времен манси пасут этих животных на плоских вершинах Уральского хребта, называемых ими «ур ала».

Вершины хребта — необозримые олени пастбища. Весной там много кормов для животных. Это ценнейший дар природы. Там на открытых местах, защищенных ветрами от гнуса, и происходит главное событие в жизни оленей — рождение потомства.

На подоблачных лугах олененок впервые знакомится с уральским горным привольем, узнает вкус ягеля и запах трав. Там под защитой

человека проходит его детство. Там он превращается в оленя. Туда и тянет его каждой весной.

У манси почти религиозное почитание северного оленя. Он всегда считался священным существом, его прославляли в песнях, приносили в жертву богам и духам, как самое драгоценное, что имеет человек. Люди окружили своего рогатого друга беспредельной любовью и заботой.

Олень неказист с виду. Природа не наделила его ни красотой, ни грацией: приземист, с короткими ногами. На голове огромный куст рогов, который заставляет его держать голову склоненной к земле. Из всех видов оленей только их северный собрат понуро держит свою голову.

Нравом он безобиден, боязлив, в нем нет звериной агрессивности и хитрости. Порой беспредельно доверчив, не подозревает явной опасности. Однако это, казалось бы, беззащитное существо живет в самых суровых условиях Заполярья, где в году почти девять месяцев — зима. Он привык к холодному климату, доволен скудной растительностью тундры и сжился со многими невзгодами Севера.

Олень не случайно называется северным: шерсть надежно оберегает его от самой лютой стужи. Животное может спокойно лежать на снегу при минус шестидесяти градусах. меховой покров служит ему хорошей защитой от холода благодаря особому остевому волосу. Если его разрезать и посмотреть под микроскопом — он полый, в виде трубочки, наполненной воздухом. Кроме того, между жесткими остевыми волосами находится нежный мягкий пух. Густой и плотный волосяной покров трудно раздвинуть рукой.

Любопытно устроено копыто оленя. Оно более, чем у других зверей, приспособлено к хождению по болотам и снегу. Половины копыт широко раздвигаются на топкой почве. А имеющиеся выше по ноге два маленьких копытца еще более усиливают поддержку и опору ноги в зыбучих болотах или на глубоком снегу.

Помимо этого между обеими половинами копыта растут в разных направлениях длинные жесткие волосы, так называемые щетки — они также усиливают поддерживающую способность копыт и позволяют оленю передвигаться по скользкому льду.

Северный олень заслужил уважение людей всюду: в тайге и горах Сибири, в тундре и на Уральском Севере. Он, пожалуй, самый выгодный зверь среди животных, которых человечество когда-либо имело: целиком отдавая себя людям, взамен не требовал ничего. Не требует и поныне. Ему не надо заготавливать пищу — он сам находит себе корм. Ему не надо строить хлев — он круглый год живет под открытым небом.

С незапамятных времен олень одевал, кормил, перевозил северян. Да и сейчас для многих северных народностей олень — это транспорт, пища, одежда, обувь и теплая постель — все, что так необходимо и в наши дни человеку, проводящему жизнь в горах, тайге, — охотнику и оленеводу.

Благодаря этому животному и с его помощью древние племена освоили тайгу и арктические районы. Это он повелевал человеку быть кочевником: человек шел за оленем к местам его кормежки и тем самым невольно обживал тайгу и тундру. Своей жизнью этот копытный зверь не раз спасал людей от голодной смерти. Именно развитие оленеводства помогло заселить Север.

Мы разговорились об оленях с Дмитрием. Он убежденно говорил: «Каждая мансийская семья, живет ли она в лесу или на селе, должна разводить своих оленей, хотя бы десятков пять-шесть. И чтобы промхозное начальство поддерживало это дело, помогало оленеводам. Пасты рогачей надо вместе: частных и промхозных».

— На кооперативных, стало быть, началах?..

— Не без денег же разводить оленей! — оживился Дмитрий. — Дело выигрышное как для промхоза, так и для частника. Видишь ли, если олени пасутся вместе, то во время гона они сами увеличивают свое поголовье: частные быки дают приплод промхозным важенкам, а промхозные быки — частным маткам. Глядишь, у тех и у других прирост молодняка происходит быстрее...

Он стал вспоминать:

— Я помню, еще мальчишкой был, в тридцатые годы, наши родители тогда в горах жили подолгу. Сообща с ненцами и коми охраняли свои стада от волков. На выручку друг другу приходили. Веселые праздники справляли вместе. А теперь опустели горы Северного Урала...

— Я думаю, вам надо возродить былое обилие оленей. Ты-то сам как относишься к этому?..

— А я тебе скажу так: какой я манси без оленей! Глаза мои с детства всегда видели эту скотину возле себя. Не представляю без них жизни. Люблю оленей!..

Он поглядел на своего сына, молча слушающего наш разговор:

— И Савву научу этому. Ему нельзя забывать оленеводство!

Паренек улыбнулся, приник к отцу.

Несомненно, рогатый северный друг необходим человеку и будет верно служить ему. Так живи же долго, олень! Ты очень нужен жителям Севера!..

В июне еще белели снега на склонах Северного Урала. Шумные потоки мчались с гор в долины. По уцелевшим снежникам мы готовились на оленях спуститься к тайге — Дмитрий отвезет нас обратно, к Турвату, и снова вернется к своей бригаде.

Оленеводы оставались в горах.

Мань Уляку и Карпу, Дмитрию и Савве с «оленьей мамой» Евдокией предстоит проделать большой путь по Уралу. До первого снега будут они кочевать вдоль хребта в поисках лучших пастбищ для оленей. Еще много тяжелых дней придется пережить оленеводам на уральских горных дорогах.

Пусть же всегда светит им солнце и удачи сопутствуют во всем!

ОГОНЬ НА СТЕРНЕ

Очерк

По письму чувствовалось, что неведомый корреспондент—человек неистовый, страстный, открытый. Он писал о своем деле без оглядки, с ошеломляющим напором, и оно сразу стало дорогим, необходимо мне. Это был директор охотничьего хозяйства из Ростовской области, станицы Нижнекундрученской, Борис Алексеевич Нечаев.

...После долгого пути сначала в скором поезде, потом на электричке, затем в телеге и под конец на мотоцикле я настроилась на какие-то сверхъестественные красоты. Увидела же на удивление скромную местность с балками и оврагами, распаханными полями и выгонами для скота; чахлые сосны, истрепанные песчаными бурями, и унылые ряды лесозащитных полос. И только ветер приносил откуда-то терпкий запах чабреца да еще робкий весенний дух леса, вселяя надежду на то самое чудо, которое выманило меня из Москвы. Но вот на краю станицы с плетнями, виноградными шпалерами и хлевами, со всей этой расчерченной и перелопаченной землей, в соседстве с одной лишь дорогой, падающей за бугор, а потом вырывающейся к горизонту, замаячила усадьба. Отшельничья, странная, не похожая на другие. Такая могла принадлежать только натуралисту. Как сторожевая башня, высился дом. А вокруг все служило дикой природе: и сухая прошлогодняя трава, и ручей, и песчаная коса, и деревья. Служило, чтобы дать укрытие всему живому, позволить ему поднять смену и продолжиться на земле. Было в стороне, среди зелени, обступившей постройки, и вольерное общежитие зверья, самого разношерстного и разномастного,—домашний зоопарк. Услыхав скрип калитки, население засуетилось: одни приготовились боднуть, другие укусить, заклевать. Лишь орел-могильник, таинственный, одинокий, неподвижно следил за моими шагами к крыльцу.

Громopodobный голос заставил меня вздрогнуть и оглянуться. Передо мной стоял высокий седой человек в широких вельветовых брюках и калошах на босу ногу. Вероятно, он появился откуда-то сзади, бесшумный, как дух, не задев по пути ни одной ветки. Голубыми глазами он глядел на меня и гадал, какая нечистая сила послала ему это недоразумение жизни. Трижды прокричал

павлин. Человек сказал: «Нечаев!», что прозвучало почти как «Чапаев!». Представляю, сколько браконьеров лишились дара речи, когда он точно так же возникал где-нибудь в лесу. Да еще, наверно, палил в воздух. А в том, что Нечаев ни днем, ни ночью не давал покоя нарушителям, трудно было усомниться, особенно после утверждения:

— Я считаю, что специалист должен быть фанатиком, иначе ничего серьезного в своем деле он не добьется.

Признаться, я очень сомневалась, что в охотничьем хозяйстве можно достичь настоящего изобилия дичи да еще охранять природу. Вокруг обжитые местности, земля распахана, агротехника — во всеоружии, там, где когда-то строил гнездо стрепет, пасут скот, в лесу и то отводят участки под огороды. О земле охотничьего хозяйства, принадлежащей колхозу, любой председатель скажет: либо сельское хозяйство, интенсивное земледелие, животноводство, либо природа. А Нечаев утверждает: был бы лес, на любом месте могу развести дичь!

День мы колесили по угодьям, а так как их семьдесят пять тысяч гектаров, то свою правоту Нечаев доказывал неделю. Когда к концу этого срока сама я стала похожа на загнанного зверя, Нечаев торжествующе спросил:

— Ну что, убедились?

Какого еще одобрения ждал человек, который оживил каждый кусочек земли, каждый водоем, на некогда голом месте развел столько фазанов и зайцев, что за неделю они уже примелькались мне! Глаз уже требовал зрелища более редкого вроде очумелой заячьей свадьбы, которая однажды табуном прокатилась мимо нас, или битвы фазанов, треплющих друг другу червонно-золотые перья, или полета стрепета, с посвистом полощущего черно-белые крылья. Взгляд уже искал какого-нибудь диковинного обитателя, который значится в «Красной книге», и скользил мимо разных там оленей, лосей, косуль.

Нет, человеку, привыкшему к чуду, следует время от времени напоминать о выхолащивании земли, смраде, дыме, вымирании зверей, птиц. Тогда упорядочатся впечатления и придет на ум такой вопрос: почему Нечаев особо гордится тем, что у него в хозяйстве можно увидеть сидящих зайцев? Городского жителя, вероятно, удивит подобный ход мыслей. А если вдуматься? Если вспомнить, что говорим: труслив, как заяц? И вдруг — не боится, и вдруг — на виду, а пятками и ушами сверкнет лишь после того, как вспугнут. Значит, в некоторых уголках хозяйства есть такие условия, что даже заяц позволяет себе передохнуть на дороге. Теперь о количестве нечаевских обитателей можете судить сами.

— Бытует мнение, будто для сохранения природы есть, только один путь — искусственное разведение зайцев, фазанов, уток... То есть разведение на фермах, биостанциях, в инкубаторах. Нет, есть еще другой путь! — говорил он легко, весело, заражая феерической напористостью. — Ес-тес-твен-ное разведение дичи! На воле! И одновременно охрана природы! А искусственное оставьте для редких, вымирающих видов. Все, что мы видим сейчас за стеклом машины, сделано без миллионных инкубаторов, ферм, биостанций. За копейки, а не за миллионы. Все это даром, так как наше общество добровольное. Любой настоящий охотник может вступить в него.

Фотографии, развешанные по стенам, подсказывали мне, что знание природы Нечаев добывал в шалашах один на один с темнотой, сыростью, лесом, выжидая часами, когда сова принесет совытам мышь или степной кулик-авдотка нацелится на добычу. Вспомнилось, как Нечаев говорил: «Благодаря фотографии я познал тайны разведения животных. Чтобы снимать, их надо иметь возле себя. А чтобы они были рядом, их нужно охранять от хищников и браконьеров, кормить, поить, создавать покой, то есть заниматься биотехнией. А занятия биотехнией и привели к тому, что вокруг меня всегда много всякой живности. Она бегает, прыгает, летает рядом со мной, потому что ей рядом со мной очень хорошо. Микрозаповедники, зоны покоя—места, где фотографирую, это моя лаборатория, в которой работаю. И себя в этой лаборатории я чувствую точно так, как любой профессор, биолог или химик, чувствует себя в своей лаборатории. Но разница в том, что он к себе никого не пускает, кроме сотрудников, и лаборатория запирается на ключ. Мои же зоны покоя на замок не запираются, и каждый считает, что раз он приехал сюда, то имеет право везде лазить, все пугать, бить, стрелять. А каково мне, который занимается своим делом без малого пятьдесят лет и ради этого дела тридцать из них живет в лесу?!

Когда общаюсь с творческими людьми, каждый раз задаю себе один и тот же вопрос: возможен ли успех в деле без самопожертвования? Потому задаю, что удручают лишения, которым неизбежно подвергает себя истинный творец. Нечаев утверждает, что он фанатик. Но утверждает так, что от его слов становится на душе свободнее, радостнее. Безоглядное желание помочь ему, его делу— вот основное, что ощущаешь при общении с ним. Подобное отношение он вызывает у многих. Но, увы, не у всех.

Однажды он спросил:

- Не обиделись, что не подстрелил вам к обеду фазана?
- Вы же и для себя не делаете исключения.
- Раз не открыт охотничий сезон, зачем нарушать, правда?

Согласившись, я как будто сняла камень с его души. Но вскоре Нечаев снова завел повинную речь о своем негостеприимстве, о том, что-де в магазин не завезли хороших продуктов, словно я не понимала, что для такого человека, как он, лучше умереть с голоду, чем отступить от самого себя. Ведь он относился к той породе людей, к которой принадлежали ученые Ленинграда—те, что во время блокады голодали, но не тронули ни единого зернышка из сберегаемого коллекционного фонда семян.

— Не казнитеесь,— сказала я. — Я тоже, как вы, не ем, а заправляюсь. Фазан ли, молоко ли— один черт. К тому же я усвоила вашу заповедь: любите природу в живом, а не в жареном виде.

— Признайтесь, — не успокаивался он, — что удивлены: дичи полно, а стрелять нельзя. Мне один так и сказал: дескать, выше его понимания, что можно увидеть зайца и не пустить ему кровь.

— Удивлена другим: на вашем дворе ни коровы, ни свиньи, ни козы. За молоком и то идете к соседу. Наверное, вы единственный такой сельский житель.

— Если буду держать корову, обязательно кто-нибудь скажет: «Нечаев кормит ее государственными кормами». Зачем мне это?

- А жена как смотрит на ваши крайности?

— Хочешь быть женой Нечаева, терпи.
— Сказали бы лучше: женщин много, а работа одна.
— И сказал той, что поставила условие: или я, или зайцы.
— Ну а гости, которые наезжают тучами... Как они реагируют?
— Настоящий друг природы меня поймет. А такой... что только и норовит взять у природы побольше мяса... Такого не приму.

— О вашей крутости и так ходят легенды.

— Я не против охоты. Я за разумную охоту. Но если нарушил, отвечай, кто бы ты ни был. А доводы иных, дескать, мы — должностные лица, приезжаем редко, потому бьем, где хотим, что хотим, считаю просто беззаконием. А стань против — снимут с работы. Меня-то, положим, не снимут, руки коротки, а другого? Заклюют, как ястреб воробья, и перышки по ветру пустят.

— Не завидую вам. Чем больше концентрация дичи, чем она крупнее, тем крупнее браконьер, а чем крупнее браконьер, тем больше неприятностей. Знаете, чем иногда кончается принципиальность?

— Знаю. Опыт есть, — ответил он.

И Нечаев рассказал, как, будучи руководителем Манычского республиканского государственного заказника, он с коллективом тоже развел много дичи, создал прообраз нынешнего уникального хозяйства. Где-то пропадало, гибло, распахивалось, косилось, вытаптывалось, выжигалось, а в заказнике приумножалось. Главохота РСФСР ежегодно признавала его работу лучшей в республике. Казалось бы, ценный опыт станут изучать, распространять на другие хозяйства и, конечно, гордиться чудом. Однако по-государственному рассуждали только Нечаев и те двадцать ученых, выступивших в защиту, когда Главохота РСФСР решила преобразовать Манычский заказник в Ростовское лесо-охотничье хозяйство. Потребительское, ведомственное отношение к природе победило, труды Нечаева пошли прахом. Его же за бунтарский характер отлучили от леса, засадили в городском кабинете, вменили писать бумажки. Он вынужден был уволиться и в сорок пять лет начать все сначала. Однако горький опыт не сделал его осторожным.

И снова подобран прекрасный коллектив (их называют нечаевцами, и этим все сказано). Снова начат труд, вдохновенный, неутомимый, словно в марте 1922 года Нечаев появился на свет под знаком Феникса — птицы, возрождающейся из пепла. Благо новый начальник Нечаева — председатель Росохотрыболовсоюза — оказался прозорливым руководителем, ценил и ценит достигнутое в Нижнекундрюченской.

— Может быть, к лучшему, — сказала я, — что все так сложилось и Маныч вы повторили на новом месте. Теперь никто не скажет, что успех в Нижнекундрюченской случаен и что по природным и климатическим условиям у нас в стране невозможно достичь столь же высокой плотности дичи, как в европейских социалистических странах.

Тогда-то Нечаев и бросил свою удивительную фразу: «Был бы лес, на любом месте можно развести много дичи».

Поговорка «Из-за деревьев леса не видно» показалась мне как нельзя точной, когда мы с Нечаевым снова двинулись в путь. Вокруг лежала как будто самая обыкновенная земля. И все-таки здесь она стала таинством, именуемым на языке биологов сообществом расте-

ний и животных. Было бы наивно утверждать, будто Нечаев сотворил это таинство, не входя в противоречия с лесхозом, колхозом, Главохотой РСФСР.

—Обернись ты самим господом богом, но без ягодных кустарников фазана не разведешь. Этой птице нужны продуваемые посадки: лох, облепиха, терн, боярышник, шелковица. Чтоб птица всех видела, а ее никто. Чтоб поблизости были поляна и водоем. Ей корм, вода и галька нужны на месте. На далекие расстояния она не летает. И чтоб выпаса скота не было рядом. Кажется, создали первый в стране естественный фазанарий, кажется, занимаем первое место по массовому воспроизводству и отлову дичи для расселения! Лесхоз же норовит не то что поставить нам палки в колеса, а оглоблю старается вбить. Кто занимает первое место по браконьерству на нашей территории? Работники лесхоза. Кто не выполняет распоряжение Министерства лесного хозяйства РСФСР, не сажает в местах дичеразведения нужные кустарники, а, наоборот, корчует их и вырубает? Директор лесхоза! Кто губит дуплистые деревья, где гнездятся сизоворонки, удоды, живут белки, куницы, сони, летучие мыши? Работники лесхоза. Кто наперекор решению райисполкома выделяет земли под индивидуальные огороды в зонах покоя дичи? Лесничие! В центре заказника ездят автомобили, гремит музыка, лают собаки—все с согласия лесничего. Ответ же такой: «Земля лесхозная, что хочу, то на ней и делаю!» А что вырвано для охотхозяйства—все ценой наших громадных усилий.

Мне довелось увидеть, как отстаивает Нечаев интересы природы.

Судя по деревьям, которые столбами чернели на межах, огонь рвался к небу, неистовствовал, гудел. Как порох, загорался иссушенный прошлогодний тростник, мгновенно испепелялся, перекидывающая жар по ветру, пока все заросли не обратились в яростный гигантский костер. Все обитавшее здесь—прекрасное, трепетное, полное жизни—было подвергнуто страшной казни. И когда? Весной!

Живыми факелами бежали ондатры, летели цапли, фазаны, утки, камышовки, лысухи. По воле человека место массового поселения дичи—микрзаповедник—превратился в зловещее пепелище. Конечно, бригадир колхоза не мыслил экологическими категориями, когда подходил к этому, на его взгляд, бесполезному месту с факелом в руках. Он вообще ни о чем не мыслил, кроме того, что должен выполнить распоряжение председателя колхоза. А председатель указал—привести в порядок колхозные земли, выведенные из севооборота. Огнем ли, плугом ли, он не уточнил. И бригадир, кстати бывший главный агроном колхоза, решил, что огнем интереснее и быстрее. Когда же разъяренный Нечаев приехал к нему с протоколом, бригадир крайне удивился. В колхозе «Россия», где он работает, привыкли жечь: стерню, чтобы уничтожить вредителей, солому, чтобы не возиться с ней. А что огонь препятствует бактериологическому развитию почвы, что состояние ее микрофлоры отразится на урожае, что солома—корм для скота и зимой приходится ее закупать у более рачительных хозяев, что, наконец, в колхозе и трех близлежащих лесничествах нет ни одной пожарной Машины, никто не помнит. И никто не расценивает эти поджоги как преступление.

Разговор на месте пожарища, куда мы с Нечаевым попросили

выехать председателя колхоза, кажется мне достойным внимания читателей.

— Я бы оправдал поджигателя,— сказал Нечаев,— если бы он что-нибудь здесь посадил. Была вода, и осталась вода. Ни один трактор тут не пройдет—завязнет. Слышите, лягушки квакают, а на пшеничных полях лягушек не бывает.

— От меня как председателя требуют использования земли. Пригодна она для пашни, не пригодна—никто не разбирает. Был здесь главный землеустроитель Управления сельского хозяйства. Смотрел. Только-только разлился Донец, росли такие камыши, что нельзя было зайти. Все равно: «Числить в пашне». — «Но тут никто никогда не пахал!» — «Осушите».

— Пожалуйста! Наводи порядок! Но не шкой! Не с огнем в руках. Опахивай, коси, борись с сорняками. Главное, камыш поднимется снова, опять вымахает на три метра, а сотни ондатр как не бывало. Рядом поле. Отличная земля. Забита сорняками. Дальше три поля, снова дурнишник—карантинный сорняк. Наводи там порядок! Чего ты полез сюда, на несчастные пятнадцать гектаров?

На обратном пути, вспоминая разговор, я все сильнее склонялась к мысли, что для некоторых людей образование стало чем-то вроде подзорной трубы, которая ограничивает поле зрения, сосредоточивая его на одном. Чем в сущности бригадир колхоза отличается от чеховского злоумышленника? Тем, что получил образование в сельскохозяйственном институте. Все же, что осталось вне поля зрения, связано с его воображением так же слабо, как у чеховского героя отвинченные гайки с крушением поездов. Обиднее всего, что истязание земли проходит под флагом окультуривания. И работники Управления сельского хозяйства, и ростовского проектного института «Южгипрозем», и колхоза «Россия», наверное, не посягнули бы на озеро, если бы слепо не выполняли чьи-то бездумные приказы и если бы в свое время им внушили, что всякое землепользование еще и участки естественного ландшафта, уголки биологической защиты животных, микрорезерваты.

У кого искать управу на бесчинства, если не у руководителей района? И вот «повезло» же мне! Один из руководителей слушал меня, слушал, а потом сказал:

— Это для вас Нижнекундрюченское хозяйство что-то особенное, а для нас оно рядовое, заурядное, каких тысячи.

В таком случае выходит, выдающийся авторитет в области биологии профессор А. Формозов, который сказал о хозяйстве: «Уникальный успех нашего охотоведения», или заслуженный деятель науки УССР, профессор М. Воинственский, заявивший: «Опыт Нечаева следует всемерно пропагандировать, чтобы таких хозяйств становилось больше», или известный орнитолог Л. Семаго, утверждающий: «Нечаев создал то, что можно назвать эталоном культурного охотничьего хозяйства», говорили все это ради красного словца?!

— И, как все остальные,— продолжал руководитель,— Нижнекундрюченское хозяйство должно обеспечивать запланированные мероприятия. Многого мы не требуем. И сейчас тоже. Приказал Нечаеву убить пять зайцев и разбросать их под кустами.

— Зачем?—спросила я.

— Для гостя. Чтоб уехал с трофеями.

— Но охотничий сезон закрыт.

— Нашего гостя это не касается.

— Но ведь это грубое нарушение,— ответила я.— Мало ли несчастных случаев на охоте? К тому же и человека околпачиваете— подбрасываете подставных зайцев.

— А гость думает, что он их сам убил.

Вот и тверди о сохранении природы, о традициях русской охоты, о всяких высоких материях! Этот руководитель уверен: истинное гостеприимство немыслимо без расшаркивания и противозаконных действий. А всякий, кто противостоит этому, для него чуть ли не подрывной элемент. Но почему гостеприимство должно осуществляться за счет разнесчастной природы и труда Нечаева? Руководитель подозрительно посмотрел на меня и сказал:

— Разрешите ваше удостоверение.

Так мы и расстались: руководитель, не понятый в своем чувстве гостеприимства, и я, считающая это чувство угодничеством. Расстались, и я подумала: «Какие уж тут традиции русской охоты! В самый раз вспомнить о традициях русской сатиры».

— Так вот сталкиваюсь ежедневно,— невесело сказал Нечаев, когда я поведала ему о встрече в районе,— и вижу, что охрана природы таким экземплярам не нужна. Если бы не поддержка райкома, обкома, управы совсем бы не было. Кричим о природе много, но когда доходит до конкретных действий... Есть, конечно, настоящие любители природы и среди охотников. Но таких немного. Их считают слегка чокнутыми или блаженными. А нормальных считают, когда что увидел в лесу, в поле, то скорей стреляй, руби—тяни домой. Если заочник-охотовед, который работает охотинспектором, заявляет, дескать, нас в институте не учат охранять природу, а учат ее эксплуатировать: обдирать, сушить, вялить, выделывать, продавать, то чего ждать от других? Вот смотрите. Наглядный пример.

Там, куда показывал Нечаев, земля была взрыта, трава залита дизельным топливом, соляжкой, кругом валялись ржавые запасные части, толь, клеенка, из озера торчали железные прутья, а кусты и деревья были поломаны. Для полноты картины не мешало бы установить табличку с надписью: «Здесь была Северодонецкая геологоразведочная экспедиция из города Каменска-Шахтинского, которая искалечила природу на много лет вперед». В охотничьем хозяйстве около тридцати таких мест.

Нет, человек, шедший рядом со мной, не сетовал на судьбу. Удачи и неудачи заботили его, поскольку отражались на движении к цели. А к слепоте людей он уже привык, ведь, несмотря ни на что, Нечаев на практике доказал, что в современных неблагоприятных условиях достижима высокая численность дичи, развел ее вольным способом, создал уникальное охотничье хозяйство, не имеющее себе равных в России. Доказал ценой железных усилий, невероятного напряжения сил, с упорством и бескорыстием подвижника-новатора, бьющего в одну цель.

СТРАНА ЗОДЧИХ

Очерк

Для многих из нас деревня нашего детства имеет вполне конкретный, зримый образ, он всегда неповторим и своеобразен. Большинство областей Нечерноземья—это край озер и речек, сосновых и смешанных лесов. Издревле люди выбирали для поселения места ближе к воде и лесу, удобные для рыбной ловли, охоты и земледелия. Деревни так органично вписывались в окружающую природу, словно стараясь раствориться в ней, что кажутся теперь естественным ее порождением.

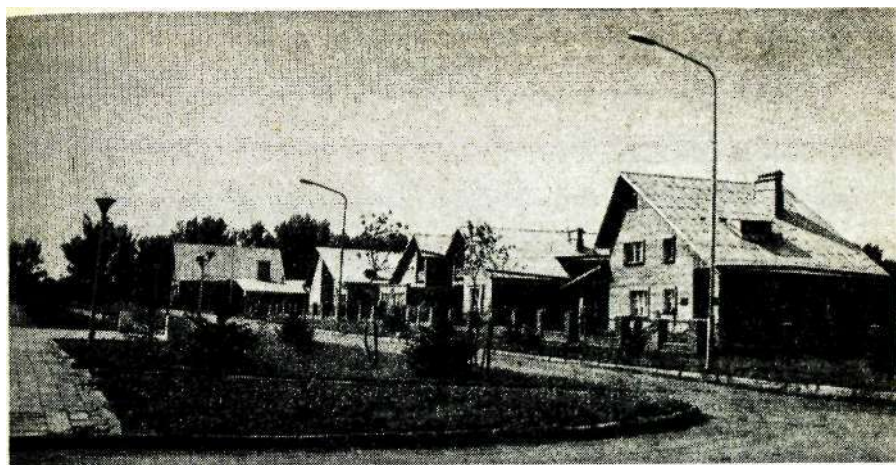
В одной деревне избы взбираются по крутому косоугору, перекачываются через него и уходят вниз, рассыпавшись вдоль ручья. В другой, утопая в пахучей черемухе и сирени, стоят цепочкой над обрывом реки или вдоль дороги. В третьей—глядят глазами-окнами в блестящую гладь пруда. Словом, на огромной, почти в три миллиона квадратных километров, территории Нечерноземья не счесть деревень и сел, и все они такие разные, у каждой свой образ.

Останется ли такой образ у наших детей и внуков? Должен остаться, но для этого нам необходимо его реально создавать, учитывая и осмысливая опыт прошлого, избегать унылости и однообразия, не насаждать новые поселки, одинаковые как на Севере, так и на Юге.

Нечерноземье сегодня—это большая стройка. Возникают новые поселки, переустраиваются старые подворья и деревни. Только в селах Подмосковья ежегодно справляется 12 тысяч новоселий. Бывает, что новоселье празднует сразу целый поселок, как было, например, недавно в совхозах «Борец» и «Повадинский».

В деревне сегодня строят жилые дома и школы, детские сады и библиотеки, клубы и поликлиники, магазины и стадионы. В современной деревне разбивают скверы и газоны, устраивают пруды, прокладывают асфальтированные улицы и дороги. Делается все, чтобы приблизить условия жизни на селе к городским, способствовать закреплению кадров, повышению благосостояния работников сельского хозяйства, росту их производственной активности.

Преобразование села признано одной из важнейших задач в

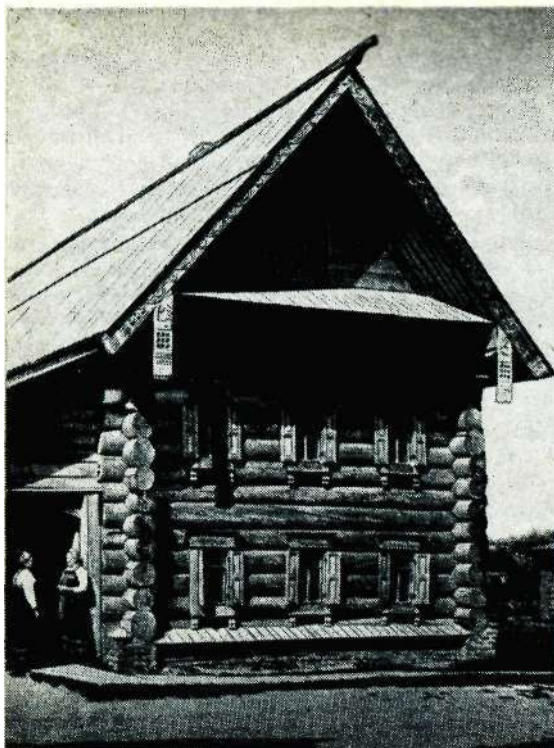
Сельские новостройки. Поселок Рассвет (Красноярский край)

решении Продовольственной программы СССР, дальнейшем развитии Нечерноземья.

В России всегда любили и умели строить, но такого размаха строительства, как сейчас, история еще не знала, и это одна из особенностей времени. Но при этом возможны утраты удобных и красивых старинных зданий, имеющих историческую, культурную и практическую ценность. Общеизвестно, что Нечерноземье— исторический и культурный центр страны, где сохранилось много замечательных памятников архитектуры. При переустройстве сел очень важно сохранить нетронутой красоту природы, не растерять местный колорит округа и сберечь то ценное, что веками накапливалось в народном зодчестве.

С каждым годом все меньше остается старинных изб, исчезают некоторые хозяйственные и промышленные постройки. Кому теперь нужны в хозяйстве смолокурня или ветряная мельница? Утратив свое практическое применение, они заброшены и медленно разваливаются. Но ведь среди них есть интереснейшие творения наших предков, подлинные произведения народной архитектуры. Сохранить их и для себя, и для будущих поколений— наш гражданский долг.

Почти каждый крестьянин на Руси жил в ладу с топором, некоторые же достигали больших высот творчества, и строительное ремесло становилось искусством. В душе плотника уживались строитель и художник. Поэтому и поныне старые постройки радуют нас красотой, удивительно точно найденными пропорциями, уместными декоративными деталями, целесообразностью и рациональностью: ничего лишнего, все к месту. Польза и красота здесь неразрывны. Не случайно известный русский художник и ученый Игорь Грабарь назвал Россию страной зодчих.

Былинная красота плотницкого мастерства. Крестьянская изба XIX века стала экспонатом Музея народной архитектуры в Суздале

Без единого гвоздя

Корни народного зодчества следует искать в тех далеких временах, когда основным строительным материалом было дерево, а самым распространенным населенным пунктом—деревня, названная так потому, что все строения в ней были деревянными. Огромные лесные богатства, простота в обработке обеспечили дереву особую популярность. Из дерева рубили избы и крепости, наводили мосты, ладили сани, баркасы и всевозможные орудия труда, гнули дуги и колеса, резали миски и ложки, вытачивали детские игрушки.

Сколько труда и изобретательности понадобилось нашим предкам, прежде чем появились красивейшие деревянные дворцы и храмы, отнесенные теперь к шедеврам мирового зодчества! А начиналось все с малого, с самого необходимого—с жилья. Оно должно было защитить от холода, гнуса, дикого зверя. Поначалу устраивали примитивные землянки, полуземлянки и шалаши, пока кому-то не пришла в голову блестящая идея—сложить четыре бревна в венец, связав их по углам врубками.

Венец укладывается на венец—вырастает сруб, или клеть. Сруб, как известно, составляет конструктивную основу русского деревянного здания. Бревенчатые срубы различных размеров и форм позволяли создавать множество вариантов архитектурных композиций.

Мы не знаем имени изобретателя сруба, знаем лишь, что срубы появились в глубокой древности. Благодаря работе археологов в Новгороде мы сегодня имеем четкое представление об этом навеки утраченном облике древнего города. Было раскопано свыше 2000 срубов, из которых составлялись целые усадьбы. Каждая насчитывала до двенадцати отдельно стоящих построек и занимала по площади от 1200 до 2000 квадратных метров. Усадьба включала господские хоромы, избы челяди, ремесленные мастерские, помещения для скота, кухню-поварню и баню.

Археологи многое выяснили: планы жилища и других строений, отдельные конструктивные и декоративные детали. Теперь уже можно сказать, что некоторые строительные формы исчезли бесследно, но очень многие дошли до наших дней. С X века сохранилась связь бревен врубкой «в обло», то есть с выпуском концов за пределы плоскости стены. Уже тогда существовали такие же, как и в поздних крестьянских избах Русского Севера, конструкции кровли без единого гвоздя. Да и сами понятия «изба», «сени», «клеть» были известны и в те далекие времена.

Но не только раскопки говорят нам о вечной повторяемости форм русского жилища. Читая летописи, записки путешественников, рассматривая старинные рисунки, можно заметить, что крестьянская изба по сути своей почти не изменилась. Русская изба стала для нас привычной, традиционной формой сельского жилища, и мы не задумываемся над тем, что повторяемость ее форм подсказана устойчивейшей в веках житейской мудростью. При строительстве любого здания зодчий ориентировался на лучшие известные ему образцы. Человек творческого склада, конечно, привносил в строительство что-то свое, и, если это новое удавалось, на него равнялись другие мастера. Традиции и строительные приемы сохранялись, приспособляясь к переменчивому быту, развивались, так как были жизненно необходимы. Таким образом русские плотники выработали наиболее экономичную и удобную в условиях нашей природы конструкцию жилого дома—избу, прохладную в летний зной, теплую в зимнюю стужу.

Новгородские плотники, или, как еще их называли в летописях, рубленники, топорники, славились своим мастерством уже в XI столетии. Они так умели сплачивать (отсюда и плотник) или связывать бревна в срубы, что даже лезвие ножа не проходило между ними. В каждом венце надо было сделать пазы, врубки, потайные зубья, притесать одно бревно к другому. И все это делалось в основном топором, долотом, скобелем и другим нехитрым инструментом. Плотник топором мог сделать практически все. Недаром в старину говорили: «Топор—всему голова».

Пилой плотник пользовался редко, так как она взрывает древесные волокна, а они активно впитывают влагу. Перерубленная же, уплотненная топором древесина оказывалась более устойчивой к гниению. Изба обычно служит двум-трем поколениям, а при хорошем лесе, надежной защите от талых и грунтовых вод, при своевременном ремонте может простоять и полтора века.

Как и любое ремесло, строительное дело требовало больших знаний, опыта и таланта. Обычно строительством занимались артели или дружины плотников, которые, как правило, выполняли крупные, ответственные заказы. Жилье для себя крестьянин строил чаще

Изва из деревня Рышево Новгородской области. Музей «Витославицы»
Как и встарь, дом украшает резное полотенце

всего сам. Сначала с помощью односельчан заготавливал бревна для стройки, а потом самостоятельно в течение одного сезона собирал сруб будущей избы. Когда сруб достигал необходимой высоты, мастер приступал к возведению крыши. Лучшей считалась тесовая. Такое покрытие избы говорило о зажиточности хозяина.

По опыту плотник знал, что лучше срубить дерево поздней осенью или зимой — тогда древесина наиболее сухая. Желательно бы еще года два ее выдержать: чем суше древесина, тем больше простоит изба без ремонта. Из многих пород деревьев он выбирал наиболее влагостойкие: дуб, лиственницу, сосну. Заметил также мастер, что осина обладает замечательным свойством отталкивать воду. Так и пошло из века в век: тес и фигурные дощечки—лемех — для покрытий делали из осины. Осина, обветренная и омытая дождями, приобретает вид благородного серебра. К тому же она способна отражать цвет неба. Осиновая кровля то золотистая, как закат, то серебристая, как облака. Это качество очень ценил плотник и терпеливо вытесывал по нескольку сот, а иногда и тысяч чешуек для замечательной кровли, похожей на кольчугу.

Строитель всегда заботился, чтобы жилище было не только прочным, теплым, удобным, но обязательно и красивым. И он с особой тщательностью обряжал избу. Над крышей у него гордо возносился конек — выступающий конец охлупня. Каждый хозяин

Здесь соединен уровень городской цивилизации с преимуществами сельской жизни.
Деревня Новые Подосиики Московской области

придавал ему разнообразные фигурные очертания. Особенно любили изображать стилизованную голову коня. Для славян-язычников конь был символом добра, богатства, счастья. К тому же конь был постоянным спутником крестьянина, от которого действительно зависело благополучие всей семьи.

Под коньком плотник прикреплял резную доску—полотенце, а по обе стороны от него, повторяя контуры скатов тесовой крыши, красовались резные причелины. Они закрывали и предохраняли торцы слег от намокания и гниения. В народной архитектуре прошлого каждая деталь была оправдана и играла не только декоративную роль, но и конструктивно-техническую. Так, и налич-

ники крестьянин прилаживал не только ради украшения, но и для защиты оконных проемов от сырости.

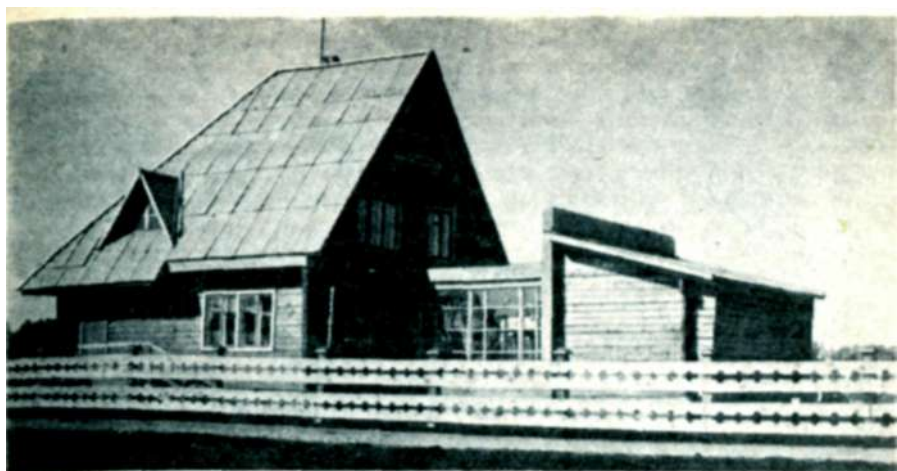
Во многих северных избах сохранились декоративные галереи — гульбища, опоясывающие дом на уровне окон. Они выглядят ажурной прошвой на глади бревенчатой стены. Когда-то такие гульбища были необходимы для закрывания ставен, а со временем, когда в моду вошли занавески, ставни больше не требовались. У некоторых на домах они превратились в декоративный элемент, а на иных их просто перестали делать. А раз отсутствуют ставни, не к чему устраивать обходные галереи. Но они так полюбились народу, что отказаться от них уже не смогли. Гульбища стали чисто декоративными пристройками.

Избы и в целом крестьянские дворы при всей их схожести имеют отличия, характерные для той или иной местности необъятной территории Нечерноземной зоны. Крестьянские дома на Русском Севере велики по размерам, их хочется назвать хоромами, а не избами. Они высокие, солидные, прочные, простые и удобные для жизни. Все в них предусмотрено, все продумано, ничего не упущено. Они поднимаются высоко над землей на подклете—хозяйственном этаже. Так теплее, не занесет снегом, и кладовая прямо под полом. Крыши устраивались с большим выносом не только ради эстетических соображений, но и для защиты стен от дождя. Хозяйственный двор объединен с жильем одной крышей. Во дворе — конюшня, хлев, курятник, а над ними на повети—запас сена на зиму и хозяйственный инвентарь. На поветь можно въехать с телегой по пологому взвозу. В суровую северную зиму при таком устройстве двора почти все хозяйственные работы и уход за скотом можно вести, не выходя на улицу.

В центральных районах России, где лесов становилось все меньше, древесина стала дороже. К тому же в этих местах раньше, чем на Севере, стали жить небольшими семьями, состоящими в основном из мужа, жены и детей. Соответственно и дворы в центре России ставили меньших размеров. Изменились планировка двора и отдельные конструкции. Утратив в монументальности, среднерусские избы превзошли северные в пышности декора. Мастера научились виртуозно покрывать изящной резьбой фронтоны, карнизы, наличники, ставни, ворота, калитки. Среди сложных переплетений ветвей, цветов, гирлянд они помещали изображения фантастических зверей, птиц, русалок-фараонок, пришедших в архитектуру из народных сказок. В украшении жилища проявлялись неистощимая фантазия и истинный вкус народа. Почти каждая изба неповторима по своему убору и почти каждая — произведение искусства.

Под открытым небом

Не так просто найти сейчас старинную избу в первозданном виде, и почти невозможно встретить интерьер избы ну хотя бы прошлого века. О том, какова была обстановка русских изб, можно получить представление, посетив один из музеев народного зодчества под открытым небом. Их в Нечерноземье более десятка. Это и прославленные Кижы, и Малые Корелы, и Витославицы, и многие другие. В них экспонируются перевезенные из разных мест избы, амбары,

Мансардный одноквартирный 3-комнатный дом из деревянного бруса предлагают московские архитекторы

бани, мельницы, часовни, храмы и другие строения народного зодчества, которые в естественных условиях в силу тех или иных причин могли погибнуть. Но музеи не только выявляют и сохраняют памятники народной архитектуры, они вводят нас в мир предков. Избы населяют вещами, характерными для жизни народа определенной области. В них воссоздается картина быта крестьян прошлых веков.

Собранные в музеях строения стараются расположить в живописных местах, вблизи леса, реки, пруда, в окружении полей и огородов. Словом, так, как если бы они родились тут. Памятники архитектуры показывают не сами по себе, а в комплексе, где учитываются общая планировка, взаимное соотношение памятников, набор построек крестьянской усадьбы. Помимо строений на подворьях собран хозяйственный инвентарь, сложены поленицы дров, вырыты колодцы, на огородах выращивают овощи, перед избами буйно цветут «золотые шары» и мальвы.

Идешь по такой деревне, можешь зайти в любой дом—двери гостеприимно открыты. Ветер раздувает занавески, на подоконниках цветы в горшках, на полу лоскутные половички, на полках посуда, помело и ухват у печи, на стене висит полшубок. Впечатление, что хозяева где-то рядом, они лишь вышли на минутку. В таком музее чувствуешь себя не экскурсантом, а скорее гостем. Твой отец, дед, прадед могли жить точно в такой избе, носить тугие мешки с зерном на такую же ветряную мельницу, загонять скотину в такой же загон.

Обстановка избы нехитрая, все здесь просто и целесообразно. Вся мебель, кроме стола, встроена в стены. Над низкой дверью от печи до стены настланы широкие полаты, на которых обычно спали. Для этой же цели использовались, лавки, что стоят вдоль стен. Над ними на уровне поднятой руки устроены полки для посуды и всевозможных вещей. У окна, поближе к свету, стоит прялка, а рядом к потолку подвешена детская колыбель-зыбка. Прядет жен-

шина пряжу и время от времени покачивает зыбку, дитя и не плачет. Место хозяина в избе было постоянным, как правило, в углу при входе. Здесь, на широкой лавке, он занимался ремеслами, чинил упряжь, здесь он отдыхал после трудового дня. Место хозяйки—за печью, в так называемом бабьем куту, отделенном от жилой части избы дощатой переборкой, за которой она занималась стряпней.

При небольших размерах изба всегда кажется просторной. В этом проявляется умение разместить все необходимое, не загромождая помещения и так, чтобы в избе ничего не задеть, не опрокинуть, любую вещь найти с закрытыми глазами.

Матушка-печь

Русская печь занимает едва ли не треть избы. Самые древние печи были глинобитными, без дымохода, то есть топились по-черному. Когда же печь затапливали, изба наполнялась едким дымом. Он поднимался под потолок и висел всегда на одном уровне, чуть выше человеческого роста. Постепенно дым вытягивался через волоковое окошко в верхней части стены или в специальное отверстие в потолке над печью. Истопив таким образом печь, избу проветривали, обметали сажу с полатей и полок и целые сутки жили припеваючи—никакой мороз не страшен. Все тепло при топке по-черному оставалось в избе, а не вылетало в трубу. Дров для отопления требовалось немного. В прокопченных избах не водились ни клопы, ни тараканы. Древесина сруба почти не гнивала, и потому «черные», или курные, избы оказались долговечнее изб с топкой по-белому.

В старину говаривали: «Дымные горести не терпев, тепла не видати». А горести, безусловно, были. Дым часто вызывал раздражение и заболевания глаз, хозяйке приходилось много трудиться, чтобы в избе было чисто. Раз в неделю она с песочком до медового цвета отчищала стены от копоти до линии дыма, то есть до полок-воронцов. Выше их стены и потолок были бархатисто-черными, как вороново крыло, поскольку их никогда не мыли.

Постепенно печи с дымоходом вытеснили своих черных предшественниц. Сбить из глины или сложить из кирпича хорошую печь умел не каждый печник. Очень важно не перемудрить с дымоходом, да чтобы раствор был хороший, да чтобы свод не завалить. Чуть что не так, не печь получится, а горе: дымно в доме, а тепло на дворе.

Чем только не была русская печь для крестьянина! Она спасала от холодов, кормила и поила: хочешь молоко томи, хочешь щи твори, хочешь хлеб выпекай. В ней запаривали солому для скота и раскаляли камни, чтобы согреть пойло. И еще, русская печь—отменный лекарь: долгим несильным жаром всякую хворь выбивала. В некоторых областях она заменяла баню с парилкой. После того как она немного поостынет, из нее выгребали золу, застилали соломой, ставили внутрь ковш с водой и венником. Вот и все приготовления. А дальше по пословице: «Кожух с плеч—да и полез в печь»—парься на здоровье! Старики и дети любили спать на теплой лежанке. А сколько сказок там было сказано долгими зимними вечерами! И сказочный Емеля во все свои путешествия отправлялся не иначе как на печке.

Дом из керамзитобетонных изделий в поселке Софьино Московской области

За все за это любили и любят в народе матушку-печь. Она во многих деревнях и по сей день верно служит людям.

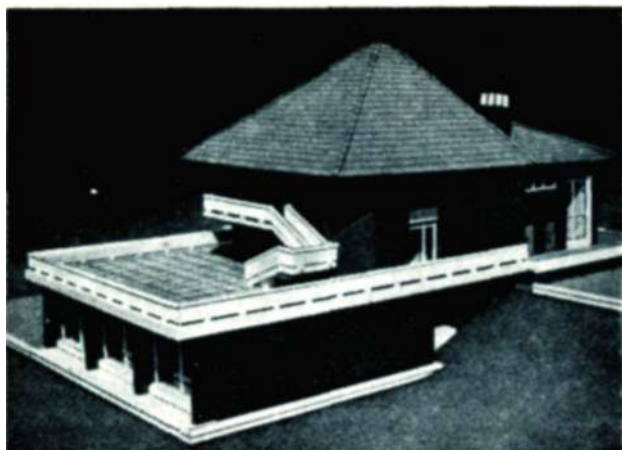
Нечерноземье строится

Изменение социально-бытовых жизненных условий, возросший культурный уровень сельского населения, новая строительная техника, современные строительные материалы — все это сегодня отразилось на архитектуре сельских зданий и поселков. Мастера строительных дел завещали нам возводить здания по законам красоты. И прежде чем строить новое, надо хорошо изучить старое и новым своим строением не заслонить света и хорошего вида соседям, выбрать место для здания так, чтобы оно не мешало природе. Здесь нужен не механический перенос элементов старинной архитектуры на новые здания, а более глубокое понимание народных традиций.

Нынче сельский дом на потоке. Уже дают продукцию десятки сельских строительных комбинатов. Множество научно-исследовательских и проектных институтов готовят для них сотни типовых проектов стандартных домов. С конвейеров Костромского, Калининского, Камского и других комбинатов сходят дома повышенной заводской готовности из керамзитобетонных панелей. На других предприятиях и объединениях, в леспромхозах и лесхозах выпускают для села дома из арболитовых, клееных деревянных конструкций и бетонодеревянных блоков, готовят срубы из бревен и бруса. На строительных площадках дома собирают, как машины, и в короткий срок сдают новоселам.

Еще совсем недавно многие сельские поселки застраивались преимущественно многоквартирными домами городского типа. Подобная урбанизация, как показала жизнь, малопригодна для работников сельского хозяйства. И теперь в основном решено строить для них дома усадебного типа на одну-две семьи с надворными постройками для содержания домашнего скота и птицы, с гаражами для личных автомашин. Но для определенной категории жителей сохранится и застройка многоэтажными зданиями.

В последние годы в разных областях Нечерноземья появились

экспериментально-показательные поселки, которые стали своеобразным полигоном современного строительства. В них проверяются архитектурно-планировочные решения, испытываются новые материалы, опытным путем выявляются оптимальные варианты строительства жилых домов и общественных зданий, надворных построек для ведения личного подсобного хозяйства.

Проводятся смотры-конкурсы на лучшую застройку и благоустройство сельских населенных мест. Лучшие образцы рекомендуются для широкого строительства на селе. При застройке таких поселков, как центральные усадьбы совхоза «Борец» Московской области, совхозов «Ильиногорский» и «Запрудновский» Горьковской области, колхоза «Серп и молот» Татарской АССР, были учтены природные условия. Они отвечают эстетическим требованиям, удобны для жизни, отличаются хорошим инженерным оборудованием и благоустройством.

Когда проезжаешь по Минскому шоссе, нельзя не обратить внимание на симпатичную, яркую деревеньку Сельская Новь, что на 36-м километре от Москвы. Она стоит поодаль от дороги, изогнувшись подковой и повторяя контуры опушки леса. Дома здесь все деревянные, на любой вкус: желтые, синие, бледно-зеленые, почта-белые, под яркими красными крышами, с мансардой и без нее, с открытой верандой или крылечком, с резными украшениями, со ставнями или без них—кому что нравится. Новоселы, едва въехав в новые дома, позаботились о садах. И хотя прошло совсем немного времени, Сельская Новь уже сегодня в цветах и зелени молодых деревьев и кустарников.

Не менее привлекателен и поселок Софьино сельского жилищно-строительного кооператива «Дружба» также в Подмосковье. Один дом краше другого, в застройке использовано более десяти различных проектов. Здесь наряду с кирпичными возводятся дома из конструкций Буньковского экспериментального завода по проектам института Мосгипрониисельстрой. Лес вплотную подступает к поселку, и нарядные дома выглядят еще эффектнее на его фоне.

Здесь, как и в других экспериментально-показательных поселках улицы с газонами и тротуарами освещены светильниками. Тут

наглядно видно, как практически сближена деревня с городом по уровню комфорта: все городские удобства, паркет, керамическая плитка, деревянные панели, квартиры в двух уровнях. В поселке есть магазин, семейный клуб, сауна. Возводится школа на 330 мест, строятся бассейн, спортивный зал, Дом культуры. В ближайшее время углубят и расчистят пруд и благоустроят зону отдыха. Каждой семье отведено шесть-семь соток приусадебного участка. Здесь можно держать скотину и птицу, для чего и построены сараи.

Но вот тут-то и начинаются «но». Можно держать, но трудно. Дело в том, что хозяйственные постройки отнесены от селитебной зоны на 500—700 метров. Размеры их малы, качество работ невысокое. Вода и газ к сараям не подведены. Хозяйкам приходится ведрами готовить корм для поросенка либо иной какой животины в уютной кухне коттеджа, а потом, с тяжелой ношей в дождь ли, в снег ли отправляться через весь поселок к повизгивающему от нетерпения животному.

Согласитесь, после напряженного трудового дня в совхозе не у многих появится охота к разведению скота и птицы в таких вот условиях. Вынос надворных построек на окраину поселка явно не стимулирует ведение личного подсобного хозяйства. Проектировщики забыли, что испокон веков крестьянский двор строился так, чтобы скотина была под рукой. Все части усадьбы размещались в определенной функциональной последовательности, и это было удобно для крестьянина, сэкономило его силы и время, да и животные получали должный уход.

И еще проектировщики допустили просчет — не предусмотрели устройства жижесборников навоза от скота. Теперь навоз скапливается у сараев, загрязняет улицы, создает антисанитарные условия. Результат вышел прямо противоположный задуманному проектировщиками. Наши деды и прадеды не боялись соседства скотного двора с избой, и навоз использовался ими по-хозяйски, шел на удобрение земли.

Архитекторы увлеклись принципом свободного, непринужденного размещения жилых домов, да так, что забыли оставить проезды к некоторым домам. И удобрение так и остается у сараев, не может попасть на участок: не в сумках же его носить!

Так равнодушие к быту сельских жителей, их нуждам, забвение строительного опыта предков порой наносят большой ущерб самой замечательной идее — приблизить условия жизни сельского населения к городским. А они прежде всего в том, чтобы дом максимально отвечал потребностям сельской семьи, учитывал специфику быта.

Однако новых поселков не так много. Основная часть населения живет в старинных деревеньках, в том числе и в так называемых перспективных малодворках.

Несколько лет назад происходило интенсивное укрупнение сел. В Нечерноземной зоне РСФСР за годы десятой пятилетки количество населенных пунктов сократилось со 180 до 128 тысяч. В среднем на одно хозяйство теперь приходится около 14 сел и деревень и до 125 Жителей на один населенный пункт. Сселение «малодворок» ближе к Центральным усадьбам создает благоприятные условия для труда и отдыха тружеников села. И тем не менее люди не всегда соглашаются покинуть насиженные места.

Много деревень исчезло с лица Земли. Избы разобрали, жителей

Мотивы узорочья на современном здании. Дом в совхозе «Борец» Московской области

перевезли в перспективные деревни, а на этом месте в лучшем случае распахали поля, или так и стоят две-три полуразвалившиеся избы как память о прошлом. Унылый запах запустения стоит в заброшенном жилище, лишенном смысла своего существования. А ведь в любой из этих изб трудилось столько поколений крестьян-земледельцев, кормильцев страны! Здесь корни крестьянина, здесь все будит воспоминания. Потому-то нелегко расстается он со своим домом, родными местами.

Понимая, что огульное сселение может нанести огромный моральный урон, сегодня руководители многих хозяйств отказываются от переселения жителей на новые места. Напротив, начинают ремонтировать и благоустраивать жилье, строить дороги, налаживать транспортное сообщение с центральными поселками. Затраты на переустройство малых деревень окупаются тем, что по-хозяйски используется каждый клочок земли; Сохранением деревни воспитывается уважение к земле своих предков, к своему прошлому.

В архитектуре малых деревень не так остро стоит вопрос взаимоотношения традиций народного зодчества и новаторства. Связано это прежде всего с тем, что строят здесь новых домов меньше. Крепки еще дедовские избы, надежны русские печи. А уж

если строят новый дом, то из множества предлагаемых типовых проектов выбирают наиболее близкий к традиционной избе: чтобы наружных углов было не больше четырех — сильно изрезанный контур дома влечет за собой огромный перерасход топлива; чтобы дверей было поменьше, тогда тепла больше останется в доме; чтобы стоимость не была фантастически высокой.

Каким же быть современному селу? Ответ во многом дают сами труженики сельского хозяйства. Они не хотят, чтобы деревня превращалась в маленький город. Село должно сохранить самобытность. Крестьянину нужен дом, а не квартира или дача. Он предпочитает одноэтажные дома усадебного типа или двухэтажные с квартирами в двух уровнях. Крестьянина тянет к земле, он не может обходиться без огорода и сада. Он хочет держать корову, поросенка, домашнюю птицу, и ему необходимы хозяйственные постройки, погреб, гараж. Он доволен, если поблизости будет работа, магазин, клуб, школа. Словом, деревне нужен единый архитектурный ансамбль, и застраиваться она должна комплексно.

Как видите, желания сельских жителей во многом совпадают с идеями архитекторов и инженеров, проектирующих для села. Дело за тем, чтобы умело воплощать их в жизнь.

СРЕДИ ГЛЕТЧЕРОВ АЛЯСКИ

Очерк

Огромная бухта, образовавшаяся всего лишь 187 лет назад и ставшая самым большим национальным парком США

Не скрою, что ехали мы в эту знаменитую бухту Глетчеров* на Аляске с каким-то чувством затаенного страха. Мы—это мой сын Христиан и я.

Над нами пасмурное небо. Воздух довольно прохладный—семь градусов. По мере того как мы заплываем в бухту, волнение воды постепенно затихает. Вокруг нас плавают айсберги всех размеров. На них и на торчащих из воды утесах—повсюду лежат тюлени. О том, что здесь полно рыбы, можно догадаться и по наличию больших бакланов, а также по сидящим рядом с ними чайкам-бургомистрам, серебристым чайкам, кайрам и тупикам, а также куликам-сорокам. То тут, то там из воды выпрыгивают афалины, а вскоре мы замечаем и горбатых китов, или горбачей, как их здесь называют. Удастся мне высмотреть даже такую редкость, как косатка. А «обшаривая» биноклем берег, мы обнаруживаем на прибрежных соснах белоголовых орланов—знаменитое американское «гербовое животное» (его изображение на гербе США.— *Прим. ред.*). Увидели мы у самого берега и бурого медведя, а потом еще двух черных медведей—барibalов.

Одних только птиц в этих местах насчитывается двести видов.

Потом наше суденышко скользит вдоль отвесных стен утесов, вдоль облесенных горных склонов, мимо ревущих водопадов, низвергающихся с высоты, проплывает мимо устьев ручьев, впадающих в залив и окружающих их зеленых мшистых лужаек со множеством цветов. Однако не этим знаменита бухта Глетчеров—самый большой из национальных парков Америки, площадь которого составляет 11 400 квадратных километров (почти столько же, сколько занимает вся земля Шлезвиг-Гольштейн). Знаменит он, разумеется, своими глетчерами,

Когда мы огибаем очередной утес, перед нами внезапно вырастает белая ледяная стена, около трех километров шириной и почти сто метров высотой! А поскольку лед уходит еще на 200 метров под воду—значит, высота всего глетчера составляет 300 метров. На

* Глетчер (*нем.*)—ледник; на карте — английское название «бухта Глейшер» (*Прим. ред.*).

поверхности воды мы видим только его конец, сползший в воду, а протяженность всего глетчера составляет 160 километров.

От ледовой стены нас отделяет еще примерно 700 метров, но ближе подплывать нельзя: поверхность воды буквально усеяна льдинами и целыми айсбергами.

Вот это панорама! Мы долго стоим ошеломленные.

Внезапно раздается треск и грохот—кусок ледовой стены обламывается и шлепается в воду. И такое зрелище повторяется каждые десять—пятнадцать минут. Нам объяснили, почему это происходит: ледовая стенка внизу, под водой, тает быстрее, чем на воздухе.

Высоченный вал приподнимает наше суденышко (кану) и угрожающе его раскачивает. В таком маленьком кану не следует подплы-

Дальше чем на 100 километров сползают глетчеры с гор к морю

вать близко к глетчеру. Соскальзывающие в воду глыбы приводят в движение плавающие на ее поверхности айсберги—попади мы меж ними, и лодочка расколется, как орех. Поэтому мы решили не искушать судьбу и, найдя на берегу необледенелое местечко, выбрались из лодки и стали карабкаться меж скал вверх по облесенному склону, чтобы попасть на «спину» глетчера.

Обламывание крошащегося языка глетчера, свидетелями которого мы сейчас являемся, производит достаточно внушительное впечатление, во всяком случае шум от него слышен на расстоянии 15 километров.

Шестнадцать глетчеров сегодня спускаются в бухту Глетчеров. На окружающие залив горы (самая высокая вершина—гора Фэрүэтер достигает 4663 метров) влага с неба большую часть года выпадает в виде снега, а не дождя. Следовательно, ледовая стенка спускающегося в воду глетчера в свое время тоже была снегом. А это означает, что снег, точно так же как и вода в ручьях, в конце концов попадает в море, только с той разницей, что у ручьев на это уходит пара дней, а снегу на то же самое требуются столетия. Свежий снег, выпадающий на вершины гор, сначала превращается в фирновый, состоящий из круглых ледяных крупиц, а затем снежные слои становятся все толще и тяжелее, все сильнее спрессовываются, пока наконец не станут твердым льдом. Слой

льда, делаясь все массивней и тяжеловесней, постепенно начинает сползать с вершин в долины, захватывая по пути обломки скал, камни и булыжники — из всего этого и состоят морены. У отдельных глетчеров срединная, следовательно, самая толстая часть продвигается ежедневно на полтора—три метра вперед. Скалистые же края задерживают лед, и он продвигается медленней. Здесь, в бухте Глетчеров, эти странствующие ледники все еще достигают моря, как это было когда-то и у нас в Европе в эпоху оледенения. Теперь же наши альпийские глетчеры и даже гималайские тают уже на полпути в горах, как только попадают в более теплые воздушные слои. А тут один только глетчер Мьюра (Muir), впадающий в бухту, содержит столько льда, сколько все 1100 швейцарских глетчеров, вместе взятые.

Когда путешественник и первооткрыватель Джордж Ванкувер (имя которого носит сейчас третий по величине город Канады) в 1794 году плыл на своем паруснике вдоль здешнего берега, никакой бухты Глетчеров еще не существовало. Взору Ванкувера предстал лишь малозаметный вогнутый изгиб береговой полосы; все здесь было забито нагромождениями льда, и поэтому на составленной им карте огромная бухта Глетчеров даже не указана. А вот другой исследователь—Джон Мьюр—в 1879 году уже смог проникнуть вместе с четырьмя индейцами-проводниками в бухту и проплыть по ней на своем суденышке 77 километров. Склоны гор, которые еще сто лет назад были сплошь покрыты льдами, теперь зеленеют лесами. К 1916 году бухта увеличилась до 105 километров, а сейчас занимает уже 160 километров и достигает местами тридцатикилометровой ширины. Самый мощный из глетчеров—глетчер Мьюра за семь последних лет «съежился» на восемь километров! Ведь с 1750 года климат Земли значительно потеплел. Здесь, в бухте Глетчеров, можно теперь увидеть удивительные вещи. Так, во многих местах, откуда сполз глетчер, из-под льда появляются пни деревьев, простоявшие там три тысячи лет.

В тех местах, где растаявший лед оставляет за собой не только голые скалы, но и каменные осыпи и землю, там удивительно быстро возрождается жизнь: прорастают растения и деревья, а вслед за ними появляются и различные животные. И вот уже в ручьях кишат форели и лососи, которые приходят сюда нереститься. Появились здесь речные выдры, норки, снежные козы, длинношерстные сурки и медведи. На сегодняшний день в этих местах обитает постоянно от 175 до 230 медведей гризли. Но раньше всех здесь поселились, конечно, водоплавающие птицы: чайки-маевки, плавунчики, питающиеся планктоном, креветками и рыбой. Гнездятся они большей частью на уединенных островах, куда не добираются наземные хищники, в то время как пернатые дневные хищники, вороны и ласточки строят свои гнезда на деревьях и уступах скал. Там, где еще не успела появиться растительность, совсем рядом с отступающими ледниками, держатся белые куропатки, пуночки, чижи, а в ольховых и тополевых кустарниках обосновались дрозды и золотисто-желтые лесные певуны.

С естествоиспытателем Джоном Мьюром в этих местах случилось удивительное происшествие, главным героем которого была местная собака индейцев по кличке Штикен. Этот случай заставил Мьюра над многим задуматься, и к нему он неоднократно возвращал-

Вновь появились в этих местах речные выдры. Изобилие рыб гарантирует им безбедное существование

ся в своих воспоминаниях. Штикен был небольшой черный песик, притом на довольно коротких лапах. Свой пушистый беличий хвост пес имел обыкновение загнать высоко на спину, так что он доставал ему почти до самых ушей. Когда Мьюр причаливал к берегу, у сопровождавшего его Штикена обычно не хватало терпения, он выпрыгивал из лодки в ледяную воду и плыл к берегу. Там он носился взад и вперед, стараясь поскорей обсохнуть. К отплытию он обычно поспевал последним, догоняя лодку вплавь, и его приходилось хватать за шиворот и втаскивать внутрь.

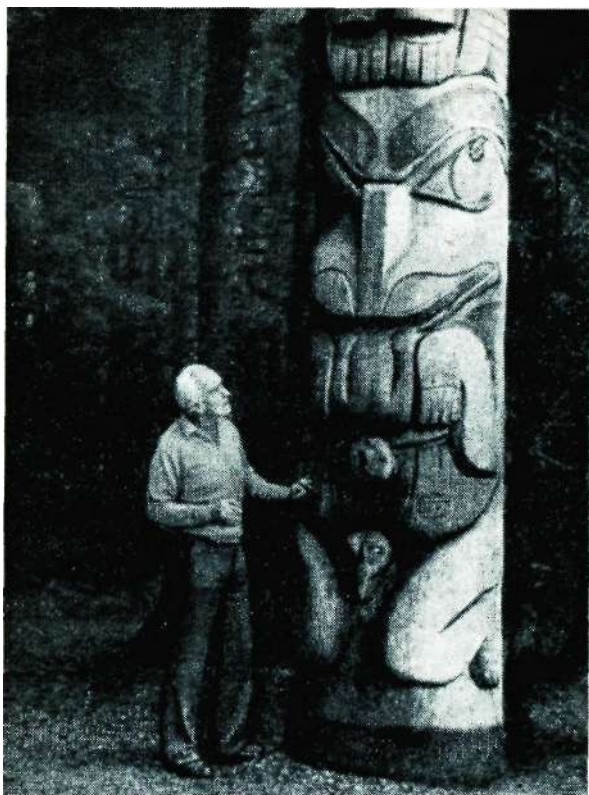
Четыре индейца-проводника поначалу категорически отказывались сопровождать естествоиспытателя, который, невзирая на туман и шторм, старался проникнуть все дальше в эти незнакомые бухты. Но когда он им рассказал, в каких только головокружительных поездках ему ни приходилось участвовать в других местах Канады и Аляски и чего только ни приходилось пережить, это им несколько придало бодрости духа. Самый старший из них сказал:

— Ты, должно быть, колдун. Но если мы тут с тобой погибнем, то по крайней мере в хорошем и надежном сопровождении попадем в загробные «охотничьи уголья».— После этих слов они стали соглашаться грести с каждым разом все дальше и дальше.

Штикен вел себя странно. Нрава необщительного, он обычно держался в стороне, не разрешал себя гладить, не слушался никаких

команд и спал где-нибудь в отдалении, посреди багажа. Но когда индейцы отказывались сопровождать Джона Мьюра во время его пешеходных восхождений по обледенным горным склонам и глетчерам, Штикен считал своим долгом непременно следовать за ним, и никакими приказами, ругательствами, камешками его не удавалось прогнать. Он шел, и все тут. Однажды, когда Мьюр пересекал глетчер, поверхность которого была очень шершавой и грубой, бедная собака стерла себе лапы до крови. На снегу она оставляла за собой кроваво-красные следы, но тем не менее продолжала неугомымо бежать за своим спутником, пока тот был уже не в состоянии спокойно взирать на подобную экзекуцию—остановился, разорвал свой платок на четыре части и изготовил нечто вроде защитных носков для своего самоотверженного «проводника».

Однажды, когда оба они—человек и собака—уже в течение трех часов карабкались вверх по горным склонам и лесам и добрались наконец до глетчера, то обнаружили, что поверхность его иссечена глубокими трещинами. Каждая такая трещина уходила в глубину метров на шестьдесят, а то и больше! В течение двух часов Мьюр перепрыгивал одну трещину за другой, и собачка неугомымо прыгала за ним вслед. Когда исследователь достиг наконец противоположного края ледника, погода резко изменилась и начал подниматься туман. Стало ясно, что надо как можно скорей возвращаться, чтобы добраться до лагеря, где его ждали индейцы, до наступления темноты. Контур окружающей местности стали быстро размываться, так что ориентироваться можно было уже только по компасу. Возвращался он явно уже не прежней дорогой, потому что внезапно наткнулся на широченную трещину, которую вначале не перепрыгивал. Поскольку край, на котором он стоял, несколько возвышался над противоположным, то прыгнуть туда не составляло особенного труда, однако вернуться назад было бы уже совершенно невозможно. Если намеченный путь возвращения оказался неверным, Мьюр попал бы в ловушку: пути назад не было. Он решил сесть и обдумать ситуацию: рискнуть или не надо? Но поскольку о том, чтобы переночевать здесь, на глетчере, не имея с собой необходимого снаряжения, не могло быть и речи, то, взвесив все «за» и «против», он пришел к выводу, что другого выхода нет—надо прыгать. Прыгнул. Штикен прыгнул за ним немедленно вслед. Однако, пройдя несколько шагов, исследователь, к своему ужасу, понял, что очутился на своего рода островке между двумя трещинами, одна из которых была уже непреодолимой ширины. Он поспешно пошел вдоль края трещины в надежде найти более узкое место, но тщетно: пройдя километр, он был вынужден вернуться и пройти столько же в другую сторону. Все напрасно. Лишь в одном месте оказалось нечто вроде ледяного мостика. Однако солнце, как это бывает в подобных случаях, обтаяло его сверху до узенького канта, в то время как книзу он расширялся. На подобные ледовые перемишки вообще нельзя особенно полагаться, потому что они, как правило, бывают растрескавшимися и непрочными. Пропась под ними уходила вниз метров на сто, не меньше, словом, страшная, глубокая могила. Что делать? Мьюр решил. Он сел верхом на «мостик» и, обрабатывая его впереди себя ледорубом, продвигался понемногу вперед, пока не добрался до противоположной стены трещины. Но поскольку она возвышалась еще на целый кусок над перемишкой, ему пришлось

По тотемному столбу можно убедиться в том, что индейцы племени тинглетт обожествляют бурого медведя

пробывать и в ней ступени, чтобы, вставляя в них ноги, карабкаться наверх. Наконец препятствие было преодолено. Мьюр сел, чтобы отдышаться и унять бешено колотящееся сердце. И только тогда вспомнил о собаке. Он позвал ее, но она не решалась переползти по «мостику»: она испуганно завывала, скулила и смотрела на него глазами, полными отчаяния. Ни крики, ни свист не помогали.

— Неужели придется беднягу оставить здесь погибать голодной смертью? — испугался Мьюр.

А короткий день тем временем уже клонился к концу. Когда человек сделал вид, что уходит, пес собрался с духом и с отчаянной решимостью медленно пополз по острому ледовому канту, ставя лапы в прорубленные Мьюром углубления. У Мьюра перехватило дыхание, пока он наблюдал за тем, как животное, балансируя, форсировало трещину. На гладкую отвесную стенку в конце пути собака взобралась, как отявленный альпинист, быстро и ловко ставя лапы в прорубленные отверстия.

Очутившись в безопасности, собака сразу преобразилась. Ее отчаяние сменилось шумным восторгом: она носилась взад и вперед, подпрыгивала, лаяла, визжала, кружилась на месте, затем повалилась на спину и стала дрыгать ногами, а когда человек присел отдохнуть, стремглав кинулась к нему и облила лицо.

Однако следовало поторопиться. Когда же они наконец добра-

лись до лагеря, мертвые от усталости, Штикен упал и мгновенно уснул. Но и во сне он еще продолжал перебирать лапами и повизгивать, по-видимому ему снилось, что он ползет по ледяному скользкому мостику, под которым разверзлась жуткая черная бездна. Мьюру, между прочим, снилось то же самое, причем несколько ночей подряд.

А собаку после этого случая словно подменили. Она привязалась к Мьюру всей своей собачьей душой. Теперь даже в лагере Штикен не отходил от своего друга, клал ему голову на колени и преданно, не отрываясь, смотрел в глаза. По ночам он приходил к нему в палатку, залезал даже в постель. И все оставшееся время, которое им было суждено еще провести вместе, он всячески выказывал свою любовь и расположение к этому человеку. К сожалению, Джону Мьюру перед отъездом в Калифорнию пришлось оставить Штикена у индейцев, но забыть эту преданную маленькую собаку он уже не смог никогда.

Когда мы с Христианом перепрыгивали через трещины в глетчере, нам все время вспоминалась эта история и думалось о том, как же сложилась дальнейшая судьба отважного маленького пса...

Перевод с немецкого *Евгении Геевской*

СВОЕ МЕСТО
В ЛЕСУ

Заметки натуралиста

Эту таежную дорогу я знаю наизусть. Я хожу по ней все лето, через день. Десять километров туда и десять обратно; я задерживаюсь только на нескольких вырубках, чтобы собрать насекомых. Все главные события лета нанизаны на эту дорогу, как янтарные солнечные полянки-вырубки, и я могу перебирать их, как перебирают нитку бус.

Злой лес

Я почти никогда не сворачиваю в сторону от дороги. Во-первых, времени у меня мало, а дел много; во-вторых, стоит только свернуть, как запутаешься в траве и кустарнике, застрянешь—до ночи домой не выберешься.

Мы приезжаем сюда весной—здесь это конец мая и начало июня, когда трава еще совсем низенькая, деревья прозрачны, лиственницы только окутываются нежнейшей зеленью мягкой хвои, а пихты и кедры кажутся еще темнее и на затененных склонах овражков и холмов пятнами лежит снег.

Но даже весной, когда уже кончилась власть снега и еще не началось буйное владычество трав, все же идти напрямик невозможно.

Деревья здесь растут, умирают и падают. Некоторые, так и не достигнув земли, лежат наискось на соседних деревьях, растопырив мертвые сучья. А упавшее дерево остается на земле, пока ствол не превратится в трухлявый призрак, рассыпающийся под ногой. Потом остается только след от дерева, как бы его тень, обозначенная более сочной и яркой травой; со временем и эта тень исчезнет.

Вот и приходится петлять, выпутываться из цепляющихся кустов, перешагивать через упавшие стволы, обходить завалы. С непривычки здесь легко запутаться, потерять направление: никаких просек нет, а есть только одна дорога, потеряешь ее—пеняй на себя.

А когда вдруг поймешь, что заблудился, вместе с холодом из затененного овражка тебя обдаст ледяным дыханием страха, словно

приоткроется перед тобой темная, нечеловечья душа леса. Словно лес внезапно обернулся к тебе иным, недобрым своим лицом, словно нарочно расставляет он на пути цепкие, покрытые седым лишайником ветви, замшелые пни, гнилые, предательские стволы. Будто злорадно закутал он деревья со всех сторон в одинаковый сырой мох, чтобы под пасмурным небом тебе было невозможно угадать, где какая сторона света.

И куда бы ты ни повернул, тебе вдруг начинает казаться, что ты идешь не туда, уходишь все дальше от дома, в неведомую и жуткую глубину тайги. Повернешь в другую сторону — и кажется, что опять *не туда...*

Внезапно захочется тебе бежать сломя голову напрямик, продираясь сквозь острые ветви, сбивая ноги о пни, отчаянно карабкаясь через завалы. Бежать, не обращая внимания на боль, разрывая одежду, пока не упадешь лицом вниз среди злого, безжалостного леса, который затравил тебя и швырнул ничком на жесткую землю.

Нет ничего хуже страха. В ужасе несут, не разбирая дороги, перепуганные лошади—если не удастся остановить, разобьются, переломают ноги. Грохочущей лавиной катится по степи тысячеголовое стадо, внезапно охваченное паническим страхом,—это бедствие ковбой называют «стампид». Людям приходится сначала молча скакать за обезумевшими животными, пока они сами не остановятся, а потом возвращаться, чтобы прекратить мучения покалеченных этой лавиной.

Человек же, оставшись один на один со страхом, подавляет его и спокойно идет, примечая все вокруг, шагом, каким можно пройти и десять, и пятьдесят километров. Человек смотрит прямо в дремучее сердце леса и ищет дорогу.

Когда есть солнце, определить направление не трудно: стоит направить часовую стрелку часов на солнце, и линия, разделяющая пополам угол между стрелкой и цифрой «1», укажет точно на юг.

Но сейчас солнца нет. И мох растет одинаково густо и на северной и на южной стороне деревьев. Я подумала, как глупо не брать с собой компаса и плохо, что у меня нет спичек, хотя ночи не такие холодные, чтобы можно было замерзнуть насмерть. Правда, в сумке лежит большой ломоть хлеба с корейкой, а вместо воды можно снего поест.

На всякий случай я прохожу по длинным снежным пятнам, чтобы оставить свои следы. Снег холодит ноги через резиновые сапоги. Я сама не знаю, зачем я это делаю, но страшно уходить неизвестно куда, совсем не оставив следов. Страшно исчезнуть бесследно...

...Вот в узком просвете между деревьями показалась круглая бурая спина муравьиной кучи. Хотя это в стороне от направления, которое я выбрала, я выхожу на поляну. Все равно я шла наугад.

Муравейники всегда расположены так, чтобы получать как можно больше солнца. Я смотрю на чуть продолговатый муравейник, потом поднимаю глаза к вершинам деревьев, и вся земля, до этого лишённая направлений, вдруг, качнувшись, утверждает передо мной на месте, а в центре ее—небольшая хвойная кучка, в глубине которой все еще спят ее расторопные хозяйки.

Выйдя через пятнадцать минут на знакомую дорогу—она проложена с севера на юг, от поселка к дальней пасеке, я еще раз

подумала, что нет ни злого, ни доброго леса, а есть просто человек и его место в лесу. Свое собственное место среди трав, зверей и деревьев.

Лесной хозяин

Свое место в лесу определяется для каждого человека, и, пока я ищу его, у меня складываются свои отношения с лесом.

Вот я иду по этой единственной дороге, которую выучила наизусть. Она похожа на коридор с зелеными стенами. В знойном воздухе выше моей головы качаются на толстых стеблях белые плоские соцветия борщевника размером с обеденную тарелку, кивают ярко-синие кисти живокости—того самого дельфиниума, который едва достигает до пояса в Подмосковье. Цветы здесь вымахали чуть ли не до трех метров, обогнав в росте кусты черной смородины, вырезные листья которой так чудесно пахнут, если их растереть в ладонях. Мне кажется, что этот пряный запах прогоняет усталость.

Жужжат насекомые—кто тоненько, кто «потолще»: мухи-жужжала, шмели, осы, надоедливые слепни и отчаянные комары. Странно, что в такой великанской траве насекомые обычных размеров.

Я уже знаю, куда мне сворачивать, где и что обходить. Иногда на развилке я выбираю более трудный с виду путь, потому что знаю: дальше «хорошая» колея упрется в непролазный завал, а «плохая» станет шире и лучше. Хорошая колея, может, потому и шире, что каждый новичок проходит ее дважды: до завала и обратно.

Мне помогает тропинка, проложенная редкими пешеходами: сюда заходят охотники, женщины с ребятами ходят с весны за колбой (это вкуснейший дикий чеснок), потом за ягодами, а к осени—за кедровыми шишками. Тропинка перебегает с одного края дороги на другой, иногда ныряет в заросли, а потом снова бежит гладко утоптанная и нагретая солнцем, как у нас в Подмосковье. Хорошо бы пробежаться по ней босиком! Но здесь все лето приходится ходить в резиновых сапогах, в крайнем случае в кедах.

Вот встречается настоящая западня из ветвей, дальше—кусочек болота, а по краю огромной желтой лужи придется пробираться, хватаясь за кусты, огибая высокий расщепленный пенёк. Видно, зимой трактора задевают его своими гусеницами, и каждый, кто здесь проходит, обнимает пенёк, как лучшего друга. Может быть, не стальные бока тракторов, а эти дружеские объятия так размочалили его сухую кору?

Вдоль дороги стеной стоит лес, и в тишине со мной разговаривает только маленький ручеек в узкой глубокой колее, которую сам себе вырыл весной. Сначала он бежит мне навстречу, а с полдороги, от незаметного водораздела, нам с ним по пути. Под конец мы дружно сбегаем по склону к большому, настоящему ручью, пересекающему дорогу. Там ручеек впадает в большой ручей на дне овражка, а я начинаю работу на вырубке.

Эта старая вырубка—одно из немногих мест, где растут трава и цветы обыкновенных размеров. По высоким берегам ручья червонным золотом горят огоньки, отмечающие след весенних ручьев, уже

высохших к началу лета. Они как две капли воды похожи на наши бледно-золотые купальницы, но такого яркого, горячего цвета, что лучшего названия и не придумаешь. Поодиночке огоньки попадают и в лесу под сумрачными пихтами и елями, и, когда солнечный луч, пробившись сквозь густую хвою, плавится на их огненных головках, они вспыхивают необыкновенно радостным, словно своим внутренним, светом в глубокой тени бахромчатых лап. Сорвать огонек в таком месте — значит лишить кого-то неожиданной радости, уничтожить подаренную лесом законченную картину. Но и в поле, где этих огоньков видимо-невидимо, я только один — первый и последний — раз набрала громадный букет. Слишком быстро поникли гордые головки цветов, стали мягкими, как лапша, стебли, и огненные лепестки погасли. Уж лучше не пытаться принести эту красоту в руках, а оставить живые огоньки в ласковой земле, в прохладной тени, чтобы они никогда не гасли в моей памяти. Пусть они, как сейчас, выбегают толпой на солнечный бережок и улыбаются утреннему солнцу.

Я не могу начать сбор насекомых, пока не просохнет роса. Насекомых надо собирать способом «кошения» — провожу сачком по траве то вправо, то влево, поворачивая его привычным движением, и все, что сидит на цветах или пролетает мимо, попадает в широкое устье сачка. Косой работать лучше всего по росе — «коси, коса, пока роса...», а сачком — как раз наоборот, а то в сачке образуется комок из помятых, слипшихся, никуда не годных насекомых; ведь я их не просто ловлю, а собираю, определяю, подсчитываю. Это так называемые количественные учеты. Затем вычерченные мною графики, где каждая цифра — отражение этих учетов, лягут в основу научной работы, связанной с природно-очаговым заболеванием — таежным клещевым энцефалитом. Мы должны выбрать наиболее удобные сроки для того, чтобы опылением с самолетов уничтожить клещей-переносчиков и как можно меньше повредить другим насекомым.

Но пока солнце и ветерок сушат траву, мне есть чем заняться: я хожу по вырубке, ножом или топориком отковыриваю кору на старых пнях, собираю в пробирки со спиртом подкорных жуков-короедов и их личинки, расшифровываю узор ходов на внутренней стороне коры. «Узор» короеда — это его паспорт. Больше всего таких узоров на южной, прогреваемой стороне ствола, ведь это не просто узоры, а своеобразные инкубаторы. Самка короеда откладывает яички в стенках прямого хода, и потом вылупившаяся личинка начинает точить свой собственный ход. Растет личинка — растет и ширина хода. В конце каждого хода — «куколочная колыбелька», где личинка превращается в куколку, потом в жучка. Каждый жучок прогрызает свой ход наружу, так что даже по пустым ходам можно прочесть множество «историй».

Я читаю эти «письмена» на коре, а внизу ручей шумит, ни на минуту не умолкая. Он только меняет голос: в одном месте вода лепечет, перебегая по отмели среди камней, в другом — перекачивается стеклянным пластом через бревно, потом с гулким клетотом низвергается полуметровым водопадиком в темную яму под вывороченными корнями, многими журчащими струями прорывается сквозь ветви поваленной ели и бежит все дальше, деловито поварчивая в трудных местах.

Около ручья в лесу всегда кажется, что вдалеке кто-то разговаривает и голоса разные—мужские, женские и детские, говорят о чем-то то громко, то тише, почти замолкая. А с ними перешептывается ветер в лесных верхинах:

И хотя я знаю, что в это время в лесу никого нет, я даже не пытаюсь понять невнятные разговоры воды и ветра, но от них становится как-то уютнее

Вдруг на том берегу кто-то громко, отчетливо фыркает. Откуда здесь лошадь? Может быть, пасечники едут в наш поселок и остановились у ручья?

Я перехожу по упавшему дереву на тот берег и осторожно поднимаюсь вверх. На поляне никого нет, только слегка колышется потревоженная кем-то трава на краю дороги. Чуть дальше, у большой березы, отпечатался свежий след широкой босой ступни. И отчетливо видно, что, сорвавшись с дернистого края, этот «человек» прочертил своими когтями глубокие рваные борозды. Стою над этим следом, как Робинзон Крузо. Медведь! Хозяин тайги... Он скрылся, почуяв меня. Но еще не успокоилась трава, в которую он нырнул совершенно бесшумно. Так же бесшумно он может вернуться и высунуть из зарослей лобастую звериную голову... Что тогда?

Мне остается надеяться только на миролюбие лесного хозяина. У меня с собой только сачок, маленький топорик да большой перочинный нож. Обороняться нечем, да и сил у меня для этого не хватит.

...Потом, развлекая товарищей своими «мюнхаузеновскими» планами самозащиты, я говорила, что собиралась закричать так пронзи-

тельно и отчаянно, чтобы медведь перепугался и дал стрекача, или дожждаться, пока он подойдет ближе, накинуть на голову сачок, а потом самой дать стрекача, пока он выпутывается из прочной кисеи. К стати, во время этого рассказа выяснилось, что мои коллеги — они ходили всегда вчетвером — давно знали от лесника об этом медведе да не хотели мне говорить, боясь, что я откажусь ходить в лес и сорву всю работу.

Проверять «спасательные» планы не пришлось. Медведь бродил рядом: иногда мне было слышно, как он кормится смородиной и дикой малиной на том берегу, и все это лето мы вполне мирно сосуществовали на вырубке у ручья, которая нравилась нам обоим.

Закон тишины

Я почему-то и вправду не боялась медведя, может быть зная обычай лесных жителей уходить с дороги человека, особенно если несколько человек идут с разговорами и песнями, топая и ломая ветки... Я не люблю ходить в такой компании, потому что тогда все лесные существа тихо и незаметно отходят, отлетают, затаиваются и твой взгляд встречает только немые облики растений, привязанных к земле корнями.

Когда я иду одна по лесу, я строго соблюдаю лесной закон тишины. Я стараюсь не носить тяжелых резиновых сапог, хотя кеды и гольфы, которые я натягиваю поверх брюк, промокают и рвутся. Я ставлю ногу бережно и мягко, чтобы не разносился по земле звук человеческих шагов, чтобы не хрустнул сучок, не осыпалась земля по краю лужи.

Случается, что, издавдалека услышав голоса и перестук обуви, я сама, как исконные жители леса, бесшумно отступаю в тень и густоту зарослей и жду, пока не протопают мимо неизвестные люди.

Зато я могу подойти так близко к белке, что она уже не убегает, а долго ругает меня, высовываясь из-за толстого ствола. Могу увидеть, как лесная мышь пьет из прозрачной лужи и кончики встопорщенных усов лежат на воде, прогибая, но не прорывая упругую поверхностную пленку.

А бурундучок — такой любопытный — подбирается по стволу, на котором я сижу, почти на расстояние вытянутой руки и долго рассматривает меня простодушными выпуклыми глазками, приподняв щекастую мордочку, потом вдруг пугается и порскает куда-то вниз, мелькнув полосатой спинкой.

Ранней весной я совсем близко подошла к огромной серой гадюке. Она грелась на солнце, свернувшись на куче прошлогоднего хвороста, и проявилась у меня перед глазами — серая на сером — неожиданно, как на фотоснимке. В неподвижном сплетении серых ветвей свернутое аккуратными кольцами тело змеи несло в себе иной вид неподвижности — чуткий покой живого существа, таящего в себе упругую силу пружины, готовую распрямиться в любой момент. Змея смотрела мне в глаза, приподняв треугольную голову. И хотя я знала, что она не бросится на меня, но от этого взгляда мне стало холодно.

Профессиональное качество

О гигантских гадюках в гигантской траве лучше не думать, когда мерно шагаешь вперед с сачком в руке, ничего не видя под ногами. И шагать-то приходится не просто: сначала делаешь шаг одной ногой вперед и вбок, приминая жесткие стебли, потом другой ногой, и при этом надо ритмично взмахивать сачком, как косой, да следить, чтобы он не зацепился за торчащие толстые сучья. Так и движешься, в каком-то странном танце, а позади остается след, как после прогулки слона. А если пойдешь прямо — запутаешься да все лицо крапивой обстрекаешь — она здесь тоже выше головы.

Мне нужно шагать равномерно, взмахивая сачком то справа налево, то слева направо. Я считаю взмахи, чтобы потом высчитать количество насекомых на сто взмахов. Таких взмахов я делаю в день не меньше пятисот, а иногда бывает и более тысячи.

Сделав 25—30 взмахов, я сажусь разбирать сачок. Комары и «пауты» — слепни с оводами — кровожадно слетаются ко мне, так что я иногда закрываю ноги травой; спину и руки комары через штурмовку не достают, а мухи отлично достают. Чтобы насекомые не разлетались из сачка, я их «примариваю» — бросаю в сачок ватку с эфиром, а сам сачок несколько минут держу в охотничьей сумке. Потом приоткрываю сачок и выбираю нужных мне насекомых в баночку морилку, выбрасывая пауков, мух и пчел. Пчел нельзя напрасно губить: они летят сюда издалека, возле поселка им поживиться нечем.

Через несколько лет своей работы я стала замечать, что жалею шмелей, бабочек и «одиночных» ос — в моих учетах они не нужны, пусть себе летают. Только как же я буду работать, если мне будет жаль сначала особенно «умных», самостоятельных ос и шмелей, а потом и всех вообще насекомых? Это же моя профессия — раз нужен для науки, туда его, туда его, в морилку! На следующее утро — на расправилку или на ватный матрасик, а осенью — в коллекцию.

В самой первой моей экспедиции, в южных степях, с нами были студентки из Иркутска, чудесные девчонки, ласково прозванные иркутятами. Деятельные, как бобры, иркутята не покладали рук. От их острых глаз не могло скрыться ничто ползающее, летающее, копошащееся... Они увезли в родной институт великое множество всяких баночек, коробочек и узелков с добычей, и вид у них был хозяйственный и довольный.

А я... Может быть, уже тогда зародилось во мне то чувство, которое заставило поменять полезную, но связанную с гибелью живых существ профессию на другую, посвященную их защите. Но это было еще далеко впереди.

Сейчас я разбираю сачок, хватая насекомых пинцетом, а чаще всего просто пальцами. Зевать некогда: того и гляди, из узкого просвета, оставленного в сачке, с возмущенным гудением начнут выбираться всякие опомнившиеся от эфира летуны.

Однажды, разбирая сачок, я увидела у соседнего пня ящерицу. Может быть, я бы ее не запомнила, но у нее вместо хвоста был обломочек, примерно с полхвоста. По этому обломочку я узнала куцу ящерку и на следующий день. И на следующий.

Она сидела в сторонке и ждала. Потом она совсем перестала опасаться меня. Она устраивалась у самых моих ног и хватала

толстых пауков и сонных мух, которых я выбрасывала. Иногда мне очень хотелось погладить ее по треугольной головке с живыми блестящими глазками. Но дружба с животными всегда укрепляется отсутствием лишних и непонятных им движений. Попытка приласкать живое существо может только напугать его или вынудить к защите. А так у меня все лето была на этой вырубке знакомая Ящерка Без Полхвостика. На следующий год я не приехала, но ящерку эту все равно бы не узнала—хвостик-то у нее должен был отрасти.

Кончив работу, я вскидываю на плечо сумку, беру сачок в правую руку и отправляюсь в обратный путь. Вечереет, жара спала, солнце снижается, тени тянутся к дороге. Я иду домой, перепрыгивая через глубокие колеи, оставленные тракторами.

Вдруг совсем близко от меня взлетает с земли крупная черная с белым брюшком птица. Это был чибис, который вел по «человеческой» дороге своих птенцов. Пестрые большелапые малыши, повинуясь тревожному крику, бросаются к ближайшему краю дороги и ныряют в густую траву.

Но один из них почему-то метнулся не в ту сторону, запутался в собственных ногах и свалился в глубокую колею.

Я бросилась, как коршун, и словила его.

Вот он у меня в руке—пушистый, теплый птенец с тонкими длиннопальчатыми лапками. Я подвожу под него вторую ладонь, чтобы не повредить эти ломкие лапки. Заключенный в неплотное сплетение моих пальцев, птенец замирает. Только сердце быстро толкается в мою ладонь.

Глаза многих маленьких животных и птиц состоят словно из одного громадного черного зрачка: на блестящей выпуклой поверхности глаза приглушенно и четко отражается внешний мир, уменьшенный, но полный. Эти глаза не выражают страха или страдания: в них чудится скорее растерянность, детское недоумение и покорное ожидание.

На влажной поверхности круглого темного глаза дрожит кусок небесной бирюзы.

Там, наверху, в синем потолке лесного коридора, пронесится, чертя круги, большая птица. Она ни за что не улетит отсюда на своих узких, быстрых крыльях. Она носится кругами над моей головой, над страшной ладонью, в которой зажат маленький неудачник.

Птица кружит над самыми верхушками деревьев и тревожно, тоскливо спрашивает:

— Чьи? Чьи?

— Твои, твои,—отвечаю я негромко.

Наклонившись, я расправляю пальцы и освобождаю птенца. Соскочив с моей раскрытой ладони, зацепившись на прощанье за комок земли, он бежит на неудобных своих лапках прямо в травяные заросли, в безопасность, к остальным птенцам.

— Ну, собирай теперь,—говорю я так же негромко и ухожу. Птица круто снижается к месту, где я только что стояла.

Уходя, я думаю, что ни мать, ни птенцы не понимают, что случилось чудо, а если бы понимали, то, может быть, стали бы отныне звать этого недотепу Пойманный и Отпущенный на Волю.

Как легко человеку творить подобные чудеса, и только он

способен их творить. Мы в полной мере владеем возможностью истребления, но именно потому, что мы—люди, мы не смеем бесчеловечно применять свою силу.

Я иду по знакомой дороге, и надо мною чистое небо с легкими облачками. Бабочка сидит на цветке. Я быстро и осторожно беру ее, не стряхивая «пыльцу» с крыльев, рассматриваю узор на этих спокойно лежащих крыльях, радужную поверхность фасетчатых глаз, свернутый плоской спиралью хоботок. Прекрасное существо, необычайное и загадочное...

Потом я отпускаю бабочку. Слежу за ее свободным полетом и радуюсь бережной точности своих рук. Впрочем, это всего-навсего профессиональное качество.

СОТЫЙ АРХАР

Рассказ

Апрель в Туркмении—чудесное время. Где-то на Севере только начинают таять снега и трескаться льды на реках, а здесь, на зеленых склонах Копетдага, буйно цветут алые маки и тюльпаны. В предгорных селах бело от цветущих яблонь и алычи. Небо над Копетдагом необыкновенно синее. И даже Каракумская пустыня, прилегающая к предгорьям необозримо просторами песков и такыров, выглядит в эту пору зеленым океаном.

Старый Ашир-мерген*, знатный охотник, чье имя известно на всю округу, в один из теплых апрельских дней приехал из предгорного села в Ашхабад на собрание Общества охраны природы. Настроение у старика было хорошее. В городе всюду цвели акации, пахло их одуряющей сладостью. У киоска с газированной водой, куда Ашир-ага, выйдя из машины, подошел, чтобы напиться, жужжали пчелы—лезли к лужицам пролитого сиропа, лезли в стаканы, и старик благодушно проворчал, отмахиваясь от пчел: «Вот негодницы! Мало им цветов в горах да на деревьях, так прямо в рот лезут. Бездельницы, совсем разучились работать—на готовый мед летят!» Киоскерша, отметив остроумие старого человека, улыбнулась, и Ашир-ага подобрел еще больше. Ему показалось, что, улыбаясь, женщина как-то особо, с глубокой почтительностью посмотрела на лацкан его пиджака, на котором в два ряда красовались награды. Отходя от киоска, Ашир-ага поблагодарил продавщицу за хорошую воду и подумал: «Слава аллаху, не тускнеет твоя слава, Ашир-мерген. Не только простые люди восхищаются тобой, но и начальство. Вот и председатель Общества охраны природы не забыл—опять пригласил на совещание. Сам позвонил в аул, предупредил, чтобы ровно в три был на заседании. В президиуме, мол, твое место».

Без четверти три Ашир-мерген, поправляя пиджак и застегиваясь на все пуговицы, вошел в вестибюль. Огляделся. Народу много—городские и сельские. Почти все старые знакомые. Вот и кивки, поклоны и рукопожатия начались. «Салам, Ашир-ага!» «Как живешь, Дорогой мерген?» «Век тебе не уставать, жить да радоваться».

* Мерген—охотник.

Председатель Общества охраны природы, мужчина средних лет, взял Ашир-агу под руку и вежливо повел на сцену, за кулисы, где уже столпились в ожидании начала совещания члены президиума. Еще две-три минуты—все сели за покрытый красной скатертью стол, и совещание началось.

Ашир-ага за долгие годы членства в Обществе охотников по привычке к разным собраниям. Не раз бывало: посидит он с видом важного человека, оглядит присутствовавших в зале и начинаешь дремать. Так и на этот раз. Осмотрел Ашир-ага внимательным взглядом сидящих во всех рядах, подождал, пока председатель Общества охраны природы выйдет на трибуну. Когда же тот поднялся на нее, развернул папку с докладом и монотонно заговорил, Ашир-ага склонил голову на плечо, сделал вид, что внимательно слушает, а сам стал подремывать. Так, сидя в позе нахолившейся птицы, старик прослушал доклад и еще несколько выступлений. И дело, казалось, уже шло к концу, когда на трибуну поднялся молодой человек и с вызовом сказал:

— Все мы любим природу—заботимся о бедных диких животных, жалеем архаров и джейранов. Правильно делаем. Но скажите, по какому праву сидят у нас в президиуме те, которые создали себе славу, уничтожая диких животных!

— Кого вы имеете в виду?—спросил председатель, привстав из-за стола.

— Да хотя бы того же Ашир-мергена,—небрежно отозвался парень, повернувшись к президиуму.— Вон он, в тибетейке сидит. Разве не в его честь поставлен памятник на горе, перед въездом в аул! А за что памятник поставили? Да за то, что он уничтожил в горах всех диких животных. Что, разве не так?

Зал оживился: задвигались в рядах головы и плечи, кто-то зароптал, кто-то засмеялся. Председатель постучал карандашом по графину, призвал оратора говорить по существу. Парень хмыкнул и еще строже заявил:

— Если уж мы беремся восстанавливать поголовье диких животных, создавать новый заповедник, то дело надо отдать в чистые руки. У Ашир-аги и ему подобных совесть перед природой нечиста!

Заерзал Ашир-ага за столом—дремоту словно рукой сняло. Жалким, умоляющим взглядом посмотрел на председателя: останови, мол, этого клеветника. Разве я заслужил такое оскорбление?

Председатель выручил старика: отчитал парня за беспардонность, за неуважение к старшим. Парень обиженно ушел с трибуны. Тут и другие выступающие осудили его за резкость. Но никто не мог сказать, что он необъективен. После окончания совещания люди, выходя из зала, судили так и сяк, косились на Ашир-агу. Кто сочувствовал ему, кто посмеивался. Так по крайней мере ему казалось. Сгорая от негодования и стыда, он торопливо направился к своей «Волге» и уехал, не простившись ни с кем.

В машине, пока ехали по городу, Ашир-ага хмурился и молчал. Шоферу Аману—ни слова. Шофер, привыкший видеть старого мергена словоохотливым, особенно после собраний, где ему всякий раз воздавались почести, сразу понял—что-то случилось, но спросить не посмел. А старик хмурился, сопел, покашливал и, когда уже выехали за городскую черту, свернув в сторону гор, принялся бранить нынешнюю молодежь. «Все, мол, они знают, эти городские

лента в джинсах. И о погоде, и о природе. А уважать старших не научились. Дай им власть, они бороды у всех стариков сбреют. Матерей родных заставят в мини-юбках ходить». Шофер спросил, кто именно посмел испортить настроение Ашир-аге, но старик лишь рукой махнул. Никто, мол, ему настроения не портил. Просто не нравятся ему нынешние молодые парни.

Аман опустил боковое стекло, закурил. Ашир-ага вновь нахмурился и плотно сжал губы. Мысленно повторял про себя: «У Ашир-аги и ему подобных совесть перед природой нечиста!.. Вот ведь до чего договорился, сосунок безмозглый!»

Старик сердился, досадовал, оправдывал себя: разве он виноват, что дичь перевелась? Разве враг он природе?

Машина нырнула в тенистое ущелье. Вдоль петляющей дороги с обеих сторон потянулись заросли ежевики. Ашир-ага вспомнил, как из этого ущелья поднимался в горы за кекликами. Отсюда же с ватагой сельских парней не раз отправлялся за архарами. Иногда подстреливал их у ручья: они приходили на водопой. Давно это было, еще в войну. Теперь и духу архарьего тут нет. Только баран из камня, как воспоминание, стоит на самой вершине горы. Тот самый архар, поставленный в честь особых охотничьих заслуг Ашир-мергена. Это о нем, об этом архаре-памятнике, напомнил всем на совещании дерзкий парень. Когда-то этого каменного барана чуть ли не всем селом затаскивали на вершину. Полдня устанавливали на постамент. Потом, спустившись с вершины, смотрели на каменного архара с разных точек—хорошо ли виден? В бинокль смотрели, стараясь разобрать надпись с упоминанием имени Ашир-аги. Кто-то в тот памятный день спросил недоуменно у скульптора: «Зачем поставили памятник на вершине горы? Ведь хотели же прямо в селе, перед колхозной конторой». На это седовласый скульптор резонно ответил: «Для того на горе, чтобы побольше людей пришло в горы. Чтобы, поднимаясь на вершину, к этому прекрасному изваянию, помнили люди, как высоки и трудны охотничьи тропы!»

Прильнув к смотровому стеклу и запрокинув голову, Ашир-ага с сожалением посмотрел на каменное изваяние и подумал: «Жизнь идет—и времена меняются. Оказывается, много лет назад, ставя этот памятник, люди даже не подозревали, что создают мне дурную славу. Куда бы легче сейчас было, если бы его на горе не было вообще. Стоит, торчит у всех на виду, как бельмо на глазу!» Обида обожгла сердце мергена, глаза повлажнели... Вспомнил старик, с чего начиналась его охотничья жизнь. Сколько же лет прошло с той поры, когда он в сорок третьем, выписавшись из госпиталя, возвращался по этой дороге домой, в родной аул! Машин тогда в селе не было. Встречала его на большеколесной арбе жена с детишками... Ехали со станции домой весь день. Он, Ашир, тогда еще у него не было звания «мерген», был в старой солдатской шинели и пилотке. Вещмешок был при нем, а там солдатский паек—несколько сухарей и две селедки. Детишки сидели рядом с Аширом и поглядывали на вещмешок. Тогда отец развязал его и вынул свою провизию. Где-то здесь, под этой горой, остановили лошадь, слезли с арбы и впервые после трех лет разлуки пообедали все вместе. Запомнилось Аширу, в каких отрепьях были дети. И жена в стареньком платье—кетени... Худые все, и глаза голодные. Да и аул, приютившийся у самых гор, тоже выглядел убогим

кочевьем. Это сейчас тут, куда ни кинь взгляд, всюду усадьбы, двухэтажные дома, крытые жестью и шифером, Дворец культуры, школа, склады и фермы. А в то время на этом месте стояли черные войлочные кибитки, и когда Ашир, выехав на арбе из ущелья, посмотрел в сторону горного хребта, то родные кибитки показались ему тибетейками, так малы они были. Всего одно здание было в ту пору в его родном селе — колхозная контора, да еще навесы МТС, под которыми стояло два или три трактора. Встречали Ашира женщины и дети. Девтора бежала около арбы, выкрикивая: «Ашир приехал — война скоро кончится!» А женщины тревожными, скорбными глазами смотрели на бывшего фронтовика, и Аширу без слов был понятен их немой вопрос. В глазах каждой читал он: «А где же мой Аман?.. Сапа? Байлы? Вепа? Неужели и правда они убиты и никогда не вернутся, вот так, как сейчас возвращаешься ты?» Совестно было Аширу перед женщинами, что он пока один вернулся живым. Даже то, что легкое у него прострелено, а потому на фронт больше возврата не будет, казалось ему оправданием необидительным. Ашир, прыгнув с арбы, здоровался с женщинами, подбадривал, как мог: всё, мол, страшное позади, Гитлер получил такой удар под Сталинградом, от которого ему уже никогда не подняться на ноги. Пытался даже шутить, да где там!

Председатель колхоза Набат-дайза — высокая и полная сорокалетняя женщина, у которой муж и сын погибли на фронте, поздоровавшись с Аширом, бесцеременно спросила: «Куда ранен, Ашир?» «В легкое... Насквозь правое легкое прострелили», — виновато улыбнулся фронтовик. «Ничего, не беда, — успокоила его Набат-дайза. — Лишь бы руки-ноги были на месте».

Вошла она с Аширом в его темную кибитку. Жена кинулась к тамдыру*, чтобы испечь лепешек. А в кибитке целая гора шерсти, и вонь от нее такая — дышать нечем. Ашир окликнул жену, хотел было заставить вынести во двор это, как показалось ему, ненужное богатство, но Набат-дайза, усмехнувшись, одернула фронтовика: «Этим богатством живем, Ашир. Шерсть прядем, теплые варежки вяжем — на фронт бойцам отправляем. Носки теплые... Все женщины заняты этой работой. Днем в поле с кетменями — овощи от сорняков пропальваем, а вечером сидим с пряжей». Ашир вспомнил, как после Сталинградской битвы вместе с вручением наград бойцам дарили присланные в посылках из тыла теплые вещи. Аширу как раз достались шерстяные варежки. «Уж не из нашей ли шерсти связаны! — подумал он. — Может, и связала их моя Кейик?!» Достал из вещмешка варежки, подал председателю. Та осмотрела их и покачала головой: «Нет, это из Казахстана или с Урала. Шерсть не наша. У нас овечья шерсть тоньше и мягче... Да и посылки наши все ушли в Ельню, — пояснила Набат-дайза. — Недавно наша туркменская дивизия освободила Ельню, теперь мы шефствуем над этим русским юродом, вот и посылаем туда все, что им нужно: теплые вещи, кетмени, лопаты... Гитлеровские мародеры, говорят, всю Ельню обобрали: жителей разули-раздели, дома сожгли и всю скотину с собой угнали».

Ашир подтвердил. Он видел жизнь в прифронтовой полосе и страшнее: тысячи расстрелянных, сваленных в канавы советских

* Тамдыр — глиняная печь.

людей. А Набат-дайза, слушая его и глядя на его награды, спросила: «Орден за что получил?» Ашир неловко улыбнулся, он не любил хвалиться. «Ай, я же снайпером был. Около двадцати фрицев на мушку взял...» Председатель, услышав эти слова, даже привстала с кошмы. «Снайпером, говоришь, был?! Вах, Ашир, что же ты до сих пор молчал! Нам стрелки хорошие позарез нужны. Мы же с планом мясозаготовок не справляемся! Дичи в горах много, а охотников почти нет: старики да дети. Старый в гору залезть не может, а дети метко стрелять не могут... Верблюжонок ты мой, как ты меня обрадовал своими речами!—счастливо засмеялась председатель.—Давай-ка немного отдохни да возглавишь охотничью бригаду. В горах мяса—хоть отбавляй: архары, джейраны, кекликов много развелось...»

Согласился Ашир с Набат-дайзой. Действительно, кому, как не ему, снайперу-орденоносцу, заниматься охотой. Да и в юности, до войны, преуспевал Ашир в охоте—ходил со взрослыми в горы за кекликами и прочей дичью. Собственно, тогда и научился стрелять, а на фронте лишь усовершенствовал свою стрелковую подготовку.

Через день-другой собрал Ашир у себя в кибитке подростков. Двенадцать человек собралось. В основном сыновья охотников. Отцы на фронте, а ружья их дома, вот и пришли с отцовскими ружьями джигиты. У кого старое, допотопное хырлы, у кого двойник с гладким и нарезным стволами, но в основном шомполки. У самого Ашира дробовик. Посидели посоветовались, с чего начать. Выяснилось, что маловато дробы, не говоря уже о картечи. Вновь пришлось идти к председателю Набат-дайзе. Отправилась она в город—достала боеприпасов для своих охотников. Потом на заставу подалась, к пограничникам—договорилась, чтобы колхозных ребят с ружьями пропускали в горы.

Отправились они на рассвете. Сами пешком, дробь, порох и прочие охотничьи припасы—на двух ослах, в хурджунах*. Еда и вода в бочонках на верблюьем горбу. Дала Аширу председатель старого верблюда-инера—он только с виду стар, а своим горбом запросто до трехсот килограммов разной поклажи поднимает. На нем и добычу домой рассчитывали везти охотники. Только сначала надо подстрелить эту добычу. И не просто добычу, а диких горных баранов, мясо которых не сравнимо ни с каким другим.

У родника Алтын-Су, у подножия гор, соорудили охотники стоянку. Шалаш из камыша построили—закопали его наполовину в землю и покрыли сверху большими камнями. Пустили верблюда и обоих ослов пастись. Двое ребят, которые послабее, остались на стоянке, остальные—в горы.

Долго шли, не видя и не встречая ничего примечательного, если не считать горных куропаток—кекликов, но не стрелять же сейчас в них. Откроешь стрельбу—всю рогатую дичь распугаешь, а архары и без того чутки: подбегать к ним не так просто. Ступишь неловко ногой—посыплется вниз каменное крошево, и архары, будь они даже на соседней горе, тотчас умчатся прочь. Ашир всех стрелков-Джигитов перед выходом в горы предупредил, чтобы снимали свои старые самодельные чарыки, кожаные подошвы которых скользят по камням, а надели резиновые калоши (к счастью охотников, в

* Хурджун — переметная сума.

сельпо оказались калоши—новые, разных размеров). Их литые подошвы в твердых рубчиках словно специально сделаны для горных стрелков-охотников.

К вечеру первого дня поднялись на высокогорное архарье пастбище—так старики-туркмены называли ложбины между горными хребтами. Травостой тут всегда хороший. В мае—июне в Каракумах трава уже сторает на солнце, делается серой и пыльной, а в горах сохраняется до глубокой осени. Здесь же в ложбинах и родники, к которым ходят архары на водопой. И не только архары, но и барсы, волки, лисы и всякое мелкое зверье, какое водится в горах.

Достиг Ашир со своими джигитами архарьего пастбища. Залегли охотники в ста метрах от родника, стали ждать добычу. Сами за высокой скалой, а родник—ниже. По расчетам охотников, архары должны были прийти на водопой вечером или утром. Часа два ждали, «шаря» биноклем по горам. Наконец увидели: архары, выстроившись в ряд, впереди вожак круторогий, стояли на соседней горе и настороженно смотрели в сторону, где лежал Ашир с джигитами. Юнцы недоумевали, почему же архары не идут к роднику, строили всякие догадки. Может, у архаров нюх особый? Разумеется, особый—не такой, как у человека! Может, ветер с нашей стороны и бараны чувят охотников? Нет, только не ветер. Дует ветер как раз оттуда, где насторожилось стадо.

Примерно через час загадка разрешилась самым неожиданным образом. К роднику, осторожно ступая, спустилась джейраниха с детенышем. Оглядываясь по сторонам и вздрагивая, она долго боялась опустить голову и припасть к воде. Потом послышалось ее мычанье—это мать приглашала джейранчика: пей, мол, не бойся. Как только малыш припал к роднику и его мать тоже собиралась это сделать, непонятно откуда выскочил из засады барс и ударом лапы опрокинул джейраниху в родник. Охотники, не сговариваясь, выстрелили в хищника. Несколько пуль попало ему в голову и бок. Барс замертво свалился, но успел убить джейраниху.

Джигиты, словно орехи с орешины, посыпались со скалы вниз, чтобы поскорее захватить добычу. Несколько человек схватили барса за лапы и оттащили от родника. Джейраниху тоже вытащили из воды: она лежала с остекленевшими глазами, а вода в роднике была замутнена кровью.

— Ребята, а где же малыш?—первым вспомнил о джейранчике Ашир.

Посмотрели вокруг—нигде его нет. Поискали—не нашли. Решили, что успел убежать детеныш, хоть и мал—едва держится на ногах. Стали решать, что делать с барсом. Четверо выволокли его на тропу. Тащили и приговаривали: «Вот Набат-дайзе хороший подарочек будет!» А убитую джейраниху оставили, немного оттащив от родника. И только было отошли от нее, как откуда-то появился и подбежал к ней, жалобно бляя, ее малыш-джейранчик. Ашир кинулся к нему, чтобы поймать, но малыш и не думал спасаться бегством. Вместо того чтобы бежать, он полез к мертвой матери, начал искать вымя. Ашир взял его на руки, и больно сделалось сердцу охотника.

— Эх, бедняга-бедняга,—пожалел он малыша.—Что же с тобой теперь делать? Оставлять тебя здесь нельзя—сразу звери растерза-

ют. Придется взять тебя домой, будете играть с моим малолетним сыном.

Охотники вновь поднялись в гору, к месту засады. Кто-то догадался посмотреть на соседнюю вершину, где полчаса назад стояли архары. Теперь там от них и следа не осталось; ясное дело—унеслись быстрее ветра, услышав выстрелы. Пришлось возвращаться в лагерь.

Когда спустились, Ашир принял решение—шкуру с барса снять, погрузить на осла и отправить с добычей в аул двух подростков. Один будет погонять осла, а другой джейранчика понесет.

Нашлись среди джигитов мастера по освеживанию туш: туркмены сызмальства эту науку усваивают—частенько в аулах то в одной кибитке, то в другой барана режут. В войну, конечно, баранов мало резали—не было их почти ни у кого. Но все равно, как снять шкуру, любой подросток знает. Вот и содрали с хищника-барса его пятнистую шкуру, потом подсушили малость и взгромоздили на спину осла. Взгромоздили, да не подумали, как этот обычно спокойный и покорный лентяй отнесется к столь необычной ноше. А осел, почувствовав на себе зверя, принялся сначала взбрыкивать задними ногами—все норовил сбросить, а потом как задал стрекача—только его и видели. Джигиты кинулись за ним, чтобы поймать, а он—в пески. Все дальше и дальше уходит. Через час вовсе с глаз скрылся. Послал Ашир за ним джигитов, чтобы во что бы то ни стало догнали, иначе пропадут и осел и шкура.

Джейранчика Ашир отправил к себе домой в аул. Велел юнцу, который понес детеныша, чтобы отдал его жене Ашира, а та накормила бы его козьим молоком. Джигит унес малыша и сделал все, как его просили. А что касается сбежавшего осла, тут трагедия. Те ребята, которые отправились на его поиски, нашли на третий день обглоданный ослиный скелет—съели беднягу волки, а кости обглодали шакалы. Шкура же барса осталась целой, видно, из-за запаха, исходившего от нее,—запаха могучего хищника—не тронули ее шакалы.

Ашир разделил свою бригаду на три группы—каждая ушла в своем направлении. Начался долгий и нелегкий сезон охоты. Сейчас, по прошествии многих лет, Ашир-ага и не помнил, как доставались ему архары. Помнил лишь, что когда он возвратился в аул, то не порадовалась небольшой охотничьей добыче председатель Набат-дайза. Вызвала она Ашира к себе в контору, принялась стыдить:

— Эх, Ашир-Ашир, а еще снайпер-фронтовик! Если ты и дальше так «метко» будешь стрелять, то наши бойцы в госпиталях поумирают с голода.

Ашир ничего не оставалось, как похвастаться убитым барсом.

— Набат-дайза,—сказал он с достоинством.—Но разве беззащитные животные украшают стрелка-фронтовика? На войне я убивал зверей-фашистов, поэтому и здесь, в тылу, начал с хищников. Вы подождите немного—сейчас вернусь...

Ашир возвратился, бросил к ногам председателя белую в темно-коричневых пятнах шкуру. У женщины от удивления и радости даже глаза засияли, разругались щеки. Она потрогала Руками шкуру, потом села на нее.

— Ашир, подари мне барсову шкуру!—попросила женщина.

— Берите, Набат-дайза, какой может быть разговор!—Ашир

приподнял лапу зверя и положил на плечо председателю.

— Я тоже в долгу не останусь, принесу подарок, которым я тебя отблагодарить хочу за шкуру.

Набат-дайза удалилась и вскоре вернулась с охотничьим нарезным ружьем английской марки. Подала его Аширу. Он даже растерялся:

— Это вы мне?

— Да, Ашир... Из этого ружья стрелял мой муж. Он погиб в сорок первом, ты знаешь. Ружье очень хорошее, муж всегда хвалил это ружье.

— Спасибо, Набат-дайза,— поблагодарил Ашир.

Дома тоже радость. Малыш-джейранчик, пока Ашир был в горах, совсем привык к жене и сыну Байлы. Прыгал, резвился, бодаясь, хотя и рожек у него еще не было. Байлы визжал и смеялся от счастья, все норовил погладить джейранчика. А малыш не сопротивлялся— совсем ручной. Убегал он от людей, только когда слышал бляенье козы в загоне. Джейранчик, подпрыгивая, неся к ней и лез под ноги, к вымени. Коза охотно принимала чужого малыша, лизала его палевую шерстку и ревниво смотрела на людей большими масляными глазами, словно хотела сказать: «Мой же он, чего вы его к себе тянете?»

Байлы шел седьмой год, он уже учился читать. И прежде чем раскрыть букварь, он обнимал за шею своего любимчика, а потом уж заглядывал в книгу и читал по слогам: «Ма-ма, па-па».

Джейраненок тыкался мордочкой в букварь, словно сам хотел научиться, и Байлы от радости заливался колокольчиком. Кричал, смеясь: «Смотрите, смотрите — он тоже читает!»

Ашир побыл дома, пока вместе с бригадой строил себе мазанку. Он, конечно, сам сооружал ее, парни-подростки лишь помогали ему. А когда дом был готов и семья переселилась в него, Ашир вновь повел джигитов-охотников в горы. Теперь они уже знали все архарьи тропы, да и стрелять метко научились. Охота проходила удачно. Сам Ашир из нового ружья стрелял без промаха, так что вторая вылазка в горы оказалась рекордной: до весны бригада сдала в сельпо, а оттуда в госпитали нескольких десятков туш архаров и джейранов.

После той удачной охоты бригада Ашира месяца два занималась перевозкой шерсти с пастбища. Работа, конечно, не охотничья — джигиты стыдились ее. Но война есть война, рук мужских не хватает. Старикам, детям и калекам-фронтовикам приходилось заниматься не только стрижкой овец и перевозкой шерсти, но и уборкой овощей. Пропадая с утра до ночи в поле, юнцы вздыхали, ожидая того благодатного дня, когда вновь возьмутся за ружья и отправятся за дичью.

Наконец день этот пришел: Ашира пригласила в контору Набатдайза, сказала наставительно:

— Ну что, мерген, отдохнул как следует, пора и за свое дело браться!

— Не отдыхал ни одного дня. Все время в поле...

— Знаю, знаю, это я так, в шутку. Сейчас, конечно, не до отдыха. Вот война закончится, побьем фашистов, тогда и отдохнуть можно будет. А пока так. Иди к бухгалтеру получи деньги и отправляйся со своей бригадой в Ашхабад. Купите билеты, сядете в поезд, доедете до Чарджоу, там пересядете на пароход и плывите до самого Нукуса. Зайдешь в райисполком — там скажут, чем вам заняться.

Поехали охотники из родного аула за тридевять земель. Сутки добирались до Чарджоу, трясясь на жестких полках почтового поезда; ожидали, пока подготовят в рейс небольшой пароходишко «Обручев». Наконец поднялись на палубу. Пароход оказался грузовым судном — нет в нем кают, кроме капитанской и матросского кубрика. Сложили охотники ружья в кубрик, а сами разместились на палубе: благо лето — на свежем воздухе плыть куда лучше, чем в темном кубрике. Капитан парохода сразу же проникая уважением к Аширу. Начал рассказывать о коварстве реки Амударьи, о зарослях — дженгелях, в которых водится всякое зверье вплоть до тигров. Рассказывая, жалел:

— Повыбили, пораспугивали зверье на Аму-реке в эти годы, пока идет война. Раньше тут, как в сказке, было. Помнится, ведешь свой кораблик вдоль берега, а над тобой то утки, то серые гуси летят. А однажды прибило нас к самому бережку — сели на мель, сняться никак не можем. Ни одного пароходика поблизости не видно, кто бы помог стронуть мой кораблик с места. Что делать? Выгрузились на берег, постель вынесли. Ночь пришла — костер разожгли. Сидим разговариваем о том о сем, а больше гадаем, сколько дней нам придется на мели просидеть, пока река русло изменит и сама с мели нас сбросит. И тут встал один из наших матросов, отправился в дженгели по своему делу. Вдруг слышим душераздирающий крик и

звериный рев. Мы за ружья схватились, открыли стрельбу. Отогнали зверя. Оказывается, тигр подходил к нам близко. Чуть было не напал на матроса, который отошел от костра. Но, слава аллаху, испугал только, не накинулся... Да, брат, места тут глухие были,— сожалея, продолжал капитан.— Тигры, как кошки, рыскали по джунглям— охотились на кабанов, на благородных бухарских оленей. Сейчас-то олени все ушли к Аралу, на свой олений островок— там им спокойнее. А тигры поднялись в верховья реки, на Вахше в тигровой балке только и водятся.

Пока плыли вниз по течению, ни разу не причаливали к берегу. Шли ровно, держась фарватера, который все время петлял, уводя пароход то к левому, то к правому берегу. У поселка Тахиаташ наблюдали сказочную картину. Стадо оленей, преследуемое то ли охотниками, то ли волками, выскочило к берегу и бросилось в мутные коричневые волны. Ашир по привычке схватился за свое нарезное ружье, и джигиты бросились к ружьям, но капитан недовольно scomандовал:

— Отставить!— И сказал чуть мягче, наставительно:— Охотник не волк и не пособник волкам—это запомнить надо на всю жизнь. Да и сердце у охотника не должно ожесточаться до волчьего— всегда оставаться человечьим.

— Вы правы, товарищ капитан,—согласился Ашир, опуская ружье.— И если говорить по правде, то мы охотимся не ради спортивного интереса, а ради того, чтобы людей мясом накормить, не дать им пропасть с голоду.

В Нукусе бригада Ашира высадилась, попрощалась с капитаном. С пристани охотники отправились в потребсоюз. Еще день просидели и переночевали на мешках под навесом, а потом на полutorке выехали в джунгли охотиться на фазанов.

Очень ясно, словно это было вчера или неделю назад, Ашир-ага вспомнил берег Амударьи, заросший джунглями, легкий рассвет над рекой и холодок от тяжелой коричневой амударьинской воды. Когда переправлялись в лодках на остров, было тихо, только вода под веслами всплескивала, а потом вдруг джунгли огласились птичьими голосами. Как самозабвенно, как радостно пели дикie птицы, встречая наступление утра! Сколько надежд возлагали они на синий рассвет и на желтое теплое солнце!

Ашир вспомнил золотистого петуха, который вылетел прямо на ружье и был тут же подстрелен. Фазан плюхнулся у берега на зеленый камыш и распластал крылья. Ашир взял его в руки, ощутил еще не ушедшее из птицы тепло. Увидел, как помутнел зрачок фазаньего глаза... Почувствовал себя Ашир убийцей, и неосознанная тоска сдавила сердце охотника. «О аллах, что же я делаю?»— подумал он растерянно. А когда к вечеру охотничьи бригады съехались на заготовительный пункт, Ашир содрогнулся: фазанов выбрасывали из лодок связками, как сушеную воблу, и грузили в грузовики.

Автомшины отправились с реки через Каракумы, в сторону Копетдага. Ашир ехал в последней с шофером и все время думал: «Ожесточился, озверел мир... Люди убивают людей, убивают животных, птиц... Что делается на свете?!» Полгода назад, на фронте, когда Ашир срезал «фрицев» из снайперской винтовки, он не испытывал никакой жалости. Знал, что убивает врага, посягнувшего

на Советскую страну, и совесть его была чиста. А сейчас он плакал душой и, наверное, заплакал бы всерьез, если б не сознавал, что он — мужчина, слезы ему не к лицу и если хорошенько подумать, то без фазанов не обойтись: тысячи раненых бойцов, тысячи детей нуждаются в дефицитном мясе, а в курином особенно...

Эту нужду он ощутил во сто крат сильнее, когда на полдороге между Амударьей и Ашхабадом с машиной, в которой он ехал, случилась авария—отказал мотор. Пять грузовиков умчались вперед, а Ашир с шофером копались в моторе.

Они провозились больше двух часов и, поняв, что ничего у них не получится, пришли в отчаяние. Что делать? Фазаны, а их целая гора—продукт скоропортящийся. Если к ночи не доберешься до Ашхабада и не сдашь птиц в городской холодильник—испортятся. На дворе хоть и октябрь, но солнце все еще жарит по-летнему. Забегал тогда Ашир, засуетился, а шофер сел возле колеса, обхватил голову руками и застонал, завыл: «Под суд теперь начальник отдаст... Я во всем виноват, не проверил мотор перед дорогой...»

Ашир взобрался на бархан: может быть, где-то поблизости верблюды пасутся? Можно верблюдов запрячь в машину, потянут... Но нет ни одной живой души вокруг.

К вечеру заметили пыль на горизонте. И вот грузовик с запчастями для тракторов из Ашхабада едет. Остановили. Ашир кинулся к шоферу: «Братец, выручай, в беду попали!» Тот выслушал, ответил: «Да вы что, с ума сошли? Я везу в колхоз запчасти!» И сел за руль. Тогда Ашир направил на него ружье: «Пристрелю, если не отвезешь фазанов в Ашхабад!»

Словом, заставил силой... Потом этот случай разбирали в райисполкоме. Все трое получили по выговору. Один—за то, что машину не осмотрел перед выездом, другой—за отказ помочь, а Ашир—за применение физической силы... Но этот случай, как говорится, цветочки... Было и похуже, о чем вспомнить горько...

Вернувшись с Амударьи, Ашир отдыхал несколько дней и радовался семейному благополучию. В доме, кроме муки да трех петухов, которых, как только Ашир бросил на пол, жена подхватила и принялась обшипывать, ничего не было. Но нажарила жена курятины, накормила семью, и счастливы все. А что касается сына, Байлы, тому и фазаны не нужны—все время занят своим джейранчиком. За год вырос детеныш, в молодого джейрана превратился. Рожки у него появились. Но по-прежнему ручной, от Байлы ни на шаг не отходит. Отправляется Байлы в школу—он за ним. Возвращается из школы—джейран его встречает. Сердце у Байлы заходит от счастья, когда он клал руку на шею своему любимцу и начинал ласкать его. Песни ему напевал малыш и книжки читал вслух, как самому близкому другу...

Порадовался Ашир несколько дней семейному уюту, и опять Набат-дайза его в правление пригласила:

— Ашир, не сердись на меня, я люблю тебя как брата, но придется тебе ехать с джигитами за свиньями...

— Набат-дайза, пощади! Какими свиньями ты меня пугаешь?—взмолился Ашир.

— Свиньи те живут в тедженских тугаях, — уточнила Набат-дайза. — Их люди дикими кабанами называют. В госпиталях это

самое уважаемое блюдо. Как соберем осенний урожай, бери с собой в помощники конюха Егора и поезжайте, все равно лошадей у нас нет, нечего Егору в ауле сидеть. Пусть возится с подстреленными кабанами.

Пришло время—повез Ашир своих мергенов в Ашхабад. Там, на госпитальном дворе, познакомились они с солдатами-нестроевиками из хозроты, все вместе сели в «студебеккер» и отправились в Теджен. Выехали утром—к вечеру были на водохранилище. Поселились в войлочных кибитках. Рядом с ними глинобитный домишко—коптильня. Салом свиным так и несет от него, и кости кабаньи вокруг дома валяются.

Переночевали с горем пополам на кошмах. Всю ночь в очаге огонь поддерживали, поскольку снаружи было сыро—зима только-только начиналась. На рассвете разделились по двое, ружья на плечо и отправились—кто вниз, кто вверх по реке. Тугай всюду. И везде, по рассказам местных дехкан, свиней много.

Ашир взял с собой Егора. Он хоть и хромой на одну ногу, но мужик проворный. На кабанов никогда не охотился, зато повадки свиней хорошо знает: «Им бы пожрать да в грязи поваляться». Поразмыслил Егор, где могут сейчас кабаны кормиться, и решил—на островке, среди камыша. Река в ту пору почти сухой была. Это она в летнее половодье из берегов выходит и все затопляет вокруг, а тогда, ранней зимой, островок, облюбованный охотниками, выглядел полуостровом: вода его облизывала лишь с трех сторон.

Перебрались Ашир с Егором на остров, измазались по пояс в донной грязной жиже и пошли с севера на юг, приглядываясь к кустам. Сначала шли, разговаривая вполголоса, и ружья наготове держали. Потом решили, что вряд ли их кабаны тут дожидаются, и покрикивать начали. Глядь, затрещали кусты. Огромный кабанische выскочил и понесся прочь. Егор в угон заряд послал. Выстрел прогремел, дым рассеялся, а кабан кинулся по грязи на восточный берег. Догнать, конечно, невозможно. Начали досадовать охотники на неопытность свою и ружья опустили. Пошли взглянуть на то место, откуда он выскочил. И вдруг вылетает на них матка. Встала, ошетинулась, а на сосках трое или четверо поросят висят. Ашир успел выстрелить. Егор тоже. Свинья в агонии бросилась на охотников и расшвыряла их, как котят. Ашир опомнился, когда в воде по пояс оказался. А вода ледяная, терпеть невозможно. Выбрался опять на островок... Тут и Егор пришел в себя. Отыскали тушу в кустах. Приволокли на охотничий стан. Поросят поймать не сумели: попрытались в тугаях...

Почин, как говорится, сделали. Но заболел Ашир. Сначала озноб начался, потом температура высокая поднялась. Отправили его на «студебеккере» в госпиталь. Там установили диагноз—воспаление легких. Страшная это для Ашира болезнь, если учесть, что половину легкого вырезал еще военный хирург.

Трудно выкарабкивался из лап смерти Ашир. Восковым стал. На ребрах одна кожа. Глаза ввалились. Но спасибо врачам: пенициллин где-то раздобыли, такой редкий в то время. Подняли на ноги с помощью этого лекарства. А когда поправляться стал, жена в госпиталь зачастила: каждый день приезжала и привозила мясное. То шурпу, то пирожки с мясом. Ашир не спрашивал, где она мясо

достаёт. Потом узнал... Но еще в госпитале заметил, чем-то тяготится женщина, о чем-то умалчивает. Ашир выздоравливает, слава аллаху, а она смотрит на него печальными глазами и вздыхает...

Оказывается, вот что произошло. Байлы однажды приходит из школы, садится обедать, мать ему радостно говорит: «Отец поправляется начал, сынок. Просил, чтобы привезла тебя к нему в госпиталь, повидать хочет». «Ладно, мама, я хоть сейчас готов ехать», — отзывается Байлы, а сам шурпу уплетает. Наелся досыта, похвалил вкусный обед, взял корочку хлеба со стола и отправился во двор, чтобы покормить своего джейрана. Зовет, ищет по двору, а его нет нигде. Спрашивает тогда Байлы у матери: «Мама, где же мой джейран?» А она замешкалась, отвечает смущенно: «Разве ты не знаешь, Байлы? Егор приходил, прирезал джейрана. Сказал, что твоему отцу для поправки молодое мясо требуется». Байлы растерялся: «Как же так?!» Побледнел и надолго ушел из дома.

Когда Ашир вернулся из госпиталя, то не узнал своего сына, таким нелюдимым тот стал. Ашир подумал тогда: «Вместе с джейраном погибла душа в мальчишке». Принялся уговаривать, чтобы не переживал. Пообещал такого же малыша с гор привезти. Но сын лишь горько вздыхал и отворачивался.

...Больше часа, пока ехал домой, беспрерывно вспоминал Ашир-ага о прошлом — весь ушел в себя.

Машина обогнула гору и выехала в широкую долину, посреди которой лежали уголья колхоза и село: типовые каменные дома, крытые жестью и черепицей. Стояли они в несколько рядов, образуя длинные улицы. На самой широкой, в тупике, высвечивал белыми стенами колхозный Дворец культуры. Там же, рядом, контора и чайхана на арыке. Шофер, зная привычку старика-мергена после города непременно посидеть в чайхане, поделиться новостями со сверстниками, направил было машину в ту сторону. Ашир-ага попросил неловко:

— Вези домой, Аман. Устал сегодня что-то.

— Ладно, яшули, — понимающе согласился шофер. — Как скажете, так и будет. Если по-честному говорить, то на собраниях люди гораздо больше устают, чем в поле.

— Не остри, без тебя тошно, — отозвался старик и вылез из машины.

Дома, как всегда, он застал жену на тахте, с внуками. Девтора кинулась к деду за гостинцами. Не было случая, чтобы Ашир-ага, побывав в городе, не привез чего-либо малышам. А сегодня забыл. Он даже не вспомнил о внучатах, так сразу его шалопай с трибуны. Старик принялся извиняться, пообещал: завтра или послезавтра обязательно поедет специально за гостинцами. Жена сразу поняла: что-то не так.

— Уж не случилось ли беды с Байлы? — вкрадчиво спросила она о сыне.

— Ай, что с ним может случиться! — вскипел Ашир-ага. — Со мной случилось. Какой-то негодник оскорбил при всех. Опозорил!

— Не обращай внимания, — сказала жена. — Мало ли кто чего скажет!

Он прилег на ковер, сунув под голову подушку, решил забыть об этом неприятном собрании. Сон придет — все заботы и тревоги

снимет. Но стоило ему закрыть глаза, как перед ним опять встал берег Амударьи, заросший дженгелями.

Загустил Ашир-ага от воспоминаний. Встал с ковра, отправился чай вскипятить. Заварил, сел пить—и опять прошлое как в зеркале отражается. Он телевизор включил—балет на экране: приятная музыка и балерина в белом. Немножко оттаяло сердце, но тут началась городская программа новостей. Ее Ашир-ага никогда не пропуская. Уселся поудобнее, локтем о колено оперся, пиалу поднес к губам. Отхлебывает чай и смотрит внимательно. Сменяются кадры, и вот президиум собрания и он сам за столом. Улыбается жалко, по сторонам смотрит, словно помощи ищет... И этот негодник в куртке на трибуне, рукой машет... А вот и зал: одни смеются, другие морщатся. В дикторском тексте, конечно, ничего такого нет, просто сообщение о том, что состоялось собрание Общества охраны природы. Но телекадры окончательно «выбили из седла» старого мергена. Поставил он на сачак пиалу и закачал головой: «Как же теперь людям в глаза смотреть? Теперь придется каждому встречному-поперечному объяснения давать...»

«Если уж говорить об уничтожении животных, то начинать надо с бывшего председателя, усатого Пермана,—подумал Ашир-ага.— Властный был человек и деятельный. Приехав с войны, сменил он Набат-дайзу и за два года навел в колхозе порядок. Ферма появилась, конюшня пополнилась скаковыми лошадьми, овощи на базар колхозники повезли. Но и гостей прибавилось в селе. Чуть ли не каждый день к Перману люди из города заглядывали, в шляпах и макинтошах. Пили, шашлыки жарили, на охоту ездили с председателем. Три «виллиса» приобрел для правления Перман. Иногда сразу на трех выезжал с гостями поохотиться на джейранов...»

Вспомнил Ашир-ага о своей первой и последней ночной охоте на такырах. Неслись с зажженными фарами, обходя стадо джейранов слева, и палили из ружей по беззащитным животным. К утру, когда стащили всех застреленных джейранов в кучу, получилась целая горка из туш. Перман счастливо похохатывал и приговаривал: «Толкуют, что Тимур из черепов башни строил... Мы тоже могли бы! Не так ли? Но нам не надо башен. Мы заложим это мясо в котлы. Верно, снайпер Ашир?» «Нет, не верно,—возразил Ашир.— Это была не охота, а мясорубка. Вы осточились, Перман-ага, на войне до неузнаваемости! Вы потеряли уважение к родной природе. Разве так можно?» Перман похмыкал, сердито раза три носком сапога ковырнул землю и отошел от Ашира. Больше его на ночные охоты не приглашал. Браконьерами потом заинтересовался райисполком—вызвали на беседу председателя Пермана. К вечеру вернулся он с проработки и собрание в клубе сразу назначил. Сошлись сельчане. Долго вели толки о том, как охотиться, и пришли к выводу, что надо брать пример с Ашира: честнее охотника в селе нет. «Ну что ж, если так, то будем брать пример с Ашира»,—согласился Перман.

Через несколько дней заехал в село корреспондент республиканской газеты. Ходил с председателем, смотрел хозяйство, с Аширом встретился, задал несколько вопросов об охоте, а потом появилась статья «Властелин природы». И показан был в ней Ашир непревзойденным охотником. Он и следопыт, он и кормилец сельчан, но и гроза природы, его, мол, бояться все дикие животные. И конечно же

занимательная история из его охотничьей жизни. Не история даже, а прямо-таки красивая легенда. Будто бы подстрелил Ашир-ага девятью девятью архаров, оставался еще один для ровного счета, и тут ему люди говорят: «Ашир-мерген, никто не сомневается, что и сотого ты подстрелишь так же легко. Но хотелось бы, чтобы сотый архар был особенным, не таким, как остальные». Рассказали якобы сельчане Ашир-аге: «Ходит, мол, по горам одинокий старый архар. Никто к нему не может подойти-подступиться. Любого зверя он за километр чует, а человека тем более. Одинокий этот архар раньше вожаком стада был. Много лет он водил по Копетдагу свое семейство, охранял маток и детенышей. И не знал старый вожак, откуда ему грозит опасность. Однажды осенью молодой соперник вызвал старика архара на бой за право называться вожаком стада. Долго бились они, и дрогнул старик — попятился и бежал куда глаза глядят. Скитаясь по горам в одиночестве, он не раз пытался взять реваншу своего врага, но все так же оставался битым...» Вот за тем молодым вожаком, который обидел старика архара, и отправился будто бы Ашир-ага. Долго он подкрадывался к стаду, но наконец-то пристрелил этого архара, который и стал сотым на охотничьем счету Ашир-мергена...

Взбунтовался Ашир-ага, прочитав эту галиматью о себе. Собрался в редакцию ехать, чтобы газета дала опровержение, но Перман остановил его:

— Зачем ты нервничаешь, Ашир? А еще фронтовик! Не строй из себя глупца. Я тебя к прिवетельственной награде представил, а ты со своим опровержением носишься!

Сдался Ашир, рукой махнул. А тут и в самом деле вскоре наградили Ашира медалью за доблестный труд. И вслед за этим скульптор из города приехал. Высокий, с длинными седыми волосами. В гости пришел.

— Ашир-ага, поздравляю вас. В вашу честь я должен соорудить достойный вашего имени монумент. Я думаю, что будет очень хорошо, если мы перед колхозным правлением на площади поставим каменного архара.

— Как ты приехал сюда, так и уедешь, товарищ скульптор,— разозлился Ашир-ага.— Не надо мне никаких памятников. Не было никакого сотого архара. Легенда выдумана газетчиком, чтоб ему пусто было!

— Ну зачем же так, Ашир-ага,— принялся успокаивать скульптор старика.— Я же к вам с открытым сердцем, а вы...

Скульптор пошел к председателю Перману, рассказал обо всем. Перман лишь лукаво ухмыльнулся:

— Скромничает старик. А если разобраться, то скромность его показная. По-моему, недоволен тем он, что архара мы собираемся поставить возле конторы. Давайте-ка, товарищ скульптор, лепите своего архара, а мы поставим его на вершине горы, у въезда в наше село!

Вот так и оказался каменный архар высоко над ущельем, на вершине горы. С той поры прошло тридцать лет, нет больше председателя Пермана, а о том, что каменный баран поставлен в честь Ашир-мергена, все, даже малые дети, знают. Но до каких пор будет торчать на глазах у всех эта позорная статуя?!

Утром, чуть свет, Ашир-ага встал с постели, опоясался патронта-

шем, бросил за плечо ружье и отправился к шоферу Аману. Разбудил его. Парень спросонок не мог понять, чего от него хотят, и недоуменно смотрел на старика:

— Куда ехать в такую рань? Зачем? Никуда я не поеду!

— Да ты не шуми, Аман,— уговаривал его Ашир-ага.— Твое дело— подвезти меня к ущелью, а там я без тебя управлюсь. Этот чертов архар жизни мне не дает, понимаешь?

— Какой архар?! — принялся смеяться Аман.— Вы в своем уме, яшули? Здесь и духу архарьего нет, на сто километров ни одного не сыщешь!

— Найдем! — нетерпеливо и грубо отозвался Ашир-ага.— Давай вези.

— Ну, ладно,— согласился шофер, посмеиваясь.— Посмотрю, как это вы покажете охотничью удаль в свои семьдесят три года.

Аман посадил старого охотника в машину, и спустя полчаса они были в ущелье. Ашир-ага вылез на дорогу, посмотрел вверх, где красовался каменный баран, и пошел в гору. Он поднимался и приговаривал: «Нет, дорогой Перман, я не хочу, чтобы после меня жила на земле дурная слава. Снайпер-мерген никогда не был врагом природы...» Он прошел в гору метров сто, не больше, и почувствовал слабость в ногах... Почувствовал, как часто и с незнакомым доселе страхом бьется сердце. «Вот каким дряхлым ты стал, снайпер,— с жалостью подумал о себе Ашир-ага.— Когда-то ты бегал по этим склонам, не уставая, а что же теперь от тебя осталось?» Ашир-ага, отдохнув немного, снова встал и пошел вверх. Склон горы стал круче, но, чтобы выбраться на вершину, где красовался архар, надо одолеть еще метров триста. И тропа туда поднимается почти вертикально. С лица старика ручьями лил пот, сердце уже не стучало, а панически шумело, словно речной поток на перекате. И в глазах у него несся шумный поток, сливаясь с желтым светом восходящего солнца.

Он отдохнул немного и полез вновь, цепляясь за выступы скал. «Только бы подойти на выстрел,— упрямо говорил сам себе Ашир-ага.— Подняться еще хотя бы на пятьдесят метров...» И он лез вверх, цепляясь за камни и раздирая до крови пальцы, пока окончательно не выбился из сил. Упал лицом вниз и долго лежал неподвижно, словно мертвый.

Все это время Аман стоял внизу, возле машины, и сначала с любопытством, а потом со страхом следил за стариком.

— Ашир-ага! — позвал он, увидев, что старый охотник лег на тропу.

Старик не шевельнулся, не подал никаких признаков жизни.

— Ашир-ага, что с вами? — панически закричал Аман и бросился в гору.

Старый мерген приподнялся на руках, посмотрел на каменного архара, гордо стоявшего на вершине, снял с плеча ружье, прицелился и выстрелил из одного, а затем из второго ствола. Уже отлетела половина рога у каменного красавца, а мерген все загонял в стволы патрон за патроном и стрелял, стрелял, стрелял. И дикое, забытое людьми эхо гремело над ущельем, летя на предгорные просторы.

ЗАГАДКА ОСТРОВА ОУК

Повесть

Река из залива

Клянусь крабом, изрядно позеленевшим на околыше моей фуражки: я всегда говорю то, что думаю! На любую морскую проблему, тайну, загадку я имею свою точку зрения и готов ее отстаивать. На нашем судне это не всем нравится, но с капитаном я живу в мире, как и положено его первому помощнику.

Наш капитан Матвей Ильич Ткачев — удивительный человек! Я давно заметил, что он обладает каким-то магнетизмом, притягивающим к себе людей. Внешность у него самая обыкновенная, ничего выдающегося. Этаким добродушный, круглоголовый, уже седенький крепыш, но с такими молодыми бездонно-голубыми глазами, что смотришь в них и насмотреться не можешь. И душа у Матвея Ильича такая же молодая. Не состарилась она на морских путях-дорогах, не лишилась возможности удивлять людей своим умом и знаниями, не разучилась сама удивляться. Матвей Ильич — один из тех, про которых говорят: «Легок на помине». Стоит о нем поговорить или подумать, как он тут как тут.

Вечером я сидел в каюте и читал книгу.

С какой стати в такой поздний час мне думать о капитане? Едва я подумал это, как сразу же интуитивно почувствовал приближение Ткачева. Странно, не правда ли? Но факт остается фактом: через минуту-другую раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал я в полной уверенности, что сейчас увижу Матвея Ильича.

— Идем в Канаду. Порт погрузки — Монреаль, — проинформировал меня капитан, усаживаясь в кресло.

— Отлично! — воскликнул я. — Наконец-то мы доберемся до этих канадских «тритонов» и скажем им все, что о них думаем! Сколько можно губить на острове Оук уникальное гидротехническое сооружение > средневековых мастеров! Сколько можно пробивать там бессмысленные шахты и шпурь! Ничего, кроме золота, их не интересует. Оукский колодец — это восьмое чудо света...

Капитан терпеливо молчал. Ему не надо было объяснять, о каких «тритонах» идет речь. Года два назад, когда были в Канаде и

грузились в Порт-Картье, мы вместе с ним читали местные газеты, которые пестрели сообщениями о деятельности союза кладоискателей «Тритон эллайнс лимитед». Его основатель бизнесмен Дэвид Тобайес держал флаг в Монреале, а самый активный из директоров концерна—Даниэль Бленкеншип уже провел несколько лет на острове Оук, где искал путь к несметным сокровищам. Бленкеншип периодически поднимал настроение вкладчиков сенсационными сообщениями в печати.

В 1972 году его шахта, названная «Шпур 10 X», врезалась в скальное основание острова и обнаружила под ним полость, заполненную морской водой. Кладоискатель опустил на глубину 72 метра портативную телекамеру, которая якобы увидела в мутной воде сундук с золотом, а рядом... отрубленную кисть человеческой руки! «Доморощенный» авантюрист пытался подкрепить свою информацию весьма туманными фотографиями. Только при больном воображении на них можно было увидеть и заветный сундук, и кисть руки, и даже... плавающий человеческий череп.

Возбудив таким образом интерес к своим «открытиям», Бленкеншип надел акваланг и сам спустился в узкую шахту за сундуком. Но того и след простыл! Кладоискатель объяснил эту неудачу абсолютной темнотой в полости, где совсем недавно телекамера «видела» целый набор приключенческих атрибутов...

— Ваша догадка меня почти убедила. Но где доказательства, что вы правы?—спросил капитан.

— Доказательств пока нет,—признался я,—но моя версия не хуже других.

— И это требуется доказать,—Матвей Ильич улыбнулся.— Прежде чем выяснять отношения с канадцами, почему бы вам не опробовать свои доводы на экипаже? Соберите моряков и расскажите им историю острова Оук, попробуйте доказать им свою правоту, послушайте их мнение.

Моя догадка!

Основа моей версии—Гольфстрим (в переводе означает «река из залива») — течение, источником которого считается Мексиканский залив.

По моему предположению истоки Гольфстрима следует искать в экваториальных водах Атлантического океана. Где-то там, у северо-восточных берегов Южной Америки, солнце постоянно возбуждает движение теплых океанических масс к холодному Северу. Большие и Малые Антильские острова делят их на два потока: Антильское течение не покидает океан, а Карибское врывается в Карибское море, пересекает его с востока на запад и через Юкатанский пролив проникает в Мексиканский залив, где становится Флоридским течением.

Еще в далеком XVI веке испанские конкистадоры, пришедшие с огнем и мечом на землю майя, обратили внимание на то, что скорость течения в Юкатанском проливе превышала три узла. Любая лодка или большой плот, попавшие у восточных берегов Юкатана в струю течения, проходили за сутки более семидесяти миль. На выходе из Мексиканского залива Флоридское течение сливалось с Антильским, и могучий Гольфстрим с удвоенной силой нес на север этот плот или большую беспарусную лодку...

Велик и славен был народ майя: ему были доступны тайны

движения небесных светил, он имел письменность, умел строить города. В средние века его города-государства Чичен-Ица и Майяпан состязались в красоте и силе, подобно античным Риму и Карфагену. Выше всех наук майя почитали историю. Каждые двадцать лет они воздвигали каменные стелы, на которых записывали важные события. А важнейшие из них писались на золотых досках. Смертная казнь грозила летописцу, осмелившемуся изложить историю народа. Междоусобица погубила сначала Чичен-Ицу, а потом захирел и Майяпан. Величавые пирамиды и храмы бывших городов были поглощены ненасытными джунглями. В 1485 году страшная эпидемия опустошила Майяпан.

Испанские завоеватели появились на Юкатане в начале XVI века. Сея смерть и разрушения, они подавили сопротивление майя, уничтожили многовековую культуру великого народа. Почти столетие конкистадоры охотились за золотыми досками истории, но жрецы упорно оберегали их. 52 доски—более десяти веков! И каких! Золотых веков!

Поразительные научные достижения майя, их познания Вселенной, инженерные расчеты при строительстве пирамид, храмов и городов. Они—единственный народ доколумбовой Америки, имевший свою иероглифическую письменность. Нет сомнений, что и сведения об истоках цивилизации майя были занесены летописцами на золотые доски.

Под натиском испанцев отступали боевые отряды майя все дальше и дальше в глубь страны, на юг Юкатана. Когда угроза захвата нависла над владениями вождя Чектемаля, расположенными на берегу большого Четумальского залива, оставшиеся в живых жрецы—хранители истории собрались на совет.

Как быть? Как спасти священные реликвии народа? Ведь сзади, за спиной—непроходимые болота, а впереди—испанцы...

Закутавшись в белые длинные, до пят плащи, в мрачном молчании сидели жрецы. И тогда встал перед ними молодой вождь, внук Чектемаля. Он командовал охранным отрядом воинов и был вооружен дротиком, пращей и луком. Юноша сказал:

— О, мудрейшие жрецы! У нас остался только один путь—море. Надо плыть на север, найти необитаемый остров и спрятать золотые книги так, чтобы никто не смог их отыскать.

Майя были плохими мореходами. Они не имели кораблей и боялись моря, насылающего на их города тропические ураганы. И один из жрецов спросил:

— Кто найдет дорогу к острову?

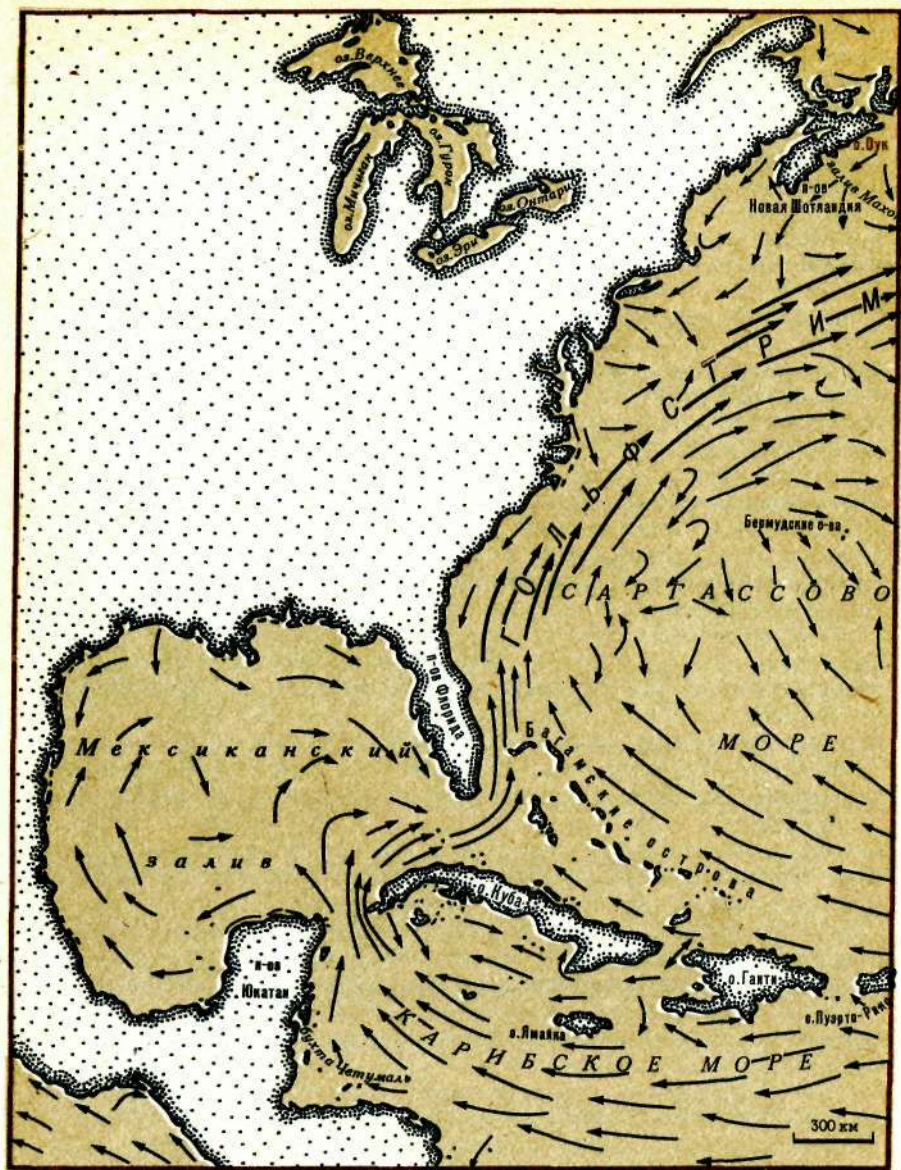
— Я поведу вас,—ответил внук Чектемаля.

Жрецы знали, что индейская кровь в его жилах перемешана с испанской. Отец юноши—испанец Гонсало Герреро—был полководцем у майя и погиб вместе с двумя старшими сыновьями в бою с испанцами за свободу своей новой родины.

— Как долго продлится плавание?—спросил все тот же жрец.

— Отец говорил, что от Ямайки в страну майя его принесло течение. Оно сильное и быстрое. Там дальше, на севере, должна быть земля, где нет испанцев. Так говорил мой отец—великий полководец Чектемаль.

Жрецы верили молодому вождю, но сомневались в глубине его знаний. На всякий случай они решили погрузить на плот и лодки

охраны такое количество кокосовых орехов, чтобы их хватило на долгий-предолгий путь...

Беспарусная эскадра мая покинула Четумальский залив и в струе течения поплыла на север. Удачно избежав встречи с испанскими кораблями, они выбрались на просторы Атлантического океана. Шли дни, ночи, а встречной земли все не было. Напрасно молодой вождь напрягал зрение. Кругом ничего, кроме воды...

Жрецы посоветовались, решили, что давно пора взяться за весла и вырваться из плена течения, которое занесло эскадру слишком далеко на восток. Они приказали держать курс на запад. Гребцы выбивались из сил, а Гольфстрим упорно не отпускал эскадру. Еле-еле выгребли из него. Волей случая майя попали в залив Махон, где им приглянулся необитаемый остров Оук (Дуб), покрытый более светлой растительностью, чем все другие острова залива.

Годы ушли на сооружение тайника, ведь топоры у майя были каменными, а ножи—из обсидиана. От голода и холода умирали на чужбине жрецы. Последний из них перед смертью приказал вождю вернуться на родину, оставив тайник под охраной моря...

Мне не хотелось спать. Возбужденный созданной воображением картиной, я вышел на палубу. Как и четыреста лет назад, все те же звезды мерцали над головой, все тот же Гольфстрим мчал наше судно на север. Только такая скорость—двадцать узлов—жрецам майя и не снилась. Пятнадцать давала машина, остальные пять добавляло попутное течение. Яркие огни на Флориде от курортного города Майами вернули меня в XX век.

Завтра, вернее, уже сегодня я расскажу морякам все, что думаю о загадке острова Оук. Зачем им она? Загадки нужны людям, чтобы будоражить любознательность, без них не родилось бы ничего прекрасного. Но прекрасному мало родиться, ему еще надо выстоять в борьбе.

Мой рассказ экипажу

Маленькому селению рыбаков Вестерн-Шоу (западный берег Новой Шотландии), приютившемуся на берегу залива Махон, в устье реки Голд (Золотая), хватало забот и без пропажи хромоного Генри Смита. Он не вернулся с острова Оук, куда пошел за желудями для свиней. Говорили ему, что там нечисто, что первые поселенцы видели по ночам на острове какие-то огни. Не послушался старик, ушел и не вернулся.

Встревоженные рыбаки отправились на поиски Смита. Их лодки вошли в маленькую бухточку у восточной оконечности острова—единственное место, где берег был свободен от густых зарослей дубняка. Самые смелые мужчины высадились на узкий пляж и тут же услышали идущие из-под земли звуки: какое-то бормотание, всхлипывания и стоны. В суеверном ужасе рыбаки бросились к лодкам и что есть духу налегли на весла. Лодки помчались прочь от острова.

— Непогребенная душа Смита бродит там,—оправдались перед односельчанами участники поиска.

Суеверный страх живуч. Взрослые пугали себя и детей рассказами о нечистой силе, избравшей местом жительства остров Оук. Но в 1795 году подросток Даниэль Мак-Джинис поспорил с Джеком—племянником Генри Смита, что не боится встречи с призраком его хромоного дяди. Судьей между ними вызвался быть Антони Воган.

Приятели взяли лодку и отплыли на Оук, благо расстояние до него—чуть больше мили. По условиям пари Даниэль должен был

высадиться в бухте Смита (позднее ее стали называть бухтой Контрабандиста), подняться по склону на возвышенность, где стоит одинокий дуб, и принести друзьям парочку желудей.

Упорства Мак-Джинису хватало. Недаром его предки были шотландцами! Конечно, поджилки у парня тряслись, непослушные ноги гнулись в коленях, но он шел вперед. Да, юный шотландец тоже слышал странные звуки: ропот, стенания, даже шаги хромоногого Смита...

Раз-два... Раз-два...

Мурашки бегали по спине Даниэля. И все же он удержался от постыдного бегства, так как шаги Смита по мере удаления от берега тоже удалялись и затихли совсем, когда Мак-Джинис почти добрался до дуба. Осталось немного, рукой подать. Но что это? Юноша в ужасе застыл на месте.

В густой тени, под дубом, чуть покачиваясь, висел длинный, худой белый призрак!

Сердце у парня ушло в пятки. Он рванулся было назад, но усилием воли заставил себя задержаться. Зажмурившись, Даниэль сделал несколько шагов к призраку и обнял что-то влажное от росы. Ноги у него подкосились. Он упал и потерял сознание...

Придя в себя, Мак-Джинис увидел над головой нижний блок от обыкновенных судовых талей, обшитых для сохранности чехлом из белой ткани. Он посмеялся над пережитым страхом. И тут он догадался, что странные звуки на пляже принадлежат не душе Смита-старшего, а приливу, забравшемуся в одну из прибрежных пещер. Ведь ребята бывали в подобных «разговаривающих» пещерах и раньше!

Совсем осмелев, юный искатель приключений взобрался на вершину дуба и позвал к себе приятелей. Те пришли. Бледные, но шумливые, скрывающие страх под маской развеселой удали. Воган оседлал «призрак» и стал раскачиваться, а Смит заметил под ним углубление, какое-то проседание почвы.

— Кто-то здесь рыл яму, — сказал он.

— Верно! — поддержал его Мак-Джинис. — А что, если тут спрятан клад? Откопаем?

— Ура!! — ответили приятели.

Мальчишки достали из лодки лопату и принялись за работу. Под дерном была кладка из плоских камней. Она четко обозначила сруб засыпанного колодца диаметром более двух метров. Все ясно! Там, внизу, пиратский клад! Взрослые рыбаки любили коротать длинные вечера рассказами про «джентльменов удачи», про, таинственные, необитаемые острова, где пираты прятали награбленные сокровища. Лопата переходила из рук в руки и мелькала с удвоенной быстротой. Но на трехметровой глубине путь к кладу оказался перекрытым толстыми дубовыми бревнами.

Обескураженным кладоискателям пришлось вернуться домой и рассказать о находке родителям. Рыбаки крепко вздули своих отпрысков заслушание и на целое десятилетие отучили их от походов на Оук.

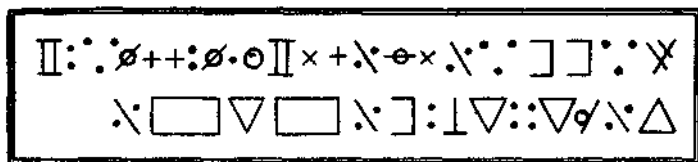
Когда Даниэль Мак-Джинис, Джек Смит и Антони Воган сами стали взрослыми, обзавелись семьями и скопили некоторую сумму денег на раскопку клада, который снился им по ночам, они еще раз приехали на остров, теперь уже для основательных раскопок.

В 1804 году первая поисковая экспедиция, вооруженная инструментами для ручного труда, начала раскопки. Колодец оказался сложным сооружением. Через каждые три метра кладоискатели наткнулись на новое препятствие. Кладки из бревен перемежались слоями древесного угля, глины, волокон кокосового ореха...

Приятелям некогда было анализировать свои действия. Они работали с рассвета до темна: разбирали бревенчатые кладки, крушили похиженные на бетон твердые слои глины, выволакивали из колодца ворохи кокосовой мочалки. Каждое препятствие лишь подогревало азарт.

Быстрее! Цель близка!

На отметке «двадцать четыре метра» — находка! Плоский камень размером 30 на 60 сантиметров, испещренный непонятными знаками. Сразу скажем, что за последующую долгую историю этот камень то исчезал, то его вновь находили, но до наших дней не сохранился. Осталась лишь переписанная с него надпись:

Любопытную расшифровку надписи сделал в 1971 году профессор Мичиганского университета Росс Вильгельм. Он считает, что шифр имеет испанское происхождение и гласит: «Начиная с отметки «80», сыпать в водосток маис или просо. Ф». Отметка «80 футов (24 метра)» — место, где был найден камень, а последняя буква «Ф», по мнению профессора, обозначает испанского короля Филиппа И.

Даниэль Мак-Джинис и его друзья не имели под рукой трактата по тайнописи Джованни Баттисты Порты, на который опирался Р. Вильгельм. Им и без дешифровки было ясно, что два миллиона фунтов стерлингов — ни больше ни меньше — с нетерпением поджидают их внизу.

Не остановились кладоискатели, не задумались. Они яростно прошли еще три метра, и на дне колодца появилась вода. Вода все прибывала и прибывала. Попытка откачать ее ведрами успеха не имела. Усталые и злые компаньоны сделали длинную вагу и нащупали ею под водой сундук или бочку, разумеется, с золотом! Но как достать? Утро вечера мудренее, решили они и отправились на отдых. С рассветом кладоискатели прибежали к колодцу и нашли его заполненным водой...

Сведения об уровне воды противоречивы. Одни утверждают, что колодец заполнился водой доверху, другие — до отметки «18 или 10 метров». Учитывая, что наибольшая высота острова над уровнем моря — 31 метр, а его восточная оконечность снижается в районе одинокого дуба до 10 метров, любое из свидетельств можно принять за истину, ибо сложная гидротехническая система, обслуживающая колодец, была построена хитро.

Дальнейшие действия первых кладоискателей, как и всех последующих, трудно назвать разумными. Рядом с колодцем они вырыли

еще один, сделали из него подкоп к заветному сундуку... и еле успели выскочить из шахты. За ними по пятам под сильным напором гналась вода.

Мечты местных рыбаков о сказочном богатстве рухнули, а загадка колодца обрела долгую жизнь. Много людей из разных стран мира пытались дать ответы на вопросы: кто вырыл колодец? почему его засыпали? как расшифровать надпись на камне? что таится на дне?

Кладоискательство, как золотая лихорадка, то угасает, то вновь вспыхивает с невероятной энергией. С изобретением акваланга подводное кладоискательство активизировалось. Пик же азартного штурма оукской тайны пришелся на середину прошлого столетия.

Новая, технически оснащенная экспедиция прибыла на остров в 1849 году. Ее консультантом был престарелый Антони Воган, единственный из оставшихся в живых первооткрывателей «мани пит» (денежная шахта), как окрестили колодец кладоискатели. Концессионеры привезли буровую установку и приступили к разведке. На глубине около 30 метров бур действительно наткнулся на что-то твердое, чем удостоверил слова Вогана о сундуке или бочке с золотом. Более того! Кладоискатели доложили руководству поисковой компании в город Труро, что они нащупали буром не один, а два больших сундука, непременно набитых золотом. Бур якобы поднимал на поверхность блестящие драгоценного металла.

К двум колодцам «Синдикат Труро» добавил третий, который тут же заполнился водой. Несколько дополнительных шурфов, сделанных наклонно, «к сундукам», разрыхлили грунт, и близкая добыча неожиданно рухнула вниз, на недосыгаемую глубину... Вот тогда кладоискатели решили осмотреть остров и обнаружили на берегу бухты Контрабандиста входные отверстия нескольких каналов, по которым в колодцы поступала морская вода...

Нет смысла рассказывать обо всех экспедициях, которые оставили разрушительные следы на острове и свои деньги. Уже было ясно, что тайну «мани пит» охраняет сложная система каналов. Однако инженер Блайр взялся осушить колодец серией динамитных взрывов, перечеркивающих всю систему водоснабжения. Говорят, что в какой-то степени это ему удалось. Его бур вместо исчезнувших сундуков на глубине 46 метров нащупал большую камеру, обрамленную слоями бетона и дерева, наполненную золотыми монетами и слитками.

— Вот он, настоящий клад острова!—так решил Блайр, но торжествовал он преждевременно: его компания, затратив 20 тысяч фунтов стерлингов, обанкротилась и вылетела в трубу.

Тайна острова Оук перекочевала в XX век. Она стала достоянием не только кладоискателей, но и ученых, историков, инженеров, гидрографов, лингвистов. Особенно усердствовали журналисты. На страницах журналов и газет периодически появлялись все новые и новые версии о происхождении колодца.

Историк Р. В. Хэррис утверждал, что тайник построили английские мasons, чтобы спрятать в нем знаменитую чашу святого Грааля, исчезнувшую из сокровищницы Гластонберийского аббатства в 30-х годах XVI столетия.

Особенно популярна пиратская версия. Она завораживает читателей такими громкими именами, как Генри Морган, капитан Кидд.

Уильям Тич, по прозвищу Черная Борода. Впрочем, английский писатель Эдвард Сноу справедливо заметил, что пираты не имели ни склонности, ни терпения прятать сокровища таким сложным способом.

Золото инков — еще одна версия! В 1532 году Франсиско Писарро, с горсткой конкистадоров завоевав империю инков, получил от испанского короля титул маркиза и стал губернатором Перу. Прослышав о несметных богатствах храма Пачакамака, стоящего на берегу Тихого океана, он послал туда своего старшего брата Эрнандо. Но сокровищница оказалась пустой. Шесть тысяч тонн золота (современная оценка!) пропали бесследно...

У каждой версии есть опора на исторические факты. Известно, например, что испанцы вместе с пятой частью награбленных в Перу сокровищ отправили в Мадрид королю чудом уцелевшие полотна с историей государства инков. Но корабль не добрался до Европы. То ли он погиб, то ли... Почему бы не предположить, что образец древнейшей письменности инков вместе со священной золотой цепью, которую двести человек протягивали через главную площадь Куско в праздничные дни, спрятан на острове Оук самими же испанцами?

И все-таки эти версии не выдерживают критики. Во-первых, гидротехническое сооружение с дамбой из кокосовой мочалки в бухте Контрабандиста, со сложной системой дренажных и подающих воду каналов могли создать люди, обладающие хорошими инженерными знаниями. Участие пиратов отпадает. Во-вторых, использование волокон кокосовых орехов в качестве строительного материала говорит о том, что создатели колодца пришли из тропиков. Следовательно, английские монахи, французские фортификаторы (есть и о них версия) не были хозяевами тайны. В-третьих, камень с шифрованным текстом убеждает нас в том, что строители умели писать. Этот факт исключает инков, которые еще до гибели своей империи навсегда забыли письменность. Жрецы запретили ее в древние времена, когда страну постигла эпидемия. С тех пор человеку, берущему в руки перо, в империи инков грозила смертная казнь...

Итак, кто же спрятал на Оуке клад с такой хорошо продуманной защитной предосторожностью? В истории человечества нет похожего случая. Следовательно, в колодце таится что-то более ценное, чем обыкновенная груда золота. Но что?

Велик и славен был народ майя...

Так я закончил изложение своей версии.

Судовые оппоненты

Моряки слушали меня не перебивая, но, едва я перевел дух, посыпались реплики:

- Может, завернем в залив Махон и покопаемся на острове?
- Такой клад голыми руками не возьмешь!
- Братцы, пустите меня! Я же водолаз первого класса.
- Ребята, — остановил я остряков. — Если история майя найдется, то человечество обогатится не просто золотом, а утерянными когда-то знаниями. Ведь мы только с помощью электронно-

вычислительной техники определили, что длительность земного года равна 365,242198 суток. А майя знали это в средние века! Их календарь был точнее григорианского.

— Никакого клада там нет. Все это бред,—раздраженно подал голос второй механик Волгин, известный на судне рационализмом и нетерпимостью к морским былям и небылицам.

Сердце у меня екнуло, хотя я и предполагал, что главным противником моей версии окажется именно Волгин. Отступить было некуда, моряки выжидательно притихли, и я вежливо пригласил механика высказаться более определенно.

— Судя по всему, ваша «мани пит» — обыкновенный, натуральный колодец,—заговорил Волгин.—Прямым подтверждением этого является слой древесного угля на кокосовой циновке, который кладоискатели нашли, если мне не изменяет память, на глубине 24 метра. Я не гидростроитель, но уверен, что это надежный и самый лучший фильтр. Если хотите, опреснитель морской воды. Кто мог вырыть колодец? Беглецы с материка, спасавшиеся на острове от произвола и разбоя властей. Или моряки, потерпевшие кораблекрушение. Как тем, так и другим на необитаемом, необжитом острове позарез был нужен постоянный источник пресной воды.

Волгин умолк, а кто-то из машинистов удовлетворенно поставил точки над *i*:

— Железная логика!

Моряки ждали, но я ничем не выдал, как ликовала моя душа.

— Посмотрим, как железная логика свалится на дно колодца и утонет в нем,—спокойно произнес я, разворачивая припасенную карту залива Махон.—Вот он, смотрите. Остров Оук! «Необжитой, необитаемый, убежище для беглецов с материка...» От него до материка—двести метров! А глубина в проливе—чуть больше метра. Ходи вброд, на здоровье! И еще. Обратите внимание, что в пятистах метрах от острова—устье реки Вон. Здесь же и река Голд, впадающая в залив в одной миле от острова. Чего-чего, а пресной воды хоть отбавляй.

Мне казалось, что пристыженный Волгин не найдет слов для оправданий. Он их нашел.

— Вы же сами туману напустили,—упрекнул меня Волгин.—«Таинственный, необитаемый...» Вот я и подумал, что остров у черта на куличках. Надо было сразу сказать, где он находится.

Спорить с ним было бесполезно. Спасибо, третий штурман Салов отвлек. Он попросил карточку с шифрованной надписью, имея желание заняться расшифровкой. Салов—полиглот, во всяком случае он недурно владеет английским, немецким, испанским, а в других европейских языках ориентируется со словарями. Я охотно отдал ему карточку, и штурман ушел из кают-компании, где продолжал разглагольствовать Волгин:

— Допустим, что на острове построен тайник. Его строил кто угодно, но только не майя. Общеизвестно,—продолжал мой оппонент,—что майя строили пирамиды, а не колодцы, хотя последние играли в их ритуалах большую роль. «Колодцы смерти», которые майя использовали для жертвоприношений, были естественными водоемами. В засуху, чтобы задобрить бога дождя Юм-Чака, майя сбрасывали в глубокий колодец красивых молодых девушек.

Катер под «пиратским» флагом у причала в Балтиморе (США, 1976 г.)

— Пусть так,— согласился я, зная, что легенда о девушках не подтвердилась.— Но почему вы против майя? Почему они не могли построить колодец на острове Оук?

— Не вижу доказательств.

— А Гольфстрим, кокосовая мочалка, надпись?

— Вы же сами сказали, что какой-то профессор признал в надписи испанский язык,— возразил Волгин, радуясь подвернувшемуся доводу.

— Верно. Профессор Вильгельм прочитал надпись по-испански. С не меньшим успехом это можно сделать по-русски. Я не удивлюсь, если Салов принесет нам расшифровку на своем родном украинском языке.

К сожалению, Салов не принадлежал к числу людей, легких на помине, да и расшифровкой он занялся ночью, после вахты, «освежив» голову чашкой крепкого кофе. Но прежде чем штурман принес мне свой вариант прочтения оукской надписи, наши рейсовые будни разнообразила необыкновенная встреча в океане.

Одиноким парус в голубом просторе — приятная сердцу картина, как скачущая лошадь в перелеске, как танцующая женщина. На рассвете его обнаружил старпом Гаев, когда судно проходило мимо острова Окракок. Гаев навел бинокль и принялся рассматривать легкокрылую яхту. Ничего особенного, непривычного, если бы...

Старпом не поверил своим глазам: на мачте яхты трепетал пиратский флаг. Маленький, но вполне натуральный: с белым черепом и перекрещенными костями на черном фоне.

Гаев позвонил мне по телефону:

— Доброе утро! Чем занимаетесь? Спите? А у нас пираты, прямо по носу!

Я взглянул на часы: седьмой час. Можно было еще поспать.

— Они, что, идут на абордаж? — потягиваясь, спросил я.

— Не верите? Кроме шуток. Яхта под «Веселым Роджером». Догоняем ее.

Через несколько минут я примчался на мостик и убедился, что старпом не шутил.

— «Роум стар» — «Блуждающая звезда», — сказал Гаев, передавая мне бинокль. — А слева, обратите внимание, полоска берега. Окракок! Тоже остров сокровищ, не хуже вашего Оука. У меня есть карта, на ней обозначены пятьдесят кладов. Там говорится, что остров Окракок был главной базой Черной Бороды, того самого, Уильяма Тича.

— Любопытно, — пробормотал я, продолжая наблюдать за «Блуждающей звездой». Мы уже догнали яхту. Несмотря на ранний час, из ее кокпита высунулись два рослых парня и девица. Они приветственно помахали нам руками. Мы ответили молодым шутникам.

Яхта отстала и вскоре скрылась за кормой. По моей просьбе старпом спустился на минуту вниз и принес из каюты карту, про которую говорил. Действительно, 50 кладов! Окракок значился под «номером 48». Я прочитал легенду:

«Пират Черная Борода (настоящее имя Уильям Тич) был самым кровожадным из буканьеров. Остров Окракок в Северной Каролине — его лучшая база. И хотя есть сведения, что он прятал свои сокровища в каком-то другом месте, люди до сих пор раскапывают его островной притон».

— Вот видите, «в каком-то другом месте», — многозначительно подчеркнул старпом.

— Ручаюсь, что этот дремучий пират не утруждал себя строительством кладохранилищ. На Оуке трудились десятки людей.

— Кто знает! — сочувственно, но недоверчиво сказал Гаев, забирая эту необыкновенную карту.

У каюты меня поджидал третий штурман, на бледном лице которого бессонная ночь оставила заметные следы. Однако Салов был весел, улыбался. Значит, оукская надпись поддалась. Я пригласил его к себе, и он выложил на стол несколько карточек.

— Надеюсь, шифровка не приобрела русское происхождение? — спросил я торжествующего штурмана, но тот не принял шулки.

— Благородная латынь, — сказал он.

— «Латынь из моды вышла ныне», — машинально изрек я пушкинскую строку, присматриваясь к карточкам.

— Начнем по порядку, — предложил Салов и пододвинул ко мне первую из них. — Здесь я подчеркнул знаки, которые могут оказаться гласными буквами, ибо гласные в любом языке повторяются чаще, чем другие...

На второй карточке штурман подчеркнул явно согласные буквы, а также, вероятно, согласные или полугласные, логически считая, что они находятся между гласными. На очередной карточке он расставил наиболее повторяющиеся гласные (а, е, и) — итог многократных перестановок. Сочетание букв и знаков в конце первой строки зашифрованной надписи и в начале второй напомнило ему

латинское выражение «отсюда в». Дальше дело пошло быстрее. Проявившиеся буквы Салов внес в надпись и отыскал слова: «здесь», «золото», «четырёхугольная плита», «расстояние», «опущено»...

Правда, некоторые слова даны в сокращении, что вполне естественно для шифровки: она должна быть крайне лаконичной. Оставшиеся между словами знаки — не что иное, как цифры. Итак, надпись в переводе с латыни гласила: «Здесь плита уровня моря. Золото опущено на расстоянии 160-190 футов отсюда».

— По ряду соображений,— сказал в заключение Салов,— я пришел к выводу, что надпись имеет английское происхождение. Клад лежит на глубине 160 футов, считая от камня с шифром, и еще на 190 футов в сторону.

— Выходит, от камня, найденного на глубине 80 футов (24 метра), до клада еще два таких расстояния плюс 57 метров в сторону?

— Совершенно верно,— подтвердил Салов.

— Ну, знаете,— мне не удалось сдержать негодование,— повашему, все врал, кто нащупывал в «мани пит» какие-то сундуки или контейнеры?

— Почему бы нет? Ведь они ничего не нашли! — упорствовал штурман.

— Мало вам загнать кладоискателей на глубину 70 метров! Еще и 57 в сторону! Стоп!

Меня осенило, и я уличил Салова, что он подогнал свою расшифровку к данным экспедиции Бленкеншипа. По непонятным соображениям этот американец пробил свой «Шпур 10 X» в 60 метрах к северо-востоку от «мани пит» и спустился по нему на глубину 72 метра.

— Совпадение,— заявил штурман.— Впрочем, не исключено, что Бленкеншип сделал аналогичную расшифровку надписи, ведь это так просто.

— Проще некуда,— иронически согласился я.

— Извините, мне пора на вахту.

Салов хотел забрать свои карточки, но я попросил оставить их. Интересно, что скажет о его дешифровальных способностях капитан?

Встреча с Матвеем Ильичом состоялась вечером, после ужина. За чашкой ароматного бразильского кофе я рассказал капитану неутешительные итоги беседы с экипажем. Мои жалобы на судовых оппонентов он выслушал сочувственно, но комментировать их доводы, предположения и расшифровку Салова отказался.

— Сколько людей, столько мнений,— сказал капитан и добавил:— Еще Флобер говорил, что спорить гораздо легче, чем понимать.

Его спокойный, задумчивый голос погасил во мне внутреннее Раздражение. Действительно! Большинство из тех, кто знаком с историей колодца на острове Оук, и без меня понимают, что загадочное сооружение человеческих рук надо было оберегать от кладоискателей. Теперь поздно об этом говорить. Землеройные машины, бульдозеры и мощные электронасосы превратили берег бухты Контрабандиста в натуральное гиблое место. Там уже погиб кладоискатель Роберт Ресталл со своим сыном и двумя рабочими...

Мои размышления неожиданно прервал телефонный звонок. Я

вздрагнул, а капитан спокойно снял трубку, но чей-то доклад взволновал его. Матвей Ильич переменялся в лице и коротко бросил в трубку:

— Стоп машина! Право на борт! Мы сейчас придем на мостик.

4. Крик в океане

Не задавая лишних вопросов, я поспешил следом за капитаном, который еще не разучился быстро бегать по трапам. Он сказал на ходу:

— Вахтенный помощник слышал крик под правым бортом.

В ходовой рубке было темно. Невидимый нами Салов доложил:

— Женский крик! Под самым бортом!

Судно, теряя ход, описывало циркуляцию, а наши глаза привыкали к темноте. Мы вышли на крыло мостика. Слева, на пологих волнах океанской зыби, колыхался сверкающий след от луны. За правым бортом темно, ничего не слышно.

— Может, показалось? — с надеждой спросил капитан.

— Нет, — ответил штурман, — крик слышал и вахтенный матрос.

Когда луна оказалась справа и кильватерный след судна заискрился на лунной дорожке, мы схватились за бинокли.

— Есть! Вижу! — крикнул Салов.

Тут и мы заметили на воде какое-то пятнышко. Капитан взял пеленг и скомандовал:

— Самый малый вперед! Держать на румбе 220!

— Есть 220! — откликнулся рулевой.

— Тревога «человек за бортом»! — объявил Матвей Ильич. — Старпому и судовому врачу выйти на грузовую палубу. Боцману приготовить штормтрап с правого борта и грузовую стрелу для подъема спасательного плотика.

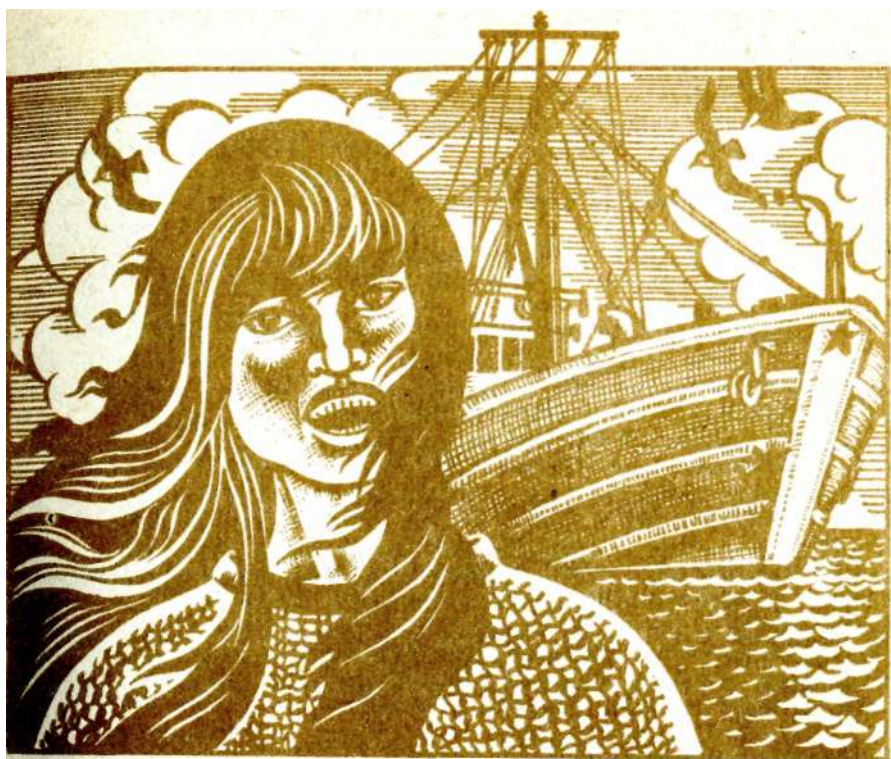
Каким образом капитан рассматривал в мутном пятнышке спасательный плотик, я не знаю. Раздумывать было некогда. Вместе со старпомом и доктором я спустился на палубу, где матросы под командой боцмана готовили штормтрап и стрелу. Разрезая ночную тьму, с мостика светили мощные прожекторы. Судно приближалось к спасательному плотнику оранжевого цвета, на котором лежал человек. Человек не кричал, не махал руками, и это нас угнетало. Когда плотик подняли на палубу, доктор взял руку молодой женщины и стал искать пульс. Наша «находка» была одета в грубошерстный свитер, джинсы и кеды. Длинные черные волосы, незнакомый разрез сомкнутых глаз, немного скуластое, с чуть приплюснутым носом смуглое лицо — все это из каких-то южных, тропических широт...

— Что же вы? Помогите, — потребовал доктор.

Я послушно подхватил девушку за ноги, и мы понесли ее в лазарет, где доктор извлек из ее зажатого кулачка полиэтиленовый пакет.

— Документы, наверное, — сказал старпом, разворачивая пакет. — Точно. Бумаги... Какая-то карта, схемы, а это... Газетная вырезка на русском языке!

Мне достаточно было одного взгляда, чтобы узнать свою публикацию в «Неделе». Ну и чудеса! А впрочем, газета эта

издается у нас большим тиражом... Но каким образом вырезка с моей статьей об острове Оук попала к этой иностранке?

Приняв от старпома остальные бумаги, я совсем остолбенел от удивления. На рисованных схемах был остров Оук: его полная конфигурация, отдельно—восточная часть с «мани пит»... Намногократно сложенной карте был залив Мах он.

Доктор выпроводил нас из лазарета, и мы понесли «трофеи» капитану. Матвей Ильич принял нас в каюте, он нервничал. А тут как на грех боцман доложил, что на спасательном плотике есть маркировка: «Роум стар», порт приписки—Четумпале.

— Та самая «Блуждающая звезда»!—воскликнул старпом и посмотрел на меня.

— Час от часу не легче,—ответил я.

Матвей Ильич видел по нашим лицам, что ситуация еще больше обострилась, но не понимал причины, которая вызвала растерянность у его помощников. Оказалось, что старпом не счел нужным доложить ему о встрече с яхтой под пиратским флагом—мало ли на свете яхт и шутников.

Получив от нас сведения о «Роум стар», капитан внешне обрел спокойствие и сделал вывод, что мы оба—старпом и я—натуральные простофили, что любые события ему надо знать сразу, а не через четырнадцать часов.

Развернув на столе карту, Матвей Ильич спросил:

— Где вы видели яхту?

— Тут. Недалеко от острова Окракок,— старпом поспешно ткнул пальцем в карту.

Судно ушло уже на сотню миль. Как, когда и при каких обстоятельствах пассажирка с «Блуждающей звезды» оказалась одна в океане? Почему яхтсмены не предупредили нас о потере человека, не позвали на помощь?

Я очень живо вспомнил утреннюю встречу: яхтсмены вели себя безмятежно, улыбались, махали руками...

— Они вели себя чак. бздто на борту все а порядке,— сказал старпом, и я кивком подтвердил его слова.

— Задача...— сказал Матвей Ильич и позвонил в лазарет.— Ну как? Спит?! Нет. нет... Пусть поспит. Когда проснется, позвоните мне.

Он положил трубку и ласково проворчал:

— Она спит, а мы тут головы ломаем.

Мы облегченно вздохнули. Наша «находка» жива! Это главное, все остальное прояснится..как только она проснется...

— Между прочим,— вспоминай я, — порт Четумпале находится в Четумальском заливе Юкатана. Это вам ни о чем не говорит?

— Вы полагаете, "то яхтсмены решили повторить плавание майя?—спросил капитан и сам же ответил: — Не исключено. Теперь это модно.

Пока мы разговаривали, позвонил доктор м сообщил, что незнакомка проснулась. Через минуту мы были в лазарете. Нашествие мужчин смутило девушку. Она потянула на себя одеяло, но тут же доверчиво улыбнулась нам, отчего ее темно-карие глаза дотеплели, а смуглые щеки слегка зарделись. .Ей было жарко, маленькие капельки пота выступили над полными губами.

Матвей Ильич поздоровался по-английски, справился о самочувствии. Девушка улыбнулась смелее и ответила по-русски:

— Здравствуйте, товарищи. Спасибо вам. Я чувствую себя хорошо.

Она выговаривала слова старательно, как учительница, объясняющая урок. Заметив наше недоумение, девушка пояснила:

— Я пять лет училась в Москве. Меня зовут Эухения Гонсалес.

— Испанка?—спросил капитан.

— Нет. Мексиканка.

— Как вы оказались в океане?

— О, это длинная история,—с лица Эухении сбежала улыбка, в глазах застыла мольба.—Мои друзья в опасности. Их захватили пираты. Помогите им. Спасите.

— Не волнуйтесь и расскажите подробно. Мы постараемся помочь,—пообещал Матвей Ильич...

Из рассказа девушки мы узнали, что молодые мексиканские археологи Пабло Рохалес и Гильермр Беренес заинтересовались сообщением «Недели», привезенным из Советского Союза Эухенией. Воспользовавшись отпуском, молодые люди взяли напрокат яхту и отправились в плавание с надеждой добраться до залива Махон и побывать на острове Оук. Но прошлой ночью яхту настиг военный катер под шутовским пиратским флагом. Американцы скрутили друзьям Эухении руки и забрали их на катер. Девушку оставили на

яхте под надзором двух парней и светловолосой подружки пиратов. Катер тащил яхту на буксир;. Захвативши- запретили Эухени выходить из каюты, но они не знали про запасной люк в носовой части. Когда пираты уснули, смелая девушка выбралась наверх и сбежала на спасательном плотике от похитителей.

Капитан немедленно оповестил о пиратском захвате яхты «Роум стар» береговую охрану Соединенных Штатов Америки и все ближайшие суда. В ответ ему сообщили, что копабли пограничном охраны уже ведут поиск военного катера, похищенного неизвестными лицами от причала Норфолкской военно-морской базы. Похоже. обе акции—дело одних рук. Поисковая группа кораблей направилась к острову Окрако...

Наша информация помогли властям найти похитителей военного катера и яхты. Ими оказались студенты из Вашингтона, которые развлекались таким образом. Трудно сказать, как далеко бы зашли их шутки, если бы Эухении не удалось сбежать. Мы уже наслышаны про случаи, когда экипажи прогулочных яхт исчезали в океане бесследно. Сотрудник посольства сказал, что «шутники» должны предстать перед судом, а Пабло Рохалес и Гильермо Беренес ждут девушку в Балтиморе

Расставаясь, Эухения нас заверила:

— Мы продолжим наше путешествие.

Кто знает! Может, именно ей суждено проникнуть в тайну острова Оук? Она шла туда не за золотом. а ради истины. И мы от всего сердца пожелали Эухении Гонсалес к ее друзьям счастливого плавания

БЕРКУТ МЕРГЕНА-БОБО

Рассказ

Наша небольшая киносъёмочная группа приехала в Акчинское охотхозяйство, чтобы отснять кадры для документального фильма об охоте с ловчей птицей в естественных условиях, чтобы все было, «как в жизни». Для того и объект выбрали как нельзя более подходящий. Слева и справа в легкой бирюзовой дымке отроги Кураминского хребта, величественные, впечатляющие, впереди — уходящая ровной плоскостью к снежным ледникам широкая и благодатная Ахангаранская долина, разделенная надвое, словно богатырским мечом, шумной горной рекой. Вокруг заросли арчовника, джиды, серебристого лоха, кустарников и трав, отдающих пряным ароматом зарождающегося летнего дня.

И среди всей этой зелени, волнующейся и шуршащей от набегавшего по временам утреннего ветерка, легко различались в зарослях пронзительный крик вспугнутого фазана, тьяквань лисят нового помета, беспрестанная трескотня болтливой сороки.

Да, место для натурных съемок выбрано что надо! Но... Это самое «но» и поставило нас неожиданно в тупик. Не оказалось основного — главных исполнителей ролей: охотника и его крылатого помощника. Где их взять?

Егерь Рахматулла неопределенно пожал сажеными плечами:

— Был здесь в кишлаке один старый такой. Мерген-бобо зовут. Не видать его что-то давно. Может, заболел?..

Сёма, наш оператор, весельчак и балагур, сразу просиял:

— Вот, уже есть зацепка! А далеко его кишлак?

— Не-ет, недалеко! Километров десять...

— Садись в «газик», поехали!

Так вот образовался просвет. Что-то это нам принесет? Во всяком случае поговорка гласит, что попытка не пытка...

Мы с режиссером Олегом сидели на скамейке под раскидистой орешинкой в томительном ожидании.

Машина вернулась через час.

— Есть, есть! — закричал Сёма, спрыгивая на землю.

В голосе его было столько радости, словно он только что отснял небывалый кадр.

— Что есть? — проворчал Олег. — Не вижу.

— Старик беркутчи! — выпалил Сёма, удобно усаживаясь на скамейке.

— Где же он?

— Скоро приедет.

— Что же вы не захватили его с собой?

— Наотрез отказался Мерген-бобо ехать в «газике». «Не поеду, — говорит, — я на вашей шайтан-арбе. Беркут будет бояться. Негодный будет для охоты. Сам приеду», — пообещал старик и похлопал рукой по седлу, висевшему на крюке: вот, мол, надежный транспорт!..

Только к обеду из-за дальнего пыльного холма показался всадник. Его фигура, облаченная в халат, мерно покачивалась в такт семенящему шагу ослика. На левом плече виднелось что-то большое, нахохлившееся

— Вот и беркутчи! — с почтением произнес Рахматулла.

Возле орешины всадник спешил. Правой рукой, что была в кожаной рукавице, снял с плеча беркута. Голова птицы была скрыта под кожаным колпачком с тесемками.

Мерген-бобо посадил; птицу на луку седла и только потом подошел к нам. Поздоровался со всеми за руку. Загорелое и бесхитрое лицо его осветилось заинтересованной участливостью.

— Понимаю, понимаю, — говорил старик. — Большие люди приехали из города. Кино! Якши кино... Помощь нужна? Хоп, будет помощь. Человек, обязательно должен помогать человеку...

Видно было, что он и сам взволнован и польщен вниманием, которым вряд ли избалован представитель такого экзотического вида охоты в наш технический век.

— Правильно! Я же говорил это самое, — подхватил Сёма и, отозвав Олега в сторону, похвастал:

— Какой типаж, а? Не зря мотался в такую даль!

Олег пожал плечами: десять километров, какая там даль, но как истый профессионал не мог не оценить «типаж».

Старик действительно был великолепен; среднего роста, крепкий, коренастый. Скуластое лицо, добрая улыбка. Узкая белоснежная бородка, спадающая на грудь. Голову венчала выдавшая виды чувственная тибетейка. Выгоревший халат в зеленую полоску туго, по-юношески подпоясан.

— Конечно, время не очень подходящее для охоты, — степенно продолжал беседу Мерген-бобо, озирая окрестность. — Охотиться с беркутом лучше всего на рассвете, а сейчас полдень: звери попрятались по норам, птицы — по гнездам... Откуда вам знать это, городским людям? Ну да ладно, ничего, попытаю свое охотничье счастье. Вдруг повезет!

Времени у нас было в обрез, и поэтому мы решили не тратить его попусту. Еще раз обсудили коротенький сценарий, план, обговорили кое-какие подробности и всей группой во главе со стариком, снова усевшимся на своего ослика, двинулись к съемочной «площадке» — заранее облюбованной широкой луговине на фоне синееющих гор,

Сёма в своем неизменном голубом берете, когда-то подаренном ему известным французским актером, с неразлучной камерой старался не отставать от Мергена-бобо. Он даже забегал иногда вперед и оглядывался на нас с таким видом, словно торопился не на съемку, а на званый банкет.

А мы не без гордости за нашего друга думали: вот что значит призвание и любовь к своему делу, которое каждый день превращает в праздник.

У серебристого пирамидального тополя остановились. Здесь Сёма довольно долго настраивал свою аппаратуру. Мерген-бобо должен был по нашему сигналу показаться с противоположной стороны луговины, из зарослей тростника. Все шло точно по сценарию. Старик выехал из зарослей. Застрекотала камера. Вот охотник посадил на руку беркута, снял с его головы колпачок. Птица оживилась, распрямила свои могучие крылья и, часто-часто махая ими, поднялась. Сделала низкий круг над полем, над одиноким тополем, над нами и стала набирать высоту...

— Замечательно, прекрасно!—то и дело повторял Сёма.

Когда птица, видимо, достигла своего потолка, она начала стремительно падать.

— Хорошо, то, что надо!—улыбался Сёма, поднимая камеру и прогибаясь.

По мере падения беркута его широкая улыбка становилась все напряженней, застывая гримасой. Птица почему-то пикировала прямо на нашего оператора. А он все прогибался и прогибался, и, когда уже почти сделал «мостик», беркут с отчаянным клекотом прошеле-стел крыльями над самой его головой и, чуть не задев клювом, снова взмыл.

— Ого!— снова весело заулыбался Сёма, поднимаясь во весь немалый рост.— Отличные кадры получились. Шедевр! «Гран при»!

Но радость, как потом выяснилось, была преждевременной. Птица, не набрав должной высоты, снова ринулась на Сёму. Он не успел увернуться, и беркуту удалось задеть клювом плечо оператора, да так сильно, что на рубашке показалась кровь. Пришлось отложить камеру в сторону. Теперь уже Рахматулла, Олег и я сумками, куртками, поясными ремнями, кто чем мог, стали защищать нашего многострадального Сёму от непрерывных атак сильной и хищной птицы. Сам Семен, надо отдать ему должное, хоть и прикрывал лицо камерой, успел накрыть объектив колпачком, оберегая дорогую оптику.

В чем же оператор провинился перед хищником? Может, тут виновата кинокамера? Мы гадали так и сяк. Между тем беркут не унимался, предпринимая атаку за атакой.

К этому времени подоспел Мерген-бобо на своем ослике, который на сей раз мчался неуклюжим, но довольно скорым аллюром. Несмотря на преклонный возраст, охотник молодецкато спрыгнул с седла и, мигом оценив ситуацию, немедля гортанными криками и кусочками свежего мяса, оказавшегося пригнем, заставил непослушного беркута опуститься на кожаную рукавицу. Возбужденная птица жадно проглотила угощение, и тут же ее голова была накрыта колпачком.

— И почему проклятый хищник набросился на меня?—разводил недоуменно руками Семен.— Чем это я ему не приглянулся? Кинозвезд снимал, уж на что капризны, но чтоб вот так...

Мы не выдержали и расхохотались, разряжая напряжение. Старик нашего профессионального юмора не оценил. Тербя в раздумье свою бороденку, он с ног до головы внимательно оглядел незадачливого оператора.

Потом довольно кивнул:

— А ну, снимай свою тубетейку!

— Какую тубетейку?..— растерялся Семен.

— Снимай, снимай,— настойчиво повторил Мерген-бобо и указал на шикарны; «киношный» берет, потом весело и заразительно рассмеялся. Гак смеются только в чайхане во время веселой и шумной аскии—на празднике острословов.

— Ничего не понимаю,—развел руками Сёма, сам, между прочим, любитель всяких неожиданных шуток,

— Сейчас все расскажу по порядку,—насмеявшись власть, до слезинок в зорких узких глазах, сказал Мерген-бобо. Оставив беркута на луке седла и еще раз для успокоения огладив ему встопоренные перья, присел на мягкую траву под топопом. Мы подсели к беркутчи. Старик степенно начал неторопливый рассказ:

— В прошлом году это случилось. Осенью. Охотился я в здешних местах. Лис много было. Поднял я своего Тигтымшука. Кличка у него такая, по-русски Остроклювый. И тут откуда-то выстрел раздался. Думал, кекликов стреляют. А это, оказывается, стреляли в моего беркута. Хорошо, что в крыло попали. Опустился Тигтымшук ко мне еле до земли дотянул. А тут навстречу горе-охотник. «Я,—говорит,—убил беркута!» И трясет от радости двустволкой. «Я тебе дам,—говорю,—собачий сын, стрелять в прирученную охотничью птицу! А если бы даже дикая была? Что она тебе плохого сделала? И ружьем без толку не тряси!» «Прости,—говори!,—ата, не знал я, честное слово! Не со зла выстрелил, только из спортивного интереса». А беркут смотрит на нею, сверлит глазами-бусинами, порывается сорваться. И сорвался бы. Заклевал бы своего обидчика, да хорошо, я удержал его, закрыв колпачком глаза... Полгода почти заживало крыло. Второй раз вот сегодня вышел с ним на охоту... Ах да, забыл сказать: тот стрелок в такой же шапке был. Вот с того памятного дня не любит беркут ничего синего. Платок синий весь изорвал у моей старухи, скатерть превратил в лохмотья... Вот как ожесточил птицу глупый человек!.. И я тоже хорош, старый, видно, стал, забыл предупредить...

Рассказчик сокрушенно покрутил головой, вздохнул и смолк.

Мы все как-то виновато улыбнулись друг другу.

— Эх, была не была!—первым решительно поднялся с места Сёма и далеко отшвырнул свой злополучный берет.—Делаем дубль.

Мерген-бобо опять отъехал к зарослям тростника. Беркут плавно закружил над полем. Пролетая над Сёмой, на сей раз не пошел на таран, чем вызвал улыбку на лице оператора. Но... улыбка тут же пропала, ибо беркут резко опустился правее, на бреющем полете подхватив берет, взмыл за вершины деревьев, в сторону гор.

— Вот тебе и на!—Сёма с тяжелой камерой в руках в отчаянии опустился на траву.— Откуда такая напасть?

Конечно, ему стало жаль подарка известного французского актера. Сувенир! Даже талисман: Сёма всерьез уверовал, что берет помогает ему в творческих поисках. И надо же так глупо расстаться с ним! Сёма уже явно стал разочаровываться в сегодняшнем дне, столь удачно начавшемся.

Мы же не знали, как себя вести: то ли смеяться, то ли плакать из сочувствия коллеге.

Но тут на пропыленном ослике подскочил Мерген-бобо.

— Почему сидите, работать надо! — закричал он. — Сейчас беркут здесь будет. Обязательно! Лису принесет!

Этот молодецкий голос вывел нас из оцепенения. Сёма, забыв обо всех огорчениях, вскочил, наладил камеру. Олег дал несколько необходимых наставлений.

И тут из-за деревьев действительно появилась птица. Она низко летела над землей. В ее цепких когтях трепыхался какой-то зверь.

— Есть лиса, есть! Я говорил! — по-детски радовался Мерген-бобо и, звонко ударив по крупу ослика пятерней, засеменил навстречу своему Тигтымшуку.

Сёма, то припадая на колени, то снова вскакивая, побежал за ним со своей стрекочущей камерой.

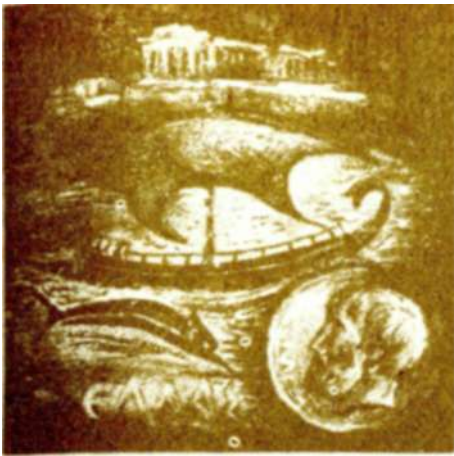
— Честное слово, уникальные кадры! — доказывал нам Сёма, когда мы вечером, усталые, возвращались на «газике» в город. — Олег, это «Гран при»!

Слова его оказались пророческими: фильм получил на международном конкурсе одну из премий.

На вопрос коллег: «Как это тебе удалось заснять?» — Сёма важно, но весьма туманно отвечал: «Талисман помог!»

Вообще Сёма любит пошутить. Но в этих словах, как нам казалось, была доля правды — той правды, что необходима подлинному искусству.

Очерк

Выйдя из Палермо в Сицилии, наша экспедиция направлялась в греческий порт Пирей. Стояли последние дни осени. Нас хорошо покачало в Атлантическом океане, где мы изучали биологию и химию вод у подводных вулканов. Запомнилась работа на последнем полигоне у подводной горы Атлантик. В одну из ночей мы делали станцию (так называются наблюдения с остановкой судна) у зарождающегося выхода подводного вулкана. Осенние штормовые субтропики. Воеет в снастях ветер. Хлопают брезентовые чехлы, снятые с лебедок. Волны захлестывают борт, а уходящий под воду трос натянут струной и грозит лопнуть от качки судна. Над скользкой, залитой водой палубой несется холодная водяная пыль. В белом свете прожекторов ее плотные струи кажутся снегом, залепают приборы и глаза, мешают снимать и записывать отсчеты.

Вот одна из серий спуска приборов на глубину три километра не сработала, а часы, опущенные на вулканы, истекли. Но мы продолжаем работать так, словно у нас на эту станцию два месяца времени. Впоследствии оказалось, что потраченное время оправдано: в глубинных пробах мы получили «ураганные» аномалии химического состава воды. По некоторым элементам (никель, кобальт, марганец, железо, медь, хром) они в сотни раз превысили окружающий морской фон.

Все мы порядком устали и думаем только о доме. Продление рейса на несколько дней, связанное с новым заходом в порт, встретили без особого энтузиазма. Моряков трудно чем-то удивить, и их рассказы о Греции были будничными.

В ожидании захода в Пирей я с новым интересом рассматриваю карту Греции. Страна расположена много южнее избалованной солнцем Италии. Афины лежат на широте 38°, где кончается материковая Италия, ударяя по острову Сицилия носком своего живописного сапога. Примерно по этой параллели Грецию с востока и запада рассекают два соединенных каналом залива. К югу от них Расположен полуостров Пелопоннес, с которым связаны названия таких знаменитых мест, как Аркадия, Спарта, Олимпия. Но горный хребет Олимп, обитель богов Эллады, находится в Северной Греции,

Современные греческие монеты (для сравнения показаны 20 копеек)

на родине Александра Македонского. Вершина Олимпа высотой почти три километра подолгу бывает покрыта снегом.

Во всей Европе — от Португалии до Кавказа — только берега Испании в районе Гибралтарского пролива лежат чуть южнее окончания Пелопоннеса. Однако испанские земли — это компактный массив суши, тогда как берега Греции изрезаны глубокими заливами и усеяны бесчисленными островами Эгейского моря. Трудно представить более благодатные природные условия!

Пирей — небольшой полуостров с двумя гаванями — находится у окраины Афин. В древности порт Пирей соединялся с Афинами семикилометровым коридором из крепостных стен, а пирейский маяк был виден с Акрополя. Ныне Пирей — это отдельный город. Как мы вскоре узнали, лишь дренажная канава отделяет его от Афин, и гиды объясняют, что это граница между двумя городами.

Входим в гавань Пирей. Голубое раннее утро, неподвижная дымчатая гладь воды. От форштевня нашего судна по ней бегут мягкие складки, глущающие голубизну. Минуем первое большое судно на якоре — «Анастасия». Радуюсь названию, словно встреча с ним — приготовленный кем-то для меня подарок: сегодня день рождения моей дочки Аси. Греческие имена порой выглядят совсем как наши. Например, Варвара. В Пирее эта надпись, сделанная «русскими» буквами, мелькает на автобусах: конечная остановка — площадь Варвары (по названию церкви). Вывески иногда не отличить от наших, скажем, буквально как у нас пишется «Кафе». Но можно и обмануться. Почти на каждом большом перекрестке надпись «Трапеза», где лишь одна «нерусская» буква — зета, но не спешите зайти перекусить: трапеза по-гречески «банк». Поначалу я недоумевал, откуда такое разночтение ютом сообразил: ведь по-древнегречески трапедза значит «стог». Это еще из школьных уроков истории.

В Пирее нам выдали деньги за три дня экспедиции, столько мы шли от Палермо. Очень интересны греческие монеты. На одной Перикл с храмом богини победы Ники на обороте, на другой — массивный профиль курчавого Демокрита и модель атома. На никелевой монете в пять драхм, по диаметру чуть больше 20 копеек, замкнутое и худощавое лицо Аристотеля. Чеканные пряди его волос струятся от затылка ко лбу и вискам. По описаниям у философа были темно-голубые глаза и белокурые волосы. Эту монету я решил сохранить на память и даже вставить в свою табакерку, чтобы чаще вспоминать Аристотеля. Дома у меня книги Аристотеля, а его жизнь — предмет моего нескончаемого удивления. Больше всего удивляет меня не то, как много написал Аристотель, как умел он находить сердцевину в каждой проблеме и рассекать ее острием мысли, как много наук создал, и, главное, непобедимую, как македонская фаланга, логику. Нет, самое удивительное, что, не оставляя себе времени на сон, он ежедневно отдавал его и на занятия с учениками, и на лекции для граждан, и на беседу с любимым, кто пожелал бы подойти к нему.

Нигде так много не ходишь, как в новом городе. И вечером, Усталый, лежа в каюте, я заново просматриваю впечатления дня: для этого надо расслабиться и ждать, когда цветные картинки побегут, вытесняя друг друга, на экране памяти.

Первое приятное удивление от встречи с Афинами — то, что

Вид порта Пирей

автомобили здесь не подавляют пешеходов. В противоположность Италии и Франции, где машинами намертво забиты тротуары и они упираются бамперами в стены домов, здесь автомобилисты ограничены в своих правах: стоянки на многих улицах запрещены, а для поездок в четные дни можно пользоваться только машинами с четными номерами, в нечетные — с нечетными.

Другая приятная особенность — обилие зелени. В памяти встают большие и тихие парки, скверы со скамейками для отдыха и улицы, усаженные рядами апельсиновых деревьев, где большие и яркие плоды почти задевают головы пешеходов. На берегах одной из гаваней в Пирее мы видели редкостное для этих вечнозеленых краев зрелище листопада. Мокрые желтые листья падали на кожаные кресла и кофейные столики под огромными деревьями — плакучими ивами и платанами. Уютная площадь на набережной для яхт уставлена столиками и креслами. И ни одного посетителя: не сезон. От гавани в сторону Афин тянутся пляжи с редкими фигурками купающихся людей.

Тревожно и хорошо было сидеть под опадающими деревьями, ощущая, как одна за другой истаивают крупинки отпущенного нам времени. В вышине углового дома хлопнула балконная дверь, и стройная женщина в сером платье стала простодушно вытряхивать вынесенный ковер. Белые пушинки заструились вниз, относимые

слабым ветром в глубину улицы. Высокие серые дома с длинными балконами и плоскими крышами уходят от нас вдаль ровным и широким коридором. Типичная улица этих мест.

Памятники древней Эллады в основном стоят в окружении построек нового времени. Есть современные здания, копирующие античный стиль. Самые интересные из них—это образующие ансамбль Академия наук, университет и библиотека. Осматривая их, я вспоминал слова поэта: «Не академии фасад, возникший много-много позже, но Лкадема вижу сад, а это не одно и то же. Там Аристотель бродит. Он твердит, что друг ему Платон, но истина еще дороже». Сады гимнасия, названного в честь мифического героя Академа, были вырублены еще до нашей эры легионерами Суллы, и огромные платаны, под которыми бродили Платон и Аристотель, пошли на постройку осадных машин. Их стволами были разрушены афинские стены, в том числе «Длинные стены», ведущие к гавани Пирей.

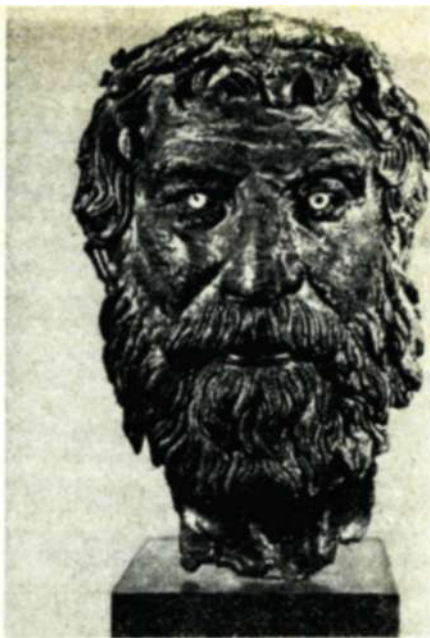
Этот редкий случай вражды Рима к покровительствуемым им Афинам был спровоцирован беспокойным понтийским царем Митридатом, которого римляне загли в конце концов в последний оплот эллинского мира—Пантикапей, нынешнюю Керчь. Там царь и отравился на вершине горы, с которой ныне по вечерам доносится музыка ресторана «Митридат» и видны огни древней гавани.

В Афинах и Пирее мы видели много православных церквей. Они отличаются от русских. Луковичные купола отсутствуют. Крыши шатровые, округлые покрыты красной черепицей. Внутри, как в католических храмах, сиденья для прихожан, а у боковых колонн— кафедра для проповеди. Росписи стен и потолков, иконы, свечи и запах ладана—все это как на Руси. Среди церковного убранства удивляют стойки внутреннего ограждения: они увенчаны двуглавым орлом, тем самым, что в XV веке с герба поверженной Византии перелетел на герб великого московского князя.

Видное место в моих прогулках по Афинам занимал вулканолог Дедов. Ему суждено было дважды отобрать у меня монету с Аристотелем. Фигура Дедова заслуживает того, чтобы немного о нем рассказать. В нем было что-то весомое, внушительное: невысокий, почти квадратный, с львиной головой и шапкой седых вьющихся волос. Он был снайпером во время войны и, может быть, с тех пор сохранил феноменальную выдержку и неторопливость движений.

Когда мы с Дедовым сходили с борта в иностранном порту, его почему-то все принимали за состоятельного человека. Обычно он шел впереди, выбирая направление. Рядом трое спутников его постоянной группы, океанологи: двухметровый атлет Леша, изящный, как фехтовальщик, Сергей и я, напоминающий, вероятно, старшего телохранителя. Мы, одетые, согласно моде, в кожу и вельвет, а Дедов в старых сандалиях, широких брюках и ковбойке навыпуск. Чем независимей он одевался, тем внушительней выглядел. Хозяева пустых ресторанчиков выходили ему навстречу, наперебой предлагали зайти и хотя бы взглянуть на их искусство.

Идем по главной набережной Пирея, где бесконечный ряд сувенирных лавок и магазинов. На витринах и полках—скульптуры античных богов, героев, философов из мрамора, бронзы и керамики. Рядами стоят изображения священной афинской совы из камня или металла с блестящими цветными глазами. Тут же уменьшенные

Сувенирная статуэтка Фрины, знаменитой гетеры и натурщицы IV века до н. э.

Голова философа. Национальный музей в Афинах

копии древних сосудов с черными фигурками людей на оранжевом фоне. На каждой музейный ярлык, подтверждающий соответствие копии оригиналу. Цены плавающие, и если вы сомневаетесь, покупать или нет, то хозяева предлагают их снизить. Особое внимание они проявляют к Дедову. Вот, взяв с полки какую-то вазу, он смотрит на нее из-под очков и, оборотясь к стоящему наготове хозяину, показывает половину написанной на этикетке цены. Хозяин вздрагивает от уважения. Еще бы! Пожилой господин с телохранителями знает цену деньгам. Нет, он не просто богат, а скорее очень богат. Конечно, небольшой убыток, но зато честь. Может быть, завтра он купит всю улицу местных лавок. Итак, Дедов получает сдачу и не спеша просматривает ее. Я кашляю. Время напомнить, что часть моей валюты он получил на себя, так как не было разменных денег. Напоминаю в форме вопроса: дескать, я уже забыл об этом, хочу проверить. Дедов уничтожительно смотрит на меня и бросает: «Ваши деньги будут целы. Не волнуйтесь». Затем неторопливо закладывает их в глубокий карман своего портмоне.

Выходим на вечернюю набережную. Струятся красные и белые нити автомобильных огней. Затененный листвою сквер, а перед ним памятник Периклу и большой, голубовато подсвеченный снизу фонтан. На аллеях белеют пустые скамейки. Отдохнув на одной из

них. Дедов испытывает прилив великодушия. Он возвращает деньги, но требует: «Пять драхм сдачи!» Так, потерей заботливо отобранной мной новенькой монеты с Аристотелем, закончился день.

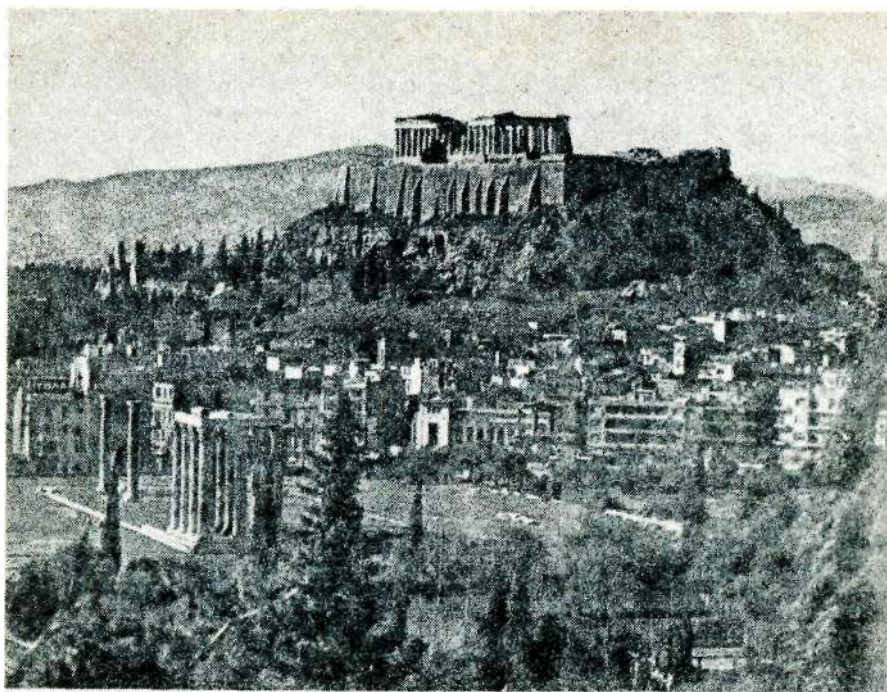
Утром мы с Сережей решаем ехать в Афинский археологический музей. Дедов присоединиться к нам не хочет, и мы идем на берег раздельно. Ворота из порта в город. Дедов, естественно, проходит без препятствий, как и сопровождающий его Леша. Мы движемся рядом, но между нами легла незримая тень отчуждения. Дремлющий усатый стражник у ворот чует, что мы вне протекции Дедова, и проявляет неожиданную бдительность: «Стоп! Почему два аппарата? На таможенный контроль!» — показывает рукой куда-то вдаль. Объясняю: цветная и черно-белая пленка. Объяснений греческие стражники не любят. Следы сонливости окончательно исчезают с усатого лица. Голос крепнет: «На контроль!» Проснувшуюся энергию нужно куда-то излить, и стражник посылает вслед за нами на контроль еще человек десять, не имеющих уже никаких аппаратов и даже пустых сумок. На это пробудившаяся энергия расходуется, и он тут же впадает в благодушную апатию. Следующая вереница моряков беспрепятственно выходит в город с аппаратами и сумками.

«Что за таможенный контроль?—тревожусь я.— Не вышло бы долгой мороки». Вот новые ворота. Рядом домик контроля. В воротах застыл усач я фуражке. Молча минуем его и выходим в город. Оглядываемся: вся вереница посланных «на контроль» беспрепятственно проходит следом за нами.

Пирей и Афины—на одной линии метро. Билеты на метро в виде полоски каким-то образом намагниченной бумаги. Стрелка указывает, каким концом вставлять в турникет. Вставил—щелчок, турникет поворачивается. Билет требуется сохранить, без него из метро не выпустят. Тут часто возникают недоразумения с иностранцами. Один моряк мне рассказывал, что свой билет он выбросил и его не хотели выпускать из метро. Спокойно выйти из метро, сохранив на память билет, удалось только Дедову, да и то один раз.

Вагончик метро просторный, из темного дерева. Стекланные поперечные перегородки, плетеные сиденья под старину. Дорога почти сплошь идет на поверхности. Солнце. Разглядываю пассажиров. Шляпы, жилеты, галстуки. Девушки в джинсах и юбках. Характерны небольшие подбородки, мягкой формы носы, темные волосы, матовая кожа. На выходе пытаюсь сохранить билет на память, говорю: «Сувенир». Бдительный страж отрицательно трясет головой и отбирает билет.

Круглая главная площадь Афин—Омония. В центре широкий газон. Табличка с указателем «Музей» смотрит неопределенно между часто вливающимися улицами. Идем. Город чист, приятен, но здания почти сплошь современные: четыре века турецкого владычества оставили пробел в архитектуре. Понимаем, что идем не туда. Хочу спросить дорогу у регулировщика, соображаю, как обратиться. «Пардон, мсье, у э музео?» Лицо регулировщика светлеет в улыбке: «мсье» ему понравилось. «Говорите ли вы по-английски?» Это для меня самый благоприятный поворот общения. Я избавляюсь от Французского и обретаю достойный вид полиглота. Выясняется, что мы идем в противоположную сторону. Сворачиваем на улицу, в

Вид на Афины с Акрополем

витринах которой невероятное количество туалетных аксессуаров.

Вот и музей. Здание античного стиля с широко раскинутыми крыльями. Парк с огромными пальмами. Аллеи спелых апельсинов. Вход — 65 драхм. С фотоаппаратом? Еще 60. Сдать аппараты? По 20 драм за хранение. Крепко ругаем недостаточную бдительность портовых стражников, выпустивших нас в город с кучей аппаратов. Посмотреть в Афинах хочется многое, но старина огорожена, везде платный вход, кроме воскресных дней. Иногда загородок несколько: внутри ценной старины еще более ценная с отдельной загородкой и новыми билетами.

Работники афинских музеев, как и продавцы в магазинах, часто интересуются, из какой мы страны. Ответ: «Россия, СССР» — всегда вызывает радость. Чувствуются симпатии, уходящие корнями в века.

Ходим по залам музея поодиночке с условием показать потом друг другу самое интересное. Из наследия Эллады многое вывезли в другие страны, и больше всего этим занимался английский посол в Стамбуле лорд Эльджин, которого Байрон назвал мародером. Сказано метко, потому что мародер обирает павшего в бою, каковой и была Греция. Значительная часть экспонатов музея поднята в недавнее время с морского дна. Самое интересное — это каменные портреты живых людей древней Эллады. Реализм изображений и

яркая индивидуальность характеров потрясают. Например, портрет философа из черного камня.

Напрасно ишу скульптуру Фрины, маленькие изображения которой продаются повсеместно и одна из них уже украшает мою каюту. Хрупкая и гибкая, как стебель лотоса, гетера на этой статуэтке выглядит необычно рядом с фигурами античных богинь. Это та женщина, о красоте которой поэт сказал: «И перед нею лицемеры склонились в прах, и пал, и млея у ног гетеры ареопаг».

Встречаемся с Сережей. Он показывает удивившие его надгробные скульптуры. И правда, было, чему удивляться. Мы привыкли к тому, что такие изображения приукрашены. Эта традиция видна еще в римской поговорке: «О мертвых говорят или хорошо, или ничего». Здесь же безжалостный в своей правдивости реализм, о котором мы раньше не имели понятия, хотя ведь кое-что видели, например, в Эрмитаже или в Британском музее.

Что я мог показать Сереже в ответ? Я повел его от ранних скульптур к позднейшим, отмечая, как постепенно менялся облик людей Эллады. Сперва непривычные лица и образы. Большие, улыбающиеся, но сомкнутые при улыбке рты с толстыми губами. Выпирающие глазные яблоки. Дугообразные брови. Непомерно широкие бедра. Завитые на ассирийский манер волосы. Век за веком черты и выражения лиц меняются, приближаясь к тому, что принято европейцами за образец благородной красоты. Наконец, в период римского патроната героические мотивы угасают. Видны безвольные лица, изнеженные тела, слащавые и пустые сюжеты.

Кажется, что в смене стилей и образов проходит история поколений, пришедших в Аттику из Малой Азии. Говорю Сереже, что прародиной эллинов и всех индоевропейских народов, таких разных по своей истории (персы и римляне, русские и германцы, болгары и турки), считают берега озера Ван.

На аллее при выходе из музея срываем с Сережей огненно-красный апельсин. Он оказывается декоративным: невероятно кислый и даже горчит. Опавшие апельсины выметают метлой вместе с мусором.

Нередко говорят: «Афины — это Акрополь...» Действительно, в Афинах самое сильное впечатление от Акрополя. Полное погружение в глубь тысячелетий возможно только здесь, да еще на арене Олимпийского стадиона. Его глубокая подковообразная чаша, построенная в IV веке до нашей эры в ущелье лесистого холма, вмещает 70 тысяч зрителей. Стадион был полностью восстановлен при возрождении Олимпийских игр в 1896 году. С галкой арены видны лишь крутые склоны мраморных трибун, а в разрыве между ними — старый городской парк. На афинском стадионе я испытал удивительное ощущение пространства, желание двигаться, которое бывает на дне кратера или на льду запавшего в низине озера. И видно, не я один. Несколько моряков не смогли устоять на месте и, забыв, что их ждет автобус, устроили состязание в беге...

Акрополь, в переводе «верхний город», — укрепленное место храмовых сооружений. В гористой Элладе они возводились на высоких холмах. Современный облик афинского Акрополя сложился 23 столетия назад. Строительство велось после разрушительной

войны с персами и вдохновлялось Периклом. Выдающийся оратор, оставаясь простым гражданином Афин, управлял республикой 20 лет. На входном билете в Акрополь помещен портрет Перикла и слова Плутарха о нем: «Он сделал город самым великим... поднялся над силой царей и тиранов... «о не изменил своего положения ни на драхму»».

Освободив родину и сделав Афины в 1833 году столицей, греки стали застраивать город к северу и востоку от Акрополя, за обрывистыми склонами холма, а западные подступы стали заповедным местом. Следы завоевателей были ничтожены и только из книг можно узнать, что французские рыцари воздвигали при входе в Акрополь высокий замок, а турки строили бастионы и превращали храм Афины в мечеть. Теперь здесь только тысячелетние стены и первозданные рощи.

Неповторимость Акрополя невозможно ощутить в отрыве от окружающей местности. Холм, на котором стоит Акрополь, сам по себе похож на чудо. Плоская вершина везде, кроме западного склона, окружена обрывами высотой до 80 метров. Они из голубоватого гранита с красными вкраплениями. На западе гранитный уступ переходит в мягко очерченный склон, покрытый рощами оливковых деревьев, пинии и кипарисов. Он спускается в долину и соседствует с лесистыми склонами противоположного холма.

Эллины верили в то, что места для своих храмов (а они считались домами богов) боги избирают сами. Священным был не только храм, но в не меньшей мере и холм, на котором он стоял. Зодчие стремились постичь божественный выбор расположения храма, чтобы его постройкой придать гармоническую завершенность местности. Стены Акрополя сливаются со склонами скалы в единое целое. За счет этого увеличивается крутизна склонов, а стены кажутся очень высокими. В действительности они почти не выступают над вершиной холма. В архитектуре стен—повторение форм скалы: неравномерные уступы, сдвинутые плоскости, грани вертикальных складок. Ровный верхний срез стены без башен подчеркивает неожиданную плоскость вершины. На ней стоит храм Афины, издали похожий на светильник, с белыми снопами колонн и легким перекрытием сверху.

...Стоит только подняться на Акрополь, сразу нарушается иллюзия встречи с древней Элладой. На вершине—толпы туристов, шелканье фотоаппаратов, жужжание кинокамер, работы по реставрации. Лучше побродить по безлюдным рощам на Склоне Акрополя, подняться на противоположный холм Филопаппус. Некогда густо застроенный, он сохранил лишь развалины монумента на своей вершине, укрытую листвой часовню и остатки пещеры—предполагаемого места заточения и смерти Сократа. Нет ни души на тихих каменистых тропинках. Пустая часовня в рост человека, рядом скамья и горящий золотом осенний платан. Со скамьи Акрополь виден как на ладони. Вот он, древний первоочаг нашей культуры. Его стены видели людей, имена которых заставляют сильнее стучать сердце: Сократ, Аристотель, Александр Македонский... Где-то на этих склонах Сократ вписал самую первую и, думаю, самую важную фразу в книгу науки: «Истина рождается в споре». Этот спор, проведенный по правилам логики, был назван

анализом. Так Аристотель озаглавил свои книги: «Первая аналитика» и «Вторая аналитика».

Философ-был обвинен в оскорбления богов и изгнан из Афин сразу после смерти своего могущественного ученика Александра Македонского. Бог у Аристотеля лишен всякого сходства с богами Олимпа: он лишь абстрактное первоначало мирового движения

В Акрополе запечатлено совсем иное понимание мира

Главное здание Акрополя — Парфенон — то есть храм Девы. Посвящен сначала нежеланной, но в дальнейшем любимой дочери Зевса — Афине. Сцены появления ее на свет из головы Зевса были изображены на горельефах храма. Она широко известна как покровительница городов. Афина посадила оливу, покрывающую и ныне склоны Акрополя, чавала государственных советы, ведала крепостными стенами политическими союзами и войнам, врачеванием, науками и ремеслами, гордилась искусством ткать пряжу, но однажды, не сумев победит,, в ткаческом состязании смертную женщину Арахну, разорвала ее ткань изоила соперницу челноком и, так опозорив ее, превратила в паука.

Красота и престиж Афин не раз служили им защитой, Когда Александру Македонскому надо было штурмовать город, он не решился поднять на него меч, даже при отказе афинян выполнить его минимальные требования В уже побежденной Элладу Афины оставались на привилегированном положении в римляне даже продолжали украшать город. Например, они завершили постройку огромного храма Зевса, остатки которого сохранились и поныне. Духовным центром Афины оставались до VI века нашей эры, когда греческий (византийский) император Юстиниан запретил преподавание философии и риторики, а Парфенон был превращен в храм девы Марии.

Начинало темнеть, когда из Акрополя и окружающих роц мы стали стекаться к автобусу. Я присел на скамейку у шоссе рядом с добрейшим геологом Бородиным. Оказалось, он собрал двойной набор всех греческих монет. Тут были и сверкающие «Аристотели», и медные лепты («внести свою лепту»), и редкие теперь драхмы с изображением священной совы. Я хотел попросить монету с Аристотелем, но тут появился Дедов. Он молча взял сверкающего «Аристотеля», бросив на его место такую же стертую монету, затем пояснил: «Это одно и то же».

Последние часы в Греции, Очень красива маленькая церковь святой Екатерины в Пирее. Чистенький двор. Над входом свешиваются ветви оливкового дерева. Внутри церкви пусто. Немолодая женщина моет пол. Осматриваем вдвоем с Сережей росписи стен. Женщине приходит в голову, что мы могли бы заплатить за осмотр. Знаками предлагает заплатить за свечу. Свечи любой цены и размера. Знаками отвечаю, что нет денег, хотя один-то «Аристотель» У меня остался. Женщина подозревает неправду. В ней вдруг появляются знакомые мне черты греческого стража в новом обличье. Она смотрит с осуждением и предлагает самую дешевую свечу в пять драхм. «Только пять». — показывают раскрытые пальцы ладони. Что делать? В конце концов у нее не меньше моральных прав взять плату за наше любопытство, чем у стражей в музеях. Достаю

последнюю монету («Прощай, Аристотель!») и утешаюсь тем, что мою старшую дочь зовут, как и эту церковь, Екатериной.

Надо же так случиться: при встрече с Грецией — Анастасия, а при прощании — Екатерина!

Еще недавно солнечная погода портится. Мы возвращаемся на судно автобусом Пирейского экскурсионного бюро. Конец ноября. Холодный ветер. Дождь сечет по лужам вечерних улиц. Зимой в Афинах случается и снег. Заснеженные крыши города я видел, правда, только на открытках. Сажу рядом с водителем. Он придвигает ко мне греческие сигареты, я ему — феодосийские «Золотой пляж». Феодосийский подарок оказывается очень кстати. Водитель — грек, родом из Керчи. Называет себя Мишей. Ему за пятьдесят. Приехал в Афины с родителями давным-давно. Сохранил нежность к родине. Язык прост, лаконичен. В манерах — доброжелательность и достоинство. Спрашивает, довольны ли мы Афинами, все ли, что планировали, успели сделать.

Автобус останавливается у трапа судна. Палубные огни высвечивают корму. Хлещет дождь, и ветер врывается в открытую дверь машины. Последние шаги по земле Эллады, и я уйду в море без Аристотеля.

— Миша, — говорю. — Не все, что я хотел, удалось сделать в Афинах, не достал монеты с Аристотелем.

Его глаза вспыхивают желанием помочь:

— Пойдите, вдруг у меня есть? Вот она. Держите на память!

«Здравствуй, Аристотель! Теперь я с тобой уже не расстанусь». Мы поднимаемся по трапу последними, приглашенный на ужин наш гость Миша и я. Через час судно выходит в море. Ночные огни Пирея застилают завеса дождя.

ХОЗЯЕВА ПЕСКОВ

Рассказ

Свирепый рык у входа в нору испугал котенка. Шерстка у него встала дыбом, ушки прижались, а маленькая пасть ощерилась клычками. В тот же миг его мать, шипя и фыркая, набросилась на врага. Ночной покой бескрайних песков одного из уголков пустыни Кызылкум всколыхнула яростная схватка самок каракала и барханного кота.

Каракал, как все кошки, привыкла к ночному, потаенному образу жизни. Когда рядом с ее логовом приезжие геологи начали бурить скважину, она тут же сменила место. Ночью, взяв в зубы единственного котенка, мать потащила его к недавно отмеченной пустой норе. Она отлично видела в темноте; длинные усы, помогая зрению, молниеносно осязали все, что возникало перед мордой хищницы. Мягкие подушечки лап с убранными внутрь когтями бесшумно несли сильное, красивое тело. Рыже-коричневая шкура с черными кисточками на ушах сливалась с местностью.

Первая ее попытка найти готовое логово не удалась: люди уже побывали тут, открыли шурф, раскопали все вокруг.

Заботливая мать припрятала временно детеныша в случайном убежище и отправилась дальше на поиски постоянного жилья. Холодными, зелеными, как изумруды, глазами она зорко оглядывала потаенные места и обнаружила логово барханной кошки.

Хищница начала подкрадываться к норе, но по дороге наткнулась на выводок пустынных куропаток. Она внезапно возникла перед птицами и, когда они уже взлетали, прыгнула за добычей. Великолепный, как обычно, прыжок и точные удары лап принесли успех. Охотница сбила несколько куропаток, но выдала этим свое присутствие.

Самка барханного кота в свое время сама отрыла и заботливо подготовила нору. Там она принесла пару котят. Когда детеныши подросли, ей пришлось немало времени потратить в поисках пищи.

Кошка старалась охотиться недалеко от своего логова. И в этот раз она была рядом, почувствовала приближение врага и тотчас помчалась на защиту потомства, но все-таки немного опоздала. Каракал успела расправиться с одним котенком, не вовремя вылезшим из норы.

— Уа! Уа! Пк! Пк!—издала боевой клич разъяренная мать и вцепилась в убийцу.

Звери покатались по песку. Более крупная и стремительная, каракал подмяла под себя противника, но для кошки это еще не было поражением. Острыми когтями задних лап она принялась полосовать живот нависшего над ней врага. Передние лапы рвали грудь, зубы искали горло.

Обеих противниц выручали их шкуры, свободно облегающие тела. Когти рвали кожу, но почти не захватывали мышц. Зубы могли наносить глубокие рваные раны, но клык встречался с клыком, отражая смертельные удары.

После короткой схватки каракал немного отступила. Кошка бросалась в атаку снова и снова.

Обе самки сражались за нору, за детенышей и, несмотря на ранения, долго не уступали друг другу. В конце концов хозяйка логова—барханная кошка, хотя и более слабая, сумела отогнать непрошеную гостью. Каракал, оставляя по следу капельки крови, отошла в пески. Израненная кошка, наскоро зализав раны, тоже поспешила увести из опасного места оставшегося котенка. Ее предосторожность оказалась своевременной: черноухая каракал, едва оправившись, вернулась к чужой норе. Найдя ее освободившейся, она слегка расширила вход и перенесла в новый дом детеныша.

А бездомная кошка с котенком, оказавшись без крова, вела бродячий образ жизни, довольствуясь случайными убежищами. Спасаясь от дневной жары, они ютились в неглубоких, наспех открытых норах. Кошка, несмотря на крепкий организм и сухой, здоровый воздух пустыни, поправиться не смогла. В ее ранах завелись какие-то вредные личинки, силы зверя постепенно таяли, и в конце концов она погибла.

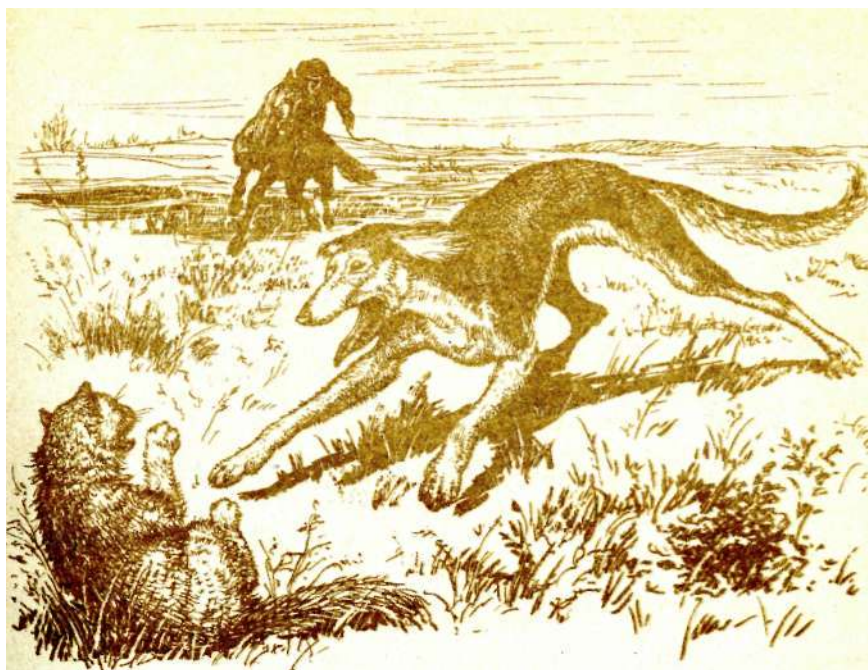
Молодой барханный кот остался один. На его счастье, он уже успел усвоить многие уроки матери: приемы охоты, умение прятаться, устраивать засады, различать добычу... А еще зверю крепко помогал инстинкт.

В той части песчаной пустыни, где он обитал, врагов у него почти не было. Каракалы встречались очень редко, забежавшие в пески волки остерегались связываться с обладателем вороненых когтей. Владения старых, свирепых котов молодой избегал, тщательно обходя метки на границе их территории. Песчаная пустыня была барханному коту родным, довольно уютным домом.

Днем неистовое солнце стояло высоко, его лучи слепили глаза. Короткие тени были незаметны, равнина выглядела плоской и бесцветной. Сухой жар затруднял дыхание, раскаленная поверхность песка обжигала лапы. Пустыня казалась вымершей. Лишь черные муравьи-фаэтончики с сумасшедшей скоростью сновали во всех направлениях.

К вечеру вид окрестностей разительно менялся. Каждый излом рельефа, любая мелочь: кустик, камень, пучок колючки, освещаемые низкими лучами заходящего солнца, отбрасывали длинные и четкие тени. Гряды барханов, мелкая рябь на их поверхности напоминали застывшее бурное море. Только кое-где курились отдельные вершины, с которых ветерок сдувал сыпучий песок.

Невзрачная днем пустыня расцветивалась к вечеру пестрой гаммой черных, зеленых, желтых, лиловых и розовых цветов. После

заката солнца краски быстро сгущались и темнели. Наступала темнота. На небе высыпали низкие мерцающие звезды, клубилась призрачная пыль Млечного Пути. А когда поднималась луна, серебристый обманчивый ее свет, искажая формы, озарял бугристую поверхность. На смену жаре приходила прохлада, и пустыня оживала. Наступало время охоты.

Чуткое ухо кота улавливало легкий топот мохноногих тушканчиков, возню полуденных песчанок и заманчиков, шорохи пресмыкающихся и насекомых, бег зайчишки-толая и крадущийся шаг лисички-караганки. Перекрывая эти звуки, то там, то тут вскрикивали ночные кулики-авдотки, доносились похожие на мурлыканье кошки «песни» токующего козодоя.

Кот вышел на промысел до наступления темноты. Жар еще продолжал струиться от песков, но они уже быстро теряли тепло.

Хищник уверенно направился к примеченной им раньше невысокой грядке лёсса, высовывавшейся из сыпучего грунта. Даже издали было видно, что ее откосы издырявлены отверстиями больших и малых нор. Там, как в небоскребе большого города, поселилась масса жителей: зверюшек, птиц, рептилий, насекомых... В этой-то толкучке кот и рассчитывал на хороший ужин. Не доходя до цели, хищник спрятался, примеряясь к охоте.

В подземный городок между тем стали слетаться на ночлег дневные птицы. Со свистом разрезая воздух, пронеслись сизые голуби, с легким шорохом летели стайки мелких пустынных воробь-

ев, прятались в норки ярко окрашенные сизоворонки, хищные сорокопуты...

Кое-где стали выползать наружу степенные жабы. Черными бархатистыми глазами они как бы любовались видами тихого вечера, но при этом не забывали ухватить языком-доставалой пролетавшего комара или неосторожного муравья.

У края гряды, которая терялась в зарослях селитрянки, чуть шевельнув растения, вышла старая зайчиха. Быстро-быстро поиграв ноздрями, она принохалась и, повертев ушами-локаторами, прислушалась, не забывая внимательно оглядывать окрестности. Убедившись, что все спокойно, зврек стукнул лапкой о землю. Из норка, как из мешка, посыпались старые и молодые зайцы, зайчата... На поляне закружился хоровод. Разминаясь после дневной дремы, зверьки носились как угорелые, кувыркались, отбивали дробь, вставали на задние лайки, боксируя передними...

Одни зайцы занялись сладкими ягодами селитрянки, другие легким скоком потрусили по тропинкам. На пересечении этих троп, чуть шевеля кончиком хвоста, и ждал своей удачи кот.

Несмотря на голод, он вел себя расчетливо—пропустил мимо несколько мелких зайчишек-сеголеток. Наконец на тропе появился длинноногий, длинноухий, с ярким цветком-хвостиком старый заяц...

Кот не смог сразу съесть трофей. С великим наслаждением, урча от возбуждения, он поел и залег рядом, отдыхая и карауля добычу. Под утро, закусив еще раз, попытался спрятать остатки, но множество больших и малых глаз уже нацелились на даровой завтрак и только ожидали ухода хозяина.

После удачной охоты барханный кот, не торопясь, направился к своему логову. Его лапы с жесткими и длинными волосками на подошвах совершенно не проваливались в песок, чуть смоченный росой. Хищник тихо скользил меж кустиков, пучков трав, вдоль бугров, привычно таясь за их гребнями от других животных.

Часть обитателей барханов, не любивших предрассветной прохлады, еще пряталась в норках, в трещинах, в укрытиях... Только трудолюбивые стрелы-змеи заняли места для засады около кустов. Кот прошел мимо безобидных для него пресмыкающихся, мельком увидев их длинные, гибкие тела, покачивавшиеся среди сходных по виду стеблей растений.

При первых лучах солнца возросло число насекомых. Появились и охотники за ними—ящерицы. Пустынный гологлаз поймал крупную кобылку, но тут же на него бросилась «стрелка». Клубок борющихся животных покатился по песку. Кот, с любопытством наблюдавший за схваткой, подошел к ним и тронул противников лапой.

Стрела-змея храбростью не отличалась и, бросив добычу, удрала в заросли янтака. Даже кот, сам быстрый в движениях, едва заметил ее бросок. Сытый кот не прельстился холоднокровными пресмыкающимися. Понаблюдав за их борьбой, он пошел дальше, к норе.

Солнце поднялось над горизонтом. Началась жара. Между тем кот продолжал свой путь. Деловитые муравьи-фаэтончики, сновавшие в поисках добычи, сторонились лап хищника. Он их не трогал, и они им не интересовались. Крупные жуки-чернотелки—бляпс на всякий случай принимали угрожающую позу, поднимая вверх брюш-

ко. Только кобылки — этот «хлеб пустыни» — могли попасть коту на зуб. Им всячески приходилось уклоняться с его пути. Но хищник на этот раз был сыт и прошел мимо съедобных насекомых, хотя невольно и стал причиной гибели некоторых из них — тех, что не успели уйти с его пути.

Кота вообще мало интересовали насекомые, кроме кое-каких съедобных да, конечно, каналов блох и других кровососов, досаждавших зверю. Однако к этим паразитам он притерпелся, или выгрызая их, или вычесывая жестким своим языком. А смертоносные мухи вольфартии, личинки которых приживались в носу, ушах, глазах зверей, выедавая ткани до костей, его пока миновали.

В соседнем кишлаке пастух Карим обменял пару своих баранов на довольно неказистого щенка местной гончей породы — тазы. Тоший, кожа да кости, на длинных лапах, с узкой мордочкой щенок сначала не внушал доверия, но Карим натаскивал его терпеливо. Месяцем к восьми малыш превратился в молодую стройную собаку. Он черной молнией бросался на зазевавшихся сусликов, зайчат и вскоре стал добывать себе пищу самостоятельно. Хозяин назвал быстроногого песика Шамаль (Ветер).

За осень с помощью этой собаки охотник загнал несколько лис и добыл немало зайцев-толаев — в тот год развелось много этих грызунов.

Под вечер, когда стадо сгонялось на ночлег, Карим с согласия старшего чабана выезжал на охоту. Шамаль с нетерпением ожидал этого момента. Виляя хвостом, повизгивая от возбуждения, он мчался к хозяину. Лошадка, по-видимому, тоже не была лишена азарта погони, и дружная компания отправлялась на промысел. Охота по холодку доставляла отменное удовольствие всем ее участникам.

Совершенно иначе воспринял это событие барханный кот. Он приметил, что у него появились конкуренты, — заячье «население» стало быстро сокращаться, выходить из нор они стали позже, пугались малейшего шороха, и добывать их становилось труднее и труднее.

Хищник несколько раз видел издали гончую, с отвращением слушал ее азартный визгливый лай. Состоялась у него и встреча с собакой, когда кот, сам чуть не став «добычей», удирал сломя голову. Молодой гончак не имел опыта ловли кошек. Он, правда, без особого труда нагнал неизвестного зверя, грудью сбил его с ног и попытался схватить за горло. Однако лежавший на спине кот и не подумал вставать. Он встретил врага яростным шипением и четырьмя когтистыми лапами, пытаясь впцетиться Шамалу в глаза, успел расплосовать ему бровь и губы. Пес взвизгнул и отскочил в сторону. Кровь залила морду. Кот, не теряя времени, ускользнул в колючие заросли.

Хозяин песков понял, что его власть кончилась, дальше оставаться здесь опасно, и решил сменить место. Все дальше и дальше уходил он в Кызылкумы, реже и реже встречая следы людей и собак.

Ему приглянулся глухой участок пустыни, всхолмленный высокими барханами. Подземные воды здесь, видимо, залегают глубоко и

вместо привычного аджара — черного саксаула — росли деревья белого саксаула, кандым, чогон, смирновия... Источников и родников поблизости не было. Стада не доходили до этих суровых мест, но барханный кот мог обходиться и без воды. Он обосновался здесь надолго и первым делом отрыл для себя отличную нору.

На общем зеленовато-желтом фоне местности резко выделялись гряды удивительно чистых, незакрепленных песков. Покрытые кружевной рябью гигантские барханы двигались потихоньку, засыпая на своем пути все живое.

Кот побывал на приметных барханах, но ничего интересного для себя не обнаружил. Валялись кое-где занесенные ветром и погибшие от жары, высохшие насекомые. Пусто было на голых песках, Лишь кызылкулаки — ушастые круглоголовки, оберегая свои участки, возмущались появлением пришельца. Мелочь при виде врага, вибрируя телом, топила в песке туловища, хвостики-семафоры, наконец, головы.

Сильнейшая ушастая круглоголовка, суетившаяся у самой вершины бархана, попыталась испугать незнакомца. Она зафыркала, раздулась, дернула хвостом и прыгнула навстречу врагу. Кот, однако, не испугался пустой угрозы и продолжал идти навстречу Круглоголовка, увидев, что ее хитрость не удалась, моментально «утонула» в песке. Только предательский контур ее тела остался на поверхности.

Кот прожил в понравившемся ему месте зиму и весну. До лета особых приключений у него не было. Однажды после особо жаркого дня он неохотно вылез из норы. Несмотря на наступающий вечер, духота не проходила, какой-то гнет сковывал обитателей пустыни. Не слышно было голосов птиц, исчезли насекомые, зловещая тишина пала на пустыню.

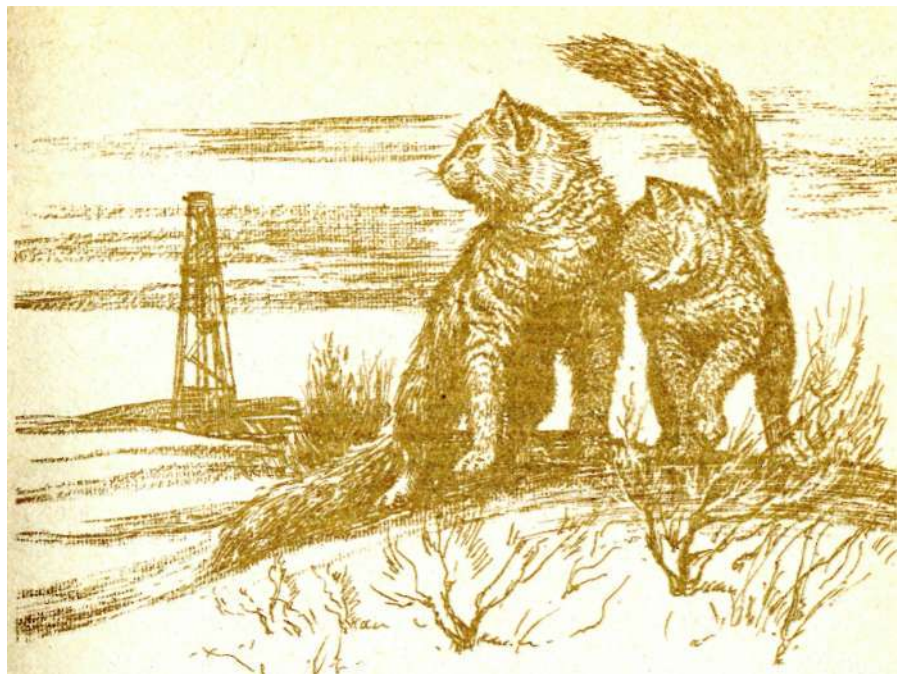
На чистом, безоблачном небе появилось у горизонта необычное для лета облачко. Оно быстро разрасталось. Косматая мгла затягивала воздушное пространство. Свет появившейся полной луны едва пробивался сквозь муть.

Кот невольно задержался у норы. Внезапно пустыня тихонько, но тяжело вздохнула. Необычно душный ветерок чуть колыхнул тяжелый, застоявшийся воздух. Немного погода вздох повторился, став сильнее. Вдруг, сметая все на своем пути, ударил порыв-другой ветра. Завыла «черная буря». Тучи поднятого песка понеслись горизонтально, больно секли морду хищника, слепили ему глаза. Все вокруг погрузилось во мрак, исчезли звезды, луна, не видно стало даже ближайших предметов.

Ветер свалил кота с ног. Прижимаясь к земле, животное едва поползло до входа в нору и забилося в убежище.

Буря бушевала недолго. Вскоре ветер уменьшился, стал дуть порьями. Наконец наступила тишина. Кот откопал засыпанный песком вход в нору, вылез и огляделся.

В мире властвовали тишина и покой. Ничто вроде бы не напоминало о пронесшейся песчаной буре. Однако вид знакомых барханов изменился. Часть их сдвинулась, вершины приобрели иные очертания. Растения местами полусасыпало, кое-где обнажились

корни. На поверхности валялись обломанные веточки, мусор, мертвые насекомые и мелкие животные.

Температура воздуха резко упала, стало холодно. Зато тягостное давление исчезло—у кота пробудился аппетит, и он направился на поиски пищи. Удача пришла сразу—за кустиком колючки нашелся полусасыпанный песком зайчонок.

Молодой, полный сил кот почувствовал неясное «весеннее» томление еще осенью. Инстинкт продолжения рода заставил его искать себе пару. Мурлыкая и ставя пахучие метки, бродил он, расширяя круг своих поисков. Не обнаружив ее поблизости, он оставил привычный уголок и пустился в странствия.

В начале своего пути кот вышел к впадине, где раскинулся солончак. Его лапы месили рыхлый слой сухой серовато-белой пыли, ломали корочки солей на гладких площадках, где весной стояли лужи воды. Попадались ему и такыры с плотной, как кирпич, поверхностью, покрытые густой сетью трещин. Такие места были голы, но кое-где и здесь росли удивительные сочные растения, как бы налитые крепким раствором солей, топорщился злак шур-ажак, усыпанный, как мукой, сухой солью. Местами виднелись кустики сарысазана и карабака да однолетние солянки балыккуз.

Уставший от трудного пути зверь наконец добрался до черных Саксаульников. Огромные деревья с толстыми стволами, с подлеском из тамариска, пучками-султанами эреантусов, струящимися по ветру ковылями давали приют многочисленным знакомым по песчаной

пустыне обитателям. Кот без особого труда добыл пищу, утолил жажду, но подруги здесь не нашел.

В саксаульниках оказались огромные стада каракульских овец, охраняемых овчарками. Около них кружили волки. «Странник» не стал задерживаться и поспешил удалиться, избегая встреч с этими врагами кошачьего племени.

В своих странствиях кот побывал и в каменистой пустыне, где его лапам, привыкшим к мягкому грунту, пришлось плохо. Еще хуже обстояло там дело с водой и пищей. В зимнее время очень мало птиц и мелких животных держалось в безводных, почти голых местах. Справиться со взрослыми, крупными сайгаками или джейранами кот не мог, а песчанки, боялычные сони и тушканчики залегли в спячку. Птицы пустыни—саджа, рябки, дрофы-красотки—переместились ближе к югу.

Сильный студеный ветер, постоянно бушевавший в этих местах, раздувал шерсть, морозил тело. Крупный песок и дресва секли морду, забивали глаза.

Кот старался поскорее миновать суровые места, но не сразу нашел дорогу в привычные пески. Сначала он попал в глинистую пустыню, где жизнь растений и животных шла по иным законам.

Наступила зима. Голая, с глубокими промоинами, с колючими шарами перекасти-поля и пятнами низкорослой пустынной осочки, мятлика, с корявыми пучками неказистых колючек, с грязной и липкой почвой, забивающей подушечки лап,—такой была зимняя глинистая пустыня.

Иными оказались тугаи, протянувшиеся лентой оазиса вдоль речушки, терявшейся в солончаках. Здесь было где спрятаться, где добыть разнообразную пищу. Одно не понравилось коту—сырость. Около речки клубились туманы, по утрам выпадали обильные росы или иней. А зверь, как и все барханские коты, привыкший к сухому климату песчаной пустыни, испытывал традиционную кошачью неприязнь к мокрой шкуре.

Однако в густых, хотя и мокрых, кустах таилась соблазнительная приманка—фазаны. Из-за такой дичи можно было иной раз и вымокнуть. Кот даже изменил свои привычки и стал наведываться в тугаи не в темноте, а в начале дня, когда птицы покидали свои ночные убежища—глухие крепки, колючие деревья—джиды—и начинали кормиться на лужайках.

Это продолжалось недолго. Во время одной из охот кот заметил из засады появление грозного конкурента-родственника—хауса. Зверь вышел на берег речушки, примерился и спокойно поплыл к заросшему тростниками островку—месту ночлега фазаньего выводка. Немного погодя в недоступной большинству хищников крепки раздалось громкое хлопанье крыльев, из зарослей стали вырываться перепуганные фазаны. Наконец вышел хаус с трофеем в зубах.

Кот, с величайшим отвращением наблюдавший за действиями грозного родственника, постарался незаметно ретироваться.

Переменив несколько мест, побывав в разнообразных приключениях и турнирах с другими самцами своей породы, кот сумел привлечь внимание самочки. В дальнейший путь они отправились вместе и вернулись к месту рождения нашего героя.

За время отсутствия кота здесь произошли некоторые перемены.

Тихий уголок пустыни оживился. Геологи пробурили несколько скважин и добрались до пресных вод. Строители возвели полевые станы, начали строить поселок. Следы животных, людей и машин испестрили пески...

Кошачьей паре пока не грозила опасность от охотников, но нелюдимым хищникам не понравилось нашествие людей на пустыню. Он увел свою подругу на облюбованный им, знакомый участок глухой и безводной пустыни.

Безлюдный, суровый и сухой край понравился самочке. В одном из укромных уголков она оборудовала отличную нору, где и принесла трех котят.

Шло время. Люди всерьез занялись освоением богатств пустынь. Самую глухомань пересекли каналы, дороги, газопроводы. Разрастались новые поселки, плантации, рудники...

Потомкам кота труднее и труднее теперь находить укромные уголки. Однако ночные хищники — кошки не часто попадают на глаза людям, охота на них запрещена. И круглые следы кошачьих лапок, испестривших пески Кызылкум и Каракумов, переплелись с отпечатками сапог людей.

ЮРИЙ САВИЦКИЙ

КУСТО:
«РЕКИ ПРОСЯТ
ЗАЩИТЫ»

Очерк

Солнце стояло в зените, как и положено на экваторе. В это время года примерно с 11 утра до 3 часов дня все живое здесь прячется в тень. Из-за жары и повышенной солнечной радиации иногда появляется такое ощущение, что кровь вот-вот может закипеть. Большое хозяйство международного аэропорта Энтеббе, расположенного на угандийском побережье озера Виктория было без движения: все, кто имел отношение к нему, спасались от немилосердной жары. И только возле небольшого двухмоторного гидроплана, стоявшего пятом со взлетно-посадочной полосой, царило оживление. Это был знаменитый гидросамолет «Калипсо», входивший в состав комплексной экспедиции известного французского исследователя Жака-Ива Кусто. Как и бывает в таких случаях, журналисты шелкали затворами фотоаппаратов, записывали свои впечатления, брали интервью, а привычный ко всему экипаж быстро и четко готовил гидроплан к очередному полету. Руководил всей работой неутомимый Филипп Кусто — бессменный командир и пилот «Калипсо». Он неоднократно перебирал и ремонтировал чуть ли не каждый узел машины, переоборудованной в научно-исследовательский самолет из американской «летающей лодки» времен второй мировой войны. Вполне понятно, что все узлы и детали машины основательно износились. Вот и сейчас Филипп в который раз терпеливо перебирал один из двигателей «Калипсо», не обращая внимания на жару и суету журналистской братии.

— Мне кажется, что во время полета я сливаюсь воедино с этой машиной, чувствую каждый ее узел. В ней моя жизнь и моя судьба.— сказал Филипп в конце напряженного трудового дня, когда мы встретились за чашкой ароматного угандийского кофе.

(Ровно через год — в июне 1979 года — «Калипсо» потерпел аварию близ португальской столицы; во время неудачного приводнения на реку Тежу он затонул, а пилотирующий его Филипп Кусто погиб.)

Упорные усилия Филиппа по продлению жизни «Калипсо» само собой вызвали вопрос, нет ли у Кусто желания приобрести новый, современный гидросамолет. «Желание, конечно, есть, но нет возможности,— объяснил Жак-Ив Кусто.— Мы присмотрели подходя-

ший и вполне современный японский гидросамолет, по он мам явно не по карману, а прибегать к чьей-нибудь финансовой помощи нам не хочется. Это очень заманчивая идея, но у нее есть один весьма существенный недостаток: тот, кто платит деньга, естественно, имеет право и возможность влиять на выбор темы, а иногда и на сам ход нашей работы. Разумеется, это не всегда совпадало бы с нашими планами, поэтому мы предпочитаем быть небогатыми, во независимыми».

Не соглашается Кусто начинать дело, если ему предшествуют слишком длительные переговоры, волокита. «Я уже немолод, а сделать хочу еще много. Даже в космосе мечтаю поработать хотя бы две недели. Поэтому я просто обязан беречь время», — объясняет он.

А тогда, весной 1978 года, все шло строго в рамках выполнения «голубого плана» спасения Средиземного моря, в котором предусматривалось комплексное изучение великой африканской реки Пил. ска?ывающей большое влияние па водный баланс этого моря. Завершив исследование истоков Пила в Бурунди, экспедиция Кусто прибыла в Уганду, чтобы здесь продолжить работу. В ее распоряжении были гидросамолет небольшой корабль, аппаратура для изучения и киносъеомок водных глубин.

Жак-Ив Кусто встретился с нами — советскими корреспондентами — и рассказал о целях экспедиции, высказал много интересных мыслей об охране окружающей среды и необходимости решительных мер в этом направлении.

Тогда же он поделился своими воспоминаниями о том, "ак начался его путь исследователя:

— Мне было одиннадцать лет, когда я раздобыл чертежи-подъемного крана и смастерил его модель высотой в собственный рост. Ознакомившись с этой моделью, специалисты пришли к выводу, что на нее можно получить патент, так как в ее устройство внесены такие усовершенствования, которые позволяют увеличить грузоподъемность крана.

Однако Кусто не суждено было стать конструктором строительной техники. Победила любовь к морю, которая и привела его в военно-морской флот Франции. После оккупации его родины гитлеровскими войсками он одним из первых вступил в ряды участников Сопротивления. Однажды ему удалось проникнуть в главный штаб итальянского флота и похитить секретный код. За этот и другие подвиги его наградили Военным крестом и орденом Почетного легиона.

Со временем страсть к изобретательству и конструированию у него не прошла, а сочеталась с любовью к морю. В 1943 году Кусто изобрел автономный скафандр, который теперь используют подводники во всем мире. А после второй мировой войны он и его соратники переоборудовали старый английский минный тральщик в настоящую плавучую лабораторию, приспособленную для глубоководных наблюдений и съеомок.

И началась неустанная научная деятельность по изучению моря, его богатств, упорная многолетняя работа, направленная на охрану окружающей среды. Кусто стал крупнейшим специалистом-океанографом, а также выступил в новом качестве. Он поставил фильмы «Погружение под Южный полюс», «Мир безмолвия», «Красная рыбка», «Мир без солнца», многосерийный телефильм

«Подводная одиссея капитана Кусто» и другие, написал серию книг об исследовании морских глубин. В то же время Кусто руководил Центром морских исследований в Марселе и Музеем океанографии в Монако. Он увлекается живописью, изучил несколько иностранных языков.

Его книги переведены на 22 языка мира, фильмы Кусто видели миллионы людей. Но держится он просто и скромно, меньше всего говорит о себе. Его больше волнует проблема охраны окружающей среды, решение которой он считает одной из важнейших задач человечества. Кусто уверен, что средства, идущие на Гонку вооружений, можно эффективно использовать для защиты окружающей среды; они принесли бы колоссальную пользу нынешнему и будущим поколениям.

А Нилом он заинтересовался потому, что, по его мнению, эта великая африканская река—одна из наиболее важных артерий, пополняющих водный баланс Средиземного моря,—тоже просит защиты от загрязнения. Экспедиция Кусто стремилась изучить влияние реки на увеличение производства сельскохозяйственной продукции в странах, по территории которых она протекает. Попутно французские исследователи изучали взаимосвязь и влияние Нила и близлежащих озер на растительный и животный мир прилегающих районов. До этого такую же работу группа Кусто проделала в Судане и Египте, где прежде всего она исследовала химический состав нильской воды и осадков на его дне. Поэтому в экспедицию были включены и квалифицированные химики.

— Наша группа при проведении своих исследований преследует две цели—научную и просветительскую,—сказал Жак-Ив Кусто.— Мы изучали взаимосвязь между водами Нила и животным миром, а также влияние их на население, живущее на берегах реки. Это крайне важно для тех, кто живет вдоль побережья Нила.

Жителей стран, примыкающих к Средиземному морю, беспокоит проблема загрязнения вод отходами производства, которые проникают в море через реки, впадающие в него. И море, и реки района Средиземноморья давно уже просят защиты у человека и от человека. На берегах Нила, конечно, намного меньше промышленных предприятий, чем на других реках. И тем не менее анализ проб, взятых экспедицией Кусто в дельте Нила, показал наличие большого количества пестицидов, попавших в реку с сельскохозяйственных угодий, где они применялись. Поэтому, чтобы избежать дальнейшего загрязнения и отравления вод Нила и соответственно Средиземного моря, важно заранее предусмотреть надежные охранительные меры. Группа Кусто подготовила соответствующие рекомендации, с помощью которых ей хотелось бы довести до сознания общественности огромную важность этой проблемы.

Кусто считает, что состояние вод Нила на территории Уганды не внушает опасений, пока они еще не загрязнены. Но поскольку почвы вдоль берегов Нила в этой восточноафриканской стране очень плодородны, то вполне естественно, что их будут осваивать. Проблема заключается в том, чтобы это делалось наиболее рационально и без ущерба для окружающей среды, в том числе и для вод Нила.

Так, на юге Судана искусственно понижают уровень болот, связанных с Нилом. По мнению Кусто, если этот район превратят в зону активного земледелия, а удобрения и другие химикаты будут

интенсивно применяться без должных мер предосторожности, то это неизбежно приведет к непоправимым последствиям для вод Нила. А результаты такого проекта предсказать трудно.

...Процесс загрязнения окружающей среды в некоторых капиталистических странах зашел так далеко, что решение этой дорогостоящей проблемы требует уже объединенных усилий многих государств. И Жак-Ив Кусто считает, что дело не только и не столько в дороговизне ее решения, сколько в том, чтобы правительства и народы этих стран поняли, что ее решать надо срочно.

Общество сохранит много средств, если оно научится содержать в чистоте окружающую среду. Развивающиеся страны в данном случае находятся в более выгодном положении, чем развитые, поскольку они могут извлечь опыт из чужих ошибок и упущений.

Опыт комплексного исследования Нила Кусто использовал и во время длительной экспедиции по изучению Амазонки. По мнению ученых, бассейн этой величайшей реки мира еще мало изучен. Тем, кто вплотную займется столь увлекательным делом, предстоит открыть множество неизвестных пока растений и животных, познакомиться с десятками этнических групп индейцев, у которых или были весьма ограниченные контакты с современным миром, или таковые пока вообще отсутствовали. Кусто и его коллег интересуют прежде всего воды Амазонки, их состав, традиции рыболовов этого района. Их, в частности, занимает то, что воды некоторых рек бассейна Амазонки различаются по цвету и сохраняют это различие даже при слиянии. Подобное явление происходит, например, при слиянии вод Амазонки и впадающей в нее Черной реки. И, как всегда, можно с уверенностью сказать, что Жак-Ив Кусто напишет интересную книгу об этой экспедиции или снимет увлекательный фильм.

**ДРАКОВАНОВА
КУЛИГА**

 Зарисовки
Северодвинского края

Удастся ли нам повторить поездку по берегам Северной Двины, Сухоны и Юга? Если удастся, мы увидим за короткий срок многое.

Невод стариков

Под Котласом сразу после поезда мы попали в рыболовецкую бригаду, и нам потребовалось какое-то время, чтобы осознать сам факт—мы на берегу реки, лишь по карте известной со школьных лет.

Всего сутки назад мы в огромном, клокочущем от энергии городе ощущали на себе приводные ремни необходимости. Они заставляли вращаться какие-то наши маховички, гоняли нас по проспектам, двигали наши мысли и чувства; как части в механизме, мы были плотно сжаты со всех сторон другими частями, повсюду ощущали тесноту.

И вдруг приводные ремни слетели—перед нами великий простор. Вот и река Вычегда, берущая начало в Предуралье. Она несет свои воды в Малую Северную Двину, и Малая становится Большой, напирает на высокий левый берег, вымывает на правом (там, где мы сейчас) плоские песчаные равнины-пляжи, отодвигает к горизонту полосу лесов, отражает в себе все богатство и многообразие неба—палящее по-южному солнце, ослепительно голубой зенит, последние, тающие нити облаков.

В отдалении мы замечаем на берегу одинокую фигуру; на нее указывает и старик бригадир. Недалеко от фигуры на воде темнеет борт катера.

— Вон тот, Хлобутин, стоит на приколе. Ему с катера отдают конец невода (крыло), видите?—спрашивает бригадир.—Разматывают, ставят тоню поперек течения, затем ведут и заворачивают к нам, тут будет у нас второй конец. Потом концы сведем вместе.

Старику бригадиру с артистической фамилией Черкасов 73 года. Раньше он плотогонил, награжден за эту работу орденом Ленина, теперь ловит рыбу для совхоза. В бригаде его зовут дядя Костя. Кожаная кепка с маленьким козырьком у старика сдвинута на нос, из-за чего он запрокидывает голову. Щетина на подбородке и щеках дяди Кости задорно поблескивает на солнце, голубые глаза, полу-

прикрытые козырьком, посматривают вокруг одновременно и молодо и мудро. Видя его откинутую назад голову, прямую спину, я сам невольно распрямляю плечи, втягиваю живот и, пока жена купается в Двине, сбрасываю с себя все, что можно, и присоединяюсь к рыбакам.

Еще помнят бока деревянную полку, еще не выветрился из рубашки стойкий запах поезда, и в голове простучит секунду-другую и покачнется вагон, а на плечи уже легла тяжесть, какую не сдвинуть одному, и босые ноги подражательно, мерно переступают вслед за ногами рыжеволосого рыбака, который идет впереди меня. С легким восторгом непривычного к рыбацкому труду человека, чувствующего, что дело получается и моя помощь нужна, я радуюсь всем своим ощущениям: и свободе от города, и тугой податливости невода, и наслаждению погружать в песок намозоленные обувь ступни. Чурилов, рыжеволосый рыбак, оглядывается на меня: его лицо и обгорелый нос пламенеют на солнце, зубы блестят в ободряющей улыбке. Всё! Бросаем! Теперь надо войти по колено в воду и выбирать невод так, чтобы рыба не могла уйти из него. Какой-то маленький мальчик лет шести очутился передо мной, перехватывает руками верхнюю подбору, с которой стекают в тихую воду струйки воды, и делает это так сноровисто, что у него не грех и поучиться. Что-то блеснуло под водой, ячеи пошли частые, самые прочные, и, сгрудившись в сетчатом мешке, попадали на влажный песок усталые от борьбы и испуга, покорные рыбины — отливающие зеленоватой броней судачиши, нежно серебриющиеся широкими боками леши, сыто распластавшиеся язи, точеные сиги, нервно изгибающиеся стерлядки. Стерлядкам повезло: старик Черкасов нагнулся и по очереди стал их кидать одну за другой в реку, приговаривая: — Молода еще, тебе расти и расти!

А остальные попали в засолку и уху.

Уху варили возле стана, в стороне от берега. Стан — это вагончик для каждого рыбака на деревянных полозьях, с нарами и марлевым пологом от комаров. Рядом с вагончиком врыты в землю стол и скамьи. Горит большой костер, бурлит в ведре похлебка. Дымок от костра тянется в млеющее от жары небо, легкая, клубящаяся тень от него бежит по песку. Дрова сюда не привозят — их вылавливают вместе с рыбой, иногда в невод попадают и топляки, оставшиеся от лесосплава. Вот и сейчас дядя Костя взял на плечо сырое березовое бревнышко. Рубашка на бригадире в мелкую клетку, навывпуск, ворот расстегнут, кепка все так же надвинута, брюки закатаны до колен, ноги стройны и крепки. Он так пружинит ногами, так ладно и щегольски несет белый кругляк, что моя восхищенная жена шутит: несет, как приму-балерину. Бревнышко подсушат, расколют, потом уложат в поленицу позади вагончика. Поленица — запас на осень — уже выстроилась там высокая, по грудь человеку.

Может ли не оценить вкус ухи тот, кто поработал, надышался речным воздухом, раздражился ароматами, идущими от костра⁰. Даже если у «стряпухи» Аркадия небольшой пересол, я нахожу замечательным сдержанное, несуетливое гостеприимство рыбаков, как будто мы смолоду с ними знакомы и часто к ним наведываемся. Теперь, когда все в сборе, можно всех разглядеть, погадать о возрасте. Но легко и обмануться: вон бригадир выглядит лет на пятнадцать моложе, чем есть; все рыбаки загорелые, со свежими

безбородыми лицами, а глубокие морщины видны, пожалуй, только у моториста Мыльников, который незаметно когда успел побриться; каждый дышит здоровьем.

— Это дома привязываются хвори,— говорит бригадир.— А здесь!..— Он весело отмахивается.— Что делать моей старухе? Отпускает.

Рыбачат они до ледостава. За рыбой приходит из совхоза колесный трактор с прицепной тележкой. А в выходные дни, оставив сторожа, рыбаки разъезжаются по домам—как выражается рыже-сторосый шутник Чурилов, пересчитывать ребятишек. Чурилов самый разговорчивый в бригаде. Он много поездил, повидал, очень любознателен. Легко и остроумно увязывает в разговоре острые ядовитые колючки судака и Оружейную палату, пересол ухи и сольвычегодские музеи, лесной пожар на горизонте и ботики Петра I. Остальные рыбаки не очень-то верят ему, даже осаживают насмешкой, но старик Черкасов слушает и словно досадует на себя: а вот я, мол, ничего такого не видел, не знаю, дальше своей деревни нигде не бывал. И этим веселит всех.

— В войну всю Германию прошел!— восклицают мужики.— А говорит, дальше деревни не бывал!

Противоположность Чурилову— бывший мурманский рыбак Андреев, самый молчаливый, серьезный. Его с трудом усаживают за стол обедать: никак не может оторваться от добровольно взятой на себя работы—в «передых» чинит запасной невод, растянутый на вешалах. И пока другие чистили рыбу, разводили костер, его руки двигались от ячеи к ячее. Он не оборачивался, не слышал обращенных к нему слов, ничего и никого не видел, но это никого не обижало, а только внушало почтение.

— Рыбачим без заминок и перебоев. Все благодаря ему,— сказал Черкасов.

Покончив с ухой, Андреев берет мундштук, деловито вставляет в него козью ножку, неторопливо затягивается. От его сурового лица, крепкой невысокой фигуры исходит надежное и мужественное спокойствие. Оно ценней иной общительности и доброты. В войну он был моряком Северного флота, и я легко представляю его с той же неторопливой затяжкой возле орудия или люка, ведущего в машинное отделение. Из Мурманска он переехал на Двину и живет на обрывистом берегу в деревне Усово, которую видно от стана—цепочка деревянных изб на фоне дальнего неба. Все оборачиваются в ту сторону, но вдруг кто-то коротко, отрывисто замечает:

— Идет дурында!— И это для всей бригады или по крайней мере для моториста Мыльникова звучит как сигнал тревоги.

Про уху все забывают. Мыльников бежит к катеру, заводит мотор и отходит от берега. Все—и я, конечно,—бредем по песку к реке. А по Северной Двине со стороны Котласа появляется остроносое металлическое «создание», раздирающее речную гладь как бы согнутыми в коленях ногами. Это вырвался на простор пассажирский катамаран, и если до него река походила на бок леща, который серебрился и золотился на солнце, то теперь он встрепенулся, стал подниматься, задвигал плавниками. Катамаран проходит—и к моим ногам бегут по Двине крутые валы, и бригадир говорит, что такая волна разбивает лодки, ломает моторы, размывает высокие берега, а на низкие выбрасывает моль—мелкую рыбу. Маленький

мальчик—тот самый, что тянул невод,—подбирает бьющихся на пске мальков и отпускает их в воду.

— По-хозяйски делаешь, сынок,—хвалит его Черкасов и распоряжается, чтобы в награду мальчику дали посмотреть в бинокль.— Видите палатку? Версты полторы. Там одна молодежь. Мы, ясно, интересуемся, как у них ловится. Только они часто горячатся, спорят, руками размахивают. У нас спокойно. Мы из всех котласких бригад пока первые по улову. А возраст наш, если заметили,—добавляет он с гордецей,—в среднем за 60...

На прощание я еще раз тяну невод, а бригадир преподносит нам царский по нынешним временам подарок — малосолевого сига. После рыбалки ноги у меня начинают пружинить, грудь дышит свободно, годы уходят в песок. Мы покидаем рыбаков и словно упускаем возможность остаться навсегда молодыми, не зная тяжести лет, обрести спокойствие и единственно верную мудрость.

Двадцатипятилетние кедры и мечты Гурьева

В Котласском районе Архангельской области интенсивная рубка леса идет с тридцатых годов, здесь мало осталось нетронутых ландшафтов—все новью посадки. А нам сейчас нужно что-то лесное, интересное, и мы ухватываемся за предложение посмотреть кедры.

Предложил это Шухтин, молодой директор лесхоза, сначала основательно нас потомив. Не потому, что у него были какие-то сомнения, просто основная черта характера Шухтина—медлительность. Он все время словно прислушивается к чему-то неслышному нам и слегка улыбается, как бы извиняясь за свои раздумья. Быть может, в силу такой раздумчивости он выбрал для нас действительно интересный маршрут.

Природных кедровых лесов здесь нет и никогда не бывало. Местная тайга—это обыкновенная сосна, ель, пихта. Но поскольку кедровая сосна долговечнее и мощнее обыкновенной, а ее плоды кормят лесное зверье и людей (осенью с одного гектара кедрача можно насобирать до 200 килограммов орехов), решили передвинуть сюда сибирский кедр, что так же заманчиво, как поселить красную рыбу в озерах.

И вот кедрач уже пробуют разводить на архангельской земле?! Едем!

Маленький старый автобус, собственность лесхоза, долго выбирался из деревянного пригорода, катил по асфальту, потом по гравию, затем по проселочным дорогам с глубокими колеями в суглинке, благо давно не было дождей; к колеям подступали перелески, тянулся кое-какой лес. И пока дорога шла получше, лес был похуже, невзрачнее, а как только автобус начало кидать из стороны в сторону и швырять в опасные выбоины, так и лес как будто приободрился, подрос, пришел в себя, стал наряднее. И нам стало веселее смотреть на яркие стволы сосен, на разноцветный мох, устилающий полянки. Подсакавив дружно на сиденьях, мы уже вели разговор с Шухтиным о здешней фауне. Он на каждый вопрос отвечает, некоторое время подумав: «Птиц мало, и зайцев мало, а вот волков и медведей много». И добавляет, что появились куница и

бобр. Вспоминает о лосях, лисице, горностае и опять умолкает. Дорога оказывается долгой, хотя едем от Котласа до станции Гарь всего-навсего 22 километра. На окраине Гари нам наконец показывают давние посадки кедр.

У деревьев, правда, иной отсчет времени, чем у человека: если для нас 25 лет много, то для кедр, живущего в пять раз дольше, чем самый старый долгожитель, этот срок мал. Тесно сомкнув свои кроны, похожие на зеленый мех, они, как столпившиеся непуганые, любопытные звери, глядят на нас, пока мы к ним подходим. Деревья подставляют нам свои мохнатые «бока», и хочется протянуть руку к каждому, погладить лапы в длинных мягких иглах. Каждая игла чуть изогнута, чтобы спрятать свое острие, не уколоть нас, и моя жена сравнивает их с когтями ласковой кошки. Все эти кедр были перенесены сюда маленькими саженцами из специального питомника. Их рассадили на расстоянии двух метров друг от друга—теперь, конечно, должно происходить самоизреживание. Сажал их бывший лесничий Медведев, ушедший на пенсию. Кедр успели с тех пор вымахать в два человеческих роста, но еще не плодоносят, потому что, когда деревья растут толпой, этого надо ждать 50 лет.

Рядом с высокими совсем низкорослые, по колено, посадки. Это гектар сеянцев. В одном месте возле кедроча случайно попало в землю семечко обыкновенной сосны. И теперь тянутся вверх братец кедр и сестрица сосна. Сестра сильно переросла брата, явно показывая, что малышу за ней не угнаться, а значит, двинские леса всегда будут принадлежать соснам. Нам тоже начинает казаться, что ласковые кедр без боя уступят место под солнцем любому желающему.

— Ничего,—обнадеживает Шухтин.— Медленно растут, зато в смысле почв неприхотливы. Вы бывали в Сибири? Тогда видели—растут на болотах, в песках, на камнях. На торфе, правда, хилые. В горах стелются кустарником. Зато на супеси и суглинках—богатыри. У нас тут как раз такие земли. Мы кедроч поддерживаем. Сейчас за кедр «болеет» лесничий Гурьев. Хотите, к нему подъедем? Он тут мост строит через речку Лименда, а живет в Савватее.

Спустя полчаса мы уже в гостях у Гурьева. Время обедать, так что мы не очень сокрушаемся, что оторвали его от дел, привезли на автобусе домой. Поначалу трудно понять, как он относится к гостям. Ему лет за 50, взгляд быстрый, ухватывающий и тотчас уходящий в сторону—взгляд умного, или, как говорится, хитроватого, мужика, не склонного, казалось бы, принимать всерьез вашу заинтересованность в чем-либо. Но вот он ведет нас из избы в огород, чтобы показать свое хозяйство и что-то собрать к столу. Когда же мы по достоинству, со знанием дела оцениваем его двойные ульи на маленькой пасеке и прекрасные парники да еще добавляем, что томаты у него как на лучших кустах в Молдавии, Гурьев добреет и уже не ждет от нас никакого подвоха. Он вручает нам несколько тугих румянощеких помидорищ: сейчас, мол, будете есть их с медом.

— Никогда так не пробовали? Загадывайте желание.

В кухне он усаживает всех за стол, согревает на электроплитке чай, заваренный смородиновым листом, достает хлеб домашней выпечки, огурцы, лукошко черемухи—северной вишни, показывает,

как намазывать помидоры медом. Его жена, высокая сильная женщина, ему не помогает: она где-то поранилась и теперь с трудом передвигает забинтованную ногу, то заходя в избу, то исчезая, занятая своими заботами. Она приостанавливается и прислушивается к беседе, только когда Гурьев упоминает о сыне. Их сын живет в Подмоскowie, в Чехове, и собирается вместе с женой и детьми переехать сюда. Изба им уже достраивается, а лес они все любят.

— Вам бы уже сегодня хотелось набрать кедровых шишек, верно? — Гурьев усмехается. — Но и вам, и мне придется потерпеть... Мой сын сорвет, это да! А еще у кедра есть тайна. Он не станет расселяться естественным, как это говорят, путем без птицы ореховки. А ее отпугивают вырубки, гари всякие. Внукам, значит, тоже дело будет — привадить эту птицу. Выходит, мне надо создавать династию. А как иначе?

Все уже встали из-за стола, и я говорю жене Гурьева:

— Желаю вам, чтобы сын приехал...

— Приедет. Как не приехать? — удивляется она.

Уже в машине мне вспоминается сибирская тайга, удивительное свойство ее кедров. Они смягчают окрестный пейзаж, как бы ни был он суров, неприветлив, угрюм. На самого человека кедровые леса действуют по-разному, как, впрочем, любая возвышенная красота. Люди могут быть и жестоки к кедру... А все же недаром существовал обычай — осенью праздновать сбор кедровых шишек. Жаль, что многие теперь набрасываются на них без праздника. Когда же человек просто смотрит на этих добродушных и щедрых великанов, он становится задумчивее, добрее, и даже у тех, кто ожесточился, невольно отпускает сердце...

Кулига для воющих волков

И двух суток мы не пробывали в Котласе, но уже торопимся дальше. Теперь надо только добраться на автобусе до Пермогорья, а там, кажется, уже близко...

Шофер Сережа в темном комбинезоне, сапогах и белой кепке, надвинутой на нос, точно как у рыбака Черкасова, улычив, словоохотлив, лицо сияет мальчишеской свежестью, хотя ему 28. Смотреть на него приятно: все, что он делает и говорит, он делает и говорит с удовольствием. Кажется, что и машине приятно повиноваться его рукам. «Газик», как по асфальту, легко бежит по лесной дороге, удивительно плотной, крепкой и гладкой, будто по ней провели утюгом. И цвет у нее необычный — раскаленного на огне речного песка.

— Еще наши прадеды строили, — говорит Сережа о дороге.

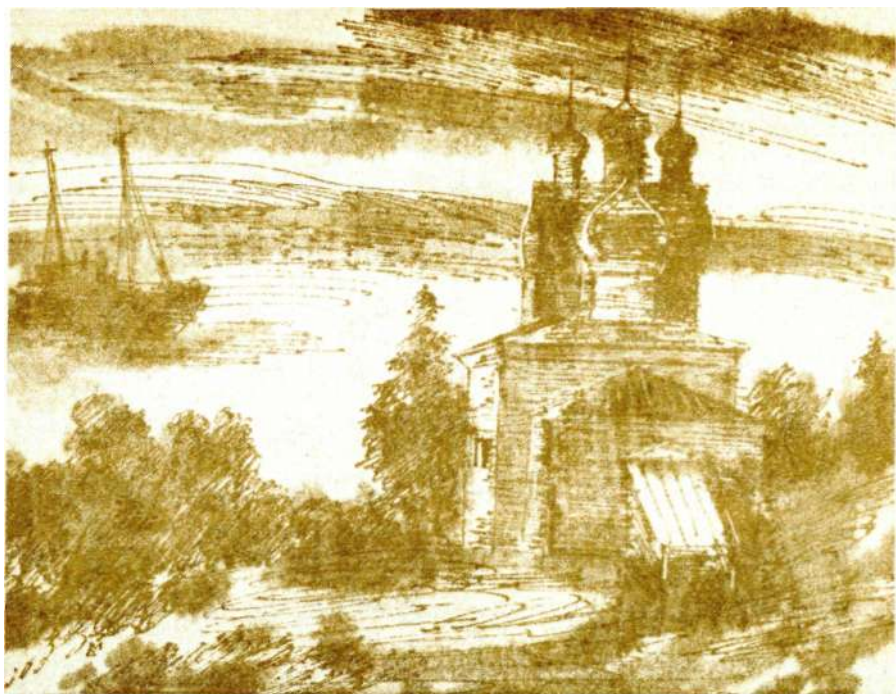
По сторонам тянется ельник, лоснящийся от жаркого солнца, бьет в глаза огненная порывелость веток у молодой сосны, возможно задетой случайной болезнью. Ветки мелькают за еловой стеной, убегая назад, как вспугнутый зверь.

— Лисьи хвосты промелькнули, — шучу я.

Улыбкой показывая, что согласен, Сережа оборачивается к нам:

— А у меня из-за лисы собака погибла. Я ведь охотник...

Он не успевает договорить, как появляются первые амбары и темные, заколоченные дома старинного села Драковановой Кулиги.

Дорога идет вверх, избы тоже поднимаются за ней. Сейчас приедем.

Слово «кулига» древнее, многозначное. Здесь им названо расчищенное в лесу место, когда-то вырубленное и выжженное на холме под постройки и пашню. А «дракованова»? Сережа не знает. Но к дракону, смеется он, отношения не имеет. Машина делает еще один поворот и выкатывается на плоскую вершину, заросшую муравой и уставленную старыми домами какого-то нежилого, пыльного цвета.

Странное дело: пусть даже изба построена век назад, пусть потемнела от непогоды и времени, пусть у нее подгнило, готово провалиться крыльцо, но, если в ней живет человек, у избы как бы стучит сердце, невидимые соки пробегают по сухим капиллярам ее досок и бревен, дерево серебристо блещет, как блещет теплая, живая кожа. А тут блеск исчез, сердце остановилось, испарились соки. Мы подходим к одной, другой, третьей, четвертой избе — всюду двери настежь, что-нибудь свисает, рушится; в сенях, кухне, горнице под накидкой пыли груды всевозможного хлама, чугулки, ухваты, миски; на стене взгляд ловит помутневшее зеркало в овальной раме деревенской работы...

— Неужели никого не осталось? — спрашиваем мы Сережу.

Сережа здесь давно не был. Он показывает нам большую избу с висячим замком на дверях. Это дом старика Попова, Сережиного однофамильца, живущего теперь в Пермогорье, в совхозе. Вот замок — наверное, старик сюда заглядывает. Но живет ли кто-нибудь?.. Через полчаса мы убеждаемся, что Кулига обезлюдела... В школе, где стоят парты (а некоторые валяются на боку), двери

разверсты, стекла выбиты, все открыто любому ветру и ливню. И кажется, как будто не ветер влетал сюда уже несколько лет, внося облетевшие листья и вороша мусор, а какой-то северный дракон втискивался в проемы, ступал здесь безобразными лапами, бил хвостом, заглывал все живое. Разрушил он и три церкви, спавшие на обрывистом краю холма под сенью древних, двухсотлетних, но еще крепких елей.

Кирпичная церковь, построенная мельником Лукиным, развалилась так, что уже нельзя угадать ее очертаний. От деревянного трапезного холма, украшенного когда-то большим куполом в окружении мелких куполов-детенышей, остались только стены нижней части, крытые кровлей, длинные доски которой сползают и понуро свисают по сторонам, как перья в крыле раздерганного чучела.

Еще где-то здесь стояла древнейшая на Северной Двине колокольня с высоко поднятым ярусом звона, с шатром над ним на резных столбах. Я показываю Сереже фотографию в книге и узнаю, что колокольня не погибла. Ее разобрали по бревнышку, перевезли в музей под открытым небом. Сережа говорит, что в Карелию. В Кижы? А может быть, не в Карелию, а под Архангельск? Мне сейчас не до уточнений. Сереже с его глазом охотника достаточно одного взгляда на снимок, чтобы понять, где он сделан. Да, вот она ель, вот площадка, скрытая в траве,—все, что осталось.

Не находим мы в Кулиге и древних изб-великанов: их унесло время. А тут еще, чтобы усилить наше унылое впечатление, стал накрапывать дождь; потемнело.

— Могу показать еще одно место,—предлагает Сережа. И «газик» начинает углубляться в дебри по все еще хорошей, но без конца то ныряющей, то взмывающей дороге.

— Так вот, у меня охотничья собака была, тесть подарил, он ее сам натаскивал,—продолжает Сережа недосказанное.—Я шел с ней по этой дороге, вот тут дело было. Вдруг выскочила лисица, собака ее погнала, не удержалась. Я слышал гон. Потом тишина: скол! Значит, потеряла, поищет—вернется. Только она не вернулась, я в Пермогорье один пришел. Через сутки решил поискать. Все исходил—только лапу нашел да клочок шерсти, понял: она за лисицей помчалась, а за ней—волки.—Сережа улыбается, стойко сохраняя бодрый, веселый тон, и тут же вздыхает: — Жалко. Теперь со шенка начну снова... А сейчас вы увидите Трезубец или Трезубиху, у нас по-разному зовут.

Пожалуй, мы уже не на холме—на вершине настоящей горы. Деревня Трезубиха? Нет деревни. Как остатки почерневших зубов, торчат три-четыре постройки в «деснах» еще одной кулиги.

Но наша унылость сменяется очарованием, когда мы выскакиваем из машины. «Изумительно!»—слышу я голос жены и замираю на месте. Этот крошечный кусочек дает представление о том, что такое Северодвинский край.

Мы словно на вершине северной тайги. Из дальнего, невидимого болота журча вытекает скромная речка Шокша и стремится к Двине, огибая преграды, продираясь сквозь чащи. Она там, где-то внизу, прикрыта деревьями, в той стороне, где четко желтеет крутая, обрывистая стена холма, приютившего Дракованову Кулигу. Сама же Двина, приняв в себя Шокшу и, наверно, еще какие-то воды, широко блещет в синей дали, неся свою безудержную лавину. Ни

журчания Шокши, ни плеска яростной стремнины Двины отсюда не слышно. На Двине водяные круги идут от прибрежной семьи валунов, здесь хвойные кольца лесов отходят от голой кулиги. Круги по воде, круги по тайге. Колкие смолистые просторы ее наполнены скрытой жизнью зверья. Сверху все накрыто теплым, слегка морозящим куполом неба, под которым, чудится, должен заглухнуть любой звук. И мы начинаем разговаривать, понижая голос. Потом я молча, жестом зову за собой спутников, когда обнаруживаю, что один из «зубов» Трезубихи—настоящая изьяная крепость, то, о чем мы сегодня мечтали.

Если бы только в ней жил кто-нибудь...

Эта крепость, столь дряхлая с виду, внутри оказывается еще крепкой, живучей. Мы входим в приоткрытые ворота, по крутым ступеням высокой лестницы поднимаемся к входной двери. Такой подъем означает, что изба поставлена на подклеть—поддерживающий сруб, где могли быть хлев или кладовая. Замочная скоба у двери вырвана, виновато свисает большой запертый замок: не уберег дом. Да и как уберечь за годы полной заброшенности? Каждое лето на кулиге разбивают свой стан механизаторы, на лужайке перед домом и сейчас видны остатки их кострища. Сюда входят все кому не лень. Вот и я тоже, не гость, не тать. Из сеней мы попадаем на просторный мост, я бы назвал его коридором.

— Изба в мосту,—говорит Сережа и показывает на комнату впереди нас.

Действительно, это не просто комната, а маленькая изба в большой избе, как матрешка в матрешке, под общей крышей. Мы поворачиваем направо, входя в большую избу, где кислый запах старого хлама, сумеречно освещенного запыленными окнами, не может забить, не в силах ослабить неотсыревший, нетленный, чистый запах могучих еловых бревен в стене, некрашенных потолков. Перед окном на столе валяется самодельная застекленная, но теперь разбитая рама с семейными фотографиями, карточки выпали—рассыпаны по столу, по полу.

Стол, скамейки, полки, полаты возле печи и деревянные грядки (навесы) для противней с выпеченным хлебом, пирогами—все так ладно, весомо, надежно, как будто делалось на тысячелетие. А всевозможная утварь, посуда, целый базар лубяных кубышек с крышками, бочонков, корзин, берестяных туесов, деревянных ложек! Все это сработано, как для богатырей, а теперь за ненужностью валяется под ногами, мы спотыкаемся, перешагивая через это богатство.

Назад по мосту переходим на поветь (сеновал)—и здесь то же обилие вещей, словно пришедших из древности: прялка с куделью, деревянный ткацкий станок, кованые сундучки, способные украсить любую городскую квартиру, деревянные вилы. Старики, жившие в этой избе,—он и она—держались старых привычек, обычаев дедов и прадедов, не любили, видно, приобретать что-либо готовое, предпочитали делать сами. С большой осторожностью я беру в руки то одну, то другую вещь, удивляясь отсутствию трещин, добротности каждой находки.

Вымыть бы в этой избе полы, вытряхнуть пыль, перемыть посуду, заново перекрыть крышу, починить двери и ворота—и живи еще целую жизнь!

Старик умер, старуха заперла дом и уехала к своим детям — возможно, это ее сын глядит со старой фотокарточки, подписанной бравым ефрейтором Белозерцевым? Судя по дате, сейчас ему уже под 50. Где он теперь? Я забываю спросить у Сережи. Слишком много всего нового, невиданного. Отвлекает.

Покидая Трезубиху, оглядывая с вершины двинские дали, я представляю себе вдруг приход зимы, когда темно-зеленый круг тайги, обведенный горизонтом, станет белым и на белый, облитый сказочным сиянием кружок кулиги выбегут один за другим волки, отбрасывая на снег хвостатые тени, и начнут выть на луну...

— Сережа, давай вернемся в Пермогорье! Если верить книгам, ты живешь там возле непогибшего сокровища?

По шучьему велению, по нашему хотению «газик» подкатывается к северодвинскому берегу, и на краю обрывистой крутизны над нами встают иллюзорно высокие стены маленького трехглавого храма, сработанного мужичьими топорами в 1665 году. Егорьевская, говорит Сережа, церковь.

Простая по исполнению, она не проста по вложенному в нее чувству. Если медленно повести взгляд от ее основания к трем куполам, к вам сначала придет ощущение силы и надежности, затем изящества вместе с легкой игрой и застенчивостью. Кажется, будто могучий северянин, расставив для упора ноги, поднял над рекой трех обнявшихся девиц или отец вынес своих дочерей на берег, выхватив их из пучины разбушевавшейся Двины.

Тут, на Севере, рядом с летними деревянными, холодными церквями иногда строили зимние, каменные. В Пермогорье кирпичная соседка выглядит умирающей старухой рядом с деревянным крепышом. Как надо срастись душой с Севером, его лесами и реками, чтобы так любовно строить на еловых срубях нечто вечное, рассчитывая не на одно поколение рода человеческого! Здесь рождались не знавшие помещичьей кабалы люди, вольного спокойного нрава, выдумщики, умельцы, творцы. От них пошли поколения, которые тяготеют к Северу, как птицы тяготеют к родным местам. «Не опустеет Север, — думаю я. — И Дракованова Кулига меня в этом не разубедит». Север магнитом тянул к себе давно ушедших людей, и еще больше он очаровывает современного человека. И сын Гурьева собирается сюда из Подмосковья. И шофер Сережа, родившийся здесь, вернулся после армии в Пермогорье, стал работать в животноводческом совхозе, получил здесь новый дом и приусадебный участок, а жену-фельдшерицу привез из Красноборска.

И, глядя на шедевры местных мастеров-строителей, можно с уверенностью сказать, что такое умение дается только великому племени, которое не иссякнет, даже отхлынув от своих кулиг...

Гледен значит «обзор»

Катамаран несет нас назад, к Котласу, и дальше, в Великий Устюг.

Тысячу лет назад или более основана здесь своеобразная Дракованова Кулига, названная Гледен: отсюда было удобно «зрети» все окрестные «страны». Гора возвышалась над тайгой и омывалась

водами Сухоны, так что удобно было не только обозревать дачи, ловить рыбу, торговать с соседями, но и обороняться. Все же это не спасло выросший на горе город Гледен от разорений, а затем и гибели от мечей галичей и огня вятичей. Погорельцев приютил более удачливый город Устюг. Он был основан в XII веке выходцами из земель Ростова и Суздаля, а в XV веке стал северным форпостом Москвы.

На горе Гледен мы вошли в кирпичные ворота белой монастырской стены — там оказались как в маленькой крепости. Внутри ее тесно от древесных крон, строгого, суховатого, но широкоплечего собора, массивной колокольни и более поздних построек. Здесь работают реставраторы, но сегодня все заперто и безлюдно.

Мы обходим вокруг собора. Я смотрю на зеленые изразцы по краям больших, скорее светских, чем церковных окон, на неуклюжие поздние переделки и думаю о том, как все-таки стойко живет на земле слово. Прошли столетия, Сухона отодвинулась от горы на несколько километров, исчезли следы древнего города, вырублена тайга, сам монастырь давно утерять изначальный вид, но слово «Гледен» запечатлелось навечно в названии «Троице-Гледенский». Я верю, что мои современники уже не дадут ему исчезнуть.

Мы оставили на Драковановой Кулиге Гледена лишь архитектурный памятник. Смотрите — там, за блестящей змейкой Сухоны, готовый принять воды юга и образовать Двину, заслоня край неба, зазывно встает белый град — Великий Устюг. Живая жизнь не ушла совсем — она перекочевала туда, на левый берег Сухоны, и дала новые силы великому городу Древней Руси, ныне, может быть, самому привлекательному из северных городов...

Пошел дождь, но мы уже в машине. Струи воды разлетаются над асфальтом, бегущим к Великому Устюгу. Похожие на кусты роз, тянутся по обеим сторонам густые намокшие изгороди иван-чая. Он уже отцвел, но влажно алеет стебельками, цветоносами, каждой кистью. А за ним ельник со свечками верхушек в матовом небе, как чернь на серебре.

— Чувствую, едем к художествам, — говорит моя жена.

Серебро черное и льняное

Мы познакомились с директором известного на всю страну ювелирного предприятия.

— Мы не претендуем на возрождение промысла, которого якобы нигде, кроме Великого Устюга, не было, — говорит нам Юрий Дмитриевич, директор «Северной черни». — Пальму первенства по чернению надо было бы отдать Киевской Руси. Татаро-монгольское нашествие поставило на том крест. Люди потекли на Север, частью здесь осели, основали Устюг, а с ними разные умельцы, из киевлян тоже, с их секретом чернения по серебру и золоту. А тут, видите, пути, торговля, привоз цветных металлов... К нашим зимам, нашим белым ночам как-то больше подходит серебро, чем золото. Так или иначе, Устюг прославился чернением по серебру...

Юрий Дмитриевич прерывает свой рассказ, когда на серебряном подносе перед нами появляется точеный, по-мужски узкобедный серебряный графин в окружении семи низеньких серебряных же

чарок «с развальцем». Моя жена ахает от восхищения, а я погружаюсь в созерцание нежной, даже бархатистой, как бы впитавшейся в серебро черноты растительного узора. Его мягкость объясняется, наверное, той серебристой дымкой отраженного света, в которую одета, как утреннее озерко туманцем, каждая вещь.

Мы идем по заводу, по цехам с названиями, требующими то одних, то других пояснений,—цех оснастки, заготовителей, граверный, черневой, гальванизации, побывали у художников. Мы видим, как одни девушки в синих халатах подходят к вытяжному шкафу с горелкой и копят на ней серебряные ложки; другие, сидя за длинными столами на длинных скамейках, оттискивают на копоти узор с особых «переводок» и покрывают рисунок лаком; третьи берут острые стихели и начинают гравировать, а серебряные крошки падают при этом в выдвинутый ящик стола. Потом с изделия снимают копоть, разогревают его на лампе горно, наносят на резьбу черную пасту (секрет которой был сохранен в 30-е годы последним тогда знатоком черневого дела Чирковым)—и опять ложку в горно, отчего она становится еще черней, чем была. А дальше наиболее усидчивые девушки и молодые женщины, называемые «выснинщиками», счищают наждачной лентой и графитовыми палочками чернь, легшую в углубления. Я спрашиваю одну из девушек, может ли она от начала до конца сама сделать такую ложку, а не только ее очистку—высникку. Нет, оказывается, каждый работник здесь делает только свою операцию. Девушка отвечает, не поднимая головы, и графитовым наконечником трет серебро.

Мы и не замечаем, как проводим на «Северной черни» три часа вместо запланированных часа-полтора. Нас ждет машина, чтобы везти в город Красавино на льнокомбинат. Программа у нас уплотненная—мы ее сами себе сочинили.

Мне хотелось проверить одно свое давнее наблюдение, что лен сродни серебру. Не только потому, что льняной холст отликает этим благородным металлом. Что бы ни делали с льняными волокнами—отбеливали, красили и пропитывали, отмывали, снова пропитывали, сушили, придавали глянец готовой ткани, лен перебарывает все запахи красителей, пропиток, кипящих котлов, машин, жару, духоту, пары. В любом цехе я улавливаю его вкусный аромат, приятный мне с той давней поры, когда я впервые взял в руки льняное полотенце.

Другие ткани впитывают в себя окружающие запахи, особенно затхлые, а лен, наоборот, подобно серебру в воде, словно убивает их.

Когда же в 60 километрах южнее Великого Устюга мы побывали в бывшем льноводческом Усть-Алексеевском совхозе, то услышали, что планы на лен уже многие годы сильно снижены, да и те по разным причинам (например, погодным) не выполняются. В одно лето—влажное—лен не вызрел, семян не получили, убрали поздно, вылежаться он не успел—по снегу расстилали. Разве будет хорошее волокно?

Другое лето—сухое, жаркое, тоже плохо: семя не налилось, щуплое, мелкое, попробуйте его в поле на зуб—как камушек.

Показывая нам поле низкорослого льна, кое-где еще запоздало цветущего, по местами уже желтеющего, председатель сельсовета Малахов сказал нам: сваливать все на погоду—значит хитрить по

пословице: «У нашего Егорки всегда отговорки». От земли слишком много требовали, не учитывая ее собственных нужд, и так расшатали «организм почвы», что лечить надо. А всякое лечение требует времени (это надорваться легко и быстро). А пока приходится страдать. Такой лен, как этот, надо к тому же убирать вручную: комбайн не возьмет. Благо — в совхозе много молодых рук.

— У нас школа с учебно-производственным уклоном, — поясняет Малахов. — Весь наш лен, все 50 гектаров, посеяли они, школьники. И еще 50 гектаров других культур. У них в бригаде семь тракторов, посевная и зерноуборочная техника... Когда парни идут в армию, я с ними беседую. Говорю: «Ты у нас вырос, специалистом стал, все к тебе привыкли, жилье дадим, а какво начинать в другом месте?! Возвращайся!» И большинство возвращается, а кто нет, тот при встрече признается: «Зря вас не послушался...» Так что у нас надежда на них.

Поклон Великому Устюгу

До XVI века Устюг был воином, помогал объединению земель вокруг Москвы. В XVI веке стал купцом, торговал с Западом и Востоком, даже с Китаем, и получил титул Великого. Великий на четыре века моложе Новгорода и Ростова, но теперь они уже не могли с ним равняться в силе, богатстве, славе.

Жители Великого Устюга русские землепроходцы Семен Дежнев и Федот Попов раньше Беринга открыли пролив между Азией и Америкой, Хабаров обследовал Амурские земли, Атласов — Камчатку, мастер чернения по серебру Неводчиков первый открыл Алеутские острова, Шилов их изучил, а купец Шалауров погиб, отысканная путь из Северного Ледовитого океана в Тихий. Всем им поставлен памятник возле Успенского собора.

Из трех Великих, таких разных по своей истории и облику, пожалуй, один лишь Устюг отпечатывается в нашем сознании как нечто единое целое. В Великом Устюге все смотрится с одинаковым интересом. Это и бывшие монастыри — Спасский и Михаило-Архангельский; это и множество двухэтажных деревянных, образующих целые улицы зданий; это и бывшая Успенская улица с центральным собором, каменными магазинами, церковью Вознесения, Земляным мостом; это и белеющая храмами набережная с текущей глубоко внизу судоходной и плотогонной Сухоней — все увиденное разом принадлежит и нашему времени, и прошлому. Порой это так непривычно, что в какой-то момент, при каком-то особом солнечном освещении, тенях, упавших от облаков, и созерцательном настроении мне вдруг начинает казаться, что я обзираю театральные декорации.

При всем этом я хожу по современному городу, который не отказался ни от чего нового ради заповедной старины, строит баржи, теплоходы, катамараны, возводит многоэтажные жилые корпуса на окраине, называемой Гора, учит молодежь в десятке училищ и техникумов, асфальтирует улицы, принимает и отгружает речные грузы, сортирует лес, вяжет его в плоты, перекинул транспортный мост через Сухону, упразднил медлительный малопроемный паром...

Выглянуло солнце — и Устюг стал ослепительно белым, нет,

бело-зеленым—березовые рощи, затопившие город, и белые храмы с зелеными куполами подчеркнули белизну и зелень друг друга, а рябины с горящими кистями перекликнулись с темно-красными крышами домов.

В Успенском соборе по узкой, как щель, лестнице, иногда ощущая себя замурованными в камне, мы поднимаемся на высокую колокольню, ныне смотровую площадку. Вечернее солнце, выбрасывая из-под тучи снопы лучей, покрывает золотистой пылью белокаменные стены на крутояре этого берега, а на противоположном берегу—избы Дымковской слободы с двумя прекрасными церквями, а еще—далеко влево—выхватывает маленькие отсюда, металлически блещущие купола Троице-Гледенского монастыря.

Все это как строки старой книги, рассказывающие о былом величии древнего города—более древнего, чем Москва. Три солнца мы видим с колокольни: одно под тучей, второе—колышущееся на самой стремнине широкой Сухоны и третье—на спокойной глади вод, где сейчас женщины полощут белье, а летом горожане купаются и оглашают берега веселыми криками.

Одно солнце садится, гаснут два других, темнеют, коричевеют воды полюбившейся нам реки. По ним расплывается меркнувший задумчивый свет. Волнующе прощание с Великим Устюгом, с кусочком Севера, на который нам удалось взглянуть.

У каждого города, края, народа свои образы—свои Дракованы Кулиги. У Северодвинского края его кулига уже позади. Будет сюда прибывать народ, будут здесь шуметь свои кедры, в цветах льна заголубеют просторы полей, откроют свои богатства недра.

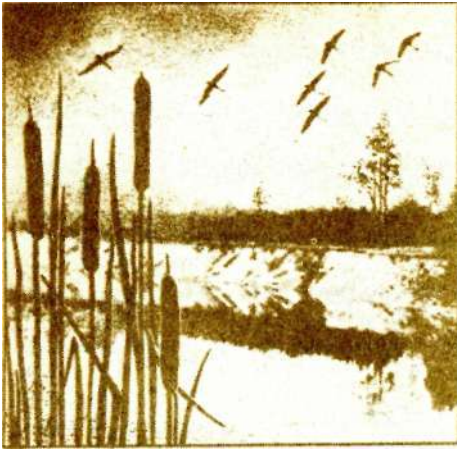
Словно бьющий из-под земли родник струится здесь ключ России, может быть наиболее глубинный, добрый и вечный ее источник. И мне хочется верить в Север как в исток будущей великой, еще неизвестной человеческой реки.

ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК РОССИИ

Очерк

Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. ...Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки...

К. Паустовский

Всего сто километров к югу от столицы, а какая перемена в природе! Случается, придет в самый разгар лета в Центральный район северо-западный циклон. Заволочет московское небо сплошной серой пеленой, нависнут низко над землей хмурые тучи, и зарядят на неделю дожди. Здесь же, на Оке, ненастье вроде даже незаметно — в посветлевшем небе, высоко над землей, торопливо бегут облака. За дальнюю дорогу они уже изрядно поразтратили свои водяные запасы и берегут теперь остатки для той стороны, куда их гонит ветер. Заметно «похудев», они стали напоминать ключья старой серой ваты с обтрепанными бахромчатыми краями. Сквозь эту «бахрому» и небольшие лазейки в самих облаках все чаще прорываются горячие лучи солнца. И кажется, небо готово вновь улыбаться земле...

Достаточно пожить где-нибудь на Оке, чтобы ощутить, что здесь по сравнению с ближайшим Подмосковьем и зима короче, и лето длиннее. Дождей и снега выпадает меньше, и солнце сияет дольше. И хотя разница всего в нескольких днях, а заметна. Весной сюда раньше прилетают перелетные птицы, раньше зацветают те же деревья и травы.

У живой природы, чуткой ко всякой перемене в климате, по Оке пролегла четкая граница. К северу от нее простирается зона хвойно-широколиственных, а к югу — чисто широколиственных лесов, сменяющихся дальше лесостепью. Сколько ни ищи настоящих ельников, за Окой уже не встретишь.

Ну а на границе зон и леса, и лесная живность, как водится, смешанные. На левом берегу живут бок о бок зайцы беляк и русак, «северянка» лесная мышь встречается бок о бок с «южанкой» желтогорлой, таежная дичь — глухарь и рябчик — с обычными обитателями широколиственных лесов — зеленым дятлом и хохлатой синицей.

Юг Подмосковья, конечно, не Крым и не Кавказ, но и не условное географическое понятие. Поезжайте и убедитесь: средне-русская красавица-природа, сделав всего один шаг по градусной сетке Земли, но шаг к югу, уже успела «расшить» свой сдержанный наряд многокрасочным узором.

Вот и мне захотелось убедиться во всем этом воочию, испытать полной чашей все обаяние приокской природы в местах, наименее затронутых человеком.

Вспомнились слова одного приятеля-зоолога:

— Если хочешь побыть наедине с природой, повидать непуганых зверей и птиц, поезжай в Приокско-террасный заповедник. Два часа езды на электричке до Серпухова, а там на автобусе всего восемь километров. Впечатлений хватит надолго.

Так я и поступил.

Звери с охранной грамотой

Разумеется, заповедник (кстати, он единственный в Московской области) стоял в плане, моего путешествия первым пунктом. О том, как спасают здесь от вымирания зубра, мне приходилось много читать и слышать, но хотелось увидеть самому этих громадных доисторических животных в их естественной среде.

Невелик Приокско-террасный заповедник — всего около пяти тысяч гектаров. В плане это почти правильный квадрат: семь на семь с небольшим километров. Но на такой небольшой территории сконцентрирована львиная доля живого богатства Подмосковья: 130 видов птиц, 53 вида млекопитающих, свыше 800 видов растений, в том числе 60 уникальных.

Уже несколько лет заповедник официально именуется биосферным. Такое название — не прихоть ученых. В нашу эпоху все усиливающегося натиска человека на природу, когда на земном шаре остается все меньше нетронутых уголков, очень важно, чтобы в каждой географической зоне был абсолютно заповедный участок — эталон первозданного ландшафта, по которому можно было бы оценивать последствия хозяйственной деятельности людей. Ядро биосферного заповедника должно находиться в центре зоны, в самых типичных для нее условиях. От влияния городов, промышленного и сельскохозяйственного производства его должен предохранять «буферный» пояс, где происходит восстановление нарушенных человеком естественных сообществ.

Приокско-террасный заповедник, расположенный в лоне «Русского леса», как нельзя лучше удовлетворял этим требованиям. Высокий статус биосферного этому заповеднику дали на широком международном форуме ЮНЕСКО в Париже.

Получив как биолог пропуск в заповедник и дав обязательство соблюдать его строгий режим, радостный и счастливый вступил я в его девственные леса с ожиданием чего-то необычного. Первое, что бросилось в глаза, — это обилие на земле упавших деревьев, гниющих стволов и сучьев, с глухим треском ломающихся под ногами. В лесах, где мы привыкли бродить, такое встретишь не часто, ведь за ними ведется постоянный санитарный надзор. В заповеднике удаление погибших деревьев запрещено, так как это было бы самым настоящим вмешательством в природу. Запрещены здесь не только рубки ухода, но даже сбор грибов и ягод местными жителями. Все здесь сохраняется в первозданном виде. Каждой травинке и каждому червяку, не говоря уже о зверях и птицах, обеспечена спокойная вольная жизнь. Есть, пожалуй, единственное отступление от «прави-

ла невмешательства» — ограждение муравейников от кабанов, и то лишь потому, что слишком много развелось этих ретивых «землекопов».

Не терпелось поскорее увидеть бобровые урочища. Когда-то эти животные, как и повсюду, были почти полностью истреблены. В 1948 году, вскоре после организации заповедника, их привезли сюда на вечное поселение. Прижились бобры в своих вновь обретенных владениях, понастроили плотин на речушках, стали расселяться по окрестностям.

Расспросив сотрудников заповедника, где «деяния» бобров особенно значительны, отправился я в деревню Родники на речку Таденку. Возле самой деревни сохранилась большая старая плотина, из-под которой с шумом вырывается вода. Вся территория вокруг обнесена сеткой, но к плотине даже в резиновых сапогах не подступишься — слишком топкая земля.

Я шел вдоль высокого правого берега, все время поглядывая вниз и, где можно, спускаясь к воде. Тут-то и рассмотрелся на бобровую «работу». Путь то и дело преграждали свежеспаваленные осины и березы. Возле них, словно огрызки гигантских заточенных карандашей, торчали конусы пней, под которыми всюду были кучки толстых стружек. Некоторые деревья еще держались за счет тонкой перемычки, соединявшей верхний и нижний конусы погрыза.

Бобры легко валят деревья до 30 сантиметров в диаметре. В одном месте я набрел на большую бобровую «лесосеку»: в пятидесяти метрах от спуска к реке звери совсем недавно повалили все березы и осины, и через них нелегко было пробраться. Образовалась обширная поляна, на которой уцелели одни старые сосны.

Пройдя низом еще несколько сот метров, я очутился среди настоящего «лесного кладбища». По всей широкой долине и по самой речке, причудливо петлявшей в запутанной системе проток и затонов, в великом беспорядке громоздились вороха мертвых сучьев. Прямо в русле покоились остовы, с которых кое-где еще свисала лохмотьями давно отставшая кора. В основном же стволы лежали совершенно голые. Даже в солнечный день было немного жутковато смотреть на огромные, чуть ли не в два обхвата, поверженные ели и сосны, ошестинившиеся частоколом голых сучьев. Дойдешь до конца ствола такого мертвого гиганта (иной способ передвижения тут невозможен), спрыгнешь на соседний замшелый ствол потоньше — и провалишься по колено в трясину, скрытую густыми зарослями трав и кустарников. Ствол-то уже сгнил и не способен выдержать тяжести человека.

Много деревьев гибнет стоя. Часто они сломаны где-то посередине или на высоте нескольких метров от земли. Многочисленные грибы-трутовики с красноватым верхом охватывают смертоносным полукольцом почти каждый высокий пенек.

Позанимавшись часа два акробатикой среди нескончаемого древесного «кладбища» и наконец добравшись до очередной запруды, сообщавшей о себе спокойным разливом реки и шумом каскада, я решил подняться на берег и по параллельной лесной дороге вернуться обратно. Думал, что ушел от деревни очень далеко, а оказалось — всего на полтора километра. После я узнал, что на реке Таденке у бобров восемь или девять таких поселений.

Как ни ценны бобры, не в них слава заповедника. Вместе с

немногими другими местами этот уголок природы знаменит тем, что здесь стараются вернуть к жизни популяцию древнего, уникального, самого крупного в Европе и поистине драгоценного зверя — зубра, начисто истребленного в природе. Теперь уже можно твердо сказать, что их спасут.

Но зубров пока мало. На всем земном шаре их не наберется и двух тысяч — того минимального числа, которое служит для вида порогом между жизнью и смертью. А это значит, что люди, в чьих руках сейчас всецело находится судьба зубрового племени, не должны выпускать животных из-под своей опеки. Вот почему этих редкостных животных, разделенных на племенные группы, держат в питомнике — просторных загонах, огороженных стальной сеткой двухметровой высоты. А под загоны для них выбрано лучшее место в смешанной дубраве.

Двадцать минут ходьбы по лесной асфальтированной дороге со щитами, на которых на русском и английском языках обозначено: «Центральный питомник зубров» — и изображен контур этого животного, настраивают на встречу с чудом. Многие тысячи экскурсантов и сотни ученых со всего света проходят этой дорогой ежегодно.

Так и я, миновав крохотный лесной поселок — всего из нескольких домиков, в которых живут сотрудники, очутился у заветных ворот. Седьмой час вечера. Возле маленькой проходной меня уже ждет молодой зоотехник А. В. Куличенко, предупрежденный о моем приходе «главным» и старейшим зуброводом М. А. Заблоцким. Вытираю подошвы о пропитанные дезинфицирующим составом опилки и ступаю на прямую полуторакилометровую дорожку, идущую между сетками загонов.

Признаться, я сомневался, увижу ли обитателей питомника, ведь известно, что зубры предпочитают держаться скрытно, подальше от людей. Мне казалось, что лишь зимой, когда в лесу мало корма, они идут на зов рожка к кормушкам, что вставлены под сетку загонов. Велика же была моя радость, когда я увидел сначала несколько бизонов, а потом и большую часть зубрового поголовья. Животные уже стояли невдалеке от кормушек в ожидании ужина. Рядом лежали начисто обглоданные ветви ивы — их излюбленное лакомство. Вскоре в корыта засыпали комбикорм, смешанный с мелко измельченной свеклой, и зубры с аппетитом принялись за еду.

Внушительна и свирепа внешность зубра. Массивное, мощное телосложение, могучая взгорбленная спина, огромная голова с толстыми дугами заостренных рогов, густой гривой и длинной бородой, грубая косматая шерсть не могут не вызвать почтительное отношение к их обладателю. Крупные быки достигают в холке двух метров высоты, трех с половиной метров длины и весят более тонны! Им ничего не стоит одолеть медведя, перемахнуть через высокий лесной завал, а бегают они со скоростью до 70 километров в час. Но свои физические возможности против людей зубры никогда не используют. Почувяв или увидев человека, они стремительно убегают в чащу. Даже зубриха, не успевшая почему-либо скрыться со своим малышом, движимая материнским инстинктом, ограничивается только «демонстрацией нападения». Застигнутая врасплох, она с самым решительным видом бросается на человека, но, не добрав до него нескольких метров, резко тормозит передними копытами и, круто повернув, мчится обратно к теленку. При этом

нередко возникает комичная ситуация: зубриха убегает в одну сторону, а неискушенный, насмерть перепуганный человек—в другую. Здесь же, в питомнике, зубры настолько привыкли к людям, которые за ними ухаживают, что позволяют им себя гладить.

Как и все копытные, зубры—строгие вегетарианцы, но их рацион весьма разнообразен: в нем до 350 видов растений. Тут и всевозможные травы, ветки и побеги, кора деревьев и кустарников и дикie плоды, желуди и грибы.

Трагично сложилась судьба этих мирных великанов. К началу нашего века зубры сохранились только в двух местах—в Беловежской Пуще и на Кавказе, где они предназначались для царской охоты. Грянула первая мировая война. Пушу оккупировали кайзеровские войска, и через несколько лет от 727 животных не осталось в живых ни одного. Последний вольный зубр пал жертвой браконьера в 1921 году. Кавказское стадо почти целиком погибло в огне гражданской войны и от эпидемии сибирской язвы. Уцелевших зверей тоже доби́ли браконьеры.

После окончания первой мировой войны, когда люди опомнились и создали Международное общество сохранения зубра, сохранять по сути дела было уже некого. По переписи 1927 года, во всем мире насчитывалось всего 48 зубров, причем все они жили в зоопарках. Через несколько лет это число сократилось до 30. Из них половина животных—это старые, а другая половина почти не давала приплода, так как зубры в неволе не размножаются, да если бы и удалось добиться размножения, их потомство все равно бы угасло через

два-три поколения из-за вынужденного скрещивания в близких степенях родства.

Когда трагическая развязка была уже близка и, казалось, только чудо может спасти вид от неминуемой гибели, среди ученых родилась блестящая идея—скрещивать зубра при полувольном содержании с их близкими родичами—бизонами, а полученных гибридов в каждом последующем поколении—только с зубрами. При таком методе разведения бизон, вливающий кровь в угасающий род, подобен донору, он дает время виду оправиться, «встать на ноги», чтобы тот мог дальше развиваться собственными силами,

Зуброводы так и поступили. К счастью, в заповеднике «Аскания-Нова» сохранился единственный чистокровный бык Бодо. Он и позволил получить с помощью нового метода несколько десятков помесей—в шестом поколении они почти не отличались от чистокровных зубров.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны встал вопрос о создании зубровых питомников. И вот в 1948 году М. А. Заблоцкий при поддержке В. Н. Макарова и В. Г. Гептнера добился организации Центрального питомника в Приокско-террасном заповеднике: его среднерусская природа зубру лучше всего подходит. В конце года в него прибыл первый чистокровный бык Пуслав, а через несколько дней еще один зубр и две зубрихи. От них и пошло все нынешнее поголовье.

Александр Валериевич, сопровождавший меня по питомнику, совсем еще юноша. На вид ему не дашь больше двадцати двух. Худой, темноволосый, чуть выше среднего роста человек с пристальным и спокойным взглядом добрых, вдумчивых глаз. Не торопясь проходим с ним до конца питомника, любуюсь могучими животными. Всех он знает в «лицо», по кличке, обо всех может рассказать, кто, когда и от кого родился.

— Скажите,—спрашиваю я,—а сколько сейчас в питомнике зверей и сколько вырастили с момента его открытия?

— Сейчас в загоне 64 чистокровных зубра и четыре теленка, родившихся в этом году,—рассказывает Александр Валериевич.— Кроме того, при входе в питомник вы видели четырех бизонов. Они у нас просто доживают свой век, так как скрещивание с зубрами уже давно не практикуется. Есть еще вольное стадо молодняка из одиннадцати голов. Оно пасется на свободе, где ему вздумается. Вчера, говорят, его видели возле деревни Лужки. Ну а за все время существования питомника вырастили, наверное, около 250 зверей, а всего их во всем Союзе уже более 700. Считайте, каждый третий наш, с Оки.

— А куда вы отправляете молодняк для расселения?

— Мест много. Отправляли в Хоперский и Мордовский заповедники, в Северную Осетию, на Украину и в Карпаты, в Прибалтику и Киргизию. Сейчас на очереди отправка на Алтай. Там создается специальный зубровый парк. В будущем же, когда зубров станет много, они будут, подобно лосю, украшать пригородные лесопарки и зоны отдыха. Возможно, снова приобретут и промысловое значение.

На прощание Александр Валериевич выводит из загона на дорогу своего любимца—четырёхмесячного теленка. Милое, очаровательное создание, как дети всех живых существ на Земле! Родился зубренок слабым и чуть не умер от воспаления легких. С трудом

выходили. К рукам зоотехника он доверчиво льнет, а меня, незнакомца, пытается боднуть своим вихрастым лобиком, на котором едва намечаются рожки.

Покидаю питомник с твердой уверенностью, что зубры обязательно будут спасены и с помощью добрых людей вскоре выберутся из «Красной книги». В этом меня убедила и встреча с самим М. А. Заблоцким.

Если за зубра еще приходится тревожиться, то с другими копытными в заповеднике сложилась ситуация прямо противоположная. Много, слишком много развелось в нем лосей, оленей, косуль и кабанов. Хорошо, конечно, когда лес богат разным зверьем, тем более копытными—его естественным богатством и украшением. Что за лес, если нет в нем могучего великана—сохатого или грациозной косули? Но в природе, так же как и во всем, должна быть мера, иначе начинаются разные беды. Начались они в заповеднике, когда плотность копытных в несколько раз превысила допустимую норму: над молодым подростом деревьев и кустарников нависла серьезная угроза.

Особый урон почти повсеместно нанесли сосновым лесам лоси. К началу 20-х годов, когда лось был сильно истреблен браконьерами, он был взят под охрану государства. Постепенно поголовье восстановили. В 50-х годах сохатые сильно размножились и стали появляться даже в городах. На Оке росту их поголовья благоприятствовали и заповедный режим, и отсутствие главного врага—волка, и зимний подкорм.

Тут-то и досталось сосновому подросту. Летом, когда много разной зелени, лось к нему не притрагивается. Зато зимой хвоя сосны становится для него главным, а если в лесу нет осины, то и единственным кормом. Животное начисто объедает молодые верхушечные побеги и часто, чтобы до них добраться, ломает еще не окрепшее деревцо. Если сосенка после этого и оправляется, то уже никогда не быть ей прямоствольной красавицей.

Там, где самосев сосны обилен, подрост от постоянного «подрезания» начинает походить на чахлый древостой лесотундры со стелющимися побегами или превращается в густую ветвистую «щетку». Фактически он уже нежизнеспособен.

Любопытно, что высота «щетки» почти совпадает со средней высотой снежного покрова. Дело в том, что лоси не любят разыскивать корм под снегом, а предпочитают брать то, что на поверхности. Зимой в заповеднике высота снега на береговых террасах гораздо ниже, чем в смешанных лесах на водоразделе. Здесь сосредоточены основные сосняки, а для животных, значит, корм и защита от ветра. На нижних террасах в разгар зимы и собирается все поголовье. Естественно, что везде в округе подрост сосны оказался практически нацело уничтоженным.

Пришлось начать с копытными борьбу. Вот уже двадцать лет ведут отстрел лосей, кабанов и оленей, но ведь в заповеднике стрелять нельзя. Нашли приемлемый вариант: приманивают животных прикормочными площадками на окраину заповедника и там отстреливают. Но, несмотря на эти меры, копытных по-прежнему остается слишком много. Между тем совершенно ясно, что для нормального возобновления сосны ее нужно изолировать от лося на 20—25 лет.

Проблема сосны встала во весь рост, ведь если не принять сейчас решительных мер, нынешние поколения сосновых лесов здесь станут последними. Где же выход из создавшегося положения?

Ограждения? Но огораживать пришлось бы третью часть территории. Что же осталось бы тогда от заповедника?

Мне думается, для того чтобы спасти древние и прекрасные сосновые леса на Оке—а сделать это совершенно необходимо, надо действовать в двух направлениях: отстреливать и вывозить столько копытных, сколько требуется по расчетам, и параллельно расширять их кормовую базу за счет зимнего подкорма и, где это возможно, посадок осины.

Загадка «окской флоры»

В заповедных окских лесах природа приготовила немало диких для ботаников.

Уже с первого дня знакомства с сотрудниками заповедника запало в памяти интригующее слово «Доля». Обозначает оно понижения между дюнами, протянувшимися вдоль берега. В этих «Долах» как раз и сохранились единственные в Московской области островки настоящей степной растительности, дошедшей до нас с незапамятных времен и представляющей огромную научную ценность.

Двадцать минут неторопливой езды на «уазике» по хорошо утрамбованной лесной дороге—и мы с ботаником В. И. Даниловым возле большой поляны. Перед нами цветущий луг, обнесенный такой же высокой металлической сеткой, как и сам заповедник, с юга и запада. Ограда в ограде, заповедник в заповеднике! Иначе нельзя: все перероят кабаны. Лакомые корни и луковицы, растущие здесь, так и притягивают их сюда, словно магнитом. Были уже случаи «кабанных подкопов» под сетку.

Узкой тропой, чуть заметной в едва примятой траве, выходим на середину луга. Какое изобилие зелени, какой разительный контраст после скучного однообразия сосняков! Сколько цветов и оттенков в прихотливом узоре пышного ковра! Даже в пасмурный день на лугу ощущение такое, будто попал на праздник Флоры, устроенный для того, чтобы на небольшом, но удивительно уютном клочке земли продемонстрировать миру всю щедрую коллекцию подмосковных цветов и трав. Равноправными участниками «праздника» стали посланцы южнорусских степей, альпийских высокогорий и даже далекой Сибири.

На пологий кольцевой вал поднялись сосенки и окружили луг со всех сторон. Дружно взявшись за «руки», они словно приготовились повести вокруг плавный хоровод—славить «диво дивное».

С ботаником Владимиром Ивановичем у нас с первой встречи установилась взаимная симпатия. Высокий плотный мужчина средних лет с открытым и вместе с тем строгим взглядом, он сразу привлек мое внимание широтой своих знаний, той неподдельной, искренней любовью к своему предмету, которой невольно выдает себя увлеченная натура. У Владимира Ивановича большой практический опыт исследователя. В свое время он был руководителем знаменитого степного ботанического заповедника «Галичья Гора» и с

тех пор, вероятно, питает особую слабость к степным и луговым травам.

В «Долах» он уже не первый год наблюдает за сложной диалектикой растительной жизни. Регулярные промеры и подсчеты на опытных участках, записи сроков цветения и созревания, результатов безмолвной, но постоянной борьбы растительных сообществ со стихийными силами природы и непреходящая публикация всего достойного внимания в научных журналах.

Прервав торжественное молчание, Владимир Иванович начинает свой рассказ тихим голосом, словно боясь нарушить тишину:

— По богатству флоры «Дофы», пожалуй, единственное место в Подмосковье. На 36 гектарах здесь растет 270 видов растений, не считая мхов. Когда изучали растительность вдоль полукилометрового профиля, проложенного через «Дофы», то насчитали 182 ассоциации, а на одном квадратном метре—до 30—38 видов—в два-три раза больше, чем на обычном лугу. Свыше 50 видов растений—редчайшие, уникальные для средней полосы.

От Владимира Ивановича я узнал, что «Дофы» меняют свой красочный наряд пять—семь раз за сезон. В тот памятный день первой встречи он был небесно-голубым с ажурным бордовым узором. Я увидел в полном цвету редкое теперь даже в черноземных степях растение—рябчик русский. Приокские луга—самая северная точка его распространения.

До чего же хороши эти «цветики степные»! С верхушки прямого стебелька свисают в завитках изящных усиков один, два или три крупных колокольчика. Только они не «темно-голубые», как в стихотворении Алексея Толстого, а шоколадно-бордовые, внутри с более светлыми пестринками (отсюда и название растения). В пару рябчику искусная природа подобрала нежные голубые незабудки и целыми полянами рассыпала их по изумрудному ковру. А где-то неподалеку попадают цветки еще более редкого вида—рябчика шахматного. Их учет ведется поштучно.

Свой первый наряд «Дофы» надевают ранней весной. Они тогда сплошь желтые от дружно цветущих степного чистяка, песчаной лапчатки и бурачка Гмелина. Кое-где к ним присоединяется еще и первоцвет. Чем ближе к июлю—макушке лета, тем все более богатым и многокрасочным становится цветущий ковер.

В начале лета, когда сойдут рябчик и незабудки, «Дофы» окрасятся в красно-бело-желтые тона: зацветут смолка и клубника; желтоватый оттенок будет создавать уже пазник крапчатый. В эту пеструю палитру красок надолго впишутся ярко-синие пятна вероники седой. В середине лета распустят свои цветки козелец пурпуровый, герань кроваво-красная, зопник клубненосный, мышиный горошек, горный клевер, таволга шестилепестная, подмаренник настоящий, и сиренево-розовые луга будут отливать синевой и пурпуром.

В августе—сентябре «Долами» завладеют белый и фиолетовый цвета: наступит пора массового цветения однолетней жабрицы, распускающей изящные белые зонтики, астры, похожей на ромашку, со светло-лиловыми лепестками и ярко-желтой сердцевинкой и болонского колокольчика. Местами заросли черной чемерицы, выбросившей кисть мелких темно-пурпурных цветков, ворвутся в общий светлый колорит эффектным контрастным узором. Пойдут частые дожди—присоединится к их компании борец волкобойник,

или аконит с желтыми, по форме как у дельфиниума, цветками.

Через две недели я снова посетил «Долы». И теперь они были совсем другими. В буйно цветущее разнотравье на едва возвышенных местах и скалах, обращенных к солнцу, вплелись длинные серебристые пряди ковыля, и эта часть луга обратилась в дикую, первозданную степь. Достаточно малейшего дуновения, чтобы его тонкие, воздушные, почти невесомые перья пришли в движение и, словно порываясь улететь, покатались по полю беззвучными седыми волнами.

Даже в настоящей степи теперь редко где увидишь такое. Степи давно распаханы, неудобья вытоптаны скотом, сеять ковыль никто не помышляет. Вот и становится это былинное растение, воспетое в стихах и песнях, почти легендарным.

Ковыль — знак долговечный. Каждая дерновина живет лет по пятьдесят. За это время она успевает дать много семян. Созревшее семя ветер легко выдергивает за длинную ость — ту самую, что придает ковылю всю его красоту! — и относит в сторону. Достигнув земли, остроконечное семя благодаря хитроумному устройству окончания ости, словно бурав, быстро «ввинчивается» в почву и, лишь уйдя на значительную глубину, прорастает. Казалось бы, при столь надежной системе жизнеобеспечения ковылю гарантировано обильное расселение. На деле положение оказывается иным. Прожорливые мыши и насекомые еще до того, как ветер вырвет и унесет семена, уничтожают большую часть их урожая. Рогатый скот, стихийное бедствие могут почти начисто уничтожить дерновину. Однажды исчезнув, ковыль редко и медленно возвращается потом на прежнее место.

Когда на Оке случаются высокие и длительные паводки и «Долы» целиком заливаются вода, туго приходится ковылю, типчаку и другим сухолюбивым пришельцам. Паводковые воды вместе с илом приносят массу семян обычных местных растений, с которыми степнякам бывает трудно состязаться. И хотя разливы Оки не дают лугам поседеть от ковыля, он здесь наиболее приметное «лицо». Не случайно самый большой дол назван Ковыльным.

За этим долом, ближе к Оке, лежат еще три дола поменьше — Луковый, Протопопов и Чемерицевый (первый и третий названы по именам характерных для них растений), разделенные Вишневой, Березовой и Сионской грядами. На Вишневой гряде хозяевами положения чувствуют себя невысокие кустики степной вишни.

«Долы» — это лишь крохотный кусочек большой долины, то сильно расширяющейся возле деревни Лужки, то резко суживающейся ниже по течению реки. Территория между Лужками и селом Зиброво с прилегающими лесными террасами и есть главный очаг и исконная колыбель знаменитой окской флоры. Второй ее очаг расположен в нескольких километрах к востоку — в окрестностях деревни Никифорове. В них — все растительное богатство левого берега.

Вместе с тем эта деревня лежит далеко за пределами заповедника, а его южная граница как раз упирается в пойму. Сразу же за оградой начинаются совхозные поля с овощами и кормовыми культурами. Среди них небольшими островками разбросаны участки вольной растительности. На этих вот «островках» крохотными колониями и держатся самые что ни на есть ценные для науки

растения-уникумы. Чтобы сберечь от гибели, их пересаживают в заповедник, а остающиеся на местах по согласованию с администрацией совхозов обносят металлической сеткой, ведь не исключено, что эти островки дикой природы могут распахать!

Взять, например, тюльпан Биберштейна. Растет он в европейской части Союза всего в девяти местах—в южных степях и на солончаках Среднего Поволжья. Кто бы мог подумать, что этих питомцев далеких степей можно встретить в Подмосковье! Недавно на территории совхоза «Серпуховский», у берегов речушки Поники, нашли целое скопление этих эфемерных цветов, а еще одно—около села Турово. Несколько сот луковиц пересадили в «Долю», остальные на участке в 400 квадратных метров по договоренности с совхозом огородили сеткой.

Или такой пример. В километре от западной границы заповедника среди молодых посадок сосны обнаружили редчайший реликт ледниковой эпохи—зубянку тонколистную. Пересадили часть растений опять же в «Долю», но они слабо приживаются. Цветут вообще единичные особи.

Очень хотелось бы надеяться, что заповедник и совхоз скоро и полюбовно завершат давно ведущийся разговор. Теперь, кажется, всем уже ясно, что естественный выход к реке заповеднику совершенно необходим. Это важно и для сохранения реликтовой флоры, и для более полного удовлетворения потребностей вольного стада зубров, и для поддержания естественного режима в пойменной части заповедника. Наукой же доказана нецелесообразность распашки лугов возле самого уреза вод.

Не менее знамениты другие ботанические раритеты: осока притупления, встречающаяся и в «Долах», и возле Лужков и Никифорова, или, скажем, один из видов сердечника, сохранившийся у Фетисова пруда, в нескольких сотнях метров от юго-западного угла заповедника. Площадь, занятая крохотными колониями этих скромных «травок», для совхоза сушией пустык, не более полевой межи, а для науки—настоящий клад.

Зубянка, осока и сердечник—типичные горно-альпийские виды, растут они в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Пункты их встречи на европейской территории страны можно перечесать по пальцам. Как попали эти растения на Среднерусскую равнину и «записались» в аборигены окской флоры? Или, может быть, они—осколок древнего альпийского сообщества, существовавшего на Оке до прихода ледника? Тогда почему именно эти виды уцелели, а большинство других погибло? И как это им удалось прижиться в окружении равнинных степняков? Вот вопросы, на которые предстоит еще найти ответ.

Кроме заливных лугов, боровых дюн и открытых песчаных грив Окская долина приютила немало озерков, бол отец, сырых впадин. Их обрамляют то густые заросли кустарника, то задумчивые развесистые ивы. Среди всего этого живописного многообразия достаточно места и для уроженцев северной таежной природы. Меж остепненных лугов нет-нет да и попадает сфагновое болотце—сюрприз, оставленный ледником. Его растительность—третий компонент здешней флоры.

«Степняки», «северяне», «обитатели гор»—со всех сторон сошлись они на берегу Оки. На диво людям составили они вместе

сложный, неповторимый «букет», благоухающий всеми ароматами. И нет ничего удивительного в том, что уже с середины прошлого века потянулись в эти места многочисленные «паломники». Кауфман, Горожанкин, Талиев, Голенкин, Флеров, Сырейщиков, Литвинов, Алехин—вот имена самых известных московских ботаников. Всех их заманила, поразила, околдовала окская флора, и все они без исключения были в нее влюблены.

Некоторые считают, что горные и таежные виды наряду с местными существуют на Оке с очень давних времен, степные же растения появились после того, как растаял последний ледник и климат стал более сухим и теплым. Их семена принесли (и до сих пор продолжают приносить) воды Оки с южных степных пространств. Часть пришельцев, не встретив подходящих условий, погибла, остальные прижились.

Существует и другая, по-видимому более обоснованная версия. Авторы, которым она принадлежит, утверждают, что вообще весь бассейн Оки входил в зону доисторических степей и что, следовательно, степные растения были в нем исконными обитателями, а не случайными пришельцами. Действительно, трудно допустить, чтобы иммигранты с Юга могли в массе закрепиться в чуждой обстановке и так сильно потеснить здешние формы. При заносе семян на новом месте могли закрепиться одно, два, от силы несколько южных растений. Но на Оке их десятки. И растут они не как-нибудь, а нормальными, слаженными сообществами, подчиняются тем же жизненным ритмам, что и местные виды-хозяева, и, судя по всему, не чувствуют себя среди них «бедными родственниками».

Если все это действительно так, то северяне меняются с южанами ролями и вопрос ставится наоборот: почему и как представители тундры и субарктических лугов пожаловали на Оку? Ответ на него дать значительно проще, и звучит он убедительно: северяне пришли вместе с ледником, ведь ледник шел с Севера и под его натиском все, что росло в более высоких широтах, поневоле отступало к Югу. На Оке и произошла встреча с южными формами. Ледник как бы сжал, уплотнил, спрессовал соседние природные зоны, смешав Юг и Север. Получается, следовательно, что окская флора целиком состоит из древних реликтовых форм, уцелевших с ледникового времени.

Уголок, о котором мы только что рассказали,— это лишь часть большого лесистого края, где природа по-прежнему чувствует себя полновластной хозяйкой. Селения, угодья совхозов, мелкие предприятия выглядят скромными островками среди сплошных лесов. В них — все богатство, вся красота приокского края! Единым зеленым массивом поднимаются они по Наре, Лопасне и Каширке до водораздела с Москвой-рекой и далее, лишь отчасти поредев, но все еще не сдавая своих позиций, доходят до Подольска и Домодедова. К западу от Серпухова леса уходят далеко вверх по Протве, а на востоке, отступив было к горизонту возле Коломны, скоро снова набирают силу, чтобы растечься неоглядным зеленым морем в Мешёре. Проще сказать, приокские леса — это часть огромного изумрудного ожерелья, окружающего нашу столицу со всех сторон. Оно не только украшает, но прежде всего дает чистый воздух, охраняет полноводность больших и малых рек.

Вот и сбылась моя мечта выбраться на берег Оки весной, когда

нежная молодая листва деревьев еще не сомкнулась густыми шатрами, когда зацветает черемуха и лесные поляны становятся синими от медуницы, а на румяной вечерней заре, все больше теснящей ночь, начинают свой сольный концерт соловьи.

Пришла пора прощаться с потаенным миром заповедника, с целительной тишиной лесов, со всей этой манящей красотой. Незаметно настал для меня последний день свидания с милыми окскими берегами и их гостеприимными людьми. Завтра, обновленный и счастливый, я снова окунусь в бурный, стремительно несущийся поток столичной жизни, но ритму его движения не заглушить только что пережитых впечатлений. Они надолго останутся для меня особым источником внутренней радости.

АЛЕКСАНДР ЧЕГОДАЕВ
**ПЕСТРЫЙ ЗВЕРЕК —
ХОРЬ-ПЕРЕВЯЗКА**

Очерк

Было это во время моей очередной экспедиции по полупустыням Азербайджана. Однажды весенним утром, обходя выставленные на грызунов капканы, я увидел издали в одном из них нечто не похожее ни на одно из знакомых мне животных — норников, обычных жертв капканного вылова.

Подойдя ближе, я узнал зверька: перевязка! Зверек сидел спокойно, не метался; дуги капкана были защелкнуты на его передней лапке. Когда я подошел, он не порывался бежать в панике, не кидался навстречу, а просто сидел и смотрел. Его черная голова была разрисована белыми узорами, словно боевая раскраска вождя какого-нибудь дикого племени, верх шубки и хвост — в пестринах: оранжевых, белых, бурых; живот и лапы черные. Перевязка сжалась в дугу, хвост поднят и распушен. Я беру ее рукой в толстой перчатке за шею и нажимаю на пружину капкана, чтобы высвободить, — в нос ударяет волна неописуемого смрада — именно так защищаются все перевязки «на крайний случай». Лапа освобождена, но стойкий запах еще сохраняется. Не разжимая руки, я обследую пострадавшую перевязку. Рана несерьезная, перелома нет, но надо подлечить. Я уже притерпелся к запаху и даже начинаю улавливать примешивающийся к нему фиалковый аромат.

Вернувшись на стоянку, обрабатываю лапку. Перевязка до окончательного выздоровления занимает ящик с подстилкой из стружек и зарешеченной крышкой. На другой день я предлагаю ей случайно пойманную капканом убитую птицу, протягивая ее на ладони. В куче стружек сначала слышна возня, потом из подобия гнезда высовывается «боевая маска». Несколько секунд перевязка обнюхивает «добычу», потом вцепляется в нее, сдергивает с ладони и исчезает в своем гнезде. Оттуда доносится урчание и хруст; я разгребаю стружки. Перевязка скалит белые зубы; шерстка на

морде перемазана кровью, зверек недовольно выгибается и предостерегающе рычит, именно рычит по-кошачьи, а не стрекочет, как все хорьковые.

Днем перевязка спит, свернувшись в клубок; разбуженная, недовольно урчит, но позволяет себя брать в руки и даже дает погладить, но лишь два-три раза, не более. Аппетит у нее хороший: охотно ест мясо, сырые яйца, не отказывается от сливочного масла, пьет молоко и мед. Ночью она оживляется и бегаёт вдоль фанерных стенок, пытается даже грызть сетку. Мы уже собираемся ее выпустить, но она нас опережает. Придя утром в отдельную комнату, запиравшуюся на ключ, где жили перевязка, гюрза в мешке, висевшем на гвоздике, а также в вольерчике — кречетка и чибис, мы находим птиц мертвыми, а ящик пустым. Перевязка исчезла. В этой комнате лежал всякий хлам, но тщательные поиски ничего не дали, пока один из нас не догадался поднять старое автомобильное сиденье и заглянуть в дыру на нем. Так и есть, сидит внутри и рычит оттуда! Содрали обшивку, а зверек ушел совсем вглубь, в пружины. Шофер принес монтировку и топор, и мы принялись осторожно сокрушать перевязкино убежище. Зверек не замедлил ответить. После его «газовой атаки» нас осталось двое в комнате — я и шофер. Куча добровольных советчиков, помощников и просто зевак рассеялась.

Когда с сиденьем было покончено, нам открылось зрелище: перевязка, изогнувшись в виде буквы «S», угнездилась между двумя пружинами, да так, что еле оттуда извлекли.

Мы постановили: раз она настолько здорова и так любит свободу, можно ее уже и выпустить. Но за день до этого в наши вольеры попала еще одна перевязка, тоже ставшая нашей пациенткой, и мы решили их познакомить. Вот новичок, приняюживаясь, крадется вдоль стенок ящика, а сонный старожил разворачивается навстречу. Они обнюхали друг друга... и сцепились в яростной схватке. Несколько секунд, урча, катались они в опилках, пока мы их не разняли, но и за этот короткий промежуток времени стало ясно, что верх одерживал прежний «хозяин участка», хотя он был меньше по весу и размерам. Конечно, его мы на другой день выпустили, а вскоре и новая перевязка вернулась к себе в предгорья.

Этот скрытный зверек вроде бы не очень сильно страдал от людей. Однако сейчас перевязка оказалась в категории «Б» «Красной книги СССР», в которой, как известно, редкие животные, пока что не стоящие на грани исчезновения. Что же сделало перевязку столь редкой?

У нас в стране она населяла зону степей, полупустынь и пустынь — от Молдавии на западе до Тувы на востоке, кое-где встречаясь и в редколесье. Но это было давно. Освоение целинных угодий, их распашка «отбросили» ареал перевязки на 350—600 километров к югу. О нынешнем состоянии этого зверька «Красная книга» гласит: «В европейской части СССР крайне редка, ареал разорван на отдельные участки. Тенденция сокращения ареала и численности вида отмечается и в азиатской части страны».

На распаханной территории перевязка не возвращается, разве что на двухлетние залежи. И дело тут не в присутствии человека, а в отсутствии ее основной пищи — грызунов. Хотя перевязка избегает в общем соседства с людьми, ее встречали в поселках, садах, на

огородах и бахчах, по окраинам полей и даже в некоторых южных городах. В горы перевязка поднимается до 3500 метров, всюду неумоимо преследуя грызунов. Кстати, одна из причин, косвенно ударивших по перевязкам,— применение ядохимикатов в борьбе с грызунами.

К счастью для перевязки, в отличие от других куницеобразных она не наделена ценным промысловым мехом.

Зверек этот известен науке с 1770 года, когда зоолог Гюльденшtedт описал ее под названием «вормела перекусна», но за 200 лет сведений о ее жизни накопилось немного. В особый род—вормела—она была выделена за резкие отличия от других хорьков—рода мустела: поведение, голос—рычание, а не стрекот, внешние признаки—тупая мордочка, более крупные уши, пушистый хвост и пристрастие раскраска. Длинной перевязка около полуметра, движется, змееобразно извиваясь. Следы ее на песке легко распознать: другие хорьки ступают задними ногами в следы передних, тогда как перевязка оставляет «четверки».

Обидно будет, если зверек, о котором мы так ничего и не успели толком узнать, исчезнет с лица Земли.

Перевязка скрытна. Ее активность зависит от активности ее добычи—грызунов пустыни и полупустыни. Поэтому летом перевязку можно встретить ночью, весной и осенью—рано утром и в сумерки, зимой она появляется и днем. Все остальное время этот хорек спит в норе здесь же, в колонии песчанок или сусликов. Убив и съев «хозяев», зверек слегка расширяет их нору и с удобством ею пользуется. Перевязка охотится на всех грызунов, каких только можно встретить, а ведь на Юге они носители многих опасных для человека заболеваний и вредители сельского хозяйства. Правда, не откажется перевязка и от зайчонка, птицы (если она сможет их поймать), ее птенцов и яиц, ящерицы или лягушки, ягод и плодов, мякоти арбузов и дынь.

Зверек этот наделен весьма мощным средством защиты—железами, выделяющими неприятно пахнущий мускус. Но при встрече с врагом, перед тем как пустить в ход свое «оружие», перевязка останавливается, предупреждающе рычит, скалит зубы, запрокидывает распушенный хвост на спину. Если непонятливый противник продолжает наступление, ему придется пенять на себя! Мускус действует еще и как средство своеобразной атаки, вызывая замешательство нападающего. Так защищаются и другие хорьки. Врагов по этой причине у перевязки немного, но есть. А ее конкуренты—хорь, ласка и лисица. Впрочем, лисица способна съесть и оказавшуюся в капкане перевязку, и здесь ей уже не поможет мускус. Но хорошо известны также любопытные взаимоотношения между лисой и перевязкой, получившие у зоологов замысловатое название «адьюторизм». Это совместная охота на грызунов с выгодой для обеих сторон. Перевязка пробирается по извилистым ходам нор песчанок, выпугивает их, выгоняет на поверхность, где их ждет лиса. Уцелевшие от лап лисицы зверьки пытаются укрыться во входах нор и попадают на обед перевязке.

Как и другим хорькам, молва приписывает перевязке необыкновенную кровожадность; на самом деле это оказалось далеко не так. В неволе хищнический рефлекс, рефлекс убийства, угасал у перевязки на третий—седьмой день. Насытившись, зверек мирно спал, а

пущенные к нему грызуны его нисколько не беспокоили.

Обычно у перевязки родится от четырех до восьми малышей. Такое семейство посчастливилось наблюдать зоологу В. Е. Флинту. Новорожденные зверьки по длине чуть больше восьми сантиметров, весом три с половиной грамма, сквозь редкие волоски у них видна темная кожа.

К июню малыш достигает уже половины величины взрослой перевязки. Предполагается, что в воспитании детей принимает участие самец. Можно было наблюдать, как молодые перевязки следовали за мамой, первая держалась за мамин хвост, остальные — вцепившись в хвост друг другу, так они «змейкой» и передвигались.

Перевязки—давние обитатели сухих районов нашей планеты. Их останки известны из среднего плейстоцена. Хрупкие косточки перевязок соседствуют с огромными костями носорогов, диких быков, пещерных львов, гиен и медведей в бинагадинском нефтяном захоронении—озере-западне с берегами из вязкого битума. Среди жертв обманчиво™ озера оказались и перевязки, почти ничем не отличающиеся от современных. Здесь, на Апшеронском полуострове, их сейчас немало, так же как и на равнине юго-восточной Ширвани, и в песках Ширинкум есть места, где на гектаре живет до семи перевязок. Есть они и в списках фауны некоторых заповедников, например Ширванского в Азербайджане, Черноморского на Украине и других. Зверек уже находится под защитой государства, но неплохо было бы научиться разводить его в неволе. Ведь зачастую, когда животное невозможно спасти, люди вынуждены размножать его в неволе, чтобы затем выпустить заново в природные условия. Правда, перевязке полное уничтожение пока не грозит. Но все-таки малоотраднo читать в «Красной книге» лаконичные замечания: «Численность в неволе: сведений нет. Размножение в неволе: сведений нет». Хотя неволю перевязка переносит хорошо—есть прекрасный рассказ о ручном таком зверьке известного натуралиста Е. П. Спангенберга,—тащить ее из природы в дом совсем ни к чему. Лучше оставить любопытного зверька на свободе, а своим наблюдением за ним и сведениями об очередной встрече поделиться со специалистами-зоологами.

Этот зверек нуждается в нашей всемерной защите, и, повстречав его, не забывайте об этом.

К очерку Олега Лайне
«ЛЕНКОРАНЬ —
ЖЕМЧУЖИНА АЗЕРБАЙДЖАНА»

Ханбулакчайское водохранилище
Ленкоранский район

Сбор чая в Ленкоранской долине

Снимают первый урожай капусты

К очерку Арнольда Пушкаря
«ПЛАТФОРМА»

Морская буровая установка встала
на точку

Буровая установка в работе

Пульт управления и сбора данных
буровой платформы

К очерку Юрия Аракчеева
«В ЗАРОСЛЯХ ТРАВ
У КРАСНОЙ РЕКИ»

Бронзовка золотистая в ароматных
«дебрях» эремуруса Ольги

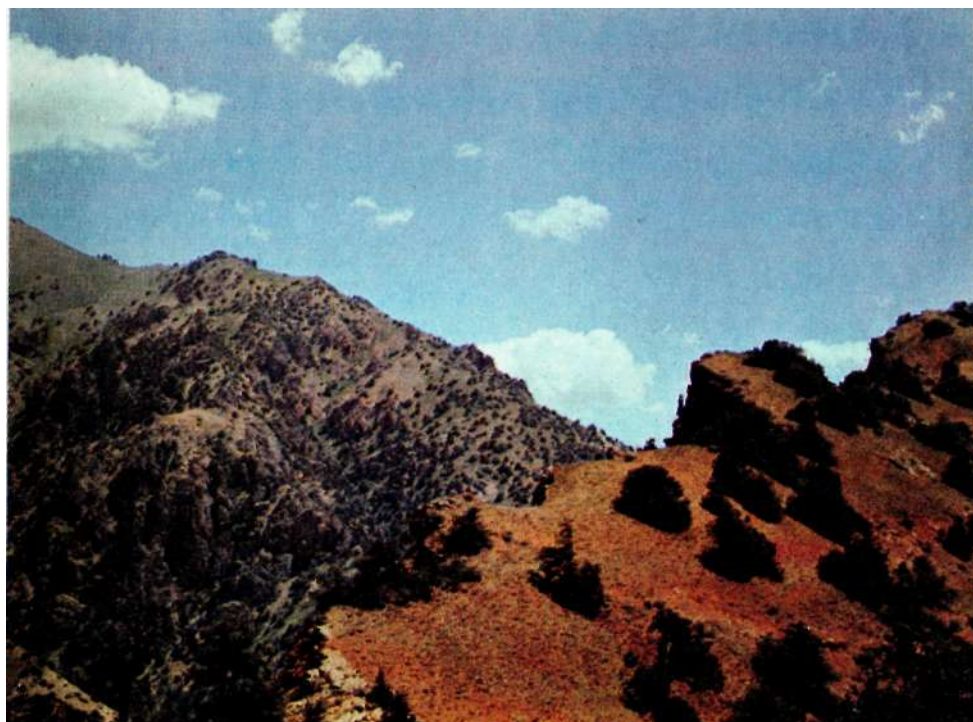
Бабочка пестрянка на соцветии
скабиозы

Меланаргия

Упорно держатся деревца арчи на
крутых горных склонах

Серебристая змейка реки Кызылсу

Самый красивый из эремурусов—
эремурус Ольги

Бурная река Каласу

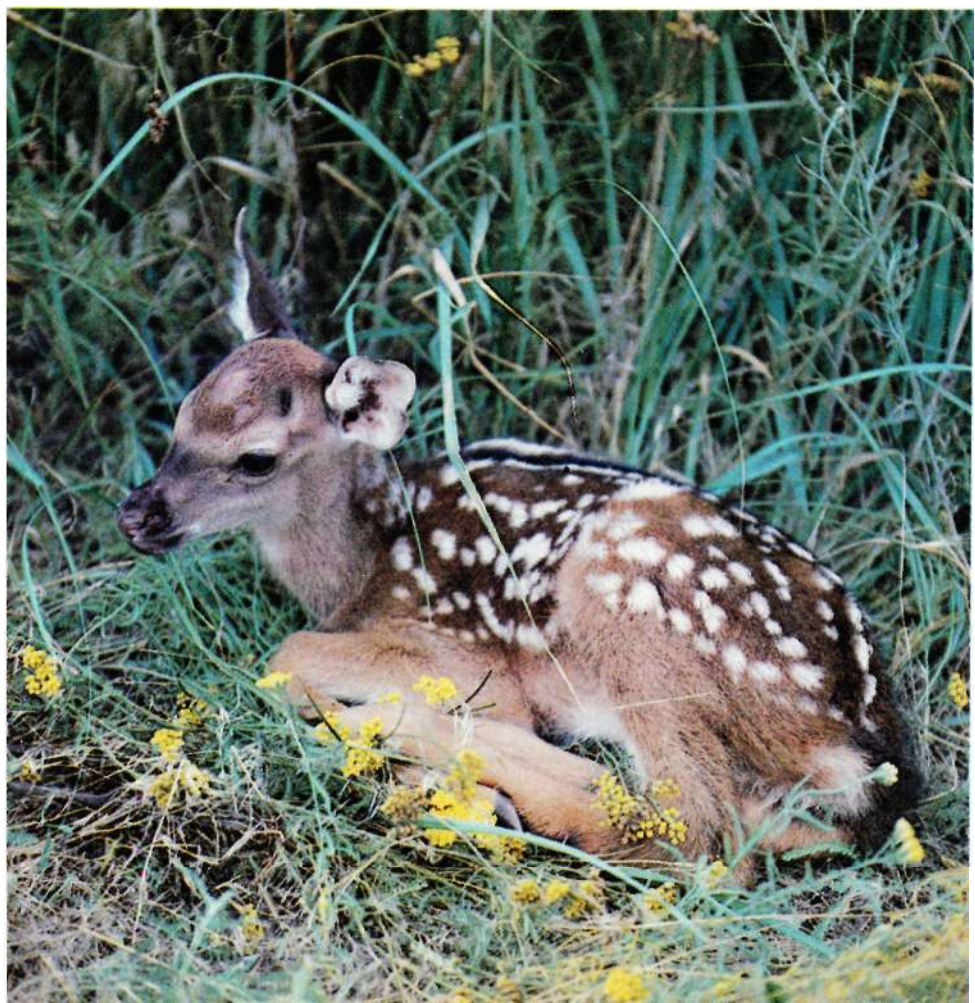
Брошенный кишлак Ташкурган

К очерку Валерии Шубиной
«ОГОНЬ НА СТЕРНЕ»

Луговой лунь
Сплюшка
Соловей
Ястреб тувик

Орел-могильник
Степной орел
Пятнистый олень

Чибис
Авдотка
Филин

К очерку Юрия Савицкого
«КУСТО:
«РЕКИ ПРОСЯТ ЗАЩИТЫ»»

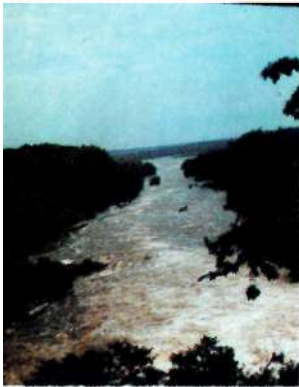

Уганда: так выглядит Нил ниже водопада Кабалега

Нил: один из рукавов водопада Кабалега

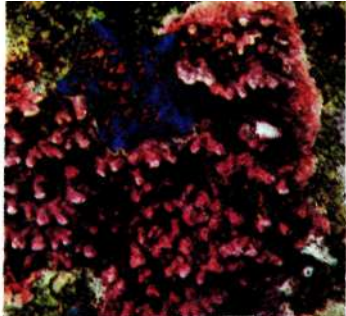
Водопад Кабалега с высоты птичьего полета

Водопад Буджагали (окрестности города Джинджа)

Побережье озера Виктория в районе города Энтеббе

Юрий Астафьев,
Николай Васильев
ПО ЗАПОВЕДНИКАМ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
фотоочерк

Известковая водоросль литотамнии
и морская звезда патирия

Красивый шаровидный морской еж

Волосатый краб тельмессус

Трепанг

Овальный краб

Колонии морских губок

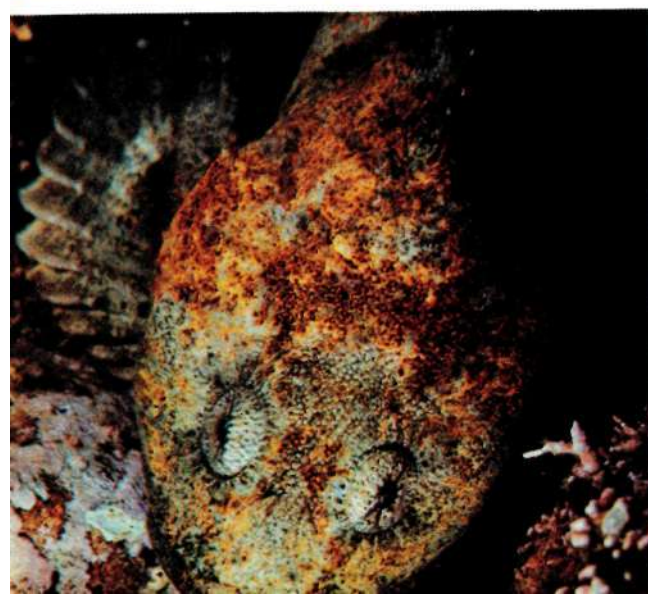
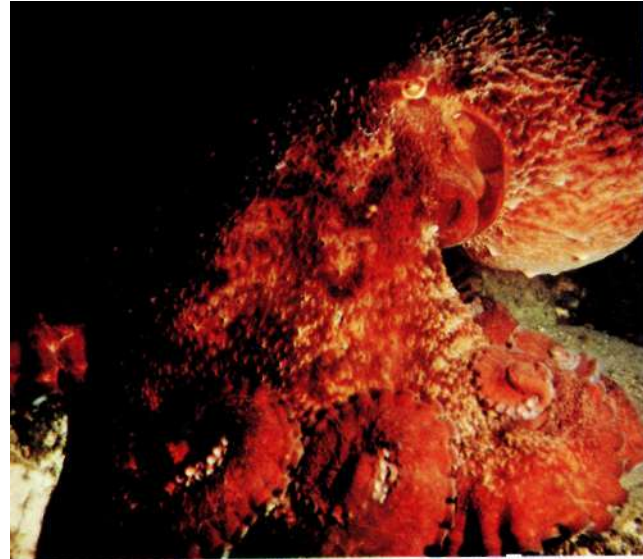
Асцидия тетиум пурпурный

Осьминог

Приподняв голову, настороженно
глядит камбала

Терпуги-ленки доверчиво берут пи-
щу из рук

Формой тела и окраской бычок
похож на окатанный водой камень

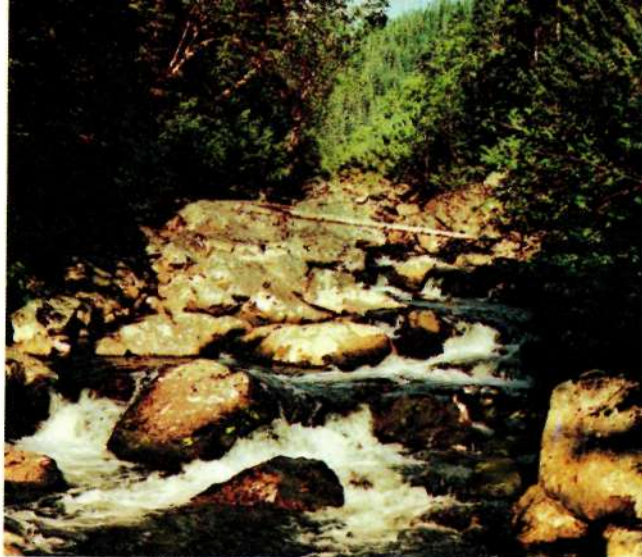
Горная речка

Большой Хехширский заповедник
Лимонник китайский

Японский журавль

Лиановые леса. Южное
Приморье

Сихотэ-Алинский заповедник. Ка-
менные ворота

Сихотэ-Алинский заповедник

Дмитрий Костинский
СКАЗОЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ
ДУБРОВНИКА
Фотоочерк

Общий вид Дубровника

Бухта в новой части города

Вход в старую часть Дубровника
через ворота Пиле

Одна из улочек старого Дубровника

Бухта, усеянная лодками

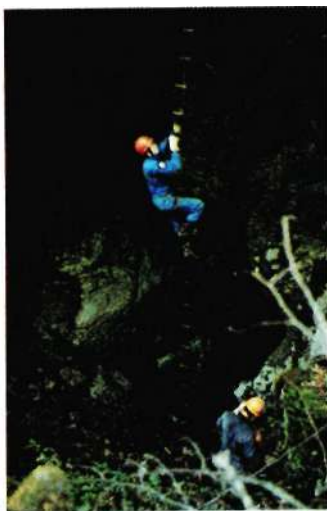
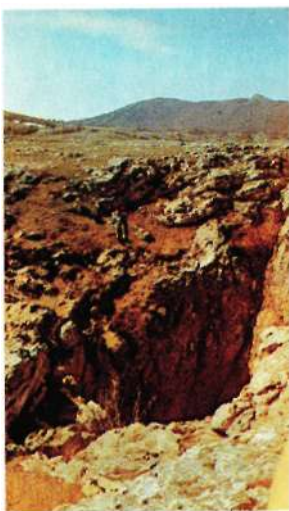
Владимир Арефьев
УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ПЕЩЕР
фотоочерк

Пройдет немного времени, и черный мрак пещеры обступит со всех сторон, а вход в колодец будет мерцать маленькой точкой высоко над головой

Спуск в пещеру — это почти всегда немного риска и неповторимое чувство проникновения в тайну

Много всяких препятствий — вертикальные колодцы, обводненные коридоры, узкие лазы — приходится преодолевать спелеологам, чтобы открыть новые, неизведанные пещеры

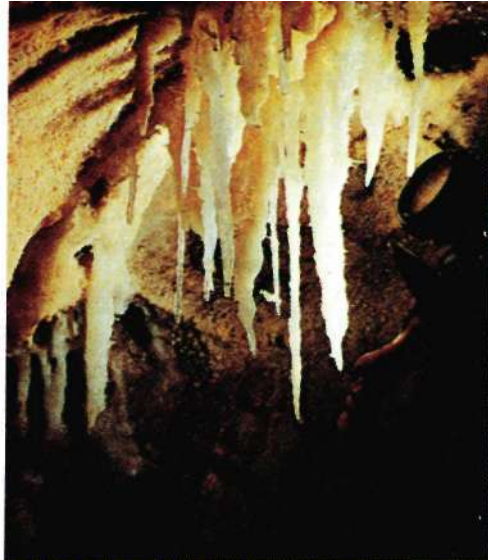
Похожих пещер нет, а разнообразие форм и образований не знает пределов

Не менее удивительна застывшая вода под землей — словно хрустальные кубки стоят сталагмиты из льда

Когда-то мощные потоки бушевали по этим коридорам, теперь в тихой глади озера отражается застывший «водопад»

Словно в восточной сказке, возникают перед спелеологом из мрака вереницы залов и гротов, соединенных причудливыми переходами

Среди многообразия каменных форм встречаются и такие сталактиты—гелектиты, которые растут не только вниз, но и в разные стороны

Натечные образования различны не только по форме, но и по цвету, который зависит от наличия тех или иных химических элементов

Как ни стремишься приблизить миг выхода из пещеры, с грустью покидаешь этот прекрасный мир

Ростислав Воронов,
Татьяна Голованова
ПЕРВОЦВЕТЫ
Фотоочерк

У печоночницы, или перелески благородной, голубовато-сиреневые цветки-звездочки с закругленными лучами. Цветет растение очень рано, лишь только сойдет снег. И хотя по окраске перелеска совсем не похожа на лютик, относится она к семейству лютиковых

Название свое медуница получила не случайно—в ее цветках много нектара. Это один из самых ранних медоносов. Любопытно, что на одном стебельке у медуницы цветки разной окраски: темно-розовые и васильково-синие. Розовые—молодые цветки, синие—старые

Ветреница лютиковая — эфемероид. Так называют растения, которые появляются на короткий период, а потом исчезают до будущей весны. Ветреница лютиковая цветет, когда деревья и кустарники едва начинают распускаться, а как только оденутся они листвою, ветреница увянет, ведь в лесу станет темно. Всего несколько дней живут эти ярко-желтые цветки

Любку двулистную в народе зовут ночной фиалкой или ночной красавицей. Ее цветки особой красотой не отличаются. Днем они пахнут слабо, а вот вечером и ночью их тонкий аромат становится густым

Майник — нежная лесная травка. Невысокий стебелек с двумя листьями сердцевидной формы венчает рыхлое соцветие из мелких белых цветков

Весной в густой зеленой траве бросаются в глаза темно-синие «свечи» живучки ползучей. На одном месте живучка не растет. Из пазух прикорневых листьев, собранных в розетку, «расползаются» по земле длинные побеги, которые и дают жизнь новому растению

◀ У ветреницы дубравной цветки чисто-белые, а с «изнанки» чуть розоватые. С каждым годом все меньше и меньше остается этих красивых растений. Ветреница очень ранима: сорвешь цветок—и загубишь все растение

Золотые звездочки чистяка весеннего щедро рассыпаются по лугам, опушкам, полянам. Цветки и листья блестят; кажется, что какой-то искусный мастер покрыл их лаком

Куртинки цветущего селезеночника напоминают рассыпанные в траве золотые монеты. Отсюда и одно из образных народных названий этого растения—«чертово золото»

Весной и в начале лета в светлых сухих лесах цветет первоцвет весенний. У него тоже много народных названий: баранчики, ключи (соцветие и вправду похоже на связку ключей), медяничка

Мохнатые сине-фиолетовые колокольца сон-травы, или прострела, появляются раньше, чем его листья. Цветки на короткой цветоножке наклонили колокольца, словно задремали. Но раскроются они, и вместо них появится шестилучевая яркая звезда с пучком желтых тычинок посередине

АРХАНГЕЛЬСКУ 400 ЛЕТ

ПЕРВЫЙ
МОРСКОЙ ПОРТ
РОССИИ

В 1792 году в Санкт-Петербурге вышла книга, которая называлась так: «Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым»*.

Автор книги в «предуведомлении» писал: «Город Архангельский почтен быть должен или действительно почитается житницею и сокровищницею Российского Севера в Европе за множество торгов, стекающихся в нем ежегодно из чужестранных государств и из внутренних областей российских, соединяющих и разделяющих российские и иностранные товары различного вида и цены, нужные, полезные и приятные для человеческой жизни».

Далее следуют 95 вопросов и ответов. Приведем некоторые из них:

«...Вопрос 2. Место, на котором стоит город Архангельский, как называлось в старину, прежде сего города?»

Ответ 2. Пур на волок («пур»—обрывистый, возвышенный.— В. С). Разумеется же под сим собственным именем мыс двинского берега, примечания достойный потому, что Двина-река при оном разделяется на разные устья, в море протекающие между островами.

Вопрос 3. Какое было на сем месте селение прежде города?»

Ответ 3. Монастырь Архангельский, древностию все московские монастыри превосходящая обитель, построенная во втором на десять столетии в земле Заволоцкой, названной после по имени реки Двиною...

Вопрос 7. Как проименован сей новый город вначале?»

Ответ 7. Новохолмогорским городом, потом прозван Архангельским по монастырю сегож имени...

* Хранится в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Памятник М. В. Ломоносову (1829, г.), скульптор И. П. Мартос

Вопрос 13. Откуда первые граждане поселены в сем городе?

Ответ 13. Первые посадские люди сего города были переведены из двинских посадов и волостей, числом 130 семей, в кои самую большую часть составляли деревенские поселяне».

В подтверждение приведенных фактов В. Крестинин счел нужным сделать такую приписку: «Все повествуемые мною в настоящем начертании архангелогородские истории, деяния нашего посада и приключения городовые, происшедшие прежде 1700 года, утверждаются старинными свитками и записками, в собственных моих руках или под моим ведомством обретающиеся». В отношении исторических документов автору книги, можно сказать, повезло: материалов о прошлом Архангельска сохранилось не так уж много. И причина тому — пожары. В старину они были для Архангельска настоящим бедствием. Город ведь был деревянный!

В 1852 году в «Журнале Министерства народного просвещения» был напечатан вновь найденный документ, относящийся к истории Архангельска:

«Сообщаемая здесь записка 1765 года об Архангельске заслуживает, несмотря на ее краткость, быть известною читателям, интересующимся историческими сведениями, потому что бывшие после 1765 года пожары несколько раз опустошали этот город и не многое оставили из того, что было тут прежде, да и оставшееся изменено постройками; в

особенности пожар 20 июля 1779 года нанес ущерб истории Архангельска, истребив тамошний Губернский архив. Только случайно могут открыться теперь акты старого времени, относящиеся к Архангельску... Но прежде,— пишет журнал,— несколько слов об Архангельске до 1765 года... Построение города началось с 1584 года... Но после того как в пожары 1667 и 1669 годов сгорели вместе с посадом и городом оба гостиных двора: Русский и Немецкий («немцами» в то время называли всех иностранцев.— В. С), приступлено было к постройке каменного обширного здания, которое и окончено в 1684 году*. Здание это составляло продолговатый четырехугольник в 600 сажен в окружности, в два этажа, с шестью башнями на берег реки Двины, имея с этой стороны еще вал и палисад. Говорят, что в свое время оно возбуждало удивление не только русских, но и иностранцев. Среду его, т. е. укрепление с бойницами, занимали кладовые и таможня, с боков же были гостиные дворы Русский и Немецкий. В этом же здании помещались тюрьма и гауптвахта, а впоследствии и губернская канцелярия.

Далее в журнале приводится выписка из документа 1765 года:

«Селение города Архангельского, где обыватели живут, весьма тесное, улицы узкие, кривые, и между селением коптильни, канатные заводы, кузницы, мясничьи бойни и тому подобное без разборз' строены... а сие все строение построено знатно, по причине болотного места, что от берегу Двины-реки на несколько верст мхи с болотами к самому строению прилегли... а каналов как в улицах, так и позади того строения для обсушения всех обывательских домов и их огородов, коих за мокротою почти и вовсе не имеют, делано не было...»

В общем нелегко жилось архангелогородцам: с одной стороны, огонь-пожары, с другой — вода-болота, и некуда податься. Но так жил простой люд. По-другому жили сильные мира сего. В газете «С.-Петербургские ведомости» № 1 за 1769 год читаем:

«Из города Архангельского, от 12 декабря 1768 года.

...1 декабря у его превосходительства господина губернатора был обеденный стол... для находящихся здесь знатного чина людей и российского и иностранного купечества... По окончании стола последовал бал и представлена изрядная иллюминация; а дома во всем городе наилучшим по здешнему месту образом были иллюминированы. На завтрее, то есть 2 декабря, здешний Магистрат и купечество угощали в магистратских покоях обеденным столом господина губернатора, знатных как воинского, так и гражданского чинов, также российское и иностранное купечество. При оном столе потчивали вышеописанных гостей магистратские члены и первые здешние купцы; а при питии за здравие происходила пушечная пальба. Вечеру по выставленным за

* Строилось оно по «исходному чертежу, присланному из Москвы», а кирпичи доставлялись из Голландии. В Архангельск было направлено около сотни каменщиков из Солигалича, Ярославля и Белоозера. Стройка по тем временам была грандиозная — крупнейшая в Московском государстве, и рабочих рук явно не хватало. Двинским воеводам приходилось, как бы мы теперь сказали, изыскивать дополнительную рабочую силу. Царь Алексей Михайлович в особой грамоте предписал солигаличскому воеводе, в случае если каменщики, уклоняясь от отправки в Архангельск, скроются, то, «сыскав жен их и детей, метать в тюрьму до нашего, великого государя, указа...», а если из-за отсутствия каменщиков «наше каменное дело встанет... укажем доправить тебе пени 100 рублей, да тебе ж быть в жестоком наказании без пощады».

Георгиевская церковь, памятник архитектуры XVII в. из села Вершина в музее «Малые Корель» вблизи Архангельска

день на публичных местах, для всех могущих благопристойно прибраться, созывным билетам съехались в оный же Магистратский дом на бал в масках до 200 персон (число по здешнему малому месту знатное), которые все в продолжение бала потчиваны были вечерним столом и лучшими напитками; а перед Магистратом представлена была иллюминация и фейерверк. Сей открытый маскарад продолжался до полного рассвета следующего дня, в которьш маски в пристойном маскарадном приборе ездили по городу».

Читаешь отчет о столь безудержном веселье и невольно вспоминаешь о городских пожарах, которые так часты были тогда в деревянном Архангельске. Уж не от ракет ли и фейерверков они загорались?

Надо сказать, что уже в начале XVII века Архангельск был крупнейшей на Севере деревянной крепостью. Построенная без единого гвоздя и железных скреп, она изумляла иностранцев отличным качеством рубки стен и боевых башен. Это подтверждает, кстати, путешественник, посетивший древний Архангельск еще раньше — в конце XVI века. Приведем его слова: «Постройка... из бревен превосходна. Нет ни гвоздей, ни крючьев, но все так хорошо отделано, что нечего хулить, хотя у строителей русских все орудия

состоят в одних топорах, но ни один архитектор не сделает лучше».

Первые граждане Архангельска для «прочного их устройства» были освобождены царской грамотой на пять лет от уплаты податей. В грамоте указывалось: «И жить им на посаде, в новом Колмогорском городе торговати, а корчменного питья к приезду лихим людям у себя не держати и никаким воровством не воровати, а с немцы с приезжими не дружити и товаров у них заморских на встрече и у города таем не покупати...»

Обратите внимание: «с приезжими не дружити и товаров у них... не покупати...» Документ этот, можно сказать, был исключительным. В дальнейшем развитие торговых взаимоотношений пошло по прямо противоположному пути. И это тоже подтверждается документами. Известно, что в начале царствования Федора Иоанновича в Англию было направлено русское посольство. Оно должно было сообщить англичанам, что если королева разрешит русским свободную торговлю в Англии, то и англичане получат в России привилегии. Но Елизавета заявила, что пойдет на это лишь в том случае, если царь Федор даст жалованную грамоту на торговлю в своем царстве исключительно обществу лондонских купцов.

«Пределы России,—ответил Федор,—открыты для вольной торговли всех народов сухим путем и морем. К нам ездят купцы султановы, цесарские, испанские, немецкие, французские, литовские, персидские, бухарские, хивинские, шемахнские и многие другие, так что можем обойтись и без англичан, и в угодность им не затворим дорог в свою землю».

Многое в Архангельске связано с именем Петра I, трижды побывавшего в этом городе. Порт у Белого моря можно с полным основанием назвать первым «окном в Европу», так как другого порта у государства Российского не было вплоть до основания С.-Петербурга в 1703 году. Петр I, как известно, стремился к морю, о чем, кстати, сам рассказал в предисловии к так называемому «Морскому регламенту». Вот что он писал:

«Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переяславском, оно стало для меня тесно, ездил я на Кубенское озеро, оно было слишком мелко. Тогда я решил видеть прямо море и просил позволения у матери съездить к Архангельску. Многократно возбраняла она мне сей опасный путь, но, видя великое желание мое и неотложную охоту, нехотя согласилась, взяв с меня обещание в море не ходить, а посмотреть на него с берега». Но слово, данное матери, «не ходить в море» Петр нарушил. В 1693 году по его приказу было заложено на Соломбальском острове первое в России казенное судостроительное предприятие, где через год был спущен на воду первенец русского флота—морской корабль «Святой Павел». Это судно в том же году отправилось во Францию, причем под голландским флагом, так как русского трехцветного флага до 1705 года не существовало. Верфь в Соломбале была и пионером строительства парового флота. В 1825 году здесь спустили на воду первый русский пароход «Легкий». Сохранилась в Соломбале знаменитая «испытательная канава», прорытая в 1694 году по приказу Петра I в болотистом грунте острова Для перегона спущенных на воду новых кораблей.

Суда в Соломбале строили русские корабельные мастера, освоившие новое для них дело. Они были быстроходны и легки в Управлении, а стоили по сравнению с иностранными вдвое дешевле.

Обычно корабли из сосны служили 6—7 лет, а с ремонтом—до 10 лет. Суда архангельской постройки из северной лиственницы плавали без ремонта но 15 лет, то есть вдвое дольше.

Сохранился домик Петра I, в котором он проживал в бытность свою в этих местах. Он находился на острове Маркове (ныне не существующем). В 1877 году этот домик перенесли в Архангельск, где он размещался под каменным футляром на набережной, вблизи современных могил жертв интервенции 1918—1920 годов. А в 1924 году домик Петра I перевезли в архитектурный заповедник—село Коломенское под Москвой.

В Архангельске установлена скульптура Петра I. Интересно, что существуют еще две точно такие же: одна хранится в Государственной Третьяковской галерее, а другая установлена в Таганроге.

Как у всякого города, у Архангельска немало своих особенностей. Например, набережная Северной Двины с самого начала стала главной улицей Архангельска. «Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не свыше четверти часа»,—отмечает эту особенность Архангельска, вытянутого вдоль реки, голландский путешественник Корнелий Ле Брюин, побывавший здесь в 1700 и 1701 годах.

В 1786 году в Архангельск из Холмогор перевели мореходную школу. В этой школе учились главным образом сыновья поморов. Учение было поставлено серьезно: молодые люди получали знания не только в области морских, но и многих других наук. Вот, например, как выглядел аттестат, выданный Архангельским прика-

Вокзал на набережной — морские и речные ворота города

зом общественного призрения одному из выпускников школы — мещанину Ивану Филиппову. Читаем: «...онный Филиппов вступил в мореходную школу, состоящую под управлением сего Приказа, будучи 13 лет, с 24 июля 1781 года и научился в оной школе арифметике, геометрии, тригонометрии плоской и меркаторской, части астрономии, принадлежащей науке мореплавания, географии Российской, всеобщей и математической, истории Российской и всеобщей, грамматике Российской, архитектуре гражданской, естественной истории, читать и писать по-немецки, по-латински, по-французски, по-английски, грамматике обоих крайних языков, рисованию...»

Из стен Архангельского мореходного училища вышло немало прославленных мореплавателей. Так, в 1866 году шкиперские учебные курсы окончил Д. И. Шванеберг, совершивший из устья Енисея в Кронштадт беспрецедентный в истории мореплавания переход (за 100 дней, с экипажем из пяти человек, с грузом сибирских товаров на построенной собственными силами плоскодонной шхуне «Утренняя заря»). Выпускниками училища были А. С. Кучин, участвовавший в 1910—1911 годах вместе с Р. Амундсеном в экспедиции к Южному полюсу и командовавший «Геркулесом» в экспедиции В. А. Русанова (1912 г.), известный ледовый капитан В. И. Воронин, который командовал легендарными ледоколами «Георгий Седов» и «Ермак». Под его же началом ледокольный пароход «Сибиряков» впервые прошел за одну навигацию Северным морским путем с запада на восток. В 1933—1934 годах весь мир следил за героической борьбой с арктической стихией экипажа парохода «Челюскин», который также возглавлял В. И. Воронин.

Испокон веков Архангельск служил базой полярных экспедиций, отсюда они начинали свой путь. Таких экспедиций, больших и малых, насчитывают уже более двухсот. Из Архангельска уходили суда на Шпицберген и Новую Землю, на Вайгач и Таймыр, пробивались к устью Оби и дальше, на восток. Экспедиции известных полярных исследователей Чичагова, Литке, Пахтусова и многих-многих других обогатили науку ценнейшими открытиями.

Отсюда же, из Архангельска, в 1912 году отправилась в путь первая русская экспедиция к Северному полюсу под руководством Георгия Седова. И в наше время большинство походов в Арктику начинается от причалов Архангельского порта. Отсюда в 1928 году ледокольный пароход «Малыгин» спешил на помощь экспедиции итальянца Нобиле, пытавшегося достичь полюса на дирижабле. В 1932 году из Архангельска отправился в плавание ледокольный пароход «Сибиряков».

Через Архангельск шло покорение Арктики и с воздуха: на Северный полюс летели папанинцы, стартовали полярные летчики Бабушкин, Водопьянов, Молоков и другие.

Говоря об Архангельске, нельзя, конечно, не назвать гениального Ломоносова. Родина великого русского ученого—холмогорское село Ломоносово расположено в 80 километрах от города. В самом Архангельске «архангельскому мужику», который был «разумен и велик», воздвигнут памятник работы известного скульптора Мартоса. «Не скрою,—писал Мартос,—радости моей по случаю счастливого отлития памятника и удовольствия, которое чувствую, что мог посвятить труды свои на увековечение лика одного из первейших гениев Севера и великого поэта русского».

В Архангельске перед Домом Советов стоит обелиск Севера. На нем надпись:

Пролетарской
волей и напором
край суровый и
отсталый
превратим
в индустриальный
новый Север.

«Обелиск этот,—говорится в одном из путеводителей по Архангельску,—был открыт 7 ноября 1930 года. Шла первая пятилетка... С тех пор миновали годы. Давно нет отсталой окраины. Есть новый, индустриальный Север! Нет больше и провинциального Архангельска с полукустарными лесопилками, убогими канатными фабриками и свечными заводшками, салотопнями и судоремонтными мастерскими. За годы Советской власти город превратился в крупный промышленный и культурный центр».

Быстро растет население Архангельска. В 1917 году в городе насчитывалось 48 тысяч жителей, а в 1969 году—348 тысяч. Ныне Архангельск—большой 400-тысячный город с двумя новыми современными городами-спутниками—Северодвинском и Новодвинском. Это самый большой город в мире, расположенный севернее 64-й параллели.

Город разросся: на 40 километров протянулся он с севера на юг по берегу реки, раскинулся на 12 островах в дельте Северной Двины.

Площадь имени В. И. Ленина—центр города

«Раздольна Северная Двина у города,— пишет современный летописец Архангельска.— Глазом не охватишь водную ширь. Река величава и в яркий солнечный день, когда она блестит, как расплавленное серебро, и в осеннюю непогоду, когда сиверко, вздыбив ее темные воды, с шумом гонит крупную волну на городской пляж.

Архангельск — город белых ночей, дивно красивых, незабываемых. В июне солнце едва успеваешь погрузиться в реку, как тут же поднимается свежеемытое над еще спящим городом. Чудесны закаты на Двине! Они чаруют своей акварельной нежностью бледно-оранжевых, фиолетовых и сиреневых красок».

Архангельск—родина отечественного тралового флота. В 1920 году, вскоре после изгнания интервентов и белогвардейцев, в городе было создано Управление рыбозверинными промыслами, и несколько пароходов оснастили для тралового промысла рыбы. Сейчас Архангельский траловый флот—это современные суда, в том числе большие морозильные траулеры—подлинные «плавающие фабрики».

Давно пришлось заменить в лоции Белого моря за 1913 год фразу Р том, что «в Архангельском порту можно произвести в случае небольшой аварии частные исправления». Ныне здесь мощная судоремонтная база. Бывшие судоремонтные мастерские превратились в крупный судоремонтный завод «Красная кузница». На этом предприятии получили второе рождение многие суда Северного и Мурманского пароходств, такие, как «Володарский», «Унжа», «Су-

ра» и разорванный на две части во время прошедшей войны «Тбилиси». Напомним, что в годы Великой Отечественной войны на долю Архангельска выпала особо важная роль. Через эту гавань наша страна поддерживала транспортные связи с внешним миром.

Современный Архангельск—крупный морской внешнеторговый порт. Сюда за беломорским лесом приходят нескончаемые вереницы судов. Они увозят в Англию и ФРГ, Сирию и Тунис и многие-многие другие страны добротные доски, бревна, шпалы и т. д. По экспорту леса Архангельск на первом месте среди портов Советского Союза.

Автолесовозы, которые выпускает Соломбальский машиностроительный завод, отлично зарекомендовали себя не только в лесных портах страны, но и за рубежом. Назовем еще Соломбальский целлюлозно-бумажный комбинат, Архангельский бумажный комбинат, крупнейший в Европе Соломбальский лесопильно-деревобрабатывающий комбинат.

«Несколько раз менялись основы экономического существования Архангельска,—читаем в местной газете «Правда Севера»,—был он и чисто пушным районом в старину, был чисто портовым поселением, был и просто административным центром, лесопортом, «столицей бумаги», а теперь делается, возможно, административно-хозяйственной главой обширного рудного и газоносного края... На месте бывших болот вырос новый современный город, где есть прекрасные музеи, кинотеатры, больницы, библиотеки, детские сады, школы... старинные, прошлых веков церкви и избы, собранные для потомков в Малых Корелах со всей области... морские и речные ворота города—вокзал на набережной, здание Северного морского пароходства...»

Есть еще одно обстоятельство, о котором нельзя не упомянуть: Архангельск внесен в список 115 исторических городов России. Здесь с историей, как и с морем, сталкиваешься на каждом шагу. Например, когдаходишь к зданию Северного детского пароходства, украшенному морскими разноцветными флажками, видишь бронзовую мемориальную доску с барельефами В. И. Ленина и «Авроры». История этого прославленного корабля связана и с архангельской землей: трижды—в 1924, 1925 и 1930 годах—«Аврора» была в Архангельске.

Как только не величают старинный город на Северной Двине! Первый морской порт России... Колыбель отечественного кораблестроения... Ворота в Арктику... Столица Севера... И Архангельск заслуживает каждое из этих громких названий. Вполне!

Владимир Сурмило

ФАНТАСТИКА

ВИЗУАЛНО

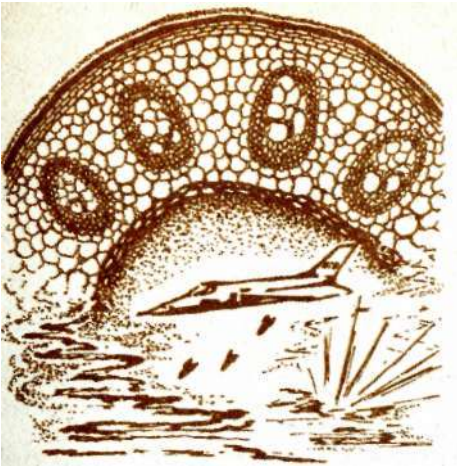

ФАНТАСТИКА

Владимир Бээкмая.	БАМБУК
Людмила Жукова.	КРЫЛЬЯ ДЕДАЛА
Виталий Бабенко.	ДО СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА
Александр Колпаков.	В СТРАНЕ ТУМАНА И ДОЖДЯ
Дайна Чавиано.	МИРЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБЛЮ
Александр Шалимов.	ЗВЕЗДА КУБЫ ВЗОЙДЕТ В XX ВЕКЕ

БАМБУК

Фантастический рассказ

Я должен сейчас, не откладывая, рассказать, как все это вышло. Иначе потом трудно будет отделить истину от вымысла—потом, когда сенсационные слухи заслонят то, что случилось на самом деле.

Сегодня пятница. Маури позвонил мне в понедельник под вечер.

— Рууди, ты?— рокотал его голос в мембране.— Жму руку, старик. Послушай, есть дельце, требуется твоя светлая голова. Я сейчас заскочу к тебе. Увидимся через десять минут, идет?

Машина у Маури без году неделя. Поэтому он не ездит, а «скачет» или «летает». А вообще-то Маури—молодой художник. Во всяком случае он рисует, и кое-кто считает, что в данный момент он во всех отношениях «поп». Он сам тоже так считает, хотя никогда в этом не признается. Я не видел Маури целый месяц: он ездил с какой-то группой художников во Вьетнам.

Спустя десять минут за окном хлопнула дверца машины, и сразу же по лестнице с грохотом взлетел Маури в пальто нараспашку.

— У акул Тонкинского залива неплохой вкус,— попробовал я пошутить.— Понюхали и отвернулись.

— Навзрыд рыдали, чтобы я поскорее уматывал,— зычно прогулел Маури своим пивным басом, однако его глаза оставались непривычно серьезными.— Слетаем ко мне. Не жизнь, а театр абсурда!

— Я ничего не смыслю в ремонте квартир.

— Биолог ты или нет?! Мне нужен именно биолог. Преклоняю колени и бью челом об пол.

Мы поехали. За две недели до отъезда во Вьетнам Маури переселился в новую квартиру.

Когда Маури открыл дверь, в нос ударило воздухом нежилого помещения. Он скорее напоминал настой оранжереи тропических растений, и все же это была не совсем та нейтральная влажная духота. Почему-то это обстоятельство вызвало во мне ощущение тревоги. «Квартира больше месяца пустовала, и полуденное солнце, ежесекундно накалявшее ее, аккумулятировалось в четырех стенах»,— подумал я и успокоился.

Маури, толкнув ладонью дверь, распахнул ее настежь и сказал, указывая на окно:

— Ты видел что-нибудь подобное?

На подоконнике буйно разрослась бамбуковая роша. Разной длины стебли и побеги, заслоняя стекло, тянулись во все стороны, отчего в комнате было сумрачно.

— Ого, ты и джунгли прихватил с собой!

— В том-то и беда, что этого я не делал,— произнес Маури, да так растерянно, будто жалел о своей недогадливости.

— Ясно, ты хочешь сказать, что они сами повыврастали из подоконника,— кивнул я понимающе.

— Не веришь? Вот именно сами!

Я подошел к окну. На подоконнике стоял цветочный горшок, до смешного маленький по сравнению с бамбуковыми зарослями, из него толстым косматым тросом выползали корни взметнувшегося к окну бамбука. Чудно! Но еще удивительнее было другое: на всем пространстве вокруг горшка бамбуковые корни—от тонкого, как волос, до толщиной в палец—опирались прямо на подоконник, врастали в него и ползли вдоль оконной рамы вверх.

В недоумении я обернулся к Маури.

— Понимаешь, какая ерунда,— пробормотал он растерянно.— Недалеко от города Винь я подобрал кусок бамбука... ну, на память, что ли. Кажется, его срезало осколком бомбы, а может, и нет. Дома я выложил бамбук на подоконник и забыл о нем. Тут стоял вот это: горшок с кактусом. Это было в субботу. А вчера смотрю: бамбук пустил корни и они перекинулись в горшок. Поначалу это меня рассмешило, думаю: «Живучий-то какой, нужно обязательно кому-нибудь показать». К вечеру он задушил кактус и «сожрал» его. Я все еще забавлялся: «До чего же живучий, зараза!» Сегодня утром в горшке не было не только кактуса, но и земли—он был забит корнями. Я очень удивился, но пока еще не встревожился. А недавно прижму домой, и вот—полюбуйся!

Вдруг в его голосе появилась надежда.

— Послушай, ты же биолог. Пораскинь мозгами, выясни, в чем дело, и уничтожь эту заразу по всем правилам науки.

Я внимательно разглядывал бамбук и в то же время косился на Маури, чтобы разгадать, где кроется подвох. Ни секунды я не сомневался, что он хочет меня разыграть. Но как я ни старался, мне не удалось отодрать корни от подоконника, они словно приросли к нему.

— Раздобудь где-нибудь садовые ножницы, мы с ними быстро справимся.

Маури на минуту задумался.

— В таком случае махнем в Мууга, к отцу на садовый участок, у него должны быть.

«Махнули», вернулись с ножницами. Казалось, за время нашего отсутствия бамбуковая поросль стала еще гуще и выше. Я сбросил пиджак и принялся за работу.

Для начала я выбрал один из крайних тонких побегов. Сжав его между лезвиями ножниц, я почувствовал, что он поразительно крепок и упруг. Наконец мне удалось его перерезать. Возле самого корня. Кольцеобразный срез тотчас заплыл прозрачным, как вода, соком, который тут же застыл.

— Возьми себе на удилище,—кинул я стебель Маури.

Повернулся обратно к окну и остолбенел: на месте среза

тянулись вверх два новых тоненьких побега. Они росли прямо на глазах.

Это повторялось всякий раз, стоило мне только срезать стебель. Когда я попробовал отсечь корни, то и там, на месте удаленных, немедленно появлялись новые корешки, с каким-то хищным проворством цеплялись они за деревянную поверхность подоконника.

Маури заметил мою растерянность.

— А нельзя его облить какой-нибудь гадостью, чтобы он сдох вместе со всеми рожками и ножками?

— Жаль, сувенир ведь,— произнес я не очень уверенно.

— Тоже мне сувенир, этак он скоро меня из квартиры выживет.

Я задумался. В цветочный горшок можно было бы налить ну хотя бы кислоту. Но что делать с корнями, приросшими к подоконнику? Я еще раз попробовал пустить в ход ножницы. Результат был тот же: стебли начинали размножаться и расти быстрее. Это заметил и Маури.

— Брось,— произнес он с опаской.— Ему это, видно, не по нутру. Нужно придумать что-нибудь более радикальное и покончить с ним одним махом.

Я отложил ножницы.

— Мне надо порыться в книгах,— расписался я в своем бессилии.

— Вот, вот!— обрадовался Маури.— Оставим его пока в покое, может быть, он тогда немного умерит свой пыл, а назавтра ты что-нибудь придумаешь.

Дома я перелистал все свои справочники, позвонил двум-трем более опытным коллегам. Расспрашивал обиняком, чтобы и им эта история не показалась подвохом. Увы, никаких результатов: никто ничего подобного не слышал.

Чем вызван этот опгеломляющий взрыв жизненной силы? Растение защищается от уничтожения тем яростнее, чем больше стареется уничтожить его.

Может быть, все дело в биоплазме? В таинственной жизненной силе, своего рода биологическом магнетизме, свойственном всему живому, который мы не можем измерить лишь потому, что у нас отсутствуют органы чувств для его восприятия, а измерительные приборы еще не придуманы. Так-то оно так, но ведь и он, этот биологический магнетизм, не бессмертен, как смертно все, что живет. Как может он противостоять уничтожению?

Вопросов было много, ответов—ни одного.

Маури позвонил во вторник утром. Его голос дрожал от едва сдерживаемой ярости:

— Послушай, он уже за мебель принялся! Ты придумал, как его прикончить?

Он приехал и снова отвез меня на место происшествия. С первого взгляда стало ясно: за прошедшую ночь рост бамбука ничуть не приостановился. Перед окном буйствовали заросли, сквозь них едва просачивался зеленоватый свет. Стебли подлиннее вымахали до самого потолка и, изогнувшись дугой, свисали вниз. Но еще больше поразило меня другое: густая сетка тонких мочковатых корней проникла за обои, спадала маленьким застывшим водопадом с подоконника на пол и мертвой хваткой вцепилась в плашки паркета. И в довершение ко всему смерч сплетенных корней подобрался к ножкам кресла и журнального столика, сдавил их в своих силках и

продолжал шествие по всем деревянным поверхностям.

Осознавая всю бессмысленность своего поступка, я с трудом протиснулся к подоконнику и выплеснул в цветочный горшок содержимое захваченной с собой бутылки—насыщенный раствор соляной кислоты.

В ответ карбонатные соединения земли негромко зашипели, образовалась пена, горшок слегка нагрелся—вот и все.

— Наберемся терпения,— произнес я извиняющимся тоном.— За несколько часов она тут все вытравит. Как-никак соляная кислота.

Мы с Маури попытались спасти мебель. Кресло и журнальный столик выволить не удалось, но шкаф мы отодвинули в дальний угол, а кушетку переставили поближе к двери.

— А я и не спал здесь,— признался Маури.— Дышать нечем, и вообще эта мерзость... Я поставил раскладушку на кухне.

К вечеру стало ясно, что соляная кислота только ускорила рост бамбука. Быть может, в горшке какая-то часть корней и сгорела, но тем яростнее бамбук пошел в рост за его пределами. Корни плотным слоем покрывали уже полстены, смежной с кухней. Коврик, который мы влопыхах не догадались убрать, густо пророс корнями и пружинил под ногами, как мох. Воздух становился все удушливее, я задыхался от каких-то испарений, выделяемых растением. Стебли уже не умещались в оконном проеме, в какое-то мгновение стекло под их напором лопнуло, и мы услышали, как осколки со звоном посыпались на бетонный пол балкона.

— Тоже мне наука! — бросил мне в лицо доведенный до отчаяния Маури. — С меня хватит! Завтра же вызову рабочих из ЖЭКа: пусть выломают вместе с подоконником, потом выбросим всю эту нечисть из окна во двор и там сожжем. Все равно квартиру придется основательно ремонтировать, — закончил он грустно.

Он даже не стал отвозить меня домой. Когда я шел на остановку автобуса, из окна четвертого этажа, словно издеваясь надо мной, покачиваясь, торчали побеги бамбука.

Я ломал голову, пытаюсь найти всему этому хоть какое-нибудь научное объяснение. Что мы знаем о биоплазме? Плазменное состояние вещества мы и в физике-то открыли совсем недавно, для этого понадобилась термоядерная реакция. Биоплазма, по-видимому, связана с жизнестойкостью особи, интенсивность жизнедеятельности особи зависит от степени возбуждения биоплазмы.

Но почему она заставила разрастаться бамбук Маури так неестественно буйно? Бамбук был привезен из-под города Винь, американцы бомбили его особенно жестоко. Не один год живую природу там истребляли механической взрывной волной, огнем и химикатами, но ведь при уничтожении жизни степень возбуждения биоплазмы, ее «температура» низводится до нуля. Почему и каким образом она вопреки всем правилам вдруг поднялась на такую высоту в этом обломке бамбука?

В среду утром Маури привел рабочих. От удивления они скребли затылки и плевали за порог, потом пустили в ход ломы и топоры. Через час-полтора стало ясно, что и эта затея обречена на провал. Чем больше бамбук рубили, тем быстрее он рос. К подоконнику уже вообще нельзя было пробраться. Не удалось взломать и сплетенный корнями паркет. Каждая плашка эластично пружинила в клубке корней, будто завулканизированная. Невозможно было установить и границу распространения корней. Когда содрали обои, оказалось, что они расползлись по всей стене.

Рабочие ушли и вернулись после обеда с мотопилой. Они решили сначала спилить под самый корень всю чашу, а корни выломать вместе с подоконником и вынести.

Визг мотопилы привлек любопытствующих соседей. Кто-то из них углядел свисающие из окна заросли. А с соседних балконов заметили, что воздушные корни бамбука перекинулись через балкон Маури и обвилились вокруг деревянных перил.

Всех охватили удивление и тревога. Удивление постепенно улеглось, а тревога росла по мере того, как развивались события. Сначала мотопила справилась с добрым десятком бамбуковых стволов толщиной с руку — Маури и рабочие уже готовы были праздновать победу, но тут побеги, начавшие вытягиваться с непостижимой быстротой, заклинили зубчатую цепь мотопилы, и мотор "заглох".

Сразу его завести не удалось, а через минуту было уже безнадежно поздно: стебли бамбука так оплели пилу, что никакая сила не сдвинула бы зубчатую цепь с места.

Особенно расстроенными разошлись ближайшие соседи Маури. Через полчаса поступил первый сигнал опасности. С балкона Маури бамбуковые корни, цепляясь за стену, переползли на соседний балкон. К этому времени вконец рассерженные рабочие вернулись со второй пилой: они хотели вызволить первую из мертвой хватки

бамбука. Но сделать это не удалось—бамбук разрастался так быстро, что вторая мотопила застряла в зарослях, едва успев продрасть до первой.

Сосед Маури справа попытался вместе с женой и детьми отодрать корни от ограждения своего балкона. Какое-то время казалось, что это удалось, но стоило им ненадолго уйти в комнату, как щупальца мочковатых корней снова хищно вцепились в перила. Стало ясно, что к ночи они окончательно и бесповоротно закрепятся и на этом балконе и тогда им откроется путь в соседнюю квартиру.

Маури больше не звонил, и в среду вечером я сам отправился к нему. Оплетенный корнями паркет вздулся, и понадобилось огромное усилие, чтобы приоткрыть дверь комнаты. Когда я заглянул в комнату, мне стало жутко: она сплошь, будто плесенью, была покрыта сероватым войлоком, деревянные поверхности скрипели и расщеплялись под напором корней, которые высасывали из них питание для стволов, достигающих уже не менее десяти сантиметров в диаметре. Стволы выгибались под потолком дугой и давили на него, словно гигантские луки.

Корни цеплялись только за предметы и поверхности из природного органического вещества. Покрытая полиэфирным лаком доска журнального столика была совершенно чистой, зато все остальные части стола совсем исчезали под толстым слоем корней. Нетронутой была и пластмассовая пепельница, но лежащая в ней трубка, которую Маури иногда для солидности держал во рту, была забита корнями.

Из-под кушетки выглядывало нечто совсем уж омерзительное. По дурной привычке Маури сунул гуда свои толстые белые шерстяные носки. Мочковатые корни набились в них, носки раздулись и казались отсеченными от ног стопами. Корни продолжали расти, и носки, набухая, время от времени шевелились, как живые.

— Все говорят, что ничего подобного просто не может быть,— только и мог я сказать.

— Я и сам это знаю,—подтвердил Маури.

— Ну а дальше?

— Я готов хоть самого Дарвина и Линнея из могилы поднять. Пусть что-нибудь придумают, это же их дело. Ботаника! По-моему, эта дьявольщина становится уже общественно опасной.

Маури оглядел безумным взглядом свою развороченную комнату. В сторону белых стен он старался не смотреть.

— Я знаю, что это такое...— произнес он шепотом.— Это какая-то проклятая ботаническая раковая болезнь, которую я привез оттуда!

— Такого не бывает,—возразил я.

— Да я и сам знаю,—махнул он рукой.

Мы посидели на кухне, куда Маури перенес кое-какие спасенные пожитки. Его выходной пиджак висел на газовом кране. Время от времени по ту сторону стены раздавались потрескивание и шорохи. Там корни и побеги бамбука отвоевывали себе новое жизненное пространство и новую пищу.

— Завтра же пойду и подниму на ноги всех—от милиции до министра...—успокаивал себя Маури.

В ту ночь со среды на четверг я не сомкнул глаз. Я думал. И

кажется, придумал нечто такое, что по своей всеобъясняющей простоте достоин гения.

Если сжать пружину сверх допустимого предела, она либо сломается, либо ответит таким ударом, что сокрушит все на своем пути. Если непрерывно с помощью все более сильных средств низводить степень возбуждения биоплазмы до нулевой отметки, она поведет себя как перенапряженная пружина. В какой-то момент степень возбуждения биоплазмы внезапно подскочит, и тогда частичка живой природы — носитель этой плазмы — начнет разрастаться быстрее, чем раковая опухоль. Всякое дальнейшее сопротивление не только не снизит, но, наоборот, будет повышать степень возбуждения плазмы.

Да, все дело именно в этом. Случилось так, что кусок бамбука, привезенный Маури, оказался именно такой частичкой десятки раз разнесенных в щепки и выжженных бамбуковых зарослей под городом Винь, в которой степень возбуждения биоплазмы достигла своей критической величины. Тогда-то и началась самопроизвольная биологическая «термоядерная реакция».

Ну а что будет дальше?

Той же ночью, часа в три, Маури приехал ко мне. Пиджак он натянул прямо на майку

— SOS! — закричал он уже с порога. — Все кончено! Выдавило смежную с кухней стенку, и сосед сверху прибежал сказать, что один стебель пролез в их комнату сквозь шов между панелями перекрытия, а пол пружинит, словно мох.

Уснуть нам не удалось. Маури едва дождался начала рабочего дня и умчался в город за помощью.

Когда я сразу после работы подъехал к дому Маури, он был оцеплен милицией. Из окна комнаты Маури выпирало нечто, похожее на застывшее желтовато-зеленое облако взрыва, из которого кверху, этажа на полтора, тянулись стебли бамбука. Похожее, только поменьше, купы выглядывали из кухонного окна Маури и из окон соседей. Оглядев фасад, я заметил, что стена на месте квартиры моего приятеля вздулась, панель под все нарастающим напором потрескалась и время от времени сверху с шорохом сыпалась каменная крошка.

Сам Маури был тоже среди тех, кого не подпускали к дому.

— Ну? — спросил я.

— Видишь, — указал он на дом. — Сейчас выселяют всю секцию, грузовики стоят за домом. Утром я смог вытащить из кухни только холодильник, теперь в квартиру уже не попасть.

— Что они собираются делать?

— Не знаю. Утром уже нельзя было открыть дверь в комнату, она набита бамбуком, как трубка табаком. Панели стали расходиться по швам. Попробовали резать ацетиленом, так чуть было не остались без горелки, рабочие едва успели выскочить на лестничную клетку.

Сверху, с четвертого этажа, раздался громкий металлический шелчок, будто лопнула гигантская струна. Потом еще одна. А затем, как в замедленном кадре, вся стена комнаты Маури начала отваливаться, словно крышка люка. Она ненадолго повисла на зарослях, потом бамбук под напором тяжести отпустил панель, и стена рухнула, подняв целую тучу песка.

Это было похоже на кинохронику военных лет.

Из комнаты, оставшейся без наружной стены, вырвалось новое, еще более огромное облако, теперь вершины стволов покачивались перед окнами шестого этажа. Еще несколько ближайших окон были выдавлены разросшимся за ними бамбуком, звон стекла прозвучал жалко и беспомощно. Из многих окон стекали вниз зловещие потоки корней. Опутывая балконы и балконные двери, они свисали до первого этажа.

Один за другим из-за дома выезжали грузовики с пожитками переселяемых жителей.

Несколько позже, покачиваясь на дюнах и вдавливая в песок разбитый здесь недавно газон, подъехали защитного цвета вездеходы, видимо, с какими-то аппаратами и установками в закрытых кузовах. Однако до наступления сумерек ничего примечательного не произошло.

Сегодня пятница, сейчас уже вечер. Маури ночует у меня, хотя ему предоставили комнату на маневренной площади, куда он отвез свой холодильник. Он говорит, что в таком состоянии не может оставаться в одиночестве. И все же Маури спит. Сегодня нам не удалось приблизиться к его дому, и мы не знаем, что там происходит.

Что же теперь будет? А если бамбук начнет разрастаться и беспрепятственно переноситься по земле и трубам из дома в дом, заполняя все своей биологической массой и пожирая все созданное человеком, а в конце концов, чего доброго, и самого человека? Если лишит бамбук пищи, то, кто знает, не станет ли он, приспособляясь, хватать ее прямо из окружающей среды в виде углекислого газа и микроорганизмов, ведь в воздухе этого добра предостаточно? Или все же найдутся средства, чтобы уничтожить его прежде, чем дело пойдет так далеко?

Конечно, «обуздать» невероятный рост бамбука, привезенного Маури из Вьетнама, так или иначе мы сумеем. Сложнее будет справиться с последствиями того, что над вьетнамской землей американцы распылили тысячи тонн различных дефолиантов.

Теперь я уверен, что моя догадка о вспышке биоплазмы верна. Я узнал о работах японских ученых и врачей, подробно изучивших последствия химической войны во Вьетнаме. Например, дефолиант «эйджент оранж» не только вызывает раковые заболевания у людей, но и оказывает деформирующее воздействие на природу, порождая самые неожиданные мутации... Итак, пружину биоплазмы сжимают все сильнее. Взрывами рвут на части, напалмом сжигают, дефолиантами отравляют все новые площади бамбука, мхов и лишайников на Земле. Где и когда произойдет следующая вспышка биоплазмы?..

Маури спит. Я описал все главное. Позднее об этом происшествии будут рассказывать небывлицы, тогда трудно будет установить, где правда, а где вымысел, если все это не будет подробно записано.

Я поставил точку, и моя рука замерла на листе бумаги—на ней дрожал зеленоватый отсвет.

Перевод с эстонского *Веры Рубер*

КРЫЛЬЯ ДЕДАЛА

Фантастический рассказ

Почему мне припомнились сейчас эти стихи?

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова...

Может, потому, что непривычно тихо, неспешно плывет над морем Сережин цикложир «Лодыгин-2»? После стремительных водород олетов скорость у него черепашня—сто пятьдесят километров в час. Да еще встречный поток воздуха с юга... Если смотреть на морские волны, кажется: вовсе висим на месте.

Но что поделаешь с моим Сережей! Заладил: «Надо так жить, чтоб чувствовать: позади—вечность, впереди—вечность. А в спешке прошлого века человечество утратило это чувство».

Мы, земляне XXI века, восстанавливаем его в себе неспешным ритмом жизни, народными спокойными песнями, тихходным транспортом...

«Жизнь медленная шла...»—в неторопливом полете вспоминаются эти строки. «Вздыхал о чем-то я. Чего-то было жалко. Какою-то мечтой пылала голова...»

Как дальше? Забыла. Всегда брала с собой на «Икарии» томик Блока, а тут, узнав, что по решению Сергея впервые буду участвовать в них не как дельтапланерист, а в качестве переводчицы, пришла в такое смятение, что забыла любимую книгу.

«О чем-то...» «Чего-то...» «Какой-то...» Все так неопределенно и так ясно! Жаль, что нельзя поговорить об этом с капитаном корабля: Сережа настоял на том, чтобы в полете я не отвлекала его. Искоса поглядываю на его профиль: губы, обрамленные русой бородкой, сжаты, светлая прядка прилипла ко лбу. Поправить бы, так ведь рассердится. Вдыхаю, и снова взгляд ползет вниз, к ярко-зеленому, как изумруд, морю.

Почему он не хочет, чтобы я летела на дельтаплане в этот раз? Потому что не летит рядом, как раньше? Включен в состав жюри «Икарии-2050». Боится за меня? Ну что со мной случится? Дельтапланы надежны, воздушная струя веками, нет, тысячелетиями не сесетя весной с юга на север, через Крит к Малой Азии, и полет в ней—одна радость. Да и морские суда страхуют на всем пути.

«Просто он боится соскучиться без меня»,— решаю я и снова взглядываю на этого деспота.

— Конечно, заскучаю,— ворчит он.— А волосы со лба уберу, разрешаю.

— Нет, ты невозможный человек!— кричу я.— Ты читаешь мои мысли. Это нескромно!

— Глупая!— терпеливо разъясняет он.— Я не читаю твои мысли, а просто угадываю, предполагаю, о чем ты можешь думать. А теперь молчок. Впереди Икарий.

— А я хочу облететь весь остров по кругу,— продолжаю я разговор мысленно, исподтишка поглядывая на Сережу: угадал ли мое желание?

Цикложир действительно делает разворот и плывет по кругу. Готовый к встрече икаров, остров так украшен транспарантами, реющими флагами, мигающими рекламами, что с высоты нашего полета кажется цветомузыкальным фонтаном. И музыка есть — рокот моря.

А где же памятник Икару? Сергей снижает машину, и я вижу... На поломанных мраморных крыльях безжизненное тело мальчика, и только голова силится приподняться. Взгляд — удивленный, растерянный — устремлен ввысь, к солнцу.

На Крите Икар не такой. Сережа угадывает мое желание поскорее попасть на Крит и разворачивает машину навстречу могучему воздушному потоку.

С незапамятных времен этим потоком пользовались перелетные птицы, возвращаясь домой, на Север. Потом о потоке догадался Икар. Вернее, его отец, изобретатель. Этот воздушный поток помог им бежать из неволи. И только через четыре тысячи лет догадались использовать его могучие силы мы, дельтапланеристы.

Зная историю, согласишься с Сергеем: позади у нас — вечность, впереди — вечность. И надо жить так, чтобы никогда не забывать об этом.

Ловлю благодарный взгляд Сергея. Опять прочел мысли? С деланным вниманием оглядываю знакомую кабину: экран, показывающий положение машины в воздухе, несколько приборов. Наверное, не таким представлял свое «воздушное судно вертикального взлета» его творец — Александр Лодыгин, создатель электролампочки. Должно оно было работать на электродвигателях. А Сергей придумал оригинальные экономичные аккумуляторы. И цикложиры «Лодыгин-1», а потом и «Лодыгин-2» поднялись в воздух — бесшумные и величественные.

Над смотровым окном висит мое фото. Глаза вытарашены — удивляюсь чему-то. Веснушки на вздернутом носу. Такой я была в день знакомства с Сергеем, после первого полета с Ай-Петри. А удивилась тому, что встретил меня внизу, в Мисхоре... только что проводивший в полет инструктор! Оказалось, он обогнал меня на какой-то странной машине — цикложире. С тех пор мы вместе.

Вот и Крит — гряда синих гор среди голубого моря. Первое, что видишь, — памятник на скале. Статный юноша с крыльями за спиной занес ногу над бездной. Еще шаг — и поплывет по воздуху человек-птица.

До сих пор спорят, на каком острове памятник Икару лучше. А я часто думаю о другом: почему памятники ставят только Икару, а не

творцу крыльев Дедалу, изобретателю и парусов, и многих инструментов, и клея? Почему такой неблагодарностью платит человечество истинному творцу? Я часто пересказываю мифы о Дедале Серее. «Мечтательница!—смеется он.—Тебя слушаешь, и кажется, что ты сама жила в XV веке до нашей эры, когда и легендарный Дедал». «Не я, а наши предки,—парирую я.—Пеласги, по-древнегречески «пеласгой», в разные времена живали и на Днепре, и в Малой Азии, и в Греции, и в Италии... То менялся климат—в середине 2-го тысячелетия до нашей эры на Днепре был долгий период страшных засух; то приходили другие племена. В Причерноморье, где жили племена трипольской культуры, во 2-м тысячелетии до нашей эры вторглись с юга носители ямной, а потом и срубной культур. Многие трипольцы гибли в схватках или уходили в другие края, а оставшиеся ассимилировались. Мешались языки, боги, менялись названия народов... Оттого так много синонимов в нашем языке. Страшно интересна древняя история, потому я и пошла на отделение древних языков филологического факультета».

... Знакомый пятачок посадочной площадки запружен аппаратами вертикального взлета, в основном геликоптерами, но есть и орнитоптеры. Какой-то махолетчик парит в воздухе и кричит с выси: «Сергей! Ольга! Чао!» Ну, ясно—Марсель. Отчаянный парень с усами мушкетера. Первым перелетел Атлантику на орнитоптере собственной конструкции.

Мы ждем, пока приземлится Марсель и, отстегнув крылья, подойдет к нам. Обнявшись, идем втроем к столу жюри—беломраморному, треугольному, как крыло дельтаплана.

— Наконец-то,—ворчливо встречает нас Ричард, председатель жюри, экс-чемпион Европы.—Мы с Куртом уже заждались.

Он еще больше-поседел, Ричард, за два года, что мы не виделись, а Курт все такой же рыжий и конопатый мальчишка, хотя ему, должно быть, под сорок.

Марсель шутливо кланяется им в пояс, прося сменить гнев на милость, и вместе с ним кланяется какой-то старичок с кифарой на груди, но кланяется истово, всерьез, что-то невнятно и взволнованно бормоча и указывая на фигуру шагающего в бездну Икара.

— Вы кто?—вопрашает Ричард.—Да перестаньте кланяться, черт подери!

Марсель открывает рот от удивления, замечая рядом странного старичка, и, как девушка, всплескивает руками: «О ла-ла! Откуда это чудело? Оно тоже хочет лететь?»

Старик махонький, как подросток, ветхий хитон пузырится на ветру, кажется, легонькое, слабое тело вот-вот унесет в воздух.

Старик продолжает что-то бормотать, умоляюще глядя на Ричарда.

— Да на каком языке он говорит?—раздражается тот.—Сергей, включи свою «Дружба».

Сергей идет к аппаратуре, нажимает клавишу, а мы надеваем обручи с наушниками: «Дружба» синхронно переводит с современного греческого на большинство языков мира, а изобрел ее, между прочим, мой Сергей!

Но и в наушниках непонятный для всех говор. Я одна, наверное, понимаю, что говорит старик, и это просто невероятно!

— Оля, на каком языке он говорит?—тихо спрашивает Сергей.

— На древнегреческом, эолийском, догомеровском. Он рассказывает о Дедале и Икаре, о строительстве нового дворца в Кноссе, а это XV—XIV века до нашей эры!

— Это остроумно!—хохочет Марсель, принимая слова старца за шутку.—А нет ли за спиной старикашки прекрасной элинки Елены или хотя бы ее служанки?

— Прекрасная Елена и Троянская война были позже лет на двести,—уточняю я.—Но, Сережа, кроме меня, рассказа старика никто не понимает!

— Аппаратуру можно настроить на древнегреческий,—решает Сергей.

— Айн момент, гроссфатер!—пытается объяснить с гостем из прошлого Курт, помогая себе жестами и мимикой.

Тот кивает и с любопытством озирается. Долго смотрит на памятник Икару, сокрушенно и жалостливо качая головой, потом обводит глазами членов жюри за столом, Сережу и Курта, колдующих над «Дружкой», и оборачивается ко мне. Ясный, пронизательный взгляд изучает мое лицо, светлеет, будто старик припоминает что-то.

— Ты Заряна?—спрашивает он, шагнув ко мне.—Ты Заряна!—увердительно повторяет он звонким голосом.

— Нет, я Ольга!—пугаюсь я и отступаю к Сереже.

— Ты Заряна! У тебя глаза, как тронутые осенью листья—зеленые, с карей крапичкой в левом. Ты Заряна! Мне рассказывал о тебе Дедал.

— Я не знаю никакого Дедала! И вот мой муж!—кричу я и бросаюсь к Сергею, хватаю его за руку.

Тот, обняв меня, объявляет:

— Готово! Попроси старика говорить.

— Дедал летел к тебе. Он искал тебя, а ты искала его,—звенит старик, и эти слова уже понимают все.—Я спою тебе о Дедале, пусть слышат все! Я расскажу все, как было.

Сережа удивленно взглядывает на меня, а я... я опускаюсь на траву у стола жюри. Мое тело стало непомерно тяжелым, я вслушиваюсь в слова старика, силясь вспомнить далекое, полететь туда... Как сквозь туман, вижу убегающих жужелиц, сухую былинку, на которой качается кузнечик...

Тихий дребезжащий звук кифары раздается в тишине, перерастает в рокошущий и величавый.

— Я расскажу вам, дети, правду о том, кто построил первые крылья. Это было так давно, еще до осады Трои, и потому, видно, люди забыли того, кто так много славного сделал для них, и несправедливо поют славу другому.

Сережа опускается на траву рядом, берет меня за руку. Зачем? Меня уже нет здесь! Отпрянула. Отняла руку. Я словно падаю в пропасть—в вечность, что позади.

Дедала разбудили звуки кифары во дворе: то юный аэд пробовал струны. Полусонный взор скользнул по бревенчатым стенам и замер

на падавшем в отверстие крыши снопе света, в котором хороводились танцовщицы-пылинки. Их пляска заставила вспомнить сон—он опять летал! Над морем. И опять, как и в прошлые ночи, его догоняла черная хищная птица, больно клевала обнаженное тело, а он не мог не то что ударить—отогнать, потому что должен был махать крыльями, чтобы не упасть в море.

От птицы несло едким мышиным запахом, и это больше всего досаждало Дедалу. Знакомый запах... Запах спальни Пасифаи под утро, ее огненно-красного ночного хитона, ее смуглого ненасытного к ласкам тела.

...Вставать не хотелось. Он то зажмуривал глаза, решая снова пуститься в путь—за другим, хорошим сном, то сквозь ресницы наблюдал пляску пылинок в световом колодце.

Аэд, словно почувствовав, что Мастер проснулся, запел.

— Кто не знает великого Дедала из Афин?!

Дедала знают басилеи и фараоны, свободные граждане и рабы, потому что кто, как не он, построил великолепные дворцы в Греции, Египте и теперь здесь, на Крите! Кто, как не он, смастерил волшебные самодвижущиеся автоматы в египетских храмах? Кто, как не он, изваял замечательные скульптуры!

Дедала знают мореходы и купцы, потому что кто, как не он, изобрел паруса и мачты и теперь долгий путь к Данепру и дальше—к Гиперборейскому морю—за желтым теплым янтарем стал короче!

Дедала знают атлеты, потому что кто, как не он, много раз первенствовал и в состязаниях на колесницах, и в силовых упражнениях, вмиг переламывал, юак жерди, бронзовые мечи! Кто, как не он, мог на охоте ударом кулака в голову свалить вепря!

Дедала знают строители всей Земли, потому что кто, как не он, изобрел прекрасные инструменты—коловорот, который просверливает каменные глыбы, и резец, что их обтачивает, и отвес, и рубанок, и набор топоров, а еще пилы и долота...—продолжал петь аэд.

Дедал усмехнулся: пилы и долота изобрел не он, а его племянник и любимый ученик Гал. Но что поделаешь с людской молвой? Во все времена приписывали народным кумирам и чужие заслуги.

— Дедала знают и любят боги,—громче, чем раньше, зазвенел кифарой аэд, готовя торжественный финал гимну,—потому что кто, как не он, уже при жизни стал столь славным, столь знаменитым!

— Любят боги!—горько покачал головой Дедал.—Любят боги! Тогда почему они допустили тот страшный роковой удар? И на Дедала—искусника и изобретателя, ваятеля и зодчего—легла мрачная тень убийства?!

Он крепко зажмурился, отгоняя видение—любимый ученик в объятиях кокетливой жены Дедала, его испуганное лицо и ее—насмешливое, вызывающее... Он тогда ударил, ударил кулаком в лицо, и его рука, привыкшая иметь дело с камнем, даже не ощутила боли. О, как зарыдал он тогда, увидев бессильно упавшее тело любимого ученика! Как он хотел вернуть назад ушедшее мгновение...

Дедал застонал, стиснув лицо ладонями. Тогда он поддался

животной ярости только на миг, и вот удален на годы от родины, от друзей...

Звонкий голос аэда умолк. Видно, он ждал, что хозяин выйдет на крыльцо и похвалит.

Длинный гимн сложил аэд во славу Дедала, но почему в нем не было ни слова о том убийстве?

Обеспокоенный этой мыслью, Дедал вскочил с узкого ложа. Обнаженный, вступил в столб света и тепла, стоял, раскачиваясь, высокий, статный, тонкий в поясе — юноша, да и только, если бы не серебро в русых кудрях, если бы не глубокие складки от крыльев носа к углам рта.

Почему аэд умолчал об убийстве? О нем же знают все... И Минос, давший ему убежище, вволю наслушался укоров.

Накинув рабочий хитон, он звонко прошлепал по глиняному полу в завешенный пологом угол. Там, на темном полу, распластались огромные пестрые крылья — для Дедала и поменьше — для Икара.

Кожаные крепкие ремни плотно обхватили пояс и руки Дедала, он пошевелил ими. Хорошо! Осталось закончить аппарат, который сможет поддерживать крылья в струе воздуха, — и прощай, Минос! Прощай, Пасифая! Прощай, неволя! Ах, Икар, если бы ты хоть

чутьочку был похож на искусника Тала! Если б ты хоть чутьочку мог помочь отцу! Давно были бы готовы крылья...

— Приветствую тебя, певец!—хрипло поздоровался Дедал и откашлялся, чтобы показать—хрипит не от волнения, а от сна. Он стоял на резном деревянном крыльце в запачканном клеем и глиной хитоне, подперев бока, и аэд, шагнув ему навстречу из тени могучего тиса, восхищенно произнес:

— О, Мастер, если бы я был, как ты, ваятель, я бы воплотил тебя в камне, но я аэд, и я пою о тебе.

Дедал поморщился, сбежал с крыльца. Словно стараясь скрыться от палящих лучей весеннего солнца, быстрым шагом пересек двор, вошел в тень тиса, где готовили утреннее застолье слуги, и пригласил:

— Садись, аэд, поешь, набирай силы.

Того не нужно было уговаривать: после долгого заточения в темницах Миноса он испытывал волчий аппетит и лишь усилием воли заставлял себя есть медленно, пристойно.

Овечий острый сыр, густая пшенинная каша с молоком, жареная птица и блюдо янтарного винограда с малым пифосом легкого вина—разве еда для двух крепких мужчин? Вскоре стол был пуст, и слуга смел крошки с досок метелкой.

— Длинный гимн ты сложил в мою честь, спасибо,—начал Дедал и улыбнулся, но серые глаза были невеселы, и аэд, заметив это, вскинул голову, отчего рассыпались по плечам желтые, как пшеница, кудри,—он весь внимание!

— Длинный гимн,—повторил Мастер.—Ты все знаешь обо мне, я много рассказал тебе, даже сокровенное. Так почему не сказал о причине изгнания из Афин? Разве забыл об этом?

— Не-е-т,—помедлив, протянул аэд.—Но это не для гимна.

— Разве у вас, аэдов, есть законы, по которым в гимне разрешается утаить правду, если она горька?

— Законов таких нет,—медленно проговорил аэд.—Но ты спас меня из темницы. Я не могу петь о тебе дурное.

Дедал тяжело налег на стол, так, что спина сгорбилась, плечи поникли.

— А если бы я не спас тебя, что бы ты пел? Что бы сказал об... убийстве?—с трудом разлепив губы, выдавил Дедал.

Певец встал, словно провинившийся ученик. Не зная, куда деть руки, тронул струны кифары, те жалобно дзенькнули, и Дедал вздрогнул.

— Наверное бы...—начал, еще не зная, что скажет дальше, аэд и вдруг, взглянув на притихшего Дедала, на его ссутулившуюся, будто ждущую удара спину, вдохновенно заговорил:—Но ведь всем понятно: главное—твои заслуги, Дедал! Твои изобретения, которыми будут пользоваться благодарные потомки долгие века и петь тебе хвалу!

И певец, довольный тем, что нашелся, что сказать спасителю, уже уверенно тронул струны.

— А если не славу, а хулу?—тихо выговорил Дедал, но аэд уже не слышал—он пел гимн Гелиосу, озаряющему и согревающему все живое.

...Его бросили в темницу за песню о страсти Пасифаи к быку. В ней были насмешки не только над царицей Крита, но и над ее хитроумным супругом Миносом, что объяснил народу столь странное увлечение Пасифаи вмешательством богов: четвероногий избранник царицы, мол, не кто иной, как священный бык самого Посейдона, а любовь к нему внушил Пасифае—дочери Гелиоса!—сам Аполлон!

Если б не Дедал, просивший Пасифаю, а через нее Миноса за юного аэда, сидеть бы тому до скончания века в темнице, которых немало в подземельях нового Кносского дворца. Кто-кто, а Дедал знает, каково там узникам,—сам строил. Правда, застенки—по указанию Миноса. По его же распоряжению—лабиринт для несчастного плода любви Пасифаи—Минотавра, человека-быка, что теперь мечется в запутанных ходах подземелья и, не находя пути на волю, страшно ревет от безысходного гнева. И от этого рева содрогаются не только критяне, но и мореходы далеко от острова. Они и пустили страшный слух: мол, тех семерых юношей и семерых девушек, что Афины принуждены ежегодно присылать Миносу для обучения ремеслам, на самом деле пожирает Минотавр.

...Аэд на высочайшей ноте закончил гимн Гелиосу, а тот, будто все слышал в поднебесье, появился из-за тучи, и загорелись золотом волосы аэда, ресницы синих глаз и пушок на румяных щеках.

— Тебе не понравился мой новый гимн, Мастер? Ты мрачен!—участливо спросил певец.

— Я в неволе, аэд, она не лучше твоей темницы. Разве я могу быть счастливым?

— Но Минос так чтит тебя!—удивленно воскликнул певец.

— Пой,—попросил Дедал.—Пой. Ты хорошо поешь...

Но к звонким звукам кифары примешался пронзительный скрип, будто стая чаек противно запищала над домом. Первым уловил его аэд, тонкая рука замерла на струнах, румянец спал.

— То обоз от Миноса,—вслушавшись, успокоил его Дедал.—Экономят оливковое масло слуги базилея—не смазывают этих новых тележек—четырехколесных, ведь у каждой на два колеса больше!—пошутил Дедал.

— Обоз?

— Да. Минос посулил богатое вознаграждение за строительство дворца, к тому же сегодня срок выдачи содержания на неделю. Тим, разбуди Икара,—обратился он к старому слуге.—Скажи, подарки от Миноса прибыли. А вы отворяйте ворота,—бросил он другим рабам.

— Господин, подать парадную одежду?—вернулся с дороги Тим.

— Не надо,—усмехнулся Дедал, оглядев свой рабочий хитон.—И так хорош.

В распахнутые ворота уже въезжала нарядная колесница, управляемая молодым возницей. В ней важно восседал эконом базилея. Разгоряченное от зноя и вина лицо под белой широкополой шляпой пылало жарче его пурпурного плаща, и Дедал чуть заметно усмехнулся. Подбежавшие рабы приняли коротконогую эконому на руки и опустили наземь, как драгоценный сосуд. Дедал, встав из-за стола, шагнул навстречу, вежливо наклонив голову.

Эконом, подняв багровое опухшее лицо, торжественно произнес:

— Великий базилей Минос, законодатель и правитель, жалует тебя, Дедал, потомок Эрехтея, сына Земли...

И далее монотонным голосом он стал перечислять дары, указанные на глиняных табличках.

А рабы, согнувшись не столько от тяжести груза, сколько от страха перед стимулосом—плеткой надсмотрщика, прохаживавшегося тут же, суетливо таскали с повозок то кожаные мешки с деньгами—полуторапудовыми медными слитками в виде шкуры быка, то глиняные, ярко раскрашенные пифосы с медом, ячменем, пшеном, горохом, узкогорлые сосуды с вином, уксусом, оливковым маслом, то стопки керамической посуды и самой дорогой—оловянной.

Икар, выбежавший на крыльцо, с взлохмаченной русой гривой до пояса, с заспанными глазами—серыми и круглыми, разочарованно провожал взглядом дары, пока не увидел ларец.

— Дай сюда, раб!—вырвал он подарок из рук пригнувшегося чернокожего, заглянул внутрь.— Отец! Ожерелье из желтого камня с Данепра!

— Возьми себе,—досадливо махнул рукой Дедал и отвернулся, увидев, как сын опрометью побежал в дом, конечно к зеркалу. Теперь будет любоваться собой в его бронзовой глади.

— Ах, Икар, Икар! И в этом ты похож на франтиху-мать! Наряды, украшения. Когда же дело?

А рабы все несли поклажу—связки вяленой рыбы, копченые окорока, сыры. Живи, ешь, пей—и строй.

Ничего не пожалел Минос для Дедала. Одного не дал—воли.

...Давно уже затих пронзительный скрип колес, осела пыль у ворот, а Дедал все стоял под тисом в той же напряженной позе, наклонив голову, будто все слушал маленького эконома.

— Как чтит тебя Минос!—тихо пропел аэд над ухом и смешливо прищурился.

«А, так он, верно, знает о Пасифае?—подумалось Дедалу.— И осуждает, хотя слагает мне гимны, а ей хулу».

Эта догадка обожгла сердце, он скользнул взглядом мимо аэда и прошел в дом. Тиму он приказал никого не впускать, а Икару не устраивать во дворе любимых его сердцу состязаний: «Мне нужна тишина. Буду работать».

Он весь день провел в мастерской, и к вечеру аппараты для крыльев были готовы.

Страшную усталость не сняла даже вечерняя прохлада, пришедшая на смену палящему зною. Он встал в струящийся через крышу столб воздуха. В квадрате смарагдового неба мигали, словно слезились, три звездочки, как тогда, десять лет назад.

— Заряна! Где ты?—вырвался крик. Как же сильна память человеческая, и как больно ранит через годы...

Гиперборейка с далекого Данепра, как живая, встала перед глазами. Рыжие кудри до пояса, стянутые бронзовым сверкающим обручем—венком, венком, отчего и зовут еще гиперборейцев венетами. Вытянутые к вискам зеленые глаза с карей крапинкой в левом, будто листики березы, тронутые осенью. Горькая усмешка в пухлых губах... Хороша была данепрянка! Но Дедал был женат. На самой

красивой женщине Афин, как считалось, и на самой легкомысленной, как уже знал Дедал.

Но тогда, на острове Делос, где он осматривал храм, посвященный новым богам — Лето, Артемиде и Аполлону, — увидев приносящую дары данепрянку, он забыл о жене и сыне. Как замороженный, пошел за нею. А она, легко ступая, словно летела к морю, и холодный ветер с севера — бора — бил ей в лицо, развевая кудри. Он видел, как она села на камень у берега, но не решался подойти, пока не услышал её плач.

— Ты что плачешь? Кто тебя обидел? — вскричал Дедал, готовый тут же наказать обидчика.

— Я плачу о тех, кто остался там, на Данепре. Мать, отец, сестры и братья, весь мой народ.

Дедал знал печальную историю данепрянцев. Многие годы в их крае почти не выпадали дожди, иссохли посевы и пастбища. Многие племена уходили в другие земли — кто далеко на восток, кто в Малую Азию или за Данай-Истр, кто на острова Эгейского моря. Здесь на островах, их долго не хотели принимать, и странствовали они, прося пристанища, пока не сжалились над плачущими женщинами и детьми жители острова Астерия, как раньше назывался Делос. Здесь, по уверениям жрецов, Лето, дочь титанов Кэя и Фебы, родила от Зевса близнецов Артемиду и Аполлона, здесь им построен храм.

— Это наши боги, — возразила Заряна, как звали девушку с Данепра, услышав рассказ Дедала. — Лето — это второе имя нашей великой матери Лады.

Прозвища ее детей — Леля и Полель, но Леля еще и Дана, потому что дает животворную воду, ее реки — Данай, Данепр Данестр. А Полель — Аполлон — дарит свет.

Дана в давние времена разгневалась на наш народ, иссушила реки, родники и озера. Может быть, за то, что наши мужчины по примеру пришельцев с юга стали чтить Стрибога-Перуна, Белеса и других богов, забывая о Лето и Дане. И наше племя решило спастись от гибели — самые сильные из нас ушли, унеся с собой Лето, и поселились на Делосе.

... Дедал знал, что в здешнем храме хранится грубо обработанный деревянный идол Лето, в котором по вере родичей Заряны воплощена великая богиня-мать.

— Но наши девушки с Данепра каждую весну привозят сюда дары Дане, Леле и Полелю и остаются здесь навсегда служить им. В этот раз жребий пал на меня, — тихо жаловалась Заряна. — Мать радовалась, что я уйду от беды и выживу здесь. Но мне не нужна такая жизнь! Там, на Данепре, остались те, кто скорее умрет, чем оставит землю предков. И я хочу вернуться к ним. Помоги мне выбраться отсюда, Дедал!

— Но там голод и мор. Там опустели селения.

— Они выживут! Ты чувствуешь, какой холодный ветер дует с севера? Это наша бора! Оттого вы и прозвали нас гиперборейями, хотя у каждого нашего племени свое имя. Но сколько наших, придя в другие земли, забыли свой язык, а дети уже не знают, в какой стороне родина. А я не могу забыть! Мне плохо здесь, Мастер!

— Подожди, — нерешительно сказал Дедал. — Я подумаю, как это

сделать. Ведь жрицы не отпустят тебя... Значит, бегство? Одной бежать опасно.

— Тогда я буду ждать, Дедал, когда ты придумаешь, как мне бежать. -

— Только я съезжу в Афины—мне надо закончить там дела. И скоро вернусь.

Он видел, как повеселела Заряна, как исчезла горькая складка у губ. А какие чудесные песни своей родины она пела ему! А когда он не понимал слов, переводила и заставляла повторить и запомнить. Влюбленный Дедал пообещал бежать на Данепр вместе с Заряной.

...Чисто звенел ручей в темноте, опьяняюще пахла лаванда, а Заряна доверчиво спала на плече Дедала, разметав по груди любимого пышные кудри.

О, как в этот миг мечтал он о том, чтобы его сумасбродная супруга сама ушла от него к другому и освободила его! Но она хитра—она не уйдет, потому что лучи славы Дедала падают и на нее, и кто знает, добивались бы ее так мужчины, превозносили бы над другими красавицами, если бы она была, скажем, женой неизвестного шорника или повара?

Тяжелый вздох готов был вырваться из груди Дедала, он, сколько мог, сдерживал его, чтобы не разбудить Заряну, и все ж он вырвался; стонущий вздох, и Заряна, очнувшись, быстро и мягко провела теплой ладонью по его лицу:

— Что тебя мучает, милый? Строгие нравы Афин? Так скоро мы будем далеко! Будешь строить города у нас... Ты же веришь, что выживет наш народ!

— Но ваши города деревянные! Недолговечные. Что останется от них через столетия? А я строю из камня—на тысячи лет,—ответил Дедал, тайно обрадовавшись, что пылкая данепрянка сама перевела разговор с опасной темы на строительство.

— Да, много у нас дубрав, и любим мы в жилье запах дерева, смолы. И наши мастера красиво строят! Над входом в дом—Ярило-Солнце, а на крышах и стенах—резные птицы Сирина и русалки—спутницы Даны. Но и камень у нас есть—белый.

— Нет, милая,—уже освободившись от плена ласк, твердо проговорил Дедал.—Я должен еще много построить здесь. А долг для мужчины превыше всего. И потом у меня сын.

Ничего не ответила данепрянка, только отпрянула, как от чужого, тряхнула кудрями:

— Ну, пора расставаться, Дедал, знаменитый Мастер.

И пошла легкой поступью от него, не оборачиваясь. А наутро он уезжал в Афины, и казалось, рвется из груди сердце к Заряне, будто предчувствует, что горькой будет разлука, что не найдет в себе сил Дедал пережить свою жизнь.

Но вот чудеса: после Заряны его больше не трогало кокетство жены с другими, и даже когда она, убедившись в этом, разгневанная его равнодушием, стала изменять открыто, уколов ревности не чувствовал.

Та вспышка, что вызвала роковой удар, не ревность к Талу, не зависть, а скорее кара за измену общему делу.

...Три звезды в проеме крыши мерцали, словно источали слезы, как в ту давнюю ночь у ручья, на Делосе. Если ему удастся вырваться из неволи, все дороги приведут туда.

— Жди меня, Заряна!—прошептал он звездам.

Спать не хотелось. Он подлил масла в светильники, сразу в четыре, и при их ярком свете, при веселой пляске бликов по стенам—бревенчатым, как вся усадьба Дедала, в память о данепрянке—взялся за глину. Руки сами размочили сухой комочек в воде, размяли, что-то стали лепить... Дедал часто, задумавшись, не ведал, что делали его пальцы. Они словно жили сами по себе. На этот раз из бесформенного куска вырисовывалась голова быса с неистово ощеренной пастью, и ночную тишь сотряс яростный рев... Дедал, вздрогнув, смял глину, но рев продолжался, сотрясая густую, душную темь критской ночи. То не спалось несчастному сыну Пасифаи—уроду Минотавру. За этим мог последовать стук в дверь—Пасифая, проснувшись от рева, могла вспомнить о Дедале...

Мастер с яростью швырнул комок глины в угол, рухнул с размаху на жесткую скамью, служившую ложем, сдвинул уши ладонями. Но рев пробивался и сквозь них. «О-о! О-о!»—трубно стонал несчастный, жалуясь всему свету на проклятый жребий, и этот стон странным образом действовал на Дедала, оживляя лицо Пасифаи—смуглое, с карими огромными глазами—в половину маленького треугольного лица. Небольшая головка на крупном, начинающем полнеть теле кивала ему, руки жадно тянулись... В Дедале, как всегда при воспоминании о Пасифае, взметнулась смесь чувств—ненависти, раскаяния, желания...

От громкого стука в дверь он вскочил, встревоженный, напрягшийся.

— Мастер, госпожа зовет тебя!—знакомо рыкнули за дверью.

Медлительный Тим, конечно, опять не успел предупредить хозяйина, пропустил стража Пасифаи и теперь плелся следом.

— Иди. Я приду сам,—крикнул Дедал и поспешно сорвал рабочий хитон.

Рев стих, но тишина не пришла—навалилась. Слышен стал дальний рокот моря.

— Тим, подай другую одежду,—тихо попросил слугу, отводя глаза.—Новый синий хитон.

Узкие улочки скоро вывели его к новому дворцу. Даже в темноте было видно, как огромен построенный им лабиринт. Двустрой секирой—лабрисом—священным предметом для критян распластался вдоль моря, темный сейчас и безмолвный. Только на втором этаже не спали—слышался жалобный плач, то, видно, юная Ариадна проснулась от рева брата, и ее доброе сердце разрывалось от жалости к нему.

Дедалу нравилась Ариадна, милая, улыбчивая. Он даже подарил ей игрушку—клубок удивительно тонких и крепких нитей: как ни дергай, не порвется, а нитей в клубке столько, что хватит опоясать весь город.

Дедал ускорил шаг. Знакомая калитка в саду отворилась без скрипа, ковры на мраморных ступенях и в коридоре заглушили быстрые шаги, ноздри раздулись от щекочущего запаха благовоний—Пасифая ждала.

— О-о, как ты до-о-олго!—простонала она, привстав с пухлого ложа и протягивая руки. Огненные отсветы единственного светиль-

ника ласкали ее смуглое тело, окрашивая в цвет красной бронзы, дрожа, пробегали по оранжевому, как костер, покрывалу, и Дедал, ответно протянув руки, шагнул к этому костру...

— Ты любишь меня, Дедал?—спросила Пасифая, возложив голову, как когда-то Заряна, на грудь Дедала.

— Недостойно мужчины говорить о чувствах,—кашлянув, заученно ответил тот.—Но я здесь, с тобой, по первому твоему зову!

Пасифая улыбнулась, на миг успокоенная, но вскоре снова подняла голову в тревоге:

— Но почему ты так молчалив? Ты скрываешь что-то? Я делаю все, что ты попросишь: заставляю Миноса доставать для тебя нужный камень и металл, нанимать лучших ремесленников, покупать самых сильных рабов-камнерезов, освобождаю пленников и даже преступников, как этого клеветника—аэда! А ты скрываешь от меня свои мысли и дела! Ну, хочешь, стану твоей женой, если умрет Минос? Он так болен!

— Нет!—вырвалось у Дедала.

— Что-о?

— Я сказал—нет, я не хочу, чтобы умирал Минос—это мудрый правитель. А я—я всегда буду с тобой по первому зову.

— Поняла тебя, Дедал!—Глаза Пасифаи сузились, превратившись в темные сверкающие щелочки. Треугольный подбородок задрожал.—Ты не любишь меня!

— С чего ты взяла?— принялся успокаивать он, отвлекая ее поцелуями, и преуспел в этом.

Но перед уходом он обернулся, и его обжег ненавидящий взгляд.

Дедал медленно ступал по дорожке сада, встревоженный разговором с Пасифаей, когда увидел прогуливающегося Миноса.

Правитель еще издали улыбался.

— Догадывается или знает о нас с Пасифаей?— кольнула тревога.— Скорее всего догадывается, но не хочет терять хорошего мастера. Наложниц у него предостаточно, а Пасифая к ним не рвнует.

Дедал почтительно поклонился, Минос милостиво кивнул в ответ, растянув в улыбке толстые губы.

— Выискиваю недоделки,— объяснил свое появление в саду в столь ранний час Дедал и, не решившись взглянуть в глаза, уставился на красный, в белых точках угрей нос Миноса.

— Похвально, Мастер. Я вот тоже осматриваю сад, но пока доволен—все превосходно, а статуи твои великолепны!

Правитель поднял голову, разглядывая ближайшую Дедалову работу. Древнее божество луны и воды у гипербореев-данепрян и амазонок, а теперь у критян—великая Дана, с руками, обвитыми змеями, стояла, задумавшись. У нее были вытянутые к вискам большие глаза и горькая усмешка в углах пухлого рта.

— Пришлись ли по вкусу мои дары?— осведомился Минос.

— Благодарю за них. Но лучшим даром была бы для меня поездка на материк. Ненадолго.

— Куда? В Афины ведь тебе нельзя!— притворился непонимающим Минос.

— Нет, не в Афины. В Малую Азию, в Трою, на Делос. Там много данепрянцев, они прекрасно строят из дерева, я хотел бы посмотреть.

— Никто и нигде не может строить лучше Дедала,— отмахнулся Минос.— Я никуда не отпущу тебя.

Это было сказано твердо.

...Дедал застал дома обычную картину. Икар, узнав от Тима, что отца нет, затеял состязание по стрельбе из лука. Пятеро сверстников, выстроившись в ряд, метали стрелы в ствол молоденького кипариса, а гурьба девчонок, рассевшись по скамьям вдоль частоккола, рукоплескала каждому меткому выстрелу. «Ну конечно, Икар без публики не может».

— Сын, попрашайся с друзьями. У меня к тебе дело,— сурово проговорил Дедал.

Икар снял бронзовый сверкающий шлем с перьями, вытер пот с лица.

— Но, отец...

— Жду тебя в мастерской,— поднял руку отец в знак того, что не собирается обсуждать свои решения.

Вскоре в мастерскую вошел понурый Икар и замер на пороге, подперев косяк плечом. Светлые длинные—до пояса—волосы, разделенные по критской моде на пряди, оплетенные тонкой тесьмой, закрывали полкорпуса—так худ и мал был Икар.

— Подойди сюда, сын. Видишь крылья? Они помогут нам вырваться на свободу.

— Это крылья? На них можно летать? Ой как интересно!—

вскричал Икар.—Если бы полететь над Кноссом, чтобы все видели!

— Нас никто не должен видеть,—оборвал Дедал.—Мы скрытно пойдем в горы и опробуем крылья. Потом оставим их там до полета. Если об этом хоть одна душа узнает, нам несдобровать. Слышишь? Хоть единая душа! Запомни!

— Запомню,—повторил испуганный Икар.—Но разве нам здесь плохо, отец?

Жалость пронзила сердце Дедала. Он привлек сына и, поглаживая по плечам, растроганно сказал:

— Ты вырос в неволе, Икар. Ты плохо помнишь родину и совсем не знаешь, что такое свобода. Но ты узнаешь и тогда поймешь, какое это счастье—быть свободным! А сейчас просто слушайся меня, ладно?

Кто-то поскребся в дверь. Дедал, оставив Икара, рванулся к ней, беспокойно оглянувшись на крылья.

— Кто?

— Господин, плохие вести!

— Тим? Входи.

— Господин,—на побледневшем лице Тима проступили желтые веснушки.—Прибежала Тая, что в прислугах у Миноса. Она слышала, как госпожа Пасифая просила базилея заточить тебя в подземелья лабиринта. Она боится, что ты задумал побег. Правитель сказал: «Хорошо, завтра».

Дедал увидел, как крупными каплями пота сразу покрылось лицо Икара, и еле успел подхватить падающее легкое тело.

— Воды! Дай скорее воды,—крикнул он Тиму.

— Полежи здесь,—сказал он сыну, когда тот очнулся.—А ты, Тим, запрягай мула.

— Но Тая хочет проститься с тобой. Она плачет.

— Нет времени, Тим, да и лишнее это,—качнул головой Дедал.

Через час из усадьбы выехала непомерной ширины тележка, которую лениво тащил коротышка мул. Упрямец подгоняли трое рабов в серых грубых хитонах. Стража, охранявшая дорогу из Кносса в покоренный Фест, а оттуда в гавань Комо, поленилась даже спуститься с вышки, и так ясно, что рабы Мастера едут в горы за глиной или камнем.

Поднявшись высоко в горы, один из рабов скинул грубый хитон и остался в широкой набедренной повязке, на которой висели топор и сосуд.

— Осторожней снимай рогожи, Тим, не повреди крыльев,—сказал Дедал.—Когда тебя спросят, ты ничего не видел, ничего не знаешь. И спасибо тебе за все!

— Слушаю, Мастер,—всхлипнул Тим.—Но... эти крылья! Выдержат ли они?

— Иди, Тим, иди. И не беспокойся,—подтолкнул его легонько к повозке Дедал.—По дороге наложи побольше хворосту на тележку.

Икар все время молчал, он даже забыл попрощаться с Тимом, а когда тот подошел к нему, ткнулся, всхлипнув, носом в плечо: Тим заменил ему в детстве няньку.

Они дождались, когда стих стук колес, и Дедал показал Икару, как надо привязывать ремни, как удобнее устраиваться в кожаном седле под треугольными крыльями и как, дергая за трос, управлять аппаратом за спиной, чтобы лететь на одной высоте.

— А если переменится ветер?—со страхом спросил Икар.

— Не переменится,—успокоил отец.—Я изучал эти ветры все годы, что жил здесь. Они дуют весной только на северо-восток, потому так быстро мореходы достигают Малой Азии под парусами. Но прошу тебя, не выходи из воздушного потока, ни за что не поднимайся выше: крылья не будут держать вне струи. Лети только следом за мной. Ты все понял?

— Все. Я буду лететь за тобой,—повторил сын. Он очень повзрослел за один день. Складка пролегла на переносице, и что-то дедаловское, напряженно ищущее появилось во взоре.

— Ну, сынок, не бойся,—весело сказал отец, подбодряя Икара.

Осторожно волоча крылья—два удлинённых треугольника, на которых была туго натянута материя с наклеенными пестрыми перьями, они прошли к обрыву над морем. Ветер здесь был так силен, что спаянные прочным клеем крылья громко затрещали.

Хрустел песок под ногами, тревожно вскричала какая-то птица, а рокот моря перебивала тихая песня ручейка.

«Заряна!—мелькнула радостная мысль.—Скоро, теперь уже скоро я увижу тебя!»

Сосуды были полны, и Дедал не позволил Икару напиться из ручья:

— Ты можешь сломать крылья.

— Позволь, отец, я обмакну лицо. Мне жарко!—взмолился юноша.

— Ты можешь сломать крылья! Над морем нам станет прохладно.

Странные аппараты за спинами зажужжали, крылья распластались в воздухе и потянули людей за собой. Дедал шагнул со скалы в ревущую пропасть, и крылья, красиво паря, понесли его вперед.

— Оте-ец! Как красиво! Мы летим прямо к солнцу!—воскликнул Икар и тоже ринулся в пропасть.

Аэд стоял в тронном зале дворца, украдкой разглядывая дело рук Дедала—розовые стены, расписанные фантастическими зверями и растениями, черные мраморные колонны, белые пифосы с маслом—светильники, погруженные наполовину в серый пол. Изображения двуострых секир на стенах. На розовом троне—Минос, на приступочке—Пасифая.

— Так ты сочинишь хулу на Дедала?—решив, что аэд не расслышал вопроса, переспросила царица.

— Я уже сказал,—простонал певец.—Я только что сочинил гимн. Его разнесут мореходы во все концы. Как я могу теперь сочинять хулу? Может быть, кто-нибудь другой?—Он умоляюще взглянул в глаза Пасифае и тут же осекся.

— Нет,—жестко усмехнулась Пасифая.—Ведь это именно ты у нас большой мастер сочинять хулу!

Аэд упрямо опустил голову.

— Ты не понимаешь самого главного, юнец,—тебя не просят! Тебе приказывают! Если завтра на празднике Дионисия ты не будешь хулить Дедала, окажешься снова в темнице, и тогда уже навсегда.

Аэд вздрогнул. Страшная картина сырого, холодного подземелья мелькнула перед глазами.

— Ну а если ты сочинишь хулу и хорошо ее исполнишь,— заговорил Минос,—мы сохраним тебе жизнь. Мы можем, например,—и он потер земляничный нос,—отправить тебя на маленький далекий остров, где есть дичь, рыба. Дадим зерна. Живи!

— Что я должен сочинить?—хрипло спросил певец.

— Что Дедал—убийца, убийца, убийца!—вскричала женщина.— И убил он ученика не из ревности, а из зависти к его таланту! Понял? Что он бесчестно обманул дочь славного Гелиоса—Пасифаю, которая лю...—она запнулась,—которая много сделала для него! Что он был развратником, сластолюбцем.

— Довольно!—взорвался Минос.—Главное не это... Он неблагодарный. Сбежал от Милоса, который дал ему приют, и потом он трус!

Аэд вздрогнул и ненавидяще взглянул на Миноса..

— Почему трус?

— Потому что он не полетел к Гелиосу, как смелый Икар. Икар—вот герой! Ты понял мою мысль, певец?—строго переспросил басилей.

— Не очень,—прошептал тот. Он стоял, покачиваясь. В пламени светильников было видно, как побледнело его лицо.

— Ты должен закончить хулу гимном отважному Икару, понял? Героем в памяти людей должен навсегда остаться он, а не отец. Запомнил?

Жалобно тренькнула кифара на груди аэда—дрожащей ладонью он прикрыл всхлипнувшие струны...

...Мореходы решили пристать к этому пустынному островку потому, что кончилась вода. Пока матросы заполняли бочонки у родника, купец, сопровождавший товар,—грузный, страдающий водянкой человек лет сорока—забрел в единственную здесь хижину.

— Давненько тут никто не останавливался,—обрадовался хозяин,—такой же седой, как гость, но тщедушный, сторбленный и быстрый в движениях. У него было иссохшее то ли от скудной пищи, то ли от солнца лицо и синие глаза, источавшие страдание.

— Могу угостить вином из дикого винограда. Немного кислото, но холодное—пифос зарыт у родника,—предложил хозяин.

— Нельзя мне,—показал на отекавшие ноги в веревочных сандалиях купец.—Только нужда заставляет пускаться в странствия—детей у нас с супругой нет.

Гость с присвистом вздохнул, оглядел убогие стены, остановил взгляд на кифаре.

— Ты что—аэд, рапсод?

— Нет,—поспешно заверил хозяин.—Это так—память.

— Сколько тебе лет?

— Много. Очень много. Может быть, сто или больше. Я сбился со счета. Боги не пускают меня в царство теней, где бы я испил воды Дети и забыл... все забыл. Они хотят, чтоб я жил и видел...

— Что ты можешь увидеть здесь? Живешь один и не знаешь, что делается в мире.

— Отголоски доходят. Слышал, что давным-давно Тесей, сын царя Эгея, убил несчастного Минотавра. Ариадна вручила ему нить,

чтобы он не заблудился в лабиринте. Слышал, погибло царство Миноса под огненным пеплом, что выбросила разгневанная Гея.

— Да, это так. Теперь ахейцы владеют Критом и собираются воевать Троию. За троянцев выступают их родичи-фракийцы с Даная и Данепра. На их стороне сам Зевс, Аполлон и Артемида. Раздоры среди людей, раздоры среди богов! Народы от войн слабеют. А с севера грозят Греции дорийцы. Тревожно!

— А что говорят о... Дедале?—тихо спросил хозяин и сцепил сухонькие ручки на груди, словно умоляя о чем-то.

— Какой Дедал? Убийца?

— Изобретатель,—робко возразил хозяин.— Парусов, инструментов. И зодчий, ваятель...

— Ну, он в самом деле что-то строил и изобретал,— усмехнулся ахеец.— Но все знают: плохой был человек. Убил ученика из зависти к его талантам. Какие-то недостойные истории с женщинами... Одна данепрянка искала его по всему свету.

— Нашла она его?—встрепенулся хозяин.

— Опоздала. Отравил его в Сицилии царь Кокалус за обиду, нанесенную дочерям: они полюбили Дедала и убили ради него Миноса, примчавшегося за ним в Сицилию. Сластолюбец!—убежденно закончил он.

Хозяин поник головой и спросил еле слышно:

— А Икар? Что говорят о нем?

— О, это герой! Остров, где он разбился, зовут Икарией, а море—Икарийским, спортивные праздники—«Икариями». Многим юношам не дает покоя слава Икара: они строят крылья, чтобы летать!

— Но ведь он погиб, не выполнив приказа отца, бедный юноша! Он просто озяб и хотел согреться в лучах солнца. А крылья построил Дедал!

— Важно ли, кто построил? Славу воздают героям, а Дедал—безнравственный человек,—раздраженно ответил купец.

— Ахеец! Пора в путь!—донеслось с берега.

— Ну, мне пора, зовут,—тяжело поднялся тот и снова взглянул на кифару:

— А что это на ней порваны струны? Что не починишь? Играл бы, пел!

— Я же сказал тебе, я не аэд и не рапсод,—тихо, но твердо обронил хозяин.—И никогда не был певцом.

...Что это? Так болит тело, каждый сустав, каждая мышца. И так трудно сделать вдох, будто совсем нет воздуха в легких. «А-а!» Чей это крик? Мой? Почему такой туман? Куда это бегут жужелицы, скакнул с былинки и шлепнулся на чью-то руку, покоящуюся на траве, кузнечик. Какая знакомая рука... Белый шрам у запястья... Сережа... Милый мой... А что это за беломраморным столом? Ричард, Курт, Марсель... Что делает здесь древний старец с кифарой в реющем на ветру ветхом хитоне... А, он хотел рассказать о Дедале...

А что это все так удивленно воззрились на меня? Потому что я кричала? У Сережи дрожат губы и тает в глазах обида.

Правда, я обидела его недавно. Или давно? Я жила на Делосе,

любила Дедала и искала его по свету... А как же Сережа, мой Сережа? Где был он?

— Мы выслушали твою песнь, аэд,—услышала я ровный голос Ричарда.—Чего ты хочешь? Восстановить истину через тысячелетия? Но мы всего лишь жюри спортивных соревнований. Что можем мы?

— Мы можем переименовать «Икарии» в «Дедалии»!—воскликнул Марсель.—Это будет справедливо. А что Дедал любил женщин, это не грех,—И он приосанился, красавец Марсель, пригладив усы мушкетера.

— Если бы рассказали правду о Дедале в прошлые времена, его бы многие простили,—перебил Марселя Курт.—Но теперь человечество возродило Любовь, Верность. Пусть Дедал гений, но он предал Любовь! Он жил, кривя душой! Как считаешь... ты, Ричард, и ты, Сергей?

— Я всегда за истину и справедливость,—ответил Ричард.—А ты, Сергей?

Сергей молчал, опустив голову.

«Что же ты, Сережа, что ты? Ты сердисься на меня за Дедала? Но ведь его любила не я, а Заряна. Давным давно. А я Ольга, и я люблю тебя. И мой Дедал—ты,—повернувшись к Сергею, молила я.—Прочти мои мысли, Сережа!»

— Я не знаю, как решить,—хрипло ответил Сергей и повернулся ко мне. О чем-то просили меня родные глаза. Еще раз повторить слова признания?

Снова вспомнились стихи:

Весна, весна, скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова...

«Я не знаю, почему во мне проснулась память Заряны,—глядя в родные глаза, думаю я.—Но я, Ольга, люблю тебя. Ты мой Дедал. И сколько ты еще изобретешь для людей...»

Но Сережа то ли разучился угадывать мои мысли, то ли осерчал.

— Я тоже за справедливость,—говорю тогда я, обращаясь к Ричарду.

— У тебя нет права голоса,—оборвал Ричард.—А придется голосовать.

Старик понял, что это значит. Рухнул на колени, тихо заговорил:

— Значит, я не смог как следует поведать вам о Дедале, раз вы не полюбили его. Да, я плохой аэд, потому что однажды предал друга, и боги отняли у меня за это дар слова. Но я так устал жить, о как я устал жить! Пожалуйте меня!

Ричард моргнул, отвернулся—проняла его жалоба старика.

— Кто за то, чтобы назвать «Икарии» «Дедалиями»?—дрогнувшим голосом спросил он.

Курт демонстративно сложил руки на груди. Марсель забарабанил пальцами по столу в явном замешательстве.

«Ну, что же вы?—хотелось крикнуть мне.—Испугались правды? Ну да, Дедал ошибался, да, убил, но он страдал! Он выстрадал прощение, как и предавший его аэд! Три с половиной тысячи лет назад... Как долго не прощает их человечество!»

Сереза, будто услышав мой безмолвный укор, повернулся, глянул понимающе.

Я подседа к нему и, обхватив руку, прижалась к плечу, как всегда.

— Так кто за «Дедалии»? Прошу поднять руку,—еще раз воззвал Ричард...

— А какими были крылья Дедала?—прерываю я Ричарда и вижу, что попала в точку: это заинтересовало всех, начались догадки, пошли споры. Все будто обрадовались, что голосование отложили, и делали вид, будто не замечают, как тихо уходит от нас старый рапсод, такой маленький и легкий, что под его босыми ногами не сминаются травы... Щемит сердце от жалости, и я кричу:

— Он уходит!

— Кто? — удивленно спрашивает Сергей.

— Аэд! Неужели мы отпустим его, не поможем?

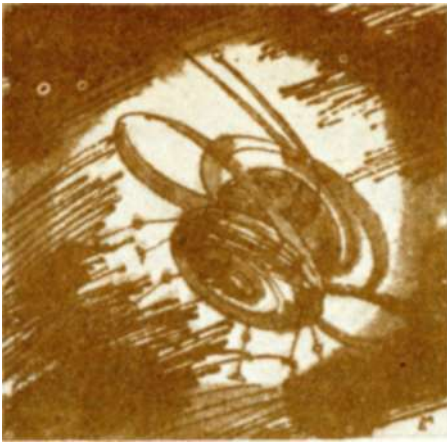
— Какой аэд? Что с тобой?—участливо спрашивает Ричард.

— Замечталась,—объясняет Сергей.— Вы же знаете, какая она фантазерка.

ВИТАЛИЙ БАБЕНКО

ДО СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА

Фантастическая юмореска

Радость—вот как мы назвали планету. А почему так назвали, непонятно. Оставалась бы лучше с реестровым индексом—ОЗТ/11/0,8—Арктур-4—и дело с концом. А то Радость! Не нарадуешься тут...

Реестровая номенклатура расшифровывается просто: ОЗТ—планета обитаемая земного типа; цифра «11» означает, что обитаемых планет по сей день нашли ровно десять, Радость—одиннадцатая по счету; 0,8—гравитационный показатель; Арктур, понятное дело, это альфа Волопаса, а наша ОЗТ—четвертая планета в системе.

Слова «не нарадуешься» относятся к тому самому моменту, как мы с Сашкой очутились в пустыне. Вообразите: жара под тридцать градусов, над головой зеленоватое небо, огромный красный шар Арктура, и во все стороны, до самого горизонта, пустыня: песок, песок, песок... Оранжевого, заметьте, цвета. Откуда песок? Почему песок? Ведь НЕ МОЖЕТ здесь быть никакой пустыни. Ответа нет...

Впрочем, начну по порядку.. Вышли мы из «игольного ушка»... так принято называть у нас прохождение через калач Баженова (по известной поговорке: «Легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть в рай»), а вернее, протискивание корабля сквозь вакуум-капилляр; кстати, отсюда и далеко не поэтическое прозвище корабля—«Верблюд»... Так вот, вышли мы из «игольного ушка» в системе Арктура, нашли четвертую планету—так значилось в задании—и легли на круговую орбиту. Эта самая Радость наша как за семью печатями: густейший вокруг нее слой облаков. Очень похоже на Венеру. Как мы ни крутились, как ни меняли наклон орбиты, «окон» не нашли.

Разумеется, принялись за инструментальную разведку. Сразу же обнаружили мощное магнитное поле, но радиационные характеристики были минимальными, зато на всех диапазонах радиоволн шум невероятнейший. Голоса, сигналы непонятные, какое-то тиканье, бульканье, воркотня, бормотанье, шепот, свист, шипение. То словно горло прочищают, то жужжат, то икают где-то. Наконец, музыка!.. Не то чтобы заслушаться можно было, но ведь музыка, трижды

прокляни и помилуй! Конечно, название сразу определилось: Радость!

Что у нас на корабле поднялось, передать трудно! Все ликуют, целуются, кричат, слов разобрать невозможно. Мы идем на Контакт! Вот уж повезет, так повезет! Вышли в свой первый стажерский полет, и пожалуйста: ЦИВИЛИЗАЦИЯ! Да еще высокоразвитая — на уровне радиоэпохи.

Видно, от радости, от упоения Открытием все мы несколько тронулись. Иначе не могу объяснить те серьезнейшие нарушения основных инструкций, которые были допущены нами в первые же часы.

Странности начались с зондирования. Первый зонд прошел облачный кокон, и на минуту на нашем большом экране распахнулся подоблачный мир — россыпь островов в безбрежном океане. Очень нам понравились эти острова. Они казались теплыми, ароматными: зелень лесов и рощ, пляжи, мягкие волны, уютные города, ласковый ветерок...

Высота зонда была порядочная — около двадцати километров; ждать, пока он пройдет глиссаду снижения, нам не хотелось, поэтому Павел, командир наш, попросил максимально увеличить «картинку». Тут-то все и кончилось. Все! «Телега» — телеметрия то есть — затуманилась, расплзлась, как гнилое тряпье, почернела, словно тлеющая бумага, и канал связи лопнул, большие и малые экраны потухли. Оглох и ослеп наш зонд, погрузился в какую-то чернильную лужу и даже «прощай!» не сказал.

Второй аппарат мы ухнули вниз с рекордной быстротой — через тридцать две секунды после потери первого. Этот расстался с жизнью еще в облаках. В ту же братскую могилу попадали и третий, и четвертый. Досадно было и ошеломительно: на пустом месте — в безобидной и дружественной атмосфере — зонды вдруг кончают жизнь самоубийством. Было у нас в запасе еще несколько серий, но поняли мы: бесполезное дело. Как быть дальше? Спускать разведчиков! Вот вам и первый промах: не разобравшись с зондами, с цивилизацией на планете, пошли на открытый и безрассудный риск. Это ведь потом обнаружилось, что зонды целехонькие покоятся на борту — в гнездах трюмного отсека, а тогда мы и понятия не имели, куда они делись. Нет, что ни говорите, а ложно понятый героизм вовсе не украшение человеческой цивилизации.

— Ребята, а вы заметили — после первого зонда весь радиэфон исчез? — вдруг произнес кто-то из телеметристов.

Мы переглянулись. Действительно, все это время эфир безмолвствовал. Что-то мы не так сделали, какие-то правила игры нарушили. Цена ошибки — четыре зонда, напичканные очень и очень дорогостоящей электроникой.

— Так... — Командир пригладил волосы, кашлянул, затем поскреб ногтем несуществующее пятнышко на пульте. Как-никак, а решение нужно было принимать ему, и только ему. — Дело, друзья мои, серьезное. Как вы знаете, жизнь наша определена и предопределена инструкцией. Инструкция нам бог и одновременно порог. Но не было и нет еще на свете инструкции, которая проясняла бы положение насчет доброй воли, исключала риск и предоставляла выбирать род смерти по желанию. Короче, кто пойдет на десант?

Пойти хотели, разумеется, все (я, помнится, удивился даже: к

чему это Паша произнес такую душеспасительную тираду?). Бросили жребий. И получилось так, что нам с Сашей—двум девятнадцатилетним стажерам Центра дальней космической навигации—выпала честь первыми ступить на поразительную планету, опрометчиво названную Радостью.

...Посадочная капсула на нашем жаргоне носит название «жук». Сходство, надо заметить, действительно немалое. Во-первых, при прохождении атмосферы раскрываются парашютирующие лепестки—совсем как жесткие надкрылья у хруща, только их шесть штук в соответствии с шестигранной формой аппарата. А после посадки—на реактивной, разумеется, тяге—выщвигаются шесть ног, и бегают такая капсула по пересеченной местности довольно резво. Места в ней—на двух исследователей. Планетологи в свое время разные прозвища давали: и «скарабей», и «танк-бегунок», и «иноходец» (тут двойной смысл был: во-первых, капсула действительно передвигается иноходью, а во-вторых, предназначена для того, чтобы ходить по иным мирам), но прижилось одно—просто «жук», и все.

Итак, мы с Сашей устроились в капсуле, проверили энергоблоки, телеметрию, управление и под традиционное «Ни пуха, ни пера!» отвалили от корабля. А как только погасили скорость, к нам снизу рванулись облака. Началось свободное падение.

...Испуга, честно признаюсь, не было. Были горячка нетерпения и ожидание сюрпризов. И сюрпризы начались! Заплыли мраком экраны—ладно, бог с ними. Замолчали динамики—и это можно стерпеть. Отказал передатчик—тоже не конец света. Но вот что самое главное: мы уже выпустили лепестки, уже прошли, судя по высотомеру, облака, а в иллюминаторах черным-черно. Это на дневной-то стороне!

Почему-то стало душно. В неярком свете кабины я отчетливо видел капли пота на лбу Александра, а мысль была—и у меня, и у него—одна: как бы в море не угодить, как бы сесть хоть на крохотный клочок суши, но шансов на столь удачную посадку было прискорбно мало. Потом погасли и лампы. Мы воззрились на светящуюся шкалу высотомера, и губы наши шевелились, повторяя показания: «Тысяча метров... пятьсот... сто... двадцать пять...» Автоматика включила мощные реактивные струи. Если сейчас извне донесется шипение—свист обращающейся в пар морской воды, значит, мы в чужом океане, при полном неведении погодных условий,—завал! Надо немедленно давать форсаж. Однако... шипения не было. Мы мягко сели на твердую почву.

Почти моментально чернила за иллюминаторами словно ветром сдернуло. В кабину хлынул червонный поток света. Вокруг капсулы расстилась оранжевая пустыня. С корабля же нам виделись веселые зеленые острова. Что за чертовщина?

Я привел в действие механизмы шести коленчатых ног и пошелкал клавишами экспресс-анализатора. Зажглись несколько табло: состав воздуха—полный аналог земного, давление—семьсот миллиметров ртутного столба, состав почвы—чистый кварц с примесью окислов железа, вероятность вредоносных микроорганиз-

мов, бактерий, спор и прочих прелестей патогенной флоры — сплошные нули до девятого знака после запятой...

Мы с Сашкой одновременно схватились за рукоятку люка. Увы, это был последний механизм, который нас послушался. Ирисовые створки бесшумно раздвинулись, с легким хлопком уравнилось давление, и... все стрелки, все зайчики и все индикаторы дружно прыгнули на нуль. Пульт отключился. Напряжения в сетях как не бывало. Жужжание пульсации в аварийном блоке с микрореакторным дублированием и двойной защитой медленно смолкло.

— Саш, а Саш,—почему-то шепотом позвал я.— По-моему, нам крышка. Это совсем другая планета...

Щурясь от яркого света, Саша высунул голову в люк и долго-долго стоял так, оглядывая горизонт.

— Нет, Костик,—наконец сказал он.— Планета та самая. Просто нашего «жука» кто-то опустил в формалин...

...Вторые сутки мы бродили по песку, стараясь не терять из виду капсулу. Компас здесь был без надобности: магнитное поле отсутствовало начисто. Питания и воды хватит на две недели, еще есть НЗ—дополнительные пять суток надежды, а дальше что? Даже если чудом заработает передатчик, какие новости мы сообщим? Торчим в песках, а где они находятся, понятия не имеем. Океан при ближайшем рассмотрении оказался кварцевой пустыней. Тучи обладают любопытным свойством: если смотреть сверху, они есть, если снизу — их нет. Да что передатчик! Огня и то не добудешь, чтобы еду согреть: не из чего и нечем...

И вдруг в воздухе появилась ворона. Точнее, это потом обнаружилось, что ворона. Мы с Александром устроились в тени капсулы и жевали сухие мясные галеты, запивая их холодной кофейной бурдой: не оставалось ничего другого, как размешивать порошок растворимого кофе в теплой воде, нагретой на солнце. Близился вечер. Радостианские сутки длятся тридцать семь с половиной часов, день длинный, «сиеста» тянется долго, поэтому мы размякли, устав от жары, и сидели молча. Внезапно Сашка больно схватил меня за локоть и указал вверх. Над «жуком» кружила черная точка. В следующее мгновение Александр метнулся в капсулу и вернулся с биноклем и карабином в руках.

— Ты не поверишь,—сказал он после минутного созерцания.— Ворона.

— Как ворона?—Я даже испугался.

— Обыкновенная, черная,—он пожал плечами и прицелился.

— Саша, может, не надо? Может, подождем? Пускай снизится, поближе разглядим. Ну откуда здесь ворона?

— А если улетит? И потом, заряжено-то не пулей, а ампулой со снотворным.

Щелкнул выстрел. Ворона резко вильнула в сторону, сложила крылья, спикировала и уселась прямо перед нами, шагах в трех.

— Вы что, обалдели, что ли? — возмущенно сказала она на прекрасном русском языке.

Саша выронил карабин. Я ахнул и сел — не сел, а плюхнулся — на ступеньку трапа.

— Нет, я спрашиваю, вы что, с ума посходили? — продолжала ворона.— Вот так летишь себе, не смотришь по сторонам, чуть зазеваешься — и привет! — уже пуля в кишках сидит. Каково, а?

Я взглянул на Сашку и покрутил пальцем у виска. Он согласно закивал и надавил себе на глазное яблоко. Я повторил прием. Ворона двоилась. Прикусил губу, по-моему, до крови. Больно. На галлюцинацию, следовательно, не похоже.

Ворона, очень знакомо наклонив голову, с интересом наблюдала за нашими манипуляциями. Почистила клюв, затем глубоко погрузила его в песок и вытащила жирного розового червяка. Проглотила.

— Только не вздумайте меня своими галетами соблазнять. Я птица разборчивая и неподкупная: на гадость вашу и смотреть не хочу. А червяков здесь полным-полно.

Ворона каркнула. Тут же — словно по сигналу — из песка полезли отвратительные, в большой палец толщиной, глазастые черви. Меня затосило.

— То-то же, — наставительно сказала птица. Она, казалось, была отменно довольна. Каркнула еще раз, и червяки утянулись в песок. — Впредь не пуляйте, не подумав. А то пускай на планету всякого. Как увидят что живое, сразу же палец на спусковой крючок. Прямо какие-то trigger-happy*. Really, trigger-happy — that's the word**.

Я вздрогнул. Ворона, очевидно, могла спокойно перейти на английский язык и трудностей не испытала бы.

— Я не пулей стрелял, — внезапно сказал Сашка. Бог ты мой, он... оправдывался! — Я стрелял ампулой со снотворным.

— А мне откуда это знать?! — осерчала ворона. — Будто я разбираюсь, чем меня угостить хотят. Впрочем, раз не пулей — я вас прошу. А снотворное свое заберите. Мне оно как-то ни к чему. У меня и так сон нормальный. — И проклятая птица выплюнула на песок нашу ампулу.

Затем захлопала крыльями, тяжело подпрыгнула и улетела. Не улетела — умчалась с такой поразительной скоростью, что мы и опомниться не успели, как она растворилась в зеленом небе.

Жалко, что некому было подслушать разговоры, которые мы вели той ночью, беспокойно вертясь в гамаках. Разговоры эти были — первый класс. Такие, например:

— Ну ладно, на планете обитают говорящие вороны. Примем как данность. Чего не бывает во Вселенной! Но откуда они русский язык знают? И английский?

— Очень просто: обучились в школе первой ступени.

— Мерси, ты очень сообразителен. А пули на лету где научились ловить?

— Пустяк! Военная подготовка под началом умудренных опытом столетних воронов.

— Гениально! Червяками командовать тоже армейский навык?

— Нет, это у них врожденное.

— Славненько поговорили... Ну, спи. Спокойной ночи!

— Уснешь тут...

Все-таки мы заснули. А когда лучи поднявшегося над горизонтом Арктика разбудили нас, мы поняли, что спокойно кончить дни нам

* Американский жаргонный термин для обозначения маньяка-убийцы.

** Действительно, маньяки, иначе не назовешь.

здесь не дадут. В пятнадцати метрах от «жука» покоилась большая иссиня-фиолетовая лужа.

Минут десять мы изучали ее издали. Наконец Саша произнес:

— Ну как, Константин, может, позавтракаем сначала? Думается мне, если уж она появилась, то неспроста и надолго.

— Нет уж, давай-таки выясним, что ей нужно. Знаешь, как-то не до еды, пока она здесь торчит. Только карабин не бери. Вылезет какой-нибудь крокодил и начнет нас честить: мол, опять неправильно ведете себя.

Черт бы побрал мой язык! Я еще не закончил фразу, как фиолетовая вода пошла волнами и на песок выполз... на самом деле крокодил. Здоровенный — метров пяти в длину.

— Еще кто-нибудь нужен? — басом осведомился он.

— Говорящего крокодила нам не хватало! — довольно-таки непоследовательно шепнул я Сашке, но тот меня не слушал.

— Бегемот, — ляпнул он ни к селу ни к городу.

— Пожалуйста, — спокойно ответил аллигатор. — Архимед, вылезай, гости тебя требуют. Его Архимедом зовут, — пояснил он. — Больно много воды вытесняет.

Лужа снова заколыхалась, показалась черная лоснящаяся туша, и через несколько секунд перед нами стоял вполне натуральный бегемот по имени Архимед. Он шумно фыркал и разевал огромную пасть.

— Ну и жарища! — сказал бегемот, отдышавшись. Голос у него был тонюсенький — прямо мальчишеский дискант. — Градусов тридцать по Цельсию, тридцать восемь по Реомюру, восемьдесят шесть по Фаренгейту. Так?

— Так, — честно ответили мы с Сашкой.

— А вы говорите! — словно передразнивая, сказали крокодил с бегемотом укоризненным дуэтом, как-то оценивающе взирая на нас. — Ну-с, гости дорогие, с чем пожаловали?

Мы молчали. Да и что могли мы ответить? Ясно было одно: с нами играют какую-то нелепую комедию. Хотелось вести себя достойно, а вот роль, уготованную нам, никак не удавалось понять.

— Слышишь, Обжора, с нами не разговаривают, — пропищал бегемот. Крокодила, оказывается, звали Обжора. Что же, вполне резонно. — Оне, видите ли, важные. Мы для них, видите ли, не ровня, низший сорт, так сказать. Надулись, как индюки, и стоят.

— Да нет, Архимеша, ты не прав, — голос у крокодила, хоть и низкий тембром, был чрезвычайно мягкий, бархатистый. И интонация учтивая, вкрадчивая, даже угодливая. — Ты не иронизируй. Они просто остолбенели. Может, испугались или что. Видишь, как поблднели, бедняжки. Пот прошиб, ножки подгибаются. Вы, ребята, не бойтесь, — обратился он к нам. — Чего бояться-то? Мы звери спокойные, на людей не кидаемся. Вот поговорить хотели, да видим, не ко времени. Вы и не завтракали еще. А может быть, вам запах наш не нравится? Это мы исправим.

Зловоние действительно было невыносимым. Из крокодилей и бегемотовой пастей несло гнилью, плохо пережеванной пищей и тиной — в общем помойкой. Крокодил Обжора подбежал к луже, запустил туда переднюю лапу и вытащил флакон цветочного одеколона с допотопным пульверизатором. Несколько раз нажал на грушу, проверил, побрызгал в пасть бегемоту, потом себе.

— Теперь лучше,—удовлетворенно сказал он.—Итак, мы вас слушаем...

И—с безмерным удивлением:

— Э-э, друзья дорогие... Мы были о вас лучшего мнения.

Я почувствовал тревогу и оглянулся. Сашка стоял в двух шагах позади меня и сжимал в руках лазерное ружье. Когда он успел побывать в капсуле, я так и не заметил.

— Пошли, Обжора,—с обидой в голосе произнес бегемот Архимед.—С ними беседовать—себе дороже. Чуть что, сразу за оружие хватаются. Вчера Чернушку едва не укокали, сегодня нам угрожают. С такими каши не сваришь. А еще туда же—«братья по разуму»...

Оба демонстративно повернулись и не спеша потопали к луже, а через минуту Архимед с Обжорой скрылись в фиолетовой жиже. Я переводил взгляд с Сашки на лужу и не знал, что делать, что говорить. Внезапно вода забулькала, заколыхалась, и уровень ее стал стремительно падать. Вскоре лужа исчезла—вода просочилась сквозь песок. Осталась пустая впадина, и вот что удивительно: глубина ее была совсем небольшая—всего с метр. Ни крокодила, ни бегемота не было видно и следа.

— Ты что распахивался?—закричал я на Сашку.—Ну кто тебя просил за лучемер хвататься?! Ведь какой шанс упустили!

— Костя, не кричи, ради бога!—взмолился Александр.—Они же издевались над нами! Клянусь, издевались!

— Кто?! Басистый крокодил по кличке Обжора и обидчивый бегемот по имени Архимед? Ты в своем уме?! Это же какая-то игра. Нас изучают! А ты—словно на сафари в верховьях Нила—машешь своей пушкой: мол, не подходи. Может, ты шкуры собирался с них снять? Восхитительно! Первая в истории шкура говорящего бегемота!

Долго мы еще так ругались. Я кричал, Сашка оправдывался, оба осыпи, но ни до чего умного не договорились...

Последующие дни мы с утра до ночи копались в нутре нашего «жука». Проверили все блоки, ощупали пальцами каждый контакт, прошлись по всем схемам и сетям—напрасно. Капсула была мертва. Словно кто-то высосал жизнь и из ее реакторов, и из атомных батарей, аккумуляторов. Фотоэлементы подставляли свои ячейки лучам светила, но ни один электрон не реагировал на лавину квантов, не срывался с насыщенного места в кристаллической решетке. Даже кино- и фототехника бездействовали, хотя механизмы были исправны, а пленка без единого изъяна. Кадры не получались: линзы отказывались фокусировать изображения. Физику на этой планете отменили...

Арктур исправно забирался в зенит, спускался к горизонту—небо тогда меняло цвет с бледно-салатового на гороховый, приходили и уходили ночи, а никаких неожиданностей больше не случалось. Странное на нас снизошло состояние: мы и ждали очередных визитеров, и от всей души желали, чтобы этого не произошло. Какой толк? Помощи ждать неоткуда. Дайте хоть помереть спокойно!

Даже «Верблюд» казался каким-то далеким-далеким, не суще-

ствующим в реальной жизни кораблем, а черты лиц наших товарищей по полету смазались в памяти, расплылись, стали нечеткими, как на старинной групповой фотографии.

На десятый день нас посетил белый медведь. Явился он поутру — важный такой, степенный. Удивились ли мы? В общем, да. В основном по той причине, что налицо явная зоогеографическая несурица: в пустыне—и белый медведь. Но одновременно и не удивились: после Обжоры с Архимедом диковинного здесь было мало.

— Здравствуйте! — вежливо сказал медведь. — Меня зовут Брике. (Мы так и знали, что он заговорит: неговорящие животные, судя по всему, здесь не водились.) А я вас знаю. Можете не представляться. Вот вы — Александр, а вы — Константин. Надолго к нам?

— Навсегда, — буркнул Сашка.

— Чудесно, чудесно, — медведь задумчиво пошевелил лапой обертки от наших пайков, разбросанные по песку, понюхал всякий сор, лежавший возле капсулы. Почему-то тяжело вздохнул. — Я вот давеча с вашим информаторием познакомился. И нашел там много чего непонятного. Может, пособите разобраться?

Мы с Сашкой тревожно переглянулись. Информатория на капсуле не было, вот в чем дело, только навигационное счетное устройство, и то безжизненное. Очевидно, медведь имел в виду электронный мозг на «Верблюде», а вот это попахивало мистикой. Каким образом этот Брике мог забраться в корабль, несущийся на высоте пятисот километров, да еще покопаться в голограммах машинной памяти?

— А в чем дело? — спросил Александр.

— Да мелочи все, — медведь лег на песок и положил голову на лапы. — Что такое гамаши?

— Как?! — вскричали мы в один голос.

— Гамаши, — повторил Брике. — Есть, знаете ли, у одного вашего детского писателя такие строки:

Стал натягивать гамаши,
Говорят ему: «Не ваши».

Так что это такое — гамаши? И еще другое слово — бекеша. А?

— Понятия не имею, — нервно сказал я.

— И я тоже, — растерялся Сашка.

— Ну и ну, — бредовый медведь зевнул во всю пасть. — Хороши гости! Являются как снег на голову, какие-то цели ставят перед собой, а собственного языка не знают. Глупо. Больше вопросов не имею.

Он пошарил лапой в песке и вытащил — склад там у них, что ли? — телефонный аппарат. Сашка схватился за щеку, будто у него заболели зубы. Я почувствовал озноб. Медведь набрал когтем номер и умудрился приложить трубку к уху.

— Колючка, ты? — заорал он страшным голосом, словно собеседника было очень плохо слышно. — Брике говорит... Ага... Ага... Нет, что такое гамаши, не знают... Почему не знают? А черт их разберет... Что? Говорю: черт их разберет!.. Как? Да ну их, скучные какие-то. А?.. В общем, так-сяк. Ну, прилетай, посмотришь. Я говорю: прилетай! Понял? Ну, есть... Пока!.. — И медведь сожрал телефон.

Все это произошло в считанные минуты. Я только и понял, что мы опять ударили в грязь лицом и что очень скоро нужно ждать некоего Колючку.

А медведь Брикс был уже далеко. Он несся по пустыне, высоко скидывая грязно-желтый зад.

По лицу Сашки текли слезы.

— Костик, Костик!—всхлипывал он.—Как же так, а? Ну почему? Почему? Мы здесь гибнем, пропадаем, с ума сходим, а вокруг снуют разумные твари, и хоть бы кто-нибудь помог, хоть бы кто в человеческом обличье появился. Хоть один! Подумать только—гамаши! Откуда мне знать, что это такое, я их в жизни не видел. Их уже лет двести как нет...

— Саш, погоди, ну остановись же!—Я втолкнул друга в капсулу и уложил в гамак. Сам сел на полу.—Давай рассудим здраво. Мы галлюцинируем?

— Хорошо бы!

— Не галлюцинируем. Согласен. Гипноз?

— Черт его знает!

— Может быть, и гипноз. Скорее телепатия: нам внушают—и довольно-таки умело—шизофренические образы. Примем за рабочую гипотезу. В таком случае следует выяснить: кому это нужно и какова конечная цель? Свести нас с ума? Вряд ли. Выявить наш интеллект? Если так, то нам не позавидуешь: интеллектom мы их пока не порадовали. Определить эмоциональный склад? Опять же у нас сплошные промахи. Впрочем, не то всё, нет, не то...—я умолк.

«Примитив какой-то получается. Нельзя ставить себя на их место. А если нельзя, тогда...»

— Костя, а может, это биороботы?—Александр постепенно приходил в норму.

— Не исключено. Однако неизвестных величин—тьма! Досконально знают наш язык—раз. Добрались до информатория—как?!—два. Разбираются в земных реалиях—животный мир, телефон, одеколон, Маршак, наконец, и прочее—три. Но если биороботы—это хорошо. Это как-то ближе, понятнее. По-земному почти. Что-то вроде теста. Вот только знать бы, кто и откуда этими киберами управляет... И что от нас требуется...

И тут меня осенило:

— Послушай, Александр, а может, ничего сложного и нет? А? Давай припомним с самого начала. «Вырubaют» нашу капсулу—первый этап, так сказать, проверка на выживание. Далее—мнимая ворона Чернушка: не враждебно ли мы относимся к живым существам?

— А Обжора с Архимедом призваны выяснить, не враждебны ли мы к говорящим живым существам: к импульсивным бегемотам и рассудительным крокодилам?

— Брось ты!.. Но то, что к тебе возвращается чувство юмора,—это положительный симптом. Слушай, а может, все дело действительно в чувстве юмора, которое мы до сих пор никак не проявили?

— Допустим. А причем тогда медведь?

— Положим, проверка на... «удивляемость», так сказать. Иными словами, им интересно: как мы способны вести себя в самых нелогичных условиях?

— Что-то больно ловко у тебя получается. Не ты ли, случаем, их программу составлял? А как в твою схему несуществующая пустыня влезает? И невидимые облака?..

— Ах, Саша, как неладно, как все очень неладно. Одно знаю: мышки мы с тобой. Мышки в лабиринте. Белые такие, шустренькие. Тычемся розовыми носиками, авось на нужную кнопку надавим, тогда пожалуйста: и накормят, и напоят, и спать уложат... Спать уложат... Спать...—Я вздрогнул от неожиданной ассоциации.—Не мышки, а дети! Тебе не показалось странным, что из всех земных писателей они почему-то выбрали именно Маршака? Что, если они смотрят на нас, как на заигравшихся детей?!

— Тесс! — встрепенулся Александр.—Слышишь?

Откуда-то сверху до нашего слуха донесся тихий свист. Мы выскочили из «жука». Все по-прежнему: оранжевый песок, утреннее—бутылочного стекла—небо, рыжие тени. А в самом центре небесной сферы, прямехонько над капсулой, трепыхался белоснежный лоскут.

— Неужели парашют? Костя, кричи «ура»! Нас нашли!

— Погоди, погоди... К нам летят—это верно. А ты точно помнишь, что на «Верблюде» есть парашютные зонды? Что они положены нам по нормировке класса «С»? Не ошибаешься?

Я взгляделся повнимательнее. Под белым куполом в стропах висел какой-то странный предмет—продолговатый, с непонятными отростками. Предмет... шевелился. А через несколько секунд и без бинокля стало ясно, что к нам спускается... огромный... не менее трех метров в длину... скорпион!

Да, именно скорпион. И я готов был поклясться, что звали его Колючка! По-видимому, «тест» вступал в последнюю фазу.

Чудовище приземлилось неподалеку, мягко спружинило на могучих мохнатых лапах и тут же мгновенно перекусило клешнями стропы. Парашют наполнился неизвестно откуда взявшимся ветром и унесся в небеса.

— Ну вот что, граждане хорошие,—с завываниями прорычал скорпион,—мне товарищи все о вас рассказали. Поэтому я вас сейчас съем!

Мне показалось, что я ослышался, и никак не среагировал на столь грозное заявление. А у Сашки в руках—ну что с ним поделаешь!— снова появилось оружие, на этот раз самое грозное—боевой лучемет.

— Химический лазер импульсного действия на углекислоте?—с видом знатока поинтересовался" скорпион.—Ну-ка, дай сюда!— Он протянул внезапно удлинившуюся клешню и вырвал у изумленного Александра лазерное оружие.

— Так, так!..—Колючка вертел лучемет перед глазами.—А, ерунда. Детские штучки. До позитронных излучателей вам еще далеко,—и отшвырнул ружье подальше в пустыню.—А это что? Разведывательная самоходная капсула типа РПТ-24, серийный номер 191, прозвище «жук»? Тоже хилая машина.

Скорпион ухватил клешней ногу нашего «жука», раздался режущий визг, и... капсула покосилась. Полноги как не бывало.

— Титаново-молибденовые сплавы. Так, так...—Колючка покосился на нас, если словом «покосился» можно передать выражение его шести бездонных выпуклых глаз.— Вы стойте, стойте! Вами я сейчас займусь. А обшивка из чего?

Загнутый хвост его вздрогнул, и жало с треском пронзило стенку капсулы. Образовалась круглая сквозная дыра с блюдце величиной. Хорошая, честно скажу, была обшивка—тройная броня высшей защиты.

— Тоже дрянь. Вы бы еще из фанеры капсулы делали... Э-эх, смех и грех! Сажает, простите, юнцов в какое-то корыто, посылают на незнакомую планету. Это же верная смерть. Дурак, что ли, ваш шеф?

Александр как-то судорожно задвигал руками. Я взглянул на него и понял: еще секунда—и он бросится врукопашную.

Превозмогая отвращение, я изобразил на лице полнейшую невозмутимость и приблизился к скорпиону, сделав вид, что хочу его пощупать. Колючка резко отскочил в сторону.

— Не замай!—угрожающе сказал он.—Ишь, смелый какой!

— Но мне же интересно! И вообще давно хочу спросить: как планета ваша называется?

— Ах, вот оно что! Наконец-то имечком поинтересовались,—в голосе скорпиона послышались мстительные нотки.— До сих пор оно вроде вам ни к чему было. Как же, «свое» придумали—Радость! Претензии-то сколько, самодовольства! А того не уразумели, что у планеты самоназвание есть, и вполне приличное. Мы ведь вашу Землю тоже назвать по-своему можем. И знаете, как это будет звучать? Жрпж'йоншсу. Вариант, заметьте, приближенный, ибо половину наших звуков вы и передать-то не сможете! Не говоря уж об ультразвуковых дифтонгах. А то—Радость!..

— Хорошо, хорошо, ваша правда,—поспешил я согласиться.— Но куда же делась россыпь чудесных зеленых островков? И масса воды?

— Ах, острова?! Острова, значит?—Скорпион даже задохнулся от негодования.—Да вы на этих островах весь дерн содрали и леса пожгли своими зондами. А о том, что у нас на планете нет и никогда не было открытого огня, вам известно? А приходила ли вам в головы мысль, что гаревые проплешины остаются на почве восемьдесят ваших, сто пятнадцать наших лет!? Кстати, от траков гусеничных машин—я имею в виду высадку ваших тяжелых ботов—та же самая картина. И это без учета виртуальной—и очень опасной в островных условиях—эрозии!

— О-хо-хо!—Скорпион как бы потянулся, поджал под себя лапы и лег на песок.—Да разве только в неразумном огне дело? Вот вы себя «гостями» именуете, к Контакту готовитесь. Думаете, жестокие аборигены вам ловушку подстроили, испытывают вас, за мышек с розовыми носиками держат. А сами-то не испытываете ли нас? Вот почему на вас респираторов нет, а? Полагаете, раз наш воздух для вас пригоден и безвреден, значит, все в порядке? А ваша собственная микрофлора? Здыхание ваше? Страшно подумать—легионы микроорганизмов извергаете вы при каждом выдохе, кашле, чихе. Для вас-то они безобидные, даже жизнетворные, а для нас? Ничего себе «подарочек»! Погостят двое таких, как вы, а оставленные бактерия или вирус косят население всей планеты. А естественные отправления—пот, фекалии, моча? Этим-то зачем вы нас потчуете? Разве вам неизвестны регенеративные циклы? Но вы их приберегаете для космоса: боитесь задохнуться от собственных отходов на корабле. А на чужой планете, мол, можно и так. Посмотрите, сколько мусора только вы вдвоем понабросали!

В полном смятении мы огляделись вокруг. И словно впервые увидели: хлама действительно много. Я покраснел, как нашкодивший ученик. А скорпион продолжал выговаривать:

— Пошли дальше. Вот, скажем, выхлоп двигателей вашего «жука». Я имею в виду не реактор—радиационная защита у вас ничего еще, терпимая,—а движки на уплотненном топливе. Вы полагаете: мол, газы и газы, а мы считаем—яд! Сходство состава атмосферы еще не "всё: биология не атмосферой определяется. Об этом вы даже не задумались. Не подумали и о том, что метаболизм у нас может быть отличным от вашего...

Теперь о зондах. Они падают и оставляют ионизационный след. На кой черт, простите, нам ваша ионизация? Несколько таких пробоев атмосферы, и рождаются ураганы. Да-да, именно ураганы! Погодная механика у нас тоже своя. А справиться со штормами мы можем не всегда. Вот и получается бедствие: у нас уничтожены ветрами—сломаны и повалены—десятки садов, на трех островах разрушены здания. Ничего похожего за сотни лет мы не помним.

Разберем и такой-вопрос. Высаживаетесь вы на какой-нибудь остров и нас до поры не обнаруживаете. Что предпринимаете? Известно, что—исследовательскую разведку. Бурите почву, верно? А у нашей растительности единая и очень нежная корневая система. Почву мы вообще не дырявим! Ни в поисках топлива, ни в поисках минералов. Все, что нужно, нам дают леса и океан. Ваши следующие шаги? Сейсмограммы: мол, надо выяснить взрывами структуру

пород. В итоге то, что вы называете цунами. О дальнейших анализах и говорить страшно: жесткое излучение, мегамасс-спектроскопия, биотомия... Я уж не упоминаю о вашей отваге, готовности к самопожертвованию и привычке к боевым действиям: чуть что непонятное — сразу же лазерные ружья наизготовку, лучевые пушки на «товсь» — и бей, круши злого врага, отражай нападение! Нападение кого? У нас же ни хищников, ни варваров каких-нибудь и в помине нет.

— Насчет пробоины не беспокойтесь. — Скорпион помолчал, глядя на наши растерянные физиономии, и грустно усмехнулся. — Это я немного пошутил. И насчет «съем» тоже. Мы вообще, знаете ли, любим пошутить... Сейчас почию.

На кончике его жала появилась огромная янтарная капля. Колючка ловко шлепнул ее на отверстие и подровнял «заплатку» клешнями. Затем нарастил перекушенную ногу «жука».

— Все в порядке, — заключил он. — Это получше ваших молибденов будет!.. В общем, мне пора. Да, и последнее: в следующий раз будьте осторожней с подпространством вблизи нашей планеты. Ее, кстати, Щплег'я зовут.

И Колючка исчез. Не умчался к горизонту, поднимая столб пыли, не взмыл в небо, не зарылся в песок, а просто растаял, ушел в небытие...

— Ну что, Саша, пора домой?

— Пора, Костя, — спокойно ответил Александр, как-то странно глядя на меня.

Мы забрались в капсулу и легли в гамаки.

Сам собой закрылся люк. Включился пульт, зажглось освещение. С легким толчком капсула оторвалась от грунта и стала плавно подниматься в небо. Не работал ни один двигатель, но капсула поднималась. Как летун-паучок на паутинке, как наполненный легким газом аэростат, уплывали мы в зеленую глубину небес. А в оставленной нами пустыне — на том самом месте, где мы прожили десять дней и полжизни, — ярким пурпурным пламенем горели слова. Говорю это с ясной памятью и в здравом уме, ибо я приник к иллюминатору, чтобы бросить последний взгляд на планету. На оранжевом песке горели слова: «До свидания».

«Хорошо еще, что не «Прощайте!»» — мелькнуло у меня.

В иллюминаторы ворвался зелено-голубой свет. Я отшатнулся, но тут же снова прильнул к прозрачному сплаву. Довольно высоко над нами висели опалесцирующие перламутровые тучи. А внизу расстилался подоблачный мир. По морю бродили белые барашки, теплые волны мягко набегали на пляжи зеленых островов. В океане плыли разноцветные стройные суда. Воздух был полон невесомых летательных аппаратов, похожих на медлительные полупрозрачные паруса.

Над теплыми волнами — медлительные паруса...

В СТРАНЕ ТУМАНА И ДОЖДЯ

Фантастический рассказ

Туманные пики Тустлы остались позади. Пилот вертолета Демченко, русый блондин с медной бородкой и кирпичным цветом лица, внимательно всматриваясь в раскинувшуюся внизу сельву, увидел впереди болота Табаско. За ними синели воды Мексиканского залива. Болота надвигались, ширились, минут через десять открылся песчаный остров, на нем большая пирамида из сырцовых кирпичей—сооружение ольмекских зодчих.

— Пирамида Ла-Венты...— задумчиво протянул Аман, несколько тучный для своих лет доктор археологии.— Не возражаешь, если я взгляну с ее вершины на руины города?

Вопрос в такой форме был задан неспроста: Леонид Демченко был не только вертолетчиком, но и коллегой Амана, он создал новейший прибор, способный просвечивать почти семидесятиметровые толщи породы. Кратко прибор назывался геоскоп. Его с нетерпением ждали в Сан-Лоренсо, где! работала экспедиция ЮНЕСКО во главе с корифеем американистики Тирлингом. Экспедиция искала ответы хотя бы на часть загадок ольмекской культуры. РаСкопки велись второй год—и никаких обнадеживающих результатов. Теперь все уповали на геоскоп, который покоился пока что у ног Амана.

Демченко сказал с недовольством:

— Остановка нежелательна. Доктор Тирлинг не похвалит нас за это. Ты что, Ла-Венты никогда не видел? Что там интересного? Гораздо перспективнее район Сан-Лоренсо.

— Возможно,— ответил Аман.— Но я прошу по-дружески. Тирлинг как-нибудь переживет небольшое опоздание.

Леонид усмехнулся, раздвинув твердые губы, сбавил обороты двигателя: все-таки Аман был старым товарищем и знатоком доколумбовых цивилизаций Америки. С ним считались ведущие специалисты ЮНЕСКО и Тирлинг тоже. Машина зависла над Ла-Вентой, затем плавно снизилась к подножию пирамиды.

То и дело отирая платком лицо, Аман вскарабкался на плоскую вершину. Передохнув, обвел взглядом руины города ольмеков, покинувших арену истории более чем за полторы тысячи лет до Колумба. «Вот опять я с тобой, Ла-Вента,— подумал он.— Здесь

начинал путь археолога, но тогда я был молод, а теперь постарел. А ты, Ла-Вента, бессмертна и хранишь свои тайны». Он сел на краю вершины. Сколько труда затрачено на исследование этих руин! Как, впрочем, и на поиски в Чалькацинго, Трес-Сапотес, Сан-Лоренсо. И по-прежнему ольмеки—нерешенная проблема американистики. Когда и откуда пришли они к берегам Мексиканского залива, в эти болотистые джунгли? Кто такие ольмеки?.. Они совсем не походили на узкоглазых аборигенов Тамоанчана—Страны тумана и дождя. Аборигены ходили в набедренных повязках, а пришельцы-ольмеки, как свидетельствуют рельефы на стелах, носили плащи с богатым перьевым украшением. Ольмеки высокого роста, мало похожи на типичных монголоидов. Откуда родом их предки?

Руины города молчали. Лишь в болотах дружно квакали лягушки, предвещая дождь, да пересыпал песчинками легкий ветер. Аман отыскал взглядом знаменитый Базальтовый домик, наполовину вросший в землю. Левее высились колонны Ритуального двора, где в древности кипела непонятная жизнь со своими сложностями и противоречиями, но какими именно? Напрягая воображение, Аман пытался мысленно проникнуть в давно минувшее... И вдруг обветшавшая пирамида, алтари, храмы меж деревьев заиграли живыми красками былой реальности.

...Сердце Амана дрогнуло, часто, гулко забилося. Он увидел процессию ольмеков, в полном молчании направляющуюся к Ритуальному двору. Возглавлял ее жрец с малышом на руках. «Значит, рельефы на стелах не лгут!? И все это было, было!..» Ребенок вырывался из рук жреца, испуганно плакал. «О, темные люди, что вы творите? Такими обрядами надеетесь смягчить бога дождя! Как можно верить, что слезы невинного малыша могут исторгнуть влагу из бесплодных туч?..» Мысли мелькали, обгоняя друг друга.

Возникло пухлое, с вывернутыми губами лицо правителя Ла-Венты. Раскосые большие глаза смотрели не мигая, в них затаилась неземная гордыня. Каменные изваяния с такими лицами во множестве встречаются в джунглях Веракруса. «Так расскажи о себе, надменный повелитель!—мысленно вскрикнул Аман.—Откуда привел ты к Мексиканскому заливу людей в шляпах и длинных плащах, изображенных на стелах трехтысячелетней давности? Есть ли зерно истины в индейских легендах о каком-то народе Змеи, явившемся в Тамоанчан с запада, чтобы поработить народ Ягуара?.. Где прародина твоих предков, ольмек? Может, в Азии? Или они морской народ, приплывший в Америку с Каролин, где найдены следы цивилизации древнее крито-минойской?..» Правитель молчал, гордо смотря вдаль. «И будет молчать до окончания времен,—вздыхал Аман.—Никто никогда не скажет, почему утасла священная для ольмеков Ла-Вента». Затем его мысли обратились к раскопкам в Сан-Лоренсо. «Может, геоскоп Леонида приоткроет завесу прошлого? Может, мы ухватим путеводную нить из клубка легенд аборигенов Тамоанчана?»

До слуха археолога долетел пронзительный свист. У подножия пирамиды создатель геоскопа махал Аману рукой. Пора, мол, в дальнейший путь.

Возле полога висели тучи москитов, норовивших проникнуть за тонкую ткань. Аман и Леонид настраивали геоскоп. А доктор Тирлинг, худощавый, высокий, довольно пожилой мужчина, сидел на раскладушке и с иронической улыбкой следил за их действиями.

Тирлинг не очень-то верил в прибор. По виду обыкновенная алюминиевая труба, подвешенная на цапфах. На конце—куб из пластика. В этом кубе находилось сердце геоскопа—нейтронный излучатель, микроэлектронная схема, преобразователи, дающие на экранчике изображения предметов, скрытых под землей.

— Что нового в Мехико?..—выжидательно спросил Тирлинг.

— Ничего особенного,—односложно сказал Аман, вертя в пальцах звуковой датчик, не входивший в гнездо.

В Мехико работал симпозиум по доколумбовым цивилизациям Нового Света, и загадки ольмеков вызвали ожесточенные споры. Главным в дискуссии был извечный вопрос: кто родоначальник индейских культур Мексики—мая или ольмеки? Аман выдвинул парадоксальную гипотезу «отсутствия родоначальников». Он пытался доказать, что очаги индейских культур могли возникать одновременно сразу во многих местах: и в Мексике, и в Гватемале, и в Гондурасе. А цивилизация ольмеков, если верить преданиям Тамоанчана, зародилась на Тихоокеанском побережье, затем распространилась на восток. Кто-то задал Аману ехидный вопрос: «Где именно на побережье образовался первый очаг?» Доктор археологии лишь пожал плечами. Большинство американистов разделяли точку зрения Тирлинга: ольмеки—это греки Нового Света, они любимцы истории, поскольку дали толчок развитию всех позднейших культур Месеты. Оспорить аргументы Тирлинга нелегко, он—признанный авторитет, весь мир знает о его открытиях в Трес-Сапотес, Лас-Лимас, Монте-Альбано.

— Я слушал ваш доклад по радио,—сообщил Тирлинг.—Весьма любопытная гипотеза.

— Что вы хотите сказать этим?—спросил Аман.

— Не более того, что говорил всегда,—суховато ответил Тирлинг.—Результаты раскопок противоречат вашей гипотезе. Они свидетельствуют о том, что без цивилизации ольмеков не было бы ни городов маяя, ни пирамид Теотихуакана.

— Но и греки не были первыми в Ионии!—парировал Аман.—Им предшествовали ахейцы, а тем—минойская культура.

— Ну и что?—пожал плечом Тирлинг, повышая тон.—Мы ведь в Америке и обсуждаем ее собственные проблемы. Впрочем, последнее слово, как известно, за фактами. Добудьте их здесь, в Мексике.

— Вот именно...—спокойно сказал Аман.

Однако под этими фактами каждый понимал свое.

...На другой день все трое «просвечивали» прибором наслоения у края плато Сан-Лоренсо.

Леонид, работавший с геоскопом, сидя на корточках, чутко слушал прибор.

— Что-нибудь видите? Какие новости?..—подошел к нему Аман, размечавший очередной участок поисков.

— Замри!..—прервал Демченко.—Вот, послушай.

Тонкий, ровный гул датчика говорил о каких-то пустотах в толще склона.

— Экран показывает что-нибудь?—насторожился и Тирлинг.

— Пока ничего не разберу,—сказал Леонид.—Хотя, вот. Какая-то ниша или каморка. Может, часть руин постройки?

— А какова глубина залегания?

— Метров сорок.

Педантичный Тирлинг оживился:

— Слой первого тысячелетия до новой эры! Время поздних ольмеков.

— Это-то ясно,—сквозь зубы произнес Демченко.— Неясно, что именно там находится.—Он примостился у прибора удобнее, даже прилег, добываясь четкости изображения.—Ч-черт!.. Узел развертки барахлит, нужна регулировка.

— Не паникуйте, сэр,—шутливо сказал Аман.—Любое детище вначале несовершенно. Первый блин всегда комом.

— А-а!..—воскликнул Леонид.—Уже лучше. Гм-м, какие-то фигурки на камне, штрихи, линии.—Он приник к окуляру.—Неужели пиктографы!?

— Наскальная живопись в болотах Табаско?—недоверчиво спросил Тирлинг.—Это фантастика.

— При чем тут скалы!?!—отрезал Демченко, не приемля юмора.—На каменных пластинках знаки. Вроде табличек. А может, лопатка бизона.

— Разреши и мне взглянуть,—сказал Аман.

Леонид неохотно уступил место у прибора, и Аман принялся разглядывать изображения на отшлифованных табличках из камня.

— Кое в чем Леонид прав,—обратился он к Тирлингу.—Хотите убедиться?

Однако Тирлинг уклонился:

— Как могли сюда попасть пиктографы? Еще одна загадка...—Он помолчал и решительно сказал:—Раскапывать! Потом и я взгляну.

К исходу недели киркомотыга рабочего легонько ударилась о край какого-то твердого предмета. Еще через полчаса открылся вход в продолговатую пещеру, выложенную адобами и базальтовыми плитами, довольно грубо обработанными. У дальней стенки белели человеческие кости. В углу, среди окаменелых клочков кожаной сумки, гряда белых с прозеленью табличек. На них были пиктографические знаки.

Аман метнулся к черепу, схватил какой-то предмет—и вдруг сел прямо в пыль, блаженно замерев от счастья. В руках у него оказались желвак кремнистой породы и наконечник дротика из того же кремня.

— Так ведь это же нуклеус!..—громко шептал он, тиская пальцами продолговатый желвак, одну сторону коего покрывали неглубокие параллельные желобки.—Видишь, Леня, следы снятых ножевидных пластинок?.. Наконечник дротика лежал внутри черепа—значит, индеец был убит наповал.

— Вижу, конечно, вижу,—бесстрастно ответил Демченко.—Ничего сенсационного. Американоиды составляли из таких пластин двусторонне оббитые лезвия своих орудий. Те же наконечники копий, дротиков, резцы и прочее. Правда, нуклеусы обычны для Северной Америки. Такие же мы нашли во множестве и в Якутии. Помнишь древние стоянки охотников на бизонов, мамонтов, овцебыков, то бишь джжтайцев? Верно я говорю?

Аман досадливо отмахнулся и поглядел на Тирлинга, словно призывая его в свидетели несерьезного отношения Демченко к находке. Корифей американистики неопределенно повел плечом:

— Любопытно, разумеется... Нуклеус в Тамоанчане! Лишний факт в пользу того, что именно сибирские монголоиды заселили обе Америки через Берингию в пору Висконсинского оледенения. Мы же ищем ответа на загадки ольмеков, не так ли?

Солнце скатилось за хребты Тустлы. Над сельвой, далеко расстилавшейся вокруг плато, где находился Аттэхе, побежали к заливу темные тени. Но ремесленники Ольмана так же размеренно стучали молотками; напрягая зрение, трудились в сумерках резчики и скульпторы; мастера по украшениям сверлили бирюзу и нефрит. Рабы-тэнки, возводившие храм, истощили силы за длинный день и несколько замедлили работу. Зло кричали надсмотрщики, бичи и палки гуляли по спинам. И быстрее зашаркали каменные мастерки штукатуров по стенам храма.

«Будьте прокляты, Длинные Плащи!..— скрипнул зубами Аттэхе.— Куда вы так спешите?! Впереди целая вечность. Можно построить много-много храмов, но ждет всех нас одно—небытие, хотя ваши жрецы пророчат: «Плащеносные будут вечно жить на небе». Не знаю. Знаю другое: недолго осталось змееликом мучить людей сельвы». И он задумался о прошлом, о годах юности—они пронеслись перед ним белыми цаплями, неслышно рассекая туман над тропическими болотами. Аттэхе видел себя носильщиком нефрита и, сгибаясь под тяжестью корзины, брел по караванной тропе. Вокруг стеной стояли непроходимые джунгли. Чавкала раскисшая почва, которую усердно месили ноги носильщиков, таких же, как он. Дыхание людей напоминало сдерживаемые рыдания и всхлипы. Глаза Аттэхе заливал липкий пот. Вдувались жилы на шее. «О, добрый Ягуар, пожалей нас! Скоро ли конец дороги?..» — с мольбой вопрошал он сельву. И вздрогнул от нечеловеческого вопля. «Кто-то упал...—подумал он.— А его палкой поднимают на ноги».

Когда и как сумел он дойти до Ольмана, Аттэхе не помнил. Потом был еще более тяжкий труд в каменоломнях, где вырубали глыбы для изваяния статуй правителей. Об этих годах и вспоминать тяжело. Аттэхе посмотрел на белые стены храма, возводимого рабами на плато.

Снизу прилетел тихий свист змеи, вырвав Аттэхе из круга воспоминаний. «Вачинга, наверное, зовет...» По заросшей промоине он спустился вниз, к берегу ручья. За кустом юкки сидел на корточках Вачинга—изгой племени Длинные Плащей. Увидев Аттэхе, он медленно выпрямился. Был он высокого роста, с прямыми широкими плечами, длинными руками. Любой тамоанчанец казался ниже Вачинги на голову, но только не Аттэхе.

— Все собрались? — спросил Аттэхе.

— Давно! И ждем тебя,—голос у изгоя бш хриплый.

Вскоре послышался звон ручья, на том берегу которого была хижина Совета. Непосвященному трудно было бы ее разыскать.

В дальнем углу хижины мерцал каменный светильник в виде поднятой вверх головы койота. На глиняном полу сидели старейшины охотников сельвы и тэнков. Аттэхе молча прошел в центр круга, степенно сел. Вачинга остался у входа.

— Что узнал ты? Какое решение примем?..—нарушил молчание изгой.

Аттэхе смотрел на Вачингу и думал: «Что ты за человек? В Ольмане я слышал: ты, Вачинга, был старшим воином, водил караваны с нефритом от гор Тустлы. Больше ничего не узнал... Был ли ты милостив к рабам? Неведомо. Но твое лицо кое о чем говорит». Тусклые зеленые глаза Вачинги не мигали. Лицо как у идола: зубы-клыки, морщины наискось от плоских кошачьих ноздрей до конца массивного подбородка. «Непонятен ты мне, изгой. Лицо твое недоброе, и ты не был милостив к тэнкам. Но ты с нами... А почему ушел от своего племени?» И, медленно подбирая слова, Аттэхе ответил Вачинге:

— Мы живем в сельве с начала времен, когда Длинных Плащей еще не было на свете. Они пришли из-за гор Тустлы, будто упали с неба. И кончились дни нашей свободы, о которых слагают песни. А ныне терпение людей сельвы истощилось. Есть только одна дорога к освобождению—тропа войны!—Он вскочил на ноги, его лицо исказилось гневом.—Ольман, проклятый город, исчезнет! Так говорю я, Аттэхе.

Снова наступила тишина, и члены Совета слушали перекличку воинов Ольмана, охранявших плато. В темном углу хижины кто-то зашевелился. То был сказитель, которого все звали Белым Отцом.

— Длинные Плащи пришли в Тамоанчан двенадцать поколений назад. Люди сельвы восставали не раз, но не смогли победить народ Змеи.

— Это так,—кивнул Аттэхе.—Есть записи на стенах храмов. Но тогда у сынов Угэма были лишь копья и атл-атл. Люди же Змеи много умели и знали. Теперь мы научились у них и тоже делаем мечи, стрелы, луки, дрогики. Народ Ягуара одолеет змеелики!

Вачинга чуть растянул в улыбке тонкие губы, сказал с насмешкой:

— Белый Отец сомневается. Но я был одним из Длинных Плащей и знаю: они не те, что были во времена Гремучего Змея, отца ныне живущего Тунгаты. Слабый правитель Тунгата! А ты, Отец, стар и не ходишь по селениям, не видишь, что в сердцах сынов Ягуара проросли семена гнева.

«Слова ты говоришь правильные, Вачинга,—думал Аттэхе.—Однако не от сердца они».

Белый Отец не стал спорить с изгоем, а просто запел—негромко и проникновенно:

«Я живу на свете так давно, что многое и забыл. Но я помню селение, где меня приютили как сына добрые охотники, люди сельвы. О блаженные дни труда и мира! Мы возделывали маис и бобы, растили детей и тыкву, ловили рыб и зверей. Потом пришли змееликие, угнали юношей и мужчин строить дома в Ольмане, создавать насыпные плато, возвышающиеся над сельвой. Почти все старики и дети в селении умерли от голода, ибо некому было рыхлить землю и бить зверей. Когда кончится гнет змееликих? О время голода и болезней смертных, время засух и крови, пройдешь ли ты?! Плачут рабы-люди, рабы-камни, рабы-деревья!»

— Хватит причитать,—грубо сказал Вачинга.—Не для этого мы собрались.

Сказитель презрительно поглядел на изгоя и с достоинством опустил на низкую скамью.

— Белый Отец трижды прав,—сказал Аттэхе, меряя Вачингу тяжелым взглядом.—Чтобы поднялось плато Ольмана, погибли тысячи мирных людей сельвы. Плато стоит на их костях.

— Сельва поглотит злой город!..— зарычал позади Аттэхе мускулистый голый тэнк по имени Шраморукий. Опаленное зноем лицо, выпирающие от голода ребра и плечи, покрытые рубцами и шрамами,—все выдавало в нем беглого строителя храмов. Рабы убежали ныне толпами не только из Ольмана—отовсюду: из Чалькацинго, с Острова жертв, из городов на западе. Воины Тунгаты не могли удержать их. И в самых глухих селениях сельвы люди понимали: плохи дела в царстве Длинных Плащей, они слабеют, настала пора возмездия.

Второй день с залива дул шквалистый ветер. Туман и сырая мгла сменялись проливными дождями. Археологи не вылезали из палатки, пытаясь расшифровать пиктографы. Подобно путнику в дремучей чаще, мысль Амана блуждала среди гипотез, догадок, предположений. Смысл рисуночного письма ускользал. Рядом прилежно трудился Тирлинг, на его непроницаемом лице тоже отражались какие-то чувства. Видимо, на сей раз самолюбие корифея было сильно задето.

— В профиле вот этого человечка,—сказал Аман,—угадываются черты жителя островов Тихого океана, то есть океанийского монголоида. Не находите?

— М-мм... сходство есть,—пробормотал Тирлинг.—Нечто вроде древнего айна с Курильской гряды или Хоккайдо.

— А мне видится абориген Охотского побережья,—возразил Демченко. Его загорелое лицо так и светилось от гордости: созданный им геоскоп узрел эти загадочные пиктограммы в толще вековых наслоений.

— Почему именно с Охотского?!—спросил Тирлинг.

— Взгляните сюда: первобытный географ изобразил устье Амура. Оно показано верно, другого с такими характерными очертаниями нет в регионе. А вот линия морского берега, гребни волн и кит, пускающий фонтан.

— Смелое толкование,—покрутил головой Тирлинг.—На чем основываете?

— На факте находки нуклеуса. Такие же найдены в Дюктайских раскопках. Как попали сюда, в Тамоанчан?.. Потомки дюктайцев пришли в Америку 25—30 тысяч лет назад—вслед за мамонтами и бизонами. Среди них, несомненно, были предки тех, кто спустя тысячи лет дошел до Мексики. Логично?

— Что-то мало понимаю тебя, друг-следопыт,—произнес Аман.—При чем тут древние айны?

— Слушай и внимай,—улыбнулся Леонид.—Под натиском племен, идущих из Кореи либо Маньчжурии, протоайны могли откочевать на Алдан и там смешаться с дюктайцами. В конце Висконсинского оледенения последняя волна айно-дюктайцев перебралась в Новый Свет. Затем океан затопил Берингию. Минули века... Новые метизации в прериях Северной Америки... Предки сышов Ягуара прошли пустыни Аризоны, Нью-Мексико и осели в Тамоанчане. Логично я мыслю?

— Почти...—язвительно сказал Тирлинг.—Ну а как насчет ольмеков?

Леонид театрально развел руками:

— Тут пока все не ясно. Я лишь истолковал, как отдаленные потомки этого айна,—он коснулся пиктограммы,—могли достичь Веракруса.

...Облака ушли к хребтам Тустлы, и на потемневшем небе зажглись яркие, будто умытые звезды. Аман снова был у входа в пещеру. Свет полной луны осветил ее глубину. Кости «протоайна» лежали там, где их нашли. «Кем был ты?—гадал археолог.—Кто сразил тебя дротиком—ольмек или абориген сельвы? Радиоуглерод показывает время поздних ольмеков, упадка их культуры. Но они не жили в пещерах, значит, ты—потомок айно-дюктайцев, населивших сельву тысячелетий за восемь до ольмеков... А что дает это для проблемы генезиса народа Змеи? Ничего».

— Заснул там, что ли?!—услышал Аман голос Демченко.—Иди-ка в палатку. Ужин готов. Да и спать пора, завтра чуть свет за работу.

— Сейчас, сейчас...—недовольно ответил Аман. Окрик Леонида смешал его мысли.

После ужина он сразу лег спать. Сон не шел, и Аман принялся размышлять все о том же. «Допустим, что отдаленные потомки айно-дюктайцев и есть аборигены сельвы. Ну а ольмеки кто? У них иной расовый тип... Вслед за Тирлингом я могу объяснить многообразие расовых типов и языков индейских племен только тем, что

еще задолго до Эрика Рыжего в Новый Свет прибывали случайные путешественники—из Океании, например, от берегов Азии. Так могли приплыть в Америку предки ольмеков. Примерно в пятом-шестом тысячелетиях до нашей эры...» Незаметно Аман уснул, однако и во сне его мозг работал в том же напряжении. Ему снилось, будто парит он, как альбатрос, над водами Северной Пацифики. Океан казался огромной холодной темницей, в которой настроженно дремали ветры и угрюмые тучи. Стояла тишина: ни гула ветра, ни плеска волн. Потом из-за гор Аляски вышла луна—океан стал волшебным. Амана охватило неведомое чувство полного слияния с природой. Он вдруг почувствовал, как океан слушает плеск своих волн, а небо всматривается в свою беспредельность... Далеко внизу проплыл айсберг, возле него играл большой кит... С неба посыпались снежинки, мириады их падали на спокойный лик вновь уснувшего океана.

«Скоро Берингов пролив,—подумал он.—Вон за тем мысом откроется». Однако увидел не пролив, а поросший лиственницами перешеек. «Разве я в палеолите!»—Аман с изумлением приглядывался к группам охотников, двигавшихся по суше с азиатского берега на Аляску. Он различал даже их лица, размытые лунным светом. Впереди, наклонив крупную лохматую голову, шел юный богатырь. «Это, несомненно, первобытный следопыт и вождь племени! Назову-ка его Угэмом. Почему бы нет? И он несет в сумке те самые пиктографы на пластинках—часть огромного наследия предков-художников, живших на Алдане... Потомки айно-дюктайцев, тысячи лет кочуя по северо-западу Америки, потом в прериях и пустынях, донесли эти пластинки сначала до Аризоны, а затем до Тамоанчана. Прежде они, вероятно, обитали в бассейнах Хилы, Колорадо, Рио-Гранде».

Птица-невидимка, несшая Амана на упругих крыльях, повернула на юг, к теплым водам океана. «И я увижу, значит, не менее загадочные, нежели ольмекская, культуры Западной Пацифиды!»—обрадованно подумал он. И действительно, ему открылось нечто: то ли сооружения Нан Мадола, то ли Гаваида. Потом еще какая-то цивилизация на мгновение показала свое лицо. И опять он созерцал прошлое—события палеолита, разворачивающиеся на огромных просторах Азии. Аман словно глядел на них из окна машины времени. Его взгляд целостно охватывал весь район миграции первобытных племен—от Монголии и Алтая до Алдана и Камчатки. По нему во всех направлениях катились волны людей. «О, небо!..—смятенно шептал он.—Какой водоворот событий, племен, народов! Нет ничего сказочного в том, что бородатые, высокие ольмеки стали потомками, скажем, «голубых тюрков», о которых и ныне рассказывают орхоно-енисейские предания. Бируни из Хорезма, опираясь на древнейшие легенды тюрко-скифов, недаром писал: «Есть далеко на востоке, за океаном, материк. Какие-то народы Азии ушли туда». А что?! Даже я могу иметь общих с ольмеками предков, ведь я—тюрк. Антропологи утверждают, что «голубые тюрки» свободно кочевали от Семиречья до Якутии. В Маньчжурии и Приморье пратюрки могли смешаться с пращурчуженями, тоже народом тюркоязычным. Вот расовые признаки чжурчженей: высокий рост, голубые или зеленые глаза, белокурые, рыжие волосы. Не исключено, ветвь метисов—отдаленные предки ольмеков—обитала в При-

море, далее мигрировала на Камчатку через Колыму. В то время Берингия была уже затоплена, и сухой дороги в Америку не стало. Эти праольмеки на лодках и плотах могли достичь Алеутских островов или канадского побережья, используя Северо-Тихоокеанское течение... А что дальше? Каким путем праольмеки добрались в Мексику? Ясно, что древнейшей тропой миграции Север—Юг, по которой раньше двигались аборигены Тамоанчана. За тысячи лет предки ольмеков прошли часть Канады, затем Калифорнию, Неваду, Аризону и в конце концов достигли тихоокеанского побережья Мексики. И где-то во втором тысячелетии до нашей эры зажглись первые огоньки цивилизации народа Змеи».

Похожий на застывшего истукана Вачинга недовольно поднял густую бровь и веско возразил:

— Не торопись, Аттэхе... Рано захватывать Ольман.

— Почему?..—подозрительно глянул на него тот. В душе Аттэхе снова проснулось недоверие к изгою.

— В конце этой луны Тунгату понесут на Остров жертв,— усмехнулся толстыми губами ольмек.—И жрецы возвестят День плача. Ольман же останется без правителя.

Острый взгляд Аттэхе загорелся радостью, но лицо его тут же стало хмурым:

— В День плача принесут в жертву вашему богу детей сельвы.

— Так было и будет,—бесстрастно подтвердил Вачинга.— Нельзя мешать жрецам, иначе бог найдет на сельву большую засуху. Ты хочешь этого?

Аттэхе молчал, потом угрюмо сказал:

— Ты говоришь верно. Город останется без Тунгаты, на остров уйдут из Ольмана много воинов. Легче будет напасть. Подождем!

Старейшины согласно кивнули.

Тут снова запел Белый Отец:

— Великий Угэм, покровитель народа сельвы! Дай нам силу одолеть Плащеносных. В начале времен ты привел в сельву предков народа Ягуара, так помоги нам вернуть дни свободы и счастья!.. Мирную жизнь без змееликих!

Возбужденные песней-заклинанием, старейшины повторяли слова сказителя, приложив руки к груди. Даже суровый Аттэхе машинально качался из стороны в сторону. В раскосых глазах Вачинги затаилась усмешка. Он мало что понимал в верованиях тэнков и охотников сельвы. «Кто такой Угэм? Праотец людишек болот и джунглей? Мудрый, сильный вождь? Да, да, так говорил жрец Гуаба... Смешно верить сказкам племени Ягуара. Я поклоняюсь лишь Гремучему Змею, богу своего племени. Презренные тэнки! Надеются взять верх с помощью какого-то Угэма, чьи кости давно развеял ветер вечности. Не одолеть никому Длинных Плащей!.. Я обману людишек Ягуара, если...—Вачинга даже затаил дыхание, столь дерзким был его замысел,—если знатные люди Ольмана назовут меня своим правителем».

Все дело заключалось в том, что Тунгата, которому Вачинга хотел жестоко отомстить, приходился ему сводным братом. Всего лун двадцать назад Вачинга был Старшим Воином и водил караваны с драгоценным нефритом от гор Тустлы к побережью. Неимоверно

трудны переходы через сельву и болота даже для сильных и сытых воинов. А что говорить о рабах-носильщиках, истощенных недоеданием!.. После тяжелого перехода Вачингу ждала в Ольмане Инчун с бирюзовыми глазами и светлой кожей. Он отдыхал, сладко ел, предавался любви. Но пока он спал под дождем в сельве и месил в очередной раз болота, его сводный брат Тунгата увел Инчун во дворец. Вачинга не покорился воле правителя, а совершил неслыханное: ночью с помощью подкупленного им телохранителя проник в дом Тунгаты и бежал с Инчун в сельву. Взбешенный Тунгата послал в погоню лучших воинов, беглецов настигли на третий день. Инчун вернули во дворец. Вачингу же, как сводного брата, правитель не решился предать казни, а сослал его надсмотрщиком в копи, где добывали нефрит. Вачинга бежал, много лун скитался по глухим селениям в сельве, потом встретил людей Аттэхе, вождя охотников.

«У-хх, гнусный Тунгата!—сжимал кулаки Вачинга.—Теперь берись: ты отнял Инчун, хотел сгноить меня в копиях Тустлы и полатишься за это кровью».

...Под шелест мелкого ночного дождя Аттэхе незаметно пробрался в тайное убежище Белого Отца. Пещера была вырыта в толще плато Ольмана, хорошо укреплена адобами и базальтовыми плитами. Пещера была просторной, сухой, вход в нее надежно скрывали густые заросли. Никто не знал о тайном убежище Белого Отца, кроме Аттэхе.

Сказитель сидел у дальней стены, жевал метельчатый шалфей—верное средство от ревматизма и простуды.

— Наступила пора возмездия, Аттэхе.—С кряхтением он прилег на травяную циновку, служившую постелью.—Но я не увижу, как падут дома и дворцы змееликих, ибо сильно устал от груза лет. Дрожат руки, подгибаются ноги... Я стар, очень стар! Пора уходить в страну мертвых.

— Живи, Отец...—ободрил его Аттэхе.—Без тебя грустно будет в сельве.

— Нет, Аттэхе. Мне уже виден конец тропы. Жить надо тебе ради людей Ягуара. И жить долго!

«А будет ли такой долгой моя тропа?—думал Аттэхе.—Вряд ли ожидает меня тихая старость на берегу звонкого ручья. Скоро огонь ярости сожжет змееликих, но пламя борьбы может опалить и меня...»

— Все, что здесь есть, оставляю тебе. Вот камень для законечников,—старик коснулся нуклеуса и кожаной сумки в изголовье.—Тут хранятся знаки, которые даровал Угэм. Священные таблички передаются из рода в род с начала времен. Так гласит предание. Так повелел Угэм, и горе тому нерадивому, кто не сохранит их. Проклятые сынов Ягуара падет на него!

— Понял, Отец. Сделаю все как нужно, если не погибну.

— Тебя охраняет мое заклятие,—убежденно сказал Белый Отец.—Есть у тебя хранитель-помощник. Он тоже знает тайну табличек.

— Теперь мне нужно уйти,—поднялся Аттэхе,—ибо ждет у ручья изгой Вачинга.

— Не верь ему,—предостерег Отец.—В его глазах—измена!

— Но он пока нужен,—сказал Аттэхе.—Он знает город и

хитрости Плащеносных... И ты прав: он чужой, не наш, ему нельзя верить...

И тут что-то дрогнуло в лице сказителя, он торжественно поднялся со своего ложа.

— Я открою тебе тайну, Аттэхе. Ведь и я родился не в сельве. Я пришел к народу Ягуара юным, когда самые старые из тэнков были еще малышами.

Аттэхе смотрел на сказителя, раскрыв от изумления глаза: да, это так, в облике Отца, в гордой посадке его головы смутно ощущалось чужое. Когда-то, вспомнил Аттэхе, Белый Отец носил ожерелье из клыков неведомого в сельве зверя, курил чудную трубку в виде утки, сидящей на спине рыбы.

— Я пришел с Севера,—продолжал сказитель,—где был следопытом, охотником. Наш край совсем не похож на Тамоанчан. Могучие реки текут там по равнине с высокой травой и светлым лесом—не таким, как влажная, душная сельва. На закате от Большой реки лежит пустыня. Это море песков, красных от зноя, и между ними огромные плоские горы, поросшие деревьями; там скалы меняют свой цвет двенадцать раз в день!.. Люди там орошают речной водой скудную почву, выращивают маис и фасоль, пасут индеек... Я родился и вырос в такой долине. Наше селение стояло на склоне холма, а над ним высились белые хребты. Весной наша долина становится оранжевой от цветения чамисы. Еще красивой цветет чолья, дающая сухие и сладкие плоды.

Околдованный рассказом. Аттэхе прикрыл глаза. Он будто воочию видел эту долину, море красных песков. И здесь тоже жили люди, они кочевали вслед за движением солнца. А на холмах виднелись поселки, как соты, террасами уходящие к небу. Холмы казались громадными островами над океаном песков... Слушая Отца, Аттэхе удивлялся высокой земляной насыпи: у нее была квадратная вершина, куда вела пологая лестница с очень широкими ступенями. Чем-то это сооружение напоминало пирамиду на Острове жертв, лишь раз в сто большую.

— Я ничего не знал о странах Севера,—признался Аттэхе.— И люди сельвы никогда не слыхали о том, что ты говоришь. А почему мы не знаем, Отец, скажи?

Сказитель посмотрел на Аттэхе, и тот уловил во взгляде тень презрения:

— Мое племя не хотело знаться с южными людьми, покорно сгибающимися под гнетом злых господ. Некогда наши деды—великие следопыты—достигли сельвы, увидели издали города змееликих и повернули назад. Вожди племени приказали им молчать о виденном, ибо люди Севера не знают рабства и войн. Зачем искушать рассказами?.. Мои родичи свободны от рождения до смерти, а управляет племенем совет мудрых. Жрецы есть и у нас, они зовутся «папас», это добрые жрецы: они не требуют человеческих жертв. Мы поклоняемся солнцу и природе, злых богов у нас нет. У нас равны все, каждый получает одинаковую долю пищи, и все трудятся на земле.

— Так почему же, Отец, ты покинул свою прекрасную родину?!

— Несчастье это, Аттэхе!..—с болью ответил сказитель.— До сих пор плачу я о темно-синих долинах и освещенных солнцем пустынях, о холмах, покрытых светлыми лесами. Меня погубила

тяга к странствиям. Однажды я дошел до Голубого моря, чьи волны омывают и берег Тамоанчана. В устье Большой реки, где обитали рыболовы, я сдружился с одним человеком. И мы вместе добывали рыбу. Однажды буря понесла лодку к югу... Мой друг утонул, а меня вместе с разбитой лодкой выбросило на берег. Так я оказался в племени, живущем в сельве. Тогда я был молодым, сильным и мог бы вернуться на Север да не знал пути. Люди сельвы приняли меня в свою общину. И я полюбил их, решил остаться... Теперь иди, Аттэхе, я устал.

...Знойный день кончился, но и вечер не принес прохлады: духота была такая, что, казалось, сам воздух стал липким. С трудом Вачинга взбирался вверх по склону плато. Наверху его ждал Аттэхе. Изгой задел твердый ком глины, который с шумом покатился вниз. Тут же из ниши Дома правителя вышел рослый воин в длинном иаще. В сиянии ущербной луны блеснуло острие дротика. Ольмек долго вслушивался в ночь. Вот глухо рыкнул в сельве ягуар, испуганно провыл койот—и опять тишина. Страж успокоился, снова исчез во мраке. «Ну, иди, поспи,—насмешливо подумал Аттэхе.—Неведомо тебе, что ожидает змееликих. Жить тебе осталось мало, мои отряды окружают Ольман...»

Словно корабль в лунном море, возвышался Ольман над сельвой и болотами, досматривая сны о былом величии. Никто не подозревал, что на заре пробьет час расплаты.

— Скажи мне,—Аттэхе взглянул на яркие низкие звезды,—сколько воинов в городе, где они спят?

Вачинга кивнул, жестом велел следовать за ним. Бесшумно двигаясь в граве, они достигли каменных хижин ремесленников. Взобравшись на крышу одной из них, Аттэхе огляделся. Перед ним лежала главная площадь, справа был Дом правителя, у его главного входа чадили факелы, вставленные в каменные кольца стены. Багровый свет освещал склоненные головы стражей: они не то дремали, не то о чем-то беседовали. По краям площади темнели исполинские изваяния. Вывороченными толстыми губами загадочно улыбались древние правители Ольмана. Слева, на глиняной платформе, облицованной белой плиткой, стоял большой храм. Аттэхе увидел над его фасадом барельеф—лицо человеко-зверя. «Это бог дождя, пожирающий детей...»—с ненавистью подумал он.

— ...А за домом Тунгаты,—говорил тихо Вачинга,—лежит улица Первых Воинов Правителя. За нею тянется улица Простых Воинов. На той платформе—Дом бога. Главная труба воды проходит еще левее.

Зорко взглядываясь в панораму города, Аттэхе спросил:

— Там и дома стражей-телохранителей?

— Нет. Видишь длинные хижины правее дома Тунгаты? Там они живут. Многие из них ушли на Остров плача детей.

— Сколько же осталось?

Вачинга мысленно подсчитывал, закрыв глаза тяжелыми припухшими веками.

— Столько же, сколько зерен маиса в двух горстях.

— О-хэй!.. Это много.

— У тебя больше людей,—странно ухмыльнулся Вачинга.

Тут громко провыл койот—совсем рядом, у основания плато.
— Здесь уже мои отряды,—сказал Аттэхе.—И нам пора идти. Возвращайся к своим людям. Начнешь бой по сигналу.

Глядя вслед изгою, Аттэхе взмолился: «Отец сельвы Угэм! Промоги нам победить сегодня». На мгновение вспомнилось ему прожитое, он как бы попрощался с ним... Больше двухсот раз сменились луны на небе с тех пор, как Аттэхе, сильный юноша, день за днем трудился вместе с другими на плоской, накаленной солнцем вершине Чалькацинго. Мастера ели и спали тут же, в тени обработанных базальтовых валунов. Иногда с равнины на утес поднимались тэнки, они под конвоем змееликих приносили скудную пищу — фасоль, маисовые лепешки, воду, немного плодов. Однажды Аттэхе удалось незаметно смешаться с ними, а потом скрыться в сельве. Обжигающая ненависть к поработителям привела его в стан недовольных. Прошло время, и Аттэхе возглавил их.

Койот провыл вторично, и Аттэхе пополз к отряду, затаившемуся у подножия ольманского плато. Город цепенел в предутреннем сне, не ведая, что стражей на краях плато бесшумно умертвили охотники.

Сжимая в руке боевой топор, Вачинга ждал сигнала к атаке. В его ушах гулко шумела кровь, ибо он понимал: сегодня или никогда! Либо он станет правителем Ольмана, либо бесславно погибнет. Протекли мгновения. На платформе алтаря, замыкающего улицу Первых Воинов, туманным призраком возник Аттэхе и, потрясая обсидиановым мечом, пронзительно крикнул:

— Сэ-лу-гэм! Эй-йо, ту-ук-сэ!..

Ряды людей-ящериц в считанные минуты поднялись на плато и продвинулись к дому Тунгаты, обогнав Аттэхе, бежавшего не так быстро, как юноши-охотники. Обвальным грохот барабанов, крики тэнков, подражающих голосам зверей, вой и стоны первых раненых ударили в стены незаконченного храма. Рабы-строители, вповалку спавшие на земле, очумело вскочили на ноги, не понимая, что случилось. Люди Аттэхе налетели, как ураган, и рабы сразу поняли... Они добивали стражей камнями, душили голыми руками, резали им, горло лезвиями из обсидиана. Впервые на их истощенных голодом и работой лицах засветились улыбки, огнем мести загорелись глаза.

Вторая волна атакующих наткнулась на железные ряды Первых Воинов, неожиданно пришедших совсем не с той стороны, как предрекал Вачинга. И воины стали теснить охотников и тэнков.

— Куда пропал изгой?!—закричал Аттэхе.—Где он, лживый? Приведите ко мне!..

Но его никто не слышал в шуме закипевшего боя.

Строители храма довольно скоро одолели своих врагов. Почти все стражники были убиты, лишь один из них — высокий и тучный, как раскормленный индюк, — разметал группу изможденных рабов и кинулся на улицу Первых Воинов. Вслед ему Шраморукий — тот, что был на совете в хижине, — метнул лиану. Петля оплела бегущего и швырнула на камни мостовой. Завывая от ярости, Шраморукий всадил в брюхо ольмека копьё, для верности повис на дрове.

Отборные воины Тунгаты встали стеной вокруг Дома правителя, ошестинившись копьями, дротиками, мечами. Толпа рабов-строителей добежала до их шеренг и отхлынула, теряя бойцов. И опять

кинулась в атаку. Каменные плиты площади окрасились кровью, устилая ее телами раненых и убитых. Однако падали и защитники Дома. Потом с обрыва плато набежали сотни юношей-охотников. Карабкаясь друг на друга, как по живой лестнице, они проникли через окна в Дом правителя, поднялись на крышу, и град камней и стрел обрушился на головы ольмеков. Телохранители дрогнули, шеренги заколебались, воины поспешно прикрыли головы щитами. Многие корчились на земле... Из окон здания выплеснулись языки пламени. Распались ряды ольмекских воинов, отступая в глубину улиц. И тут Аттэхе не поверил своим глазам: от длинных казарм Простых Воинов быстрым шагом двинулись к месту сражения свежие отряды ольмеков. Их вел Вачинга.

— О гнусный койот!..— Аттэхе в ярости выдрал из бороды клок волос.— Почему я не послушался голоса сердца? Тот, кто предал свой род, предаст и того, кому поклялся служить... Берегись, Вачинга!

Люди изгоя атаквали рабов, давая возможность Первым Воинам вновь сплотить свои ряды. Опять густо полетели стрелы, над морем голов поднялись утыканные осколками базальта палицы; скрестились дубины и мечи. Вачинга рассчитывал, сокрушив воинов Аттэхе, снискать славу спасителя Ольмана, тогда можно будет проложить дорогу к власти, устранить Тунгату.

Аттэхе удалось с горсткой охотников пробить в рядах людей Вачинги узкий коридор: он жаждал добраться до изгоя. Вот еще несколько шагов, уже близко. Аттэхе ловко уклонился от дротика, пущенного Вачингой, но дротик вонзился в старейшину тэнков, который следовал за Аттэхе. Старейшина упал, захлебываясь кровью.

— Я доберусь до тебя, изго-ой!..— завыл Аттэхе.—И задушу...

Он ясно различил перекошенное лицо Вачинги, который бесом крутился в водовороте боя, криками подбадривая своих:

Воины теснили восставших к краю обрыва плато, куда Вачинга замыслил сбросить тэнков и охотников, «Где третий отряд из сельвы?—в отчаянии думал Аттэхе.— Неужели конец? Кто же сохранит для племени знаки Угэма!»

На храмовую площадь вбежал запоздавший отряд охотников, и схватка вспыхнула с новой силой. Люди Аттэхе воспряли духом. Простые Воины повернули назад. «Слава Угэму!..—мысленно воскликнул Аттэхе.—Он услышал мой призыв». Вачинга успел скрыться в гуще отступавших ольмеков. К тому же облака дыма горевшего Дома заволокли поле боя. Люди сельвы не щадили змееликих. Их ловили сетями из пальмовых волокон, душили лианами, разбивали черепа, пронзали копьями. Хмельная, туманившая разум весть о победе исторгла из тысяч глоток ликующей рев... Тэнки метались по улицам и площадям Ольмана, чего-то искали, горя жаждой действия. Какой-то великан взобрался в проем окна Дома правителя, потряс дубинкой и подал мысль, созвучную желаниям восставших:

— Круши-и лики!.. Си нэ-е гэм-м!

Тэнки, охотники, рабы засвистели от удовольствия. Спустя минуты они уже колотили молотами из базальта и глыбами по изваяниям правителей, особенно Тунгаты, норовя сбить у него толстый нос и глаза из серпентина. Но сверхтвердый базальт едва крошился... Тогда рабы возвели помост, вкатили на него обломки

скал и валуны того же базальта и обрушили на изваяние правителя. Брызнула во все стороны черная крошка, поднялась туча пыли. Кое-кто с уханьем и присвистом ломал стены Дома правителя, а с барельефа все так же грозно скалился бог ольмеков с чертами человеко-зверя.

А назавтра Аттэхе готовился идти с отрядами к Острову жертв, чтобы пленить Тунгату и наказать предателя Вачингу: вождь восставших думал, что изгой бежал туда же. Но пришла весть, что восстание перекинулось и туда. Войско правителя рассеяно, а сам он пал в битве.

...Аттэхе повернулся лицом к руинам, чтобы перед уходом в сельву насладиться видом поверженного Ольмана, так долго истязавшего сынов Угэма. И вдруг прилетела стрела, она пробила грудь Аттэхе и замерла, упруго подрагивая оперением.

— Су нэ го-о...—изумленно выдохнул Аттэхе, качнулся и стал падать ничком.

Его подхватили Шраморукий и один из охотников.

— Скорей зовите Белого Отца...—цедил Аттэхе из последних сил.— А изгоя ищите в руинах!.. Там он, дважды предавший.

Вачингу притащили пять дюжих тэнков—он не сопротивлялся, лишь с непонятным сожалением смотрел на Аттэхе: тот висел на плечах Шраморукого, отчаянно боролся со смертью, Потом изгой глухо, неразборчиво забормотал, его мертвые глаза ожили, лицо исказила гримаса отчаяния. Никогда не быть ему правителем Ольмана, город поглотит сельва, а сам он исчезнет из памяти людей. Без следа! И, осознав это, Вачинга страшно завыл, раздирая лицо ногтями, потом выхватил из складок-плаща обсидиановый нож и всадил себе в сердце.

Аттэхе тоже прощался с ярким солнцем, синим небом, с теми, кого любил. Стрела в его груди торчала, ибо он запретил вытаскивать ее: хотел продлить минуты ясного сознания. «Где ты, Белый Отец, почему не идешь?» Аттэхе мучился, ждал, не зная, что изгой выследил тайное убежище и час назад убил сказителя. Черная мгла застала глаза вождя охотников сельвы, но на миг Аттэхе снова увидел солнце и лица своих людей. Мощным, как в молодости, голосом (так ему показалось), а на деле чуть слышно произнес:

— Радуйся, Отец! Мы победили змееликих, Я сохранию таблички со знаками... Они перейдут из рода в род... Скажи людям сельвы: «Пусть уходят из проклятого города, пусть он развеется пылью».

...Тэнки, положив бездыханное тело Аттэхе на циновки из травы, стали готовить погребальный костер. Шраморукий сидел подле вождя, и вся его поза выражала бесконечное горе.

— Вставай, надо уходить...—коснулся его плеча старейшина.— Аттэхе уже в Стране мертвых и говорит с Угэмом.

Аман смахнул со лба капли пота: день был жаркий. Тирлинг и Демченко молчали, думали. В их сознании жили давно канувшие в Лету люди сельвы: Аман изложил свою гипотезу, навеянную пиктограммами и завораживающими картинами геоскопа.

— Это все?—обронил Тирлинг. Вид у корифея американистики был отрешенный, словно мысли блуждали далеко.— Что могло быть

потом?—вслух подумал он.—Весьма убедительная фантазия. В живых образах.

— Не знаю, никто не знает,— ответил Аман.— Давайте подумаем, где начать новый раскоп. Может, геоскоп найдет еще что-то?

Влажный ветер с залива ударил Аману в лицо. Археолог глубоко вдохнул его, подошел к обрыву плато. И вдруг Аман почувствовал, что ничто не проходит бесследно, ибо все сущее связано неразрывно. И он опять увидел храмы и дворцы ольмеков, лица охотников и тэнков. «Как давно вы жили, но, как и мы, ненавидели угнетателей и рабство. Ваши души и сердца жаждали свободы, братского тепла. И ради этого вы шли на смерть! Ты мой брат, Аттэхе. Через века я кричу тебе: «Мечта о мире без войн, мечта о братстве всех людей не умрет никогда! Факел борьбы не гаснет, он разгорается. Твои потомки здесь—в Гватемале, Никарагуа, Сальвадоре—с оружием в руках и с мечтой о лучшей жизни идут вперед, в будущее. Как и ты, Аттэхе, борцы бессмертны...»»

Порыв ветра с залива снова омыл его лицо. Оттуда шли тяжелые, низкие тучи. В тропических болотах вдохновенно пели мириады лягушек, предвещая наступление сезона дождей.

МИРЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБЛЮ

Фантастическая повесть *

Многие спрашивают меня, чем вызвано мое страстное увлечение Космосом и каковы причины жгучего интереса ко всему тому, что касается следов пребывания инопланетян на Земле и их контактов с людьми.

Кое-кто из близких, особенно родители, не раз упрекали меня в том, что я верю всем этим непроверенным данным, которые можно почерпнуть в специальных статьях, популярных журналах и книгах, рассказам тех, кто видел так называемые Неопознанные Летящие Объекты и проникся уверенностью, что за нами наблюдают существа из других миров.

Конечно, меня мало трогает подобное осуждение, но не возмутительно ли, что те люди, которых я уважаю и люблю, остаются слепыми и глухими к фактам и не могут отнестись к ним с достаточной объективностью и серьезностью! Потому-то раньше я не отваживалась сказать им всю правду, за исключением двух или трех раз, когда я ее лишь немного приоткрыла.

Но сегодня я решилась поведать о том, что со мной произошло, и лишь прошу тех, кто поймет меня правильно, никогда не спрашивать об этом, потому что я не добавлю к сказанному ниже ни слова.

Все, что мне разрешено рассказать,—в этой повести, которую конечно же—я не строю иллюзий—многие примут за научно-фантастический вымысел. Но и это не так уж плохо, ибо вызовет к моему повествованию хоть какой-нибудь интерес, а не только скептически-снисходительные улыбки.

Друзья, которые бывают у меня в доме и которым я кое-что рассказала, могут получить некоторые доказательства моей правдивости. Это, например, знаки, нарисованные мной на крыше дома, и необычные фигурки, которые я бережно храню в маленькой шкатулке. Повторяю, здесь будут описаны не все факты. Кое-что меня просили никогда никому не открывать. Поэтому будет несколько «пустот», оставшихся без разъяснения. Иногда мой рассказ покажется очень подробным, иногда же чрезмерно поверхностным и лишенным логики.

* Печатается с некоторыми сокращениями.

Все началось во вторник, в середине июля 1977 года.

Хотя, сказать по правде, за две недели до этого, в конце июня, произошло событие, послужившее прологом к последующим. Но вначале о доме, в котором я живу. В нем царит атмосфера благожелательности и дружелюбия, каждый член семьи, увлеченный своими интересами,—это особый мир, хотя жизнь каждого тесно связана с жизнью всех остальных. Если смотреть с улицы, наш дом производит впечатление солидного, респектабельного—этакий розовый особняк, жизнь в котором течет мирно и даже скучновато. Кусты роз буйно растут у крыльца. Это крыльцо, широкое и прохладное,—любимое место моих родителей, особенно в знойные летние вечера. Здесь можно посидеть после рабочего дня, поговорить, выпить чего-нибудь освежающего. Сам же дом ничем не отличается от прочих домов такого рода. Закрыв за собой входную дверь, вы попадаете в большую прихожую, затем в длинный коридор, выходящий во внутренний двор, засеянный травой и обсаженный деревьями.

Коридор—сердцевина дома, он соединяет спальни и ванные комнаты со столовой, кухней, маленькой террасой и лестницей, ведущей в спальню наверху, единственную комнату на втором этаже. Подробное описание расположения комнат очень важно для моего рассказа.

Когда вы из прихожей попадаете в коридор, первая дверь налево—моя комната. Как раз напротив, то есть справа по коридору, узкая и крутая лестница, ведущая в спальню, которую мы попросту называем верхней комнатой. Шесть ступенек отделяют ее от плоской крыши, выполняющей множество функций. Мои братья, например, когда были маленькими, там устраивали игры. Отец разрешал, так как крыша окружена высокой балюстрадой. Мать вешает там белье на протянутых по всей длине крыши веревках. Собака любит облаивать оттуда прохожих или редкие машины, проезжающие по улице, а кот принимает по утрам солнечные ванны, чистя шерстку острым язычком. Я иной раз поднимаюсь туда читать или писать, а чаще в ясные лунные ночи расхаживаю по этой небольшой площадке, чтобы быть немного ближе к мирам, которые я люблю. Иногда останавливаюсь посреди крыши и, подняв лицо к звездам, делаю два-три глубоких вдоха. Это дает приятное ощущение физического и духовного очищения. Итак, вернемся к июню 1977 года. В тот вечер родители мои беседовали, сидя на крыльце; свет в доме был потушен. Я прислушивалась к разговору, пристроившись на изгороди цветника спиной к улице.

Мать собиралась что-то сказать, как вдруг отец перебил ее громким восклицанием:

— Вот это да! Посмотрите-ка!

Он показывал на небо в том направлении, где возле дома росли деревья. Я обернулась и увидела то, что в тот момент приняла за огромный метеорит. Он был почти круглым, немного сплюснутым сверху и снизу и летел на юго-восток по очень странной траектории, как-то по диагонали. Когда излучаемое им свечение замелькало в кронах деревьев, он вдруг полетел горизонтально и исчез. Мы посудачили об этом происшествии и перешли на другие темы.

Вспомнила я о метеорите на другой день, когда пришла на занятия. В то время я училась на втором курсе Гаванского

университета. Был понедельник, и, как обычно, перед лекциями студенты делились тем, как прошел конец недели. Метеорит— явление необычное. Мне захотелось узнать, не видел ли его кто-нибудь еще из студентов. Но оказалось, что никто не видел, и я была разочарована. И вот, когда я вторично описывала его путь, для наглядности прочерчивая в воздухе траекторию указательным пальцем, ведя его сначала по диагонали справа налево, а затем, круто изменив направление, по горизонтали, рука моя вдруг застыла. Я вдруг поняла, что это был не метеорит и вообще не какое-либо другое природное образование. Ведь оно не может двигаться по ломаной линии или изменять направление полета. Это открытие не давало мне покоя. Осторожно, притворяясь равнодушной, я спросила у родителей, не забыли ли они это событие. Да, конечно, но без подробностей: ни величины, ни направления полета небесного тела они припомнить уже не могут.

Прошло две недели, и ничто не нарушало обычного течения университетской жизни с ее лекциями, семинарами и экзаменами.

Наступил июль. В промежутке между двумя экзаменами, когда я отдыхала, решив «проветрить мозги», случайно взяла в руки экземпляр журнала «Латинская Америка», выпускаемый издательством «Прогресс» в Советском Союзе. Это оказался третий номер за 1975 год, где была помещена статья Марии Рейчел, озаглавленная «Рисунки Наска».

Я и раньше знала о загадочных рисунках, начертанных в пустыне Наска, в Перу. Это десятки гигантских изображений птиц, ящериц и других животных, изображения трезубцев, ломаные и параллельные линии во всех направлениях, смысл которых для нас непонятен. Все они были выполнены в доколумбову эпоху. Рисунки Наска считаются одной из величайших тайн, над которой бьется археология XX века. Самое удивительное в том, что, видимо, эти рисунки были сделаны людьми, знакомыми с авиацией, по крайней мере метод изображения подсказан кем-то, кто был с нею знаком, ведь охватить взором все изображение можно только с большой высоты. Поэтому они и были обнаружены лишь в наше время, в 20-х годах, когда самолеты позволили человеку подняться над перуанской долиной.

Статья была очень подробной, описывались многие рисунки и их размеры. Однако о цели их создания почти ничего не говорилось. Был сделан намек, что это, возможно, гигантский астрономический календарь, но оставалось неясным, зачем потребовался такой трудоемкий и сложный календарь, на создание которого ушли многие годы. Разве не логичнее предположить, что те, кто создал рисунки, сделали это с какой-то иной, более практической целью?

Когда я стала подробнее изучать этот вопрос, то встретила с гипотезой, что неведомые создатели рисунков Наска были способны подниматься на большую высоту. А все фигуры, знаки и символы сделаны для того, чтобы ориентироваться по ним в воздухе, прокладывая воздушные трассы.

Два или три дня я только об этом и размышляла. Странный «метеорит» как-то связывался в моем сознании со статьей Рейчел. А тут еще один мой соученик, с которым мы иногда беседовали на подобные темы, рассказал мне кое-что. В правдивости его слов я ни минуты не сомневалась: это очень серьезный и искренний человек. Как-то в перерыве между лекциями он отозвал меня в сторону и

зволнованно сообщил следующее. Накануне, между семью и половиной восьмого вечера, когда он шел от Гаванской бухты, над морем появилось странное небесное тело овальной формы. Излучая яркий свет, оно пересекло небо параллельно линии горизонта и скрылось. Какой-то прохожий, шедший неподалеку, тоже это видел. Мой приятель обменялся с ним предположениями о том, что бы такое это могло быть.

Вот тут-то и началось прямо-таки наваждение. В голове моей царил такой сумбур, что невозможно описать словами. Мысль о странных небесных телах преследовала меня днем и ночью. Я уже твердо знала, что они здесь, как говорится, на расстоянии вытянутой руки; но если ничего не предпринимать, можно упустить возможность общения с ними. Я знала из многочисленных иностранных газет и журналов о так называемых Неопознанных Летающих Объектах, которые чаще именовали сокращенно НЛО. Описывались случаи, когда над какой-нибудь местностью на некоторое время появлялся НЛО, а потом исчезал. Причина этих неожиданных появлений и исчезновений оставалась неизвестной. Ну можно ли было оставаться к этому равнодушной?

Теперь я точно знала, что в течение двух недель над городом заметили два НЛО (ведь мой «метеорит» тоже НЛО). Значит, в действительности их должны быть десятки. Теория вероятностей подсказывала, что, если в двухмиллионном городе за короткий промежуток времени один и тот же человек дважды сталкивается с подобным редко наблюдаемым явлением, значит, оно происходит в десятки раз чаще.

Надо было что-то делать, но что именно?

Тогда-то я опять вспомнила о рисунках Наска.

В доме меня стали считать чуть ли не сумасшедшей. Я и в самом деле была как помешанная. Действительно, те ступки, на которые я решилась, вряд ли можно было считать со стороны разумными.

Не обращая внимания на насмешки моих братьев и ворчанье родителей, я сделала следующее: нарисовала знаки на крыше дома.

Самым трудным было найти способ передачи сообщения, понятный для существ других миров, если НЛО управляются ими, ведь в них могли находиться и телеуправляемые аппараты типа роботов.

Я подумала, что если эти существа бывают на Земле с давних времен, допустим с эпохи Древнего Египта (если верить папирусу Тулли, который датируется XIV веком до нашей эры), то они должны не только хорошо знать нашу общественно-историческую эволюцию, но и основные способы связи. Из таких способов азбука Морзе показалась мне наиболее подходящей по своей простоте, ведь надо было изобразить только точку и тире. Я выбрала два знака. Первый употребляется обычно в начале передачи, как бы предупреждая: «Внимание! Начало передачи!» Второй вроде бы приглашение к разговору, когда ожидается ответ собеседника. Сообщение вышло ясным и понятным для тех, кто знаком с азбукой Морзе.

Предстояло нечто очень важное. Я вызвала на разговор кого-то, но кого именно? Ясно было только одно: связь нужно установить между существами разных планет. Поэтому в конце концов я нарисовала два огромных круга на некотором расстоянии друг от друга. Внутри одного из них обозначила контуры Америки, часть Европы и Азии так, как это обычно делают на картах. Внутри

второго круга изобразила знак вопроса, желая этим показать, что мне неизвестна планета, с жителями которой я желаю вступить в контакт. Я подумала, что этот интернациональный символ инопланетяне должны знать наверняка, если ловят наши передачи через спутники и знакомы с нашими телеизображениями. Я соединила оба круга стрелками, что должно было означать связь между двумя мирами. Стрелки ведь тоже универсальный символ. Все это было нарисовано белым на ярко-оранжевом фоне.

Чтобы получить представление о размерах рисунков, могу сказать, что площадь нашей крыши—двадцать шесть на десять метров. Диаметр круга, изображающего Землю, достигал трех метров.

Я потратила на рисунок около шести часов.

Было ясно: вероятность того, что они увидят рисунок с высоты, невелика, хотя он и получился ярким. Но я надеялась на удачу—вдруг его все-таки заметят!

В течение нескольких дней я с нетерпением ждала какого-нибудь знака, свидетельствующего о том, что мое сообщение достигло цели. Что это может быть? Письмо, телефонный звонок или записка, оставленная где-нибудь? Я предполагала, что уж если они захотят вступить со мной в контакт, то найдут доступные для меня средства и формы.

Но какова вероятность этого? Чем я могла быть им интересна? Я ведь не какой-нибудь гениальный ученый. Что я смогу сообщить экстраординарного? Какой обмен информацией может быть между нами? Тогда я еще не знала того, что поняла позже: существует нечто более важное, чем вся наука и техника в мире, все изобретения и открытия, сделанные человеком с тех пор, как он существует,— это сам Человек...

В это же время один мой друг—назовем его Карлос—подарил мне журналы, которые привез из Мексики его двоюродный брат—моряк торгового флота, регулярно плавающий с Кубы в Мексику. Эти журналы печатали популярные статьи о телепатии, телекинезе и прочих вещах в том же роде. Говорилось там и об НЛО. Карлос, зная, как интересуется меня эта тема, подарил мне кипу таких журналов. Тут я нашла статьи известных ученых (археологов, физиков, астрономов, историков), попадались и рассказы простых людей—крестьян, учителей, рабочих, студентов, пилотов, которые были свидетелями появления НЛО либо в воздухе, либо на земле; некоторые уверяли даже, что видели членов экипажа космических кораблей.

Меня особенно заинтересовал один журнал. Опираясь на свидетельства десяти опрошенных, художник изобразил три вида существ, которые были внутри корабля или спускались с него. Конечно, трудно было поверить в подлинность подобных событий. Поэтому-то я отнеслась к статьям с определенной долей недоверия—приняла их с оговорками. Я твердила себе, что ничем не доказано, было ли это так на самом деле, но, с другой стороны, не существовало и доказательства, что все эти свидетельства ложны.

Однажды вечером, почитав, как обычно, полчаса перед сном, я погасила свет и уснула. Не знаю точно, сколько прошло времени, думаю, было три или четыре часа утра, когда я проснулась. Мне снились кошмары. Веки, казалось, были налиты свинцом, но снова заснуть я не могла.

Села на кровати, спрашивая себя, что могло меня разбудить. Я чувствовала: случилось нечто необычное, но спросонок не могла сосредоточиться.

В комнате было темно, слышалось только тиканье часов... Хотя нет, не только тиканье.

Необычный в этот предрассветный час звук смешивался с тиканьем будильника, стоящего на тумбочке у кровати. Ритмичный звук, будто капли воды падали из неплотно закрытого крана. «Так, наверно, и есть!—подумала я.— Где-нибудь небрежно закрыт кран, и из него капает». И я снова легла.

Но нет, это не был звук падающих капель.

Я снова открыла глаза. Это был глухой, суховатый звук, повторяющийся через равные промежутки времени, секунды через три. Теперь я была уверена, что он доносится не из ванной, хотя никак не могла понять, откуда же. Впечатление было такое, будто звук наполнял всю комнату. Нелепость ситуации меня почти разозлила. Я широко раскрыла глаза, как бы смахивая с них остатки сна, и снова уселась на постели.

И вдруг я поняла, что звук доносится откуда-то сверху. Машинально взглянула на потолок. Крыша! Звук доносился оттуда! Может быть, наверху кто-то ходит? «Но это не звук шагов,—сообразила я,—шаги не бывают столь одинаковыми и промежутки между ними такими равномерными».

Мне стало страшно. Я спросила себя, смогу ли подняться на крышу или нет. В конце концов победило любопытство.

Я стала одеваться в темноте, стараясь ничего не задеть. Меня лихорадило от возбуждения. Осторожно открыла дверь комнаты и стала подниматься по лестнице на цыпочках. Окна верхней комнаты были открыты настежь. Коротенькие занавески шевелил легкий ветер с моря. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: в комнате нет ничего необычного. Я решила преодолеть последний пролет лестницы. Остановилась у двери, ведущей на крышу, и прислушалась. Не доносилось ни звука. В полнейшей тишине я различала только удары собственного сердца и шум крови, пульсирующей в висках.

Очень осторожно, стараясь не произвести ни малейшего шума, я открыла дверь и вышла наружу.

Там, справа от меня, в десяти метрах над домом, неподвижно парил в воздухе космический корабль, белый и округлый, в форме чечевицы, около двадцати метров в диаметре.

А прямо под ним, на крыше нашего дома, спокойно стояли, будто это было им привычно, трое существ ростом около двух метров и молча меня разглядывали.

Не знаю, сколько времени я не решалась ни заговорить, ни пошевелиться. Кажется, прошла вечность, прежде чем одна из фигур шагнула ко мне и тут же остановилась. Я поняла, что они не будут торопить события, они как бы хотят спросить, отважусь ли я на контакт с ними, ведь это я сама вызвала их, они лишь откликнулись на призыв.

Меня восхитило столь деликатное поведение, и это рассеяло мои последние страхи.

Я пошла по крыше, дрожа от волнения, и остановилась в пяти шагах от группы. Двое из них походили на мужчин, а одна на

женщину, любой землянин сразу сказал бы, что это так и есть. Их лица и телосложение находились в полном соответствии с земными представлениями о человеческих существах. Однако что-то выдавало в них жителей других миров.

У мужчин, чьи гибкие и пропорционально сложенные тела были красивы и пластичны, обращали на себя внимание длинные волосы до плеч снежной белизны, зачесанные назад. Большие глаза казались очень выразительными в лунном свете. Правда, когда я впервые увидела их в ярко освещенной комнате, мне стало не по себе: столь непривычно было видеть глаза красного цвета.

И мужчины и женщина были одеты в белые блестящие костюмы, перехваченные поясом из серебристого металла, украшенным инкрустацией сложного рисунка. Нечто вроде сапог повыше щиколоток крепилось к костюмам застежками типа «молнии». Сделана обувь была из какого-то эластичного материала, который шуршал, как бумага.

У женщины в отличие от мужчин волосы были черные, уложенные в элегантную прическу. Тонкие голубые и белые ленточки обвивали волосы, падающие мягкими волнами на спину и плечи.

Я смотрела на них, не зная, что предпринять. Улыбнуться? Протянуть руку? Поклониться? Что я должна была сделать? Я никогда не попадала в подобную ситуацию. В отчаянии я вспоминала научно-фантастическую литературу. Но ничего не приходило в голову. Казалось, авторы никогда не задумывались над тем, что

делать, когда встречаешься лицом к лицу с пришельцами из других миров.

К счастью, они сами пришли мне на помощь.

Женщина сделала ко мне два шага и, приложив руку к груди, сказала:

— Я Неда.

Наступила очередь мужчин:

— Меня зовут Эрк.

— А я Мгош.

Они с трудом изъяснялись по-испански, их акцент походил на италийский.

Я решила и прошептала:

— Дайна.

Потом облегченно вздохнула, будто с плеч свалилась огромная тяжесть.

— Ведь ты звала нас? — спросила Неда.

— Д-да, — с запинкой проговорила я. — Простите меня, но все так неожиданно. Теперь только до меня дошло, что я никогда не думала о такой встрече как о чем-то реальном.

Не успела я произнести эти слова, как тут же раскаялась. Ну разве можно говорить об этом существам с другой планеты!

Неда одобряюще улыбнулась:

— Не беспокойся, со всеми происходит примерно то же самое.

— Как... со всеми? Разве... я не первая?

— Нет, мы со многими землянами вошли в контакт.

Разговаривая по-испански, они часто подыскивали слова, но объяснялись довольно ясно. Мне о стольком хотелось их расспросить, но голова шла кругом, и я спросила только, как они выучили испанский.

Мне казалось невероятным, что они тут, рядом со мной. И я все спрашивала себя, не сон ли это. Как же это возможно, что они обратили внимание на мое детское послание?

— Мы отвечаем на любую попытку общения с нами, когда узнаем о ней и когда это не представляет никакой опасности для обеих сторон.

Я вздрогнула. Почему Неда заговорила на эту тему? Я ведь ни о чем подобном не спрашивала. Совпадение?

— Да, мы можем читать мысли. Но ты не должна беспокоиться. Твои мысли — очень... — она запнулась, — очень приятны. Я правильно выражаюсь?

Мне осталось лишь благодарно улыбнуться.

— Как тебе пришло в голову сделать рисунки, чтобы вступить с нами в контакт? — спросил Мгош.

Я объяснила.

— То, что ты сделала, конечно, довольно оригинально, но это не единственный случай.

— Значит, кто-то еще использовал такой же метод?

— Семь человек в течение ста лет.

Я вдруг забеспокоилась. Уже несколько минут, как мы разговариваем, и если кто-нибудь услышит наши голоса, может проснуться и выйти посмотреть, что тут происходит.

— Все в порядке, — сказал Эрк. — Сейчас никто из обитателей дома проснуться не может.

Я посмотрела на него озадаченно.

— Мы сделали так, чтобы они не проснулись.

— Но...

— Это не причинит им ни малейшего вреда,—поспешно сказала Неда.— Мы никогда не используем ничего такого, что могло бы быть во вред землянам.

Я успокоилась.

— Не желаешь ли ты подняться на корабль?—вдруг спросила Неда.

— Я?!

— Ну да, если хочешь. Там удобнее разговаривать.

Хочу ли я? Что за вопрос? Да конечно же!

Но вслух я этого не произнесла, уверенная, что они без труда прочитали мои мысли. Только ждала, чтобы мне указали, каким образом подняться на корабль, который неподвижно висел в воздухе.

— Пойдем с нами,—сказала Неда.

Она взяла меня за руку и вела до тех пор, пока мы не оказались прямо под кораблем.

— Не пугайся,—предупредил Мгош.— Мы поднимемся на антигравитационном луче.

Прежде чем я поняла, что это значит, неведомая сила подняла меня. На мгновение показалось, что я падаю в пустоту. Я сжала кулаки, чтобы не закричать от испуга, и вдруг увидела, что излучаю свет.

Неда мягко потянула меня за руку, помогая выйти из зоны антигравитации. Почувствовав под ногами твердую поверхность, я облегченно вздохнула.

Отверстие автоматически закрылось. Я была внутри корабля!

Комната ярко освещалась, однако трудно было понять, где же источник света. Казалось, светился сам воздух. Эрк сказал, отвечая на мой немой вопрос, что это достигается ионизацией молекул воздуха в закрытом помещении.

Меня провели в другую комнату, гораздо больше первой. Здесь находился, судя по электронному пульту, центр управления кораблем.

Склонившись над приборами, спиной к нам сидела женщина с голубоватыми волосами. Перед ней лежал лист бумаги, заполненный бесконечными рядами каких-то значков. Она не обернулась на звук наших шагов.

Не задерживаясь, мы прошли в следующую комнату, где стоял стол высотой не более полуметра с расставленными вокруг стульями. О назначении этого помещения гадать не приходилось.

В корабле было совсем не жарко, но из-за пережитых волнений я чувствовала сухость во рту и сильную жажду.

— Мне тоже хочется пить,—сказал Эрк, взглянув на меня.

Он не стал нажимать никаких кнопок или вызывать робота, вышел из комнаты и тут же вернулся с подносом. Я увидела четыре стакана и графин с красноватой жидкостью. По вкусу она оказалась чем-то средним между апельсиновым и манговым соком.

— Мы обычно не используем роботов на корабле,—объяснил Мгош,—отвечая на мой мысленный вопрос.— Роботы нужны только в промышленности или в качестве счетных машин да еще как

справочники по различным областям знаний. Домашние работы типа слуг, описываемые вашими писателями-фантастами,— это... — он подыскивал слова,— признак отсталого, феодального мышления.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что корабль прибыл на Землю с планеты Толиу.

В комнату вошла женщина с голубыми волосами. Все поднялись со стульев, и я последовала их примеру. Женщина подошла ко мне и представилась:

— Онель.

Я назвала свое имя. Тогда все, включая Онель, сели. Меня порадовало, что у хозяев корабля на их родной планете Толиу в правила вежливости входит, как и у нас, на Земле, знакомиться стоя.

— Через десять минут будем на месте,— сказала Онель, обращаясь к товарищам.— Мне кажется, надо сохранять умеренную скорость, чтобы успеть сфотографировать квадраты 3 и 5.

— На месте? — поразилась я.— Разве мы двигаемся? Но куда?

Онель в свою очередь удивленно посмотрела на меня и обратилась к остальным:

— Вы ей не сказали?

— Только что собирались это сделать,— ответил Мгош и, обращаясь ко мне, объяснил: — Нам нужно в Южную Америку. Это небольшое путешествие и займет всего час гуда и обратно.

В Южную Америку? Я заволновалась. А если с кораблем что-нибудь случится, как я попаду к себе домой, на Кубу? Что тогда стану делать?

Неда сразу поняла мое состояние.

— Мы думали, тебе хочется посмотреть Тиауанако, но, может, мы не так поняли твои мысли?—спросила она.

— Тиауанако? Но... ведь это в тысячах километров от Гаваны!

— Около четырех с половиной тысяч,— уточнила Неда.

— И мы попадем туда за двенадцать минут?

— Можно и скорее, но нужно сделать фотоснимки, поэтому наша скорость—шесть километров в секунду. При большей скорости фотомеханизм не срабатывает.

Все это меня очень интересовало, и я не могла удержаться от вопроса:

— Какой тип двигателя у вашего корабля? Горючее натуральное или синтетическое?

— Давным-давно мы не используем на кораблях двигатели,— был ответ.

— То есть... Вы хотите сказать, что мы летим без всякого двигателя?

— Именно так.

Как же это возможно? Сознание отказывалось поверить в такой сказочный ковер-самолет. Может, они шутят? Я не чувствовала ни малейших признаков перемещения корабля. От жителей планеты Толиу не укрылась, конечно, моя растерянность.

— Когда мы приземлимся в Тиауанако, твои сомнения исчезнут.

— Простите, но... если корабль достиг скорости шесть километров в секунду, я должна была почувствовать ускорение. Ведь это страшная перегрузка. Любой школьник знает, что невозможно взлететь без перегрузок...

Неда принялась объяснять:

— Именно потому, что мы не используем ничего, кроме нас самих и нашего корабля как такового, то есть потому, что у нас нет двигателя, не существует и перегрузок.

— Ничего не понимаю,— призналась я.

— У используемых землянами средств передвижения именно двигатель приводит в действие всю систему. Когда эта система начинает перемещаться, она, естественно, несет с собой все, что находится в ней. Люди и животные, собственная скорость которых равна нулю, начинают перемещаться благодаря импульсу извне. Живые организмы испытывают на себе эффект ускорения, пока они сами не достигнут такой же скорости, как и средство транспорта, в котором они находятся.

Неда немного помолчала, очевидно, чтобы убедиться, слежу ли я за ее мыслью. Потом продолжала:

— Как же добиться того, чтобы перегрузки, действующие на живой организм благодаря внешнему импульсу, уменьшились до нуля? В этом все дело. Если каждая молекула в отдельности каждого живого существа станет способна начать движение в тот же момент и с той же скоростью, что и средство транспорта, но без вмешательства внешних сил, тогда перегрузки исчезнут.

— Но это невозможно!

— Ты знаешь, что такое магнитное поле?— спросил Эрк.

— Разумеется,— ответила я.— Это... часть пространства, на которую оказывает действие какой-то магнит. Кажется, так?

— Да, так,— подтвердила Неда.— Поле, создаваемое любым магнитным полюсом, распространяется практически бесконечно, только его интенсивность уменьшается по мере удаления от источника. Не буду вдаваться в подробности. Скажу только, что космическое пространство во всех направлениях пересечено силовыми линиями магнитных полей бесчисленных небесных тел: звезд, планет, искусственных спутников и некоторых больших астероидов. Используя средства, не знакомые еще жителям планет, подобных твоей, мы можем создавать (отделяясь от этих полей, вернее, от силовых линий, переполняющих пространство, чья интенсивность неоднородна, если зона более или менее заполнена небесными телами) небольшие «зоны взаимодействия», как мы их называем, которые создают огромные искусственные силовые поля, производные от тех, которые имеются в природе. Они-то и сообщают всем молекулам в «зоне взаимодействия» одну и ту же скорость одновременно. Это уничтожает инерционную массу тел и, как следствие, нежелательный эффект ускорения. Кроме того, если познать процессы, приводящие физические тела в движение, можно определять путь корабля и вообще любого объекта зоны таким образом, чтобы избежать деформации, смертельной для живых организмов при торможении на больших скоростях. В этом случае, двигаясь со скоростью, близкой к скорости света, тормозить можно мгновенно, и это даже не ощущается.

Будто в подтверждение сказанного, белое свечение комнаты потускнело, приобретя на мгновение легкий красноватый оттенок.

— Прибыли,— сказал Мгош, вставая.

Я подумала, что моментальное изменение света служит сигналом торможения, ведь иначе оно не ощущается. Однако я опять

ошиблась. Неда уловила мою мысль и сказала, пока мы шли к выходу:

— Эффект секундного потемнения—это естественное явление, оно происходит в результате изменения направления силовых линий поля и фотоэлектрического эффекта ионизированных молекул воздуха. Этого избежать нельзя. Но оно и к лучшему. Не надо заботиться о сигналах, предупреждающих о торможении и конце пути.

Небольшое квадратное отверстие открылось прямо под ногами. На этот раз, победив страх, я смело шагнула в пустоту, где уже исчезли Онель и Мгош. Почувствовала, что падаю. Но это не было свободным падением, какая-то сила регулировала мой спуск, и все равно сердце отчаянно билось.

Но вот под ногами твердая почва. Я сделала несколько шагов, но тут же остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Дыхание было учащенным. Не хватало кислорода? Да. Мы были на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. Пульс бился неровно, я ощутила легкое головокружение. Чьи-то руки поддержали меня. Я смутно расслышала, что мне предложили проглотить таблетку и глубоко дышать. Я подчинилась, и вскоре самочувствие улучшилось.

— Ну как, все в порядке?

Неда и Эрк смотрели на меня с тревогой.

— Да. А эта таблетка...

Но я ничего не успела спросить. Мне дали понять, что я должна идти. Данное мне лекарство так и осталось одной из тайн, не раскрытых жителями планеты Толиу.

Корабль остался на приличном расстоянии, неподвижно повиснув в воздухе метрах в двадцати от Земли.

— На корабле никого не осталось?—с беспокойством спросила я.

— В его охране нет необходимости,—заверил Мгош.— В радиусе по меньшей мере пятнадцати километров не встретишь ни одного живого существа, кроме нас.

Мы шли по каменистому склону. Ночь была очень холодной, я дрожала в своих меланжевых брюках и легком летнем свитере. Мгош, заметив это, снял белый мохнатый плащ с длинными рукавами, который был накинут на его плечи, и дал мне.

Инопланетяне, казалось, не ощущали стужи.

Плащ оказался очень велик мне, пришлось загнуть рукава, чтобы высвободить руки.

Мы медленно приближались к руинам легендарного Тиауанако, который местные индейцы в своих легендах называют Городом богов. Предания, которые считались древними еще в эпоху инков, гласят, что именно в этом месте «спустились с неба боги». Поэтому и весь район озера Титикака, вблизи которого расположен Тиауанако, считается священной землей.

Я вспомнила, что читала о том, как инки хотели заселить земли вокруг озера. Уже тогда Тиауанако был окружен сказаниями и легендами. Его развалины, немые и пустынные, поднимались к небу, словно охраняя тайну, ушедшую во мрак времени. Как пишет один испанский летописец эпохи конкистадоров, Фернандес де Овьедо, Тиауанако считался главным городом неких гигантов, предшествен-

ников инков... И тут я невольно взглянула на идущих рядом со мной. Я начала догадываться, почему мы прибыли именно в Тиауанако. И хотя стоял холод, лоб мой покрылся испариной.

— Мы просто пришли, чтобы побыть среди развалин зданий, построенных нашими предками, и завершить исследования, которые ведем в этой зоне с давних времен — так Эрк отозвался на волновавшие меня мысли. Значит, одна из величайших загадок археологии для меня раскрыта! Об этом очень просто и естественно поведал мне обитатель другого мира. Инопланетяне так искренни и доверчивы. Я должна объяснить им, что Земля не Толиу. Хорошо, что они имеют дело со мной. А если бы встретился человек, враждебно настроенный и к ним, и к другим людям? Он мог бы употребить во зло полученную от инопланетян информацию. Поэтому я спросила:

— Почему вы так доверяете мне? Разве вы не знаете, что наша планета разделена на два враждебных лагеря? У меня, наверное, нет и сотой доли тех знаний, которыми обладает любой из вас, а вы отвечаете на любые вопросы, приглашаете даже на корабль, привозите меня сюда и раскрываете с легкостью древние тайны.

Неда и Эрк остановились. То же самое сделали Онель и Мгош.

— Опасности никакой нет. Тебе не о чем тревожиться,— голос Неды звучал успокаивающе.

— Как это нет никакой опасности?—запротестовала я.—Тогда вы не знаете Землю!

— Мы знаем ее гораздо лучше, чем ты можешь предположить,—отозвалась Онель, приближаясь ко мне.— Мы сказали тебе, кто мы и почему здесь, по двум простым причинам. Первая — мы проникли в твои мысли и изучили твою натуру. Мы уверены, что, если тебя попросить, чтобы ты не рассказывала обо всем виденном и слышанном этой ночью, нет причин сомневаться в выполнении нашей просьбы. Можешь рассказать все, кроме подробного описания устройства корабля внутри и нашей задачи, о которой мы сейчас ведаем.

Вторая причина в том, что многие ученые вашего мира не верят, что, если где-то и существуют внеземные цивилизации, они заинтересуются жителями Земли. По их логике, для представителей цивилизации, осуществляющей межзвездные перелеты, земляне слишком ничтожны в своем развитии, чтобы ими интересоваться.

— Выслушай и не забывай никогда: не бывает незначительных мыслящих существ,—со значением сказал Эрк.— Кто думает иначе, не способен ни к научному, ни просто к логическому мышлению.

— Человеческое существо — это целый мир,—продолжала Онель с воодушевлением.— В нем присутствуют все космические силы, и они влияют на его природу с той же интенсивностью, как и на любого из нас.

— Кроме того, человек — это носитель высшей объединяющей силы — разума,—сказала Неда.— Вы только начинаете догадываться о вашем предназначении. Многие из вас верят, что уже могут управлять этой силой. Но они ошибаются. Есть следующая, более высокая ступень разума. Люди Земли пока еще не достигли ее. И только в считанные исторические моменты земляне приближались к

этому высшему разуму. То, что вы называете гениальностью, телепатией, сверхчувственным восприятием,—все это первичные проявления суперразума. Вы только начинаете провидеть его.

— Ученые Земли пришли к выводу,—продолжала Онель,—что даже гениальный человек использует лишь малую толику заложенных в головном мозге возможностей. Многие задают себе вопрос: не является ли остальная часть, пребывающая в пассивном состоянии, своеобразным хранилищем умственной энергии невероятной силы? Они правы. Земляне сейчас на пути к открытию своего истинного разума. И возможно, через века, когда это открытие состоится, они войдут в прямой контакт с обитателями других миров. Встречи, подобные нашей, представляют собой только случайный эпизод на этом пути. Я же имею в виду объединение двух цивилизаций путем широких, всеобъемлющих связей.

— Но если умственная энергия человеческих существ столь велика, почему же мы не открыли этого раньше?—спросила я.—Разве она не могла проявиться в чем-то?

— Ты не поняла,—сказала Онель.—Человек обладает способностью развивать эту энергию. Ну, например, любой здоровый ребенок в состоянии научиться говорить. Но нужно содействовать этому, всячески развивать эту врожденную способность. В неблагоприятных условиях она будет в значительной мере подавлена.

— И еще. Есть более важный фактор, влияющий на формирование высшего разума людей,—сказал Мгош.—Нужны высокоразвитая материальная база и соответствующие социально-экономические отношения. Они возникли на Земле более полувека назад, но человечество до сих пор разобщено в этом плане. Ты сама об этом говорила. Когда люди навсегда устроят опасность войны, голода, эпидемий, когда исчезнет социальное неравенство, только тогда они смогут достичь высшего разума.

Первые лучи солнца заскользили по древним развалинам. Слева от меня огромный каменный монолит—первый в длинном ряду—отбрасывал тень на бесплодную землю. В десяти шагах возвышалась знаменитая громада ворот Солнца, одинокая и величественная. Широкая трещина пересекала по диагонали правую сторону сводов.

Неда и Эрк принялись за работу среди развалин. Я заметила что-то вроде мешочков ярко-зеленого цвета, прикрепленных к их поясам. Думаю, они служили для проб почвы и образчиков камней.

В лучах солнца все преобразилось. Я удивленно осматривалась вокруг. Справа от меня поднималась Акапана—огромная ступенчатая пирамида из каменных глыб, самое высокое здешнее сооружение. Я поторопилась к нему: у меня ведь было в распоряжении всего несколько минут. Позади меня четверо пришельцев вели беззвучный телепатический разговор.

Я быстро прошла вдоль одной из стен пирамиды метров в двести длиной, дотрагиваясь кончиками пальцев до ее тысячелетней поверхности.

Даже сейчас, стоит закрыть глаза и вытянуть руку, я чувствую прикосновение и шероховатость камня, который когда-то был совершенно гладким, а ныне испещрен трещинами и углублениями.

Широкий проход привел меня к сооружению, которое могло быть и часовней и обсерваторией. Пройдя в огромные двери, я поднялась

по ступеням из красноватого камня, ведущим наверх, и остановилась на пороге. Широкая стена с мозаичными изображениями окружала прекрасно сохранившийся внутренний двор. Я прошла по верху стены до лестницы, спускавшейся прямо во двор.

В тот момент меня поразила прекрасная сохранность сооружения. Казалось, кто-то поддерживал это место в порядке, что особенно бросалось в глаза на фоне окружающих развалин. Несколькими неделями позже, листая книгу о Тиауанако, я поняла причину хорошей сохранности. Каласасайя, как называют археологи весь этот архитектурный комплекс, пока что единственный до конца отреставрированный памятник Тиауанако. Помню впечатление, которое произвели на меня фотографии в книге. Я сразу же узнала место, где пробыла так недолго.

В то утро, осматривая Каласасайя, я задумалась. Далекий голос вернул меня к действительности. Я поспешно поднялась по ступеням и, завернув за угол, увидела вдруг гигантскую фигуру, которая одним прыжком достигла проема дверей, преградив мне путь. Кажется, я закричала от испуга. Сердце готово было выскочить из груди. Услышав мой крик, гигант вздрогнул. Все это произошло в считанные секунды. В следующий момент я облегченно вздохнула: это был Эрк!

Пока мы путешествовали, я привыкла к моим спутникам, перестала смотреть на них как на каких-то чудищ, чуждых всему земному. Я поняла, что они, как и мы, способны любить и страдать. И все же они были существами совсем иного мира. Я остро осознала это, внезапно увидев перед собой существо двухметрового роста с белыми волосами и красными глазами. Оно походило на монумент, возведенный среди окружающих меня огромных построек. Неожиданное появление Эрка вызвало у меня извечный страх первобытного человека, все еще живущий в нас, когда мы встречаемся с чем-то необычным.

Эрк, казалось, был удивлен моей реакцией, но тут же понял, что произошло; он любезно огошел от дверей и, как истинный кабльеро, улыбаясь, склонил голову, приглашая меня пройти первой. Я была обезоружена его рыцарской галантностью. Мы спустились почти бегом и вскоре присоединились к остальным.

— В Святилище,—сказал Эрк, отвечая на немой вопрос товарищей.

Я не могла удержаться от вопроса, услышав ответ Эрка.

Святилище? Так они назвали одно из сооружений, построенных их предками. Какая необходимость столь высоко развитым существам устраивать какое-то Святилище, словно они были примитивными дикарями?

— Это долго объяснять,—вслух сказала Неда, которая, как всегда, внимательно следила за моими мыслями.

Мы поднялись на корабль, светившийся в воздухе, будто освещенное солнцем облако. Обратный путь показался длиннее, возможно, потому, что Неда хотела объяснить мне смысл ответа Эрка и миссию, для которой они, как я начинала смутно догадываться, меня избрали.

Напомню, что именно о ней меня просили не рассказывать. Могу только сказать, что завершить ее я надеюсь к концу 1986 года, когда комета Галлея в очередной раз приблизится к Земле.

Что же касается Каласасайя, или Святилища, как его называли инопланетяне, объяснение Неда было коротким и отрывочным, поскольку у нас было мало времени.

По ее словам, двенадцать тысяч лет назад три корабля овальной формы, похожие на тот, в котором мы находились, приземлились здесь, в горах. Из космолетов вышли трое мужчин и три женщины. В те времена племя меднокожих людей—так они называли индейцев—селось в горах, и люди видели, как опустились корабли. Это страшно напугало их. Страх перешел в суеверный ужас, когда появились неведомые существа, у которых были четырехпалые руки и красные глаза, но самое главное—непомерный рост. Естественно, объяснила Неда, меднокожие приняли их за богов, ведь они спустились с неба в огромных «яйцах кондора» и были гигантского роста.

Астронавты, прибывшие с планеты Толиу, стали строителями Тиауанако. Перевозка и установка огромных монолитов, из которых сложено большинство сооружений, были не таким уж трудным делом: телекинез и концентрация умственной энергии очень эффективны. Задание было выполнено в более короткий срок, чем ожидалось.

Для чего был построен Тиауанако, Неда так и не сумела объяснить. Она не сказала также, почему их предки, прилетевшие на Землю, избрали именно это место, затерянное в горах. Из многих предположений, пришедших мне в голову, только два можно считать приемлемыми: или здесь проводились метеонаблюдения и изучался состав земной атмосферы, или же пришельцы намеревались смешаться с населением данной местности ради экспериментов генетического характера. Но это, конечно, лишь предположения...

Каласасайя по их замыслу нечто вроде станции-обсерватории. Там принимали и передавали сообщения с помощью приборов, которые не могли быть найдены нашими археологами, ведь жители планеты Толиу забрали их с собой, отправляясь на родину.

Гигантские вертикальные каменные монолиты, которые сегодня можно видеть возле Каласасайя,—не что иное, как остатки огромных опор, поддерживавших радиотелескоп.

По-видимому, в более поздние времена, когда астронавты покинули Землю, увезя с собой все аппараты и приборы, устроенный ими центр связи был перестроен индейцами, заселившими этот район. Индейцы после посещения инопланетян стали исповедовать культ «богов, спустившихся с неба». Они превратили обсерваторию, где часто видели «богов», созерцавших звезды или беседовавших с «говорящими идолами» (то есть занимавшихся радио- и микротелеработами), в святилище. Подражая богам, индейцы опускались на корточки и повторяли движения астронавтов, когда те регулировали приборы и устанавливали антенны, затем настойчиво и монотонно повторяли непонятные слова, как это делали «боги», приступая к сеансу связи или составляя длинные сообщения по определенному коду. Индейцы высекали на стенах, притолоках и возле оконных проемов помещений любопытные барельефы, повествующие об основателях города. Здесь есть гигантские фигуры «людей-птиц», которые стали их богами.

Вирак-Очх, главный астронавт, несколько раз возвращался на Землю для изучения нравов и обычаев людей. Он очень полюбил их

и научил многим полезным вещам, например выращиванию злаковых культур, посвятил их в секреты гончарного дела.

Я спросила Неда, где именно находится их родная планета Толиу.

— Это один из тех вопросов, на который мы не можем ответить,— сказала она.— Могу лишь сообщить, что Толиу находится на расстоянии около шести парсеков от Земли.

— Шесть парсеков? Это...

— Около двадцати световых лет.

В этот момент освещение на корабле слегка померкло. Мгош подошел к нам, и я поняла, что мой визит к инопланетянам подходит к концу.

Мысль о расставании пронзила меня со всей остротой. Но я знала, что больше оставаться на корабле не могу. Молча направилась к выходу и вдруг кое-что вспомнила и обернулась. Они, видимо, не уловили моей мысли, потому что Эрк спросил:

— Чего ты хочешь?

— Только что-нибудь на память. Каждый раз, когда я посмотрю на этот сувенир, смогу убедиться, что все произошло на самом деле, что это не было сном.

— Только что-нибудь на память. Каждый раз, когда я посмотрю его,— ответил Эрк.— Но не огорчайся. Ты не в последний раз видишь обитателей Толиу. Конечно, мы не можем быть уверены, что ты встретишь именно нас. Помни, что твоя миссия...— Здесь я опускаю слова Эрка по указанной выше причине.— Во-вторых, нам категорически запрещено при любых обстоятельствах передавать какие-либо материалы или предметы с нашей планеты обитателям миров...— он немного замялся и как можно мягче закончил:— Полудивилизованных.

— Но я думаю, что мы можем подарить тебе кое-что из земных предметов,— сказала Неда.

Все посмотрели на нее.

— Что ты хочешь сказать?— спросила Онель.

— Эти маленькие вещицы, найденные в результате раскопок, мы должны оставить на Земле. Они подойдут?

— Ты имеешь в виду керамику Тиауанако?

— Да.

— Но их нужно оставить там, где они были найдены! Мы не можем разбрасывать их по всей планете!

— А мы и не разбрасываем. Просто вручаем две-три вещи, принадлежащие этому миру, одной из его обитательниц. Что в этом плохого?

Неда вышла и принесла обломки сосудов и каких-то фигурок, головки людей и животных, которые осторожно положила на мою раскрывшуюся ладонь.

Крепко сжав кулак, будто это были драгоценности—они и в самом деле были для меня дороже всех сокровищ мира, я спустилась с корабля на антигравитационном луче, что не причинило мне на этот раз никаких неприятных ощущений.

Стоя на крыше дома, я провожала взглядом сверкающий корабль, похожий на гигантское «яйцо кондора», тысячи лет назад спустившееся на поверхность нашей планеты и оставившее столь незаметные следы своего пребывания, что даже опытные археологи не могут их отыскать.

Обязанность моя—предупредить всех людей Земли (хотя многие мне и не поверят), что, несмотря на наши настойчивые сигналы в Космос, только молчание далеких звезд будет нам ответом. Напрасно наши радиотелескопы ловят сигналы внеземных цивилизаций. Напрасно мы пытаемся войти в контакт с существами, которые управляют кораблями, периодически появляющимися в нашей атмосфере. Они не ответят. Этот день придет только тогда, когда мы окончательно уничтожим варварство на Земле, когда на ней воцарится мир, когда проснется истинный разум Человека, который позволит нашей планете войти в великое космическое содружество.

Перевод с испанского *Аллы Борисовой*

ЗВЕЗДА КУБЫ ВЗОЙДЕТ В XX ВЕКЕ

Послесловие к фантастической повести Д. Чавиано
«Миры, которые люблю»

Волею судеб и гостеприимных хозяев из UNEAC — Союза писателей и артистов Кубы — я снова очутился в Гаване.

Город за последние пять лет заметно преобразился. Множество отремонтированных домов, чистота и порядок на улицах; больше цветов и зелени, ухоженные парки и скверы с красочными, любовно сооруженными детскими площадками, на которых резвятся стайки детворы. Нескончаемый поток людей на улицах; оживленные лица, улыбки, смех. Открытые магазины, бары, кондитерские, кафе, столики которых под полосатыми тентами выставлены прямо на тротуар.

По улицам бесшумно катились разнообразные машины современных марок, в том числе новые «Волги», «Москвичи» и «Лады»; быстро проносились ярко окрашенные большие автобусы, и среди них новенькие «Икарусы», которые недавно начали собирать на одном из гаванских заводов. На каждом шагу магазины и киоски с сувенирами, красочные киоски с разнообразной периодикой, продажа всевозможных сладостей и напитков прямо с лотков под зонтиками на площадях. Горы фруктов — апельсинов, мандаринов, лучших на свете кубинских грейпфрутов...

Но особенно поразили меня книжные магазины. Их витрины и полки были буквально набиты книгами — всевозможными, разнообразными, в ярких красочных обложках, на которых стояли знакомые и совсем неизвестные мне имена и названия. Тут были проза и поэзия, книги для детей и фантастика, очерковая литература и научные издания. И как я вскоре убедился, книги были дешевы. Этот «книжный взрыв» прямо-таки ошеломлял. Под его впечатлением прошел первый день новой встречи с Кубой. Тяга к знаниям, к новым книгам на Кубе, полностью покончившей с неграмотностью, огромна. Несмотря на обилие выпускаемых сейчас книг, книжный голод минувшего периода, видимо, еще не удовлетворен полностью. Многие новые издания расходятся так стремительно, что даже в самом Издательстве детской и юношеской литературы (*Gente nueva*) в Гаване многих сборников приключений и научной фантастики, выпущенных в последние годы, найти не удалось ни на складе, ни в книжных магазинах, естественно, тоже...

Во Дворце конгрессов Гаваны разместилась красочная выставка новых кубинских книг, открытая к Коллоквиуму кубинской литературы — очень представительному форуму кубинских писателей. По своему размаху и значимости он был первым столь многочисленным за весь послереволюционный период.

Три дня заседаний в гаванском Дворце конгрессов стали смотром

кубинской литературы двух минувших десятилетий. За «точку отсчета» во всех докладах кубинских прозаиков, поэтов, документалистов, критиков был принят 1959 год — первый послереволюционный год. И сами доклады, и оживленные прения, и яркое, завершившее коллоквиум выступление Роберто Фернандеса Ретамара — директора Центра по изучению творчества Хосе Марти — наглядно показали, что кубинские литераторы, увлеченные творческим порывом всего революционного народа, участвовали и продолжают участвовать в строительстве новой, социалистической Кубы. Огромную роль творчество писателей играет также в воспитании подрастающих поколений и в дальнейшем развитии национальной литературы Кубы, которая сейчас идет на подъем, обогащаемая тенденциями и приемами социалистического реализма.

В этих процессах возмужания литературы революционной Кубы невозможно переоценить роль кубинских издательств, и прежде всего гаванского издательства «Летрас кубанас» (Letras cubanas — это название, вероятно, лучше всего перевести на русский как «Кубинское слово»), которое недавно отметило пятилетие своего существования. Оно было создано по решению I съезда Коммунистической партии Кубы, состоявшегося в декабре 1975 года. «Летрас кубанас» успешно решает свои основные задачи — стимулировать творчество современных кубинских писателей и деятелей искусства, пропагандировать их книги, помогать молодым литераторам, а также знакомить кубинских читателей с наиболее яркими и характерными произведениями кубинской литературы XIX — первой половины XX века.

Восемьдесят процентов мощного книжного потока молодого издательства — книги, написанные после победы Революции (их тираж уже приближается к восьми миллионам экземпляров). О размахе работы с новыми авторами свидетельствует тот факт, что около трех четвертей изданных за пятилетие книг были первыми публикациями и лишь одна четверть — переизданиями. Любопытно жанровое разнообразие опубликованных книг: сборники рассказов, романы, поэтические сборники, публицистические книги и т. д.

Большинство книг «Летрас кубанас» выпускает сериями, число которых уже достигло 25. Важнейшие среди них — «Фундаментальная библиотека кубинской литературы», «Мемуары», «Кубинская литература», «Радар», «Стрела». В серии «Кубинская литература» публикуются произведения наиболее известных современных писателей — вышло полное собрание поэзии Николаса Гильена, рассказы и романы Алехо Карпентьера, стихи и эссе Хуана Маринельо, рассказы Онелио Кардосо. Серия «Радар» рассчитана на массового читателя: она включает детектив, приключения, фантастику; в серии «Стрела» — юмористические произведения.

Заслужили признание читателей сборники фантастических рассказов Анхела Аранго — очень интересного, своеобразного мастера кубинской фантастики и одного из ее зачинателей. Работая в жанре фантастики, писатель в то же время находится на переднем крае кубинской науки — он сотрудник Института аэронавтики в Гаване.

Анхел Аранго, выступая на Коллоквиуме литературы, говорил о молодой кубинской фантастике, о ее новых талантливых авторах, о том, что это активно развивающийся жанр, которого очень ждут читатели. Он подробно остановился на творчестве Дайны Чавиано — совсем молодой писательницы (она только что окончила Гаванский университет), первый сборник фантастических рассказов которой был награжден премией Давида, а вторая, по его словам, не менее талантливая книга Д. Чавиано находится сейчас в печати. Дайна и некоторые ее товарищи — новая волна в кубинской фантастике.

У совсем юной, тоненькой, очаровательной Дайны большие планы. Она увлекается советской фантастикой и хотела бы знать о ней все или почти все. Дайну интересуют и новые советские книги, их авторы, и новые фантастические фильмы, и пьесы, и критические и литературоведческие статьи, посвященные фантастике. Ее первая книга — «Миры, которые люблю» —

полна тревожных надежд, оптимизма, какого-то внутреннего света. Хорошая книга хорошего человека, уверенно вступающего на тропу творческого поиска.

В Гаване «стихийно» возникли и сейчас активно работают две литературные мастерские, объединяющие начинающих авторов-фантастов. Одна из них, носящая имя Оскара Уртадо, существует при районном Доме культуры. В ней около тридцати человек — молодые рабочие, инженеры, студенты, ученые, даже военные. Все они пробуют свои силы в области фантастики, некоторые уже опубликовали первые рассказы. Кроме того, они обсуждают новые книги, спорят по проблемам, находимся на грани науки и мечты, устраивают встречи с учеными, писателями.

Такой «поворот» к фантастическому жанру и читателей и авторов — явление для Кубы новое и, по-видимому, отражает общую закономерность нынешней эпохи — эпохи НТР.

На Кубе — в этом первом социалистическом государстве западного полушария, стране многих уже осуществленных возможностей и больших перспектив, представитель которой уже побывал в космосе, — научная фантастика — литература крылатой мечты, зеркало тревог и надежд нынешних поколений.

Молодая кубинская фантастика ищет свои собственные пути, а возможностей для них немало... Они и в дальнейших перспективах социалистического строительства на прекрасном острове, и в загадочных легендах аборигенов Латинской Америки, и в сокровищнице африканского фольклора, органично вошедшего в национальную культуру кубинского народа.

В красочном спектакле фольклорного ансамбля Кубы африканская тематика была едва ли не самой главной. Большая часть первого отделения — полные экспрессии, необычайно яркие и динамичные пляски, представляющие собой заклинания вызванных из тропической пуши дьяволов. Подобные ритуальные пляски по сей день исполняются в селениях Нигерии и других государств Западной Африки, откуда триста лет назад испанцы вывозили рабов на кубинские плантации. Кубинские негры и мулаты, которые в XIX веке органично вошли в состав складывавшейся в освободительных войнах кубинской нации, принесли в сокровищницу кубинской культуры африканские ритмы и песни, орнаменты и пляски, музыкальные инструменты и традиции. У румбы и ча-ча-ча, подаренных Кубой миру, тоже африканские корни. А в традициях, костюмах, ритмах и волшебной красочности кубинского карнавала африканские истоки и мотивы видны и слышны на каждом шагу.

Все второе отделение фольклорного спектакля в Театре имени Мельи — это сцены знаменитого на весь мир кубинского карнавала. Поставлены они с таким зарядом искрящегося, беззаботного веселья, что вовлекают в свои ритмы и зрительный зал. Я просто позабыл, что нахожусь в театре... Вокруг блистал, бушевал, гремел самый настоящий кубинский карнавал, в незабываемую атмосферу которого я впервые окунулся летом 1972 года в Сантьяго-де-Куба. Тогда это были почти две недели красочных ночных шествий, плясок, песен, ритмов.

В те знойные дни лета сине-голубое небо и Карибское море приобретали медный оттенок, а город казался опустевшим. Зато с заходом солнца старинные узкие улочки и тесные площади заполнялись шумными, ликующими толпами. В сменяющихся ритмах, отбиваемых бесчисленными оркестрами, тамтамами, каблуками, текли вдоль улиц людские реки. Колеблющийся свет тысяч факелов, всплески музыки, немолкнущий рокот тамтамов, песни, пляски. Так каждую ночь до рассвета. И в этом не было однообразия, настолько красочны, изобретательны, ярки были костюмы и карнавалы экипажи — кароцы. Центральными фигурами многих сцен тоже были лесные дьяволы африканских легенд — взбалмошные, своенравные, хитрые, но готовые помочь простому человеку, особенно после умелого «заклятия».

Помню, что тогда в Сантьяго-де-Куба я вдруг поймал себя на мысли, что

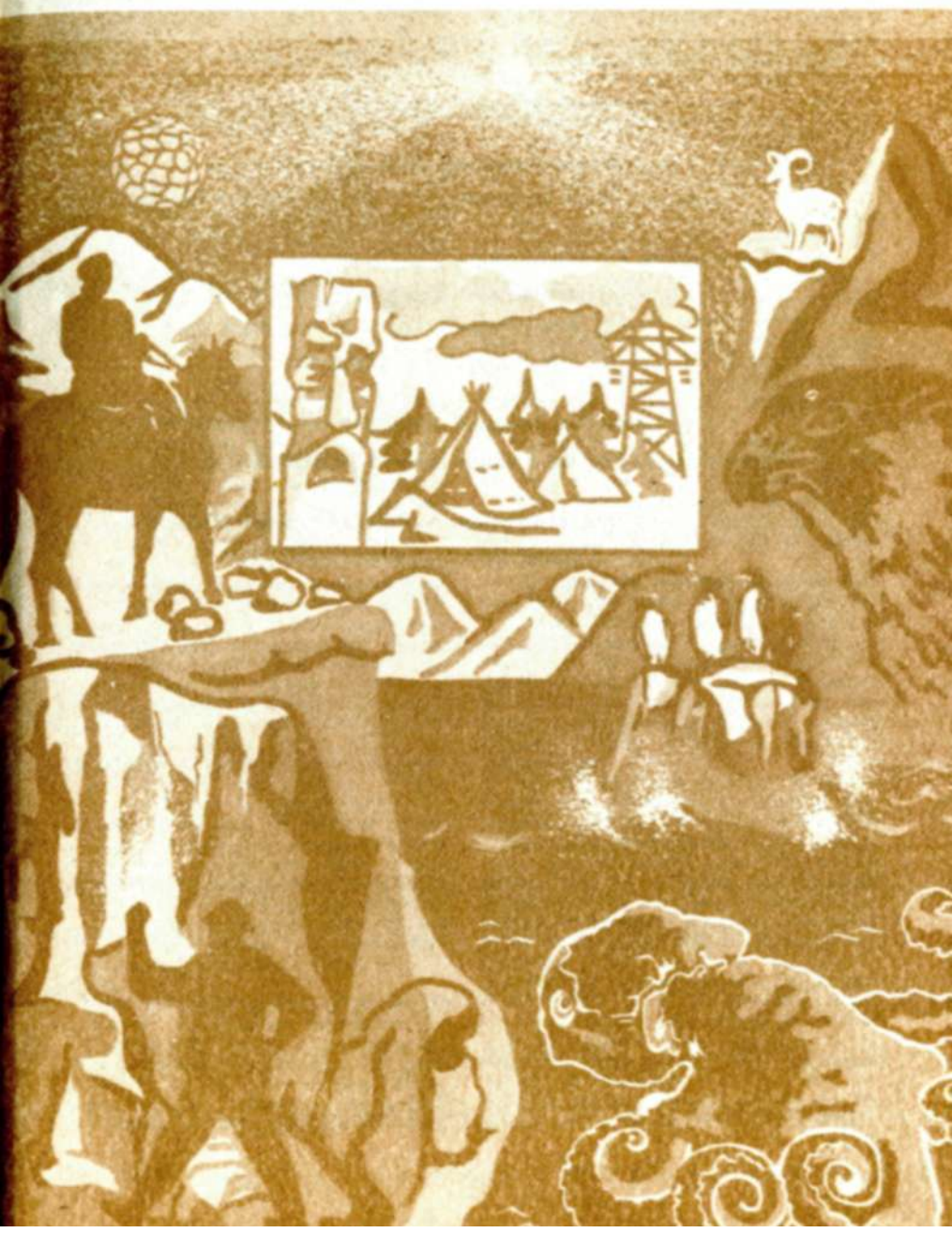
карнавальная ночь, расцветенная факелами, напоенная дурманящим ароматом невидимых цветов, звучащая музыкой и песнями, вобравшая в себя ритмы и тяжелое дыхание многотысячного людского потока, при всей ее удивительности и фантастичности кажется мне странно знакомой...

Потом я догадался. Александр Грин! Это воплощенные в реальность страницы его повестей. Именно такими он описал карнавалы в придуманных, сказочных городах Зурбагане, Лиссе...

Секрет успеха фольклорного ансамбля, по-видимому, не только в мастерстве исполнителей и таланте режиссера, но и в великолепном знании и глубоком понимании всех особенностей национальных традиций, в умении перенести на сцену и в зал страницы реальной жизни сегодняшней и вчерашней Кубы.

«Звезда Кубы взойдет в XX веке»,— сказал когда-то Хосе Марти. И эта звезда взошла. Она загорелась в горах Сьерра-Маэстры в суровые и героические годы третьей освободительной войны и революции. Она горела на штыках легендарных бородачей, которых ликующая Гавана встречала в январе 1959 года. Ее отблеск—на новых заводах и плантациях, в новых школах, новых книгах молодых талантливых авторов.

**ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ**

ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУЧАИ...

Борис Коновалов	ПРОРЫВ В ЦАРСТВО ПЛУТОНА
Юрий Степанчук	ЧЕЛОВЕК-РАДАР
Тимур Айзатулин	ГАЛАПАГОССКИЙ ФЕНОМЕН: ОТКРЫТИЕ НОВОГО МИРА?
Владимир Алексеев, Евгений Полищук	ВУЛКАНИЗМ В КОСМОСЕ
Лев Бондарев	«ЖИВЫЕ ПРИБОРЫ»
П. Врнер Ланге	МИФ СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ
Ким Лосев	ИНФОРМАЦИЯ — TERRA INCOGNITA
Валентин Мерцалов	ОПЕРАЦИЯ «ЭДИНБУРГ».
Юрий Астафьев, Николай Васильев	ПО ЗАПОВЕДНИКАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Дмитрий Орешкин	МОИ СКРОМНЫЕ КАМНИ
Сергей Попов	БАНКА БОЛОТНИКОВА

ПРОРЫВ В ЦАРСТВО ПЛУТОНА

Место, где земная наука сейчас глубже всего проникла в недра нашей планеты, находится на Кольском полуострове — в Само! северо-западной части нашей страны, неподалеку от советско-норвежской границы. Вокруг неуютные заполярные сопки. Ни деревца. Мхи. Разливы озер. Серое низкое полярное небо.

Среди этого неброского северного пейзажа высится, словно дозорная башня, здание сверхглубокой буровой установки. К сожалению, о далеких звездах и планетах мы знаем больше, чем о недрах Земли, по которой каждый день ступаем ногами. Путь в царство Плутона гораздо сложнее и тернистее, чем в космос. Каждый шаг на этом пути дается с колоссальным трудом. Если бур углубляется в оболочку нашей планеты на 6—7 км, это уже событие. А еще глубже — событие экстраординарное. Рекордные скважины крупнейшей индустриальной державы капиталистического мира — США сумели превысить только девятикилометровый рубеж и углубиться на 9159 и 9583 м. На Кольской скважине намного превзошли американцев. Еще в 1981 г. здесь пройден 11-километровый рубеж, и штурм земных глубин продолжается.

Снаружи сверхглубокая буровая не производит впечатления грандиозности. От злых ветров, дождей и снегов вышка надежно укрыта гофрированными щитами. Они да длинное призмическое здание лаборатории и подсобных помещений скрадывают размеры уникальной буро-

вой. Только попав внутрь, ощущаешь всю грандиозность этого сооружения. Трубы уходят далеко ввысь, так что, даже запрокинув голову, еле различаешь точку, где они смыкаются. Эта громадная высота, простор буровой создают ощущение какого-то индустриального храма. Длинные отрезки труб, которые, «стыкуясь», уходят в глубь Земли, именуется «свечами». Каждая из них по 37 м длиной. Делаются они из легких сплавов, а на разогретых концах здесь же, в горизонтальной «пристройке» у буровой, навинчивают стальные замки, которые позволяют соединить «свечи» в двенадцатикилометровую трубу. Дефектоскопический аппарат придиричиво просвечивает металл: нет ли раковин, трещин, иначе ведь вся эта многокилометровая машина может оборваться.

Механическая рука ловко отвинчивает «свечи» и передает автоматически спуско-подъемному механизму, который ставит их в «подстаканники», сделанные с двух сторон буровой. И вот наконец полуарметровый талевый блок размер с колесо гигантского БелаЗа вытягивает из глубины скважины последнее звено с турбобуром. На конце шестинитя зубьями буровая головка, которая вгрызается в глубины Земли.

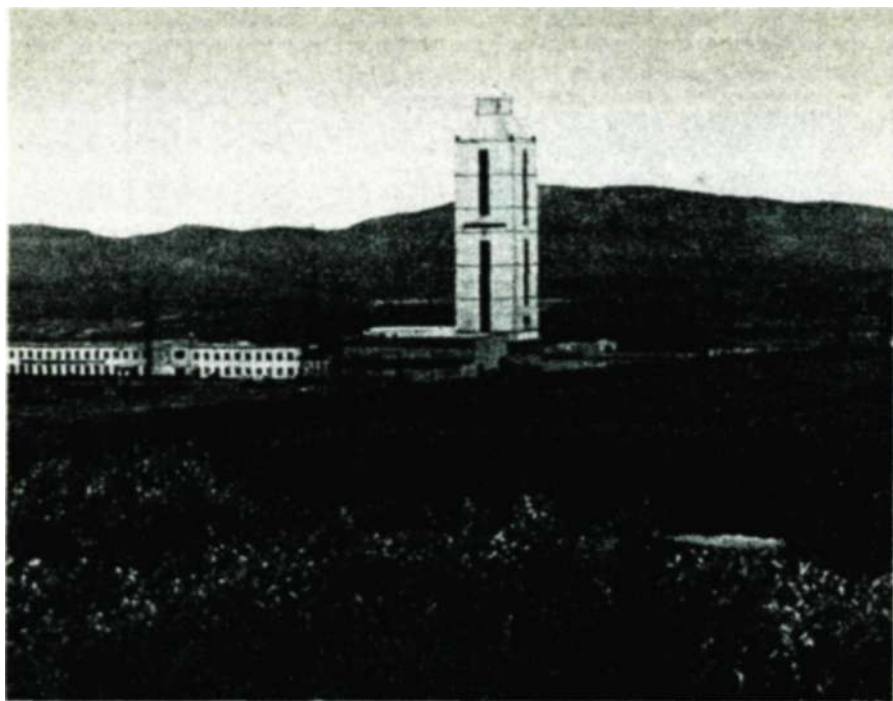
— Долого помыть и срочно в галерею. — раздастся в Динамиках голос дежурного смены из пульта управления.

Очередной десяток метров тайн извлечен на поверхность. Теперь надо срочно проверить буровой механизм, и снова рейс в недра Земли.

На Кольской скважине бурение идет медленно, ступенька за ступенькой. Это у промысловых скважин задача — быстрее прорваться к рудному телу, газоносному или нефтеносному пласту и отдать людям богатства земли. А задача Кольской буровой — исследование. Поэтому здесь пробурят десяток метров, возьмут столбик породы — и наверх, в лабораторию.

Эта буровая — инструмент познания. Инструмент сложный, уникальный. Достаточно сказать, что одних только различных электрических машин здесь больше сотни. Их общей мощности вполне хватило бы, чтобы обеспечить энергией небольшой город. Одною металла, не считая бурильных труб, на механическую часть пошло 2200 т. Очистные сооружения для бурового раствора — сложнейшая, тонкая система фильтров.

Создала эту сложнейшую установку — Г. Алексеевский. В. Рудонскальте и другие — вложили немало выдумки, изобретательности в каждый узел, в каждую систему. Создавалась эта уникальная буровая на знаменитом «Уралмаше». После войны, когда он перешел на производ-

На Кольском полуострове, среди сопок, окружающих заполярный город Никель, теперь земная наука глубже всего проникла в недра нашей планеты

ство мирной продукции, здесь начали разрабатывать отечественные установки для глубокого бурения. Благодаря им страна получила нефть Поволжья, Сибири. А теперь идет штурм самых больших глубин Земли. Ради знания. Ради науки.

Земная кора нашей планеты напоминает слоеный пирог. Самый верхний — наиболее молодой — слой составляют породы, рожденные вулканической деятельностью или осадочными процессами. Ниже идет коренной гранитный слой а под ним еще более древний — базальтовый. Дальше уже простирается мантия, смыкающаяся с загадочным ядром нашей планеты. Практически все данные о толщине этих слоев, их структуре ученые пока получали лишь косвенными, в частности геофизическими, методами, изучая характер распространения природных или искусственно вызванных сейсмических волн, исследуя гравитационное поле Земли и используя электромагнитное зондирование и некоторые

другие методы. Все это с поверхности Земли.

А теперь впервые получена возможность познавать недра Земли на больших глубинах прямыми геологическими методами и обрабатывать извлеченные образцы пород с помощью мощного арсенала лабораторных исследовательских средств. А ведь это примерно то же самое, что дать возможность астроному, который всю жизнь рассматривал какую-то планету в телескоп, вдруг самому оказаться там, да еще во всеоружии самых современных средств познания.

Кольская скважина бурится в одном из интереснейших в геологическом отношении районов — на так называемом Балтийском кристаллическом щите. Он сложен из самых древних пород — архейской и протерозойской эры, Архэос — по-гречески означает «первоначальный», а протерос — «более ранний». Из названий видно, что эти эры относятся к наиболее ранней стадии формирования земной ко-

ры. Поэтому шиты земной коры представляют огромный интерес для ученых. Каждый метр в глубь Кольской скважины—это одновременно и путешествие в прошлое. И чем глубже, тем древнее оно. Здесь мы можем исследовать породы, возраст которых лежит в пределах от 1,5 до 3 млрд. лет.

К этому надо добавить, что Кольская скважина лишь часть советской программы сверхглубокого бурения. В Азербайджане, близ местечка Саатлы, идет бурение прикаспийских недр аналогичной скважиной. Пройдено уже более 8 км. Она бурится в сравнительно молодых осадочных породах, возраст которых не превышает 600 млн. лет. Планируется заложить сверхглубокие скважины в районе металлургического Урала, нефтегазоносной Тюмени и в других геологически интересных местах. Каждая из них будет, несомненно, иметь колоссальную ценность для науки. Об этом, пожалуй, лучше всего свидетельствуют результаты, уже полученные на Кольской буровой.

В одной из лабораторий, где мы беседуем с главным геологом Кольской геологоразведочной экспедиции сверхглубокого бурения В. Ланевым, множество стеллажей с разноцветными цилиндриками пород—от белых до угольно-черных. Здесь размещается часть кернохранилища—своеобразной «библиотеки» пород, извлеченных из Кольских глубин. Каждый из этих цилиндров таит множество неожиданностей, с которыми пришлось столкнуться геологам.

— Полученные нами за последние годы результаты,—говорит Владимир Степанович,—заставляют пересмотреть многие существующие представления. Геофизики раньше могли совершенно свободно строить свои прогнозы—проверить практически их было невозможно. Теперь же в наших руках факты, а это, как известно, вещь упрямая.

Бурение мы ведем в Печенгском районе, где сосредоточены большие запасы никелевых руд и поэтому хорошо изученном. Достаточно сказать, что до этого было пробурено свыше миллиона метров разведочных скважин, но на большую глубину не уходили. Считалось, что месторождения никелевых руд должны располагаться недалеко от поверхности—на глубине 700 м. А наша скважина на глубине 1600—1800 м вскрыл рудное тело с промышленным содержанием меди и никеля. При нынешней ситуации с сырьевой базой одно это уже, на мой взгляд, оправдало затраты на сооружение сверхглубокой буровой. И конечно, еще большее значение для будущего имеют научные данные.

Из рассказа Владимира Степановича я понял, что все эти годы скважина принесла один сюрприз за другим. Прежде всего толщина верхнего слоя вулканогенных пород протерозоя с возрастом 1500—1700 млн. лет гораздо мощнее, чем предполагалось. Ожидалось, что переходная зона пород протерозоя в более древнюю—архейские породы, возраст которых не менее 2 млрд. лет, находится на глубине 4500—4700 м, а на самом деле оказалась на глубине 6800 м. Как видите, разница свыше 2 км! Геофизическими методами регистрировались границы каких-то пологих разрывов, трещин, а не переходные зоны типов горных пород.

Впервые в мире Кольская скважина пересекла так называемую границу Конрада, где регистрируется резкое изменение скоростей распространения сейсмических волн. По существовавшим представлениям, она отделяет гранитный слой земной коры от базальтового. Наземными методами в районе Кольской скважины эта граница определялась на глубине 7 км. Но вот они были пройдены, а в извлеченных кернах продолжал поступать гранит, базальтов не было. И нет до сих пор! Значит, разделение земной коры на гранитный и базальтовый слои весьма условное! Видимо, дело тут в изменении физических свойств пород, а не их состава.

Сюрпризом стало и повышение температуры с глубиной. Считалось, что Балтийский шит—древнее, хорошо остывшее образование и температура здесь будет повышаться на один градус примерно на каждые 100 м. По расчетам, на глубине 15 км она должна была составить около 140 градусов. До 3-километровой глубины все шло по расчетам, но затем начался резкий подъем температуры. На градус она стала повышаться через каждые 40 м. И на 11-километровой глубине уже превысила 180 градусов. Значит, шиты нашей планеты не «мертвые», плавающие на базальтовой подошве блоки, а живая земная кора, только более древняя и остывшая снаружи.

С глубиной все время увеличивается давление. Когда была пройдена 11-километровая отметка, давление гидростатического столба раствора в скважине составляло около 1200 атм, а естественное давление горных пород на глубине—около 3000 атм. По идее такое давление должно было бы накрепко спрессовать все породы, не оставив никаких пустот между ними. Однако, к удивлению геологов, в скважине встречаются зоны сильной трещиноватости пород. Регистрируются притоки водных растворов и газов. Значит, на больших глубинах идут мигра-

ции солевых растворов, газов — земля и там как бы активно дышит. Процесс этот длится миллиарды лет. В растворах зарегистрированы бром, йод и тяжелые металлы, среди газов отмечены гелий, водород, азот и метан. Такая активность на больших глубинах заставляет по-новому взглянуть на процессы образования гидротермальных рудных месторождений, на проблему происхождения нефти.

Вызывает удивление специалистов, побывавших на скважине, тот факт, что 9 км пробурено в не обсаженном, как обычно, металлическими трубами стволе. Только верхние 2 км Кольской скважины защищены обсадными трубами. А глубже идет ствол одного и того же диаметра (опять в отличие от обычных скважин, которые бурятся как бы уступами, с глубиной все меньшего диаметра). И стоят стенки, не обрушиваются!

— Но с каждым новым метром глубины сложности увеличиваются для нас в геометрической прогрессии, — говорит главный инженер сверхглубокой буровой Иван Васильевич Васильченко. — Здесь, например, оказались идеальные условия для искривления. Раньше, когда бурили скважины на 2 км глубиной, допускалось отклонение от вертикали на целых 40 градусов. А нам нельзя допустить, чтобы искривление скважины превышало один градус на километр, иначе это вызовет повышенный износ труб или даже их обрыв. Это только одна из многочисленных трудностей, с которыми успешно справляется наш коллектив, работающий в трудных условиях Заполярья. И опыт, который здесь накапливается, поистине бесценен для будущего.

Действительно, как все сельское хозяйство нашей планеты существует за счет тончайшего слоя почвы, чаще всего в несколько десятков сантиметров толщиной, так и вся сырьевая минералогиче-

ская база пока охватывает глубины в основном в километр-два, редко в три-четыре. А что дальше, ведь запасы месторождений, близких к поверхности, не вечны, они истощаются?

Министр геологии СССР, лауреат Ленинской премии, профессор Е. А. Козловский уверен, что будущее за освоением все больших глубин, и поэтому уделяет особое внимание сверхглубокому бурению, проходке Кольской скважины.

— Уникальный материал о состоянии и характеристиках вещества земной коры на больших глубинах позволяет увереннее прогнозировать дальнейшее развитие минерально-сырьевой базы СССР, — считает Евгений Александрович. — Технично-технологические средства и накопленный опыт отечественной школы сверхглубокого бурения — хорошая основа для дальнейшего повышения эффективности проходки глубоких скважин на нефть, газ и твердые полезные ископаемые. Сверхглубокое бурение в комплексе с аэровысотными, космическими, геофизическими, геохимическими исследованиями, поисковыми и разведочными работами на суше и на море обеспечивает ускоренное развитие работ по геологическому изучению территории и увеличению разведанных запасов минерально-сырьевых ресурсов СССР.

...Сейчас бур Кольской скважины врзается в породу на глубине свыше 12 км. И каждый метр приносит новые открытия. Но даже когда будет достигнута проектная глубина, скважина не перестанет служить науке. Ученые собираются использовать ее в качестве уникальной обсерватории. На разные глубины можно будет опускать приборы и следить за дыханием земных недр. Земная наука получит своеобразный телескоп, который будет вести наблюдение за царством Плутона.

Борис Коновалов

КОРОТКО О РАЗНОМ

Перепись островов

Только после революции на острове Свободы начались Планомерные географические исследования. Кстати, Куба — это архипелаг, в состав которого входит более 4 тыс. больших и малых островов. Много лет их переписью занимался географ Антонио Хименес. Конечно, сам подсчет не являлся самоцелью. Хименес не только насчитал 4011 островов, но и дал их подробное научное описание. В новом труде ученого приводятся площади участков суши, типы почв и растительности. Эти данные будут использованы при составлении нового и самого подробного Атласа Кубы.

ЧЕЛОВЕК-РАДАР

Гипотеза

С этой удивительной историей я познакомился на Маврикии, острове в Индийском океане. В давние времена, еще в XVIII столетии, здесь жил человек, обладавший способностью «видеть» суда, находящиеся от него на огромном расстоянии. В наше время это стало возможным только с помощью радара, изобретенного незадолго перед второй мировой войной. Он состоит из передатчиков, посылающих электромагнитные волны в сторону какого-либо объекта, устройств, принимающих отраженные от него волны, и приборов, рассчитывающих местоположение объекта. Все это техника наших дней. А двести с лишним лет назад... Впрочем, все по порядку. Вот такой любопытный разговор состоялся у меня с Анандом, получившим высшее образование в Советском Союзе, с которым я подружился на острове. Он показал мне на Маврикии много местных достопримечательностей.

Однажды в воскресенье мы осматривали у юго-восточной бухты развалины зданий, построенных во времена французского владычества, в начале XVIII в.

Осмотр оказался утомительным, и мы сели отдохнуть на берегу в тени ветвей филао. Всмотревшись в пустынную бухту, я различил зеленый наряд острова Пасс. Самым заметным объектом на нем был маяк. Через некоторое время показались две рыбацкие лодки. Их паруса исчезали в дымке, то вновь появлялись на глади моря.

— Сейчас рыбаки из-за дороговизны бензина все чаще используют паруса,— заметил Ананд.—Двигатели включают только тогда, когда из-за непогоды нужно быстрее вернуться в порт.

— Возвращаются в прошлые времена? — задумчиво отозвался я, следя за парусами.

Ананд отнесся к моей реплике очень серьезно.

— Что ж, в прошлом есть много интересного. Вот, скажем, до высадки здесь голландцев в 1698 г. этот берег был необитаем. Флотилия под командованием Ван Варвика появилась в здешних водах, чтобы устроить поселение. А при французах? Сколько здесь было путешественников, моряков, ученых! Я читал, что ботаник Коммерсон в 70-х годах XVIII в. даже составил проект Академии наук на нашем острове для изучения тропических растений, климата южных широт, астрономических наблюдений и исследования тропических болезней. Проект, к сожалению, не был осуществлен, но сама по себе идея комплексного изучения природы по тем временам удивительна. А сколько загадок таит прошлое!

В это время с расположенного неподалеку аэропорта Плезанс поднялся самолет и, медленно набирая высоту, исчез в белых кучевых облаках.

Ананд помолчал немного и улыбнулся, что-то вспоминая.

— Еще школьниками мы с моим другом Деви вот здесь, на этом самом месте, пытались решить проблему Этьена Ботино, о котором нам рассказал мой дядя, но так ничего и не добились...

— Проблема Ботино? — протянул я, соображая, слышал ли прежде это имя. — Что-нибудь из области математики?

— Скорее физики, а может быть, и мистики,— сказал Ананд.— Дело в том, что в Порт-Луи, главном городе острова, жил некогда француз по имени Этьен Ботино, уроженец Анжу. Он мог обнаруживать приближающиеся к острову суда задолго до их появления на горизонте. В те времена на горе Синьял был оборудован наблюдательный пост. Оттуда высматривали в подзорную трубу, не появится ли где парус. Но Ботино не нужна была и труба. Он определял количество и даже национальную принадлежность судов за два-три и даже четыре дня до их появления на горизонте. Он утвер-

ждал, что приближающееся к острову судно вызывает определенные явления в атмосфере. Научившись эти явления распознавать, можно определять местоположение судов в океане за сотни миль от острова.

— Это, наверное, одна из маврикийских легенд, рожденная под шум прибоя,— убежденно сказал я.

Мои слова задела Ананда. Он прищурился от упавшего на лицо солнечного луча, передвинулся подальше в тень и продолжал:

— В том, что Ботино действительно существовал и долго жил на острове, нет сомнений. Это установлено не только по рассказам, но и по многим публикациям. Я совсем недавно просматривал старые газеты, а дядя поведал о многих публикациях в маврикийских журналах. В этих сообщениях приведены вполне убедительные факты.

— Как же относились к предсказанию Ботино в Порт-Луи?

— У него было много недругов, среди них и те, кто ему проигрывали пари. Пари он заключал с французскими офицерами, служившими на острове. Разумеется, речь шла о подходе на остров судов. Ботино почти всегда выигрывал пари.

— Почему же «почти»?

— Ботино объяснял ошибки тем, что суда, обнаруженные им на большом расстоянии от Маврикия, просто проходили мимо острова, следуя своим курсом на Реюньон или на Мадагаскар. Ботино «видел» такой огромный район в океане, что в нем оказывались и корабли, которые не заходили на Иль-де-Франс, как тогда называли Маврикий.

— Но как он мог видеть то, что недоступно было другим? Это что: его личные качества, какая-то необыкновенная зоркость или интуиция? А может, Ботино открыл неведомые никому природные закономерности, объективно существующие? В этом случае он мог бы о них рассказать, и это было бы открытие века.

— В том-то и дело, что такие феноменальные способности не были присущи только ему. Ботино был готов поделиться своим открытием, чтобы сделать его всеобщим достоянием, но натолкнулся на стену непонимания, зависти, вражды. Его выслали на Мадагаскар, где он чуть не умер с голоду. Позже его вернули из ссылки и за его открытие предложили вознаграждение, но он отклонил такое предложение и отправился во Францию. Вот все, что я знаю.

Мы с Деви пытались наблюдать за горизонтом, за облаками, чтобы определить, меняются ли они, когда приближаются суда. Каждое утро вместо школы

отправлялись на берег этой бухты. Смотрели во все глаза, но увидели... не больше, чем сейчас.

Так закончился этот разговор. Прошло немало времени, прежде чем я вспомнил о нем уже в Москве, прочитав заметку об «эффекте Новой Земли». Он наблюдался во время экспедиции 1595—1597 г., снаряженной голландцами для отыскания северо-восточного пути из Европы в азиатские страны—Японию, Китай и Индию. Возглавлявший экспедицию Виллем Баренц вел астрономические измерения и описывал различные природные явления. Он записал, что во время зимовки на Новой Земле в январе 1597 г., за две недели до окончания полярной ночи, он и его спутники увидели солнце на черном небосклоне. Этот феномен и стали называть эффектом Новой Земли. Его зафиксировали и позже в Арктике и Антарктике, но ученые смогли объяснить необычайное явление только недавно. Оказалось, эффект сродни миражам, он возникает потому, что из-за специфического распределения температуры нижних слоев атмосферы световые лучи распространяются не по прямой, а криволинейно (явление рефракции). Потому-то наблюдатели получают возможность видеть то, что находится за горизонтом. Таким образом, Баренц видел солнце, находящееся вне поля зрения... Если это так, возможно, и Ботино, наблюдая возникающие в атмосфере миражи, видел корабли, приближающиеся к острову. Таков был ход моих мыслей. Что же, стоит, наверное, разыскать публикации прошлых лет. Может, там найдется ключ и разгадка? Ведь Ботино, как я узнал на Маврикий, мог не только обнаружить суда на большом расстоянии от земли без каких-либо оптических приборов, но столь же невероятным способом, находясь на корабле, совершенно точно указывать, где именно находится суша! Это весьма актуально и в наши дни. Представим себе, что терпит бедствие небольшое рыбацкое судно, отнесенное далеко в океан. Рыбаки не имеют возможности дать о себе знать и потеряли ориентировку в океане. Разве мало таких случаев?

Я усердно принялся разыскивать все, что напечатано о Ботино. Вот что удалось высныть.

В 1806 г. в Брюссель приехала некая француженка, которая была знакома с сестрой Наполеона и при ее содействии получила из архива большое количество официальных бумаг, в том числе и досье с данными, касающимися Этьена Ботино.

Среди этих документов было письмо трибуна Великой французской революции Марата своему другу Дали, находившемуся в Англии. Марат писал, что

Ботино претерпел много превратностей судьбы и намеревается скопить денег, чтобы добраться до Лондона. Там он намеревался обрести поддержку в популяризации своего открытия. Далее Марат сообщал, что сам он, занимавшийся вопросами оптики, настроен скептически относительно открытия Ботино, но тем не менее нельзя пренебрегать свидетельствами сотен людей, сертификатами, которые Ботино получил от официальных лиц высокого ранга. Марат добавляет, что, хотя к Ботино во Франции относятся с предубеждением, надо надеяться на непристрастную оценку открытия Ботино. К письму Марата была приложена записка Ботино о наукокопии, как он называл достигнутое им умение. Суть этой записки сводится к следующему.

В 1762 г., когда Ботино служил во французском морском флоте, ему пришла в голову мысль о том, что судно, приближаясь к суше, должно вызывать определенные явления в атмосфере. Это должно давать возможность даже невооруженным глазом обнаруживать судно еще до того момента, когда оно покажется на линии горизонта. Уже тогда, сделав определенные наблюдения за атмосферой, Ботино смог обнаруживать приближающееся судно.

Два года спустя, в 1764 г., Ботино в качестве инженера попал на Иль-де-Франс. Здесь он продолжал свои наблюдения, благо ясные солнечные дни на острове не редкость.

Не прошло и полугода после прибытия Ботино на остров, как он убедился, что совершил открытие. Ему нужно было только накопить опыт, чтобы безошибочно предсказывать приближение судов.

В то время французы владели островом почти 50 лет, но он имел все тот же первозданный вид. В Порт-Луи насчитывалось только около 500 деревянных домов, обставленных грубо сколоченной мебелью, улицы и дворы не были вымощены. Французский писатель Бернарден де Сен-Пьер назвал Порт-Луи того времени «большим постоялым двором». Остров находился на пути в Индию, считавшуюся местом, где можно легко разбогатеть, но радужные надежды искателей приключений таяли без следа, и на острове оседало немало отчаявшихся. Бывали на Иль-де-Франсе мореплаватели и ученые, которые руководствовались не корыстью, а жадой знаний. Ботино, безусловно, принадлежал к последним.

Довольный своим открытием, Ботино предложил ознакомиться с ним губерна-

тору острова Ле Бриллину, однако встретил лишь недоверие и насмешки. В то время Ботино дал вовлечь себя в сору с неким Дюперном, и губернатор воспользовался этим предлогом, чтобы выслать Ботино на Мадагаскар.

После смерти Ле Бриллина был назначен новый губернатор — Суйяк. Ботино возвратился на Иль-де-Франс.

В 1780 г. он написал министру морского флота Франции маршалу де Кастри о своем открытии. Министр поручил губернатору Суйяку завести специальный журнал, куда записывать по крайней мере в течение двух лет результаты проверок сообщений Ботино. В 1782 г. губернатор в письме маршалу подтверждал, что Ботино сделал открытие, которое позволяет установить местонахождение судов за 300, 450 и даже 600 морских миль от острова. Губернатор сообщил, что более 15 лет он регулярно предсказывал появление судов за 3 или 4 дня до того, как они попадали в поле зрения наблюдателей. В тех случаях, когда предсказание Ботино не сбывалось, речь шла о судах, прошедших мимо острова.

С 1778 по 1782 г. Ботино сделал сообщение о 575 кораблях, причем многие из них появлялись на горизонте лишь через 4 дня.

Вскоре Ботино решил возвратиться во Францию. Ему хотелось проверить, действуют ли установленные им явления в открытом океане, когда одно судно приближается к другому или к какой-нибудь суше. Последнее обстоятельство было особенно важным для мореплавателей. Как пишет в своей записке Ботино, он с радостью убедился, что можно «видеть» с корабля на большом расстоянии другое судно или приближающийся берег.

Таким образом, когда Ботино возвратился во Францию, он располагал официальным подтверждением губернатора о сделанном открытии. Вторым подтверждением служил сертификат от 16 ноября 1780 г. полковника Табонда, руководившего инженерной службой острова Иль-де-Франс. Полковник удостоверял, что Ботино сообщил ему в разное время о прибытии более 100 судов. Ни разу не было допущено ошибки, хотя проходило 3—4 дня, пока появлялись береговые сигналы службы наблюдений о том, что эти корабли видны на горизонте.

Но и это не все. Генеральный адвокат острова Иль-де-Франс писал 5 ноября 1781 г., что не может отказать себе в удовольствии засвидетельствовать факты, когда Ботино делал поразительные сообщения. Генеральный комиссар морского флота в Порт-Луи сообщал, что, желая удостовериться, действительно ли

Ботино обладает феноменальной способностью, просил сделать эти сообщения в письменном виде. За 6 месяцев Ботино правильно предсказал появление 109 судов и ошибся только дважды.

Но пожалуй, особенно важным следует считать свидетельство адмирала Суффрена, опубликованное в одном маврикийском журнале. Суффрен плавал по морям с 14 лет, участвовал в войне против англичан за независимость Америки. Вернувшись во Францию в 1781 г., стал командовать эскадрой из 5 кораблей. В том же году сражался с английскими кораблями у мыса Доброй Надежды и побережья Индии. В ноябре 1783 г. его с большими почестями встречали на Иль-де-Франсе, а через год и во Франции.

Естественно, что свидетельство столь знаменитого адмирала, опытного моряка, подтверждавшее открытие Ботино, заслуживает особого внимания.

В числе документов, находящихся в деле Ботино, была объяснительная записка, касающаяся природы сделанного открытия. Однако Ботино был очень осторожен в выражениях: он не хотел разглашать свой секрет без соответствующего вознаграждения. О приобретенной им способности Ботино говорил, что это не результат какого-то особо обостренного чувства, она связана с наблюдением за горизонтом, где можно обнаружить определенные явления атмосферного или метеорологического характера, означающие приближение судов или земли. Ботино писал, что все дело в том, чтобы наблюдать некий атмосферный эффект, определять его характер и отличать от облачности и других атмосферных образований. Он заканчивает свою объяснительную записку так: «Я никогда не ошибался, делая наблюдения, и эта точность вызывала наибольшее изумление. О ней упомянуто в моих свидетельствах губернатора, морских офицеров, жителей острова. Убедившись в эффективности моего способа, они не могли постигнуть, что наука существует для того, чтобы человек мог предвидеть события, отдаленные по времени и месту. Люди приписывали эту способность магии, более образованные «объясняли случайными совпадениями. Однако нет ничего более естественного, чем мой метод, который изумляет каждого и в отношении которого так много проявляется недоверия в Европе».

Досье Ботино со всеми этими документами, принадлежавшее французской собирательнице автографов, попало в Брюссель. Документы были опубликованы в 1834 г. в «Нэшнл мэгэзин», издававшимся капитаном Бехером. Этот журнал разыскал лейтенант Глауд и напечатал статью о Ботино в сборнике «Странно-

сти», увидевшем свет в 1928 г. В дальнейшем ряд материалов издали и на Маврикии.

Однако на острове о Ботино и его науке знали и из других источников. Здесь еще в 1909 г. в сборнике «Маурициана» появилась статья о наукокопии Ботино с неизвестными ранее новыми подробностями. Сообщалось в ней и о некоем Фелафре, который, как и Ботино, обладал способностью заблаговременно предсказывать появление судов, направлявшихся к острову. Он жил здесь в начале прошлого века. Во время наполеоновских войн в Европе остров Иль-де-Франс стал базой французского флота в Индийском океане. Особые неприятности доставляли англичанам французские корсары, которые нападали на английские торговые суда и захватывали их. Англичане организовали морскую блокаду острова, стали угрожать соседним Реюньону и Родригесу, также находившимся под французским управлением.

В 1810 г., незадолго до битвы между французскими и английскими кораблями в юго-западной бухте острова, Фелафре заявил, что 76 английских судов находятся в 300 милях от Иль-де-Франса. Однако к его заявлению отнеслись скептически, как ранее к предсказаниям Ботино. А когда Фелафре стал настаивать на своем утверждении, его арестовали и посадили в тюрьму. Последующие события подтвердили правильность Слов Фелафре. Через несколько дней после его ареста к острову подошла английская эскадра из 76 судов. Они должны были захватить остров Родригес и обосноваться там, а затем напасть оттуда на Иль-де-Франс.

Когда англичане заняли Родригес, Фелафре был выпущен на волю. Он продолжал сообщать о приближении к острову судов, и эти данные были на-

столько точны, что их стали заносить в морской регистр порта города Порт-Луи еще до прибытия судов.

В письме доктора Эмиля Десена, опубликованном в «Журналь де Дюба» (февраль 1898 г.), рассказывается о Фелафре и его точных предсказаниях.

Как же сложилась судьба Ботино?

Ответ маршала де Кастри обнаружил Ботино, и он в 1784 г. отправляется на корабле «Фиер» во Францию. В пути он помог капитану избежать нежелательной встречи с семью английскими судами, заранее сообщал об опасных скалистых рифах в океане, не нанесенных на карту. Все это произвело большое впечатление на капитана.

Но в Париже Ботино ждали разочарования. Маршал де Кастри ничем не помог Ботино. Очевидно, маврикийские недоброжелатели, среди которых были и богатые плантаторы, сделали свое дело. Ботино так и не смог даже встретиться с маршалом.

Противники Ботино в Париже взяли верх. Пресса объявила его шарлатаном и чернокнижником. Газета «Меркюр де Франс» писала, что то, что обнаруживал Ботино в океане, «были не суда, а воздушные замки».

Не удалась и поездка в Англию, о которой писал в своем письме Марат. Ботино пришел в полное отчаяние и умер в забвении. Он заявил, что из-за глухой стены вражды и непонимания «мир, возможно, будет на некоторое время лишен открытия, которое бы сделало честь XVIII столетию».

А может быть, это «некоторое время» уже близится к концу?

Юрий Степанчук

Факелы, несущие гибель

К берегам стран, расположенных на Северном море, часто прибывает волнами трупы перелетных птиц. Сначала обвиняли в этом танкеры, из которых в результате аварии выливалась нефть. Но затем выяснилась и другая причина. Тщательное исследование показало, что во время миграционных полетов стаи пернатых инстинктивно меняют направление и снижаются на свет газовых факелов, горящих на морских нефтяных платформах. Птицы обжигают перья в огне или разбиваются о металлические конструкции. Зафиксирован случай, когда за несколько минут возле одной из нефтедобывающих платформ в Северном море погибло около тысячи птиц.

ГАЛАПАГОССКИЙ ФЕНОМЕН: ОТКРЫТИЕ НОВОГО МИРА?

Начиная с «Затерянного мира» Конан Дойла, одной из самых популярных тем в научной фантастике стала встреча людей с необычными существами: первобытными организмами на изолированных участках Земли или неизведанными формами жизни на других планетах. И вот недавно такая встреча состоялась. При этом открытии, поразившем биологов всего мира, было все, что вызывает у людей интерес к науке: оказавшиеся верными забытые идеи гения и отвергнутые безумные построения теоретиков, смелые гипотезы и точные наблюдения, бесстрашные рейды естествоиспытателей-акванавтов и утонченная современная техника, познанные тайны и проекты практического использования патентов Природы...

Летом 1977 г. исследовательская подводная лодка «Алвин» совершила погружения в Тихом океане. Акванавты — геологи и химики Вудс-Холлского океанографического института США — проводили на глубинах до 3 км геологические исследования подводного хребта в зоне разломов земной коры (рифтов) на широте островов Галапагос. Среди задач этой геологической экспедиции была одна не совсем обычная. В 1965 г. американский геофизик Дж. Ельдер выдвинул гипотезу, согласно которой в глубоководных рифтовых зонах на дне океана должны быть источники горячей воды (гидротермы), температура которой в точке выхода может достигать 300° С и даже выше! В районах выхода гидротер-

мов, содержащих сероводород, возможно осаждение сульфидов металлов.

Действительно, в 1974 г. измерениями с кораблей с помощью погружаемых приборов температурные аномалии вод были обнаружены на глубинах 2500—2600 м в районе Галапагосского рифта. Теперь американским ученым предстояло погрузиться на подводной лодке на дно океана и увидеть своими собственными глазами, как все это выглядит.

Особый интерес такие непосредственные глубоководные наблюдения гидротермальных источников представляли, по-видимому, для группы советских океанологов, которые в 1976 г. опубликовали и доложили на 23-м Международном географическом конгрессе результаты построения и анализа простой модели распределения жизни в океане, основанной на забытых идеях великого русского биогеохимика В. И. Вернадского о решающем влиянии границы раздела и контакта с атмосферой, дном и берегом, другими водами. Среди этих результатов модельных анализов — был один совершенно неприемлемый вывод. Получалось, что в тех глубоководных районах, где есть источники выхода вещества земной коры (гидротермы, вулканы и т. п.), создающие дополнительную «жидкую границу» раздела вод, повышается вероятность скопления организмов («сгущения» жизни, по В. И. Вернадскому). Если же при этом соседствуют бескислородные воды, содержащие сероводород, т. е. имеется еще одна граница раздела, называемая американцами *oxic-anoxic interface*, то в таких местах могут существовать настоящие оазисы жизни.

Подобного не может быть, по современным представлениям гидробиологов. На то есть две причины.

Первая причина. Хорошо известно, что источник всего живого на Земле — Солнце. Поэтому глубины океана — абиссаль, куда совершенно не проникает солнечный свет, пустынно. Действительно, органическое вещество — пища и для микроорганизмов, и в конечном счете для крупных животных — создается (синтезируется, как говорят химики) зелеными растениями в океане, в основном фитопланктоном, из углекислого газа и воды с помощью солнечного света. Этот процесс — фотосинтез — протекает лишь в верхнем, достаточно освещенном, приблизительно стометровом слое, так называемом фотическом. Здесь же и в близлежащих слоях скапливается питающийся фитопланктоном зоопланктон, кормящиеся планктонные организмы, а также хищники, расположенные на конечных звеньях этой пищевой цепи. Подавляющую часть биомассы составляет планктон — мелкие организмы. Оставшиеся

после их гибели мелкие фрагменты тел, совокупно называемые детритом (от лат. *detritus*—истертый), должны оседать в глубины океана, согласно закону Стокса, с такой малой скоростью, что в основном они успевают разложиться и окислиться до того, как достигнут дна океана. Таким образом, они тоже не могут в достаточной степени служить пищей для глубоководного бентоса—организмов, обитающих на дне, во всяком случае для больших скоплений бентоса.

Вторая причина неприемлемости странного вывода очевидна: без кислорода жизни почти нет, исключение составляют лишь некоторые бактерии, а сероводород даже в ничтожных концентрациях—яд. Например, для человека предельно допустимая концентрация сероводорода в воздухе составляет 0,01 мг/л. В общем, к этому странному выводу следовало относиться как к математическому курьезу, издержкам моделирования.

При погружении «Альвина» в 380 км к северо-западу от островов Галапагос и в 1000 км западнее Эквадора на глубине 2500—2800 м акванавты действительно обнаружили бьющие со дна на высоту до 3 м фонтаны голубоватой мутной горячей воды и... пышные оазисы жизни, которые простирались среди окружающей пустыни на несколько десятков метров вдоль щелей с выходами гидротермов. Сообщение акванавтов вызвало переполох среди биологов всего мира. В первых сообщениях говорилось о каких-то новых, неизвестных науке существах, более 80 разновидностей. Например, о двухметровых червях, не имеющих ротового отверстия и поэтому непонятно как питающихся. Назревала сенсация.

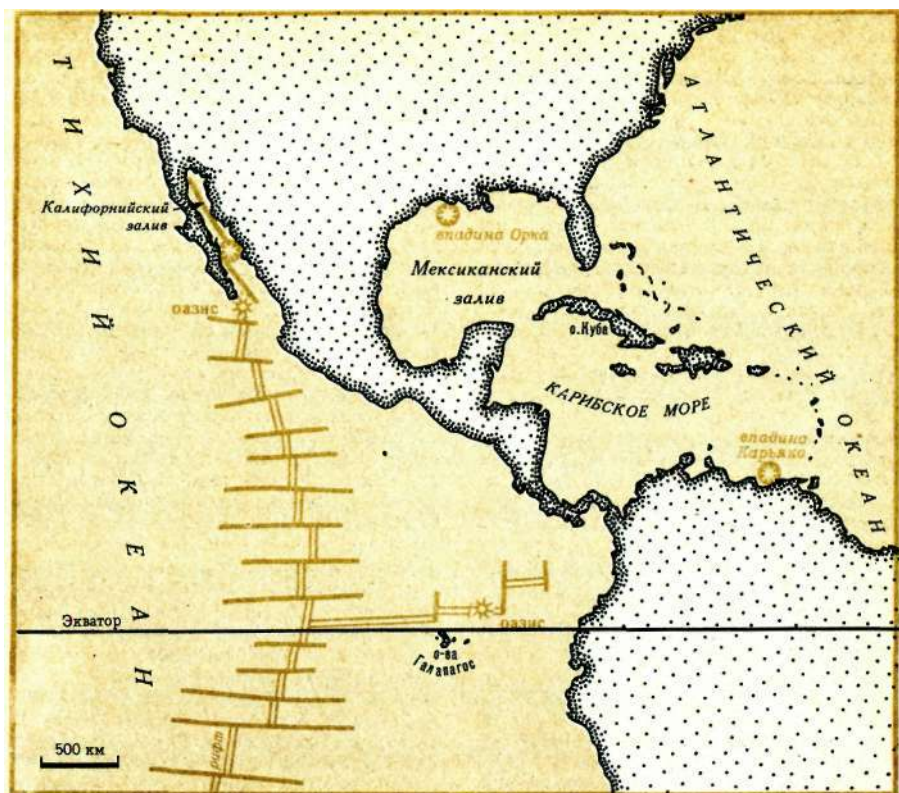
Западная пресса действительно поспешила назвать это открытие крупнейшей сенсацией в биологии за последние 10 лет. О находке сообщали научно-популярные издания и газеты всего мира. Французское научно-популярное издание «Наука и будущее» высказалось об этом так: «По мнению некоторых ученых, открытия, сделанные в этих глубинных районах, можно сравнить разве что со знакомством с живыми организмами на какой-либо другой планете. Любые формы жизни, известные до настоящего времени на Земле, обязаны своим существованием Солнцу. Теперь открыт мир, от него не зависящий...»

Сказанное справедливо, конечно, не для любых форм жизни. Еще в конце прошлого века русский ученый С. Н. Виноградский обнаружил «форму жизни», которая не зависела от солнечного света. Это бактерии, живущие, например, в сернистых источниках и способные синтезировать органическое вещество из углекислого газа и... сероводорода, исполь-

зуя для этого не энергию квантов света, а энергию окисления химического вещества—сероводорода. Этот процесс получил название хемосинтеза органического вещества в отличие от фотосинтеза. По мнению советского микробиолога Ю. И. Сорокина, бактериальный хемосинтез играет заметную роль в океане. Но одно дело—отдельные невидимые глазом хемосинтезирующие бактерии, и другое—целое сообщество крупных организмов, необычайная экологическая система, оазис новой жизни!

Есть ли действительно эта новая жизнь? Какова она на взгляд, особенно на взгляд специалистов? На эти вопросы должна была ответить следующая экспедиция на «Альвине», к которой чрезвычайно тщательно готовились полтора года. Были созданы новая телевизионная система с записью изображения на пленку и автономные двухтонные сани с мощным источником света и фотоустановкой, передвижающиеся по дну и над дном на расстоянии около 18 м и делающие по 3 тыс. цветных снимков за 15—16 часов работы. Вместе с «Альвином» приступили к работе два корабля, с которых производилась постановка на дне океана серий «транспондеров» — исследовательских автоматов. Сама подводная лодка «Альвин» была вооружена целым рядом исследовательских автоматов и роботоманипуляторов для измерений температуры воды, скорости течений, скорости дыхания животных на дне, отбора проб воды и кусков породы, сбора и ловли подвижных и неподвижных мелких и крупных организмов—от бактерий до рыб и т. п. В состав экспедиции вошла специальная биологическая группа, в которую были приглашены крупнейшие биологи Вудс-Холлского и Скриппсовского океанографического институтов, знаменитых университетов США—Гарвардского, Иельского, Калифорнийского и др.

Эта оборудованная по последнему слову техники экспедиция выполнила с 14 января по 26 февраля 1979 г. 30 погружений—10 из них совершили биологи. Все подтвердилось: оазис существовал и жизнь в нем была действительно необычной. Наибольшее впечатление на биологов произвели «райские сады». Так они назвали густые колонии, настоящие заросли огромных, полуметровых ярко-красных червей (в их крови есть гемоглобин) в белоснежных гибких трубках, достигающих длины 3 м и имеющих диаметр до 5 см. Сами черви получили прозвище «спагетти» из-за их сходства с макаронами. Удивляли живые желтые шары, висящие над дном. У мелких рачков на конце глазных стебельков вместо глаз, не нужных в этом

Оазисы жизни среди пустыни в рифтовых зонах на дне абиссали восточного сектора Тихого океана и большие сероводородные зоны (впадины) у американского побережья Атлантического океана

мраке, обнаружены гребневидные наросты, по-видимому используемые для скопления микроорганизмов, служащих им пищей. Обитающие здесь крабы оказались способными жить при сильном дефиците кислорода. Найдены крупные, до 26 см, двусторчатые моллюски, скорость их роста такова, как если бы моллюски жили в тропических водах. Обнаружены огромные плотности популяций бактерий, в 1000 раз большие, чем в соседних районах, удаленных от гидротермов, и почти равные тем, что наблюдаются в фотическом слое.

При дальнейшем изучении выловленных организмов большинство из них удалось все же отнести к тому или иному уже известному науке виду, классу. Так, поразившие акванавтов черви, как оказалось, относятся к группе *Vestimentifera* (*Annelida*), близкой к погонофорам. Впервые их встретили во время погружений аппарата «Дипстар-400» у Калифорнии на

глубине около 1125 м, но они были гораздо меньших размеров. Вообще оказалось, что животные Галапагосского оазиса — гиганты по сравнению со своими родственниками, обитающими в других районах Мирового океана. Их гигантизм — это одна из многочисленных загадок Галапагосского оазиса.

Крупные двусторчатые моллюски, как оказалось, относятся к семейству *Vesicomyidae*. Есть и у них отличие от большинства двусторчатых моллюсков, обитающих в других районах: у них красная кровь и ткани имеют запах мяса.

Некоторых из найденных организмов пока еще не удалось с полной определенностью отнести к какому-либо из уже известных науке видов.

Эта гидробиологическая сенсация мобилизовала океанологов на обследование других мест возможных выходов гидротерм. Уже в апреле — мае 1979 г. франко-американо-мексиканская экспедиция об-

наружила кратеры с выходами гидротермов (до 300° С) на дне Восточно-Тихоокеанского поднятия, к югу от Калфорнийского залива, против Пуэрто-Вальярта (Мексика). Погружения совершала все та же удачливая подводная лодка «Алвин». Здесь встретились породы, богатые сульфидами металлов; такие отложения не известны были раньше в открытом океане. И здесь тоже «Алвин» обнаружил оазисы жизни, причем на площади, более чем вдвое превышающей размеры оазиса на Галапагосском рифте. Сведения о результатах этой экспедиции пока скудны. Но известно, что в этом оазисе ученых больше всего поразили гигантские бактерии*, которых видно под обыкновенной лупой. Еще 4 оазиса были открыты на все том же Галапагосском рифте. В других районах, где уже давно закрылись выходы гидротермов, найдены остатки погибших оазисов жизни. Стало ясно, что галапагосское чудо вовсе не чудо, а, по-видимому, норма для таких районов, что в местах выхода вещества земной коры действительно существует повышенная вероятность сгущения жизни.

Чем же и как питаются животные, населяющие Галапагосский и подобные ему оазисы? Ученые выдвинули 4 гипотезы.

Первая из них—детритная. Согласно этой гипотезе, должен существовать какой-то механизм ускоренного поступления детрита в глубины океана. И такой механизм, оказывается, есть, его называют «фекальный экспресс». Фекальные комки, выбрасываемые организмами и содержащие непереваренную пищу, бывают достаточно больших размеров, чтобы успеть пройти путь от фотического слоя океана до почти трехкилометровой глубины за несколько десятков дней.

Вторая гипотеза основана на предположении взмучивания осадков дна восходящими токами воды у выходов гидротермов. Это может дать около 30 кг в сутки потенциальной пищи.

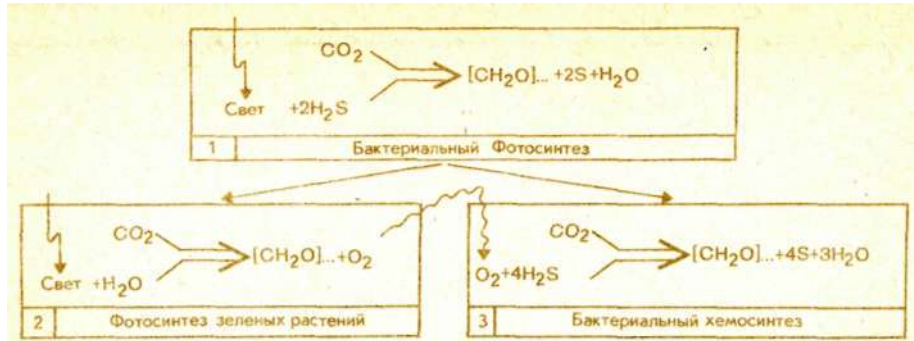
Согласно следующим двум гипотезам, основную роль в формировании первичного звена пищевых цепей Галапагосско-

го оазиса играет бактериальный хемосинтез органического вещества из углекислого газа и сероводорода. По одной из этих гипотез, бактериальный хемосинтез протекает в воде вблизи гидротермов, а по другой—прямо во внутренностях самих животных благодаря «проживающим» в их тканях хемосинтезирующим бактериям. Такое сосуществование биологов называют симбиозом. Действительно, измерения поглощения углекислого газа, отношения изотопов углерода $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$, которое зависит от природы источника органического вещества, изучение ферментативных систем червей и моллюсков из оазиса показали, что внешний и «внутренний» хемосинтез органического вещества может служить основным источником пищи для организмов, населяющих Галапагосский оазис.

Конечно, скорее всего окажется, что глубоководные экологические системы, связанные с суровыми жизненными условиями, чрезвычайно экономно относятся к любым пищевым ресурсам и используются все четыре пищевых источника, а возможно, есть и еще какие-то неизвестные источники. Баланс пищевых ресурсов Галапагосского оазиса океанологи еще не составляли. Однако большинство из них основным источником считают бактериальный хемосинтез. Тогда многие загадки Галапагосского оазиса проясняются: и почему гигантским червям «спагетти» не нужен рот—их кормят хемосинтезирующие бактерии, живущие во внутренностях червей; и почему здесь наблюдается гигантизм животных—из-за укороченных пищевых цепей, как считает советский гидробиолог З. А. Филатова: донные животные обитают фактически в «пищевом растворе», где между ними и пищей нет промежуточных звеньев, которые имеются в других районах. Обычно в каждом звене пищевой цепи происходит значительная, до 73% потеря биомассы и органического вещества, например, за счет его окисления до углекислого газа и воды в процессе дыхания. Так, в фотическом слое типична следующая пищевая цепь: фитопланктон—растительный зоопланктон—зоопланктон хищный I порядка—зоопланктон хищный II порядка—животные. Во всех звеньях этой длинной цепи происходит потеря органического вещества и биомассы в целом по цепи более чем в 10 раз.

Для Галапагосского оазиса типична цепь всего лишь из двух звеньев: хемосинтезирующие бактерии—животное. Потерь органического вещества практически нет. Очевидно, этот принцип как-то может быть использован при организации морского хозяйства—марикультуры.

* Недавно эксперименты подтвердили еще одну галапагосскую сенсацию: найденные здесь бактерии имеют температурный оптимум около 300° С. В это трудно поверить: белок денатурирует при 100° С. Если такая «высокотемпературная» жизнь по непонятным пока причинам возможна, то придется изменить многие наши представления, в том числе и о возникновении жизни на Земле, и о возможности существования жизни на других планетах.

Биотехнологическое использование галапагосского патента природы Американский проект плантации моллюсков

Американцы, изучив галапагосский феномен, решили использовать этот патент природы и разработали проект «фермы» для выращивания моллюсков (см. схему 1). В генератор бактериальной биомассы закачивается морская вода и подаются аммиак и сероводород. В условиях, имитирующих Галапагосский оазис, протекает бактериальный хемосинтез и биомасса бактерий скармливается выращиваемым моллюскам, которые имеют ценные пищевые свойства. Это деликатес, известный тем, кто пробовал мидий.

Можно значительно усовершенствовать этот проект (см. схему 2), если пользоваться водой из сероводородной зоны, например Черного моря. В ней есть как необходимое количество сероводорода, так и достаточная концентрация фосфатов и ионов аммония, которые необходимы для синтеза полноценного органического вещества. Параллельно с выращиванием моллюсков очень легко организовать производство из сероводорода ценного, дефицитного химического продукта — серы. Она легко получается при окислении сероводорода в условиях определенного недостатка кислорода. Если стакан с глубинной черноморской водой, содержащей сероводород, выставить на воздухе, вода в нем быстро становится белесовато-мутной — это сами собой образуются коллоидные частички серы. Их остается только отделить от воды. Кислород можно подавать в реактор для получения серы так, как показано в американском проекте (схема 1), или просто закачивать воду из верхнего, содержащего кислород слоя Черного моря.

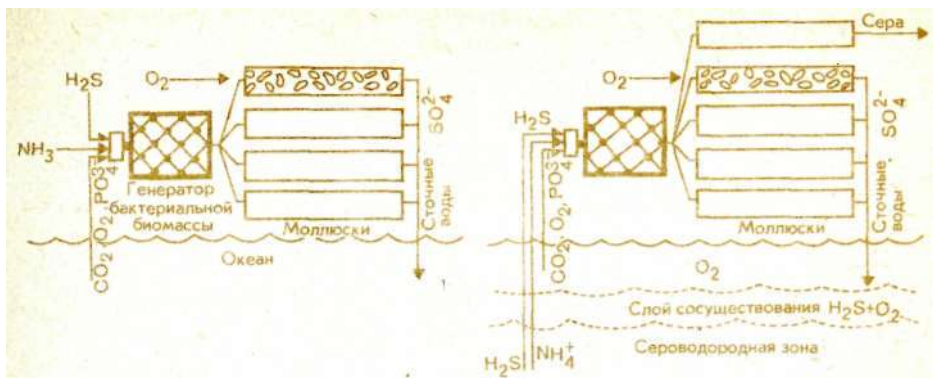
Трудным кажется подъем сероводородсодержащей воды с 200-метровой глубины, но инженеры и ученые над этим уже думали. Один оригинальный способ

запатентован сотрудниками Московского горного института (авторское свидетельство № 857356). Погружают две трубы, одна в другой, и в зазор через насадки подают сухую углекислоту. Смешивание ее с морской водой вызывает выделение сероводорода. Давление становится меньше наружного, морская вода засасывается в трубы, и постепенно газодонный концентрат сероводорода поднимается сам собой наверх. Есть и другие изобретения, например простой и экономичный способ П. Б. Пшеничного, основанный на использовании с помощью системы клапанов энергии волн, даже очень малых.

Так что практическая реализация этой биотехнологии по схемам 1 и 2 или по какому-то другим может произойти раньше, чем полное раскрытие и осмысление тайн нового мира, обнаруженно-го на дне океана.

Но состоялось ли открытие нового мира? Состоялось, по мнению большинства ученых, открытие... старого мира, а возможно — экосистемы, переходной между старым и современным миром. «Можно думать, — пишет З. А. Филатова, — что открытие на больших глубинах в воде гидротерм хемосинтезирующих бактерий имеет огромное теоретическое значение с точки зрения древности процессов создания живого вещества в глубинах океана. Эти процессы тесно связаны с недрами земной коры и с непрерывно происходящими под океаном активными химическими процессами».

Первобытный океан был бескислородным и содержал сероводород. И первобытный фотосинтез органического вещества осуществлялся бактериями-прокариотами из углекислого газа и сероводорода, а побочными продуктами этого синтеза были сера и вода, как по-

Возможный вариант экономичного совмещения плантаций моллюсков с производством серы — ценного химического продукта — с использованием морской воды из сероводородной зоны, содержащей практически неограниченные возобновляемые запасы серы, связанной с гидросульфид-ионы

казано на схеме упрощенно реакцией 1. Это было экологически чистое производство, не содержащее токсических отходов для той древней жизни. В результате случая или, может быть, ошибки Природы произошла почти ничего не значащая подмена одного из исходных веществ — сероводорода — его ближайшим химическим аналогом — водой (на схеме — реакция 2). В результате этой малозначащей в химическом плане замены отходам производства органического вещества вместо серы стал ее ближайший химический аналог — кислород, который оказался ядом для анаэробных древних организмов. Это первый в истории случай загрязнения окружающей среды. И именно в результате такого загрязнения возникла привычная для нас жизнь: только после того, как зеленые растения наполнили океан и атмосферу кислородом, жизнь приняла современные формы, для которых, однако, сероводород оказался ядом.

В современном Мировом океане анаэробные микроорганизмы и сероводород существуют почти повсеместно в донных осадках, богатых органическим веще-

ством, а в водной толще — лишь в немногих районах. Самая большая сероводородная зона двухкилометровой глубины находится в Черном море, в котором лишь верхние 200 метров, где есть кислород, населены привычными нам аэробными организмами. Вторая по масштабам сероводородная зона существует во впадине Кариакто в Карибском море, а северозападнее ее находится впадина Орка, также содержащая сероводород. Такие же зоны, но меньших масштабов встречаются во впадинах Красного и Балтийского морей, в Калифорнийском (см. карту), Оманском и некоторых других заливах, в норвежских фьордах. И везде там близ границ сероводородных зон протекает хемосинтез органического вещества. Галапагосские открытия не только показали, что океан содержит еще много неизведанного, но и заставили по-новому оценить значение, масштабы и возможности использования этого процесса, его возможную роль в возникновении жизни на планетах.

Тимур Айзатулин

Маленький принц прилетел с планеты, которая называется «астероид В-612»... У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан... Потухший вулкан служил ему табуретом.

*Антуан де Сент-Экзюпери.
«Маленький принц»*

Огненный факел гигантским раскаленным копыем вонзается в темное ночное небо с тускло мерцающими звездами и, будто встретив невидимое препятствие, разбивается на сотни изогнутых светящихся ниточек, стремительно падающих на землю. Отблески пламени высвечивают в темноте то там, то здесь черные конусы — «визитные карточки» прошлых извержений. Почва дрожит, далеко вокруг разносятся шлак и пепел. Временами откуда-то из-под камней вырываются мощные беловато-красные струи расплавленной магмы. Огненными ручьями они бегут по склону, уничтожая на своем пути все живое. Вот с грохотом взметнулось вверх белое облачко пара — это лавовый поток в мгновение ока осушил горное озеро. Продолжая свой стремительный бег, огненная река врывается в небольшой лесок и превращает его в пылающий массив...

Таким запомнилось нам недавнее извержение вулкана Толбачик на Камчатке, начавшееся летом 1975 г. и продолжавшееся более года.

Позже нам неоднократно приходилось бывать в тех же местах в составе геофизических экспедиций, изучающих внутреннее строение магматических очагов этого района. И каждый раз мы не могли отделаться от ощущения, что перед нами какой-то неземной, космический ландшафт. Окружающая природа стала неузнаваемой! Исчезли густые заросли шиповника, невысокие деревья, светлые полянки. Насколько хватает глаз, везде темные холмы, равнины, лавовые торосы. Вместо густой травы под ногами безжизненно хрустит шлак. Местами по колено погружаешься в пепел. Унылая, черная, безжизненная пустыня, прямо-таки лунный пейзаж...

Да, именно такой предстала поверхность ближайшей к нам планеты перед роботами автоматических станций и первыми астронавтами. И это сходство не случайно: исследования последних лет показали, что в формировании поверхности нашего естественного спутника вулканические явления сыграли далеко не последнюю роль.

Яркая особенность лунного рельефа — обилие кратеров. Как они возникли? На этот счет есть две гипотезы: метеоритная и вулканическая. По видимому, в определенной степени верны обе: одни кратеры образовались при бомбардировке лунной поверхности метеоритами, другие имеют явно вулканическое происхождение, например кратеры Коперника и Тихо, поля выброса которых по объему намного превышают кратерную воронку. Впрочем, сторонники метеоритной гипотезы видят в этом лишь вторичный эффект: ведь удар метеорита может быть таким сильным, что служит как бы «спусковым механизмом» вулканической деятельности, вызывая плавление породы в месте удара и извержение. Образующиеся в таком случае формы рельефа практически невозможно отличить от первично-вулканических. Однако некоторые особенности лунного пейзажа не укладываются в рамки метеоритной гипотезы.

Главное отличие лунного рельефа от земного — его «геометричность»: на Луне значительно больше круговых, эллипсоидальных, полигональных, прямолинейных форм. Они не могли образоваться под воздействием метеоритного потока: метеориты должны были бы падать слишком направленно. Например, как появились многокольцевые образования — очень правильные концентрические системы как бы вложенных друг в друга кратеров? Внутри внешнего кольца гигантской многокольцевой структуры, окружающей Море Дождей и имеющей диаметр до 3 тыс. км, можно выделить еще девять кольцевых систем. На Земле

есть аналогичные формы. Это крупные кальдеры — циркообразные впадины над магматическими резервуарами. Система колец образовалась при постепенном остывании больших расплавленных масс, периодически поступающих к поверхности. Сначала возникают внешние кольца, соответствующие кальдерам более крупных резервуаров, позже — внутренние. Периферические цепочки кратеров могли возникнуть вследствие прорыва на поверхность отдельных магматических и газовых потоков.

Расчеты термической истории Луны показывают, что вскоре после образования ее недра были розогреты радиоактивным теплом и расплавлены, что привело к интенсивному вулканизму. Появилось множество кратеров и гигантских лавовых полей.

Прямые доказательства вулканического характера ландшафта Луны были получены при изучении образцов лунного грунта. Лунные породы оказались сходными с земными базальтами. Абсолютный возраст этих образцов — от 3 млрд. до 4 млрд. лет. Очевидно, вулканизм на Луне в тот период был очень интенсивным.

Ну а как же обстоит дело на других планетах и их спутниках? Многочисленные следы вулканизма есть и там. Как здесь не вспомнить о Маленьком принце, герое произведения известного французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери. Родина принца — безвестная маленькая планетка, но и там было три вулкана: два действующих и один потухший. Экзюпери написал свою книгу в 1942 г., задолго до появления ракетно-космической техники. С Земли многого не увидишь, и потому можно лишь удивляться проникательности писателя.

Полеты космических аппаратов к Венере, Марсу, Меркурию и Юпитеру показали: те или иные формы вулканических проявлений имеются почти на всех планетах. Например, на Меркурии помимо районов с большим числом кратеров явно метеоритного происхождения были обнаружены и занимающие обширные территории старые межкратерные плоскогорья — свидетели древнего вулканизма. С ним связано и формирование равнинных районов Меркурия; здесь вулканический материал толстым слоем покрывает более древние формы поверхности. Исследователи предполагают, что некоторые крупные линейные хребты на этой планете образовались после накопления вулканического материала возле жерл. Эти данные получены космическим аппаратом «Маринер-10», пролетевшим возле Меркурия в 1973 г.

Еще больше сведений о вулканизме

дало радиокартирование Венеры с помощью искусственных спутников «Венера-9 и -10». Оказалось, что на этой планете есть крупные горные массивы. В центре одного такого плато находится вулканический конус, возвышающийся на 12 км над средним уровнем поверхности. Его склоны имеют четко выраженную террасную структуру, а поперечник подошвы достигает почти 1000 км. Диаметр кратера на вершине составляет 100 км, глубина его — 4 км. Центральная часть плато покрыта сравнительно молодыми лавовыми потоками.

Но наиболее крупные вулканические конусы — настоящие гиганты по земным масштабам — обнаружены на Марсе. Четыре вулкана в области Фарсида в несколько раз больше существующих на Земле. Из них два — Арсия и Олимп — достигают 500—600 км в основании, высота Арсии — 27, Олимпа — 24 км. Поражает воображение не только высота, но и диаметры кратеров вершин: около 100 км у Арсии и 60 км у Олимпа. Подобных образований нет на нашей планете. Например, крупнейший вулкан Мауна-Лоа на Гавайских островах приблизительно втрое меньше и по высоте (считая высоту подводной части 4,5 км), и по диаметру основания, а поперечник его центрального кратера — всего 6,5 км.

Олимп издавна привлекает внимание как одно из наиболее светлых пятен на диске Марса. Само название говорит о том, что это образование правильно считали возвышенностью, но мало кто мог предполагать, что она столь грандиозна.

Отсутствие в областях Марса, где сосредоточены вулканы, кратеров ударного происхождения, а также хорошо сохранившиеся следы лавовых потоков на склонах гор позволяют предположить, что вулканы действовали здесь по геологическим масштабам еще сравнительно недавно (не более нескольких миллионов лет назад). О широком развитии вулканизма на планете свидетельствуют фотопанорамы, переданные с посадочного аппарата «Викинг-2». Место его посадки на обширной марсианской равнине Утопия было усыпано многочисленными камнями с характерными нездраватыми поверхностями типа пемз. Подобные продукты раздробления пемзовых лав в виде обломочных рыхлых глыб часто встречаются и на Земле.

Итак, явление вулканизма на других планетах можно считать установленным достаточно надежно. Но выше речь шла о древнем вулканизме, формировавшем поверхность планет много миллионов и даже миллиарды лет назад. А что происходит на небесных телах Солнечной системы теперь? Неужели они уже мертвы в геологическом отношении?

Вопрос этот имеет немалую историю. Не одну сотню лет астрономы вглядывались в поверхности планет, и особенно ближайшего к нам небесного тела — Луны, надеясь увидеть какие-то изменения. Неоднократно появлялись сообщения о различных явлениях на поверхности Луны; к сожалению, многие из таких сообщений принадлежали любителям, и установить их достоверность не представлялось возможным. Однако ряд наблюдений (около ста) сделали опытные и квалифицированные исследователи. Одним из них был известный английский астроном Уильям Гершель, опубликовавший сочинение «Лунное извержение 1783 года». Гершель располагал достаточно сильным, даже по современным меркам, 50-дюймовым телескопом. В своем трактате он рассказал, что наблюдал вблизи кратера Аристарх явление, весьма похожее на «извержение вулкана». Позднее он же наблюдал три ярких пятна на Луне.

Сообщения такого рода периодически появляются и в наши дни. Одно из наиболее интересных и хорошо документированных принадлежит советскому астроному Козыреву. Вот как он об этом рассказывает: «3 ноября 1958 г. я держал в поле зрения телескопа кратер Альфонс. Он уже был у астрономов «на подозрении». На фотографиях в районе центрального пика этого кратера еще раньше была замечена какая-то смазанность, нечеткость изображения. Что это такое, толком сказать не мог никто. Единственным надежным средством расшифровки непонятого явления в то время могла быть только спектрограмма. Три года, начиная с 1955 г., я занимался спектральными исследованиями поверхности Луны. В ту ночь, когда шла экспозиция. Альфонс показался мне ярче и белее, чем обычно. Но я, наверно, не настроился бы, если бы буквально у меня на глазах, секунд за десять, спектр не померк до своего обычного, «тривиального» уровня. Я тут же закрыл затвор и начал новый снимок, чтобы потом сличить их, убедиться, что глаза мои не ошиблись.

Сомнений не оставалось: на спектрограмме были отчетливо видны новые, прежде никогда не встречавшиеся яркие линии. Под ударами солнечных лучей газы, вырвавшиеся из лунных недр, флуоресцировали, светились...»

Спектрограмма рассказала и о составе самих газов. Это были сложные молекулы, видимо сразу распадавшиеся на более простые, в состав которых входил радикал C_2 — молекулярный углерод. Почему углерод объединился в молекулы, которые на Земле в вулканических газах почти не встречаются? Видимо, сказалось то, что на Луне нет атмосфе-

ры. Облако вулканических газов сразу же пало под жесткое излучение Солнца. Это и заставило молекулы углерода перестроиться в эти радикалы.

Есть две причины, по которым с Земли трудно заметить деятельность лунных вулканов. Прежде всего интенсивность их извержения намного ниже, чем на Земле. Расчеты показали, что в ходе наблюдаемого Козыревым явления из недр Луны вырвалось около миллиона кубических метров газа; на Земле же вулканы выбрасывают миллиарды кубометров. Однако главная причина, по которой за вулканами Луны трудно уследить, заключается в том, что там нет атмосферы. В вакууме изверженное облако газов исчезает очень быстро.

В 1961 г. Козырев с помощью того же метода зафиксировал выделение молекулярного водорода из кратера Аристарха. В 1963 г. в обсерватории Лоуэлла американские астрономы с помощью рефракторного телескопа с диаметром объектива 61 см наблюдали в том же кратере и вокруг него пятна красного и розового цвета. Сразу вслед за исчезновением пятен в кратере появилась фиолетово-синеватая дымка. Аналогичные явления наблюдались и на других планетах Солнечной системы.

Но свойственный ученым естественный скептицизм побуждает их всегда искать более «прозаические» объяснения подобным явлениям. Плоские поверхности в пепельном свете Луны могут порождать различные блики, возможна и приповерхностная люминесценция силикатов и газов под действием солнечной радиации и пр. Как бы то ни было, большинство астрономов долгое время считали преждевременным говорить о современной вулканической деятельности на небесных телах Солнечной системы.

И вот наконец сомнения развеяны. В космосе обнаружены действующие вулканы! Это произошло во время пролета космического аппарата «Вояджер-1» в 1979 г. вблизи Юпитера. На ряде переданных на Землю снимков одного из его спутников — Ио — хорошо видны зеленовато-белые облака вулканических выбросов, простиравшихся до высоты 100—300 км, что соответствует начальной скорости выброса 0,5—1 км/с (на Земле эта величина обычно составляет 0,1—0,3 км/с). Высота одного из действующих вулканов определена в 1600 м. Его склоны были сплошь покрыты темными лавовыми потоками. Некоторые из них простирались более чем на 90 км. Вершину венчал 48-километровый кратер. На Ио были обнаружены и небольшие трещины, через которые происходили малые извержения. На снимках, переданных «Вояджером-1», обнаружены 9 дей-

ствующих вулканов. В течение четырех суток, пока Ио была в поле зрения телекамера, эти вулканы неоднократно извергались, причем все извержения относились к взрывному типу. Большая часть выброшенного материала через 5—10 минут после извержения падала на поверхность спутника. Специалисты считают, что вулканические выбросы на Ио состоят из сероводорода или двуокиси серы.

Поскольку на Ио, отстоящей от Солнца значительно дальше Земли, средняя температура поверхности -143°C , то не приходится говорить о тысячеградусных температурах, сопутствующих земным извержениям. Максимальная температура материала одного из выброшенных вулканом датчиков, измеренная инфракрасными датчиками «Вояджер-1», составляла 97°C .

Четыре месяца спустя в окрестностях Ио прошла другая автоматическая станция— «Вояджер-2». Станция должна была проводить съемку этого спутника на протяжении 10 часов с интервалом в несколько минут. «Вояджер-2» обнаружил, что семь из девяти ранее открытых вулканов продолжают действовать.

Таким образом, снимки «Вояджеров» послужили достоверным свидетельством современного взрывного вулканизма. Ио оказалась в этом отношении более активной, чем Земля. На это указывает необычно молодой возраст поверхности Ио—примерно 10 млн. лет. Поэтому не удивительно, что здесь почти нет древних кратеров.

Столь интенсивная вулканическая активность Ио свидетельствует о том, что ее недра, возможно, находятся в расплавленном состоянии. По одной из гипотез, их разогрев связан с приливными воздействиями Юпитера. Движение Ио по эксцентрической орбите вызывает периодическое растяжение тела спутника. Часть энергии деформации переходит в тепло, выделяется мощность порядка $1,6 \cdot 10^{12}$ Вт, недра спутника плавятся, твердой остается лишь кора толщиной около 18 км.

Однако эта гипотеза не объясняет все наблюдаемые факты. Например, приливное выделение энергии максимально в полярных областях Ио—там и должна бы быть самая тонкая кора при максимальном количестве вулканов. Но все вулканы расположены в низких широтах,

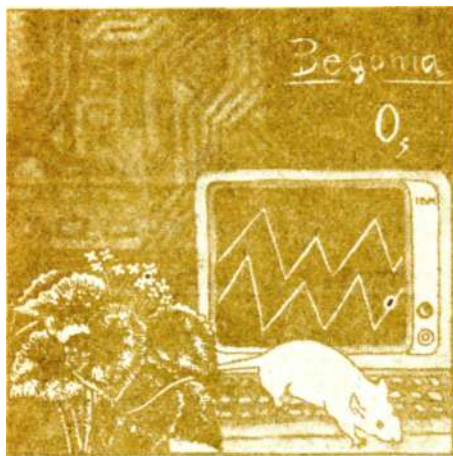
тогда как в полярных районах громоздятся горы высотой до 10 км (т. е. толщина коры составляет там 50 км и более). Поэтому была выдвинута гипотеза об электрическом разогреве Ио текущим через нее сильным током, который возникает вследствие движения спутника в магнитном поле Юпитера.

Неоспоримые доказательства активного вулканизма в космосе позволяют отводить ему существенную роль в развитии тех или иных космических процессов. Известный ученый, крупнейший специалист по вопросам кометной астрономии профессор Всехсвятский предположил, что кометы (во всяком случае короткопериодические) возникли не путем захвата соответствующих масс во время их пролета в окрестностях Солнечной системы, а в результате вулканических выбросов с поверхности планет. Этим же выбросом могут быть обязаны своим существованием кольца вокруг планет-гигантов. Наконец, возможные посланцы инопланетных вулканов—и некоторые из падающих на Землю метеоритов. Например, исследование метеорита Шергготи показало, что когда-то он был куском отвердевшей лавы, затем подвергся воздействию ударных волн (возможно, при дальнейших извержениях неведомого вулкана около 200 млн. лет назад).

Все эти данные позволяют нам поиному взглянуть на геологическое прошлое Земли. Но не следует думать, что космические влияния затрагивают лишь далеко отстоящие от нас эпохи. Например, оказалось, что существует связь между вулканической активностью и приливами в твердом теле Земли, вызываемыми притяжениями Солнца и Луны. Эти приливы, происходящие с цикличностью 12 и 24 часа, а также 14,7 суток, сами извержений не вызывают, но служат спусковым механизмом: дополнительные напряжения в земной коре служат толчком к началу вулканического процесса.

Так, устремляя свой взор в глубь Вселенной, постоянно расширяя «окно» в космос, ученые получают возможность сквозь это же окно по-новому взглянуть и на нашу Землю,

*Владимир Алексеев,
Евгений Полищук*

В наше время приборы, служащие для различных измерений, обладают удивительной точностью. Современные методы химических анализов настолько совершенны, что к заметным погрешностям при работе с ними могут привести пылинки, витающие в воздухе лабораторного помещения, или мельчайшие капельки слюны, выделяемые при кашле и чихании. Спустя 140 лет после смерти Наполеона версия о его отравлении мышьяком была подтверждена в лаборатории судебной медицины университета в Глазго. Волос с головы императора весом 0,00172 мг — то, чем обладали эксперты.

И все же живой организм, как наиболее чувствительный, часто является незаменимым индикатором.

Служебные овчарки в Таллине фиксируют неисправность газовой сети. Их присутствие помогает и при геолого-разведочных работах (ведь минералам также свойственны запахи). Да и в криминалистике еще не скоро откажутся от их услуг.

Имеется множество сведений о проявлении странного беспокойства у собак, лошадей, крыс, кошек незадолго до подземного толчка. Так, в Чили перед землетрясением в 1835 г. все до одной собаки покинули город Талькуано. Лягушки и змеи покидают свои убежища, даже если стоит холодная погода.

Необычно ведут себя перед землетрясением и рыбы. Они плавают у самой поверхности, часто глотают воздух и

выпрыгивают из воды. Косяки подходят к самому берегу; бывали случаи, когда рыба выскакивала на сушу. Рыбаки возвращаются с богатыми уловами, причем в сети попадают виды, которые обычно обитают на больших глубинах. На поверхности оказываются каракатицы, омары, крабы и осьминоги — типичные обитатели морского дна. Японский геофизик Тарада сопоставил статистические данные об уловах рыбы в прибрежных водах за 6 лет (1924—1929 гг.) с данными о сейсмической активности — обнаружилась явная корреляция. Одно время в Японии серьезно увлеклись возможностью использования рыб для прогноза землетрясений. Но «живые приборы» предсказывали далеко не каждое землетрясение, да и не каждый их прогноз сбывался. Интерес к этой проблеме пропал.

Оптимистичнее настроены американцы. В штате Калифорния (именно там происходили самые разрушительные в истории США землетрясения), у подножия холма Палмдейл, образовавшегося буквально на глазах человека во время одного из недавних землетрясений, расставлены клетки с крысами, а в искусственных норах расселены мыши. За поведением животных наблюдают чувствительные электронные устройства.

Каковы причины необычного поведения животных перед подземным толчком? Вероятно, они ощущают изменчивость электромагнитных полей, слышат инфразвуки и ультразвуки, реагируют на выделение газов, слабые предвзвешиваемые толчки и изменение наклона поверхности.

Любопытные обстоятельства сопровождали одну из самых трагических вулканических катастроф в истории — гибель города Сен-Пьер на острове Мартиника в 1902 г. Облако раскаленных газов, которое вырвалось из кратера вулкана Мон-Пеле, сожгло город; в считанные секунды погибло 30 тыс. человек. Но из животных был найден единственный труп кошки. Еще в середине апреля из города ушли все собаки и кошки, и змеи покинули места своего обитания на склонах вулканического конуса. Даже перелетные птицы не делали обычного привала на озере близ города, а следовали мимо. Вероятно, предвестники извержения, которые совершенно не были замечены людьми, — некоторое повышение температуры почвы, выделение газов или предшествовавшее взрыву дрожание земли — были замечены животными.

Канарейки и тараканы — прекрасные индикаторы на рудничный газ. В прошлом веке углекопы держали клетку с птицей в забое и по ее поведению судили

о степени опасности. Попугаи реагируют на ничтожное содержание в воздухе сильной кислоты.

В настоящее время многие виды животных используются в качестве «живых приборов» в системе мониторинга—наблюдений за качеством окружающей среды.

Ихтиологи американского Управления по охране среды испытывали различные виды пресноводных рыб в виде детекторов качества воды. Был найден количественный показатель загрязнения—число движений, при помощи которых рыба избавляется от посторонних частиц, попавших в жабры; эти движения получили у экспериментаторов условное название «кашель». Чем выше уровень загрязнения медью и ртутью—тем больше приступов «кашля». Среди рыб наиболее подходящими кандидатами в «живые приборы» оказались ушастый окунь, пескарь и особенно форель—их можно помещать для контроля в бассейны ниже очистных сооружений.

Во Франции с помощью форели контролируют качество воды, поступающей из Сены в водохранилище Морсансюр-Сен. Рыба находится в камерах с проточной водой, где она постоянно держится против течения. Если же в воду начинают поступать загрязняющие вещества, хотя бы в малых количествах, то чувствительная форель уходит вниз по течению, где ее присутствие сразу фиксируется электронными датчиками. Тогда автоматически подается команда на изоляцию водохранилища и взятие образцов для химического анализа воды, поступающей в него.

Работами морской лаборатории в Абердине (Шотландия) установлено, что содержание ртути в мидиях залива Фертоф-Форт находится в прямой зависимости от концентрации этого токсичного металла в морской воде.

Фотохимический смог—бедствие многих крупных городов, переполненных автомобилями. Особенно печальную известность приобрели Токио и Лос-Анджелес. Пожалуй, самый вредный компонент смога—озон (трехатомный кислород, сильный окислитель, разлагающий резину). Его избыток в атмосфере (более $5-10 \cdot 10^{-8}$ г/м³) вызывает головную боль, одышку, сухой кашель, раздражение слизистых глаз, быструю утомляемость, угнетенное состояние и пониженный жизненный тонус. Токийские биологи специально вывели сорт бегонии, чрезвычайно чувствительный к смогу. Малая примесь озона в воздухе уже через 6 часов вызывает появление на листьях белых пятен, а спустя некоторое время и пузырей. Проходит еще несколько дней—пузыри лопаются, и на их

месте возникают дыры.

Столь же чувствительны к действию озона и листья табака, причем относительная величина пораженной площади может служить критерием для оценки уровня загрязнения. На основе данных, собранных в 53 пунктах, составлена карта загрязнения Британских островов техногенным озоном.

Некоторые сорта тюльпанов и гладиолусов не только ласкают взор, но и предупреждают о наличии в воздухе очень малых примесей весьма токсичного фтористого водорода. Характерные повреждения листьев гладиолуса сорта Снежная принцесса возникают при содержании одной весовой части фтористого водорода на 10 млрд. весовых частей воздуха.

Другая беспокоящая проблема—загрязнение окружающей среды тяжелыми металлами. По отношению к ним мхи и лишайники обладают высокими поглощающими свойствами. Лишайники, например, «чувствуют» металлургическое предприятие, удаленное на десятки километров. В одном из промышленных районов Англии для определения степени загрязненности воздуха кадмием, свинцом и цинком вывешивался в нейлоновых сетках сфагнум—обычный обитатель торфяников—на срок от 20 до 50 дней. Произведенный затем спектрографический анализ свидетельствовал о высокой скорости поглощения металлов, по которой можно определить их концентрацию в воздухе.

Еще в прошлом веке финский ботаник В. Нюландер обратил внимание на то, что в Париже количество видов лишайников гораздо меньше, чем в окрестностях города. Это объясняется тем, что разные виды обладают разной чувствительностью по отношению к загрязнению воздуха и атмосферных осадков. В наиболее неблагоприятных районах лишайники пропадают совсем, а в благоприятных их тем больше, чем чище воздух. Следовательно, при выделении территорий с разным уровнем разнообразия видов выявятся пространственные различия в уровне загрязнения окружающей среды.

В 1926 г. Р. Сернандер выделил «лишайниковые зоны» и составил карту для Стокгольма. Позднее подобные карты были созданы в Нидерландах и Великобритании. У нас подобную методику используют в Эстонии, составлены карты для Таллина, Тарту и некоторых небольших городов.

Применение «лишайниковой съемки» позволяет быстро получить представление о пространственном распространении загрязнений. Но ее преимущество этим не исчерпывается. Дело в том, что в

каждой точке содержание техногенных примесей в атмосфере непрерывно меняется в зависимости от режима работы предприятий, объема выбросов, времени года, направления ветра, влажности воздуха и других факторов. Поэтому единичные разовые пробы воздуха представляют собой не что иное, как «стоп-кадры», и нужно сделать довольно много повторных измерений, чтобы получить представление о некоем усредненном уровне посторонних примесей. Выделение же разных «лишайниковых зон» позволяет быстро получить многолетнюю картину пространственного распространения загрязнений.

С помощью «живых приборов» можно заглянуть в прошлое, иметь представление о том, как менялось загрязнение воздуха во времени. В ФРГ, в Бонне, Кёльне и Ахене, взяли пробы древесины вековых дубов и определили, как меняется содержание свинца, цинка, железа и марганца в годичных слоях разного возраста*. Потом на основе этих данных были построены кривые концентрации металлов в воздухе начиная со второй половины прошлого столетия.

Вообще растения-индикаторы используются для контроля за качеством атмосферы промышленных районов ФРГ очень широко — на 146 станциях. Применяются три метода: 1) лишайниковый — для определения содержания в воздухе окислов серы и других кислых газов. Уровень загрязненности определяется по степени отмирания по прошествии 300 дней; 2) хвойный — служит той же цели. Показатель качества воздуха — содержание серы в годовых или полугодовых побегах; 3) травяной, позволяющий установить присутствие в воздухе серы, фтора, цинка, кадмия и свинца. В этом случае точность такова, что двухнедельного пребывания стандартного набора трав в пункте наблюдения достаточно для получения количественных данных о загрязненности воздуха этими элементами.

Очень многие события в биосфере обнаруживают четкую связь с изменчивостью солнечной активности — урожайность, миграции животных, вспышки размножения насекомых, магнитные бури, инфекционные заболевания, заболевания сердечно-сосудистой системы и т. д. Вполне понятен растущий интерес к исследованию процессов

на Солнце, и особенно к поискам возможности предсказания уровня солнечной активности. Удивительно другое, а именно то «живые приборы» могут найти применение в прогнозировании деятельности Солнца!

Еще в середине 30-х годов казанский врач С. Т. Вельховер обнаружил, что рост коринебактерий* на строго одинаковой, стандартной питательной среде не остается постоянным, а временами скачкообразно усиливается. Вспышки роста микроорганизмов были приурочены к периодам усиления солнечной активности, пятнообразования на Солнце. Очевидно, считал Вельховер, субстанция бактериальной клетки «настроена» на излучение определенной длины волн или на определенные корпускулярные потоки, и соответствующим образом клетка реагирует на изменения в деятельности Солнца.

Но самое любопытное заключается в том, что никогда не наблюдается полного совпадения микробиологических и геофизических кривых — ход первых всегда предвещает ход вторых. Вот что пишет по этому поводу А. Л. Чижевский: «Это становится понятным, если мы вспомним, что очаги возмущения возникают первоначально в глубине Солнца — ни глаз астронома, ни фотографическая пленка на них не реагируют. Но корпускулы, или коротковолновое излучение, выбрасываемое ими в мировое пространство, встречают живую клетку бактерий или нервной аппарат человека и животного и немедленно влияют на него. И только по прошествии некоторого времени очаги возмущения появляются на поверхности Солнца и становятся доступными визуальному наблюдению и фотографированию. Следовательно, нет ничего невероятного в том, что микробиологический препарат вскоре станет наиболее чувствительным астрономическим прибором, который будет предсказывать некоторые физические процессы на Солнце, и, уж конечно, точнее всякого физического прибора!»

Наконец, и сам человек может действовать как «живой прибор», ведь известны совершенно феноменальные примеры работы мозга и органов чувств. Чудосчетчики состояются в скорости счета с вычислительными машинами, извлекают корни двадцатых и тридцатых степеней из чисел с двумя десятками знаков, шутя определяют, на какой день недели придется, например, 12 августа 28448732 года.

Советский психолог А. П. Лурия написал книгу о человеке с уникальной

* Не нужно рубить дерево, чтобы взять пробу из его сердцевины. Миниатюрный — как штопор — бур позволяет извлечь колонку древесины толщиной с карандаш. Этого вполне достаточно для анализов.

* По современной классификации — микобактерии. К их числу относятся возбудители дифтерии и туберкулеза.

памятью, который в мельчайших подробностях помнил буквально всё без исключения, что видел, слышал или прочитал. Визуальные наблюдения космонавтов с орбиты порой оказываются гораздо информативнее самой совершенной фото- и киносъёмки.

Стоит упомянуть и о факте, который вошел в официальный отчет о землетрясениях, наблюдавшихся на территории Австро-Венгрии в течение 1897 г. Сейсмическая станция Ала в Южном Тироле отметила 27 января того года два подземных толчка. Оба они были предсказаны одной особой — один за 15 минут, другой за полчаса. Видимо, она была весьма чувствительна к тем геофизическим явлениям, которые, вероятно, предшествуют землетрясению, — внезапному изменению интенсивности магнитного поля или возникновению звуковых колебаний на очень высоких или очень низких частотах, которые человек с обычным диапазоном слуха совершенно не ощущает.

О редком случае пишет американский исследователь К. Уиски. Две женщины жаловались на то, что иногда им мешают отчетливые сигналы азбуки Морзе. Оказалось, что эти ощущения совпадали с временем работы находившейся поблизости радиостанции. Итак, возможны и живые радиоприемники!

Известный вулканолог Гарун Тазиев, вспоминая о вулкане Ньямлагира в Центральной Африке — первом вулкане, который он посетил, пишет следующее: «...я решил не только посмотреть, но и понюхать вулкан. Нос — удивительно тонкий портативный прибор, которым наделила нас природа. С его помощью я

надеялся уловить присутствие двуокиси серы, соляной кислоты или сероводорода по характерному запаху тухлых яиц. В результате интенсивного обследования, напоминавшего скорее работу собаки-ищейки, нежели ученого-исследователя, многообещающая карьера геолога едва не закончилась там же, у южного подножия Ньямлагиры... Я был внезапно повержен в беспамятство...»

Причиной тому были, конечно, высокие концентрации газов, выделяемых из трещин в пещерах, гротах вулканического конуса.

В городах при изучении рассеивания техногенных загрязнений использование только что упомянутого «тонкого портативного прибора» пока не грозит беспаямством. Муниципалитетом Мангейма (ФРГ) оформлены на службу 80 человек с особенно острым обонянием, живущие в разных концах города. В их обязанности входит трижды в день, в определенное время, внимательно принюхаться к воздуху и высказать мнение о его качестве. Эти сведения сопоставляются с данными наблюдений 20 метеопостов, расположенных в черте города, что позволяет быстро выявлять те предприятия, которые загрязняют атмосферу.

Итак, в наш XX век — век электроники, атомной энергетики, космических исследований — мы продолжаем пользоваться методами измерений и контроля среды, казалось бы, примитивными, иногда сравнимыми со старинными приметами, но, несмотря на это, зачастую надежными и простыми.

Лев Бондарев

Старина-старинушка

В нашей стране создано уже много музеев под открытым небом, где демонстрируются лучшие образцы деревянного зодчества. Есть они в Новгороде, Суздале, Костроме, Плесе на Волге и в других городах. Недавно такой музей-ансамбль появился и под Москвой. Место для него найдено на берегу Истры, в 55 км от столицы, вблизи памятника архитектуры XVII в. Новоиерусалимского монастыря. Туда свезены из многих деревень Подмосковья старинные избы, ветряные мельницы, амбары и церкви. Архитекторы, реставраторы и историки постарались найти и восстановить бани, колодцы, часовни, постоянные дворы и курные крестьянские избы XVII и XVIII вв. Словом, руками энтузиастов воссоздана одна из страниц истории русского деревянного зодчества, раскрывающая таланты строителей-умельцев прошлого.

Главы из книги
«Морские чудовища:
легенды и факты»

Происшествие у острова Teneriffe

30 ноября 1861 г. во второй половине дня французский корвет «Алектон» приблизился к острову Teneriffe. Мысли передсмотрящего были всецело заняты предвкушением долгожданного отдыха. Моряк предавался мечтам, в которых не оставалось места морским чудовищам, и поэтому чуть было не пропустил кое-что такое, что внесло в изучение животного мира морей весомый вклад.

Когда матрос обратил внимание на поверхность моря, то обнаружил в непосредственной близости от судна гигантское извивающееся животное отталкивающего вида. На голове чудовища, которое было кирпично-красного цвета, светились глаза размером с тарелку, над ними, словно куча огромных макарон, торчали щупальца, а над пастью — Огромный, как у попугая, только значительно больше, клюв.

Обо всем спешно сообщили вахтенному офицеру. Мгновение он медлит, прежде чем открывает блестящую медную раковину связи с каютой капитана, так как знает, что лейтенант Фредерик Мария Буйе весьма бурно реагирует на нарушение своего послеобеденного отдыха. Однако сейчас речь идет о дьявольском создании, находящемся совсем рядом, о событии из ряда вон выходящем.

Когда лейтенант Буйе появился на капитанском мостике, он пришел к точно такому же выводу. Размеры зверя, длина которого достигала семи метров, показали ему несомненно, и он приказал экипажу занять свои места и обстрелять чудовище. Но из-за сильной качки ни один из десяти выстрелов не достиг цели.

«Алектон» подошел вплотную к морскому животному, и после нескольких неудачных попыток одному матросу все-таки удалось глубоко всадить гарпун в его рыхлое тело.

Схватка с чудовищем продолжалась более трех часов. Монстр с широко раскрытым клювом то и дело бросается на своих мучителей и предпринимает отчаянные попытки освободиться от каната. Гарпуны, которыми его продолжают забрасывать, вырывают из тела куски мяса. Наконец удается накинуть на туловище животного петлю, при помощи которой его пытаются втащить на палубу. Но петля соскальзывает к хвосту и перерезает дряблое тело. В руках матросов оказывается лишь кусок хвоста весом около двадцати килограммов.

Конечно, матросы рассчитывали закончить поединок с большими трофеями. Поэтому они собирались даже преследовать свою жертву на лодках, но лейтенант Буйе решительно воспротивился. Животное, даже полумертвое, оставалось из-за своих поразительно ловких щупалец очень и очень опасным противником. Позже Буйе в отчете морскому министру сообщал, как изощренно отбивались их странный противник от всех нападений с палубы «Алектона».

Сразу же, как только корвет достиг острова Teneriffe, лейтенант Буйе попросил французского консула посетить корабль. Удивленный дипломат мог внимательно разглядеть отвоенный кусок хвоста. Он составил об этом рапорт и вместе с сообщением самого Буйе отправил его руководству морского министерства. Был также приложен рисунок, на котором очевидец изобразил схватку с чудовищем.

Ученый совет Академии наук Франции получил этот материал в конце 1861 г. Казалось, что именно эта информация должна была бы рассеять последние сомнения в существовании гигантских кальмаров, но получилось совсем наоборот. Вот комментарий относительно происшествия одного вполне компетентного лица того времени:

«Очень даже возможно, что предъявляемые некоторыми путешественниками различные остатки тел, которые они выдают за части тела гигантских кальмаров, являются на самом деле остатками каких-либо растений. Их мягкая структу-

ра, будь они малого или более крупного размера, их липкая, клейкая поверхность, коричневый или бурый цвет, сильный запах, который они распространяют,—все действительно характерно для большого количества продуктов моря, но нет никаких оснований лишь поэтому относить их к животным, а не к растительным организмам».

Вывод из данного комментария можно сделать только один: ученые тогда были не в состоянии отличить растительную субстанцию от животной, и получалось, что, по всей вероятности, сумасшедшие моряки с «Алектона» три часа сражались с водорослью.

Теофил Пиккот в беде

Побережье Ньюфаундленда правильнее всего можно охарактеризовать как удручающе скучное. Сколько ни всматривайся, не увидишь ничего, кроме скал, почти совершенно голых, холмов, на которых только изредка обнаруживешь одинокую сосну, да плато, покрытых стелющимися растениями. Восточное побережье острова омывает холодное арктическое течение, которое гонит громадные айсберги на юг. Там, где они встречаются с теплым Гольфстримом, почти круглый год и сушу и море окутывает густой туман.

Труд ньюфаундлендских рыбаков тяжел и опасен. Рыбная ловля может начинаться лишь в начале лета, когда сойдут льды, и продолжаться до наступления ранней зимы. За этот короткий срок нужно наловить столько рыбы, чтобы суметь прокормиться в долгие зимние месяцы, так как у жителей мало надежды найти дополнительный заработок на строительстве или деревообрабатывающем промысле.

В 1871—1879 гг. Ньюфаундленд стал ареной захватывающих событий, после которых существование гигантских кальмаров уже трудно было опаривать.

В октябре 1873 г. Теофил Пиккот с двенадцатилетним сыном Томом и еще одним рыбаком отправился на ловлю рыбы недалеко от острова Гред-Белл у Сент-Джонса. Был один из тех удивительных, прекрасных и тихих осенних дней, когда вытаскивать сети—одно удовольствие. В лодке набралась уже целая гора трепещущей трески, поэтому Теофил Пиккот удовлетворенно раскуривал свою трубку. Его сын, которому такое приятное времяпрепровождение было пока запрещено, разглядывал гладь воды вокруг. Вдруг он заметил какой-то необычный предмет. Взрослые тоже заинтересовались—мало ли что может принести море—и, подогреваемые любопыт-

ством, стали подгрести к нему. Когда они оказались совсем близко, произошло нечто ужасное: на глазах рыбаков из воды поднялся кальмар, обвил своими руками-щупальцами, словно веревками, лодку и попытался утянуть ее в глубину. Лодка завалилась на бок, зачерпнула воду и могла в любое мгновение затонуть. Взрослые, будто окаменев, оставались на чудовище, и лишь один Том не растерялся и сообразил, что надо делать. Он схватил топор, лежащий в лодке, и несколькими сильными ударами перерубил одно из щупалец, густо усеянное присосками. «Морской дьявол», которого, видимо, мало привлекают знакомства подобного рода, сразу выпустил свою добычу.

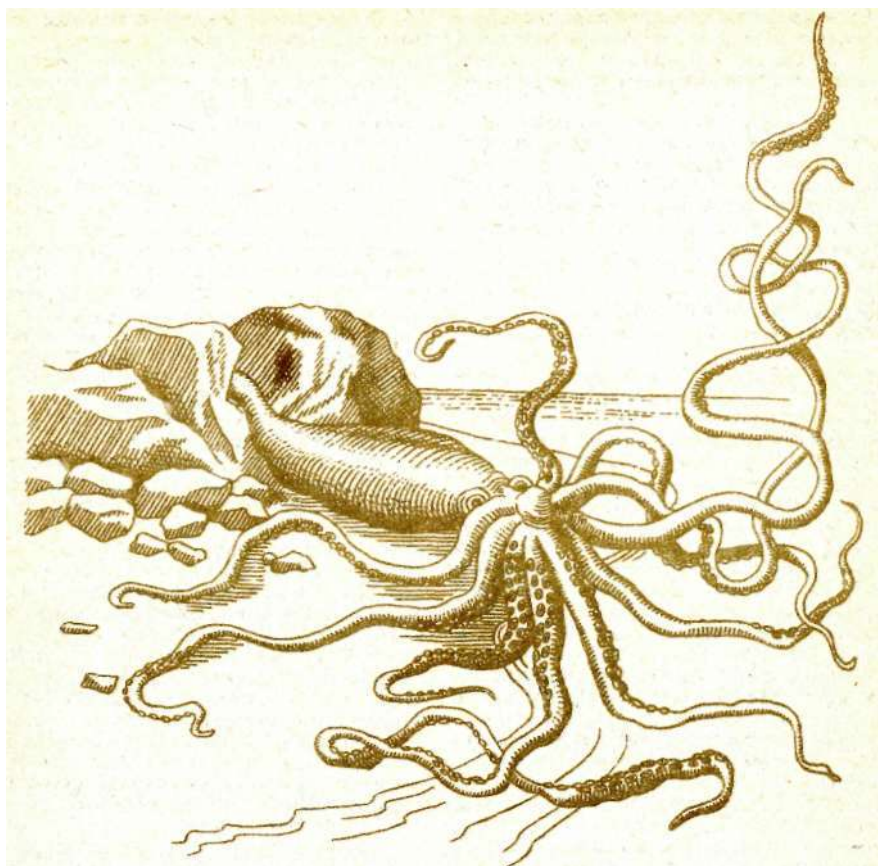
Ни у кого из взрослых не было времени высказать Тому слова благодарности. Как только рыбаки увидели, что блестящий на солнце хвост нападавшего скрылся в воде, они стали лихорадочно откачивать воду из лодки и изо всех сил налегли на весла, чтобы как можно скорее убраться с этого опасного места. Они увезли с собой необычный трофей—щупальце гигантского кальмара. А ведь существование именно этого вида кальмаров многими учеными отрицалось как с точки зрения зоологии, так и с точки зрения механики!

Наконец достигли берега. Здесь рыбаки отрубили шесть футов «вещественного доказательства» и скормили собакам. В конце концов они и не могли таскать с собой щупальце, все еще достигавшее в длину двенадцати футов, в том виде, в каком его заполучили. Дома они его засолили. Поэтому прибывшим на место происшествия любопытным ученым пришлось довольствоваться рассказом рыбаков, которые утверждали, что Том отрубил щупальце на расстоянии как минимум трех метров от головы его бывшего владельца. Таким образом, общая длина этого щупальца должна была достигать почти десяти метров.

Еще столетия назад такая история никого бы не взволновала, а сейчас происшествию подобного рода стали вызывать интерес многих ученых. Профессора Эддисона Феррилла, специалиста по моллюскам из Йельского университета, привлекла к событиям на Ньюфаундленде газетная статья, сообщавшая, что кальмаров здесь стало появляться все больше и больше. Недолго думая, он собрался и прибыл на остров.

По прибытии он узнал о самом длинном, если не самом крупном головоногом, которого до того времени (1872 г.) когда-либо выносило море:

«Уже через три дня море выбросило на берег у Кумб-Кове гигантского кальмара. Несколько жителей сумели его

В 70-х годах прошлого столетия Ньюфаундленд просто «наводнили» кальмары. На рисунке, сделанном по описаниям очевидцев, изображен один из гигантских кальмаров, выброшенных на побережье Ньюфаундленда

укрыть в безопасном месте. Туловище гиганта было трехметровой Длины, размером с большую бочку, а щупальца достигали тринадцати метров...»

Вот оно—поистине легендарное чудо-вище!

Но давайте не будем строить никаких иллюзий насчет размеров этих животных. В большинстве случаев—это касается и находки у Кумб-Кове—размеры чудовищ оспаривались. Значительно чаще попадались кальмары, щупальца и туловище которых были более скромных размеров.

В ноябре 1873 г. в заливе Логи, у восточного побережья острова, «морской дьявол» угодил даже в сеть. Рыбаки заметили, когда тянули сеть, что она очень тяжелая, и почувствовали, как там что-то дергается. Все выяснилось быстро и самым неожиданным образом, лишь

только сеть вытянули на поверхность: там скрючился гигантский кальмар, прилагавший невероятные усилия, чтобы освободиться от опутавших его оков. Кто-то предложил обрубить сеть—пусть пропадает вместе с ее ужасным уловом. Но для большинства рыбаков, которые были бедны, такое решение было неприемлемо.

Вооружившись топорами и ножами, люди осторожно приблизились к чудовищу, чтобы попытаться сохранить хотя бы остаток дорогой сети. Более тридцати минут рыбаки освобождали сеть. Кальмар в этой «битве» лишился части кожи, раструба и даже головы. Потери противоположной стороны сводились к разорванной сети и находившемуся в ней улову—почти вся рыба сумела вернуться в родную стихию. Но неосторожное головоногое не было изуродовано до

неузнаваемости. Специалисты, которым оно попало в руки, препарировали его и выставили на обозрение. Общая десятиметровая длина кальмара весьма впечатляла.

Профессор Феррил опубликовал в 1874 г. в журнале «Американский натуралист» свои первые сообщения о гигантских ньюфаундлендских кальмарах. К сделанным тогда наблюдениям до сего дня не удалось прибавить ничего существенно нового.

Последнее плавание шхуны «Перл»

В мае 1874 г. 150-тонная шхуна «Перл» покинула южноцейлонский порт Галле. Целью плавания была бирманская гавань Рангун, однако корабль ее не достиг, так как в пути произошло событие, описание которого могло бы украсить любой сборник сказок.

Через три дня после выхода в море шхуна в Бенгальском заливе попала в штиль. Капитану и команде из шести человек не оставалось ничего иного, как отдаться на волю течения и ждать, что скоро задует ветер, который положит такому безобразию конец.

Около пяти часов пополудни матросы обнаружили приблизительно в миле по левому борту судна огромную тушу, которую они приняли сначала за кита. С первого взгляда стало ясно, что это существо, наслаждающееся теплыми вечерними лучами солнца, обладает внушительной физической силой—его размеры превышали размеры шхуны. Команда, изнывавшая от безделья, с большим интересом наблюдала за животным, которое могло внести разнообразие в их скучное существование, и капитан Джеймс Флloyd придумал, скажем прямо, не слишком оригинальное развлечение — проверить на, очевидно, безвредном обитателе моря искусство стрельбы. Правда, один матрос, по имени Билл Дарлинг, предостерегал капитана от опрометчивого шага, так как, кажется, узнал в животном гигантского кальмара, но никто не принял его возражений всерьез. Флloyd стал стрелять и решил тем самым судьбу шхуны.

Загадочное существо—это был действительный гигантский кальмар — уверенно обнаружило своего обидчика и мгновенно атаковало маленькое судно. «Все с ножами и топорами на палубу», — кричит Билл Дарлинг, взявший на себя командование вместо совершенно растерявшегося капитана. «Обрубайте любую замеченную над бортом часть тела кальмара! Будьте начеку, и да поможет нам бог!»

В следующее мгновение толстые, как стволы деревьев, щупальца с присосками размером с тарелку обхватили корпус, а затем и мачты корабля. Проходят секунды, и часть громадного тела переваливает через борт, мачты и такелаж оказываются окончательно опутанными. Еще усилие—и судно перевернуто.

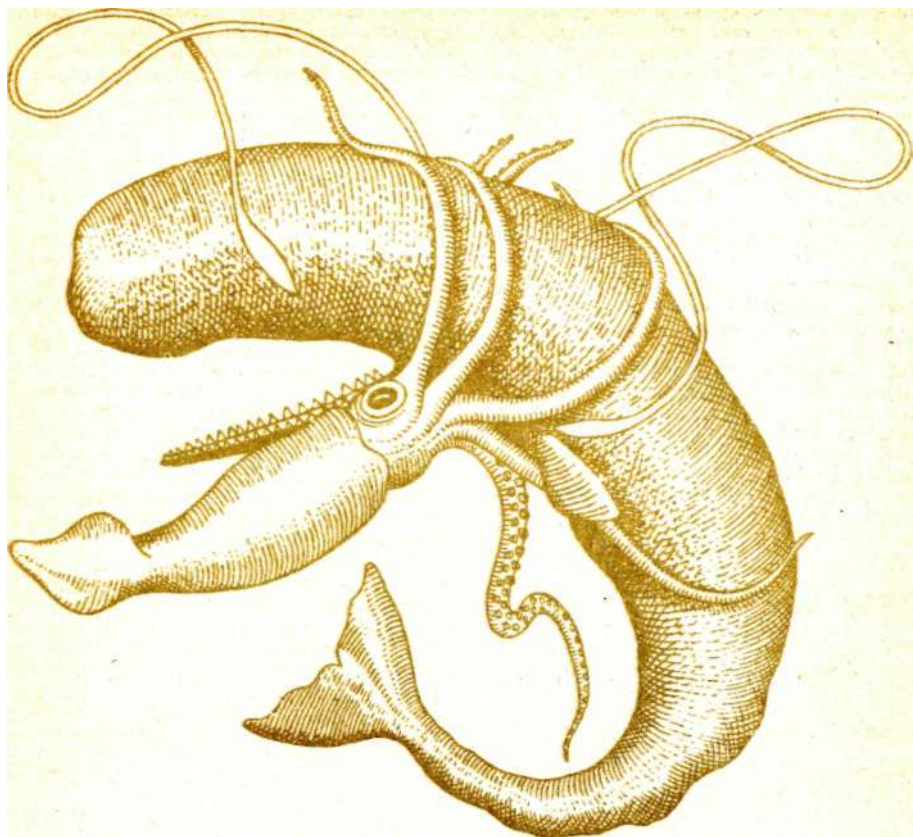
Некоторое время «Перл» плывет по морским волнам вверх килем, потом, полностью наполнившись водой, тонет. Два матроса исчезли вместе с кораблем в морской пучине.

Неделю спустя капитан Флloyd и четыре спасшихся матроса появились в редакции газеты и рассказали о своем приключении. Это сообщение вместе с рассказом другого капитана было опубликовано в газете «Тайме»:

«Мы шли на пароходе «Стрэттоуэн» в Коломбо... 10 мая, за час до захода солнца, пересекая Бенгальский залив, мы увидели на расстоянии двух миль маленькую шхуну, попавшую в штиль. Мы приблизились и стали рассматривать ее в бинокль. Через некоторое время мы увидели на поверхности моря между нами и шхуной какую-то огромную бурюю массу, напоминавшую кучу вынесенных на поверхность водорослей. Вдруг странный предмет или животное зашевелилось и ринулось на шхуну, которая заметно накренилась, затем выровнялась, но вскоре ее мачты опять угрожающе завалились на бок. В бинокль я совершенно отчетливо разглядел огромное тело, которое заползало на шхуну, как бы обволакивая ее и срастаясь с ней—лучшего определения я не могу придумать.

Мачты шхуны кренились все больше и больше, потом судно перевернулось, некоторое время оставалось на поверхности и наконец затонуло. Крик ужаса вырвался у всех, кто видел эту сцену».

Достоверность истории о последнем плавании «Перла», вполне понятно, сейчас не может быть проверена. Весьма вероятно, что история эта возникла в кулуарах какой-либо газеты, после того как о ньюфаундлендском спуте заговорили в аристократических салонах. Это, однако, не исключает возможности подобных происшествий. На маленьких парусниках, еще не снабженных наливной системой равновесия, для остойчивости судов, если они следовали без груза, использовался балласт в виде камней или мешков с песком. Однако во время коротких морских переходов из соображений экономии от балласта, бывало, отказывались. Таким же образом, наверное, поступили на «Перле», который вышел в море без груза. Похоже, что достаточно легкомысленный капитан Флloyd счел шхуну и без балласта вполне подходящей посудиною для пересечения Бенгальского

Схватка гигантского кальмара с кашалотом

залива. Но на самом деле оказалось совсем не так, когда кальмар, всящий несколько тонн, воспользовался мачтами шхуны как рычагом. Судя по тому, с какой легкостью монстр с ней расправился, она должна была бы быть очень неустойчивой. Но все-таки, пожалуй, более вероятно, что шхуна вышла в море с балластом, который во время крена сместился к ее левому борту и облегчил чудовищу задачу. Само собой разумеется, что, не зная многих деталей о шхуне и о весе кальмара, трудно сделать правильные выводы, но при стечении многих неблагоприятных обстоятельств такой случай вполне мог произойти.

Например, сегодня известны случаи, когда по причинам, до сих пор не выясненным, кальмары без малейшего повода

на то со стороны людей нападали на корабли. В 1946 г. норвежский капитан Арне Греннингзеттер опубликовал в бергенском журнале «Природа» заметки о странных событиях, свидетелем которых он стал в 1930—1933 гг. во время плаваний в Тихом океане.

Греннингзеттер был тогда капитаном 15 000-тонного танкера «Брунсвик», который следовал с Гавайских островов на Самоа. Танкер шел со скоростью 12 узлов, то есть 22 километра в час. Вдруг люди на корабле заметили гигантского, двадцатиметровой длины кальмара, который двигался со скоростью, почти вдвое превышающей скорость танкера. Он плыл параллельным курсом, пока не перегнал танкер. Затем животное, по свидетельству Греннингзеттера, остано-

лось на расстоянии 30 метров от левого борта и изо всех сил ринулось на «Брунsvик», угодив в переднюю треть судна. Чудовище зацепилось за борт и несколько раз стукнуло по нему своим могучим клювом. Его щупальца, достигавшие, согласно сообщению, 30 сантиметров в обхвате, не могли найти на гладкой, облицованной металлом поверхности борта необходимой опоры, и кальмара стало постепенно сносить назад, к винту, который в конце концов изрубил его на куски.

«Брунsvик» в этом же районе еще дважды подвергся нападением гигантских кальмаров, ничем не отличавшимся от первой атаки. Поэтому в своих заметках Греннингзеттер высказал предположение, что гигантские кальмары по какой-либо причине приняли его корабль за кашалота—их самого сильного и, пожалуй, единственного противника. Это мнение разделяют многие ученые, хотя мало кто согласен с тем, что гигантские кальмары могут ни с того ни с сего нападать на кашалотов.

Ночная дуэль

Еще только одна-единственная книга о китобоях снискала такой же успех, как «Моби Дик» Мелвилла. Ее написал англичанин Фрэнк Буллен. Он, как и Мелвилл, который сам нес службу на китобойном судне и дезертировал оттуда из-за нечеловеческих условий труда, знал мореплавание, что называется, из первых рук. Уже в двенадцать лет Фрэнк был вынужден добывать сам свой хлеб насущный, а восемнадцатилетним нанялся в Нью-Бедфорде на китобойное судно «Кашалот».

Свою книгу Фрэнк Буллен назвал «Плавание «Кашалота»» и рассказал в ней о тяжелом труде китобоев, о произволе офицеров, о плавании через Атлантику, Индийский океан к берегам Японии, где много китов, а потом через Тихий океан к Новой Зеландии и далее мимо мыса Горн обратно в Нью-Бедфорд.

Одну главу этого дневника наблюдений Буллен посвятил описанию схватки гигантского кальмара с кашалотом, которую он наблюдал во время плавания у входа в Малаккский пролив.

«В море, как раз там, где серебрилась лунная дорожка, я заметил какое-то неистовое кипение... Я взглянул в ночной бинокль и увидел огромного кашалота в смертельных объятиях кальмара, который был ничуть не меньше самого кита. Казалось, бесчисленные щупальца головоногого опутали все туловище кита, а голова напоминала чудовищную сетку из

извивающихся «рук» кальмара. У меня создалось впечатление, что кит зажал в челюсти хвостовую часть моллюска и как бы заученным, методическим движением перепиливал ее.

Бок о бок боролись два гиганта, слитые в единое целое; то появлялась похожая на колонну голова кашалота, то чудовищный череп кальмара—общая картина производила жуткое впечатление, такое можно себе представить только в кошмарном сне. Даже по самой скромной оценке, голова кальмара была размером с бочку для вина, вмещающую 350 галлонов (1300 литров), а то и больше. Особенно страшны были глаза. Они были выпучены и достигали не менее тридцати сантиметров в поперечнике. Их жутко-черный цвет резко выделялся на мертвенно-бледном фоне головы; казалось, что это призраки.

Вокруг дерущихся затаились, как шакалы вокруг льва, многочисленные акулы, которые, видно, хотели разделить пиршество с победителем и помогли киту уничтожить гигантского кальмара».

Буллен решил, что этот совершенно необычный эпизод мог бы заинтересовать капитана «Кашалота», поэтому, преодолев свою робость, он разбудил всемогущего командира. И напрасно! Буллен нарвался на такой припадок ярости, что общество двух дерущихся монстров показалось ему более приятным. Но когда он опять поднялся на палубу, о происшедшей трагедии напоминал только стойкий специфический запах, распространившийся в воздухе.

Следует сказать, что схватки между кальмарами и кашалотами—довольно частое явление, но происходят они в морских глубинах, там, куда не проникает взор человеческий.

Очень большой вклад в изучение гигантских форм кальмаров внесло исследование содержимого желудков пойманных кашалотов, так как те заглатывают свою добычу целиком или большими кусками. Если проглоченные головоногие еще не переварены, они вполне годятся и для научных анализов, и для коллекций.

Такую возможность сполна использовал в 1913 г. зоолог Иоганн Гьерт. В исландском фьорде Мо был загарпунен кашалот, который перед этим в жестокой схватке одолел и проглотил гигантского кальмара. Гьерт извлек его из желудка кита, где тот прекрасно сохранился. Там же были обнаружены остатки щупальца диаметром в семнадцать сантиметров, по которому удалось определить вид его бывшего владельца—*Architeuthis dux*.

Но значительно более сенсационные открытия ждали Гьерта, когда он занялся детальным изучением кожи кита. На ней он обнаружил кругообразные руб-

цы — следы присосок гигантского кальмара двадцати семи сантиметров диаметром. Если учесть, что диаметр присосок самых крупных известных до того времени кальмаров измерялся двенадцатью — пятнадцатью см, становится понятным, почему животное, оставившее такие следы, иначе как чудовище не называли.

Редкая приманка

Одна из очень интересных встреч с головоногим произошла 25 апреля 1875 г. близ западного побережья Ирландии, у острова Боффин.

В тот день три рыбака на небольшом рыболовном судне вышли в Атлантику. Вскоре они увидели стаю кричащих чаек, которые летали над каким-то предметом, колыхавшимся на поверхности моря. По-надобилось немного времени, чтобы разгадать, что за предмет несут морские волны. Это был очень крупный кальмар.

Капальсье, животное нежится в теплых солнечных лучах, так как, кроме легкого волнообразного шевеления щупалец, распростертых вокруг туловища, не видно было никакого иного движения. Быть может, именно эта кажущаяся пассивность животного побудила рыбаков на отчаянный шаг. Они решились отрубить кусок от тела гиганта, ведь мясо головоногих считается самой соблазнительной приманкой для трески и наваги. Большой, остроотточенный нож — вот единственное оружие на борту, которое могут использовать в данной ситуации люди, а чтобы понять их поступок, достаточно вспомнить, что они привыкли добывать свою долю морских богатств в полных опасностей поединках.

Однако это не значит, что рыбаки недооценивают неимоверную силу щупалец такого чудовища. Очень осторожно они подплывают сзади к своей жертве, мгновенным взмахом ножа отсекают одно щупальце и, отчаянно гребя, убираются с места происшествия. Капальсье, выведенный из летаргического сна, забил щупальцами по воде так, что все кругом вспенилось. На какой-то миг создалось впечатление, что он вроде бы ищет своего невидимого противника, но потом кальмар ринулся по взбурюженной поверхности моря в противоположном от лодки направлении. Только отплыв на расстояние трех четвертей мили, он успокоился и снова неподвижно распростерся на волнах. Окрыленные успехом, рыбаки возобновили преследование.

Завязалась двухчасовая схватка, в которой люди одолели кальмара: он потерял почти все свои щупальца. И вот, оказавшись на расстоянии уже более пяти миль от берега, рыбаки наконец смогли хорошо рассмотреть свою

странную добычу. Они привязали туловище, из которого все время вытекала жидкость, окрашивавшая воду вокруг в бурый цвет, параллельно судну и только сейчас сумели оценить, до какой степени их поступок был опрометчив: даже без щупалец побежденное головоногое было длиной с лодку и такое тяжелое, что пришлось отрезать голову и скормить ее чайкам и рыбам. Лишь тогда необычный буксир стал медленно идти к берегу.

Одним из первых удивленных зрителей, что прибежали на берег рассмотреть добычу, был констебль О'Коннер. Он проявил похвальный интерес к происшествию, и именно от него Королевское зоологическое общество в Дублине получило информацию о поединке. Он позаботился также о том, чтобы останки головононого были доставлены туда в целостности и сохранности. В Королевском обществе сумели воссоздать чудовище и установить его размеры. Длина щупалец достигала двух с половиной метров, а диаметр у основания — 40 см. Два щупальца были девятиметровой длины.

Любопытнейший констебль не забил спросить у рыбаков о весе отрубленной головы и о размере глаз. После короткого совещания между собой рыбаки сказали, что голова весила килограммов сорок, а диаметр глаз равнялся сорока сантиметрам. Общая длина кальмара должна была достигать четырнадцати метров. Очень трудно сказать, решились бы напасть на него ирландские рыбаки, если бы знали заранее величину противника, и что имело решающее значение в схватке — мужество или везение. Попробуйте себе представить животное с такими глазами, и вас проберет дрожь, и конечно же вы не будете сожалеть о том, что не принимали участия в описанной схватке.

Итак, благодаря кропотливому труду многих ученых легенда стала былью. В частности, на основании исследований вышеупомянутого профессора Феррилла гигантский кальмар был включен в конце 70-х годов прошлого столетия в каталог описанных видов животных. После 1879 г. профессор Феррил опубликовал множество работ о вскрытых и обследованных им на ньюфаундлендском побережье кальмарах. Он отмечал два их вида. Один имел как бы сплюснутое, «коренастое» туловище с более короткими щупальцами, другой — удлиненное, «худое» туловище и длинные щупальца.

Легендарный спрут оказался вполне реальным, действительно обитающим в морских глубинах животным.

П. Вернер Ланге
Перевод с немецкого Ольги
Харитоновой

ИНФОРМАЦИЯ — TERRA INCOGNITA

С чего начинается любое исследование, научная экспедиция, конструкторская разработка, когда уже определены цели и задачи? Нет, не с постановки эксперимента, не с формирования состава участников экспедиции и ее экипировки, не с первых линий чертежа на листе ватмана, прикрепленного к доске кульмана. Все начинается с поиска информации, с путешествия за фактами и идеями.

Окончание такого путешествия в «океане» информации может привести к тому, что исследование станет ненужным, задуманную экспедицию надо будет отправить совсем в другое место, а проектируемый прибор окажется уже выпускаемой известной фирмой. Лучше всего результаты такого путешествия можно охарактеризовать словами Бернарда Шоу: «Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и если мы обменяемся этими яблоками, то у вас и у меня останется по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обменяемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи».

Общее количество научных журналов, издаваемых во всем мире, приближается сейчас к 35 тыс. названий, но точного их числа пока никто не знает; предполагается, что ошибка при определении этой цифры не превышает 10%. Каждый год в этих журналах появляется около 3,5–4,0 млн. научных статей. Кроме того, ежегодно выпускается около 150 тыс. новых научных книг и регистрируется до 500 тыс. авторских свиде-

тельств и патентов. Этот огромный объем информации быстро возрастает — за последние 50 лет суммарное число научных журналов увеличилось в 10 раз, а число выпускаемых книг растет ежегодно на 15 тыс. И все же опубликованные работы — статьи, книги, патенты — только верхушка айсберга, а его подводную, невидимую часть составляют неопубликованные научные документы, главным образом в виде научных отчетов, проектной и конструкторской документации, разномастных карт, аэрофотоснимков, цифровой информации, перфолент, магнитных лент и т. п. Иногда целые отрасли или отдельные научные направления быстро уходят вперед, обрстая ворохом статей и книг и вновь созданными журналами, тогда как другие отрасли замедляют темпы роста.

Это хорошо видно на примере литературы, интересующей производителей одной из наиболее распространенных зерновых культур — риса. За все 30-е годы нашего века объем этой литературы возрос на 2400 страниц, за все 50-е годы — уже на 21 тыс. страниц. Но настоящий «информационный взрыв» в этой области произошел в первую половину 70-х годов, когда было опубликовано более 90 тыс. страниц текста на эту тему.

В целом научная информация находится сейчас в состоянии «взрыва». Процесс этот не случайный, он порожден интенсивной творческой работой непрерывно увеличивающейся армии ученых, инженеров и конструкторов. Однако это не первый «информационный взрыв» в истории цивилизации.

В 1613 г., например, Барнаби Рич, современник Шекспира, заметил: «Одна из болезней нашего века — засилье книг. Их столько расплодилось в мире, что и не уследишь за всей той чепухой, которая выводится каждый день и идет гулять по миру». А через 50 лет после этого заявления — 5 января 1665 г. в Париже из регулярной переписки ученых родилось новое эффективное средство научной коммуникации — первый научный журнал, который так и назывался: «Журнал ученых».

Пускаться в плавание по поистине безбрежным «морям» информации без компаса, лоции и карты — занятие весьма рискованное и довольно безнадежное. В этом путешествии любого исследователя ждет множество препятствий, которые называют «информационными барьерами» и которые сродни рифам, штормам и туманам в мореплавании.

Первый барьер, с которым сталкивается любой исследователь, — это языковой барьер. Все больше стран включают в научные исследования. Если 25 лет

назад доля журналов, издававшихся в развитых странах, составляла 99%, то сейчас она упала до 90%, соответственно увеличившись в развивающихся странах с 1 до 10%.

Существенные перемены произошли и в использовании языков для написания научных работ. 100 лет назад почти вся научная литература писалась на немецком, английском и французском языках. Сейчас при сохранившейся доле англоязычных работ, которые составляют чуть меньше половины научных публикаций, существенно снизилась доля немецко- и франкоязычных публикаций и возросла доля научных работ на русском, испанском, японском и других языках, то есть языковой барьер все время возрастает. Недаром Данте поместил царя Немврода в девятый круг ада:

«То царь Немврод, чей замысел
ужасный
Виной, что в мире не один язык».

Другой сложный барьер — это явление рассеяния научной информации. Еще в 30-х годах нашего столетия английский библиограф С. Бредфорд обнаружил, что только 50% всех статей по электротехнике публикуется в небольшом числе (около 200) журналов, являющихся «профильными» для данной отрасли науки. Еще 25% статей помещаются в значительно большем числе журналов, непосредственно не относящихся к электротехнике. Остальные же 25% публикуются в огромной массе журналов, не имеющих прямого или даже косвенного отношения к электротехнике.

Устрашающим стал еще один барьер — объем информации.

Знаменитый физик Энрико Ферми считал поиск необходимой ему информации слишком скучным и долгим делом и предпочитал заново выводить интересующие его формулы, вместо того чтобы искать их в научных изданиях. Он неоднократно держал пари со своими друзьями, что сможет сделать это быстрее, чем они найдут ответ в литературе. Обычно Ферми выигрывал такие пари.

Все более серьезным барьером становится рост цен на научные издания, что постепенно, но неуклонно уменьшает поток информации, поступающей как в отдельные библиотеки, так и в целые страны. Ежегодно стоимость подписки на научные журналы в мире возрастает в среднем на 15%.

Это далеко не полный перечень информационных барьеров. Все они еще не изучены, некоторые возникают прямо у нас на глазах, как, например, недоступность изданий из-за их высокой стоимости.

Первыми попытками преодоления информационных барьеров было создание библиотек. Если вести историю библиотечного дела от храмовых библиотек в Ниппуре, то этой древнейшей профессии насчитывается по меньшей мере четыре тысячи лет. Библиотеки — это испытанный временем инструмент передачи накопленных знаний в виде произведений письменности, функционирующий весьма успешно до настоящего времени. Библиотеки стали как бы компасом для путешествующих по морям информации.

Однако развитие самой науки, усиление ее организации, интернационализация науки привели к необходимости создания новой системы для преодоления информационных барьеров (число которых, кстати, возрастало с развитием науки) — системы научно-технической информации, которая стала функционировать наряду с библиотеками и которая уже дала в руки ученых, пускающихся в плавание по морям информации, не только компас, но также лоцию и навигационные карты.

Первой системой научно-технической информации была система реферативных журналов, т. е. сборников кратких изложений научных трудов.

Система реферативных журналов была создана в СССР в 1952 г., когда решением Президиума Академии наук СССР был организован Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИИ). В настоящее время система реферативных журналов в СССР включает все группы научных дисциплин — естественные и точные науки, прикладные науки, общественные науки. Эти журналы подготавливаются рядом информационных центров, среди которых ведущая роль принадлежит ВИНТИ.

Всесоюзный институт научной и технической информации — крупнейший в мире издатель реферативных журналов по естественным, точным и техническим наукам. Реферативные журналы ВИНТИ читает весь мир, и весь мир поставляет ему научную информацию. Научные и технические журналы и другие издания поступают в ВИНТИ из 130 стран на 66 языках. Этот поток информации включает около 18 тыс. наименований журналов, почти 8 тыс. трудов научно-исследовательских учреждений, 18 тыс. книг, около 200 тыс. патентов и авторских свидетельств и до 1000 стандартов в год. Все реферативные журналы ВИНТИ ежегодно дают своим читателям информацию о содержании 1,2 млн. научных работ из перечисленных изданий.

Если сложить вместе годовой комплект реферативных журналов ВИНТИ,

то получится стопка толстых томов высотой почти 12 м—это равняется высоте трехэтажного дома! В этой «вавилонской башне» вклад географической информации довольно скромен— чуть больше полуметра. В реферативном журнале «География», издаваемом ВИНТИ, ежегодно сообщается о содержании более 50 тыс. научных работ.

Для удобства читателей кроме сводного тома реферативного журнала «География» издаются его отдельные выпуски: «Теоретические и общие вопросы географии», «Картография», «Биогеография. География почв», «Антропогенный период. Геоморфология суши и морского дна», «Метеорология и климатология», «Океанология. Гидрология суши. Гляциология», «География СССР», «География зарубежной Европы», «География зарубежной Азии и Африки», «География Америки, Австралии, Океании и Антарктики». Кроме того, выпускается небольшой реферативный журнал «Медицинская география», не входящий в сводный том «География».

Сравнение отдельных выпусков реферативного журнала «География» с зарубежными аналогами показывает, что в его выпусках отражается до 80% мирового потока опубликованной географической литературы, что существенно больше, чем в зарубежных реферативных журналах той же тематики. А аналога такому выпуску, как «Медицинская география», в мире вообще не существует.

Что же дает реферативный журнал специалистам?

Функции журнала разнообразны. Он служит средством текущего оповещения ученых и специалистов обо всей появляющейся в мире научно-технической литературе по интересующей их теме и инструментом для поиска прошлой информации по из-заваемой проблеме. За время существования реферативного журнала «География» (а ему в 1984 г. исполняется 30 лет) в его полном собрании сочинений, которое занимает не так уж много места— всего 15 м стеллажей, накоплено около 1,5 млн. рефератов. Такой объем информации не только позволяет подбирать ретроспективную информацию по любому вопросу, но и дает возможность исследовать развитие отдельных географических проблем и всей науки в целом.

Реферативный журнал позволяет преодолевать или существенно снижать информационные барьеры, и в первую очередь барьер рассеяния информации, так как среди 5 тыс. научных журналов и других изданий, из которых извлекается информация в реферативный журнал «География», только около 10% состав-

ляют издания, имеющие прямое отношение к этой отрасли науки.

Существенно снижается языковой барьер: в реферативном журнале «География» можно узнать на русском языке название и содержание научных работ, написанных на основных языках народов мира.

Такой барьер, как объем информации, также становится легкопреодолимым: содержание рефератов в реферативном журнале «География» по своему объему в 10—20 раз меньше реферируемой научной работы. Специальное подразделение ВИНТИ— Центр информации по науке и технике— по запросу читателя выдает ему копию оригинала заинтересовавшей его на основании изучения реферативного журнала работы, т. е. обеспечивает доступность информации.

Реферативный журнал дает возможность специалисту следить за достижениями в смежных областях науки, что способствует интеграции науки. Наконец, он в определенной степени сохраняет единство науки путем упорядочения терминологии, разработки классификаций и т. п.

И все же главным достоинством реферативного журнала является то, что знакомство с кратким изложением идей, заключенных в научных статьях, книгах, патентах, способствует возникновению у его читателя новых идей, порождает вопросы, на которые он ищет ответы, повышает его профессиональный уровень и мастерство.

Еще 10 лет назад «Литературная газета» провела опрос советских ученых и специалистов. На вопрос «Через какие каналы вы получаете наиболее ценную для вас информацию?» почти половина всех опрошенных ответила: «Через реферативный журнал и другие издания ВИНТИ».

Закончить этот короткий рассказ об информации вообще и географической информации в частности можно словами профессора С. П. Хромова, известного советского климатолога. Обращаясь к молодым специалистам, он писал: «Как ни хороши специальные библиотеки Москвы и других городов, тебе не уйти от необходимости иметь личную библиотеку, которая всегда была бы под рукой. Но возможности ограничены. Всего иметь в личной библиотеке нельзя. Что же самое необходимое? Справочники, словари, реферативный журнал. Сейчас издаются многие десятки и сотни специальных журналов на многих языках, не говоря о сериях трудов. Никто не в состоянии прочитать и даже увидеть все издания. Все труднее становится вылавливать из моря литературы нужное для

твоей работы. В реферативном журнале ты получишь в течение года систематизированные сведения — с рефератами — о подавляющей части вышедших в мире научных работ. Нет лучшего способа быть в курсе текущей литературы. Чем

скорее ты начнешь выписывать реферативный журнал, тем большую ценность будет представлять комплект, который ты накопишь за долгие годы научной работы».

Ким Лосев

Жемчужины недр Крыма

На знаменитом крымском Чатырдаге есть известковое плато, слои которого пронизаны сотнями провалов и пещер. В этом раю для спелеологов недавно побывала советско-чехословацкая научно-спортивная экспедиция. Ее задачей было провести подробное картографическое и геоморфологическое описание пещеры Боир-Хазар, сделать цветную фотосъемку ее глубинных частей. Преодолев 700-метровый извивающийся узкий лаз и 20-метровую пропасть, спелеологи попали в подземный зал, названный ими «Ноктюрн». Длина его — 80 м, а высота — 30. Все это пространство природа украсила удивительными сталактитами с игольчатыми кристаллами. Двигаясь дальше, экспедиция открыла подземные озера, новые коридоры и залы. Топография этой сложной пещеры проясняется, однако предстоит еще много работы.

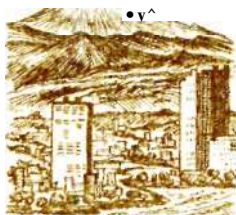
Питомник лиственниц

В окрестностях старинного русского города Бронницы создана заповедная роща лиственниц. Подмосковные лесоводы на выбранном ими участке посадили около 15 видов этих хвойных деревьев. Рядом с сибирскими и уральскими лиственницами поднялись сотни стройных стволов, привезенных из Чехословакии, Польши, стран Азии и Америки.

Единственный в своем роде экспериментальный заповедник задуман с целью репродукции перспективных пород. Лесоводы планируют пополнять леса Нечерноземья именно за счет лиственниц. Эти деревья красивы, выносливы. Те из них, которые под Бронницами хорошо прижились и дают урожай шишек, становятся как бы маточным питомником. С семенных участков уже отправлены посылки в другие районы для закладки новых лесов.

За счет чего расширяется Токио

Вот уже более 10 лет японская столица увеличивает свою территорию за счет Токийского залива. В прибрежной зоне сооружают железобетонные коробки, выкачивают из них воду, а затем пустое пространство забивают спрессованным городским мусором. Сверху добавляют землю и высаживают сперва траву, а потом кусты и деревья. Тем самым решается сразу несколько проблем: огромный город освобождается от свалок и получает зеленую зону — парки, для которых уже давно нет места в перегруженных зданиями кварталах.

ОПЕРАЦИЯ »ЭДИНБУРГ»

Восьмого октября 1981 г. в Мурманском морском порту ошвартовалось спасательное судно «Стефанитурм» с грузом золота, поднятым из трюма британского крейсера «Эдинбург», лежащего на дне Баренцева моря, на глубине 260 м. 465 золотых 11—13-килограммовых слитков предназначались союзникам в уплату военных поставок нашей стране в годы второй мировой войны.

С драгоценным грузом в пороховых погребах — а именно туда для большей безопасности поместили золото — «Эдинбург» во главе конвоя судов вышел из Мурманска в Англию, оторвался от кораблей противолодочной обороны и 30 апреля 1942 г. был торпедирован немецкими подводными лодками. Уточнил подробности этого боя участник похода на борту крейсера, бывший член военной миссии Советского Союза в Великобритании, капитан первого ранга — инженер в отставке Сергей Георгиевич Зиновьев. Первый удар, сообщает он, был нанесен в левый борт, в район мидель-шпангоута, второй — примерно через две минуты — в корму. «Эдинбург» потерял ход, но остался на плаву. Из охраны конвоя в район нахождения крейсера пришли два английских и два советских эсминца — «Гремящий» и «Сокрушительный», а также буксир и посыльное судно. Создалась благоприятная обстановка для отбуксировки крейсера в Кольский залив, но командир флагмана не принял такого решения. Время было упущено, к тому же наши эсминцы, израсходовав запасы

топлива, ушли бункероваться на базу. А 2 мая в районе нахождения подбитого крейсера появились три эсминца противника и открыли по нему шквальный огонь. В бой вступили английские эсминцы, которые вели непрерывный обстрел вражеских кораблей, искусно маневрировали, ставили дымовые завесы, не давая наносить торпедные удары по «Эдинбургу». Буксир и посыльное судно, сделав несколько выстрелов, вышли из боя, чтобы не мешать маневрам эсминцев.

К исходу сражения подводная лодка противника сумела послать третью торпеду в корму крейсера, после чего он еще больше накренился на левый борт. Фашисты тоже понесли потери. Один эсминец был уничтожен, второй сильно поврежден и под прикрытием третьего ушел из этого района.

Команда «Эдинбурга» и возвращавшиеся в Англию моряки с погибших в конвоях кораблей — всего 750 человек — были пересажены на подошедшие вскоре четыре английских тральщика и отправлены на военно-морскую базу на Кольском полуострове, откуда со временем вернулись домой. Чтобы «Эдинбург», еще оставшийся на плаву, и драгоценный груз — а золота в трюме, по имеющимся сведениям, было 5,5 т — не достались находившемуся в непосредственной близости врагу, крейсер был потоплен англичанами тремя торпедными выстрелами. А вместе с ним в морские глубины ушел и груз золота.

Около сорока лет пролежал «Эдинбург» на дне Баренцева моря. За это время появилась глубоководная техника, радионавигационное оборудование и водолазное снаряжение, с помощью которых стало возможно приступить к поиску и спасению золотого груза.

— В апреле 1981 г. — рассказывает председатель комиссии по приемке золота, заместитель председателя правления страхового акционерного общества СССР («Ингострах») Анатолий Леонидович Злобин, — было заключено советско-английское соглашение и подписан контракт с фирмой «Джессоп марин рикавериз лимитед» на выполнение работ по обнаружению корабля и извлечению из него золота на условиях «без спасения нет вознаграждения». Все расходы по производству поисковых и спасательных работ до благополучной выгрузки золота в согласованных портах несет фирма. По контракту извлеченный драгоценный груз первоначально доставляется в Мурманск, откуда он начал свой долгий путь около сорока лет назад, и здесь, на борту судна, делится между Великобританией и Советским Союзом в пропорции одна треть — две трети.

Выбор партнера для выполнения

крупномасштабной операции был обр-ловлен прежде всего тем, что «Эдинбург», затонувший вместе с погибшей частью экипажа, считается английским военным захоронением и наша страна полностью признает этот статус и вытекающие из него соответствующие права Великобритании. Компания является головной фирмой-координатором, с которой сотрудничают три фирмы-партнера, располагающие соответствующими судами, радионавигационным и глубоководным оборудованием и имеющие опыт работы на буровых установках в глубинах Северного моря.

Поиски затонувших сокровищ, представляющих большую материальную и культурную ценность, предпринимались и раньше. Мужество, устремленность, можно даже сказать, одержимость подводных искателей позволили вернуть часть того, что, казалось бы, утрачено навсегда в морских глубинах. Только во время первой и второй мировых войн были потоплены тысячи военных кораблей, транспортных и пассажирских судов. Вместе с ними ушли на дно грузы золота, серебра, бронзы, олова, латуни и других ценностей. Об этом писалось не раз, а одна из книг, неоднократно переизданная, называлась «600 миллиардов под водой». Эта цифра, конечно, плод воображения автора—Гарри Ризберга, но стоимость погребенных на морском дне сокровищ действительно очень велика.

Можно считать удачными следующие операции по поиску и спасению драгоценных грузов.

Пароход «Египет» потерпел крушение и затонул 20 мая 1922 г. вблизи острова Уэссан на глубине 120 м. На борту находилось 5 т золота и 10 т серебра в виде слитков и монет. Найден итальянской компанией «Сорима» в 1930 г., которая в течение четырех лет подняла наверх 95% драгоценного металла.

Грузовое судно «Эмпайр Мэнор» погибло в январе 1944 г. в районе острова Ньюфаундленд на глубине 90 м. На расколовшемся пополам судне находился ящик с 70 золотыми слитками общим весом немногим более тонны. Шестнадцать два из них были подняты в 1973 г. английской компанией «Рисдон—Бизли».

Грузовое судно «Холлингтон» потоплено немецкой подводной лодкой 3 июня 1917 г. между Фарерскими и Шетландскими островами на глубине 300 м. Имело на борту 900 т олова. Обнаружено компанией «Рисдон—Бизли» в 1970 г., которая в 1971—1972 гг. извлекла на поверхность весь груз.

Японская компания «Ниппон марин дивелопмент» пытается обнаружить золото на погибшем 14—15 мая 1905 г. в

бою при Цусиме русском крейсере «Адмирал Нахимов».

Крейсер «Эдинбург» был построен в 1938 г. Его длина—174 м, водоизмещение—10 тыс. т, бортовая броня имеет толщину до 8 см, вооружен трех-, четырех- и шестидюймовыми орудиями, торпедными аппаратами. До заключения советско-английского соглашения попытки обнаружить место гибели «Эдинбурга» оказывались безрезультатными.

В начале мая английский поисковое судно «Даммтор» вышло в рейс. Вначале на побережье Норвегии были оборудованы специальные береговые станции для уточнения местонахождения затонувшего крейсера. На дно был опущен контейнер со специальным маневренным аппаратом (так называемое «око»), который по команде с борта может плавно обходить и с помощью телекамер производить дистанционный обзор затонувших объектов. Цветное изображение передается наверх, на монитор, и одновременно идет видеомангитфонная запись. Поиски увенчались успехом. В середине мая в судовом журнале появилась запись: ««Эдинбург» обнаружен».

— Крейсер лежит на глубине 260 м с креном 90° в наиболее благоприятном положении для спасательных работ—кверху пробоиной в правом борту,—комментирует полученную информацию бывший зам. председателя Всесоюзного объединения «Совсудоподъем» Министерства морского флота СССР Владислав Григорьевич Королев.—Через эту пробоину легче всего проникнуть внутрь, к расположенному неподалеку грузу. Кстати, варианты спасательной операции отработались на однотипном крейсере «Белфаст», превращенном в плавучий музей, который сейчас стоит на Темзе, в центре Лондона. Золото находится в пороховых погребах, рядом с боеприпасами. Поэтому операция, сами понимаете, опасная. Для ее выполнения отобрали группу самых опытных водолазов-глубинников из разных стран. С учетом всех обстоятельств можно сказать, что такие специальные работы на большой глубине осуществляются свободно плавающими водолазами впервые.

И вот на смену поисковому судну в точке над затонувшим крейсером встало спасательное судно «Стефанитурм». Глубоководная операция началась.

На мостике оборудована система ЭВМ для динамического удержания корабля без якоря в заданной позиции, в которую вводятся сведения о состоянии погоды, моря, волнения, течения, ветра и опущенных на дно специальных буев, по сигналам которых определяется положение судна. Две дублирующие электронно-вычислительные машины обрабатывают

Спасательный корабль «Стефанитурм» для специальных глубоководных подводных работ (вверху)

Золотые слитки, поднятые на поверхность с потопленного в годы второй мировой войны английского крейсера «Эдинбург» и доставленные в Мурманск (внизу)

эти данные и дают команды на специальные движители, удерживающие корабль в заданной точке.

К золоту, как вы знаете, первоначально предполагалось пробраться через большую, величиной пять на пять метров, пробоину в правом борту. Но там обнаружилась такая гряда искореженного металла, что водолазы — а это профессионалы высшего класса из добровольцев — не смогли проникнуть внутрь, неся за собой целую систему жизнеобеспечивающих трубопроводов и кабелей, по которым подается дыхательная смесь, вода для обогрева, ведется связь и т. д.

Тогда прорезали отверстие в правом борту, чтобы добраться до переборки порохового погреба, куда было погружено золото. Все это помещение — топливный танк — оказалось в результате взрыва загроможденным обломками рухнувшей палубы и других конструкций. А когда вскрыли переборку, обнаружили целые завалы из песчаных наносов, водорослей, мазута, обломков труб, металла и прочего. Начали расчищать, обрезать с помощью электрокислородного оборудования, работая зачастую в сплошной

темноте, на ощупь, в облаке ила, который отсасывали специальным устройством.

Так продолжалось до 16 сентября, пока наконец водолаз Джон Росье не нашел первый слиток. Каждый на судне подержал его в руках...

И началось. Первые два подъема по 40 слитков сделали в сварной металлической корзине, но она застревала в загроможденном обломками трюме, и тогда решили применить капроновый мешок на 20 слитков.

Участвующий в рейсе специалист по взрывам Сидней Алдорф установил, что находящиеся в пороховых погребах зенитные снаряды и винтовочные патроны хотя и сохранили свои боевые свойства, но не опасны для водолазов, поскольку не могут самовзорваться.

На борту «Стефанитурма» 25 человек с водолазными специальностями (а всего 60 членов экипажа), из них 15 непосредственно участвовали в глубоководных спусках — три смены по два человека в сутки. Находились они на судне в жилых барокамерах (одна на шесть и две на четыре человека каждая), а на крейсер доставлялись с помощью транспортной камеры, так называемого водолазного колокола. Он снабжен специальным устройством, компенсирующим вертикальное перемещение судна при волнении и обеспечивающим постоянную глубину погружения колокола. Использовались эластичные водолазные костюмы мокрого типа, в которые подается теплая вода, и человек находится как бы в ванне (на глубине низкие температуры), а дышит смесью гелия и кислорода под соответствующим глубине давлением.

И все-таки, несмотря на самую современную технику, в связи с началом осенних штормов, сильных ветровых течений, сносивших судно с заданной точки на расстояние до пятнадцати миль, спасательную операцию не удалось довести до конца — из предполагаемых 465 слитков наверх поднял 431.

— Остальное попробуем достать весной, — заявил генеральный директор компании Кейт Джессоп.

— Свою роль в преждевременном окончании работ сыграла и усталость водолазов, — дополняют участвовавшие в экспедиции представители Всесоюзного объединения «Совсудоподьем» Леонид Иванович Мелодинский и Игорь Николаевич Ильин. — Сейчас они находятся на декомпрессии в барокамере — эта процедура должна продолжаться примерно неделю.

В день окончания глубоководных работ на воду был спущен венки и состоялась церемония в память погибших моряков крейсера «Эдинбург».

Когда я прибыл на борт «Стефани-

турма», 431 слиток находился в так называемой золотой комнате, под тремя замками, три разных ключа от которых порознь принадлежат представителям министерства торговли Великобритании, компании и судовладельца. Через иллюминатор увидел шестерых водолазов в барокамере, которые ужинали, смотрели телевизор, во что-то играли, в общем выглядели вполне нормально, хотя на пульте управления показано давление, соответствующее глубине 120 м,—декомпрессия началась с отметки 260 м и продолжалась уже несколько дней. В иллюминатор не очень-то удобно заглядывать, поэтому я немного понаблюдать за водолазами по телевизору, находящемуся здесь же, на пульте. Рядом, в подсобном помещении, висели их перемазанные мазутом костюмы, в которых они работали на глубине.

А во время церемонии приемки золота и подписания документов подержал в

руках золотой слиток высшей пробы (четыре девятки, т. е. 999,9), пролежавший на дне моря почти 40 лет.

Кстати, один из слитков купила английская газета «Санди тайме» и разыграла его в лотерею.

В свободный день моряки совершили экскурсию по Мурманску, возложили цветы к памятнику защитникам Заполярья—эту гигантскую скульптуру солдата-освободителя на вершине сопки здесь любовно называют Алеша—и к мемориалу в честь союзников по борьбе с фашизмом.

Имея на борту причитающуюся Великобританией часть золотых слитков, спасательное судно «Стефанитурм» снимается в рейс и берет курс на английский порт Абердин, а советская доля зблота остается в нашей стране.

Валентин Мерцалов

Результаты запрета ДДТ

Массовое применение порошка ДДТ в США резко нарушало баланс в природе. Накапливаясь в морской воде, он приводил сперва к отравлению рыб, а затем и птиц, населяющих побережье не только США, но и Мексики. За 10 лет после запрета этого препарата число пеликанов на атлантическом побережье Мексики увеличилось в 5 раз. Это произошло, естественно, после увеличения косяков мелких рыб, которое в свою очередь последовало после оздоровления планктона, страдавшего от ядовитого порошка.

Экологическая опасность детской забавы

Маленькие лондонцы, как и дети городов других стран, любят держать дома хомячков—спокойных и внешне миролюбивых зверушек. Никто и не подозревал, какое бедствие может вырасти из этого увлечения. Каждую весну Общество охраны животных призывает англичан выпускать на волю птиц, которые зимой жили в клетках. Дети, прослушав подобную радиопередачу, выпускают на волю не только птиц, но и хомячков. К тому же эти животные очень часто убегают из квартир и сами. И вот что получилось: в окрестностях Лондона хомяки развелись в огромных количествах. Пищи им не хватает, и они устраивают набеги на жилые кварталы, прогрызают дыры в полах и опустошают запасы людей. На складах хомяки проявляют такую же активность, как и крысы. Изучающие это явление экологи пока не могут найти средств борьбы с хомяками, ибо эти зверушки, как и другие грызуны, имеют уже иммунитет к ядохимикатам.

ПО ЗАПОВЕДНИКАМ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

Уникальна природа Дальнего Востока, разнообразны его растительность и животный мир. На Крайнем Севере, огромные пространства заняты тундрой и лесотундрой. Зимой это край белого безмолвия. В короткое полярное лето тундра представляет собой яркий, многокрасочный ковер цветущих растений, спешащих дать жизнь новым поколениям. Продолжением жизни на земле и воспитанием потомства заняты и многочисленные птицы, которые, повинувшись могучему древнему инстинкту, прилетают сюда из южных стран,—гуси, утки, журавли, и аборигены здешних мест—песцы, северные олени, белые медведи, моржи, тюлени.

Тундровые редколесья переходят в лиственничную и словую тайгу, в которой обитают бурый медведь, дальневосточный лось, каменный глухарь, рябчик-дикуша. На крутых скалистых склонах гор в Приохотье и на Камчатке встречаются стада снежного барана—удивительного животного, отлично приспособленного к суровым условиям высокогорий.

На юге Дальнего Востока—в Приморье и Приамурье—растут лиановые кедрово-широколиственные леса. Могучий великан уссурийской тайги—кедр корейский гордо и величаво выносит свою темно-зеленую пышную крону на высоту десятиэтажного здания. В урожайные годы с одного такого колосса собирают до 400—500 штук крупных смолистых шишек, наполненных вкусными орешками.

В стране огнедышащих гор и горячих рек—на Камчатке леса из каменной березы перемешаны с зарослями высокогорья, достигающего высоты трех и более метров,—шеломайника, медвежьей дудки, какалии и лизихитона.

В Курильском ожерелье наиболее драгоценные жемчужины—Кунашир, Шикотан, Итуруп. Здесь можно увидеть такие интересные растения, как магнолия обратнотягивная, ботрокарיום спорный, гортензия метельчатая и черешчатая, ядовитые—сумах волосистоплодный и восточный и три вида весьма декоративного вечнозеленого падука. На

склоне гор можно встретить непроходимые заросли жителя тропиков—бамбука курильского. Возле горячих ключей и озер расположены своеобразные оазисы теплолюбивых растений и реликтовых насекомых, характерных для тропиков Восточной Азии.

Типичные и уникальные природные комплексы Дальнего Востока, генетический фонд редких и ценных диких растений и животных, в том числе занесенных в «Красную книгу СССР», бережно охраняются и изучаются в 12 заповедниках, расположенных в различных географических зонах.

Природу арктических полярных пустынь характеризует заповедник острова Врангеля площадью 735 тыс. га. Остров представляет собой своеобразный «родильный дом» белых медведей, где суровой полярной зимой в снежных берелогах появляется на свет новое потомство. Кроме того, из животных здесь обитают морж, песец, белый гусь, чайка розовая.

В 1981 г. организован Магаданский заповедник. Под охрану взяты лесотундровые природные комплексы восточно-азиатской части СССР.

В специфичной природной области каменноберезовых лесов и высокогорных лугов Тихоокеанского побережья на Камчатке расположен Кроноцкий заповедник площадью 1 099 тыс. га. В 1982 г. в состав заповедника включена трехмильная экваториальная зона Тихого океана с птичьими «базарами» на скалистых островах. Жемчужина заповедника—знаменитая долина Гейзеров. Здесь, как в гигантском котле, все кипит и клокочет и над вершинами деревьев поднимаются клубы горячего пара. Большое впечатление производят величественные правильные конусы вулканов, часть из которых относится к действующим. Здесь обитает один из ценнейших представителей животного мира—камчатский соболь, ради охраны которого во второй половине XIX в. по общему «сговору» местного населения был создан Кроноцкий соболиный заказник. Кроме того, обычны бурый медведь, снежный баран, северный олень, калан, орлан тихоокеанский и орланбелохвост. В юго-восточной части заповедника, в долине реки Семьячик, находится уникальная, единственная на Камчатке роща пихты камчатской.

В зоне тайги расположен Зейский заповедник. Ценность заповедника возрастает в связи с тем, что его территория примыкает к самому крупному на Дальнем Востоке Зейскому волохранилищу и недалеко от него прокладывается трасса Байкало-Амурский магистрали. Изучение изменения растительности, путей миграций животных и микроклимата под влиянием рукотворного моря—одна из ос-

новых задач заповедника. Это позволит заранее предусмотреть природоохранные меры при строительстве ГЭС и водохранилищ в близких природных районах, например на реке Бурея, где начато сооружение второй по мощности на Дальнем Востоке гидроэлектростанции.

В зоне дальневосточных хвойно-широколиственных лесов размещается восемь заповедников. Самые крупные и наиболее интересные из них находятся в Приморском крае — Сихотэ-Алинский (347 тыс. га) и Лазовский имени Л. Г. Капланова (116,5 тыс. га). Значе-

ние Сихотэ-Алинского заповедника во всесоюзной службе слежения (мониторинга) за состоянием окружающей среды подчеркивается присвоением ему ЮНЕСКО статуса «биосферного».

Разветвленная сеть биосферных заповедников, организуемых в СССР, позволит дать оценку современного состояния природной среды и естественных экологических систем, прогнозировать их возможные изменения под влиянием природных и антропогенных факторов и разработать научно обоснованные рекомендации по предотвращению отрицательных последствий хозяйственной деятельности человека.

В Сихотэ-Алинском и Лазовском заповедниках встречаются ценные реликтовые растения, занесенные в «Красную книгу СССР», — тис остроконечный, можжевельник твердolistный, лиственница ольгинская, женьшень настоящий, заманиха высокая, рододендроны сихотинский и короткоплодный, микробиота перекрестнопарная, а из животных — тигр амурский, леопард восточносибирский, горал, аборигенная популяция дикого пятнистого оленя, утка-мандаринка, чешуйчатый крохаль, черны аист. В Лазовском заповеднике, на живописном острове Петрова, расположена самая крупная на Дальнем Востоке знаменитая тисовая роща, под сомкнутым пологом которой сумрачно и прохладно даже в самый жаркий солнечный летний полдень.

Весьма интересны во флористическом отношении, хотя и невелики по площади, южноприморские заповедники — Уссурийский имени академика В. Л. Комарова и Кедровая Падь. Жемчужина этих заповедников — первобытные, девственные лиановые кедрово-широколиственные и чернопихтово-широколиственные леса, в которых растут много древних реликтовых растений (женьшень, калопанакс, аралии маньчжурская и материковая, береза Шмидта, тис, тропический папоротник, кониограмма средняя, южная травянистая лиана диоскорея ниппонская и др.). Большое впечатление производит «долина эпифитов», находящаяся в истоках Левого Комаровки на территории Уссурийского заповедника. На стволах и ветвях деревьев обильно растут эпифитные папоротники — многоножки линейная и уссурийская. Лианы актинидий, винограда, лимонника и колючие кустарники — элеутерококк, аралия и акантопанакс образуют труднопроходимые заросли.

Вблизи Владивостока, в заливе Петра Великого, в 1978 г. организован первый в нашей стране морской заповедник. Площадь островов заповедника составляет 1360 га, и 63 тыс. га приходится на при-

мыкающие к ним многочисленные бухты. Заповедник разделен на три части, в которых поддерживается различный режим. Первая часть — архипелаг Римского-Корсакова и противоположный берег материка. Здесь полностью запрещена хозяйственная деятельность. Научные исследования проводятся только по программам, поставленным перед заповедником. Вторая часть — район залива Посыт и острова Фуругельма. Здесь созданы большие хозяйства по искусственному разведению и выращиванию съедобных моллюсков: морских гребешков и устриц, а также морской капусты — ламинарии. В этих опытно-промысловых хозяйствах ведутся работы, связанные с повышением продуктивности объектов марикультуры, изучаются условия их существования и размножения. Третья часть — остров Попова, неподалеку от Владивостока. В поселке Старк находится центральная усадьба заповедника. На ее территории располагается выставка, где можно познакомиться с жизнью Японского моря и прилегающих к нему участков суши, с природой залива Петра Великого. Доступ сюда разрешен многочисленным посетителям и экскурсионным группам.

Подводный мир заповедника наиболее интересен около скалистых мысов, где берег обрывается каменистыми уступами, рассеченными ущельями и гротами. В голубой толще воды, пронизанной колеблющимися полосами солнечного света, проступают причудливые контуры подводных скал. На их вершинах купами вздымаются ярко-зеленые заросли. В некоторых местах они встают сплошной стеной высотой до двух метров. Морская капуста раскинулась над камнями полутора-двухметровыми темно-коричневыми лентами. Они змеятся по дну, свисают со скалистых стен и с больших каменных глыб. Причудливыми желтыми, красными, бордовыми кустиками пестрят на дне другие, более мелкие водоросли. Внимание привлекают твердые бугристые наросты на каменных поверхностях. Они напоминают кораллы южных морей. Но оказывается, что это известковые водоросли. Их слоевища пропитаны известью, поэтому на ощупь они кажутся каменными.

Поверхности скал, лишенные густой растительности, усыпаны темно-бордовыми или почти черными шариками, ошетилившимися длинными острыми иглами. В некоторых местах они собираются целыми группами, тянутся цепочками — это длинноиглые морские ежи нудусы. Солнечный свет красными искрами вспыхивает на концах их игл. Ежи везде — их можно видеть и на отменях, и в зарослях водорослей. Иногда из соб-

равшихся кучей ежей, словно кости, торчат черенки ламинарий, слоевища которых эти животные охотно поедают. Нудусы также собираются у подножий камней, сидят в расщелинах и гротах. Короткоиглых ежей бывает несколько меньше. Их два вида: скромные зеленовато-серые интермедиусы и пуххелиусы, которых еще называют красивыми шаровидными ежами. Частые ряды их небольших иглонок переливаются нежными розовыми, красноватыми, бежевыми и лиловыми оттенками.

Кругом множество морских звезд. Они самых разнообразных окрасок.

Повсюду встречаются трепанги. Похожие на огромных гусениц, они кажутся неподвижными. Но если присмотреться внимательно, то можно заметить их медленные движения. Передвигаясь по дну, трепанги подбирают разветвленными щупальцами растительные остатки и мелких животных. Украшенные рядами конических выростов, они своеобразны и по-своему красивы. Окраска их тела сильно варьирует от светло-желтой до темно-коричневой. Собственно «трепанг» — это малайское название некоторых высушенных голотурий, животных, так же как морские ежи и звезды, относящихся к типу иглокожих. Крупные голотурии — ценная добыча. Промышляют их и около Владивостока. После предварительной специальной обработки из них можно приготовить вкусные кушанья. Трепанги обладают лечебными и тонизирующими свойствами, улучшающими общее состояние организма: тело голотурии содержит биологически активные вещества. За это их иногда называют «морским женьшенем».

В зарослях водорослей можно видеть крупных креветок чилимов. Они как большие кузнечики. Стоит их потревожить, как они прыгают в разные стороны и плывут, резко сгиба широкие хвосты, но вскоре останавливаются и, повиснув в толще воды, расправляют под брюшком прозрачные ножки-веслица. Подгребая ими, они медленно плывут обратно к зарослям. В солнечном свете их тела отсвечивают нежно-зеленым и золотистым цветом.

По дну деловито снуют ракиотшельники. Одни из них проживают в раковинах с горошину, другие — в раковинах величиной с кулак. Такие раки бывают величиной с обыкновенного речного рака.

Иногда среди водорослей светится, словно алый цветок, маленький овальный краб, только что сбросивший свой старый панцирь. Пройдет несколько дней, и краб станет сиреневым или неприятного бурого цвета. Очень красивы крупные волосатые крабы: они розового или оран-

жевого цвета и сплошь покрыты короткими волосиками.

На подводных скалах и камнях виднеются гроздьи мидий Грайана. Этого моллюска еще называют гигантской мидией. Крупные раковины, величайшей поверхностью и больше, цепляясь за твердую поверхность и друг к другу специальными нитями, образуют сростки — друзы — из десятков моллюсков. Порой раковины достигают в длину 20 см, а массы 2 кг. Мидии вблизи берега часто образуют обширные поселения-банки. Это делает их очень удобными для добычи. Собирают мидий водолазы-промсловики, погружаясь с небольших моторных ботов на участках вне границ морского заповедника. На рыбокомбинате из мяса мидий приготавливают вкусные консервы.

В укромных расщелинах можно встретить тугалию гигантскую. Это один из самых древних моллюсков Японского моря. Животное имеет мясистую ногу, с помощью которой оно медленно перемещается по каменистым поверхностям. По краям нога моллюска обрамлена складками мантии, похожей на ярко-розовые кружева. Тело тугалии прикрыто плоской раковиной, похожей на щит древнего воина.

В подводных устьях стены иногда почти сплошь покрывают животные, ведущие неподвижный образ жизни. Многочисленные колонии губок бугрятся зелеными и голубыми наростами, поднимаются желтыми сталагмитами, стелются сиреневыми и альми корками. Поверхность губок покрыта мелкими порами и отверстиями, похожими на крохотные кратеры. Через них губки втягивают воду, отфильтровывая из нее пищу — микроскопических водорослей и животных.

Обширные поселения создают актинии — животные, родственные медузам. Прилепившись подошвой туловища к твердой поверхности, они стоят, распустив венчик многочисленных щупалец, которыми ловят добычу.

Похожие на древнегреческие амфоры, стоят на карнизах или свешиваются со стен большие ярко-красные асцидии. В верхней части этого животного имеются два отверстия-сифона. Через них оно, как маленький насос, прокачивает воду, которая попадает в специальный орган, похожий на решетчатый фильтр. Так асцидия получает необходимые для жизни кислород и пищу.

Слово «червь» часто ассоциируется у нас с чем-то некрасивым и неприятным. Но это нельзя отнести к некоторым морским червям. Особенно своеобразны и красивы серпулиды. Эти крупные черви живут в твердых известковых труб-

ках, накрепко сросшихся с каменной поверхностью. Трубки образуются из секрета особых желез, расположенных на теле животного. Наружу, из открытого конца трубок, черви выпускают венчики перистых щупалец красного или розового цвета. И тогда камни словно покрываются цветущими гвоздиками. Но стоит потревожить червей, как щупальца мгновенно втягиваются в трубки и их устья закрываются специальными крышечками. Через некоторое время крышечки открываются и вновь расцветают подводные цветы.

На Дальнем Востоке заповедники размещены весьма неравномерно. Почти половина их (42%) находится в Приморском крае. Крайне мало их в Хабаровском крае и в Магаданской области. До насто-

ящего времени нет ни одного заповедника в Сахалинской области.

Новые заповедники намечается организовать в различных природных зонах Дальнего Востока с учетом наиболее полного охвата уникального генофонда диких животных и растений (например, на юге Сахалина, на Кунашире, в восточном секторе БАМа).

Рациональное природопользование, тесная увязка хозяйственных и природоохранных мероприятий будут способствовать не только сохранению, но и приумножению природных богатств нашей необъятной Родины—лугов, степей, морской нивы и зеленого океана тайги.

*Юрий Астафьев,
Николай Васильев*

«Великий больной» ждет спасителей

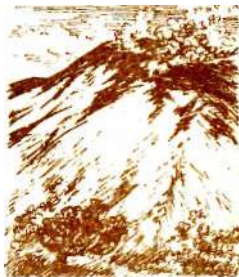
Греческий историк Георгиос Доидас, директор Службы охраны античных памятников, утверждает, что 5 лет воздействия современного воздуха, насыщенного автомобильными выхлопами и индустриальными газами, равны 150 годам влияния непрерывного дождя. Именно он назвал афинский Акрополь «великим больным». Древний мрамор страдает от загрязнения атмосферы, крошится, темнеет. В его структуре от воздействия серных соединений образуется гипс—рыхлый компонент, на месте которого тут же появляются трещины.

Предложений по спасению храмов Парфенона и Эрехтейона и зданий Пропилеи много. Иностранные фирмы прислали на испытание более 300 «эликсиров» — прозрачных лаков, полимерных субстанций, сложных химических составов. Однако большинство из них оказались бесполезными и даже вредными. Швейцарские ученые предложили создать над Парфеноном прозрачный пластмассовый купол с климатической установкой внутри. Конечно, такой проект предельно прост и рационален, но до сих пор он остается старым проектом. Георгиос Доидас говорит, что нужны сверхсрочные меры. И если Акрополь все считают памятником мировой культуры, то и нужны здесь усилия всего культурного мира.

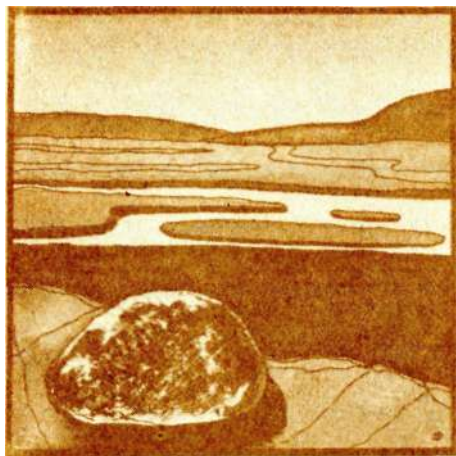

Сицилийский патриарх

Когда итальянские ботаники определили возраст каштана, растущего на склоне вулкана Этна, то сразу же послали запросы своим коллегам по профессии в разные страны Европы с просьбой дать консультацию. Из их ответов стало ясно, что в Сицилии действительно растет самое старое дерево нашего континента. Его возраст—почти 3 тыс. лет. Следовательно, не исключено, что этот каштан был уже солидным деревом в эпоху основания Рима. Директор научного центра по экологии Апеннинского полуострова профессор Д. Тасси сейчас принимает меры по сохранению уникального каштана.

МОИ СКРОМНЫЕ КАМНИ

Я люблю работать лопатой на разрезе. От земли поднимается свежий запах картофельного поля, темные струйки грунта, шурша, скатываются вниз по обрыву и собираются у его подножия в шлейф идеально правильной формы. Геологическая расчистка со стороны напоминает ступенчатый бок египетской пирамиды: два с половиной метра ширины, через каждые метр-полтора горизонтальная площадка и затем новый уступ. И так сверху донизу через все обнажение. Бывает и 25 и 30 м. На площадках мы отбираем пробы гравийно-галечного материала. По порядку раскладываем почвенный нож, полевой дневник, мешочек для гальки, горный компас. Работы будет часа на 3—4. Но не тут-то было...

— Дяденька, а чего это ты здесь делаешь?

Еще не поднимая глаз, я уже знаю, что меня ждет. Прямо надо мной с кромки обрыва свешиваются две (иногда больше) выгоревшие на солнце головы. К середине лета они освобождаются от груза школьных воспоминаний и жаждут новой информации. В их любознательности—гибель для полевого работника. Со вздохом откладываю компас. В дальнейшем действие развивается по одному и тому же сценарию:

— Яму копаю. Не сыпьте мне песок на голову.

— Ага... А мы думали, ты золото ищешь.

— Ну откуда здесь золото? Вот, камни собираю.

— А в Кульничах, говорят, нашли. Под церковью, в горшке. Устимиха говорит.

— Так это клад, а я геолог. Образцы отбираю.

— А что здесь, руда?

— Нет, мне просто камни нужны.

Недоверчивое молчание. Думают, я их надуваю.

— А вот это что в булыжнике блестит, золото?

Происходит короткая борьба за право передать булыжник мне на экспертизу. Он высказывает у них из рук и падает. Обычно я успеваю увернуться. Но иногда не получается. Главное в педагогике—это выдержка.

— Нет, ребята, это слюда. Нет здесь золота. И никогда не было. Понятно?

— Понятно... Не очень больно ша-рахнуло?

— Не очень.

— А если глубоко-глубоко вырыть, его можно найти?

— Не знаю! Я в золоте не разбираюсь.

Разочарованное молчание. Тоже мне геолог...

— А если вдруг найдешь, ты его куда понесешь—в магазин, да?

— Ну где же я его найду! Нет у вас на Смоленщине золота, как ни ищи. А если б было, то вас бы к речке на километр не подпустили.

— А кто?

— А охрана! Ясно?

Испуганное молчание. Жалко терять речку. С моей стороны следует энергичная лекция о древних оледенениях, Клондайке, Атлантиде, кимберлитовых трубках и Тунгусском метеорите. Аудитория поражена, призрак золотой лихорадки развеян.

— Ну что, может здесь быть месторождение?

— Не, не может...

И после паузы:

— А ты бы все-таки дал нам посмотреть, какое оно, а? Мы никому не скажем.

— Что «какое»?

— Да золото...

И так бывает 5—7 раз за сезон. Нелегко объяснить всем интересующимся, зачем мы четыре месяца в году ездим по Русской равнине и собираем самые обычные с виду камни.

В научно-популярной литературе о ледниковом периоде имеется совершенно отчетливый и не совсем справедливый крен в сторону палеонтологии и археологии—неандертальцы, наскальные рисунки, мамонты—кто не слышал о них? Но круг проблем, волнующих исследователей этой сложной эпохи, гораздо шире. Чтобы восстановить справедливость, я

Эти валуны были принесены в Ивановскую область из Карелии. Сегодня такие месторождения служат основными источниками строительных материалов для Нечерноземья

попробую немного рассказать о ледниковых валунах — верных помощниках палеогеографа.

Еще два столетия назад естествоиспытатели заметили, что в разных районах Северной Европы валуны, рассеянные по поверхности, сильно отличаются друг от друга по цвету и составу. В начале XIX в. уже удалось установить, что большая часть глыб, встречающихся на северо-западе России, в Пруссии и в Польше, попала сюда из Скандинавии. Около 100 лет длилась дискуссия о том, каким образом валунам удалось преодолеть этот неблизкий путь. Лишь в 70-х годах прошлого века, после почти одновременного выхода в свет работ А. Гейки в Великобритании, О. Торреля в Швеции и П. Кропоткина в России, восторжествовала идея о переносе камней льдами древнего ледникового покрова. Рядом с существительным «валун» в научной литературе прочно заняло свое место прилагательное «ледниковый».

Геология ледниковых валунов быстро развивалась. В 1914 г. В. Н. Чирвинский, проследив пути разноса каменного материала по европейской части России, доказал, что льды, покрывавшие эту территорию, радиально растекались из центра, расположенного в районе Финляндии. Позже выяснилось, что оледенения над-

вигались на европейские равнины по меньшей мере 5—6 раз на протяжении последнего миллиона лет, чередуясь с так называемыми межледниковыми интервалами, в течение которых климат был близок к современному. Это означает, что природные условия на континенте 5—6 раз испытывали радикальную перестройку, то погружаясь в пучину ледниковой эпохи, то возвращаясь к уровню, который мы привыкли считать нормальным.

Каждый ледник приносил с собой на равнину обломки пород, развитых в области его питания, и оставлял после себя мощный покров ледниковых отложений. Значит, изучив ассоциации обломочного материала, типичные для разных ледниковых толщ, можно научиться расчленять геологические слои на самостоятельные разновозрастные горизонты, то есть решить одну из важнейших проблем геологии ледникового периода.

К сожалению, эта очевидная задача не имеет столь же очевидного решения. Во-первых, разновозрастные ледники зачастую наступали из близких центров питания (для Европы это главным образом Фенноскандия) и соответственно влекли за собой сходный по составу каменный материал. Во-вторых, каждый более молодой ледник, двигаясь по отло-

жениям своего предшественника, разрушал их и обогащался чужеродными обломками, как будто нарочно путая карты будущим исследователям. Тем не менее изучение ледниковых отложений за свою почти двухсотлетнюю историю дало очень много интересных результатов.

Например, опираясь на данные о составе валунов, рассеянных оледенением по территории Прибалтики, финский исследователь Эскола составил геологическую карту дна Балтийского моря, которое было недоступно для изучения обычными методами. Более того, прослеживая вееры рассеивания ледниковых валунов, содержащих рудные включения, специалистам удалось найти несколько месторождений ценных руд. Некоторые из них находились на дне озер или болот и были недоступны для обнаружения традиционными приемами геологии.

В 1908 г. во время строительства канала неподалеку от финского городка Иознсу в ледниковых отложениях был найден валун с признаками медного руднения. Содержание полезного компонента в нем превышало 3%. Геологическая комиссия Финляндии сразу оценила значение этой находки. Целых два года специально организованная экспедиция кропотливо изучала возможные пути движения льда по этой территории, пока наконец ей не удалось нащупать коренное месторождение. Оно, как оказалось, было расположено в 50 км северо-северо-западнее от места первой встречи с рудносным валуном. Обнаруженные запасы сырья достигали 7 млн. т при среднем содержании меди около 4,5%.

Такие обнадеживающие результаты заставили ученых более внимательно относиться к изучению всего спектра ледниковых отложений — от крупных глыб до песка и глины. В 1981 г. была опубликована статья Л. Джеймса и И. Перкинса, которые на основании геохимического анализа 12 тыс. образцов из древнеледниковых отложений Ньюфаундленда реконструировали поле сульфидного руднения этого района. Интересно, что на построенной ими карте зона аномально высокого содержания сульфидов в морене вытянута строго по направлению движения былого ледника. В Центральной Канаде изучение ледникового разноса пород позволило найти залежи свинцово-никелевых руд под озером Спи-Лэйк, оконтурить участки, перспективные для поисков урана, и решить другие практические задачи; известен случай, когда в Северной Америке этим методом удалось обнаружить россыпи алмазов.

В нашей стране классической областью изучения ледниковых валунов была и остается Прибалтика, где с помощью этого метода детально реконструированы

пути движения четырех последних оледенений Европы. Хорошие результаты дал анализ крупнообломочного материала и при изучении ледниковой истории центра и северо-востока Русской равнины. Сравнение путей переноса валунов убедительнее всех прочих данных свидетельствует о том, что в холодные эпохи прошлого могли одновременно существовать ледниковые покровы с самостоятельными и независимыми центрами питания, удаленными один от другого на тысячи километров. Кроме этого оказалось, что с течением времени центры оледенений могут заметно смешаться.

Изучение валунов позволяет взглянуть и в гораздо более глубокое геологическое прошлое планеты, например восстановить пути движения древнейшего из известных в Европе лапландского оледенения, которое существовало около 650 млн. лет назад, в докембрии. Его следы под мощными толщами более поздних отложений были обнаружены в Фенноскандии, Белоруссии, центральных районах европейской части СССР.

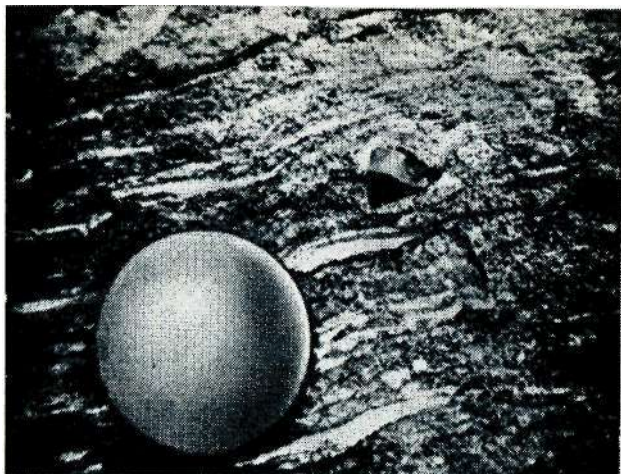
Великий праматерик Гондвана, при расколе которого возникли континенты южного полушария, тоже в свое время был покрыт ледниковой шапкой. Ледниковые отложения гондванского возраста встречены в Южной Африке, Индии, Антарктиде и Бразилии. При этом на территории Южноамериканского континента они содержат алмазы загадочного происхождения. Не исключено, что в те далекие времена, когда Африка и Южная Америка еще составляли единое целое, льды из южноафриканской алмазоносной провинции переносили драгоценные минералы в соседнюю Бразилию и рассеивали их там, формируя вторичные залежи.

Но вернемся к нашим гораздо более молодым оледенениям, возраст которых исчисляется всего лишь десятками или сотнями тысяч лет. По геологическим масштабам это было совсем недавно, можно сказать, вчера. В самом деле, оледенения новейшего геологического времени более чем в 1000 раз моложе лапландского ледникового горизонта.

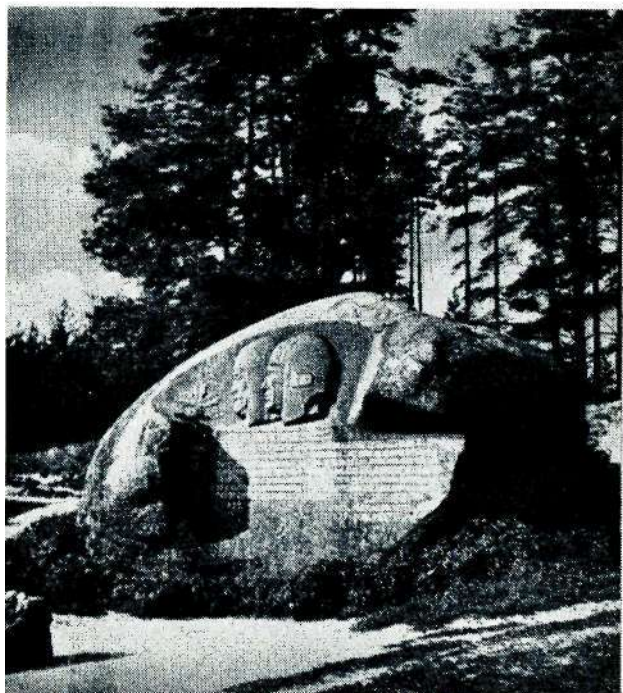
Отложения последних ледниковых циклов знакомы, наверно, каждому жителю средней полосы России. Это обычные красновато-коричневые суглинки с валунами, которые так часто обнажаются в промоинах по берегам рек. И каждый ничем на первый взгляд не примечательный камень, торчащий из стенки обнажения или лежащий у его подножия, представляет собой источник полезной для специалиста информации.

Вот, например, обломок выборгского рапакиви. Это очень красивая порода. Крупные овальные кристаллы красного

Обратите внимание, как мягко эти обломки облекаются слоями ледниковых отложений. Слоистость сохранила следы вязкого течения льда, в котором перемещались камни. Фотография сделана в котловане строящейся Смоленской АЭС; для масштаба приложена крышка горного компаса диаметром около 8 см

пиковые валуны охраняются как памятники природы. У этого камня, доставленного льдами на территорию Литвы, тоже есть свое имя — Пунтукас. Скульптор Б. Пундзюс высек на нем барельеф Стешшаса Дарюса и Стасиса Гирекаса, литовских летчиков, которые одними из первых пересекли Атлантический океан

полевого шпата в ней отделяются друг от друга серо-зелеными каемками олигоклаза и кустиками черной слюды. Олигоклаз разрушается от выветривания быстрее, чем другие минералы. Поэтому поверхность валунов рапакиви на ощупь иногда напоминает панцирь черепахи —

полевошпатовые шитки на них окаймлены неглубокими ложбинами, возникшими на месте олигоклазовых колец. Кто хоть раз в жизни держал в руках образец этой породы, без труда узнает ее повсюду, куда она могла быть занесена во время оледенения. Но самое большое достоин-

ство гранита рапакиви, с точки зрения специалиста по древним оледенениям,— его точно определенная «родина».

Выборгский рапакиви потому и получил свое название, что в коренном залегании он встречается только в одной точке Фенноскандии—на кристаллическом массиве в районе Выборга. Следовательно, вершина сектора рассеивания обломков этой экзотической породы на карте сходится к совсем небольшому району. Конечно, это очень удобно для исследования путей ледников.

Специалистами выделено еще несколько десятков руководящих пород, которые по своему значению не уступают выборгскому рапакиви. Это, например, гогландские кварцевые порфиры, выходящие на поверхность только на острове Гогланд (Суурсаари) и прилегающих к нему участках дна Финского залива. По условиям образования массив гогландских кристаллических пород близок к массиву выборгского рапакиви, но, несмотря на это, гогландские порфиры выглядят совсем по-другому. Это темно-серая или бурая порода, в которую вкраплены таблитчатые кристаллы светлого полевого шпата, оплавленные по краям.

Поскольку коренные выходы выборгских и гогландских пород расположены рядом, эти два типа валунов обычно соседствуют и в отложениях ледников, которые пересекали сектор Финского залива. Часто с ними вместе встречаются породы, типичные для близлежащих районов Финляндии, такие, как уралитовые порфириты из местечек Таммелла и Пеллинге. Эти валуны имеют довольно оригинальный внешний вид: на зеленоватом фоне отчетливо выделяются темные вкрапленники размером до 3—5 мм. Вкрапленники прочнее, чем основная масса породы, и поэтому в процессе ледникового истирания поверхность валунов иногда становится пупырчатой. Зеленоватый цвет породы и эти пупырышки придают окатанному обломку порфирита некоторое сходство с огурцом, который имел несчастье попасть в толщу ледникового отложения.

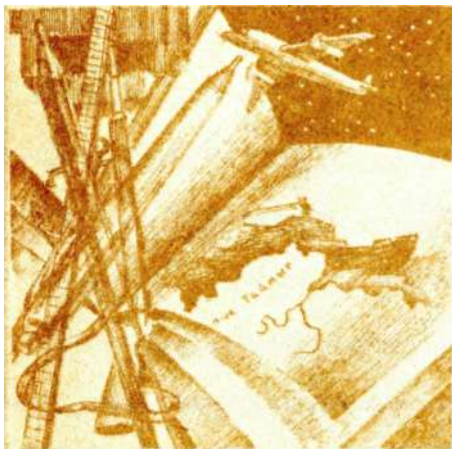
Хорошей руководящей породой считаются граниты рапакиви с Аландских островов. Они заметно отличаются от рапакиви Выборгского массива. Размеры кристаллов полевого шпата у них не превышают 1,5—2 см, да и цвет их значительно более светлый. Есть и другие отличия, существенные только для специалиста. Интересно, что валуны аландских пород, перенесенные ледником через впадину Балтийского моря на территорию Литвы, были использованы при сооружении известного рыцарского замка в Тракае. Вероятно, в поисках строительного материала зодчим пришлось собрать камни, в изобилии разбросанные на окружающих полях. В результате их усилий стены этой старинной крепости сегодня представляют собой хорошую коллекцию руководящих кристаллических валунов, характерных для балтийского сектора ледникового разноса.

Другие типы рапакиви тоже нашли себе применение в практике. Блоки этой породы использовались при отделочных работах в Московском метро. На станции «Новокузнецкая» часть фонарей, стоящих в центре зала, опирается на плиты типичного рапакиви с хорошо выраженными крупными включениями красно-бурого шпата.

О камнях, которые встречаются нам на каждом шагу, можно было бы рассказать еще много интересного. Каждый из них имеет свою, иногда очень непростую судьбу. «Просто камней», как «просто людей», на свете не бывает, и, чем зорче мы будем приглядываться к скромным обломкам горных пород, рассыпанным вдоль рек и оврагов, тем больше интересного сможем узнать о загадочном ледниковом прошлом нашей планеты. А ведь без знаний о прошлом нет знаний о будущем. Поэтому я хочу закончить словами Н. К. Рериха: «Из камней прошлого созданы ступени грядущего, вчера—это сегодня, сегодня—это завтра».

Смотрите под ноги, когда наступаете на камни прошлого.

Дмитрий Орешкин

С недавних пор на картах Северного морского пути появилось новое географическое название — банка Болотникова. Обычно вновь открытые банки моряки называют именами причастных к этому капитанов или судов. В данном случае составители карт акватории, примыкающей к территории Красноярского края, сделали исключение: они назвали банку именем журналиста, имевшего, правда, непосредственное отношение к ее открытию.

Жизнь не баловала его легкими успехами. Наоборот, она как бы задалась целью воздвигнуть на его пути множество препятствий. Никита Яковлевич Болотников родился 1 апреля 1905 г. тринадцатым ребенком в семье ялтинского винодела, содержателя ресторана и домовладельца, которого хорошо знал А. П. Чехов.

«Мое социальное происхождение — сын торговца, — говорил Никита Яковлевич, — не мешало мне с тринадцати лет зарабатывать собственными руками на хлеб, так как мой отец умер, когда мне было всего четыре года. Работал поденщиком на виноградниках, матросом на мусорнике Ялтинской городской управы, а в 1921 г., после освобождения Крыма, стал красным милиционером — с винтовкой в руках охранял порт, участвовал в облавах на бело-зеленых».

Потом Болотников по примеру брата, главного винодела ВСНХ, 10 лет работал по виноделию, достиг в этом высокой квалификации и должен был ехать при-

емщиком за рубеж. Но не поехал: кто-то из кадровиков повергло в смятение его социальное происхождение. Пришлось переквалифицироваться. Курсы бурмастеров Болотников закончил досрочно и так успешно, что был оставлен на них заведующим учебной частью.

В Арктику Болотникова «уташил» его друг — молодой инженер-геолог В. А. Полуянов, только что поступивший в Нордвикскую геологоразведочную экспедицию Н. Н. Урванцева.

Пароход «Правда», на котором шел Болотников, не смог пробиться в бухту Нордвик. Старший помощник капитана В. А. Полешук вспоминал о тех днях: «Рейс нашего судна во многом напоминал плавание к неизвестным берегам, отсюда всякие неожиданности и непредвиденные трудности. Отсутствие промеров, неточно нанесенная на карту береговая черта, плохая видимость — вот с чем мы встретились на подходе к устью реки Хатанги. Поэтому мы решили идти в бухту Нордвик не с реки, а с восточной стороны... Мы шли малым ходом, производя промеры, и держали на клюзе шесть саженей вытравленной якорь-цепи. При подходе к западной части бухты якорь стал задевать грунт, и не успели мы дать задний ход, как пароход сел на мель».

Лишь через 10 часов, во время прилива, «Правда» снялась с банки. Находившийся на борту Н. Я. Болотников заметил на берегу острова Большой Бегичев веху с привязанным к ней пакетом. Как потом выяснилось, в нем был планшет глубин, измеренных на подходах к бухте Нордвик гидрографическим судном «Пионер», которое в это время, спасаясь от шторма, укрылось в бухте Кожевникова.

Второй штурман С. А. Рогачевский предложил спустить шлюпку и осмотреть веху. Однако капитан Х. А. Балицкий уже запросил по радио разрешение разгрузиться в бухте Марии Прончишевой. В этой бухте «Правда» опять прочно села на мель. Снятая удалось лишь после того, как за борт были выброшены некоторые грузы и на помощь пришел ледокольный пароход «В. Русанов». Пролит Вилькицкого прочно забило льдом, и «Правда» с лесовозами первой Ленской экспедиции, пришлось встать на зимовку у острова Самуила.

Болотникова назначили заместителем начальника Лено-Таймырского района Северного морского пути. Следующим летом, когда пароход «Правда» наконец разгрузился на Нордвике, Болотников санным путем проехал через Хатангу, Волочанку, Дудинку, Игарку и направился в Москву. В память навигаций 1933 и 1934 гг. на карте подходов к Хатангскому заливу остались названия: бухта Правда, пролив Пионер, банка Русанова. Спуска 46

лет к ним добавилась и банка Болотникова.

Арктика способствовала становлению Болотникова как журналиста. Во время зимовки на Таймыре он выступал в роли спецкора газеты «Вечерняя Москва» и журнала «Советская Арктика». Вернувшись в Москву, он организовал пресс-бюро при Главсевморпути.

Но стоило начальнику треста «Нордвикстрой» Б. В. Лаврову в 1936 г. предложить Н. Я. Болотникову вернуться в Арктику, как он сразу же согласился. На этот раз он ехал начальником подсобных предприятий треста. И снова тяжелая навигация спутала все планы. Сам Болотников в качестве начальника рейса дальневосточного парохода «Смоленск» благополучно доставил людей и грузы в Нордвик, но другие суда не прошли. Работу пришлось перестраивать на ходу. Лавров назначил Болотникова начальником полярной станции Нордвик, а после своего отлета в Москву—начальником центральной базы «Нордвикстроя» в бухте Кожевникова.

...Великая Отечественная война застала Никиту Яковлевича в Москве, в Главсевморпути, где он собирал материалы по истории Северного морского пути. В первый же военный день он подал заявление о зачислении его в ряды народного ополчения. Воевал на Карельском фронте, под Сталинградом, в июле 1942 года стал корреспондентом боевого отдела армейской газеты 60-й армии, с которой прошел фронтowymi дорогами от Воронежа до Праги. На Курской дуге, в промежутке между боями, его приняли в партию.

В послевоенные годы Болотников работал в газете «Красный флот», в журнале «Советский моряк», в «Литературной

газете». До последних дней жизни он оставался членом редсовета издательства «Мысль».

Долгие годы он был составителем ежегодника «На суше и на море», а затем выступил инициатором нового периодического издания—сборника «Полярный круг». К сожалению, составленный им второй выпуск этого сборника вышел в свет с некрологом, посвященным памяти Н. Я. Болотникова.

С Арктикой Н. Я. Болотников не оставался мысленно до конца своих дней. Неоднократно он выбирался на свой Таймыр: то в качестве корреспондента «Комсомольской правды», то по командировке ЦК ВЛКСМ, то по приглашению на празднование 350-летия Хатанги—в качестве почетного гостя. В последние годы жизни его не раз подводило здоровье. Он переезжал из больниц в санатории, потом снова в больницы. Но везде продолжал постоянно работать. В промежутках выступал с докладами в Географическом обществе, реализовывал свои издательские дела.

Очень переживал он за «свое» название на Таймыре—мыс НАТИ. В 1934 г. Н. Н. Урванцев, совершая вокруг полуострова Челюскин пробег на вездеходах НАТИ (Научно-автотракторного института), так назвал мыс по просьбе Болотникова. Немногие знали, что Никита Яковлевич при этом подразумевал начальные слоги имен своих дочерей-двойняшек Натальи и Татьяны. Заметим, кстати, что обе они теперь ученые: первая—геолог, вторая—физик.

Н. Я. Болотников не мог писать о том, чего не видел, чего не любил. А любил он Арктику, Таймыр...

Сергей Попов

Водопад, открытый лесниками

Группа специалистов лесного дела искала в сельве северовосточной части Аргентины участки с деревьями ценных пород. Места для будущих вырубок они обозначили на карте. Одновременно они нанесли на географические карты и неизвестный до сих пор науке большой водопад. Высота его немалая—103 м. Прибывшие сюда ученые обнаружили и реку, которая образует этот красивый и шумный водопад.

СКАЗОЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ ДУБРОВНИКА

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

Было начало ноября, накануне целый день лил дождь, и казалось, что осень по-настоящему пришла на адриатическое побережье Югославии. Радио сообщило, что в Белграде и Сараеве выпал снег. Но сегодня утром небо совершенно очистилось от туч, воздух стал прозрачным, а солнечное сияние пронзительным, как в июле. Дорога была довольно однообразна, но вдруг за поворотом открылась очаровательная панорама бирюзового моря, простирающегося до горизонта, а внизу, под горным обрывом. внимание привлек сплошь застроенный домами и окаймленный крепостными стенами полуостров. То был один из самых прекрасных городов Адриатики, о котором великий Бернард Шоу сказал: «Если есть рай на Земле, то это Дубровник».

...Наша машина спустилась с горы, подошла к порту, миновала оживленную центральную улицу и остановилась близ крепостной стены старого Дубровника. Когда-то там перед воротами был подъемный мост через ров, наполненный водой. Теперь, чтобы пройти в западные ворота города, достаточно миновать каменный мостик через засыпанный ров. И сразу, как в сказке, переносишься на 400—500 лет назад.

Впереди — главная уллица Страдун, которая пересекает весь старый Дубровник от его западных ворот до восточных. Она застроена трехэтажными домами из серовато-белого камня. На первых этажах расположены небольшие магазины с полукруглыми проемами дверей. На окнах верхних этажей—деревянные ставни с прорезями. Вся улица вымощена отшлифованными белыми каменными плитами, они блестят и искрятся в лучах солнца. Когда стоишь в начале Страду на у западного форта—ворот Пиле, то отчетливо виден противоположный конец этой недлинной улицы с силуэтом часовой башни на фоне неба. От Страдуна отходят влево вверх 14 параллельных очень крутых переулков-ущелий, доходящих до городской стены-крепости.

Я свернул на одну из этих крутых узких улочек. Ширина каждой примерно полтора метра. Если встречаются два пешехода, то одному из них надо посторониться, чтобы мог пройти другой. Взбираться приходится по высоким каменным ступеням, занимающим все узкое пространство между рядами двух- или трехэтажных домов. Здания из светло-серого камня тесно прижаты друг к другу, здесь ценился каждый дюйм территории; фасады их узкие, трудно порой понять, где кончается один дом и начинается другой. Нигде ни палисадника, ни газона, ни просто одиночного деревца, лишь на балкочниках видны яркие пятна цветов в горшках, заменяющих здесь людям зеленые палисадники. На стенах некоторых домов сохранились гербы их некогда состоятельных владельцев, кое-где к стенам прикреплены фонарики. Все крыши из красной черепицы, на уровне второго этажа часто развевается белье для просушки.

Пожилым людям нелегко взбираться по крутым ступеням. Вот идет женщина с полной корзиной, по дороге она несколько раз останавливается перевести дыхание. Прохожие встречаются очень редко. Не спеша поднимается почтальон, стучит в окошко и, передавая письмо, громко перебрасывается одной-двумя фразами с жильцами—наверняка он знаком с каждым из них. Прошла монахиня в черной одежде и с белой накидкой на голове. В одном из окон вижу мужчину-пекаря, раскатывающего на доске тесто; вероятно, испеченные им пирожки пойдут на продажу в одно из маленьких кафе на Страдуне. В далеком прошлом каждую улицу заселяли ремесленники той или иной

специальности. Об этом напоминают таблички с названиями на угловых домах: Золотая, где жили ювелиры, Кузнечная и др. С трудом поднялся я на самый верх и оказался у городской стены.

Еще в XIV—XV вв. весь город был опоясан стенами шириной 4—5 м с 14 башнями и двумя фортами. Благодаря мощным укреплениям Дубровнику на протяжении нескольких веков удавалось сохранять относительную независимость. С XIII по XVII в. существовала Дубровницкая республика, территория которой помимо города охватывала узкую полосу Далматинского побережья. Торговый флот ее соперничал с венецианским.

В XV—XVII вв. Дубровницкая республика была важнейшим культурным центром на Балканах, ее столицу в те времена даже называли образно «славянскими Афинами». Там возникла богатая дубровницкая литература, сначала на латинском, а с середины XVI в.—на хорватском языке. Значительного расцвета достигла архитектура, на которую большое влияние оказали итальянские зодчие. Однако мотивы венецианского Ренессанса с элементами готики были творчески переработаны талантливыми славянскими архитекторами и приобрели самобытный характер. Дворцы, церкви, монастыри Дубровника построены в XIV—XVI вв. именно в этом характерном для Далматинского побережья стиле. Ренессансный облик имеют и небольшие площади с фонтанами и статуями, внутренние дворы с аркадами и галереями.

Городские укрепления, улицы и площади, жилые и общественные здания образуют целостный гармоничный ансамбль. Стиль архитектуры в сочетании с лазурным морем придает Дубровнику поразительное сходство с итальянскими городами эпохи Возрождения. Старый Дубровник охраняется государством как заповедник.

Все улицы города приводят на Страдун. И вот я снова на этом солнечном проспекте из белого камня, на его восточном, несколько расширенном участке, замыкаемом несколькими величественными зданиями. Слева—изящный трехэтажный дворец Дивоны. Первый этаж его окаймляет галерея с колоннами и полукруглыми арками; над ней, на крыше-площадке, в эпоху расцвета Дубровника разыгрывались спектакли-мистерии. Ставятся они и теперь на площадях под открытым небом, где дворцы служат красочными декорациями. Это бывает во время устраиваемого здесь ежегодно в конце лета театрално-музыкального фестиваля. На него съезжаются десятки тысяч иностранных туристов. Принимают в нем участие и советские мастера искусств. Рядом с Дивоной расположен Княжев двор—бывшая резиденция правителя Дубровницкой республики, построенный в XV в. Теперь здесь картинная галерея, городская библиотека и Институт охраны памятников старины.

Перед дворцами на небольшой площади возвышается колонна Орlando, на флагштоке которой в XV в. развевался флаг республики. В нише колонны—статуя Орlando—военного стража города в рыцарской одежде. Здесь когда-то провозглашались указы сената. Теперь же у подножия колонны сидят усталые туристы и кормят голубей.

Между Княжевым двором и Дивоной, около звонницы—четырёхугольной башни с курантами, находится так называемые Рыбарские ворота, ведущие к старой городской гавани. Там на небольшой набережной стоит кафана (кофейня) с изящной аркой. Оттуда открывается прекрасный вид на изумрудную бухту с причаленными лодками. Слева вдаль—курортный пригород Дубровника—Плоче. справа выступают далеко в море стены бывшего форта, а теперь Музея живой природы Адриатики с многочисленными аквариумами, где плавают самые удивительные морские существа.

...С некоторым сожалением покидаешь город-сказку и, миновав юродские порога, сразу возвращаешься в привычный XX век.

Дмитрий Костинский

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ПЕЩЕР

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

Попад впервые под землю, я никак не мог предположить, что это случайное посещение подмосковных каменоломен положит начало большому увлечению на многие годы.

Обычно в субботу или в воскресенье мы отправлялись то в одни, то в другие каменоломни. Это были поездки, интерес к которым поддерживался только вопросом: «А что там, за очередным поворотом штрека или узкого лаза?» Но именно здесь и произошла встреча с человеком, который потом пробудил во мне интерес к подземному миру. А сначала все было просто: у меня случайно оказалась нужная для спуска в пещеры капроновая веревка, а он с группой ребят-спелеологов собирался в Горный Крым, и им нужно было снаряжение. Вот тут-то и пригодилась моя веревка, а заодно и я получил предложение заняться этим «серьезным делом».

Сборы, дорога — на поезде и автобусе — все это было уже знакомо и пока шло как в обычном походе. Только за плечами у каждого приличные по весу рюкзаки, в которых кроме походного снаряжения — палаток, продуктов — множество довольно специфического снаряжения: веревки, крючья, карабины, лестницы, изрядный запас электрических батареек и свечей. Все это венчает каска с налобным фонарем, как у шахтеров. С большим трудом поднимаемся по каменистой дороге, которая ведет из поселка Генеральское, расположенного у подножия гор на плато Караби. Но вот позади последние метры тяжелого восхождения, и взору открывается поистине лунный пейзаж — глубокие воронки, разделенные каменными грядями. Это карстовый массив Караби-Яйла.

Первые спуски были, как это потом выяснилось, в довольно простые пещеры. Но они были первыми, а потому запомнились надолго.

Пещера Тиссовая, первая пещера, куда мы спускаемся, начинается щелью, переходящей в колодец. Колодец неглубокий, предупредили меня, где-то около сорока метров. Навешено снаряжение, и спелеолог, страхующий меня, бросает коротко: «Пошел!» Перелезаю через каменный уступ и повисаю над черной бездной. Веревки натянута как струны. Но боязни нет: страхуют опытные спелеологи, уже не первый раз совершающие подобные «трюки». Медленно иду вниз, глаза начинают постепенно привыкать к темноте. В желтом пятне от налобного фонаря начинаю различать уходящие вверх стены колодца. Спуск прошел благополучно, и, когда входное отверстие скрылось за изгибом колодца, начинаю понимать, что такое «абсолютная темнота». Остаюсь один-на-один с пещерой в мире вечного мрака и тишины. Колодец пещеры Тиссовая заканчивается небольшим залом, но мне, человеку, впервые попавшему в естественную пещеру, он кажется фантастически огромным. Неужели вода смогла растворить так много известняка?! Да, теперь я своими глазами вижу результат разрушающего действия воды. Но на этом мое удивление не заканчивается. Небольшой подъем по наклонной стене, и мы попадаем в другой зал пещеры. В центре — чудо подземного мира — белый сталагмит! Оказывается, вода не только растворяет породу, но и создает удивительные творения: сталактиты, сталагмиты, каменные занавеси, гелектиты и другие натечные образования. Все это разнообразно по форме и по цвету. Не перестаешь удивляться фантазии природы!

Незаметно пролетает несколько часов, проведенных под землей, и надо возвращаться на поверхность. Звучит команда, разрешающая подъем, и становится немного жалко расставаться с этим удивительным, волшебным, но в то же время враждебным миром. Так, совершенно случайно, мне удалось познакомиться с огромным и малоисследованным подземным миром.

Было начало, и было продолжение. Я поступил в школу спелеологов, где под руководством опытных инструкторов проходят подготовку будущие исследователи пещер. Сначала реки пота были пролиты на тренировках, ведь для исследования подземных полостей спелеологу требуется хорошая физическая подготовка. И только потом остаются за спиной пройденные пещеры—большие и маленькие, красивые и суровые.

В одной из экспедиций на Кавказ, в тогда еще мало известную, а теперь открытую для посещения пещеру Новоафонскую, мне пришла в голову мысль: все то, что удастся увидеть довольно ограниченному кругу людей, можно сфотографировать и вынести на поверхность, не портя и не разрушая подземной красоты. Так я и решил сделать. В это время мы получили задание провести комплексные исследования в Новоафонской пещере, и в частности сфотографировать уровни подъема воды. Задача была не простая, так как размеры залов этой пещеры поистине огромны. Но помощь друзей-спелеологов во многом обеспечила качество подземной съемки, такого сложного и хлопотного дела. Эта пещера поражает человека, попавшего в нее. А тут же рядом, в небольшом Гелектитовом зале, изумительные по красоте натечные образования. И я без усталости, не замечая времени, снимаю, снимаю, снимаю... И как это чаще всего бывает, удачный снимок вызывает желание получить еще более интересный.

Как-то в составе группы ленинградских спелеологов удалось побывать в пещерах Пинего-Кулойского карстового района. Здесь, на Севере, в Архангельской области, нет мощных пластов карстующихся пород, а потому пещеры в основном горизонтальные, с длинными узкими ходами. Большую часть года они, как правило, заполнены водой, и поэтому экспедиции в них проводятся зимой, когда вода в основном замерзает. Наверху холодно, а под землей постоянная положительная температура. Это обстоятельство позволяет природе творить чудеса из кристаллов льда. На границе температур, в тиши вечного мрака, иногда близко от входа, иногда в глубине пещеры происходит образование великолепных по красоте и огромных по размерам кристаллов льда. В тех местах, где вода все же просачивается сквозь трещины, с потолка свисают ледяные занавеси, а на полу образуются ледяные столбики-сталагмиты, достигающие значительной величины. Порой эти ледяные образования такие прозрачные, что, если бы не блики на поверхностях, их трудно было бы заметить. Бело-голубые ледяные образования соперничают по красоте с гипсовыми цветами, которые встречаются в этих пещерах. Редко где можно увидеть такое совершенство форм.

Несколько раз мне удалось побывать в различных пещерах на юге нашей страны—в Средней Азии. Те, в которых имеются натечные образования, напоминают дворцы восточных правителей. Необыкновенных размеров гелектиты и тончайшие иглы кальцита, белоснежные резные колонны и пласты полосатого оникса. Всего не перечислишь и не опишешь словами—надо увидеть своими собственными глазами. А самое главное, что молчаливый и гениальный скульптор—Природа не повторяется в своих творениях. Можно часами любоваться на это великолепие застывшего камня. И каждый раз бывает грустно покидать пещеру. Но приходится мысленно успокаивать себя, что самые красивые и сложные пещеры еще впереди!

Владимир Арефьев

Проект «Человек и биосфера» на Кубе

На южном побережье Центральной Кубы находится далеко вдающийся в Карибское море полуостров Сапата. Значительная его часть — около 150 тыс. га — представляет собой заболоченную местность.

Это весьма своеобразный уголок субтропической природы. В болотах Сапаты встречается более 80% всех видов пернатых, населяющих Кубу, среди них — колибри, сапатский выюрок, большой фламинго, белогривый голубь, синекрылый чирок. Многие перелетные птицы используют этот полуостров в качестве временного пристанища.

Наиболее представительные из здешних позвоночных — крокодил кубинский, кубинская сухопутная игуана, крокодил американский, крупный грызун гутия кубинская и морская корова ламантин. Многие из них подлежат охране, как находящиеся под угрозой исчезновения.

Чрезвычайно характерны и растительные экосистемы этой области. Здесь встречаются растения, свойственные пресноводной и морской среде, маршам (солонатовым приморским болотам), мангровым лесам, низменным вечнозеленым и листопадным зарослям.

Многочисленные реки Сапаты (среди них наиболее крупные — Анабана и Атигуанико) медленно несут свои воды по пористому известняковому ложу в залив Броя. Туда же стекают подземные потоки. Западная часть болот Сапаты примыкает к заливу Батабано, играющему важную роль в качестве звена, связующего экосистемы суши и моря. Этот залив площадью более 20 тыс. км² имеет среднюю глубину около 6 м. Он представляет собой настоящий лабиринт шхер, утесов, многочисленных мелких и мельчайших островков, разделяющих акваторию на отдельные бассейны и препятствующих свободному водообмену как между ними, так и с открытым морем. Здесь находится богатое скопление рыбы; 80% омаров Кубы вылавливается в этом заливе.

С гидрологической точки зрения область Сапата важна тем, что она регулирует количество и качество влаги в водоносном слое всей провинции Матансас, где расположены крупнейшие цитрусовые плантации, а также плантации сахарного тростника и риса. Обширные болота влияют на климат всего примыкающего района.

Здесь был введен полный запрет на все виды охоты и создано два заповедника: Ла-Салина (38 тыс. га) и Санто-Томас (14 тыс. га). Организован центр по разведению, изучению и охране крокодилов. Проводятся лекции среди местного населения с целью разъяснения ценности флоры и фауны Сапаты и необходимости их сохранения.

В результате сотрудничества между Академией наук Кубы и Венгерской Академией наук разработан план совместных экологических исследований, рассчитанных на 1981—1985 гг. Он является частью международной программы «Человек и биосфера», осуществляемой под эгидой ЮНЕСКО. Его основная цель — экологическая оценка влияния применения пестицидов и удобрений на экосистемы вод и суши.

20 лет назад это был редконаселенный район, жители которого существовали главным образом за счет выжигания древесного угля. Бурное развитие цитрусоводства, рисосеяния и возделывания сахарного тростника, строительство сахарных заводов, рост потребления воды привели к существенным изменениям среды.

Изучение последствий таких изменений проводят ныне научные коллективы Академии наук Кубы, ее министерств сельского хозяйства, строительства (ответственного за гидрологические аспекты), здравоохранения, высшего образования, а также представители властей провинции Матансас. Координирует работу Кубинский национальный комитет проекта «Человек и биосфера». Венгерская АН, обладающая большим опытом в исследовании процессов, связанных с загрязнением водных систем, направила на Кубу несколько своих крупных экспертов, которые также помогут обучению кубинских специалистов. Снабжаются новым оборудованием гидрологическая, метеорологическая, агрохимическая станции и пункт контроля за сельскохозяйственными вредителями. Предполагается создать специальную крупную станцию экологических исследований, на которую будут возложены комплексные, междисциплинарные работы по изучению природных процессов и воздействия на них деятельности человека.

Слоны, их настоящее и будущее

Слоны встречаются на территории 34 африканских государств южнее Сахары; общий ареал их составляет более 7 млн. км². Перепись этих крупнейших на Земле сухопутных животных, проведенная между 1975 и 1980 гг., показала, что лишь в саваннах Восточной и Южной Африки их численность составляет около 600 тыс. В других районах, включающих экваториальные тропические леса, где была сделана лишь приблизительная оценка, живет от 500 тыс. до 3 млн. слонов. Таким образом, поголовье африканских слонов составляет по крайней мере 1,1 млн. особей.

Наибольшее количество слонов—около 400 тыс.—населяет Заир; в Танзании их число превышает 200 тыс.; в Замбии—свыше 160 тыс.; в Судане—более 130 тыс. Довольно точные подсчеты, выполненные в Кении, Зимбабве и Ботсване, показали, что численность животных в этих странах составляет соответственно 65, 47 и 20 тыс. голов. Можно полагать, что их количество в Мозамбике близко к 55 тыс., в Центральноафриканской Республике—около 31 тыс., а в Сомали—около 25 тыс.

Эти цифры могут показаться успокаивающими, если не обратить внимания на неизменную тенденцию к их снижению почти во всех странах.

Уничтожению слонов способствует высокая цена слоновой кости. Браконьеры ежегодно убивают от 100 до 400 тыс. животных. Самые крупные покупатели слоновой кости—Гонконг и Япония, приобретающие около 83% всего африканского экспорта такого товара. В 1976 г. общее число импортированных из Африки слоновых бивней превышало 100 тыс.; суммарная их масса приближалась к 1 тыс. т. Постепенно снижаясь, к 1980 г. количество вывезенных бивней уменьшилось до 70 тыс. при общей массе около 680 т. Оценка показывает, что для получения такого количества бивней было убито от 54 тыс. (в 1976 г.) до 37 тыс. (в 1980 г.) животных.

Самые тяжелые потери понесла популяция слонов в Уганде, где Национальный парк Кабалега-Фолс (быв. Мёрчисон-Фолс) был одно время открыт для свободной охоты. Это привело к потере 90% популяции.

Однако помимо браконьерства существенную роль играют и другие факторы. По мнению специалистов, ареал распро-

охранения слонов в Африке с 1950 г. уменьшается ежегодно на 2%, уступая земли пахоте и выпасам, используемым для сельскохозяйственных нужд растущего населения. Это является причиной 20%-ного уменьшения численности слонов за последние 30 лет. Если такой процесс продолжится, его следствием будет снижение поголовья по меньшей мере на 20 тыс. ежегодно.

В Руанде последние слоны саванн были перебиты в 1975 г. по распоряжению властей, мотивированному тем, что в перенаселенной стране нет места для их обитания. В Кении широкое развитие индустрии туризма, строительство дорог и отелей привели к существенному сокращению области обитания слонов. Вместе с браконьерством и жестокой засухой, продолжавшейся с 1970 по 1977 г., это вызвало потерю более половины популяции.

Международные природоохранные организации призывают власти африканских стран принять более действенные меры, которые повлекли бы за собой повсеместную приостановку падения численности слонов. Национальные парки, заповедники, резерваты должны получить лучшую охрану от браконьеров и более квалифицированный персонал. Расширение сельскохозяйственных площадей во многих случаях может быть осуществлено без ущерба для местных популяций слона. Странам—импортерам слоновой кости (в первую очередь КНР, Гонконг и Япония), присоединившимся к Конвенции о международной торговле представителями фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, следует принять эффективные меры для контроля за поступлением этого товара только по законным каналам.

Упорядоченная торговля бивнями и мясом слонов может играть немалую роль в экономике развивающихся государств. Еще большую выгоду им сулит массовый туризм, стимулируемый в немалой степени желанием иностранцев увидеть в природных условиях величайшее в мире сухопутное животное. Наконец, следует учитывать и ту роль, которую образ слона играет во многих национальных культурах, обычаях и религиях африканских народов. Все это делает его сохранение задачей международного масштаба.

Носорог нуждается в охране

На состоявшейся в национальном парке Панки (Зимбабве) международной конференции зоологов, экологов и специалистов по охране природной среды были высказаны серьезные опасения за дальнейшую судьбу африканского носорога. Одна его разновидность—северный белый носорог (*Ceratotherium si mum cottoni*)—насчитывает ныне менее 700 особей, населяющих Национальный парк Гарамба (Заир) и районы Южного Судана, где чрезвычайно распространено браконьерство.

Главная добыча браконьеров—рог этого животного, в отношении которого в ряде африканских и азиатских стран распространено ошибочное мнение, что порошок из него якобы может служить сильным биостимулирующим средством, лекарством от лихорадки и простуды. Кроме того, в некоторых арабских странах существует традиция украшать холодное оружие рогом носорога.

Судьба другой разновидности—черного носорога (*Diceros bicornis*)—представляется более обнадеживающей. Его общая численность достигает 10—15 тыс. голов. Однако почти во всех 18 странах Африки, где он еще встречается, браконьерство также процветает. Только южный белый носорог (*Ceratotherium simum simum*), по-видимому, может быть

вне опасности. В начале нашего века он, правда, считался вымершим. Однако затем в провинции Наталь (Южная Африка) было обнаружено несколько особей этого животного. Тщательная их охрана и запрет использования земель, где они встречаются, позволили довести поголовье таких носорогов почти до 3 тыс. (2500 в Южной Африке и 300 в соседних странах). Более 600 из них находится в различных зоопарках мира.

По мнению руководителей Всемирного фонда охраны природы и Международного союза охраны природы и природных ресурсов, развивающимся странам должна быть немедленно оказана помощь в охране одного из редчайших на Земле животных. Необходима разъяснительная работа среди населения некоторых азиатских стран о том, что рог носорога не является медицинским средством.

Индийская антарктическая экспедиция

В январе 1982 г. на индоокеанском побережье Антарктиды состоялась высадка первой Индийской антарктической экспедиции. Она организована новосозданным Управлением по использованию океана, подчиненным непосредственно премьер-министру страны.

Подготовка экспедиции началась в июле 1981 г. Консультативную помощь в этом новом для Индии деле по ее просьбе оказал Норвежский институт полярных исследований в Осло. В работах приняло участие зафрахтованное в Норвегии специальное судно «Поларсиркель».

Находясь на Ледовом континенте, индийские ученые провели цикл гляциологических наблюдений, включая взятие проб льда, изучали образование водных потоков, поступающих с ледников в воды, омывающие Антарктиду, выполнили сезонные метеорологические и аэрологические работы. Были произведены исследования в области геомагнетизма и аэрномии (в том числе эксперименты по изучению ионосферы и распространения радиоволн низкой и высокой частоты), а также геологические наблюдения.

Существенной частью работ был сбор метеорологических и океанологических данных в зоне антарктической конвергенции, так как происходящие здесь процессы крупномасштабного взаимодействия океана и атмосферы, как известно, играют большую роль в формировании муссонов, от которых в значительной мере зависит экономика Индийского субконтинента.

В южных водах Индийского океана экспедиция выполнила попутные океанологические исследования (изучение органических и неорганических ресурсов моря) и метеорологические наблюдения.

Покидая Антарктиду, индийские ученые оставили на ее берегах снабженное солнечными батареями автоматическое метеорологическое оборудование. Предполагается создать в будущем постоянно действующую индийскую южнополярную станцию. Обсуждается вопрос о возможном присоединении Индии к Международному антарктическому договору. До сих пор ни одно из развивающихся государств к этому договору еще не присоединялось.

Одновременно отмечается расширение интереса Индии к изучению и использованию Мирового океана, в том числе к возможности добычи полезных ископаемых его ложа. Индийский национальный океанографический институт недавно провел экспедицию, в ходе которой образцы металлических конкреций были подняты с глубины, достигающей 5000 м.

Открыта хищная плесень

Биолог Дейвид Уоддел из Принстонского университета (штат Нью-Джерси, США) вел поиски нечувствительных к свету видов плесени, которые предположительно могли существовать в условиях влажных пещер. Работая в пещере Бланчард-Спрингс (штат Арканзас), он случайно обнаружил неизвестный вид плесени—диктиостелиум кавеатум, отличающийся тем, что он ведет хищнический образ жизни.

Обычные слизневые виды плесени состоят из амёб, питающихся бактериями. Если запасы пищи иссякают, этот организм коагулирует и образует шарообразную колонию. Такая колония может перемещаться к новому источнику бактерий, где она образует плодоносящее тело, выпускающее из себя споры, после чего жизненный цикл повторяется.

А живущая на гуано—отложениях помета летучих мышей—в пещере Бланчард-Спрингс плесень диктиостелиум кавеата ведет себя иначе. Когда ее амёбы смешиваются с любыми другими, последние подвергаются обволакиванию и исчезают, будучи поглощенными первыми. Появляющиеся затем споры принадлежат исключительно виду диктиостелиум кавеата. Число особей новооткрытой хищницы превышает в 10 тыс. раз число их жертв.

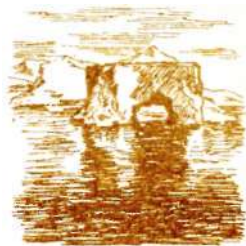
Полярные шапки сокращаются, уровень океана растёт

Согласно данным американских геофизиков Р. Эткинса и Э. Эпстайна, начиная с 1940 г. уровень Мирового океана неуклонно повышается со средней скоростью немногим более 0,25 см/год. За весь этот период поверхность океана поднялась примерно на 12 см. Это втрое большая величина по сравнению с периодом между 1890 и 1940 гг.

Оценки показывают, что за последние 40 лет растаяло более 40 тыс. км³ льда, образующего полярные шапки Земли, главным образом, по-видимому, в Антарктиде. Распространение столь значительной массы, ранее сосредоточенной в высоких широтах, по поверхности всего Мирового океана должно вызвать замедление вращения Земли, которое может привести к удлинению продолжительности суток примерно на **0,001** с. Это составляет около трех четвертей реально наблюдаемого астрометристами роста длительности суток за последние 40 лет.

Повышение уровня океана до 1940 г. может быть соотносено с происходившим тогда глобальным потеплением климата, однако э последовавшие годы средние температуры в масштабе планеты понижались. Это заставляет видеть основную причину дальнейшего подъема уровня океана в росте стока полярных ледников в море и таяния льда там. Тающий лед поглощает тепловую энергию системы «океан—атмосфера» и существенно сокращает повышение температуры на поверхности, которое в противном случае могло бы происходить.

Применение новой методики определения баланса масс полярных льдов при помощи спутниковой альтиметрии позволит точнее определять масштаб идущего процесса, что в сопоставлении с данными о динамике уровня Мирового океана, температурах его поверхности и скорости вращения Земли даст возможность проверить эти выводы.

КОРОТКО О РАЗНОМ

Кюстендильские пирамиды

В Болгарии много туристских достопримечательностей. К ним относятся и пирамиды, возвышающиеся близ села Стоб в Кюстендильском округе. Они действительно несколько похожи на египетские, но значительно меньше их—до 10 м в высоту. Жителя села дали некоторым пирамидам собственные имена: Турецкая Башня, Шапка Пастуха, Сват. Эти конусы, имеющие желтый и коричневый цвет, возведены не руками человека. Их форма объясняется свойствами местной каменистой почвы, вековой работой дождей и ветров. Словом, это следы эрозии. Район пирамид объявлен заповедником. Однако по совету болгарских специалистов на подобных же участках почвы вокруг пирамид теперь заблаговременно высаживаются деревья, чтобы процессы эрозии не распространялись дальше.

Гибель норвежских озер

«Если дело и дальше так пойдет,—заявил норвежский эколог Рихард Датт,—то через 20 лет у нас в озерах исчезнет последняя рыба». Уже сейчас в озерах Норвегии погибло более половины рыбы, а особо чувствительные пресноводные креветки и улитки вымерли полиостью. Из-за того, что в водоемах уменьшилось количество водорослей, 4 тыс. озер оказались мертвыми. Главная причина—индустриальные дымы, приносимые вместе с ветрами из Англии и ФРГ. Вместе с ними на каждый квадратный метр водной поверхности ежегодно выпадает до 3 г серы. Кроме того, сера попадает в озера вместе с тальми водами. Там она превращается в сернистую кислоту, которая вступает в ионообменные процессы с растворенными в воде минералами и образует целую гамму токсичных веществ.

Город, найденный под ножом бульдозера

Строительная машина, перемешавшая песок на сооружении шоссе в северной части Алжира, натолкнулась на массивную мраморную колонну. Затем под слоем грунта были обнаружены саркофаги с фигурами грифонов и воинов. На некоторых из них оказались надписи на латинском языке. Так был открыт римский некрополь II в. н. э. Прибывшие на место археологи собрали богатую коллекцию керамических сосудов, монет с профилями римских императоров, бронзового оружия и украшений. За некрополем вскрыты фундаменты города— крупного периферийного центра Римской империи, упоминавшегося в античных рукописях. Раскопки, от которых ожидают много интересного, продлятся несколько лет.

Одна из тайн Иссык-Куля

В 1869 г. военному губернатору Семиреченской области Г. Колпаковскому у северного берега Иссык-Куля показали место, где под водой были видны какие-то таинственные развалины. Губернатор оказался любознательным и внимательно рассмотрел обломки камней, собрал монеты, осколки посуды. Он понял, что тут явные следы большого древнего поселения, и поместил об этом краткую заметку в «Известиях

Русского географического общества». Затем он пытался организовать обследование дна озера с помощью водолазов, но из этого тогда ничего не вышло.

Работа подводных археологов на Иссик-Куле началась в 1959 г. Исследования показали, что в VIII в. н. э. тут возник большой восточный город, центр торговых путей. По керамике и монетам установили, что просуществовал он около 800 лет, а потом из-за опускания суши ушел на дно озера. Вода многое размыла, но специалисты смогли нанести на карту контуры этого города, отметить наиболее важные археологические объекты.

Десять тысяч карт

16 километров—такова общая длина полков в Городском архиве Праги. Там хранятся 10 тыс. карт и планов города, сотни городских и домовых книг. Самый старый план города относится к 1267 г., а самая старая городская книга с перечислением улиц, кварталов, домов и их хозяев—к 1310 г. В архиве собраны различные документы, грамоты, постановления, относящиеся к многовековой истории города. В особом отделе хранятся папки, где собрано 9 тыс. гравюр и 120 тыс. фотографий улиц, мостов, площадей и отдельных зданий Праги. Не случайно этот архив посещают не только ученые, но и кинематографисты, желающие достоверно отобразить дух той или иной эпохи.

Термальные точки на карте Венгрии

Под территорией Венгрии обнаружено несколько подземных бассейнов с горячей водой. После геологических изысканий составлена карта термальных вод. Она позволяет бурить новые скважины для практического использования дешевой энергии в непосредственной близости к городам и сельским поселкам. Карты показывают, что горячей водой можно обеспечить четвертую часть площади страны.

С 1983 г. в ВНР осуществляется программа активного сооружения «горячих колодцев»—скважин, дающих воду с температурой до 75° С для отопления жилых домов и нужд промышленных предприятий. Венгерские гидрологи определили, что значительная часть подземных вод самой природой минерализована так, что ее можно употреблять не только для подогрева теплиц, но и как жидкое удобрение почвы, на которой выращиваются овощи. Особенно хорошо на такую подкормку отзывается знаменитый венгерский красный перец—паприка.

Археология с птичьего полета

Венгерским археологам давно известны римские крепости по Дунаю. Их стены хорошо изучены. Но вот будапештские ученые произвели специальную аэрофотосъемку древних укреплений. Снимки, сделанные через разные фильтры, убедительно показали, что крепости были не отдельными узлами обороны на берегах Дуная, а элементами единой оборонительной системы. Они были связаны между собой насыпями, дорогами, сторожевыми башнями. Целая линия укреплений тянулась на сотни километров по северной границе римской провинции Паннония. Снимки помогли определить и места для новых раскопок—это две крепости, скрытые сейчас слоем грунта.

Водопад стал опасным

«Самым опасным в мире» назвали американцы Ниагарский водопад. В городах и поселках близ него у многих людей зафиксированы вспышки заболевания дыхательных путей. Причину нашли быстро. Знаменитый водопад рождает облака мелкой водяной пыли, которые разносятся по всей округе. Раньше этому явлению только радовались, ибо оно освежало воздух. А вот сейчас, когда река загрязнена отходами химических комбинатов, начались неприятности.

Крючки, рогадины, ферменты

Столь разнообразные экспонаты, да еще живых форелей, карпов и судаков можно увидеть в новом Музее истории рыболовства и рыбоводства в городе Писек (ЧССР). Экспозиция показывает развитие этих отраслей хозяйства с XII в. до наших дней.

Прежде всего взгляд посетителей останавливается на десяти огромных аквариумах. В них плавают мальки, привезенные в Чехословакию из СССР, Канады, Франции, Финляндии, ГДР, Вьетнама. Это демонстрация успехов акклиматизации рыб в искусственных водоемах и прудах республики. Графики показывают, насколько велики уловы теперь в рыбоводческих хозяйствах, какая большая помощь в этом деле оказывается рыбакам наукой. На одной из фотографий — пруд для разведения рыб, сооруженный 400 лет назад в Южной Чехии. Его площадь — 711 га. Сейчас в нем каждую осень отлавливают 270 т карпов. Посетители могут увидеть также крестьянские деревянные остроги и сети из современных полимеров, старинные крючки из кости и телескопические удилища из стеклопластика, верши из прутьев и образцы комбикормов с добавками ферментов, способствующих ускоренному росту мальков.

На карте озеро под навесом

Югославские альпинисты, тренировавшиеся на скалистых холмах Солупска-Глава, сделали неожиданное открытие. На дне глубокого провала, закрытого сверху каменным козырьком, они увидели огромную ледяную площадку. Спустившись на нее, спортсмены убедились, что здесь находится большое замерзшее озеро. Белградские географы считают, что этот водоем вполне достоин нанесения на карту как новое озеро, глубина которого в центре достигает 70 м.

Факты подобраны Германом Малиничевым

ПУТЕШЕСТВИЯ,

ПОИСК

- По местам великих свершений**
Владимир Марков.
БОГАТСТВО ДЛЯ ВСЕХ
 Очерк. Фото подобраны В. Марковым. Худ. В. Тимофеев
- Продовольственная программа— всенародное дело**
- 21 **Олег Л айне**
ЛЕНКОРАНЬ—ЖЕМЧУЖИНА АЗЕРБАЙДЖАНА
 Очерк. Цветные фото И. Виноградова, М. Редькина, А. Гаранина (на вклейке). Худ. В. Руденко
- 31 **Арнольд Пушкарь**
ПЛАТФОРМА
 Очерк. Цветные фото Ю. Муравина (на вклейке). Худ. В. Родин
- 53 **Юрий Чернов**
ТРОПА В ГАРАГАСИ
 Рассказ. Репродукции с рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая подобраны Н. Прониным. Худ. В. Руденко
- 72 **Альгимайтас Чекуолис**
СКОРО ВЕСНА...
 Рассказ. Перевод с литовского Виргилюса Челаитиса Худ. Б. Мокин
- 84 **Юрий Аракчеев**
В ЗАРОСЛЯХ ТРАВ У КРАСНОЙ РЕКИ
 Очерк. Цветные фото автора (на вклейке). Худ. Н. Сидорова
- 94 **Анатолий Мельников**
МОСТЫ ДЛЯ ЖИВУЩИХ
 Индийские впечатления. Фото автора. Худ. Ю. Гусев
- 109 **Борис Наконечный**
ТАЛАЯ ВОДА
 Рассказ. Худ. М. Худатов
- На далеких меридианах**
- 116 **Юрий Скворцов**
ПОД САМЫМ ЖАРКИМ СОЛНЦЕМ
 Очерк. Фото автора. Худ. Н. Сидорова
- 132 **Олег Дзюба**
НА МАЯКАХ КАМЧАТКИ
 Очерк. Фото автора. Худ. М. Худатов
- 144 **Майкл Моузли, Кэрол Маккей**
ЧАН-ЧАН—ДРЕВНИЙ ГОРОД ПЕРУАНСКИХ КОРОЛЕЙ
 Очерк. Сокращенный перевод с английского Аркадия Акимова. Фото из журнала «Нэшнл джиографик», февраль 1970 г. Худ. В. Родин

- 158 **На перекрестках путей
и эпох**
Ия Месхи
**НАША МАЛЕНЬКАЯ
НЕОБЪЯТНАЯ ГРУЗИЯ**
Очерк. Фото И. Тункеля.
Худ. В. Костин
- 173 **Михаил Заплатил**
ИХ ЗОВУТ ЛАСКОВО — С АЛИ
Очерк. Фото автора.
Худ. В. Тимофеев
- 189 **Валерия Шубина**
ОГОНЬ НА СТЕРНЕ
Очерк. Цветные фото Б. Нечаева.
Худ. В. Родин
- 196 **Людмила Данилова**
СТРАНА ЗОДЧИХ
Очерк. Фото подобраны автором.
Худ. В. Родин
- 210 **Бернгард Гржимек**
СРЕДИ ГЛЕТЧЕРОВ АЛЯСКИ
Очерк. Перевод с немецкого
Евгении Геевской. Фото автора.
Худ. В. Родин
- 218 **Мargarита Ковалева**
СВОЕ МЕСТО В ЛЕСУ
Заметки натуралиста.
Худ. В. Родин
- 227 **Валентин Рыбин**
СОТЫЙ АРХАР
Рассказ. Худ. М. Худатов
- 243 **Александр Еременко**
ЗАГАДКА ОСТРОВА ОУК
Повесть. Рис. М. Худатова
- 260 **Николай Красильников**
БЕРКУТ МЕРТЕНА-БОБО
Рассказ. Худ. М. Худатов
- 265 **Владимир Лебедев**
ПЯТЬ ДРАХМ
Очерк. Фото подобраны автором.
Худ. Ю. Гусев
- 277 **Олег Басов**
ХОЗЯЕВА ПЕСКОВ
Рассказ. Худ. А. Грашин
- 286 **Юрий Савицкий**
**КУСТО: «РЕКИ ПРОСЯТ
ЗАЩИТЫ»**
Очерк. Цветные фото автора
(на вклейке). Худ. В. Руденко
- 290 **Евгений Кондратьев**
ДРАКОВАНОВА КУЛИГА
Зарисовки Северодвинского края.
Худ. Б. Мокин
- 304 **Вадим Назаров**
**ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК
РОССИИ**
Очерк. Худ. В. Костин
- Наша «Красная книга»
- 317 **Александр Чегодаев**
**ПЕСТРЫЙ ЗВЕРЕК—
ХОРЬ-ПЕРЕВЯЗКА**
Очерк. Худ. А. Грашин
- По страницам забытых изданий
- 321 **Владимир Сурмило**
**ПЕРВЫЙ МОРСКОЙ ПОРТ Ч
РОССИИ (к 400-летию со дня
основания Архангельска)**
Фото из старых изданий
подобраны автором и пересняты
В. Киселевым. Худ. Ю. Гусев

ФАНТАСТИКА

- 333 **Владимир Бээкман**
БАМБУК
Фантастический рассказ. Перевод
с эстонского Веры Рубер.
Худ. Ю. Авакян
- 341 **Людмила Жукова**
КРЫЛЬЯ ДЕДАЛА
Фантастический рассказ.
Худ. Ю. Авакян
- 361 **Виталий Бабенко**
ДО СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА
Фантастическая юмореска.
Худ. Б. Мокин
- 374 **Александр Колпаков**
В СТРАНЕ ТУМАНА И ДОЖДЯ
Фантастический рассказ.
Худ. Ю. Авакян
- 391 **Дайна Чавиано**
МИРЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБЛЮ
Фантастическая повесть. Перевод
с испанского Аллы Борисовой.
Худ. И. Наржиный
- 409 **Александр Шалимов**
**ЗВЕЗДА КУБЫ ВЗОЙДЕТ В XX
ВЕКЕ**
Послесловие к повести Д. Чавиано

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

- 415 **Борис Коновалов**
ПРОРЫВ В ЦАРСТВО ПЛУТОНА
Худ. В. Руденко.
Фото автора
- Природные феномены
- 419 **Юрий Степанчук**
ЧЕЛОВЕК-РАДАР
Гипотеза.
Худ. Ю. Авакян
- 424 Тимур Айзатулин
**ГАЛАПАГОССКИЙ ФЕНОМЕН :
ОТКРЫТИЕ НОВОГО МИРА?**
Схемы автора.
Худ. Е. Родионова
- 430 **Владимир Алексеев,**
Евгений Полищук
ВУЛКАНИЗМ В КОСМОСЕ
Фото подобраны авторами.
Худ. Н. Хорйна
- 434 **Лев Бондарев**
«ЖИВЫЕ ПРИБОРЫ»
Худ. О. Чарнолусская
- 438 **П. Вернер Ланге**
МИФ СТАНОВИТСЯ БЫЛЮ
Главы из книги «Морские чудовища: легенды и факты»
Перевод с немецкого Ольги Харитоновой. Гравюры Л. Е. Мюллера из книги автора.
Худ. Е. Родионова
- 445 **Ким Лосев**
**ИНФОРМАЦИЯ—TERRA
INCOGNITA**
Худ. О. Чарнолусская
- 449 **Валентин Мершалов**
ОПЕРАЦИЯ «ЭДИНБУРГ»
Телефото Б. Соколова.
Фотохроника ТАСС.
Худ. О. Чарнолусская
- 453 **[Юрий Астафьев], Николай Васильев**
**ПО ЗАПОВЕДНИКАМ ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА**
Текст к фотоочерку
(см. вклейку).
Цветные фото Ю. Астафьева,
Н. Васильева, В. Рослякова,
Г. Шаульского, В. Коробкова,
Ю. Шибнева. Худ. Н. Хорйна
- 458 **Дмитрий Орешкин**
МОИ СКРОМНЫЕ КАМНИ
Фото подобраны автором.
Худ. О. Чарнолусская
- 463 **Сергей Попов**
БАНКА БОЛОТНИКОВА
ХУД- Н. Хорйна
- 465 **Дмитрий Костинский**
**СКАЗОЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ
ДУБРОВНИКА**
Текст к фотоочерку (см. вклейку).
Цветные фото В. Дорожинского
- 467 **Владимир Арефьев**
УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ПЕЩЕР
Текст к фотоочерку (см. вклейку).
Цветные фото автора
- 469 **Борис Силкин**
**ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ
ИНФОРМАЦИЯ.** Худ. А. Жукова
- 474 **Герман Малиничев**
КОРОТКО О РАЗНОМ
Худ. А. Жукова
- Ростислав Воронов,**
Татьяна Голованова
ПЕРВОЦВЕТЫ
Фотоочерк (см. вклейку). Цветные фото Р. Воронова
- На вклейке:
цветные фото к очеркам О. Лайне,
А. Пушкаря, Ю. Аракчеева,
В. Шубиной. Ю. Савицкого,
Ю. Астафьева, Н. Васильева,
Д. Костинского, З. Арефьева,
Р. Воронова. Т. Головановой

Н12 На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи/
Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.—М.: Мысль, 1984.—479 с,
ил., 8 л. ил., карт.
В пер.: 3 р. 30 к.

24-й выпуск научно-художественного географического сборника «На суше и на море» открывается очерками о богатствах недр нашей страны и их рациональном использовании и о плодородном районе Азербайджана—Ленкорани, вносящем достойный вклад в осуществление Продовольственной программы СССР. В сборник включены также повести, рассказы и очерки о настоящем и прошлом, о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях, фантастические рассказы. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи, краткая информация по различным отраслям наук о Земле и о многообразных явлениях природы. Книга рассчитана на самые широкие круги читателей.

1905020000-104
Н—————173-84
004(01)-84

ББК 84
С61

На суше
и на море
Научно-художественный
географический сборник

И Б № 2429

Заведующий редакцией
А. П. Воронин

Редакторы
Н. Н. Провайи,
Т. Д. Изотова, Ю. П. Митяева

Младший редактор
О. Ю. Галеновач

Редактор карт
О. В. Трифонова

Художественный редактор
А. И. Ольдеябургер

Технический редактор
Л. И. Гришина

Корректор
Т. М. Шчкленко

Сдано в набор 24.11.83. Подписано; в печать
19.05.84. А09990. Формат 60х90'/.. Бумага
офсетная, № 1. Гарн. «гайме». Офсетная пе-
чать. Усл. печатных листов 31 с вкл. Усл.
кр.-отг. 64,5. Учетно-издательских листов 39,25
с вкл. Тираж 185 000 (1-ый завод 1 — 30 000) экз.
Заказ X» 2434. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Тру-
дового Красного Знамени Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и
книжкой торговли. 113054. Москва, Валуевая, 28.

